

Генеральный спонсор издания

Владислав Золотарёв, Москва, 1974 г.

ВЛАДИСЛАВ ЗОЛОТАРЁВ

**ДНЕВНИКИ. ПИСЬМА.
ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО**

Москва
«Пробел-2000»
2021

УДК 821.161.1-1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-5
В57

*Автор проекта –
народный артист России, профессор С.Ф. Лукин*

Рецензенты:

Заслуженный деятель искусств РФ, профессор РАМ им. Гнесиных – *Б.М. Егоров*

Заслуженный артист РСФСР, профессор, декан факультета народных инструментов, заведующий кафедрой баяна и аккордеона С.-Петербургской государственной консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова – *О.М. Шаров*

Заслуженный деятель искусств РФ, заслуженный артист Карелии, профессор, заведующий кафедрой народных инструментов Петрозаводской государственной консерватории им. А.К. Глазунова – *В.А. Соловьёв*

Заслуженный артист России, профессор Сибирского государственного института искусств им. Д. Хворостовского – *С.Ф. Найко*

Владислав Золотарёв : Дневники, письма, литературное творчество / Сост. И. Бокаев ; Ред.-сост. В. Балык ; Под общ. ред. Ф. Липса. – М.: Пробел-2000, 2021. – 820 с. : ил.

ISBN 978-5-98604-820-8

Книга позволит не только погрузиться в мир одного из самых неординарных и противоречивых композиторов XX века, но и познакомиться с социокультурным срезом периода 1960–1970 годов. Золотарёв как бы вообрал в себя типичные черты этой эпохи – восторженность и амбициозность, и вместе с тем ощущение затерянности личности и невозможности полной самореализации, неудовлетворенность и даже неприятие действительности. Духовные искания приводят композитора к обращению к истории и религии. За свою короткую и насыщенную жизнь Золотарёв успел сделать очень много, и его главное дело – прорыв, революция в области музыки для баяна – принесит и будет приносить плоды многие десятилетия.

ISBN 978-5-98604-820-8

© «Пробел-2000», 2021
© Вл. Золотарёв, наследники, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Фридрих Липс

Явление Владислава 7

Владимир Балык

«Линия жизни» Вл. Золотарёва (от редактора-составителя) 21

ДНЕВНИКИ, ПИСЬМА, СТИХИ, РАЗМЫШЛЕНИЯ 26

1961 33

1962 77

1963 133

1964 169

1965 170

1966 175

1967 242

1968 249

1969 291

1970 302

1971 318

1972 356

1973 413

1974 543

1975 640

ИЗБРАННЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ РАБОТЫ И СТАТЬИ

Новые проблемы и старые истины 686

Родион Щедрин 689

Заметки о двух концертах для баяна 696

Диалоги о Шёнберге 704

CURRICULUM VITAE	722
СТИХОТВОРЕНИЯ	778
ЗАПИСКИ, РАЗМЫШЛЕНИЯ	796
Список произведений Вл. Золотарёва	806
Примечания	817
Персоналии редакторов и составителей	818

Фридрих Липс

ЯВЛЕНИЕ ВЛАДИСЛАВА

*Вероятно, я рано родился для этой эпохи...
или поздно... мне так трудно жить с этими людьми...
мы не понимаем друг друга, а Бах бы меня понял...
я целовал бы следы от его башмаков...*

Вл. Золотарёв

Данное издание представляет собой наиболее полное собрание дневниковых записей, эпистолярного наследия, философских размышлений, литературных набросков, которые помогут воссоздать интеллектуальный мир одной из самых талантливых, спорных, противоречивых, даже в чем-то загадочных и мистических фигур на отечественном музыкальном небосклоне второй половины XX столетия – Владислава Золотарёва.

Цитируя в немалом количестве фрагменты из Дневника, мне бы хотелось тем самым подчеркнуть его же словами основные особенности его необычной натуры, направить мысль читателя на воссоздание внутреннего мира, творческого облика Золотарёва, чтобы хотя бы в какой-то степени постараться понять масштаб и противоречивость этой личности со всеми достоинствами и недостатками.

В моей биографии Владислав сыграл важнейшую, быть может, судьбоносную роль. Мне всегда хотелось играть музыку настоящую, высокохудожественную, а репертуар баянистов в то время этим запросам не всегда соответствовал. Отсюда сформировалась потребность в поиске новых произведений классики и современной музыки вплоть до О. Мессиана – того, что раньше не звучало на баяне. И знакомство с Золотарёвым стало в моей жизни поворотным моментом. Отныне творческое содружество с ним, а впоследствии с ведущими композиторами России вывело баянный репертуар на совершенно новый качественный уровень. Но его роль оказалась судьбоносной и для всех баянистов, для баянного искусства в це-

лом. На своих лекциях и мастер-классах, когда речь заходит о Владиславе Золотарёве, я всегда подчеркиваю, что его творчество – очень важный рубеж между тем, что было написано до него и после. Именно он дал новый импульс, придал новое движение всей последующей музыке для баяна. «...Когда меня просят высказать мнение о роли Владислава Золотарёва и Софии Губайдулиной в истории баяна, я кратко формулирую ответ следующим образом: Золотарёв своим творчеством приподнял баян и вытолкнул его из сферы сугубо баянной музыки в мир камерно-академического искусства, а Губайдулина с высоты своего авторитета и положения приняла баян из рук Золотарёва и помогла ему обрести свое достойное место на высокой академической сцене»*.

Первый дневник, охватывающий период детства и отрочества, навеян романтикой, восторженным восприятием окружающего мира во всех его проявлениях. Здесь и первая, не совсем взаимная, любовь, которую пылкий юноша боготворит, и попытки философских размышлений, иногда наивных, о сущности бытия, и вместе с тем прослеживается четкая линия на освоение гигантских пластов музыки в гораздо большем объеме, нежели это дается на уроках в училище.

Когда-то я вывел формулу: Золотарёв родился раньше своего времени... или позже. Эта мысль нашла неожиданное подтверждение в его записях: *«Как я поздно родился!» (19 декабря 1961 г.); или: «Вероятно, я рано родился для этой эпохи... или поздно... мне так трудно жить с этими людьми... мы не понимаем друг друга, а Бах бы меня понял... я целовал бы следы от его башмаков...» (Curriculum vitae)*. Это своеобразное несоответствие нашему времени проявлялось во всём: от манеры строго одеваться, галантно вести себя до почти ежедневной переписки со своими адресатами, причем, его письма обстоятельны и носят часто свою, определенную эпистолярную ценность; от устаревшей уже в то время жажды ведения дневников, носящих исповедальный характер, до неожиданных философских выводов и обобщений. К этому можно добавить проявление его талантов не только в музыке, но и в литературе, философии, живописи, что в какой-то степени вызывает в нашем сознании параллели с фигурами

* См.: *Лунс Ф.* Кажется, это было вчера... – М.: Музыка, 2008. – С. 76–77.

из эпохи Возрождения. Но самое главное – стилистический размах в его творчестве простирается от романтизма и классицизма в ранних сочинениях до самых новейших достижений в области современной композиторской техники, что косвенно подтверждает мысль о его «вневременном» и до обидного коротком пребывании на Земле.

Страстное желание писать, сочинять, творить преследовало его постоянно: «...я научусь писать музыку! Я же очень хочу сочинять её! Очень! ...Буду работать днём и ночью, учиться; только труд! Труд делает гениальным! А я буду писать! Буду!» (4 июня 1962).

«Музыка! Музыка! Музыка! Везде эта божественная музыка! Даже во сне я слышу музыку. Она не даёт мне заниматься по специальности, она преследует меня даже за обедом, и, опять же, она всецело захватывает всего меня и мою, совсем не для меня созданную душу» (29 ноября 1962).

«Я хочу стать композитором широкого плана – и что сейчас пишут наши современные композиторы, это меня не увлекает. Я хочу чего-то большего, такого огромного, человеческого, без всякой сентиментальности» (14 ноября 1962).

Будучи баянистом, он никогда не разочаровывался в своем инструменте, более того, предсказывал баяну большое будущее и признание музыкантов-академистов: «Вы, скрипачи, не любите баян, но, ничего, скоро вы поймёте этот инструмент, поймёте всей своей душой. Моя музыка будет рассказывать людям будущего о нашем XX веке» (Уссурийск, 22 октября 1966).

При всём своем юношеском максимализме, иной раз даже бахвальстве Золотарёв прекрасно ощущал свои пробелы в общемузыкальном плане и не стеснялся признаваться в этом: «Бесспорно, всё дело в теоретической подготовке, которой у меня нет, а без теории писать музыку – это всё равно что безграмотному писать книгу» (9 сентября 1962).

Такое же признание мы встречаем в письме к Ю. Ястребову: Уссурийск, 8 декабря 1966 г.

«Самое уязвимое моё место (ахиллесова пята) – это совершенное незнание фортепиано, основ дирижирования и теория (сольфеджио, гармония, инструментовка – народного оркестра).

Нахватавшись вершушек, да каких вершушек! я профан (в полном смысле этого слова) в самых элементарных понятиях. Самое парадоксальное то, что я постигаю науки не с азов, углубляя и расширяя кругозор, а с «орлиных высот», где я «пытаюсь» парить, но ежеминутно заглядываю в «учебники» типа объяснения законов гравитации и аэродинамики. Что за натура, сам порой в непонятии.

(...) В настоящее время ни над чем не работаю. Охладел ко всему. Прочитал «Парадоксы» Дидро и «Философию искусства» Шеллинга. У первого, кстати, много позаимствовал Станиславский для своей работы. Почитываю Тургенева. Смешно читать его «умные оценки» композиторам и их детищам. Дилетант решил позабыться в своих письмах к Виардо и в некоторых статьях. Чуть ли не в каждой строке фигурирует Мейербер, словно и не существовало Берлиоза, Шумана, Шопена, Листа, Вагнера, Шуберта...

С удовольствием почитал Арагона. О Пикассо и Леже. О Горьком и Маяковском. Небезынтересная монография Томаса Манна о Вагнере».

Вероятно, в провинциальном училище Золотарёву не доставало общения с композитором-наставником, который мог бы направить фонтанирующий талант в нужное русло. Молодой автор пытается компенсировать свои пробелы прослушиванием и изучением шедевров классики, круг которых выходил далеко за рамки училищных требований: *«(...) слушал музыку и занимался по гармонии и музыке гениальных композиторов – Иоганна Себастьяна Баха! И Вольфганга Амадея Моцарта!» (27 сентября 1962).*

Золотарёв занимался самообразованием с упоением, пытаясь наверстать недостающие знания как в музыке, так и в литературе, философии. *«...четвёртый день льет дождь... грустно... дописал последние такты Поэмы для баяна и фортепиано... хорошо, что никто не мешает... вчера весь день провёл в читальном зале публичной библиотеки... изучал партитуры Вагнера и Шумана... тут же между делом написал статью о Вагнере к юбилею, а затем продолжил конспект по Диалектике Гегеля... угнетают мысли о смерти... интересно, сколько мне осталось ещё жить?... какую радость испытываю, когда вспоминаю, что так же листали книги, как и я,*

Фрескобальди, Мусоргский, Достоевский; так же, как и я, бродили в одиночестве по горам Бах, Гегель, Байрон... Музыка!... она не даёт мне покоя даже во сне... преследует всюду... вижу твой образ... неясный, но очень близкий, родственный... кто ты?..» (5 ноября 1961 г.).

«Целый день читал «Переписку П.И. Чайковского с Фон-Мекк». Немного разобрал «Диалектику логики» Гегеля. Сейчас пишу, а сам думаю о Марксе... человек могучего ума и сердца» (9 мая 1963).

«Нахожусь в каком-то нечеловеческом возбуждении! Всё это время читаю Маркса, Фейербаха, Бебеля, Гегеля, Шопенгауэра, Канта, Гольбаха. Адски интересно!! Прочёл Августа Бебеля «Будущее общество» и его жизненный путь. Какой замечательный человек! С 20 лет он только начал читать политическую литературу и дошёл до создания II интернационала! Потрясающе! Гегеля читаю «Философию права» и «Диалектику логики». Местами пишет такую чушь, что сомневаешься в нём: неужели это он создал «Диалектику природы»?!

А Шопенгауэр и Кант – это такие прохвосты, что удивляешься, как такие талантливые люди, даже можно сказать, гениальные, могли писать такие пессимистические произведения. В каждом слове, в каждой фразе, ими написанных, сквозит ложь и непонимание жизни. Зато Гольбах мне понравился! Но и у него проскальзывают нотки идеализма, извращения жизни, хотя и очень мало. Моего обожаемого Карла [Маркса] читал статьи об искусстве, а Фреда (Фридриха Энгельса. – В.Б.) – «Письма из Вупперталя». Всё это возбуждает меня к ещё большему познанию жизни» (18 мая 1963).

«Только что закончил статью о Рихарде Вагнере к его 150-летию юбилею. Замечательная и гениальная личность, но противоречивая» (18 мая 1963).

Как видим из этих и многих других высказываний из последующих дневников, Золотарёв не просто читал или слушал, он уже в ранней молодости стремился к критическому переосмыслению всего, невзирая на авторитеты. Причем поток восторженных излияний в адрес Баха, Моцарта, Чайковского и других обожаемых им компози-

торов чередуется порой с достаточно нелицеприятными характеристиками некоторых других авторов, даже именитых. Критическое, порой необъективное и пристрастное отношение как к крупным авторитетам, так и ко всей окружающей действительности не могло оказаться незамеченным его современниками. В своем письме к Золотарёву известный ученый-музыковед Б. Ярустовский прямо и нелицеприятно советует ему не быть судьей всему, а сначала получить основательную школу и сформировать стройную систему взглядов: *«Дорогой Владислав! Хотя я сейчас в клинике – мне принесли Ваше письмо, и я отвечаю Вам. Разумеется, я далёк от мысли разрешить Ваши вопросы, но тем не менее мне хочется сказать Вам несколько слов. У Вас есть, несомненно, хорошие качества: пылливость мысли, любознательность, интересы ко многим явлениям искусства. Это красит Вас. Но наряду с этим Вам, видимо, нравится рядиться в этакого молодого старичка, который главным образом скептически относится к окружающему. Это модно! Беда Ваша – на мой взгляд, что Вы беретесь быть судьей жизни раньше того, что Вы как следует познали её! Несмотря на то что Вы порядочно читали, осваивали кое-что, и всё же, как и в музыке, остаётесь дилетантом! Поэтому я так настойчиво советовал Вам: беритесь за учёбу по-настоящему, окончите хотя бы вуз, пройдите школу (да, школу, хотя, быть может, это и банально!), дайте себе систему взглядов, осознайте поглубже Ваши жизненные идеалы, а потом уже беритесь судить жизнь, находить в ней зло и бороться с ним. Ведь нет борьбы вообще, есть борьба за идеалы»* (Москва, конец января 1968).

Кстати, о необходимости учиться он и сам знал, и ему многие постоянно советовали, в том числе Р. Щедрин:

«(...) Для успешного нового похода на Москву Вам, как мне думается, надо подналечь на побочные (сольфеджио, гармония, диктанты, муз. лит.) предметы. Для экзамена по сочинению было бы достаточно авторского исполнения сюиты для баяна (той, что Вы играли мне в последнюю нашу встречу) – сочинения достаточно красноречивого «рекламного» (в лучшем значении этого слова) характера. Что как раз и требуется» (Москва, 28 марта 1969).

И его же письмо от 24 октября 1969 г.: «(...) Вам совершенно необходимо сесть на студенческую консерваторскую скамью – только тогда из Ваших удивительных природных способностей может получиться истинный толк, в который я убедительно верю! (...)

Сильно верящий в Вас, Родион Щедрин».

Как известно, первая попытка Золотарёва поступить в Московскую консерваторию не увенчалась успехом. Тогда Щедрин проявил инициативу и помог ему с поступлением в 1971 г., договорившись с Т.Н. Хренниковым о зачислении к тому в класс. Однако в конце первого года обучения Золотарёв принимает решение оставить консерваторию. Зная его, я понимал, что он просто не мог посещать, например, физкультуру, историю КПСС (у него давно выработалось свое философское отношение к жизни), гармонию (опять же у него уже было свое представление о многих вещах). Реакция близких людей на его решение была, конечно же, негативной:

«Здравствуй, дорогой Слава.

Получил твоё письмо, страшно огорчен твоим известием, это – безумие, если ты бросишь учиться, ты ведь подумай, сколько ты мечтал об этом, ведь поступил, надо учиться. Это только враги, завистники могут тебе посоветовать бросить учиться. Ты ведь первый за всё существование консерватории баянист, который учится во всемирно известной консерватории, пойми, какой бы ты ни был талант, без знаний, без учёбы ты всегда будешь дилетант, помни, Пётр Ильич учился, хотя был выше своих учителей. Ну хотя бы два-три года проучись, ведь учишься у замечательного композитора. Если у тебя финансовые затруднения, давай я буду высылать тебе ежемесячные субсидии, откажусь от отдыхов и отпусков, ведь нужен ты баянистам, все мы ждём от тебя многое, но при условии твоей учёбы. Помни, своей учёбой ты прославляешь наше замечательное училище. Очень советую и умоляю, учись, закончи I-й курс, ты устал, наверное, потом отдохнешь летом и опять учись, скоро буду в Москве, приду к тебе. Учись, пожалуйста. Твой Лесной» (Магадан, 2 апреля 1972).

То, что фигура Золотарёва привлекала внимание музыкантов, говорит следующий факт. Замечательный дирижер и скрипач, руко-

водитель симфонического оркестра Института им. Гнесиных Олег Михайлович Агарков был хорошо знаком с музыкой Золотарёва (впоследствии он проявил инициативу с исполнением Концертной симфонии № 1, и мы дважды ее сыграли). Агарков, занимавший на тот момент пост проректора по науке, узнал, что Золотарёв покинул консерваторию, и стал меня уговаривать, чтобы тот пришел к нему на прием на предмет поступления в ГМПИ им. Гнесиных по классу композиции. И вот однажды Золотарёв пришел ко мне в институт, и в этот момент в фойе около вахтера стояли Агарков и проректор по вечернему и заочному обучению В.И. Авратинер. Я подвел Владислава к ним и представил. До сих пор помню, как 2 (два!) проректора стали уговаривать Золотарёва поступать, обещая всяческое содействие... Ничего не помогло. Владислав вежливо выслушал более чем лестное предложение и мягко отказался...

За четыре с половиной года нашей дружбы у меня сформировался синдром боязни за него; у меня постоянно было ощущение, и я боялся даже самому себе признаться в этом, что могу его потерять. Это сформировывалось в моей голове в процессе нашего общения абсолютно подсознательно. Он был слишком легкоранимой натурой, человеком как бы без кожи, с обнажённым нервом. Мне казалось, что это пришелец из космоса, явившийся к нам для определённой миссии, после выполнения которой он покинет нас. Одним из его литературных героев, может быть самым близким, был *Мартин Иден* Джека Лондона. Вся короткая жизнь Владислава оказалась как будто списанной с судьбы этого героя: от долгого самоутверждения в глазах общества талантливого самоучки до самовольного ухода из жизни. Мне кажется, он готовил себя к добровольному уходу. Предчувствия меня не обманывали. Уже в ранних записях встречаются неоднократные упоминания об этом: *«Угнетают мысли о смерти... Как хочется жить!»* (3 октября 1962 г., Магадан). *«Почему-то вдруг представилось, что стало бы с моими опытами по композиции, если бы я умер? Конечно, это ужасно глупо, но меня эта мысль сильно гнетёт. И, если это случится, что я не успею ничего осуществить из того, что задумал, то пусть хоть эти листки будут известны людям. Они хоть немного позна-*

комят читателей со мной, с моей непокорной и всегда возбуждённой головой. Пусть им станет известно, что я так много хотел сделать, но так ничего и не успел осуществить... Сейчас я плачу... Боже мой! Как я хочу жить!!!» (30 октября 1962).

Кстати, своему герою он посвятил поэму «Мартин Иден» для альбома с оркестром.

С годами идея ухода из жизни становится всё более навязчивой: *«(...) Учёба в стенах какого-то ни было наилучшего университета привела бы меня к верёвочной петле или курку пистолета» (26 июля 1972 г., Смела).*

А месяцем ранее: *«Momento mori» (лат.) – помни о смерти.*

(...) Двенадцатый час ночи... Я вспоминаю... Вспоминаю нашу любовь... Надежду нашу... Перводанность и красоту мыслей... Кто прав? Кто виноват? В том, что завтра один из нас наденет петлю на шею, а другой выбьет из-под ног пустую бочку, некогда наполненную прекрасным вином, придающим жизни розовый оттенок весёлости, счастья и вдохновения. В моём распоряжении одна ночь. Восемь часов, 480 минут... 29 280 секунд... Мало... страшно мало. Мысли путаются, как леска на удилице, когда рыбак спешит и суетится. Мне спешить нужно, но суетиться нельзя. В ночь на 27.VI.72».

«Вторая соната для баяна – это последний отблеск моей жизне-нерадостности и расположения к людям». (31 декабря 1973 г., 21:30, Смела, Украина).

И чем ближе к уходу из жизни (13 мая 1975), тем больше эта тема довлеет в его сознании: *«Мысли о самоубийстве – это моя давняя и страшная болезнь, которая подтачивает мою стойкость. Я боюсь этих мыслей, потому что они – слабость, несостоятельность. Самоубийство – это бегство от жизни, трусость, но я всегда мыслил умереть спокойно, с чистым сознанием необходимости и естественного конца, когда Бог сам решит, что ты бесполезен для дальнейшей жизни, для дальнейшего времяпровождения» (из письма к жене Ирине, Смела, конец марта 1975 г.).*

«Надежды пока нет ни малейшей... так хочется умереть!» (6 апреля 1975 г., 01:30, Москва (дома)).

«...и с каждым разом заплываю всё дальше от кромки льда... обжигающая вода моря уже не страшит меня... мысли о смерти в пучине приятными волнами прокатываются где-то у сердца... так, наверно, Мартин Иден совершал свой последний жизненный маршрут перед дальней дорогой в неведомое... в него также наверняка входила вдруг такая тишина! такая тихая! как погребальный звон медленных хлопьев снега...» (Письмо одиннадцатое из неотправленных писем).

Золотарёв стремился к уединению, его привлекало больше одиночество, чем шумное общение. Хотя он не чурался встреч с друзьями, любил дискутировать на различные темы. Однако предпочитал слушать музыку в одиночестве, писать ночью при свечах. Желание остаться наедине с собой зафиксировано и в его записках.

У Золотарёва была совершенно четкая позиция в отношении жанра обработок народных песен для баяна. Здесь у нас с ним было абсолютное совпадение взглядов на данную проблему. Меня в молодости баянисты старшего поколения часто упрекали в якобы моём негативном отношении к обработкам. Я на это говорил, что я не против обработок в целом, я против **плохих** обработок. И на юбилейной конференции к 30-летию факультета народных инструментов в 1998 г. я кратко сформулировал свое отношение к этому жанру: народная тема, отшлифованная временем, гениальна; просто в процессе ее обработки композитор может подняться до ее уровня... или опустить эту тему до своего уровня. В то время эта позиция воспринималась, мягко говоря, неоднозначно. Свою позицию в отношении обработок Золотарёв излагает в письме к Ю. Ястребову:

«(...) Теперь о баянном исполнительстве, вернее, о «композиторской технике»... Хочу напомнить Вам несколько баянных обработок, которые я в своё время играл и которые хорошо знаю («Коробейники» Гаврилова, «То не ветер ветку клонит» Онегина, обработки Паницкого, Суркова, Мотова и т.д., и т.п.). Стоит ли говорить, что большинство из них – примитив? И это вполне естественное явление: не зная приёмов композиторского письма, не анализируя лучшие образцы вариационных форм (Глинка, Бетховен,

Чайковский), первые советские баянисты создавали неполноценные обработки русских и других народных песен» (5 октября 1966).

Так же принципиально Золотарёв относился к программам сольных концертов баянистов, не приемля произведений на потребу публике. К своему творчеству у него было такое же отношение. Недаром он неоднократно цитирует одного из своих кумиров А. Шёнберга: *«Я столь же мало обращаю на них внимание, как и они на меня... (о слушателях. – V.Z.), а если они и необходимы по причинам акустическим (поскольку музыка плохо звучит в пустом зале), то для меня это только помеха».* (30 августа 1971 г., 18:30, Бабушкин).

«Ни один поэт, ни один художник, ни один философ, ни один музыкант, чьё мнение витает в высоких сферах, не станет унижаться до вульгарности с целью приспособления к лозунгу «искусство для всех». Ибо если это искусство, то оно не для всех, а если оно для всех, то это не искусство». (Шёнберг – Цемлинскому, 23.03.1918).

Но наряду с этим Золотарёву не чужд успех и жажда признания широкого круга слушателей: *«Тот композитор оказывается великим, чувства и мысли которого идентичны большинству окружающих его людей».* (27 января 1972 г., Смела). Подтверждение этому мы встречаем и в письме к Э. Денисову: *«И я завидую Вам (который уж раз!), как завидую Моцарту, который настолько правдиво и точно выписал «Вошебную флейту», что после каждого её прослушивания на меня нападает такая безбрежная тоска, подступает такая ирония по поводу собственных партитур, что приходят дьявольские мысли совсем забросить музыку, но проходит время, и я впадаю в другую крайность, когда чувствую, что получается кое-что замечательное, то ставлю себя уже на одни весы с самим Моцартом, Бахом, Вагнером, Шёнбергом... Какой фантастический идиотизм! К счастью, последнее случается не столь часто, чтобы отчаиваться, но ещё более удивительно то, что в подобные «вознесения» я испытываю редчайшее удовольствие»* (Смела, 26 августа 1974 г.).

В годы нашего общения с Владиславом я несколько раз был у него дома. Меня поразило, что при всей аскетичности убранства в квартире у него на полу выделялись две огромные горы с нотами и записями. Это были партитуры, в том числе И. Стравинского,

А. Шёнберга, А. Веберна, А. Берга, Л. Даллапиккола, Л. Ноно и др., и все это было на грампластинках и магнитофонных пленках. Он никогда не переставал учиться у мастеров самостоятельно, постепенно вырабатывая свой стиль, а также свое философское мировоззрение:

«Я не космополит, но и не славянофил. Эти годы я искал претворение системы Шёнберга в русской музыке (быть может, одновременно со Щедриным и Денисовым) и, наконец (как бы не обмануться!) я напал на верный след!! – я, используя двенадцать звуков, не гнушаюсь старинной и пока малоизученной русской подголосочной полифонией» (из письма к Ю. Ястребову. Москва, 23 июля 1971).

Четкость своей позиции прослеживается и из совета А. Нагаеву, который считает себя единственным учеником Золотарёва:

«(...) Писать музыку без тактовых черт – это не новость. Этой эпидемией переболело много значительных композиторов, и таких, как я. Главное в музыке – не современный язык и тактовые черты, а символы звуковых образов, которые несут какую-то большую мысль, а оформить эту мысль необходимо так, как подсказывает она создателю свой облик... Большие слушай музыки!.. Творчество – это подвижничество. Тот же аскетизм, монашество. Нужно уметь от многого отказаться (...)» (Москва, 20 марта 1972).

«Нужно помнить, что кварта, квинта и октава – интервалы архаичные. Психологии современного человека (и будущего) отвечает тритон, малая секунда и большая септима, малая нона» (27 января 1972 г., Смела).

В Дневниках собрано большое количество цитат философов, мыслителей, писателей, поэтов, композиторов, которые Золотарёв зачастую перемежает с собственными высказываниями, размышлениями. Он уверенно спорит с авторитетами, бескомпромиссно отстаивая свои взгляды. Философствуя, порой начинает чувствовать себя пророком, мессией, Заратустрой, т.е. сверхчеловеком.

«Важно всегда чувствовать в себе исключительность, неповторимость, чувствовать именно то, что без вас люди будут жить иначе. Сознание вашей исключительности поможет вам оценить себя, свои творческие потенции. Вы станете, хотите этого или нет, служить не себе, а людям» (27 января 1972 г., Смела).

«Истинный художник творит по законам, ему одному известным» (24 января 1972 г., Смела).

«...душа порывиста и стремительна... только гений умеет останавливать её и наслаждаться этим мгновением...». (26 июля 1972 г., Смела).

Противоречивость натуры Золотарёва сформировала сложность общения с социумом, с действительностью. Это проявлялось и в отсутствии постоянного заработка, и в бытовых неурядицах, и в весьма непростых отношениях в семье. Всё это вкупе с его утонченной душой и ранимостью мостило ему ранний уход из жизни. Но, несмотря на непростые отношения с женой, он не скрывал свою любовь и даже цеплялся за нее как за соломинку в трудные жизненные моменты:

«Написал письмо... Но не отослал.

«Аринушка! Любимая моя!

Ибо путь, на который я стал, – это дорога, ведущая к гибели или триумфу!

Два выхода, и последний – это наше счастье! В противном случае – кладбище неудачников пополнится ещё одним могильным камнем. Целуй наших мальчиков. Как я скучаю! Господи! Эти изверги из министерства и издательства не заплатили мне пока ни гроша! Я понимаю, как необходимы тебе деньги! Грязные деньги, но, увы, без них невозможно обойтись...

Никогда так ещё я не страдал одиночеством. Люби меня, хорошая моя, чудесная, бесконечно красивая... прости меня... прости... V.Z.» (17 мая 1972 г., 01:00, Смела).

Среди исследователей жизни и творчества Владислава Золотарёва сформировалось разногласие по поводу года его рождения: одни называют 1942, другие – 1943 г. Вместе с тем он сам дает повод для сомнений, поскольку несколько раз на страницах его дневника встречаются разные годы. Причудливым образом это разночтение тоже срабатывает на мистическую сторону его пребывания на Земле. Всё в результате очень просто: по свидетельству его супруги Ирины, родился Владислав в 1942 г., но в поселке Де-Кастри некому было зарегистрировать рождение малыша (наверное, сказалось военное

время), поэтому факт его рождения зарегистрировали спустя несколько месяцев, в 1943 г.

Не буду больше утомлять читателя экскурсом в жизнеописание Золотарёва, тем более что, читая его дневники и письма, абсолютно мгновенно погружаешься в ауру его бытия. Мне лишь хотелось выполнить роль краткого путеводителя по столь объемным Дневникам этой неординарной личности.

Мы должны быть благодарны Всевышнему за **Явление Владислава** баянному миру. Итак, дорогой читатель, предлагаем вам окунуться в атмосферу духовного мира Владислава Золотарёва.

Владимир Балык

«ЛИНИЯ ЖИЗНИ» ВЛ. ЗОЛОТАРЁВА

(от редактора-составителя)

Предлагаемая вашему вниманию книга материалов является собранием большей части литературного наследия безвременно ушедшего из жизни композитора Владислава Золотарёва (1942[1943]–1975). В ней представлены, прежде всего, все известные нам дневники автора, впервые публикуемые вместе. Общеизвестно, что дневники – важнейший источник внутреннего, духовного мира человека. Ежедневное ведение дневника, начатое студентом Магаданского музыкального училища Золотарёвым в конце первого учебного года (1960–1961) помогло ему лучше понимать себя и окружающих, анализировать и осмысливать происходящие вокруг события, а со временем стало действенным инструментом для разрешения внутренних конфликтов. Дневник для юного композитора – это самый лучший друг (*«дорогой хранитель дум и мыслей»*) – так обращается к нему юноша), всегда готовый тебя выслушать. Тот, кто никогда над тобой не посмеется, выставив на посмешище окружающим, не извратит твои мысли, оставаясь самым верным «стражем» юношеских секретов и тайн. С годами ведение дневника, который стал своего рода «урочищем» боли, разочарований и несбывшихся надежд, частично спасало Владислава от конфликтов, депрессии и стрессов. Дневники Золотарёва показывают также, до какой степени неудовлетворительна, даже трагична личная житейская судьба многих художников, притом не от мрачного сочетания жизненных обстоятельств, а по причине невозможности приспособиться к рутине повседневности. Действительно, редко встречается одаренная личность, которой не пришлось бы дорого оплатить искру Божью – свой творческий талант!

Важнейшая особенность данного издания в том, что всё вышедшее из-под пера Золотарёва как бы вплетено в его «линию жизни». Записи из многочисленных дневников, записных книжек, нотных

тетрадей, разрозненные заметки, стихи, письма выстроены в хронологическом порядке, создав интегральное хитросплетение ленты событий жизни...

Письма тоже являются важнейшим источником для восприятия художественного мира автора. В эпистолярном наследии отображена вся многогранность жизни композитора как социального существа, особенности его мышления и творчества. Личная корреспонденция дополняет общую картину перипетий жизни Вл. Золотарёва, почерпнутую нами из дневников, а также углубляют наши представления об ушедшей эпохе сквозь призму и оценки художника-творца.

Потребность общения – такая же насущная черта Владислава, как и всех нас. Но окружение зачастую было глухо к пониманию его сложной и противоречивой личности. И хотя он любил людей, обожал своих друзей и делился с ними наболевшим, оставив нам потрясающие страницы человеческого страдания, – композитор часто искал уединения, затворничества, когда всецело (дни и ночи напролет) отдавался созидательному творчеству. В эти периоды письма давали возможность «взять паузу», выговориться, выплеснуть эмоции, а порою – избавиться от ощущения «камня на душе». Для нас же, исследователей творчества, эпистолярный источник остается важнейшим источником информации и высоким образцом литературного жанра.

Еще одна важная часть публикуемых материалов – стихотворения Вл. Золотарёва. Многие из них появляются спонтанно как неотъемлемый отрезок дневниковых записей, поначалу невысокого поэтического уровня, сродни «творчеству» многих рифмачей. Помнится, в конце 60-х Владислав часть стихов посвятил Родиону Щедрину, подчеркнув, что *«всё написанное не претендует на высокое предназначенье, тем более что автор не поэт, но ему дороги эти маленькие зарисовки...»*. Нам, преданным ценителям творчества композитора, его поэтическое творчество дорого вдвойне. А по моему мышлению, стихи зрелого периода творчества, а особенно позднего, поражают творческой зрелостью и убеждают силой художественной экспрессии.

Мне удалось ряд стихотворений, которые содержали условную датировку или поэтические аллюзии на известные жизненные со-

бытия, внедрить в «линию жизни» композитора. Отмечу, что порой именно поэтические строки, в отличие от прозаических, способны передать сложный клубок чувств и переживаний автора.

Важная часть данного издания – избранные литературные работы и статьи музыкально-просветительского характера композитора. И хотя большая часть из них была напечатана ранее (за пределами России и небольшими тиражами), считаем необходимым повторного их издания с включением ранее неизвестных широкому читателю работ Вл. Золотарёва – «Родион Щедрин» и «Диалоги о Шёнберге». Данные заметки, как и вновь публикуемые статьи «Новые проблемы и старые истины» и «Заметки о двух концертах для баяна», увидевшие свет в начале 70-х в отечественных музыкальных журналах, всё так же актуальны и говорят о несомненном музыковедческом даре автора.

Впервые некоторые документы (дневники и письма) Владислава Золотарёва попали ко мне, молодому баянисту, в середине 70-х. Трагическая судьба Золотарёва потрясла меня, а боль от преждевременной кончины Владислава не проходит до сегодняшнего дня, то утихая, то вновь усиливаясь. В годы учебы, а позже в качестве концертирующего исполнителя я сыграл большинство доступных на то время сочинений композитора, включая и Первую концертную симфонию с симфоническим оркестром Кабардино-Балкарии под рук. Б. Темирканова.

Впоследствии мои творческие интересы были связаны с изучением жизни и творчества Вл. Золотарёва. Мне посчастливилось подружиться с родителями Владислава – Андреем Антоновичем и Аграфеной Григорьевной, позднее общаться с его женой – Ириной Петровной Кошелевой и ее сыновьями. Как результат – ряд статей и монографий, изданных в России, Украине и Германии, включая две последние объемные публикации*, которые получили высокую оценку музыкального сообщества. С радостью принял приглаше-

---

* *Балык В.* Владислав Золотарёв: життя і творчість. – Дрогобич : Посвіт, 2008. – 106 с.

Владислав Золотарев. Материалы к биографии / Сост. В.А. Балык. – Дрогобыч : Посвіт, 2012. – 440 с.

ние Ф.Р. Липса, инициатора готовящегося издания, подключиться к работе над данным проектом на заключительном этапе с большим желанием реализовать свой опыт подобного рода.

Основную часть подготовительной работы проделал Илья Бокаев, выпускник РАМ, на протяжении ряда лет занимающийся сбором и обработкой материалов творческого наследия Вл. Золотарёва. Он использовал тексты, которые уже были ранее изданы (публикации Ф. Липса*, С. Чуянова**, П. Серотюка*** и В. Балыка), дополнив их материалами, найденными в последнее время.

При подготовке документов к печати мы столкнулись с определенными сложностями, известными всем, кто занимается подобной работой. Поэтому возникла необходимость систематизировать весьма обширный и разнородный материал по определенным признакам. Во-первых, все документы (дневники, письма и стихи) приведены последовательно, как уже отмечалось выше, по годам. Отсутствующие в оригиналах и условно установленные (в письмах – чаще всего по почтовым штампам, других источниках – согласно содержанию) даты и места написания документов заключены в квадратные скобки. Материалы, не имеющие датировки (стихотворения, записки и размышления), помещены отдельно, в конце книги.

Считаем целесообразным и публикацию перечня произведений Владислава Золотарёва, подготовленного мной для издания первой монографии о композиторе в 2005 г. Для нынешней публикации список был значительно доработан и дополнен.

Большинство сокращенных слов во всех документах выписано полностью (кроме общеупотребительных – т.е., т.к., и т.д., и т.п.), приведено в квадратных скобках, так же как и отсутствующие по смыслу слова, равно как имена или фамилии. Недостающие в оригиналах знаки препинания добавлены согласно современным

---

* Письма Владислава Золотарёва Фридриху Липсу // Народник. – 2001. – №3. – С. 10–15.

** Чуянов С. Наедине с душой // Николо-Погост : Родное пепелище, 2010. – 164 с.

*** Владислав Золотарев. Судьба и Муза / Сост. П.Ф. Серотюк. – Тернополь : Навчальна книга – Богдан, 2010. – 352 с.

правилам пунктуации, также исправлены явные грамматические ошибки без дополнительных оговорок. Оставлены без изменений просторечия, устаревшие слова, профессиональные выражения и авторские неологизмы, являющиеся результатом индивидуального словотворчества Вл. Золотарёва и его корреспондентов. Также считаем необходимым употребление буквы *ѐ* в большинстве текстов этой книги, за исключением изданных статей композитора. Именно так (т.е. последовательно, соблюдая обязательное написание *ѐ*) поступал Владислав Золотарёв и его современники.

Время «лечит раны» и снимает «комплекс вины» от утраты друга, близкого человека. Но время и «стирает память», удаляя всякий бранный след человека на этой земле. Поэтому в преддверии 80-летия со дня рождения Вл. Золотарёва издание книги дневников, стихотворений, а также избранных литературных работ композитора становится вновь и актуальным, и необходимым.

Надеюсь, что опубликованные в книге материалы послужат основанием для более глубокого изучения жизни и творчества Вл. Золотарёва, расширив и углубив понимание образно-эмоционального строя музыки основателя современного оригинального репертуара для баяна и важного представителя отечественного искусства второй половины XX столетия.

ДНЕВНИКИ, ПИСЬМА, СТИХИ, РАЗМЫШЛЕНИЯ...

*Чтобы понять, принять мою музыку,
чтобы влюбиться в неё, надо войти
в ситуацию моей жизни, всего её образа
со всем окружением, ибо такое понятие
и есть истинное понятие любого композитора,
будь то Бах, Моцарт, Бетховен или Шёнберг, Берг или Веберн.*

Вл. Золотарёв

Провидения, 19 августа 1969 г.

...Да, я мог стать кем угодно. Охотником, рыбаком, геологом, разведчиком, диверсантом, «медвежатником»...

Охотиться начал лет с двенадцати. Сначала отец купил мне малокалиберную винтовку, а затем ружье 16-го калибра. Никогда не охотился специально. Больше любил бродить с ружьем в ожидании неожиданных приключений. Охота мне всегда удавалась, и не было такой охоты, чтобы я пришёл без ничего. Или утку, бекаса, или зайца, но обязательно приносил. Стрелял я на редкость хорошо. Доказательством послужила моя охота на белок (когда я был у отца в гостях на прииске «Разведчик»). Тогда я стрелял только «в глаз». Сам снимал шкурки. Тогда же я подстрелил много куропаatok. Рыбачить любил не на удочку, а неводом (ещё у деда на Амуре) и на перемёт (на Индигирке). Разожжёшь костёр, забросишь перемёт и читаешь у костра. И вот начинаешь вытаскивать... Лунная дорожка освещает воду, а ты медленно перебираешь бечеву. И вот начинает плескаться ленок, хариус, нельма... На Индигирке прекрасная рыба. Без улова я также не приходил ни разу.

Когда мне исполнилось четырнадцать лет, после окончания седьмого класса, мы с Аликом Косульниковым (друг детства) записались в полевую партию на Хасын. Жили в палатке. Обычно уходили рано утром и возвращались поздно вечером. Усталость бра-

ла своё, и мы валились на свои ложа из стланика. Я тогда собрал изумительную коллекцию фауны, но при перебазировании забыл в машине. Жалею до сих пор. Такие чудесные были ракушки... отпечатки растений, древнего папоротника, скелетов различных насекомых. И всё это окаменелое... далёкое, далёкое...

Рисовал я до четырнадцати-пятнадцати лет. Но раньше чтения и рисования я столкнулся с музыкой. Когда мне было года два (по рассказам матери), мой отец учился тогда игре на баяне. Он служил офицером и в свободное время разучивал дома музыку И. Штрауса (его кумир и до сегодняшнего дня). Однажды он взял меня в казарму, и я (смутно помню, мне шёл тогда четвёртый год) сидел на чьих-то коленях и веселил всех своими выходками. Почему-то с тех пор закралась в мою душу нежная и болезненная любовь к этим коричневым от загара лицам, выцветшим от солнца гимнастеркам, к какому-то особенному запаху сохнувших портянок, смешанному с запахом кирзовых сапог, пота и ещё чего-то непонятно-военного... И вот они ставят мне на колени баян (военного выпуска), я высовываю голову из-за грифа и всем на удивление подбираю мотив любимейшей в то время песни «По долинам и по взгорьям» и напеваю с мелодией «Фыки, фыки, фыки-и, фы-ы-ки...». Солдаты покатываются с хохоту, держатся за животы, а мне хорошо с ними... И эта железная печь, раскалённая докрасна, и их плачущие от смеха глаза, и этот совсем не неприятный запах... Всё это впиталось в мою кровь и в мою душу, хотя всю эту военщину и казарменщину я ненавижу и всегда относился с презрением к армии. Солдат я полюбил с детства. С самого раннего детства полюбил и музыку, хотя заниматься ею пришлось лишь с 15 лет... Просто мне повезло. С таким же успехом я мог бы заняться литературой, живописью или наукой, но музыка победила все остальные увлечения, потому что я нашёл Н.А. Лесного. Не будь его, быть может, я никогда бы и не услышал таких имен, как Шёнберг, Веберн, Барбер... уже не говоря об их музыке.

С пятнадцати лет моя жизнь со всех сторон озарилась звуками. Ещё совершенно не зная её, кроме «Неаполитанской песенки» и «Танца маленьких лебедей» Чайковского, русских песен и старинных вальсов, которые любил играть мой отец, я без разбора стал слу-

шать серьёзную музыку. Оказалось, что мне не нужно было читать о ней, разбирать по темам и учиться «понимать» и чувствовать. Первые же звуки Концерта для скрипки с оркестром Брамса, Концертов Чайковского и Мендельсона, «Эгмонта» и «Кориолан» Бетховена обворожили меня и поразили. Здесь уже не было места для сомнений: музыка ли моё призвание? Истина явилась ко мне сразу, неожиданно и во всём своём блеске, полноте и в твёрдой вере в осуществление таившейся глубоко в сознании давнишней мечты. Не теряя ни дня с тех счастливейших минут озарения, я до дня сегодняшнего с великим упорством работаю как проклятый. У меня не было в жизни учителей кроме Н.А., но огромнейшая заслуга в том, что мне наконец посчастливилось обрести его, – это заслуга моего отца. Не люби он музыку, не желай, чтобы его единственный сын стал музыкантом, то никогда, конечно, я не стал бы им в той мере, в какой нахожусь уже сейчас.

Как я учился писать музыку? На этот вопрос невозможно ответить, потому что я никогда не учился тому, что во мне всегда рождалось, росло, искало выхода и всегда его находило. Единственное, чему я учился, так это игре на баяне и, к сожалению, не доучился. Баян я очень люблю, но не выделяю его из ряда вон выходящего. Баян, как и любой другой музыкальный инструмент, для меня лишь посредник моих переживаний и мыслей. По возможностям я ставлю его наравне с фортепиано и чуть ниже смычковых. Баян – это всегда голос, как и скрипка, но скрипка благодаря смычку наиболее близко приближается к генеалогии человеческого голоса, а потому и люблю я скрипку больше...

Я мог бы стать моряком. Да. Я страстно любил и люблю море. Первые впечатления я получил, будучи в Гудауте, когда мне было пять лет (но кажется, ещё меньше). С родителями я часто бывал в Сухуми, Гаграх и в Сочи. Морская болезнь была для меня недосыгаема. Я мог бегать по палубе в двенадцатибальный шторм (когда мы ехали в Магадан в 1949 году на «Ильиче») и очень радовался. Мне даже казалось, что это ещё не шторм, а просто волнение, хотя даже бывалые моряки страшно и болезненно переносят качку. У моря, и вообще у «воды», протекла большая часть моей настоящей жизни. Мальчишкой я со слезами умолял купить мне морской

детский бушлат, брюки навывпуск и бескозырку, и всегда мои просьбы удовлетворяли. Я чистил анодированные пуговицы до тех пор, пока они не стали белыми. Не любил, чтобы за мной ухаживали. Хотел делать всё сам. И поварил, и гладил, и мыл полы, посуду, стирал рубашки, платки, а однажды стирал брюки в горном ручье, и их унесло течением, затянуло под завал, и я пришёл домой в трусах, со страхом ожидая наказания.

Больше всего любил бродить в лесу, особенно ранней весной. Идёшь и разбираешь следы, а воздух чистый-чистый, да такой какой-то пряный, немного морозный; и день солнечный. Белизна снега, ветки лозы, стук дятла, белые облака в ясном голубом небе – всё это до того наполняло всего меня, радовало, вносило что-то непередаваемо хорошее, доброе, что я возвращался домой раздумянный, весь какой-то светящийся, возвышенный...

В детстве чем только не увлекался. Выпиливал из фанеры узорчатые сувениры, выжигал по дереву, делал поджиги (в доске вырезали форму пистолета и заливали туда свинец с трубкой от бензобака), из которого стрелял дробью и камушками. Никогда не стрелял в птиц. Обычно упражнялся в стрельбе по консервным банкам и бутылкам. Мастерил парусники и планеры, воздушные змеи. Помню, с каким восхищением следил за моторной лодкой, которая действовала по принципу паровой машины: на корме стоял бачок с водой, а под ним обыкновенная свеча. Из бачка выходила трубочка за корму, и когда фитиль нагревал воду и она закипала, то лодка, чуть слышно тарактя, двигалась по воде. Это было интересное зрелище.

Бесконечно мог играть с мальчишками в пиратов и мушкетеров. Вырезали деревянные мечи, шпаги, делали щиты, обвязывались повязками, чалмами, яркими полотенцами, бросались дротиками (из лозы); сражались по всем правилам честных поединков. «Раненых» не убивали, равно как и упавших или выронивших оружие. Часто играли с девчонками и очень любили их, оберегали. Словом, были истинными Д'Артаньянами. Уже тогда (а мне было лет девять-десять) я испытывал к девчонкам какое-то непонятное отношение. Мне с ними было приятнее, чем с мальчишками, и я часто терялся, когда мы играли вместе и нечаянно касались друг друга. Пер-

вая моя детская любовь была Наташа Кирюшина. У неё было два брата, с которыми я дружил и часто играл, а потому и она зачастую играла с нами. Жили мы совсем рядом, через дом. Один раз даже целовались у протоки. Стоял тихий летний вечер. В воде игрались пескари, и мы сидели на пригорке у нашего дома и молчали. Потом я сорвал травинку и взял в рот. Она с хохотом вырвала её и хотела убежать, но я схватил её за руку, поскользнулся, и мы чуть не упали в воду. И вдруг мы оба утихли и стояли, прижавшись друг к другу. Её белокурые волосики касались моего лица, и рука была горячей-горячей. Её губы были рядом с моими и чуть подрагивали. Расстояние между нашими пылающими щеками всё сокращалось, и почти неслышно, таинственно и заворуженно наши губы соединились, что-то прошептали друг дружке и так же медленно, тихо и нежно разъединились. И тут она вырвалась и убежала, а я ещё долго стоял и не хотел верить случившемуся. Состояние трудно описывать, тем более первое состояние любви и первой близости. Но до сегодняшнего дня я помню эту хорошенькую Наташу...

...[Увлекался] Жюль Верном и фантастической литературой. Здесь и Майн-Рид, Купер, Стивенсон, Грин, Уэллс, Ефремов, А. Толстой и многие другие. Лет с тринадцати полюбил Чехова, Станкевича, Лермонтова, Стендаля, Гюго, Цвейга, Льва Толстого, Куприна, особенно Горького. Немного позднее, уже учась музыке (лет с пятнадцати), не мог оторваться от чтения философских работ Шопенгауэра, Канта, Гегеля, Шеллинга, которые брал в читальном зале и пропадал там до закрытия. Должен признаться, что в школу я не ходил неделями и месяцами. Дома все думали, что я примерно учусь, а в школе (иногда бывал) я симулировал болезнь (перебинтовывал руку или шею, голову). Словом, обманывал всех безбожно. Выходя из дома, я прятал где-нибудь портфель, а сам бежал в библиотеку. Иногда я просто убегал в лес (летом) и собирал ягоды, а зимой очень часто мог сидеть один на скамейке и о чём-нибудь размышлять. Я не могу вспомнить, чтобы кого-то обидел. Единственное, что я делал плохо (очень плохо), – это брал без разрешения деньги дома и покупал книги, а один раз я унизился до того, что украл книгу из магазина.

В общем, книги любил я до безумия. Читал только то, что мне нравилось. Если мне что не нравилось, я бросал и не продолжал дальше. Если спросить: какое самое сильное впечатление я испытал при чтении, то можно ответить, что, когда я залпом одолел «Спартака», проплакал несколько дней и был так печален и задумчив, что родители мои не на шутку испугались. Более сильного впечатления я не испытывал, а если испытывал, то просто не помню. Соперничать со «Спартаком» в те годы могли только «Овод» да «Дети капитана Гранта».

Примерно с того времени, когда я научился читать, я полюбил и рисование. Рисовать я мог подолгу и особенно любил перерисовывать портреты. Увижу в какой-нибудь книге интересное лицо и начинаю его копировать (увеличивая при этом раза в четыре).

...Однажды я задался целью приготовить им ужин. Из теста, заготовленного на чуреки, я изготовил какие-то кренделя и стал жарить. Жарил я долго, а потом, как-то нагнувшись к открытой печке, я так зачаровался пламенем, что вскоре, забыв про кренделя, заснул.

Проснулся я от какого-то шума. Оказалось, что отец и мама давно пришли с работы, открыли дверь настежь и выгоняют дым. Ясно, что из моих кренделей остались одни угли. Но наказывать меня не стали.

В то время свирепствовали разные болезни, особенно малярия. Заболел и я. Проболел два месяца, испытывая гнусное ощущение лихорадки, я начал кое-как поправляться. Но мама, беспокоясь о состоянии моего здоровья, отвезла меня на Амур. К бабушке, происхождение которой из суровой и угрюмой сибирской тайги. Родилась она и выросла в Бодайбо. Там же родилась и моя мама (урождённая Бологачёва). Вот где я понаслышался старинных сказок, былей, всевозможных страхов. Бабушка верила в Бога, и, быть может, ей я обязан своей впечатлительностью от религии. Религиозные сказки открыли мне такой мир поэзии, что по сей день я живу под впечатлением образов Христа, Девы Марии и других. Она рассказывала разные истории, которые произошли в её жизни. Говорила, что в иные времена очень часто видела святых, а однажды даже самого

Христа, а теперь не видит, объясняя это тем, что «уже и Сибирь изгадили люди», не найти, мол, уж и святой водицы, пяди земли для ноги Христа.

В своих коротеньких штанишках я убежал к Амуру и бродил по песку. Я готов был идти так всю жизнь. Так всё было интересно, красиво, ново. В высоких обрывах ютились стрижи, и я подолгу наблюдал за их суебой. Чем-то они напоминали людей: своей толкотней, криком, гнездами... Деревенские мальчишки ударили рыбу.

Мне шёл шестой год, когда мы вновь пустились в длительное путешествие в поисках хорошего места. Моим домом стала каюта теплохода, купе поезда. Сменялись города. Завязывались и так же легко развязывались лёгкие знакомства. Наконец, впервые я услышал слово – Магадан, а затем длиннющая колымская трасса в 1200 км. Мы ехали вдвоём – мама и я. Отец работал в каком-то посёлке Усть-Нера, который, как я потом узнал, располагался в живописной местности на берегу прекрасной северной реки Индигирки, в том самом месте, где впадала в Индигирку ещё одна большая река – Нера. Мама ехала в закрытом кузове, а я в кабине, рядом с шофером. Шофер был бородатый и курил трубку. Мне нравилось, когда он, прищурившись, выпускал клубок дыма, и по кабине расползался приятный запах из смеси отработанного бензина с табаком.

Ехали мы почти неделю. Мама очень измучалась, а мне это путешествие доставило много радости и массу новых впечатлений. Встречал нас отец. Мы все долго целовались, обнимались. У отца даже глаза увлажнились. Ведь почти два года он жил один. В почти безлюдной тайге. А места какие! Я сразу влюбился в эту быструю и холодную реку, в скалистые берега, в высокие хмурые сосны. По рассказам отца я понял, что уже никогда не разлюблю Север, не променяю его ни на какой другой угол земного шара. В тайге много всякого зверя, на озёрах и болотах – дичи, в реках – рыбы. Я уже тогда почувствовал, вдруг, в себе нечто значительное и великое при созерцании всех красот.*⁽³⁾

---

* Разрозненные материалы (записки, фрагменты дневников, записи на нотных листах и в тетрадях) из личных архивов Ф. Липса, В. Балька, И. Кошелевой, И. Бокаева. Публикуется впервые. (В дальнейшем обозначается ³.)

1961

1 июля 1961 г.

Проснулся очень рано. Но встал в 8 часов. Оделся, умылся, привёл себя в порядок и пошёл на оркестр. После оркестра был хор и общее фотографирование. Потом пошёл на генеральную репетицию в театре. Концерт сегодня играл в несколько раз лучше, чем прежде, – с большим энтузиазмом. После репетиции опять обедал в «кафе». Какой всё же Виталька обжора! Пообедав, пошёл в сквер. Посидел на лавочке и домой. Сейчас снова надо идти в училище заниматься. Ведь завтра надо хорошо сыграть на отчётном концерте. Всё же с Юрием Михайловичем играть интересней: он играет с азартом и большим подъёмом. Мне с ним было очень приятно.

Ну, кажется, я «позанимался». Почему-то никакой охоты работать над пьесами. В 18 часов пошёл прогуляться с Сашкой и Виталькой.

Снова видел её очень расстроенную. Неужели я опять её чем-нибудь обидел? У меня ужасно разбитое настроение. Домой пришёл в одиннадцатом часу. И сразу лёг спать. Завтра концерт! Как хочется хорошо сыграть!!!* ⁽¹⁾

2 июля 1961 г.

Проснулся в 4:30. Пока встал, умылся, привёл себя в порядок, позавтракал, уже было 6 часов утра. Без четверти семь я был уже в училище и позанимался два часа. И снова оркестр и хор. Почему-то очень волнуюсь перед концертом. Со мной этого не бывало. Хором пели неважно, на репетициях получалось лучше. Хорошо сыграли Сцену из балета «Лебединое озеро», а «Русский танец» – несколько хуже. Наташа очень хорошо исполнила романс Глиэра.

Концерт я сыграл не плохо и не хорошо – не знаю, почему такие овации и похвалы Николая Александровича. После концерта сидел на лавочке с девочками. Ели мороженое. А потом пошли в кино. После кино снова пошли гулять. Было очень весело, но внезапно

---

* Дневник 1961 г. Архив А. Шпака. Публикуется впервые. (В дальнейшем обозначается !.)

Наташа обиделась на Лену и ушла домой. Лена и Аня выхватили нотную тетрадь, в которой была «Интродукция» с подписью. Мне было ужасно неловко. Я попрощался и пошёл домой. Через полтора часа я уже спал.

3 июля 1961 г.

Встал очень подавленный. Взглянул на часы, было 10 часов. Позавтракал и пошёл в училище на воскресник. После воскресника посидел в сквере и пошёл домой обедать. Наверное, я ошибся в своих выводах! Если это так, то тогда это лишнее. Сейчас передают Этюд № 12 соч. 10 (революционный) Ф. Шопена. Точно такое же происходит во мне. В четыре часа был на собрании. Вручали студенческие билеты. Как хорошо смотреть в эту небольшую книжечку, когда там стоит – отлично, отлично, отлично...

Я пошёл в сквер с хорошим настроением, но там никого не было... Тогда я вытащил нотную тетрадь и стал решать задачи по гармонии. Вот чёрт! Как ужасно жарко! Вдруг подошли Лена с Наташей, сели и снова пошли: покупать мороженое. А я посидел минут пять и пошёл домой. Страшно подумать, что через два дня я уеду от города, от ребят, от тебя... И ты будешь у меня в памяти, как что-то очень редкое и хорошее в жизни. Как я хочу стать композитором-исполнителем! Знать бы мне одну каплю того моря, в котором творил Бах, и я создал бы непревзойденные произведения для баяна!!! Вы, скрипачи, не любите баян, но, ничего, скоро вы поймёте этот инструмент, поймёте всей своей душой.

В 8:30 пошёл в «кафе» ужинать. После ужина побрёл в сквер и увидел девочек. Они шли из кино. Через несколько минут пришли Саша и Виталик, и мы все вместе пошли к Ане. Что это они такие весёлые и какие-то очень хорошенькие. Наташа и Аня решили зайти за Таней и Людой, но мне почему-то неохота было идти, и я не ошибся: эти дурочки испортили всем настроение.

Наташа попрощалась с нами в 11 часов. Как мне хотелось пойти с ней и поговорить, но я подумал, что я ей не нравлюсь и вообще по разговору не хотела со мной быть наедине. Мы проводили Лену до самого подъезда и разошлись по домам.

Завтра хотим поехать отдохнуть за город, но мне почему-то не хотелось ехать одному. Хватит. Надо спать. Сейчас 00:30 по магаданскому времени.

4 июля 1961 г.

Поднялся в 8:30. Позавтракав, пошёл в скверик. Там встретил Сашу и Виталика. Я с Сашей пошёл к Наташе, но она ещё спала, и мы, извинившись за беспокойство, пошли на сопку одни.

Мы очень хорошо отдохнули и загорели.

В два часа мы были уже в городе и ждали Николая Александровича, чтобы взять задание на лето. Но он дал мне только две пьесы – это «Болеро» Даргомьжского и «Венгерское рондо» Гайдна.

Остальные получу завтра. В 20:30 втроём пошли ужинать. Поужинали, как всегда, очень весело. После ужина, как и прежде, гуляли вместе с девочками. Да, я так и знал, что выводы, которые я вывел, – ложны. Ей совершенно безразлично: уеду я или не уеду. Попрощались мы в одиннадцать часов. Я пошёл домой с более добрым настроением, чем прежде. Да, забыл сообщить, встретил Ронжина. Он пугает, что со мной разделаются за то, что я избил его.

Ну что ж, посмотрим, как бы мне не пришлось разделаться с ними. А к Наташе он больше не пристаёт. Уснул в 12 часов [ночи].

5 июля 1961 г.

Когда проснулся, солнце уже было над моим окном. О! Какой ужас! Два часа дня! Неужели я столько спал?! Удивительно, такого со мной ещё не случалось. Пообедав, пошёл в училище заниматься, но заниматься не стал, а пошёл к Николаю Александровичу за пьесами. Он сказал, чтобы я пришёл завтра. (...)

Как сегодня тепло и тихо, только иногда раздаются автомобильные гудки. Пахнет хвоей, листьями и каким-то очень приятным запахом.

Мне вдруг стукнула в голову одна очень красивая мелодия, вспыхнула и погасла!

Как я ещё неграмотен в музыкальной мысли, надо ужасно много трудиться, чтобы познать все тайники музыки!! Пробыло 12 ча-

сов... Как всё-таки хорошо и красиво здесь!! Особенно ночью! Ты, наверное, сейчас читаешь книгу или о чём-нибудь думаешь...

Свет в окне погас... Сейчас десять минут первого! Иду домой. Мне тоже пора спать.

6 июля 1961 г.

Встал в 9 часов. (...) Пообедав, пошёл в училище заниматься.

Повторил все свои старые пьесы и немного посмотрел «Венгерское рондо» Гайдна и «Болеро» Даргомыжского. Что за прелесть это рондо!! Бесподобная музыка! Такая вся лёгкая, пышная, почти прозрачная! Я бы только за это рондо расцеловал Гайдна! Снова взялся за прерванное «Каприччио» h-moll и Концертный этюд es-moll. Никак не могу сочинить контрастную часть Adagio к Allegro в «Каприччио». В 20:30 пошёл прогуляться в сквер. (...) Мы пошли гулять по всему городу. Что-то я не пойму её... Или она специально делает вид, что кого-то ждёт, или не знаю даже чего, или...

Впрочем, нам всем было очень весело. Все что-то кому-то рассказывали и очень смеялись. Девочки намекнули, что они через два дня уедут, но я этому не верю. Я всё что-то замечаю, но никак не пойму её. В одиннадцать часов она, попрощавшись, пошла домой. Да, всё-таки какой я тюфяк, но что я могу сделать, если она даже не хочет говорить. Попрощался со всеми и пошёл домой. Какой сегодня красивый закат!!! Лучше, чем вчера!

Сейчас пишу пьесу для оркестра «Ночной пейзаж»! Вышел на улицу... Очень тихо... *(Следующее предложение вымарано* – В.Б.)*

7 июля 1961 г.

Моё утро не стоит и описывать. Такой, как и прежде, подъём, одевание, умывание и завтрак. После завтрака пошёл в училище. Занимался над «Венгерским рондо» Й. Гайдна и «Концертной пьесой» Л. Шварца. Но заниматься не хотелось, и я пошёл обедать. Деньги у меня были, и, чтобы не идти домой, я завернул в «кафе». Пообедав, снова пошёл в училище. Встретил Лемана. Поздоровался. Как

* В дальнейшем текст, который не сохранился (был зачёркнут, вымаран, утерян), – будет обозначен следующим образом: (...).

всегда, он шутит. Я бы лично хотел быть таким, как он: волевым, гордым и очень умным музыкантом! Опять взялся за ручку, чтобы дописать Этюд, но что-то не думается. Повторил Марш из балета «Щелкунчик» П.И. Чайковского и Концертные вариации Л. Горенко. Вспомнил Этюды Крамера, Беренса, Шитте, Газерта и «тему с вариациями» Л. Гаврилова. Как мне хочется сыграть «Чакону» (d-moll) И.С. Баха, а также его «Токкату и Фугу», но чувствую, что надо ещё много трудиться, прежде чем браться за них. Позанимался неплохо.

Вспомнил, что надо идти в фотографию. Взял фото: как будто получились неплохо. Зашёл за Сашей, и мы пошли в кино, в зал обкома партии на «Колдунью». Фильм очень понравился. Ещё б одно усилие актеров, и я бы мог всхлипнуть. Вообще, фильм бесподобный. Волнует всё: и музыка, и сценки в лесу, в городе и, наконец, в церкви. После кинофильма немного прошлись в сквере и разошлись. Саша пошёл домой, а я зашёл в гастроном купить хлеба. Когда я вышел из него, то увидел девочек, они прогуливались по тротуару. (Забыл сообщить, что целый день шёл дождь и я уже заметно вымок.) Я поздоровался, но они почему-то не ответили. Я не обратил внимания и стал разговаривать о погоде. И вдруг мне заявляют, почему я не здороваюсь. Гм... интересно получается... я промолчал, и мы стали ходить по кругу: мимо совнархоза и снова сквер и т.д. Разговаривали о музыке. Вскоре они стали прощаться, а я стал ждать ключи. Когда шли домой, спросил у Ани об одном важном вопросе, но она что-то замаялась и так ничего не ответила.

Шёл домой весь промокший. Сразу разделся и лёг в постель читать книгу. Читать не дал папа, и пришлось спать.

Сейчас час ночи!

8 июля 1961 г.

Проснулся в 9 часов, а встал в 10:30.

Как всегда, умылся, оделся и сел завтракать. После завтрака сел писать письмо Виктору Коваленко в Киев и Алику в Ленинград. Обоим послал фото. Что-то нет ответа от Николая Ивановича Ризоля. Хочу написать А. Беляеву – баянисту-виртуозу в Ленинград, попрошу у него «Токкату и Фугу» И.С. Баха, которую он исполняет.

Изучаю музыкальные формы. Сейчас приступил к разбору «Концерта № 3» для скрипки с оркестром К. Сен-Санса. Немного разобрал на баяне сольную и оркестровую партии. Нечеловеческая музыка! Сколько экспрессии и душевного подъёма!!

Позвали обедать. Всегда так получается! Как только сядешь за работу, так надо обедать или ужинать! Пообедав, сразу вылетел из-за стола и побежал в училище. Снова взялся за «Каприс» и «Этюд», но что-то не получается. Совершенно нет вдохновения!

Вспомнил, что в 20:15 должен быть концерт нашего музучилища. Только я оделся, как пришёл Саша, и мы пошли к лётчикам в общежитие смотреть концерт. Но телевизор работал неважно, да и концерт почему-то не пропустили в программу. Тогда мы немного почитали и пошли гулять. Не успели мы выйти, как увидели Наташу и Лену. Сегодня она была совсем расстроенная, но чем? Может, и верно то, что я думаю, но... видимо, я ошибаюсь. Как всё же трудно веселиться и шутить, когда тебе не весело и не смешно... Ну, ладно! Постарайся всё забыть... (...) Больше оптимизма! (...) подобного! Чуть не умер от смеха! Вообще, впечатление осталось хорошее! После кинофильма сел заниматься на баяне. Но эта дурацкая погода всё портит. Ничего не выходит с композицией: начал писать четыре произведения, а ни одного не кончил! Что за чертовщина! Решил пойти домой почитать книгу. Придя домой, взял с полки четвёртый том Стендаля «О любви». Вообще-то что-то общее есть в его высказываниях, но для нашей эпохи это не подходит. В восемь часов прогулялся с Сашей в сквере, но было очень сыро и грязно, тогда мы зашли в дом. Вдруг услышали, что кто-то спускается вниз; мы спрятались за дверь и увидели, как вышла Наташа с велосипедом. Через несколько минут мы снова гуляли по площади им. Горького. Между прочим, она неплохо катается на вело. Я спросил: «Почему ты раздетая? Сейчас идёт дождь и можно легко простудиться» (это я только подумал). Но она ответила, что мне быть только врачом. На этом мы закончили нашу встречу, и она поехала домой.

Нам тоже пора по домам, и мы, попрощавшись с Сашей и Виталькой, разошлись. Было ужасно сыро и холодно. Я остался совершенно один со своими невесёлыми мыслями. Ну, если я её не

люблю, так почему же при её появлении я не могу держаться естественно, у меня пылают щёки, но я ничем не выдаю своего волнения, а только стараюсь скрыть всё это за непринуждённым весельем и смехом. Если бы ты это понимала! Когда я пришёл домой, то все давно спали. Я тихо разделся и лёг в постель. Долго не мог заснуть... Всё в голове перемешалось. Чёрт знает, что творится со мной!

11 июля 1961 г.

Меня разбудили в 10 часов утра. Вставать не хотелось. Болела голова, наверное, от переутомления. Когда позавтракал, было 11 часов.

Ничего не хочется делать. С самого утра идёт дождь. Идёт, и идёт, и идёт... уже противно смотреть на улицу. Придётся чем-нибудь заняться, а то можно умереть со скуки. Взялся за книгу, но дочитать не дали, снова обедать. После обеда прокрутил несколько пластинок. Очень трагичная и полная лиризма Увертюра к опере «Раймонд» [А.] Тома; заставляет плакать и наделяет большой силой и верой в хорошее! Нравится мне «Сеча» из оперы Н. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже», а также «Испанская серенада» Глазунова. Сейчас думаю пойти в училище за пластинками и нотами. Решил больше не гулять по вечерам. Чтобы хоть на некоторое время забыть о тебе. Думаю серьёзно учить гармонию и композицию. Хорошо было бы, если [бы] я уехал в лагерь. А дождь всё идёт и идёт... Сейчас ещё раз перечитываю Г.Ф. Генделя.

«Гендель – величайший композитор из когда-либо живших. Мне хотелось бы преклонить колена на его могиле».

«Das ist das Wahre!» («Вот это истинное!») Л. В. Бетховен.

Я тоже разделяю это желание Людвиг Бетховена!

«О ветры, тихо, тихо трепещите вашими золотыми крыльями среди ветвей! Слушайте, слушайте, как играет несравненный Гендель!... О! Смотрите, как этот могучий человек заставляет звучать силы органа! Здесь царь – Гендель! (Ромен Роллан, том XVII, стр. 109).

В шесть часов пошёл в училище. Немного позанимался на баяне и стал писать «Каприччио». После этого взял пластинки и пошёл домой. В 9 часов дождь перестал, и я вышел прогуляться; но в сквере никого не было, и я, походив немного, решил пойти спать.

Пока все мои записи очень скучны. Может, в дальнейшем меня ждёт более интересная программа?!

12 июля 1961 г.

Встал в 10 часов. Удивительно! Вот уже как два года мне не снятся сны, а в эти последние дни каждую ночь вижу то, что я хотел бы видеть всю жизнь. Я не пишу здесь о слишком вдумчивом и подробном, так как мой дневник может прочесть посторонний. Продолжаю дальше... После завтрака мне влетело от мамы за грубость, и я ушёл в училище. Моё желание сбылось! Я еду в лагерь на 86-й км. Хотя я еду один и в очень подавленном настроении, но мне радостно, что, может, и на некоторое время я забуду тебя, забуду этот шумный город, где так несёт сажей. Я беру туда нотной бумаги, буду писать, вернее, учиться писать музыку. Взял несколько образцов: концерты, сонаты, пьесы (для скрипки, виолончели, баяна и фортепиано), а также для симфонического оркестра. Буду изучать формы, гармонию, инструментальный состав симфонического оркестра. В общем, всё то, что необходимо при сочинении произведений. Был в магазине «Динамо», купил пластинку: «Концерт» для скрипки с оркестром Й. Брамса (исполняет Д. Ойстрах). Первая и вторая части концерта очень красивы и содержательны, а третья часть тоже очень техничная и мелодичная, но менее красива по замыслу и содержанию. Вечером вышел гулять. Встретил всех, кого и хотел встретить. Наташа каталась на велосипеде, а Лена выкатила своё вело на ремонт. У неё была проколота камера; мы сняли колесо, вытащили камеру и пошли к ним домой, чтобы обнаружить дырку, но Николай Александрович не разрешил ремонтировать, потому что было уже поздно, и мы ушли ни с чем...

Разговорились, кто куда поедет, вспомнили кинофильм «Полосатый рейс»... очень смеялись. Вскоре Наташу позвали домой, мы тоже, попрощавшись, разошлись. Спешить было некуда, да и ни к чему, и я пошёл прогуляться по городу. Я ни на кого не обращал внимания, потому что был поглощён своими мыслями: может, я не так что делал или слишком был навязчивый, ну, а если я что не так делал, так почему бы не сказать это в глаза? Ну что ж, уеду в лагерь,

может, там отвлекусь от этой глупой мальчишеской любви. Когда пришёл домой, все спали. Я взялся было за книгу, но тут же уснул.

Что покажет завтрашний день? Пока не знаю...

13 июля 1961 г.

Поднялся в 9 часов. Позавтракал и пошёл в училище, узнать у Николая Александровича, когда мне ехать. Ничего не узнал, завтра снова идти. Наверное, завтра же я уеду.

Саша и Виктор сегодня уезжают на 23-й километр в 3 часа. Я попрощался с ними и пошёл обедать. После обеда разбирал «Славянские танцы» Дворжака для симфонического оркестра и «Послеполуденный отдых Фавна» Дебюсси. Скорей бы учили гармонию и инструментовку. Надоело бездельничать! Подобрал обещанные книги и отнёс Николаю Александровичу. Не знаю, понравятся ли они ему. Прогулялся немного в сквере, встретил Витальку. Немного поболтал с ним и ушёл домой. Нашёл «Интродукцию» a-moll с посвящением (...), завернул её и понёс в сквер. В сквере я увидел Наташу и Лену. Сел к ним и стал рассказывать о поездке Саши и Виктора. Конечно, я был прав. Она обращает на меня ноль внимания.

Подошли Виталик и Аня: стало веселей, но мне было невесело, хотя и смеялся! Они что-то чертили на земле... А, это сокращенное имя (...) если Володя, то не хватает ножек к букве Д, а если Коля, тогда всё правильно! Неужели Медеян? О! Боже, неужели он? Как тогда это глупо?! (...) Ну зачем я так унился (...)? Зачем я посвящал тебе пьесы?! Зачем?! (...) Быстро шёл домой!.. Сегодня должны передавать «Концерт» В.А. Моцарта в переложении для флейты, арфы и октета баянистов*.

(...) но репертуар истощился, и пришлось включить магнитофон. Здесь есть неплохие девочки по семнадцать-шестнадцать лет, я танцевал с ними по очереди. Почти все чересчур нахальные, так и липнут...

После массовки пошёл гулять. Очень хорошо. Почему-то вспомнилась «Вечерняя песня» Моцарта: «Вечерний час настал от-

---

* Далее лист из дневника вырван.

радный, и ветерок задул прохладный...». Зародилась новая идея – написать арию «Смерть Паяца».

В 12 часов пошёл спать.

16 июля 1961 г.

Уже третий день, как я в лагере.

Побежал к реке, умылся и стал аккомпанировать зарядке. После зарядки был завтрак, а после завтрака я пошёл в лес загорать.

Чуть не опоздал на обед. Пообедав, снова пошёл в лес. Смотрел, как ловят рыбу.

В полдник раздали яблоки и конфеты. Я с ними быстро управился и решил съездить в Магадан за нотами, не знаю, отпустят ли. Куда-то исчезли «Славянские танцы» Дворжака и «Фавн» К. Дебюсси, кто бы их мог взять? Гм. Чёрт знает что.

Но автобус уже ушёл, и мне снова пришлось играть на танцах. Стало так скучно, что хочется обратно в Магадан. Не спал до 12 часов ночи. Кое-как заснул.

17 июля 1961 г.

Сегодня обязательно уеду в город. Здесь нет ни газет, ни журналов, даже не говорит радио. Невыносимая скука! Надо подобрать нотный репертуар для танцев. Наверное, будет дождь, наволокло туч по всему небу.

Приехал в Магадан в девятом часу, родители были удивлены, но не ругали. Я сразу же бросился на огурцы и помидоры и быстро с ними управился. Сходил в гастроном за хлебом, когда шёл обратно, увидел Виталика, Лену, Аню и Наташу. Они, конечно, меня видели, но не подошли, а я тем более не стал к ним подходить. В одиннадцатом часу я заснул.

18 июля 1961 г.

Утром ходил в музучилище. Встретил Луценко и Василия Белокрылова, поговорил о скорых занятиях и о моей работе в лагере. Но я спешил успеть собраться в дорогу и, попрощавшись, ушёл домой. Видел Наташу и Лену, сделал вид, что не обратил внимания.

Выехал из города в четыре часа, ехали очень долго. В лагерь прибыл в 9:30 утра. Сразу же уснул.

19 июля 1961 г.

Провёл день как всегда. Разнообразием был кинофильм «Озорные повороты». Целый день шёл дождь, и после такого дня хорошо бы соснуть.

20 июля 1961 г.

Опять идёт дождь. Здесь совершенно нечего делать. Принялся за «Каприччио», очень быстро кончил Allegro grazioso, что в Магадане не мог закончить за полгода. Сделал наброски «Романса» и «Смерть паяца».

Вечером три часа играл на танцах, а потом дал маленький концерт (сольно).

Сейчас собираюсь спать, боюсь проспать на зарядку.

21 июля 1961 г.

Сегодня чудесный день! Немного позагорал и принялся разучивать «Вальс-фантазию» М. Глинки и «Долорес» Э. Вальдтейфеля. Бесподобная музыка! Приходится только удивляться, как могли сочинить такую музыку такие существа, как люди. Занимался сегодня восемь часов, кажется, неплохо. Подбирал музыку для детского балета-спектакля «Царь-горох». Приходится быть и поэтом, и композитором, и аккомпаниатором, а также руководителем. Мне очень нравится заниматься такой работой, не то что бездельничать в городе. Здесь есть и ценители классической музыки. Играл И.С. Баха, Генделя, Чайковского, Паганини; исполнял так, как будто я нахожусь в зале перед публикой. Продолжаю писать музыку: всё же природа оказывает большое значение в области искусства, как музыки, так и живописи. Сегодня с налёта написал романс «Детская любовь», на свои слова, и кончил первую часть «Смерть паяца».

Никак не могу забыть происшествия с «Интродукцией», очень обидно за себя, что был такой глупый. Но сам по себе чувствую, что с каждым днём становлюсь умнее, выдержаннее, как-то реши-

тельней. Наверное, помогает моё воспитательское положение; как-никак, я педагог и воспитатель. Организовал кружок баянистов, но, как ни странно, все девочки (не меньше шестнадцати лет). Подобрались все хорошие, не хамки. Сейчас сижу в комнате, раскрыл окно; пахнет лесом и каким-то запахом реки. Очень прекрасно! В такую ночь только и писать «Ночные пейзажи». Пишу стихи. Вот отрывок из «Дней юности»:

Зачем тебя я встретил студенческой порой,
Зачем я полюбил тебя за нрав красивый твой,
Тайком писал тебе записки о любви
И часто думал о тебе все дни.

23 июля 1961 г.

Поднялся немного раньше горна, сыграл для гимнастических упражнений и, позавтракав, пошёл прогуляться по лесу. Выспевает жимолость и морошка, скоро будем ходить за ягодой. Сегодня день несколько хуже, чем вчера, хоть и тепло, но пасмурно. Написал один куплет шуточной немецкой песенки, вот он:

Жили на свете, были на свете
четыре хороших друга.
Джонни – токарь, Тэдди – лётчик,
Томи – повар, а Бобби – музыкант.
Тэд-ди-бо-ды, Джонни, Тедди,
Томи, Бобби – Джа-джа-джа-джа.

После обеда снова разучивал Вальсы Глинки и Вальдтейфеля, а также Ф. Листа «Венгерскую рапсодию № 2». Два часа играл на танцах. Сходил в кино. Сидел с Тамарой, вообще-то, если внимательно приглядеться, очень хорошая девочка, вернее девушка, ей уже семнадцать лет. Она мне во многом помогает!..

24 июля 1961 г.

Был хороший день! Почти весь день загорал, а вечером гулял с Тамарой. Завтра пойду с ребятами в поход (суточный), не знаю, какой будет день. Заниматься опять не придётся.

25 июля 1961 г.

Ходили в поход. Всего прошли 19 км. Я, как заправский турист, надел очки, взял рюкзак с провизией, натянул пластмассовый козырёк и отправился в путь.

Научил их петь итальянскую народную песню «В путь», ту, которую мы пели в училище. Я взял самых отъявленных храбрецов, и мы составили план маршрута до «Шляпы Мономаха» (куполообразная вершина горы). Четверо моих ребят несли палатку (они были уже достаточно взрослые, по 15, 16 лет), один нёс удочки и геологические молотки, а я нёс, как я уже говорил, провизию. Пока дошли до «Шляпы Мономаха», все очень устали и расположились на берегу реки в очень живописной местности. Развели костёр и начали купаться. Хотя вода была и холодная, но на песке было очень жарко, и мы не отстукивали зубами, как было раньше. Поймали несколько хариусов и форелей, начали варить уху и рисовую кашу. Пока готовился обед, мы залезли на самую вершину «Шляпы Мономаха» и нашли там несколько образцов горной породы. «Шляпа Мономаха» – это огромная скала, почти отвесная, и, когда мы спустились с неё, я очень боялся, чтобы никто не разбился, но всё обошлось более-менее благополучно. Обед получился очень вкусный. После обеда двинулись в обратный путь.

Видели много зайцев и куропаток, я очень жалел, что не взял с собой винтовку Александра Михайловича. В лагерь пришли в девятом часу, все умылись и легли спать, а я ещё долго читал гармонию и перечитывал, уже в который раз, свой дневник. Хочу уехать в Магадан. Ужасно надоело жить без людей, училища, ребят. Жду машину из Магадана, на автобус нет денег..

26 июля 1961 г.

Сегодня ходил один в «Медвежий распадок» и на «Волчий ключ». Взял рюкзак с пищей на сутки, винтовку, спички – в общем, всё то, что необходимо в тайге. Если бы меня кто увидел из знакомых или студентов, то наверняка не узнали бы. Лицо обветренное, чёрное от загара, как у индейца прерий; одет по-охотничьи, да ещё и в кедах. Шёл по настоящей тайге, деревья, особенно лиственни-

цы, угрожающе шумели, пели птицы, бегали бурундуки и белки, но из винтовки (карабин) их без толку бить, останутся одни клочья. Видел много свежих следов медвежьих и лосиных, немного жутковато... Вечером, в половине десятого, я остановился в «Медвежьем распадке», закусил консервами и бутербродом. Вдруг раздался какой-то душераздирающий крик, у меня поползли мурашки по спине, но я вскоре успокоился – это кричал огромный пучеглазый филин. Я хотел было его подстрелить, но он улетел. Уже порядком стемнело, и я решил заночевать здесь. Развёл костёр «звёздный», расстелил веток и лёг рядом с огнём. Нельзя передать словами, что я в это время чувствовал. Мне было до сумасшествия хорошо. Трещал костёр и отсвечивал развесистые лапы елей, я держал винтовку на коленях (на всякий случай). Вспоминал романы Майн Рида, Фенимора Купера, Жюль Верна и был доволен и горд, что я испытываю то же самое, что и многие книжные герои! Я очень жалел, что со мной нет милого Алика или Саши. Одному, конечно, скучновато, но зато можно предаться своим мыслям при свете яркого костра и при кастрюльке, в которой варится твоя любимая каша с куропаткой (я убил её несколько раньше). Сильно клонит ко сну, и я, поев каши, завалился в гору веток и травы.

Разбудила меня упавшая шишка с кедра. Уже всю светило солнце, и наперебой пели птички. Костёр давно потух, и, доев остатки каши и куропатки, я отправился к «Волчьему ключу». Встретил несколько зайцев, но только брался за карабин, как они исчезали. Всё же одного удалось подстрелить, и он оказался у меня в рюкзаке. Как хорошо, что я привык носить породу по сорок-тридцать килограмм, в полевой партии; сейчас мне этот рюкзак ничего не стоит пронести ещё километров 25–30, хотя он и весит килограмм десять.

На «Волчьем ключе» убил глухаря и был очень рад, что сдержал своё слово, что убью его.

Сейчас идти было труднее. Как-никак, а весит он килограммов 5. Когда выбрался на дорогу, то стал ждать попутку. Я находился на 112-м км. Это значит, «Волчий ключ» находится от лагеря в 25 км. Самому удивительно, как я мог столько пройти.

Ужинал уже в лагере. Очень хвалила тетя Маша, наш повар, за глухаря и зайца. Я так устал, что сразу завалился спать.

27 июля 1961 г.

Днём ушла машина, и я уже в городе...

Наташа даже не обратила внимания на мой приезд. Да, теперь всё кончено! А жаль!

28 июля 1961 г.

Изменений нет. Снова видел её. Гуляла.

29 июля 1961 г.

Николай Александрович пригласил меня поехать с ним на рыбалку на море.

Завтра утром поеду, но с кем...

30 июля 1961 г.

Утром выехали на «Волге». Доехали до порта и пересели в моторную лодку. Нас было шестеро: Николай Александрович, я, два спортсмена-парашютиста, Маринка и Саша. Наловили ведро рыбы и стали готовить уху. Уха получилась очень вкусная, и мы, нагрузившись пищей и снаряжением, решили ехать домой. Но мотор не заводился, и нам пришлось сесть за вёсла.

Гребли все одиннадцать километров: очень устали. Домой я пришёл в час ночи. Сразу же заснул.

31 июля 1961 г.

Хотел уехать в лагерь, но не было автобуса.

1 августа 1961 г.

В четыре часа дня сел на автобус и уехал в лагерь. Приехал в 8 часов вечера, позанимался и лёг спать.

2 августа 1961 г.

После завтрака ушёл загорать, а вечером перекладывал трио И.С. Баха для двух скрипок и баяна.

3 августа 1961 г.

Боже мой! Как надоела мне эта дыра! Скорей бы уехать в Магадан и начать серьёзно заниматься. Сейчас подготавливаю концерт.

4 августа 1961 г.

Сейчас позагорать некогда. Все дни репетиции к концерту. Через пять дней закрытие лагеря, и надо играть на костре и на танцах. Очень устал!

5 августа 1961 г.

Всё то же. Очень занят. Завтра хочу уехать в Магадан.

6 августа 1961 г.

И вот я в городе. Что меня так сильно тянет в Магадан? Почему я сразу же пошёл в сквер и в училище? Да, как видно, я её очень люблю, но за что?! За то, что она обманывает меня? Или за то, что оскорбляет?

7 августа 1961 г.

Кончил трио. Надо искать скрипачей.

8 августа 1961 г.

Уехал в лагерь. Завтра играть на закрытии лагеря.

9 августа 1961 г.

Этот день начался, как всегда, зарядкой и завтраком. После этого все гладились к торжественной линейке. На линейке присутствовали и директор школы-интерната, и завгоороно. Всё прошло очень хорошо. После линейки проводили различные игры, аттракционы и танцы. С девяти вечера начался бал-маскарад. Я чуть не сошёл с ума! Играл четыре часа без отдыха на танцах. Но лёг спать с хорошим настроением, наконец-то кончилась моя дурацкая работа. Завтра уезжаю в Магадан.

10 августа 1961 г.

Встал в шесть часов утра. Привёл себя в порядок и пошёл на автобусную остановку. Выехал в 7:30. В 9 часов был уже в городе. Отдохнул и пошёл в училище. Занимался до девяти вечера. Когда шёл мимо сквера, увидел их снова, как всегда, они гуляли.

Я поздоровался и пошёл домой, на большее я не мог рассчитывать.

11 августа 1961 г.

Как я уже напоминал раньше, что написал партии для «трио» И.С. Баха, то первое, что я узнал, согласны ли Наташа и Аня играть со мной? Но они отказались. Вот ещё одна обида, полученная от неё. Ни одного жеста, ни одного слова для меня, всё только презрение и насмешка. Но я ж её ужасно люблю и уважаю!

12 августа 1961 г.

Опять занимался и снова видел их гуляющими.

13 августа 1961 г.

Отнёс пластинки и плёнки в училище. Играл весь вечер. Потрясает «Органная токката и Фуга» ре минор, а также «Патетическая соната» до минор Л. Бетховена.

14 августа 1961 г.

Сегодня наконец я гулял с ними, т.е. с Наташей, Леной, Виталиком и Сашей (он приехал на один день). Разговаривали как ни в чём не бывало. О том, что было несколько дней назад, – ни слова. Расстались, как всегда... За что мне такие муки?! За что?! Это невероятно! Я её очень люблю! Но зачем? Ведь это безнадежно! Она меня презирает и даже ненавидит, но за что?! За что?! Я больше не могу этого вынести!

15 августа 1961 г.

С добрым утром! – хорошие слова, но сегодня утро я бы не сказал, что доброе...

Был в училище, занимался. Вечером играл «Чакону» Баха, 1-ю часть. После этого гулял снова с ними. Шутил, смеялся, рассказывал о работе, но это всё внешне, а если бы кто знал, что я думаю внутренне... сколько противоречий, любопытства, смущения и, главное, подавленности.

Когда расставались, Наташа попрощалась со всеми за руку, но я (сейчас я раскаиваюсь в этом) отказался дать ей руку, и она, наверное, очень обиделась. Я не знаю, даже не имею представления о том, зачем я это сделал? Проводили Лену, я пообещал ей книгу «Спартак»! Шёл домой, чуть не плача. Всё сильнее и сильнее захватывает меня любовь. Уснул после долгих раздумий.

16 августа 1961 г.

Был в училище, болел за поступающих на 1-й курс. Сдали все, за исключением двух человек. Пообедав, пошёл в кино на «Семью Мяннард». Очень хороший фильм. Когда вышел из «Горняка», в городе стоял густой туман, и пришлось надеть плащ. Гулял в парке с Виталькой и Олегом (первокурсник), Наташи и Лены не нашли, и одним было скучно. Я посмотрел на наших девочек и девушек... это просто невероятно, даже ужасно. Стоит обратить внимание на одну из них, так будешь жалеть об этом, так как она не отвяжется от тебя до тех пор, пока не удовлетворит своего желания. Мне очень приятно, что Наташа и Лена не такие, я думаю, что они и не будут такими.

Прочитав «Спартака», кажется, в шестой раз, я настолько хорошо узнал о таких замечательных, гениальных, талантливых людях, как Спартак, Крикс, Арторикс, Борторикс, Цезарь, Валерия, – настолько честных и благородных, что очень обидно за свою эпоху! Где всё хорошее?! Благородное?! Почему люди стали невнимательными друг к другу? Как чиста и благородна любовь между Спартаком и Валерией; между Арториксом и Мирцой. Да, я очень жалею, что родился очень поздно; или очень рано?

17 августа 1961 г.

Вечером ходил в кино на [фильм] «Друг мой, Колька!». Очень хороший фильм. После кинофильма встретил Наташу, и снова тот же презирающий взгляд, тот же насмешливый тон...

Спросил, выйдут ли они гулять, – ответила, чуть насмешливо, «конечно». Когда я шёл прогуляться, то увидел, что Лена, Наташа и Виталик уже о чём-то беседовали. Я подошёл к ним, и Лена отдала мне книгу «Спартак», говорит, что очень понравилась, но пометки лишние. Я ответил, что такова моя привычка пометать и писать в книгах. Я заметил, что сегодня они явно не в настроении, и стал задавать раздражающие вопросы, но вскоре прекратил, так как это близилось к ссоре. Как видно, я был лишний, но уходить не стал, ещё подумают, что я и верно думаю, что за мной кто-то бегаёт, как они мне утверждали. Попрощались в десять-пятнадцать ночи. Опять, как и прежде, стоило любоваться природой, в особенности небом. Оно было усеяно мириадами звёзд... Вот моя Венера, обожаемая звезда, самая яркая после солнца и луны, а вот Цицерон, в центре созвездия Лебеда... Да, бесконечность... Как это жутко!

Надо спать. Сейчас 12:35 ночи!

18 августа 1961 г.

Встал очень поздно. День на редкость был очень жаркий, но идти никуда не хотелось. Просмотрел «Спартака», я так и знал, что они пометят это место, но они ошибаются, я всё знаю, и что человеческое сердце так устроено, – это было всегда! – что оно желает именно того, что ему не даётся. И чем сильнее препятствия, мешающие исполнению его желаний, тем сильнее упорствует оно в своём стремлении удовлетворить. Всё это, Наташа и Лена, я знаю! (...)

Гулять вышел в девять часов. Как и прежде, все о чём-то рассказывали, но я почти не слушал. Попрощавшись с Леной и Наташей, ещё долго гулял... но надо было идти домой.

19 августа 1961 г.

Сегодня смотрел скрипки в комиссионном магазине, очень хороший инструмент. Вышел гулять один, сходил с Володей в кино, а потом гуляли... Гулял один.

В одиннадцать часов узнал то, что меня всегда мучило. Всё напрасно. Шёл домой и не чувствовал, что дождь льёт как из ведра. Пока дошёл, промок окончательно.

20 августа 1961 г.

Сегодня встал в одиннадцать часов, скоро должны передавать Концерт для баяна с оркестром Ф. Рубцова. Не знаю, первый или второй. Я не ошибся, передавали именно мой концерт, который я играл на экзаменах.

Ходил в кино на «Наших ребят». Немного отвлекся от глупых мыслей. Решил серьёзно заняться спортом.

Вечером пошёл в училище заниматься. Разучивал «Баркаролу» П.И. Чайковского и «Вальс-фантазию» М.И. Глинки.

Когда шёл домой, то встретил Наташу и Лену. Спросил, сколько время, конечно, для приличия. Было 10:30 вечера. Я пошёл домой слушать симфонический концерт Брамса, Грига и Мендельсона.

21 августа 1961 г.

Позавтракав, пошёл в книжный магазин узнать насчёт денег, но оказывается, сегодня отдел выходной. Тогда решил заняться на баяне. Повторил все выученные пьесы и учил «Вальс» и «Баркаролу». Сколько в этом вальсе приподнятости, лирики и в то же время грусти. Недаром М.И. Глинка назвал его «Вальс-фантазия». Хочу успеть выучить его до сентября, иначе тогда будет некогда. В восемь часов вечера пошёл гулять. Увидел Наташу и Лену около гастронома. Поздоровался с непринуждённым весельем, почти искренним, но гулять с ними не стал. Искал Витальку, с ним можно было подойти к ним. Увидели их, когда шли мимо кафе. Болтали о кинофильмах и книгах. Посоветовали мне прочитать «Дневник Анны Франк». Проводил Наташу до подъезда и пошёл домой. Ну что ж, теперь мне надеяться не на что, придётся взять себя в руки и «веселиться» до конца.

24 августа 1961 г.

Прочёл «Дневник Анны Франк». Кроме одного слова, больше не могу выразить – Великолепно!! Многое в этой книге касается меня. Теперь я понимаю, зачем Наташа посоветовала мне прочесть её. Она дала мне понять, что я нравился ей, но сейчас это прошло, и ей нравится другой мальчишка! Да, с моей сторо-

ны надо бы прекратить всё это, но на это у меня не хватает воли, да и как я могу прекратить всё, если я очень люблю её?! Сегодня гуляли вечером. Я, Саша (он вчера приехал), Наташа и Лена. Наташа сказала, что я очень жестокий, но в чём? Если мне нравится только один человек, и я даже люблю его, и это она отлично знает, так почему я должен ещё с кем-то дружить вроде Тани – по-моему, это очень глупо. Если Наташе нравится кто-то, то она сказала мне, что я зря стараюсь, ей нравится другой, и это самый хороший поступок, иначе поступить нельзя! И если бы не моя воля и умение держаться, я наговорил бы ей дерзостей, но я не такой человек: в подачках не нуждаюсь. Конечно, любить я её буду только внутренне, а внешне?..

Наверное, смеяться.

Нотный репертуар для БАЯНА

Крупные произведения

Н. Чайкин. Концерт (B-dur) *с оркестром*.

Ф. Рубцов. Концерт (G-dur) *с оркестром*.

Ф. Рубцов. Концерт (D-dur) *с оркестром*.

Н. Будашкин. Концерт (g-moll) *с оркестром*.

К. Мясков. Концерт (F-dur) *с оркестром*.

Н. Речменский. Концерт (C-dur) *с оркестром*.

Н. Чайкин. Соната (h-moll) *соло*.

В.А. Золотарёв. Сюита (для trio) a-moll.

А. Михайлов. Концертные вариации (*с оркестром*) (D-dur).

Н. Ризоль. Фантазия (g-moll) *соло*.

И.С. Бах. Чакона (d-moll) *соло*.

Г.Ф. Гендель. Пассакалья (g-moll) *соло*.

Г.Ф. Гендель. Концерт (g-moll) *с оркестром*.

Ф. Лист. Рапсодия № 2 *соло*.

Ф. Лист. Рапсодия № 6 *соло*.

Я солгал им, что в кино не плачу, конечно, этого не было, но часто глаза были влажные. И солгал я из-за злости, как будто Наташа не знает, как я восприимчив к музыке и вообще ко всему хорошему,

может, это и глупо, когда слушаешь очень трогательную музыку – плакать? (...)

Почему-то меня тянет к чему-то очень хорошему, честному, я люблю животных, и в некоторой степени даже больше, чем людей, потому что животные, будь то собака или кошка, никогда не сделают зла и подлости, как это часто делают люди. Я очень хочу быть хоть капелючку похожим на дорогого мне Петра Ильича Чайковского! Наташе нравится Бетховен, но как человек он несколько хуже Петра Ильича, и я преклоняюсь перед его гордостью, прямоотой и музыкой, но Чайковский для меня – это нечто божественное, благодородное!..

1. П.И. Чайковский. Баркарола.
2. Экосез из оперы *«Евгений Онегин»*.
3. Ната-вальс.
4. Маленький марш.
5. Вальс (соч. 40, № 9).
6. Октябрь из цикла *«Времена года»*.
7. Танец пастушков из балета *«Щелкунчик»*.
8. Романс Полины из оперы *«Пиковая дама»*.
9. Шарманщик.
10. Менуэт из балета *«Спящая красавица»*.
11. Чардаш из балета *«Лебединое озеро»*.
12. Сцена из балета *«Лебединое озеро»*.
13. Вальс из балета *«Спящая красавица»*.
14. Скерцо.
15. Марш из балета *«Щелкунчик»*.
16. Испанский танец из балета *«Лебединое озеро»*.
17. Вальс из балета *«Лебединое озеро»*.
18. Вальс цветов из балета *«Щелкунчик»*.
19. Вальс из оперы *«Евгений Онегин»*.
20. Неаполитанская песенка. Полька.
21. Думка (для баяна с фортепиано).
22. Русская пляска.
23. Подснежник из цикла *«Времена года»*.
24. Романс f-moll.

25. Каприччио.
26. Русский танец из балета «*Лебединое озеро*».
27. Экосез из оперы «*Евгений Онегин*».
28. Арабский танец из балета «*Щелкунчик*».
29. Танец феи Драже из балета «*Щелкунчик*».
- 30.

Л.В. Бетховен.

1. Анданте из Симфонии g-moll.
2. Экосез.
3. Сурок.
4. Марш из «Афинских развалин».
5. Патетическая соната.
6. Песня ирландца.
- 7.

И.С. Бах.

1. Чакона (d-moll).
2. Органная прелюдия g-moll.
3. Органная прелюдия a-moll.
4. Органная прелюдия d-moll.
5. Фуги – g-moll, d-moll, a-moll, c-moll.
6. Фантазия g-moll.
7. Две хоральные прелюдии.
8. Прелюдия c-moll.
9. Сицилиана.
10. Буррех-moll.
11. Бурред-moll.
12. (Менуэты, Жиги, Сарабанды, фуги и т.д.)

Г.Ф. Гендель.

- Концерт (*с оркестром*) g-moll.
Пассакалья g-moll *соло*.
Сарабанда d-moll.

Прелюдия c-moll.
(Менуэты, Жиги.)

В.А. Моцарт.
Соната № 10.
Рондо из *Сонаты A-dur*.
Менуэт h-moll.
Вальсы.
Менуэты.

Сонаты. Фантазии. Каприсы. Пьесы.
Дж. Тартинни. «Трели дьявола».
П. Локателли. «У гробницы».
Ф. Верачини. Соната g-moll.
Э. Григ. Соната № 1 F-dur.
Т. Корганов. Соната.
Р. Шуман. Фантазия (*с фортепиано*).
П. Сарасате. Концертная фантазия на темы из оперы Ж. Бизе
«Кармен» (*с фортепиано*).
Н. Паганини. 24 каприса (*соло*).
О. Тевдорадзе. Каприс (*с фортепиано*).
Г. Венявский. Скерцо-тарантелла (*с фортепиано*).
К. Сен-Санс. Лебедь (*ф-но*).
С. Рахманинов. Итальянская полька (*с фортепиано*).
Ю. Яцевич. Четыре картины (*с фортепиано*).
А. Хачатурян. Две пьесы: Танец. Песня-поэма (*с фортепиано*).
Е. Граубинь. Канцона (*с фортепиано*).
Скрипичный букварь (II).
Д. Шостакович. Четыре прелюдии.
Б. Кампаньоли. Семь дивертисментов, *соч. 18*.
В. Шер. 12 виртуозных этюдов (*соло*).
В. Шер. Фантазия из оперы «Война и мир» С. Прокофьева.
М. Вайнберг. Молдавская рапсодия.
Б. Савельев. Рапсодия для скрипки с оркестром.

- Нотный репертуар для фортепьяно.
К. Черни. Избранные этюды для фортепиано.
К. Черни. Школа беглости для фортепиано.
И.С. Бах. Инвенции (I том).
И.С. Бах. Каприччио (из партиты c-moll).
И.С. Бах. Анданте (из сонаты d-moll).
И.С. Бах. Фуга d-moll.
И.С. Бах. Прелюдия (из сюиты e-moll).
И.С. Бах. Избранные произведения для фортепиано.
И.С. Бах. Восемь прелюдий и фуг для органа (в переложении для фортепиано).
Г. Гендель. Концерто-Гроссо g-moll (в 4 руки для фортепиано).
Ф.Э. Бах. Соната f-moll.
Ф.Э. Бах. Рондо h-moll.
Ф.Э. Бах. Соната a-moll.
Н. Римский-Корсаков. «Шествие» из оперы «Млада» (в 4 руки).
М.И. Глинка «Славься» из оперы «Иван Сусанин».
Ф. Дандриё. Флейты (рондо).
Д. Циполи. Сарабанда.
Д. Циполи. Жига.
И.В. Гесслер. Рондо.
И.В. Гесслер. Скерцо.
Ф. Шуберт. Музыкальный момент f-moll.
Ф. Шопен. Революционный этюд № 12.
П.И. Чайковский. Избранные танцы из балетов.
П.И. Чайковский. Миниатюрный марш.
А. Аренский. Полонез.
С. Прокофьев. Три гавота.
Полифонические пьесы.
Р. Шуман. Альбом для юношества.

Мои мечты, мои стремления, но она знает, что я люблю её! Это самое ужасное!

Впрочем, за что я люблю её?.. Может, это просто увлечение... мальчишеская глупость?.. Нет... нет... не может этого быть.

Почему я не могу держаться при ней?.. краснею... мне хотелось бы сказать ей самые лучшие слова, но я знаю, что она ответит на это.

17 сентября 1961 г., воскресенье

Утром был на морской базе для военных кораблей – очень интересно. В два часа был в училище, видел Михаила Гольдштейна – скрипача, лауреата всесоюзного конкурса исполнителей. Он репетировал с Эллой Ароновой Орковой концерт для нас – то есть студентов музучилища.

Когда он кончил репетировать, мы подошли к нему, но никак не решались заговорить. Но он сам вывел нас из этого замешательства и расспросил всё о нас. Узнав, что мы на отделении баяна, обещал познакомить нас с баянистом Михаилом Прокофьевым – другом по музыкальной филармонии. В два пятнадцать концерт начался. Да! Это был такой концерт, что и сейчас я под впечатлением [от] «Концерта» П.И. Чайковского, «Адажио» И.С.Баха и румынской импровизации «Жаворонок» в обработке исполнителя. Как он играет! До того всё продумано, отработано, что слушаешь, затаив дыхание! Его долго не отпускали со сцены, и он играл!.. Играл!.. Играл!.. Я просто восхищён! Я сегодня ещё увижу его на концерте в театре. И постараюсь запомнить всё, всё! Как прекрасно вспоминать о таком большом мастере музыки, когда он может оставить в памяти своё великое мастерство и музыку гениальных композиторов!

20 сентября 1961 г., среда

Забыл сообщить: недавно, когда я шёл из училища, встретил Наташу. И в этот вечер для меня всё стало настолько ясно и понятно, что я удивляюсь своей тупости. Как я не догадывался, что ей нравится Женя. Нет, не то слово «не догадывался»... я знал, что он нравится ей, но она солгала мне, что он не нравится... Просто она не хотела говорить мне этого. Да и к чему. О, какой ужас, у меня совсем нет воли на это. Зачем я увидел её? Чем она увлекла меня?.. Чем?.. Ну конечно музыкой!.. О!.. Эта музыка!.. Что ты со мной делаешь?!

Сейчас надо всё забыть. Всё, всё!.. Нет, я не раскис!.. У меня хватит воли порвать с этим!.. Но только навсегда!.. Навсегда!.. Навсегда!.. И ещё раз навсегда!.. Я сделал всё, что от меня требовалось! Я признался ей, что я люблю её; рассказал, как это произошло; раскрыл ей всё, что нельзя раскрывать, а она?..

А она очень просто и искренне сказала, что ей нравится другой, т.е. Женя. Но я не обиделся на неё, не сказал ни одного грубого слова, хотя и был унижен её невниманием. (...) А сейчас всё кончено... Надо начинать сначала... но только по новому пути!.. И за что я извинялся перед ней? Так унизиться, потерять личную гордость. Зачем?..

23 сентября 1961 г., суббота

Встал очень рано, в пять часов, и сразу сел заниматься на баяне. В девять пятнадцать у меня урок по специальности, и хотелось хорошо сыграть. Скоро неделя советской музыки, и Николай Александрович торопит скорей выучить Танец из балета «Красный мак» Р. Глиэра и «Вальс» Н. Чайкина, а также «Фантазию» А. Суркова (дуэт). И оркестром тоже куда-то спешим, говорит, что в начале октября будем выступать в театре. Готовим «Гопак» из оперы «Сорочинская ярмарка» М. Мусоргского и «Цыганский танец» из балета «Генрих VIII» К. Сен-Санса. Очень хорошая музыка, особенно «Цыганский танец» К. Сен-Санса.

Сцена № 1 из балета «Лебединое озеро» П.И. Чайковского – один из наших номеров, что в репертуар входит на всё время.

С Наташей какие-то натянутые отношения, вина этому, наверное, наш последний разговор. Да, я устал добиваться бесполезного – её дружбы... явно отношения не в её сторону. Она, того не подозревая, совсем оттолкнула меня. Кажется, очень заметно, что мои записи стали сухие и однообразные, как и моё настроение.

24 сентября 1961 г., воскресенье

Всё то же. Стал безразличен ко всему, даже к музыке. Ничего меня не интересует, кроме... сам даже не знаю, кроме чего, но только не её. Ну, зачем я лгу себе? Хочу не думать о ней, но чем больше я хочу этого, тем чаще думаю о ней. А для чего?

Ходили с Сашей в кино. Смотрели «Овода», того неповторимого «Овода», который заставил говорить о себе весь мир. Мой милый Артур, я полюбил тебя, как самого дорогого мне человека, как родного брата. Я плакал, следя не как из зрительного зала, а как будто я был с тобой, следя за всей твоей героической жизнью! Я забыл, что существуют какие-то киноартисты, я смотрел живые чувства. Те чувства, которые переполняют мою душу. Хотелось бы расцеловать Олега Стриженова за гениально – да, я не ошибся – именно гениально сыгранную роль. Несколько ближе сидела Наташа, я догадывался, о ком она думает: опять о нём... После кинофильма проводил её до подъезда. Немного постояли и, попрощавшись, разошлись. О чём она думала... о фильме? Или о нём? Ну, что ж, если о Жене, тогда мы можем быть только школьными товарищами... и не более!..

25 сентября 1961 г., понедельник

Встал в четыре часа утра. Сделал маленький кросс по ночному городу и пошёл в училище заниматься. В девять пятнадцать был урок по специальности. Прошёл хорошо. Дальше занимался по остальным предметам. Освободился только в восемь часов. Гулял с Сашей до десяти часов и пошёл спать. Завтра оркестр.

26 сентября 1961 г., вторник

Боже мой! Какие скучные мои записи. Но ничего не поделаешь, апатия завладела мною всецело.

27 сентября 1961 г., среда

(...) В семь часов ходил в кино. Смотрел «Где чёрту не под силу». Очень понравился!

29 сентября 1961 г., пятница

Сегодня мне здорово влетело от Николая Александровича за то, что не выучил партию. Пришлось сделать для себя выводы. Завтра начну заниматься по-настоящему. Начал писать пьесу «Раздумье». Написал очень красивую тему, по-видимому, такие темы только и пишутся для грустных раздумий. А они у меня действительно

грустные. И почему? Ведь весна уже прошла, уже поздняя осень, а я всё не успокоюсь. (...), всё, казалось бы, яснее ясного. (...) Да, безусловно, теоретически это так, но практически – почти невозможно. Ну, ладно, об этом хватит.

Сейчас проходим Бетховена, по истории музыки. Очень много музыки. Слушаем сонаты, симфонии, безусловно, лучшие, а вообще-то, как можно разделять музыку Бетховена на лучшую и не лучшую. За последнее время что-то часто стал всецело отдаваться музыке, не слежу за собой, тупые девчонки смеются надо мной.

23 октября 1961 г., понедельник

Столько впечатлений! Я так давно не писал, что не знаю, с чего начинать.

Слушал много концертов: баянистов – братьев Шнейдер, тенора Геохланяна, пианистку Фёдорову и скрипача Бориса Гольдштейна. Элла зовёт его Буся – неплохое прозвище. Я, кажется, не писал о моей новой знакомой. Элла просто поразила меня своим остроумием и взглядом на жизнь. Я ещё не встречал таких развитых девчонок. И хотя мы не говорили с ней о дружеских отношениях, но мы дружим. Мы выбираем различные темы для разговора: говорим о книгах, о музыке, кинофильмах, вкусах, о взглядах. И в этом она меня поражает!

Удивительно то, что мы знакомы каких-то две недели, а уже всё знаем друг о друге. А вот с Наташей так ничего и не получилось. Мы не поняли друг друга – тем лучше.

Сейчас заканчиваю «Каприччио» h-moll. Работаю над «Поэтической картинкой». Да, забыл сообщить: сегодня на уроке истории музыки я сделал открытие, что Лена до бесподобности красива! Удивительно, как я раньше не замечал этого. И до того глубокие и задумчивые глаза, что готов смотреть в них бесконечно... Просто смешно подумать: новая влюблённость?! Новое увлечение?! Наташка ошиблась, что я увлёкся ей, я действительно любил её, но она своим невниманием и насмешками оттолкнула меня. За что она так надсмеялась надо мной? За то, что я посвящал ей пьесы?! Или, может, за то, что много уделял ей внимания? Я уверен, что если бы

я так поступил с Леной, то она не презирала бы меня и не насмеялась. Почему-то в этот вечер мне так хотелось побыть с Леной, поговорить... И, что удивительно, хотелось прижать к себе такую хорошую, очень хорошую сегодняшнюю Лену, почему-то немного грустную... Что со мной произошло?! Я совершенно не понимаю себя. (...)

26 октября 1961 г., четверг

Совсем нет времени. Сегодня как-то не по себе. Что-то гнетёт и мучит меня, а что – не знаю. Да, я совсем запутался в своих чувствах.

Сейчас слушаю увертюру «Франческа да Римини» П.И. Чайковского. И я, как всегда, не могу слушать такую музыку спокойно. В этой увертюре столько внутренних переживаний, что, не замечая, сливаешься воедино с музыкой. А какая его увертюра «Манфред»!! Я не нахожу слов выразить это красочно, только и смогу сказать, что человек, создавший эту музыку, – гений!!!

Я, кажется, никогда не писал о том, как всё произошло. Ну, что ж, начнём сначала...

Это было в середине зимы, когда мы давали много шефских концертов, когда каток был набит до отказа и стояли холодные дни. Первый раз я увидел её в музшколе, когда она с нашей агитбригадой давала концерты по телевидению.

Тогда, бесспорно, я и не мог предполагать, что произойдёт месяцем позже, да, я тогда даже не обратил внимания на её появление. Но однажды, если не ошибиться, в субботу, я шёл из кинотеатра и решил пройтись через парк. Как сейчас помню, кто-то окликнул меня, я оглянулся и... увидел Наташу. У неё был такой смущенный вид, и только в это мгновение я увидел её привлекательное личико. Она спросила, выйду ли я на каток? Мне ничего не оставалось сказать, как «конечно». Но, честное слово, я даже и не хотел идти на этот каток, но пришлось... В этот вечер я сделал вывод, что *она совсем не глупа, и я решил развлечься. (Здесь и в других местах курсивом выделены фрагменты текста, которые позднее были тщательно вымараны. – В.Б.)* Но впоследствии я понял, что она не ме-

нее развитая, чем я, во всех областях искусства, и сразу же изменил своё мнение о ней. Я решил дружить с ней. Но я не подозревал, что *мой лёгкий характер, привыкший к быстрому согласию девочек* на дружбу, окажется таким сложным для неё.

Я с раннего детства, со школьной скамьи, уже многое понял о дружбе и любви и делаю всё, что делает любой мальчишка, когда ему нравится кто-либо из девочек. Но я дружил, не выходя за рамки, и к восемнадцати годам многому научился. Я решил написать ей записку. Хотя это несколько и старомодно, но надёжнее. И, конечно, она ответила, но так, что мне пришлось задуматься... она согласилась дружить, но по-товарищески, что меня не устраивало. И я решился на рискованный шаг: я написал, что люблю её, хотя отлично понимал, что делаю подлость, так как я не любил её. Но главное, я хотел добиться своего, и, сам того не понимая, действительно влюбился в неё. На вечерах я смеялся, шутил, играл в почту, но стоило мне остаться одному, как я бесился от её равнодушия ко мне. Я не мог с ней заговорить, подойти к ней, мне казалось, что со мной ей скучно и неинтересно. Мне было очень обидно, когда она разговаривала, смеялась с другими мальчишками, а на меня даже не обращала внимания. Но я всё же не отступал от своих намерений и продолжал писать всё новые и новые записки... В конце концов я ждал развязки: должны же ей надоесть мои записки.

Но чего я ждал, не произошло, всё шло своим чередом... Я ежедневно мечтал увидеть её и, прежде чем заснуть, перебирал в памяти все её слова. Но как я понял из её намёков, ей нравился другой мальчишка. И я узнал его имя: даже стыдно говорить – это Медея Николай. Стыдно за неё, как он мог понравиться ей, такой тупой, который за всю свою жизнь не прочитал ни одной стоящей книги, с такой обезьяньей рожей!!! Никогда бы не поверил, а вот же случилось... Потом взошла новая звезда – Кисин Женья. Вот этот ей ничем не уступит, очень умный парень, и я бы сказал, что нисколько не хуже её. Неудивительно, что она очень страдала из-за него и искала с ним встречи. Ну, а я, бесспорно, невлюбил её за непостоянство и перестал ей писать записки. Но потом снова всё вспыхнуло с новой силой, и уже, как видно, надолго и терпеливо.

За последнее время она «легко» ведёт себя с мальчишками. Доходит чуть ли не до поцелуев. Это на неё не похоже...

Да и вообще, когда вспоминаю, как она ловко меня обводила, чувствую некоторую неприязнь к ней, так как я не привык, чтобы мне лгали.

Но тем не менее я очень уважаю её!

1

Прости! — мы не встретимся боле,
Друг другу руки не пожмём;
Прости! — твоё сердце на воле,
Но счастья не сыщет в другом.
Я знаю: с порывом страданья
Опять затрепещет оно,
Когда ты услышишь названье
Того, кто погиб так давно!

2

Есть звуки – значенье ничтожно
И презрено гордой толпой –
Но их позабыть невозможно:
Как жизнь, они слиты с душой;
Как в гробе, зарыто бывшее
На дне этих звуков святых;
И в мире поймут их лишь двое,
И двое лишь вздрогнут от них!*

Что мне делать, что мне делать?! Меня преследуют мелодии, они не дают мне спокойно жить! О, эта музыка! Что ты со мной делаешь?! У меня нет, да и не может быть другого пути, кроме моей мечты и звезды – это музыки! Музыка – это счастье! Музыка – это любовь! Музыка – это мечты и воспоминанья! И, наконец, музыка – это половина твоей жизни!

Музыка – это всё!!!

---

* Цитата первых двух октав (строф) стихотворения М.Ю. Лермонтова «К*». – В.Б.

Памятка баяниста

Планирование учебной работы.

Изучение нового художественного репертуара.

Повторение художественного репертуара.

Художественный репертуар для самостоятельного изучения.

Художественный репертуар для эскизного прохождения.

Репертуар для слушания.

Работа над техническими упражнениями (гаммы, этюды).

Упражнения по композиции, чтение с листа в импровизации.

Исполнительская практика.

О музыке

«Музыка вся – порыв; она вдруг, за одним разом, отрывает человека от земли его, оглушает его громом могучих звуков и разом погружает его в свой мир. Она властительно ударяет, как по клавишам, по его нервам, по всему его существу и обращает его в один трепет. Он уже не наслаждается, он не страдает, – он сам превращается в страдание; душа его не созерцает непостижимого явления, но сама живёт, живёт своей жизнью, живёт порывно, сокрушительно, мятежно» (Н. В. Гоголь)¹.

27 октября 1961 г., пятница

(...) ...что я приобрёл за такое безумство времени?.. Одиночество... и это всё?.. нет... ещё любовь... к звёздам...³

Начинаю свои записи с маленькой припиской и думаю, что они будут интереснее* (4).

Сейчас работаю над «Каприччио». Работа близится к концу. Осталось дописать третью часть и можно будет просмотреть итог моей работы. Сегодня целый день искал Эллу, хотел отдать книгу, но она почему-то не пришла на занятия и даже на хор. Пишу «Поэтическую картинку», привожу тему:

---

* Дневник 1961–1962 гг. Архив А. Шпака. Публикуется впервые. (В дальнейшем обозначается ⁴.)

Меня очень манит русская природа, и хочется написать что-нибудь певучее, да такое, чтобы слёзы выступили. Мечтаю написать цикл (вокальный) «Осень» и Токкату для баяна, но это только мечта, а пока ограничиваюсь мелкими пьесками, этюдами. Готовлюсь к академическому концерту, буду играть Этюд, «Рондо» Й. Гайдна и «Лирический вальс» Н. Чайкина.

28 октября 1961 г., суббота

...все эти дни хожу под впечатлением музыки Баха... задумал написать большое, многочастное произведение для хора и оркестра... с увлечением работаю над Каприччио для скрипки... меня окружают голубые шары, а музыка выходит грустной, как лицо моего учителя... о, небо!.. никто не хочет верить в то, что я рождён для музыки... а мне так нужна эта вера...³

Был на комсомольском бюро. Принимали в комсомол. Я давал Лене рекомендацию, и мне надо было присутствовать.

Кажется, все прошли. Занимался на баяне. Вспомнил – в семь часов мне идти на торжественный вечер спортсменов по приглашительным билетам. Придётся гладить, ничего не поделаешь. Видел Элли: почему-то дуется на меня. Говорит, что я обманул её, но в чём?! (...)⁴

Гонимы вешними лучами,
С окрестных гор уже снега
Сбежали мутными ручьями
На потопленные луга.

Улыбкой ясною природа
Сквозь сон встречает утро года;
Синея блещут небеса.
Ещё прозрачные, леса
Как будто пухом зеленеют.
Пчела за данью полевой
Летит из кельи восковой.
Долины сохнут и пестреют;
Стада шумят, и соловей
Уж пел в безмолвии ночей. (А.С. Пушкин)

Недавно слушал Юрия Казакова (баян). Играет бесподобно; привожу его репертуар.

И.С. Бах – «Концерт» для органа g-moll.

Марчелло – «Соната» A-dur.

Н. Паганини – 24 и 17 «Капризы».

Мендельсон – «Блестящее каприччио».

Ф. Шопен – Этюд до# минор.

П. Чайковский – «Andante cantabile» из первого струнного квартета.

Л. Бетховен – Увертюра «Эгмонт».

Н. Чайкин – Лирический вальс.

Н. Керн – 24 прелюдии и фуги (для баяна).

«Концертные вариации» на тему украинской народной песни «Ехал казак за Дунай», обр. Ю. Казакова.

Кроме этого исполнил «Партиту» до минор И.С. Баха и «Концерт» ре минор (соло) К.М. Вебера.

Но у него такой баян, что на нём можно исполнять любые симфонические произведения, не говоря уже о фортепианных. На нём двадцать регистров: орган, флейта, кларнет, гобой, фагот, рожок, виолончель, скрипка, альт, баритон, сопрано, удвоенная и утроенная октавы, педаль, уменьшение звучания в левой и правой клавиатурах, переключение на выборную клавиатуру, сурдины и оркестр.

В общем, баян бесподобный – он заменяет любой из инструментов симфонического оркестра, заменяет и целый оркестр, и ор-

ган, и фортепиано. Но таких инструментов у нас в СССР только три, и они очень ценны. Приходится только мечтать о таком уникальном инструменте.

Баян! Баян! – русский певец, поэт, сказитель. Как прекрасно устроена жизнь!! Сейчас слушаю II концерт для фортепиано с оркестром Д. Шостаковича. Вот такую музыку я обожаю до безумия! Сколько оптимизма, радости, романтики, лиризма! Просто прекрасный концерт!

Жить стоит на свете. И на наш век осталось.

29 октября 1961 г., воскресенье

...случайно увидел её... и весь мир, все мысли, чувства, музыка – всё потускнело перед её простой вязаной шапочкой из обыкновенной серой шерсти... но что под этой шапочкой?!³

30 октября 1961 г., понедельник

...пахнет снегом... слушаю Концерт для скрипки с оркестром Чайковского...

5 ноября 1961 г.

...четвёртый день льёт дождь... грустно... дописал последние такты Поэмы для баяна и фортепиано... хорошо, что никто не мешает... вчера весь день провёл в читальном зале публичной библиотеки... изучал партитуры Вагнера и Шумана... тут же между делом написал статью о Вагнере к юбилею, а затем продолжил конспект по Диалектике Гегеля... угнетают мысли о смерти... интересно, сколько мне осталось ещё жить?.. какую радость испытываю, когда вспоминаю, что так же листали книги, как и я, Фрескобальди, Мусоргский, Достоевский; так же, как и я, бродили в одиночестве по горам Бах, Гегель, Байрон...

Музыка!.. она не даёт мне покоя даже во сне... преследует всюду... вижу твой образ... неясный, но очень близкий, родственный... кто ты?..³

8 ноября 1961 г., среда

Ну вот, я снова взялся за ручку, чтобы пополнить свои записи. Праздник провёл неплохо, ходил на каток и в кино.

Сегодня вечером встретился с Эллою. Очень долго разговаривали. Я такое узнал, что мне просто стыдно за себя. Как я мог допустить, чтобы надо мной смеялись.

Вот сейчас я сижу и думаю: какая противоположность – Наташа и Элла.

Элла такая открытая и честная, что я верю ей, как в самого себя, а вот Наташа... да, только сейчас я разбираюсь кое в чём... Значит, все её слова были ложью и подделкой. И если это так, то как я могу уважать её, верить ей?.. Читаю стихи Пушкина и Жуковского – очень здорово!! Продолжаю писать музыку. Да, забыл: недавно, несколько дней назад, выступали в горклубе и училище. Хорошо исполнили «Фантазию» А. Суркова, а сольно я сыграл свою «Интродукцию» и «Вальс» Н. Чайкина. Приняли хорошо. Николай Александрович тоже узнал о ней и сказал, что пойдёт на прослушивание.

В общем, пока идёт всё хорошо. Завтра у меня специальность, а я не готов: вот это плохо³.

Баян! ...какое счастье, что я начал учиться на этом инструменте... я чувствую в себе необъятные силы, но надо много трудиться... современной музыке недостаёт огня, величия и гордости... люди где-то потеряли всё лучшее, что было заложено могучей древностью... нет, я буду писать иначе...⁴

10 ноября 1961 г.

(...) много читаю... больше всего Толстого, Достоевского, Лескова и Чехова... «Поленька Сакс» трогает до слёз... с увлечением читаю Шопенгауэра, Канта, Фейербаха, Маркса, Энгельса, Ницше... Юма... надо уметь выбирать необходимое для себя, а всё лишнее забывать... то же самое делать с партитурами: выписывать в отдельную тетрадь самое ценное и близкое, а всё остальное и так запомнится... главное, трудиться постоянно, без оглядки на неспособных и, напротив, – постоянно учиться на примере гениев...³

12 ноября 1961 г., воскресенье

(...) вернулся с катка... не выходят из головы её смеющиеся глаза, ...серая вязаная шапочка с выбивающимся из-под неё «хвостом»,

...её заочевенные пальцы, на которые я усиленно дул, нечаянно до-трагиваясь до них губами... она сегодня странно смотрела на меня... и смеялась одними глазами... чудная...³

Хочу немного рассказать о вчерашнем дне. Как всегда, занимался, а вечером пошёл на каток. Было очень весело. Пришли на каток и девочки – это Лена, Наташа и Элла, и мы очень весело провели вечер. Когда проводили Эллу, то вчетвером, т.е. Саша, Наташа, Лена и я, пошли до нашего «фонаря».

Наташа шла ужасно расстроенная, наверное, потому, что я не обращаю на неё внимания. Но как она не поймёт, что я не могу этого делать из-за её отношения ко мне, и я такое узнал, что мне неловко говорить с ней, ведь только подумать, что она обо мне думала и говорила! Прощались недолго. Я, как пришёл домой, так сразу же заснул.

Сейчас слушаю радиопостановку «Марио Дель Монако». Как он прекрасно поёт! Просто, когда слушаешь его, кажется, что летишь куда-то ввысь, летишь и не чувствуешь больше ничего, в мире других звуков! Какой бесподобный голос!!!

А музыка! Она вся захватывает тебя, не даёт глотнуть воздуха, и приходится только мучиться и страдать от избытка таких божественных звуков. Просто не верится, что люди на такое способны!

А я?! Ну что я могу сделать хорошее, захватывающее? Ну конечно же ничего!!!

Я даже не знаю теорию музыки, а уже пытаюсь сочинять! Но я же хочу, чёрт возьми, сочинять её! И хочу сочинять правильно, по формам, по образцам классиков! Но нет педагогов, которые бы могли помочь мне в этом, во всём остальном я помогу сам себе. Сейчас Марио Дель Монако поёт «Пролог» из оперы Леонкавалло «Паяцы». Вот у кого надо учиться раскрывать образ персонажа. Изумительно поёт, не верится, что он мог достичь этого.

Милый мой Марио, как я люблю тебя!!

После небольшого перерыва снова взялся за ручку. Сейчас 12 часов ночи, а я бодрствую. Удивительно, да? Сегодня опять ходил на каток. Так хотел кататься с Наташей, но не мог. Почему? Да потому, что у нас какие-то натянутые отношения. И что у меня за дурацкий характер, упёрся на своём и всё.

Впрочем, ей, как видно, всё равно, катался я с ней или нет. Она была в самом весёлом расположении духа и обращала на меня ноль внимания. Но я всё же очень уважаю её, и с каждым днём она нравится мне больше и больше. Да, такая, видно, у меня участь – любить без взаимности. Что поделаешь, придётся примириться и с этой тяжёлой утратой. Наверное, я ужасный человек, что она так отзывается обо мне. Да, чуть не забыл: я давно мечтал написать что-нибудь захватывающее, весёлое, и вот сегодня совсем неожиданно появилась тема «Болеро», да такая жгучая, бурлящая, что я тут же записал её. Ну вот, вернёмся к старым мыслям. Когда все разошлись по домам, я проводил Наташу. Шли молча, только иногда перекидывались фразами. Итак, всё напрасно!! Но первый начинать не буду!

Кажется, пора спать!

Спокойной ночи. Goodbay. 24 ч. 45 м.

16 ноября 1961 г., четверг

Встал в шесть часов утра, с 7 уже сел заниматься. Сегодня специальность, и придётся поработать. День прошёл как всегда, только в семь часов вечера было интереснее. Слушали «Токкату и Фугу» d-moll, пьесы Шумана, Шуберта, Сен-Санса. Да, в чём дело? Никак не пойму, почему на меня дуется Элла. Может, ей что наговорила Наташка? А она? Что я ей сделал? Почему она злится на меня? Даже Лена, Лена, от которой я никогда не ожидал плохого (...) И это за моё уважение к ней? Ну, что ж (...), то катись и ты ко всем чертям!! Даже, когда шли вместе, они, сговорившись, убежали с Сашкой.

Ой, боже, что за дикость! Неужели они, глупенькие, думали, что я побегу их искать?! А с Сашкиной стороны так поступать – просто свинство. Меня не тревожит, и пусть они не думают, что я ревную Сашку к Наташке – это было бы слишком шикарно для них и унизительно для меня (...). Просто как-то неприятно и (...).

Писать надоело! Пора спать. В. Золотарёв

18 ноября 1961 г., суббота

Купил баян за 800 рублей, работа мастера Колчина. Как будто неплохой. Занимался сегодня немного, вечером ходил на кошек.

Разговаривал с Эллоу: говорит, что мне надо серьёзно поговорить с Наташкой.

Но если она хочет со мной дружить, то пусть сама скажет об этом, а не действует через посредников. Куда лучше писать записки, чем подставлять нового актера. Катался один. В 10:30 пошёл домой.

Сейчас слушаю Увертюру «Франческа да Римини» П.И. Чайковского. Гениальная музыка!! Больше ничего не могу сказать!

Хочу писать!! Писать музыку!

Но я ничего не понимаю в гармонии, и нет человека, который бы помог мне в этом.

О! Боги неба и земли, фурии рая и ада! Помогите мне осуществить свои мечты и планы!

АМИНЬ, Аминь, Аминь.

21 ноября 1961 г., вторник

Мне кажется, что эта страничка будет самой лучшей из всех моих записей! (...)

Вот сейчас я слушаю передачу: «Иоганн Себастьян Бах»!!! Месса!.. си минор... Зачем?.. Зачем создана эта изумительная музыка?.. Чтобы вот так, как я, плакать?.. О, простите меня, если я что-то не так пишу, но я не могу сдержаться, не могу!... Вот та знаменитая ария из «Страстей по Иоанну»! Ну это же не музыка!.. Это.. что-то... Нет!... Нет!... Я не могу вынести этого...

Ну что же я делаю, мои записи совсем непонятны: похожи на отрывистые фразы умирающего. «Токката и Фуга» d-moll!!! Моя любимая токката! Сколько в тебе человечества! Любви к жизни! Свету! счастью! И это ты, мой неповторимый Бах, мог создать такую нечеловеческую, неземную музыку!

А Наташка и Ленка ещё не любят её!

Да, как они малы для Баха!

Если честно говорить, то в этом они по сравнению со мной дети; и мне их, право, жаль!! Чтобы понять стиль и душу Баха, надо много слушать его, читать о нём. Какое прекрасное «Скерцо» – шутка для флейты с оркестром! Сколько бы я отдал только за то, чтобы он встал и начал снова творить для людей. Снова «Мес-

са)... эта месса... Я плачу!.. Я не могу!.. Такая музыка!.. О! Милый мой Бах, я обожаю тебя!!! Люблю до безумия!! Горжусь тобой!.. Тобой, таким громадным талантом!.. Гением!.. Ты вошёл в меня на всю жизнь!!! Сейчас, слушая твою музыку, я без лжи и напыщенности скажу, что твоя музыка самая лучшая, самая гениальная!.. Самая человечная!..

Как можно не любить тебя!

Как можно не восхищаться тобой!!!

Мой дорогой «весельчак», как тебе было трудно, а ты мог написать столько возвышенного, оптимистического без лжи своих чувств! А Наташке и Ленке, чтобы понять его, надо здорово измениться и чаще наблюдать за собой.

Как жаль, что она отстала от музыки! Ведь она столько не знает о Бахе, Сен-Сансе, Вебере; столько не читала о них, и как она может считать себя умной и развитой, если ещё столько не знает! А её непостоянство очень похоже на характер бескультурной, развратной девчонки. Излишнее увлечение эстрадной, такой пошлой музыкой, в которой, кроме пустоты и хамства, ничего нет.

Но как ни странно, я только сейчас понял, что Наташка очень мала для меня, она ещё просто ребёнок.

24 ноября 1961 г., пятница

Сейчас слушаю всю «Мессу» h-moll Иоганна Себастьяна Баха. Исполняет большой ленинградский хор, солисты, оркестр, органист – Ройзман, скрипач – Жук, флейты, гобой и рожок. Вот начался первый хор! Какая прекрасная полифония! Столько экспрессии, подъёма. Все партии поочередно меняются: тенора поют сопрановую, альты басовую, и напротив... Второй хор: напряжение постепенно растёт, кажется, что вот-вот что-то будет страшное... но оно так же быстро спадает, как и появляется.

Кончается хор в мажоре. Третью часть начинает скрипка и оркестр, постепенно входят флейты, и, наконец, начинается знаменитая ария для альты!.. Вот она летит ввысь и снова опускается в нижний регистр... Как бесподобно! Как прекрасно всё написано! Милый мой гений, как я хочу хоть чуточку быть на тебя похожим...

Вот началась четвёртая часть!

Начал оркестр; вот присоединился орган и тенор, а с ним переплетается сопрано! Прекрасный дуэт!!! А флейты! Что они делают! Такие красивейшие партии...

О, эта полифония! Она меня сведёт с ума!! Вот снова хор! Похоже на хорал! Мрачно... Жутко!.. Слышно каждую партию... Альты опять повторяют первую тему! Всё же как здорово!!! На фоне хора играют флейты... музыка льётся, льётся, словно огромный поток медленно и величаво несёт свои воды. Хор кончился. Пятую часть начали флейты, гобой и оркестр. Вот вступил сам царь – орган! Ария для альты... льётся полифония, обгоняя друг дружку, бегут ноты, которые сотворил Иоганн Себастьян Бах!!!

Сейчас я не могу себе представить, как бы я жил без музыки, без музыки Баха! Началась шестая часть. Вступил оркестр и бас-баритон. Какая патетика! Эмоциональное развитие! Прекрасная ария!! И вот снова вступил весь хор! Полное Forte, громко, торжественно! Вот уже два forte! Величественно! Поток уже не плавный, а бурный! Бурлит, пенится! Кончается в мажоре!! Светло!!

Вторая, главная часть!

Вступил хор! Партии переходят от сопрано к тенорам и напротив. Вот остался один оркестр! Подхватил хор. Какая печальная тема! Поток превратился в ручей слёз!.. Что за музыка!.. Что это за звуки!! Слёзы... вот они выкатились и капают на ноты... такие чистые и прозрачные, как хрусталь!.. Мои слёзы!..

Снова ведёт один оркестр, вступили сопрано, за ними альты, затем тенора и басы. Мелодия льётся, превращаясь из ручья слёз в поток, а затем совсем тает в глубине...

Как переплетаются партии!.. Гениально. Как гром вступил хор! Вот снова поток, уже бурный, оптимистичный, бежит в торжественном и захватывающем ритме... Forte звучит сочно, густо... Вот вырвался бас, как здорово построена часть, и снова подхватил хор!.. Темп очень быстрый, возбуждённый. Бах!!! Снова остался оркестр, и сольную партию ведёт гобой! Какой приятный баритон!.. Ария очень красивая. Повествовательная, медленно о чём-то рассказывает, переплетается с оркестром... Ну что я могу

выразить сейчас об этой музыке – явно только мычание. Да! Божественная месса!!

Нечеловеческая музыка!

Опять вступил альт... Эта ария как бы отвечает баритону и рассказывает о своей печали... Не верится, что это смог написать один человек! Снова гром голосов! Весь хор в бурном ритме с оркестром движется в бесконечность к своей великой цели!

Басы! Как они мощно воссоздают картину величия, мощи!!! Вот остались одни тенора, затем вступили сопрано и альты! И снова басы подхватили могучую мелодию и повели её... Это уже не поток, а буря горя и веры в победу!.. Её уже ничем не остановишь!!! Кончается радостно. Оркестр остался один. Хор подхватил танцевальный ритм, и всё закружилось в многоголосии и полифонии... Месса длится уже 1 час 25 минут. Я готов слушать её вечность. Снова партия скрипки и оркестра. Как Жук здорово играет!..

Вступил тенор. Вот она, та знаменитая теноровая ария!! Ведётся рассказ... ему отвечает скрипка, и снова он продолжает своё повествование в ещё более печальном виде. А скрипка! Она плачет! Плачет! Она сочувствует горю тенора! Как прекрасно.

Опять вступил оркестр и хор. Снова повторяется патетическая тема! Опять, как и прежде, голоса и инструменты переплетаются в полифонии. Кончена II главная часть.

Здорово! Великолепно! Изумительно!

Больше ничего не могу крикнуть!!!

Сейчас 12 часов ночи! Ложусь спать!

Спокойной ночи, Иоганн Бах!

Ты сейчас спишь вечным сном и не знаешь, как тебя все любят и почитают!

Так живи же вечно для людей земли!

27 ноября 1961 г., понедельник

Сегодня ходил на концерт Александра Иванова-Крамского и Вероники Мирошниченко. Очень здорово! Весь концерт прошёл на возвышенном уровне.

Иванов-Крамской так изумительно играет, что когда слушаешь его, вспоминаешь сценки из жизни (безусловно, яркие и запоминающиеся). А Мирошниченко не так хорошо поёт, как прекрасно играет. Впрочем, она же оперная певица, и только поэтому, как мне кажется, она влечёт к себе своей обаятельностью. Я сидел в бельэтаже с Наташей и Леной. Обе сегодня очень симпатичненькие и весёлые. Мы всё время разговаривали о музыке, композиторах, исполнителях, а также о разных сценках. Вот почему бы вот так не дружить: смеяться, вместе ходить в театр, гулять? Ведь только этого я и добивался. Ну вот и хватит!

Вообще, впечатление превосходное и от исполнителей, и от всего концерта.

До свиданья! Спокойной ночи!

P.S. Вот, совсем забыл: кончил вступление и I часть «Свободной Фантазии» d-moll на темы Алябьева и Варламова (для баяна). Посвящаю её моим лучшим друзьям – это Наташе, Лене и Элле!!

Ну, вот и всё...⁴

29 ноября 1961 г.

Жить стоит на свете. И на наш век кое-что осталось. В. Золотарёв³.

10 декабря 1961 г., воскресенье

Ну вот мы и снова встретились, мой милый дневник. Сегодня ходил на каток, катался один. Наташка, как я замечаю, хочет поговорить со мной, но, как видно, ей не позволяет гордость, ну, а мне тем более. Элка ходит и даже не хочет разговаривать со мной, ну что ж, я, по-видимому, ошибся в ней. Друг, товарищ... какой она к чёрту друг и товарищ, если не хочет помочь мне. Да и Лена хороша: «давай дружить», а сама так и следит за Витькой, за каждым его движением. Мне вся эта история порядком надоела, и придётся сказать им, чтобы «катились они ко всем чертям»!

19 декабря 1961 г., вторник

Слушаю радиопередачу – Людвиг ван Бетховен.

Вот она – «судьба стучится в дверь». Пятая симфония! – вот этот ритм судьбы. Замечательная музыка, чарует! Заставляет жи-

мать зубы и ненавидеть варваров искусства! Располагает к далёким, почти несбыточным мечтам!

Мои мечты... да, действительно, они почти несбыточные... Впрочем, как говорят в народе, «чем чёрт не шутит», может быть, когда-нибудь я научусь писать музыку? А если нет?! Научусь! Должен научиться!!

«Патетическая соната № 8». Вот главная тема первой части. Как чувствую, здесь Бетховен размышлял, хотел чего-то очень хорошего и, наверное, думал о Терезии, а может, о Джульетте? А вот и «Лунная соната». Эту сонату он посвятил Джульетте Гвиччарди, думая, что она любит его, но как он ошибся в ней. Эта пустая бездарность предпочла отупелого типа с графским титулом. Как мне близок этот человек – человек с сердцем льва и глубокой натурой величайшего ума! О эти времена! Как я поздно родился! Совершенно ничего не вижу. Может, влияет то, что нет средств на путешествия? Бесспорно, это самое и мешает мне осуществить свои мечты! Ах, как бы я хотел возложить венки на могилы Л.В. Бетховена, И.С. Баха, Г.Ф. Генделя, В.А. Моцарта, Ф. Мендельсона-Бартольди, К.М. Вебера и др. Да, если бы я мог располагать большими средствами, я бы возложил цветы, нет, я засыпал бы цветами эти драгоценнейшие могилы! И целовал бы землю, кормящую детей своих!!⁴

1962

5 января 1962 г., пятница

Слушаю «Концерт» для органа с оркестром Г.Ф. Генделя. Великолепно!! Как прекрасно! Готов слушать вечность. Какая ширь, размах! Патетика!! Чёрт возьми, каким надо обладать талантом, чтобы написать такое! Это не Гендель, нет, и даже не царь, и не бог! Это властитель вселенной! Да, именно вселенной! Такой огромной, бесконечной с её талантливым содержанием! Музыка льется, как будто фотонная ракета мчится к другим системам, мчится с такими счастливыми людьми, им название – «земляне». Да, это будет! Какое счастье жить в эпоху Возрождения, но в эпоху Расцветания (...) куда счастливее. Представляю, какие будут люди будущего, а музыка?!

Вас, наверное, удивит, что я очень мало уделяю места Наташе. Как бы то ни было, но я же писал о ней чуть ли не каждый день, а сейчас? Ну что ж, а сейчас у меня не хватает времени не только для неё, но и для изучения теории. Ужасно много работаю над сочинениями, что заметно влияет на моё здоровье. Очень часто колет сердце, бывает головокружение. В общем, плохи мои дела... Что ж, а Наташу я также очень уважаю, может, даже люблю, хотя она и позволяет себе некоторые странности.

Как вы заметили, я всё реже берусь за свои записи, и ещё суше они стали, но я надеюсь, что все мои неудачи пройдут, а тогда!.. А тогда вы и сами узнаете! В. Золотарёв.

9 января 1962 г., вторник

Наконец-то я дождался передачи – «Франц Шуберт». Это просто невероятно! Неподражаемо! Создать такие изумительные песни – это надо обладать, вероятно, громадной талантливостью. «Маргарита за прялкой», «Лесной царь», «В путь» – всё это пленяет до глубины души и вызывает большие душевные переживания, а порой и слёзы. Ну, вот и слёзы!.. Такие преданные моему любимому, обожаемому Францу! Нет, мне его не жалко, это было бы низко для него!

Нет!.. я завидую ему!.. завидую его счастью... вы, я думаю, поймёте меня... Это действительно счастье!!! Счастье – жить вечно! Моя рука дрожит... я не могу сдержаться от рыданий... я плачу... мой дорогой... любимый Франц!! Услышь меня... тебя не забыли... Нет! Тебя любят, обожают!! Твоя музыка распевается везде...

Нет! Я больше не в состоянии писать... Не могу... Он умер... Такой молодой... Великий!!!

Прощай, мой дорогой друг! Я постараюсь хоть чем-нибудь походить на тебя...

Я больше не могу...

10 января 1962 г., среда

Сейчас 11 часов 15 минут ночи по магаданскому времени. Я сижу, как всегда, за своим любимым столом с горой нот и книг.

Но все свои дела отложил в сторону, как только услышал «Неоконченную симфонию» Франца Шуберта. Вы, бесспорно, улыбнётесь, подумаете, что я опять, как и прежде, начну описывать свои рыдания, страдания... Нет, сегодня я уже не рыдаю, вчерашнего вполне достаточно, чтобы выжать у меня все силы. Но зато я так слушаю...

Первая часть – Allegro Moderato почти вся в модуляциях, да, бесспорно, Шуберт – царь модуляций. Анданте наталкивает на философско-лирические размышления. Эта музыка вся – Шуберт.

«Шубертиана».

16 января 1962 г., вторник

Слушаю радиопостановку «Россини». Передают увертюру к опере «Сорока-воровка». Вся увертюра насыщена яркими запоминающимися музыкальными образами. Музыка очень красочна и несколько драматична, что и характеризует оперу. Финал очень стремительный и возбуждённый. Ну, вот всё о музыке и о музыке, а о себе даже ни слова...

Сегодня ходил в кино с Сашей, Леной, Наташей, Виктором и Володькой. Все очень смеялись, в частности и мы, т.е. я и Саша. После кинофильма попрощались, и я зашёл в гастроном купить хлеба. К моему большому удивлению, здесь были Лена и Наташа. Мы решили пройтись до обкома партии. Шли весело, только Наташа почему-то всё время молчала, наверное, очень замёрзла. У обкома я попрощался с ними и, пожелав, чтобы не замёрзли, пошёл домой. Хочу немного поделиться о музыке. Несколько дней назад кончил «Лунный хорал» для 4-голосного хора и написал две песни: одну о Магадане, а другую о снежинках на текст А. Черченко. Также написал «Ноктюрн-воспоминание» (до минор). Ну вот, пока и всё. Думаю написать несколько пьес о звёздах, вселенной, космосе, системах...

Последние дни в Магадане сильные морозы, доходит до -35° , да ещё с ветром. Честно говоря, я это переносу с небольшим насморком и злостью. Я злюсь на всех, больше всего на себя, но я знаю, что это период, и думаю, что он скоро пройдёт.

Теперь всё! До скорой встречи. В. Золотарёв.

19 января 1962 г., пятница

Сегодня сдавали экзамен по специальности. Сдал на 5. Может, это несколько и незаслуженно, но кто откажется от пятёрки? Наконец-то все мои недуги восторжествовали, я совсем заболел и слёг. Температура $-39,6$ – пишу лёжа, очень неловко получают строчки: кружится голова. До чего же я дошёл! Никогда ещё не лежал в постели, и вот случилось: перед последним экзаменом заболел. И что обидно, у меня нет конспектов по истории музыки, а без них я погиб! Но нет, завтра же я встану и пойду за конспектами, чего бы это ни стоило. Я сдам экзамен! Непременно сдам!

Сегодня видел Эллу, обещала сыграть со мной в свободные дни мои сочинения. Удивительно, что с её стороны наступило потепление. Это к лучшему. Наташка даже и не разговаривает со мной, чем она хочет удивить меня? Мне сейчас не до неё.

23 января 1962 г., вторник

Моя болезнь прошла, и я полон сил и энергии. Сейчас слушаю радиопостановку «Карл-Мария фон Вебер». Передают сцены из оперы «Фрейшютц». Это мне всё знакомо по урокам – прекрасная музыка! Заодно я готовлюсь к экзаменам – бесспорно, без шпаргалок невозможно, иначе от страха забудешь все даты и имена. А в общем, я доволен – почти всё знаю, но, как и все, надеюсь на 5, а что получу?..

Сейчас передают сцену в «Волчьей долине». Потрясающая сценка!! Частые повторения «Ад!» «Ад!» заставляют в ужасе закрывать глаза!

Вот она – буря после семи пуль! Дикие, адские силы носятся, воют, визжат, грохочут, рвут... страшно!.. неповторимо!.. Вебер мне как-то очень близок по мыслям. Я много читал о нём книг, заметок и полюбил его за его мальчишеский задор, это тот Вебер, который лазил по балконам к девушкам со своей неразлучной гитарой, полюбил за его блестящую музыку. Сейчас второй час ночи. Пора спать.

24 января 1962 г., среда

Экзамен сдал на 4. Подвела письменная работа, а то бы – твёрдая 5. После экзаменов ходили в кино, а вечером зашли в «моло-

дѣжное кафе». Выпили по чашке чёрного кофе с коньяком и пошли прогуляться, но вдруг нам вздумалось ещё раз пойти в кино, и мы, взяв билеты, спокойно пошли на 20:25. После кинофильма катались с горки, а затем разошлись по домам. Сейчас – это удивительно, начал сочинять симфонию h-moll для небольшого оркестрового состава и пока надеюсь, что в скором времени закончу её.

Ложусь в постель – 00:55 минут.

27 января 1962 г., суббота

После обеда ходил в музучилище, встретил Володьку и Сашу. Составили план завтрашнего дня: едем на «Снежную долину», берем с собой лыжи и т.д., всё для хорошего отдыха. Если удастся достать слаломные лыжи, то это будет просто изумительно! Я беру четыре рубля, надеюсь, что хватит на все развлечения.

Да, совсем забыл: я сейчас переключился на жиры и утренние занятия гантелями. Хочу стать Иваном Поддубным, бесспорно, при любых условиях я им не стану – не та кость...

Сейчас гладил брюки и куртку к завтрашнему дню, придѣтся, по-видимому, с ними встретиться (Леной и Наташей). Мне кажется, что они зря поехали на неделю. Что они будут делать? Как будут проводить время? Мы, когда отдыхали, ходили в кино, катались на лыжах, играли в бильярд, шашки, шахматы, домино, но это всё для мальчишек, а что для них? Только кино, да ещё узкопеночное. А мне, честно говоря, очень скучно. С ребятами вижу редко, да и то по вечерам. Но ничего, скоро начнѣм учиться, и тогда будет весело.

2 февраля 1962 г., пятница

В семь часов вечера решил пойти в училище, заняться композицией. Но полтора часа ненужной работы прошли зря, и я сел погонять гаммы. Спустя минут десять после этого зашли Саша и Виктор. Мы немного повозились и пошли прогуляться по городу. Зашли в гастроном, выпили по стакану газированной воды и, выйдя из гастронома, увидели Наташу и Лену. Что такое! Я не узнаю их, какие-то лица... неясные... Встретили нас как-то очень холодно и с неохо-

той... Ну что ж, прекрасно! Но только они ещё пожалеют об этом! Неудивительно, что им очень понравилось на «Снежной долине», с таким прекрасным «мальчиком», как Игорёк!.. Чёрт возьми, пишу всякие глупости. Попрощались скоро, очень замёрз, шёл домой, думая о... К чёрту!

Пора спать!

8 февраля 1962 г., четверг

Только что прослушал оперу С. Рахманинова «Алеко». Потрясающе звучит оркестр – это и неудивительно, ведь это Рахманинов. Вечером ходил в училище. В 10 часов пошёл с Сашей в «молодёжное кафе», выпили по чашке кофе с коньяком и съели по 200 г. мороженого. Слушали «пошленькую» музыку и смотрели, как «веселится» молодёжь!.. Дико! Похоже, что мы находимся в парижском баре, где всегда можно найти «девочку», с которой можно провести весь вечер и всю...

Но самое главное то, что мы «выше их на 10 голов» и обладаем большим умом, чем они.

16 февраля 1962 г., пятница

Сегодня ходили на оперетту «Цирк зажигает огни». После окончания пошёл с девочками. Проводил Наташу. Разговаривали о наших отношениях. Я, (...) очень сильно люблю её, но (...).

Что ж. Посмотрим!

20 февраля 1962 г., вторник

Слушаю передачу о Гекторе Берлиозе. Я очень мало знал о нём, и сейчас, слушая его музыку, я думаю, как я был глуп. Оказывается, я очень мало знаю не только музыку и композиторов, но и литературу, живопись, жизнь... Придётся много читать, слушать, а времени совершенно нет. Вчера была репетиция, играли дуэтом – я и Володя, оркестром, пели в хоре. 23 февраля в Магаданском областном театре будет всесоюзное совещание звероводов и оленеводов. Придётся выступить и перед правительством: приедут Сулов, Косыгин, Полянский и, кажется, Микоян. Завтра генеральная репетиция в театре,

начало в 23:00 и до 4 часов утра. Я решил хорошо выспаться, но, как сами видите, не придётся, сейчас уже 22 часа, а в 7 часов утра идти на оркестр. Вчера «поговорил» с Наташей, но так и не кончил... Как видно, она хочет поиграть моими нервами (...). Мне всё равно, с кем она ходит и любезничает – это только отталкивает её от меня, и перед нами может разверзнуться бездонная пропасть.

С Эллой отношения хорошие, пишу для неё «Токкату» для фортепиано. Эта «Токката» у меня вся в голове, но записать её нет совершенно времени. Вот сейчас льётся музыка – это (...) «Ромео и Джульетта». Как прекрасна тема любви Ромео и Джульетты. Сейчас я понимаю, что вся моя жизнь – это музыка. Она заменяет мне любимую, отца, мать, близких; заставляет думать и мечтать о самом чистом, вдохновенном, прекрасном.

Самое лучшее произведение Берлиоза, что я особенно почитаю и люблю, так это (...).

5 марта 1962 г., понедельник

Сегодня занимался с двух часов до шести. Учил «Увертюру» к кинофильму «Дети капитана Гранта» И. Дунаевского и «Фантазию» А. Шалаева для дуэта баянов. В восемь часов уехали выступать в МЭЖ. Играли оркестром три пьесы и дуэтом две пьесы, неплохо. После концерта пошли гулять. Видели Наташу и Лену. С ними был Игорь Сержин. Да, жаль, что у Наташки такой характер: несколько дней назад говорила, что я нравлюсь ей, что уважает меня, а сейчас плюёт на меня... И всё же я ей всё простил, да и как не простить, ведь я её люблю, и очень сильно. Знаю, что я больше ей не нравлюсь, и всё же люблю, люблю за её красивый смех, движения. Мне так хотелось поцеловать её (...).

Почему-то с другими девочками я и целовался, и... а вот с ней не могу. В чём дело, не пойму... Если бы я мог надеяться хоть на немного, то, бесспорно, я сделал бы это, но сейчас... не могу. Ей, конечно, ближе Игорь, и в этом я ничего не сделаю. Сейчас у меня нет ни одной девочки, с которой я бы мог разговаривать как с другом, всё только на несколько дней...

Сегодня кончил «Прелюдию» с-moll – мне лично она по вкусу...

9 марта 1962 г., пятница

Наконец-то пришли мои пластинки. Сейчас слушаю «Прелюдию, хорал и фугу» Франка. Прекрасная музыка! Хочу, очень хочу слушать музыку, даже ночью. Сегодня на прослушивание, в классе Бориса Дмитриевича, позвал Сашу, Володю и девочек: Лену, Наташу и Эллу. Слушали «Токкату и фугу» ре минор И.С. Баха, а также его «Чакону» и «Хорал»; «Чакону» Витали.

Вечером гуляли. В парке очень смешно получилось: Лена не хотела идти против ветра, а я, напротив, хотел «проветриться», ну, а в результате наша четвёрка распалась. Саша с Леной пошли мимо «Горняка», а я с Наташей – мимо училища. Договорились встретиться на площади им. Горького. С Наташей шли весело, разговаривали о музыке. На площади встретились с ними, постояли ещё несколько минут и разошлись. Саша пошёл с Леной, а я, как всегда, один пошёл домой. Да, у них всё по-другому, Саша нравится Лене, а она ему, совсем не то, что у меня с Наташкой. Она сама сегодня сказала, что, по-видимому, она (...). Вот уже год, как она мне нравится, а ничего же не изменилось, только, может, стал умней и взрослей.

10 марта 1962 г., суббота

Сегодня я весь день смеялся до чёртиков!.. Только на прослушивании музыки сидел очень тихо: слушали Симфонию h-moll «Манфред» П.И. Чайковского. Содержание этой симфонии весьма трагично: главный герой, Манфред, погибает в аду, так и не находит Астарту. После прослушивания играли в клубе. Исполнили оркестром три пьесы, Володя сыграл «Вариации» И. Паницкого, а я – «Вариации» А. Кузнецова. Выступили неплохо, после этого я позвонил Лене, чтобы они ждали нас на площади, и мы пошли «резвиться»... на площади встретились; девчонки все такие весёлые, в частности Лена и Наташа. Мы прогуляли до 23:30 и стали прощаться; я пошёл с Наташей, проводил её до подъезда и пошёл домой. Какая прекрасная девчонка Наташка! Хотя я от неё ничего хорошего не получал, но тем не менее я уважаю её, и она нравится мне.

Да что нравится! Люблю её безмерно! Готов сделать для неё всё, что возможно!!!

15 марта 1962 г., четверг

Боже мой! Что со мной случилось, я хожу, как душевнобольной. Произошло такое, что не могу написать. Наташа призналась мне, что я нравлюсь ей, и очень сильно. И когда я проводил её до подъезда, то попытался обнять её, и что же – она не сопротивлялась, а напротив: прикоснулась щекой к моей щеке и говорила что-то очень хорошее, прекрасное!.. Так мы простояли очень долго, после этого попрощались очень тепло и с каким-то внутренним напряжением... неужели это то чувство – самое поэтическое и кристальное?! Если это так, то я самый счастливый человек в мире!!!

Боже мой, как я её люблю!!!

16 марта 1962 г., пятница

Как я мало занимаюсь по специальности, придётся задуматься над этим.

Сегодня гуляли, как всегда, недолго, дул очень сильный ветер. Когда я с Наташей шёл до её подъезда, то встретили Иру – её сестру. Такая вредная девчонка, не отстала от нас, пока мы не попрощались. Я после этого долго не мог прийти в себя: страшно, что я не могу без неё быть ни одной минуты, меня так и тянет обнять её и поцеловать, но это только мечты!!! Сейчас слушаю Концерт для фортепиано с оркестром П.И. Чайковского.

Глаза слипаются, не могу больше писать. Сейчас половина двенадцатого...

21 марта 1962 г., среда

Я переживаю в эти дни что-то ужасное: как я люблю её! До того она изумительная, что я только и мечтаю, как поцеловать её*. У неё такие губки! Пухленькие! Просто прелесть!!! Что мне делать?!!

22 марта 1962 г., четверг

Вечером ходили на вечер, посвящённый А.П. Бородину. Ставили московские артисты. Мы сидели с Наташей и Леной. Вы, бесспор-

---

* Сверху этих слов – приписка, сделанная, вероятнее всего, Наташей: «Не смей этого делать!» – В.Б.

но, подразумеваете под местоимение «мы» Сашу и меня; я сидел настолько близко к Наташе, что мне безумно хотелось поцеловать это нежное, божественное личико, с чуть заметным бледно-розовым румянцем (...). После концерта мы ждали их внизу, в фойе с пальто, с хохотом все оделись и пошли гулять. Но время уже было не детское, одиннадцать часов, и мы разошлись. Саша пошёл со своей «Эвридикой», а я, как и должно быть, с моей обожаемой Наташей.

Времени на разговор было совсем мало, и мы, пожав друг другу руки, разошлись. Через четыре дня академический концерт, а я ни черта не занимаюсь. О, это ужасно!!!

25 марта 1962 г., воскресенье

Вот это да! Сегодня я каким-то чудом отсидел шесть часов. Впрочем, ничего удивительного: во вторник академический концерт, и я решил за один день выучить всю программу. Вечером гуляли, как всегда, вчетвером. Очень здорово смеялись, отнимали у них рукавички, а они гонялись за нами. В одиннадцать часов попрощались и разошлись. Когда шёл с Наташей, то пытался прочесть её мысли, о чём она думала?.. попрощались быстро, за руку, я – с какой-то заглазной болью...

30 марта 1962 г., пятница

Ходил в кино на «Тревожную молодость». Видел Иру: после кинофильма шёл с ней, причем, она хорошая девочка. Не понимаю, почему Наташа так не любит её. Мне пришлось извиниться за то, что я назвал её вредной, и, опять, Наташа, ведь я сказал ей это просто так, а она уже всё рассказала ей. Разговаривали о кинофильме и об артистах. Проводил её до дома и, попрощавшись, передал привет Наташе. Сегодня купил пластинку «Сюиту № 2» И.С. Баха и «Сюиту» Г.Ф. Генделя. О, какая это музыка!

Сейчас живу мечтой создать «Сонату» h-moll для баяна solo в трёх частях.

7 апреля 1962 г., суббота

Боже мой! Неужели я опять ошибаюсь. Сегодня я попросил Наташу выйти, мне надо было поговорить, но она сказала, что вечером

зайдёт в училище. Но прошёл вечер, в одиннадцатом часу я ушёл, так и не дождавшись её. Прекрасно!! Опять начинается что-то ужасное, неужели она так мала, что не понимает простого – я люблю её. Я не могу без неё ни сидеть, ни заниматься, ни ходить. Неужели она хочет, чтобы я оставил музыку, сочинения, специальность, а это может произойти, я не могу смотреть на её равнодушие, не могу...

Ну почему она такая маленькая, младенец!!! Как я люблю её!!!

9 апреля 1962 г., понедельник

В одиннадцать часов ходил в училище, я надеялся, что она принесёт ноты, но опять ошибся. Когда шли вместе, я спросил, почему она так не хочет помочь мне, или, может быть, я надоел со своими просьбами, она так ничего и не ответила.

Может быть, она обиделась за вчерашнее, когда я взял её руку (в кино), но что же здесь особенного, ведь я люблю её, обожаю её ручки, такие тёпленькие, ласковые, я уже не могу держаться при ней, меня всего дёргает, когда она прикасается ко мне! А она или совсем не хочет встречаться, или же совсем решила прекратить всю нашу дружбу. Но она не подумала обо мне, я же совсем умру от тоски без неё. А как же быть, если она уедет в Москву – тогда, бесспорно, я или сойду с ума, или поеду в Москву один без родителей, чтобы хоть видеть её. Чёрт возьми! Поступить бы мне в училище им. Октябрьской Революции (*прежнее название Колледжа им. А. Шнитке. – Ф.Л.*) – это было бы очень здорово! Очень интересно узнать, любит ли она меня? И вышла бы за меня замуж, бесспорно, не сейчас, а через года три-четыре? Вот же, чёрт, какие глупости лезут в голову, а может быть, не глупости? Да, пожалуй, не глупости, но... пожалуй, и глупости!

Сегодня занимался немного, больше писал «Сонату». В восемь часов отправился на каток, Наташа и Лена были уже там. Я попросил Наташу прокатиться, но она почему-то ничего не ответила, и я, ужасно уязвлённый, уехал один. Больше я не навязывался и носился один. В девять часов пошёл в училище, решил послушать симфонию «Манфред» (h-moll) П.И. Чайковского. Зашёл к Борису Дмитриевичу, и мы стали слушать, времени было мало, и мы решили

прослушать 4-ю часть и финал, где проходит тема средневекового церковного хора «Dies irae». Очень здорово, просто великолепно! Ещё немного подождал их, пока они переоделись, и пошёл домой.

С Наташей шли молча, я совершенно не понимаю её. У подъезда попрощалась, даже не подав руки! Неужели я в чём-нибудь виноват?

Лучше умереть, чем так мучиться... «Вечный покой».

До – Си – До – Ля – Си – Соль – Ля – Ля

До – Си – До – Ля – Си – Соль – До – До*.

Сейчас 1 час ночи, сразу же падаю в постель...

Спокойной ночи, моя обожаемая Наташа! Наташа! Наташа!!!

15 апреля 1962 г., воскресенье

Сегодня ходил на митинг, посвящённый очередному съезду ВЛКСМ**, после митинга сел в классе Николая Александровича и стал писать программу прослушивания музыки. Вдруг кто-то неожиданно открыл дверь и задержал её, пока я поднял глаза, дверь захлопнулась, но я успел различить Наташу. Странно, почему она со мной не разговаривает и сторонится, избегая встреч?!

С Сашей ходил в кино на 20:10, смотрели «Старожила», видел Наташу, но мне больше не придётся подходить к ней, теперь, наверное, всё...

16 апреля 1962 г., понедельник

Да, теперь уже всё, но почему?

В её ответе опять-таки простота: ей понравился Женя, и она хочет с ним дружить. Ну что ж, пожалуйста, дружи, целуйся, обнимайся, кто против этого, но всё это выглядит довольно гадко и не по-товарищески. После таких хороших отношений она решила (...). Смешно! Остаётся пожелать ей приятных удовольствий...

17 апреля 1962 г., вторник

Нет никакой охоты писать. Да и о чём писать, опять повторять одни и те же мысли, только в разных тональностях? Как всё глупо

* Ноты темы Dies irae. – Ф.Л.

** Комсомольская организация в СССР. – Ф.Л.

вышло: мне кажется, я её больше не люблю, да и сколько можно любить, когда тебе делают одни гадости.

Но не может быть, чтобы она была такой плохой, неужели у неё совершенно другие понятия о достоинстве и гордости человека. Такое сказать одному человеку, а через неделю говорить это же другому. Противно! Интересно, почему Лена не хочет разговаривать со мной, наверное, и она презирает меня, как Наташка, что ж, я вполне заслуживаю этого. Может быть, я, действительно, (...), но есть же (...) даже больше (...). Боже мой, как надоела мне эта дыра! Как сейчас прекрасно в Москве, идут такие изумительные концерты, а я тупею с каждым днём, в глуши, вдали от музыки, настоящей учёбы, чувствую, что я не выдержу всей этой тупости даже у нас в училище. Я же вижу, даже скрипачи и пианисты, самые развитые по музыкальному мышлению, возьмём хотя бы Наташку или Элку: они кроме своего инструмента ничего не видят и не знают. Почему я люблю настоящую прекрасную музыку в исполнении на скрипке, фортепиано, виолончели, оркестра и многих других инструментов? Да потому, что я ценю всех этих музыкантов и композиторов, которые отдали столько труда и своей жизни для того, чтобы мы, слушая их, набирались силы, одухотворённости, большого ума, настоящего понимания о прекрасном. А некоторым вся эта музыка, как им кажется, создана для их удовольствия. К таким композиторам относится И.С. Бах – человек, который изобразил в музыке и вложил в неё всю глубину человеческой души, человеческой мысли. И такие люди, как Наташка, ещё смеют говорить о его музыке, что она скучна? Впрочем, она сама, наверное, пуста, если так мыслит.

Ну вот, я совсем записался, уже половина второго ночи, и меня ждёт постель...

Спокойной ночи.

21 апреля 1962 г., суббота

На хоре я сидел и вместо того, чтобы петь, читал учебник по оркестровке Н. Римского-Корсакова. После хора Лена попросила меня остаться, оказалось, что она уже прочла мои записи и принесла заодно и свои. После этого я оделся и пошёл в «Динамо». Но там

ничего нового не было, и я заспешил домой. Сегодня решил не идти на прослушивание музыки, надо адски заниматься, 23-го играть в театре дуэтом и соло. Но прежде, чем засесть за баян, я прочитал все Ленкины записи, они заняли у меня три часа. После этого я как будто заново родился: я всё понял из этих заковыристых строчек. Всюду Виктор, Витенька, Витя, Женя, киса и т.п. Как это всё надое-ло и опротивело. А о Наташке не хочу не только писать, но и думать.

Скверная девчонка, как она прелестно лжёт (мне), а с Женькой любезничает и целуется. (...)

22 апреля 1962 г., воскресенье

Ходил с Сашей в кино на 20:10, в «Горняк», что-то меня гнетёт, а что не знаю. Завтра выступать в театре, надо хорошо выспаться.

23 апреля 1962 г., понедельник

Выступили здорово! Играли дуэтом и я один (соло). Вообще, весь концерт прошёл на хорошем уровне. Когда подходил мой номер, я разговаривал с Наташей, почему-то чувствуется моё превосходство над ней, но в чём? Когда объявили – А. Кузнецов «Концертные вариации», исполняет Золотарёв, – я не спеша вышел и сел, подготавливаясь. Описывать не стоит, играл как никогда чистенько и музыкально. После меня выступала Наташа, тоже исполнила хорошо. Я поздравил её и пожал ей руку, но не получил ответного рукопожатия, как прежде, сейчас рука у неё какая-то вялая, безвольная. И мне почему-то стало её очень жалко, только представить себе, что Женька завоевал её только физическим превосходством, притом нахальным. И не стало больше у меня хорошего, нет, просто замечательного друга, может быть, навсегда. Я, наверное, не смогу вернуть её к нашим прежним отношениям, да и как это сделать, если она любит Женьку. Ну и чёрт с ней; что, мало девчонок, которые сами захотят со мной дружить (...). Ничего подобного. Но в этом-то и глупость: я не хочу ни с кем дружить, кроме неё.

Я люблю её, вы понимаете меня, чёртовы людишки?! И очень сильно!

24 апреля 1962 г., вторник

Ходили сегодня в кино. Как это они решились попросить нас взять им билеты? Может быть, это подвох? Впрочем, мне это безразлично. Сидели с Наташей, но совсем не так, как раньше, сейчас всё по-другому, да и Саша с Леной тоже, хоть и смеялись, но откровенничать не могли. После кинофильма я шёл с девочками до Наташкиного дома и вскоре, попрощавшись, ушёл домой.

Да, дома такая скука! Пластинки мне запретили крутить, и я стал ужасным бездельником.

25 апреля 1962 г., среда

Утром репетировал Концерт для баяна с фортепиано. Сейчас концертмейстер у меня Софья Николаевна Герасина, впрочем, неплохая пианистка.

Сейчас я смотрю на часы, стрелка подходит к двенадцати, и мне хочется спать. Хочу прокрутить «Реквием» В.А. Моцарта и несколько пьесок И.С. Баха, после этого можно будет с удовольствием сохнуть. Ах, какое блаженство лежать на диване, растянувшись так, как будто ты не в Магадане, а в Москве; лежишь и слушаешь музыку, такую прелестную, изумительную музыку, как будто тебе сейчас так же, как и тогда, 14 лет и ты полон больших надежд и стремлений. А что? Я и сейчас полон надежд, хотя мне и восемнадцать лет.

Какой кошмар! Я уже сплю. Долой стремления!

Да здравствует сон!! Ура!!

26 апреля 1962 г., четверг

То, что рассказал мне Саша, было если не ударом, то, по крайней мере, неожиданностью. Оказывается, Наташка злится на меня за мои отношения к Зине Чернышёвой (скрипачка), вот где глупость, а впрочем, почему она злится, ведь ей всё равно, с кем я дружу, да и какая это дружба! Просто хорошенькая девочка, и я решил с ней поговорить, вот, кажется, и всё...

Она с Леной подарили Саше своё фото, вышли очень здорово, но когда я попросил, то они послали меня к чёрту. Ну и репутация у меня!

Кошмар!

1 мая 1962 г., вторник

Вот и первое мая! Я сегодня встал в 9 часов, пока оделся и позавтракал, уже была половина десятого. В десять я был уже в училище, и мы все пошли на ул. Карла Маркса. Здесь мы простояли целый час, а затем началась демонстрация. Наташа всё любезничает с Женькой, а на меня так презрительно смотрит, как будто я совершил что-то ужасное по отношению к ней. В общем, всю демонстрацию я прошёл с кислой рожой. Да, а, между прочим, Наташе идёт серое пальто и шапочка, она в ней очень симпатичненькая. Когда я хотел идти домой, ко мне подошёл Саша и сказал, что Наташа пригласила нас к себе домой в 6:30 вечера. Я был очень удивлен, ведь она дружит с Женькой, и вдруг это приглашение. После всего этого мы с Сашей пошли ко мне. Папы дома не было, а мама слушала музыку. Мы разделись, поиграли немного в шахматы, а затем решили послушать пластинки. В 12 часов пришёл папа, и мы решили «хорошо пообедать». Ради такого события папа налил мне и Саше по рюмке коньяка. Я выпил и не поморщился (фу, какая гадость), потом ещё выпили по бокалу вина и стали одеваться. Мама отругала папу за то, что он налил нам коньяк, ну а мы не стали ждать, когда станут ругать нас, и выскочили на улицу. Решили зайти в училище, но там было пусто, и, погуляв ещё часа два, пошли к Наташе. Кроме Наташи и Лены была ещё Ира, и поэтому было несколько неловко. Мы стали играть в карты и в аккомпанемент грызли орехи. Потом танцевали, было весело и хорошо (всегда бы так). Я понимал, что скоро зайдёт Женя, и размышлял, пойдёт Наташа с ним или нет. Так и случилось, позвонил Женя, но Наташа передала Ире, чтобы она сказала ему, что её нет дома (зачем она это сделала?). Потом мы пошли прогуляться. Он ждал её у подъезда, мы попрощались и пошли с Леной, а Наташа пошла к Жене. Мы после этого ещё видели их, и, кажется, они шли под ручку.

Больше не хочу писать!

2 мая 1962 г., среда

После моего дежурства в училище зашли Лена и Наташа, но, увидев Женьку рядом со мной, Наташка выбежала на улицу и, до-

ждавшись Лену, ушла. В одиннадцатом часу я с Сашей и Володькой решил погулять. У сквера мы увидели девочек и подошли к ним. Вскоре они попрощались, и я пошёл с Наташей, мы разговаривали (...). Всё же она боится меня, какая глупая наивность! Ну неужели вот так мы и будем ходить всё время, не смея приблизиться друг к другу так, чтобы можно было поговорить обо всём, что угодно. Почему нельзя взять её за руку, с Женькой же она ходит! На лестнице я попрощался с ней; я очень хотел поцеловать её и не только в губки, такие прелестные, но и её руки и варежки! Но она оттолкнула меня и, быстро подав руку, убежала домой. После такого я шёл довольно медленно, и мальчишки набросились на меня за длительную задержку.

(...) Сегодня, когда я с Сашей шёл из училища, то почти у Наташкиного дома увидели их. Мы, конечно, очень обрадовались и стали с ними гулять. Потом побежали к памятнику Ленина, и они неожиданно отняли у нас шарфы. Когда Наташка побежала от меня, то я очень быстро догнал её и стал отнимать его у неё, но она так крепко держалась, что мне пришлось сдаться, но ненадолго. Через несколько минут я возобновил войну, и мы постепенно ушли от Лены и Саши. Я мог бы без особых усилий отнять шарф, но не хотел. Так приятно было держать её за руки!... Потом она как-то обманула меня и, довольная, завязала мой шарф себе на шею. Ещё до этого я сказал ей, что могу поцеловать её в руку, она и говорит: «попробуй», – ну, а я взял и поцеловал её ручку (как было здорово). Когда она завязала шарф, я взял её, вернее за шарф около её шеи, и стал очень внимательно разглядывать её прекрасное, нет, просто изумительное личико, ещё бы немного, и я поцеловал бы её в губы, но тут я вспомнил её пометки, чтобы никогда не делать этого, и не хотел обижать её. Я сказал ей, что буду очень послушным и никогда не поцелую без её разрешения. Вскоре мы стали прощаться. Она отдала мне шарф у подъезда и, быстро подав руку, убежала! Моя дорогая Наташенька! Зачем ты так мучаешь меня!! Я же очень сильно люблю тебя!!

Что меня ждёт завтра?!

7 мая 1962 г., понедельник

Ходили в кино на «Барьер неизвестности». Сидел с Наташей, до того было хорошо, что невозможно этого написать. Какой я был дурак, что иногда думал о ней плохо. Это же такая девчонка! Но я не могу спокойной сидеть с ней, я до бесподобности люблю её, такую хорошую, обаятельную!

Она же влечёт меня всем своим видом! И я, конечно, не смогу выдержать этого мучения: как я хочу поцеловать её...

Нет! Нет! Нет! Я не смею этого делать! Я никогда не обижу её, если она сама не разрешит мне... У меня сейчас такое состояние, что я не могу оставаться с ней наедине. Я чувствую, что её тоже тянет ко мне, но мне же нельзя этого делать! И только она сама может помочь мне преодолеть это состояние. Всё же как это ужасно! Любить очень сильно и не иметь права на (...) поцелуй!

Какие глупости лезут в голову!

Просто ужас!

10 мая 1962 г., четверг

Сегодня на редкость хороший день, только дует лёгкий ветерок. Занимался шесть часов, готовлю экзаменационную программу, а также пьесы для дуэта. Володька стал здорово играть, теперь уже надо заниматься, иначе можно скатиться. Двенадцатого мы выступаем в клубе автотранспортников, я хотел бы сыграть свой «Этюд-Токкату», но Николай Александрович, наверное, не разрешит. А жаль! Эта токката не так уж и плоха, как он думает. После хора я со смеющейся рожей передал Лене, что сегодня стоит прогуляться, но она показала на Наташу, она опять решила испортить мне настроение. Любезничая с Игорем, она сказала, что с нами не пойдёт, но мы, набравшись смелости и нахальства, дождались их и пошли, разговаривая. Ну вот и всё – всё сначала... Больше не хочу писать! Опять то же самое.

Пошло всё к чёрту! Только заниматься и готовиться к экзаменам!

11 мая 1962 г., пятница

Передают органную музыку, не знаю, кто исполняет. Как здорово играет, мне кажется, это – Токката, Адажио и Фуга C-dur

И.С. Баха. Не могу слушать такую замечательную музыку. Сейчас мне так грустно и одиноко, что я готов разреветься.

Занимался сегодня семь часов. Выучил Увертюру Дунаевского и свою Токкату. В девять вечера зашёл в училище, Сашка уже ждал меня. Немного посмеявшись, мы решили зайти в гастроном съесть по сто грамм мороженого. В одиннадцатом часу, когда я провожал его до автобусной остановки, мы увидели девчонок, они шли из кино. Поравнявшись с нами, они поздоровались и прошли мимо. Я сейчас вообще не хочу разговаривать с ними. А Наташка строит из себя какую-то дурочку, как мне надоели эти причуды!

Сейчас слушаю «Аллилуйя» В. Моцарта. Прекрасная музыка! Исполняет Соляноква в сопровождении органиста Платнера. Сейчас в эту минуту я подумал о тебе, слышишь, Наташа, о тебе. Такой хорошей... Интересно, ты спишь сейчас или тоже слушаешь музыку, а может быть, читаешь?

Почему ты такая непостоянная? Неужели это останется у тебя на всю жизнь? Право же, я не понимаю тебя и твои чувства к мальчишкам.

12 мая 1962 г., суббота

Сегодня так здорово выступали! Дали концерт в II отделениях, пели хором 15 вещей, а также выступали солисты-инструменталисты. Дуэтом играли «Концертные вариации» А. Суркова. Володька играл Венгерский чардаш (обр. Н. Ризоля).

13 мая 1962 г., воскресенье

Весь день шёл дождь со снегом, так противно, что не хочется ничего делать. Но занимался сегодня неплохо – семь часов.

Работал над «Концертом» Ф. Рубцова и над «Вариациями» Онегина.

Перед сном немного прогулялся с Сашей по городу и двинулся домой. По пути встретили девчонок, глупышки, они ещё хотят показать, что они не желают с нами разговаривать. Нужны они нам! Такие!.. Завтра снова выступаем. Хотим исполнить Увертюру к кинофильму «Дети капитана Гранта» И. Дунаевского.

Я сейчас решил серьёзно заняться подготовкой к экзаменам. Надо учить историю СССР и математику, а о музыкальных предметах и говорить нечего. Ну вот, пока что хватит писать. До завтра.

15 мая 1962 г., вторник

Стало холодно. Нет никакой охоты гулять, да ещё одному. Занимался сегодня два часа, в девять вечера зашёл Саша, и мы пошли прошвырнуться по городу. Стоит густой туман, очень холодно и сыро. Я поднял воротник, надвинул фуражку глубже, и стало немного лучше. Так мы прогуляли до десяти часов, потом Саша сказал мне, что у него в понедельник, т.е. 21 мая, день рождения и хорошо было бы, если пригласить Наташу, Лену и Эллу. Только навряд ли они согласятся пойти, вернее, поехать (на автобусе) к Саше, а было бы здорово! Но, увы! Надежды напрасны, да и ни к чему. Всё же, я очень сильно люблю её, думаю о ней каждый день, каждую минуту. Она вся у меня перед глазами, прекрасная! Обаятельная! И если, когда я и говорю о ней плохое, то это происходит от того, что я ревную её к каждому идиоту, я же очень люблю её! Не могу больше жить в таком состоянии, моя обожаемая Наташенька! Прости меня, (...), но они искренние и заслуживают внимания.

Вчера я видел её с Эллой, они тоже гуляли, как и мы с Володькой, а сегодня даже и не встречал ни её, ни Элку, нет, что я, Элку я видел в училище. Хотел поговорить с ней о Наташе, но у нас были уроки, а после уроков я забыл и ушёл.

В городе происходит чёрт знает что. Орудует какая-то банда около (...) человек и каждый день убивают, в частности детей. Ходят слухи, что они (...) на жизнь (...) и уславливаются: или будет идти (...) или (...)!

Как в средневековые времена, того и жди, что тебя прикончат где-нибудь в переулочке. Ну, вот пошёл двенадцатый час, пора идти и мне отдохнуть.

До скорой встречи!

18 мая 1962 г., пятница

Сегодня мы здорово провели вечер! Элка пригласила нас, т.е. меня, Сашку и Володьку, просто посидеть, попить чай, поиграть

и, конечно, поспорить. Кроме нас и Элки, были Наташа, Лена и Лена Анциферова. Самое первое, что мы сделали, это накрыли стол. Кошмар! Где Элка раздобыла бутылку портвейна? Да, интересно до чертиков. Мы, бесспорно, распили её и, поужинав, стали играть в испорченный телефон. Но вскоре нам это наскучило, и мы включили радиолу.

Наташка сидела в сторонке и о чём-то думала. Да! Я же совсем забыл: она сделала себе причёску! Ей так идёт, просто невероятно, что это бывшая Наташа. Я подсел к ней и стал развлекать её, но все мои усилия были напрасны, и я, смирившись, начал смотреть на её красивое личико.

В одиннадцать часов мы пошли домой. У фонаря расстались, а я с Наташей пошёл до подъезда. Когда она подала мне руку, я взял её и задержал в своей. Потом я (...) опять она сказала, что ей влетит дома, и попросила (...). Когда она поднималась по лестнице, то помахала ручкой и, улыбнувшись, убежала домой.

Наташа! Наташа!! Наташа!!!

19 мая 1962 г., суббота

Ой! Как легко дышать и наслаждаться после такого замечательного концерта. Сегодня было наше последнее выступление хором. Проще сказать, был отчётный концерт хора музыкального училища под управлением талантливого, нет, гениального и замечательного дирижёра Юрия Михайловича Лемана. Поверьте, я его так люблю, что готов пожертвовать собой для него. Пели пятнадцать произведений, из них: хор из оперы Х. Глюка «Орфей и Эвридика»; «Венецианская ночь» М. Глинки; хор девушек из оперы П.И. Чайковского «Евгений Онегин»; итальянские народные песни, русские, украинские, молдавские, а также произведения советских композиторов.

В общей сложности концерт шёл в двух отделениях. Просто замечательно, когда мы кончили петь последнюю песню, весь зал грохнул и раздался гром рукоплесканий! На сцену вышел представитель от обкома ВЛКСМ и поздравил Юрия Михайловича за проведённую громадную работу. Весь хор, и я в этом числе, громко хлопали ему, ведь мы его так любим! Потом все встали (в зале)

и продолжали аплодировать стоя. Так продолжалось несколько минут! Да, это действительно бесподобно! Изумительно! Великолепно! Как не гордиться таким прекрасным педагогом, как Юрий Михайлович! Жаль, что он уезжает в Москву, его зовёт к себе Соколов, а то, может, мы бы пели «Реквием» В.А. Моцарта, части из «Высокой мессы» h-moll И.С. Баха.

Наташа сегодня тоже играла, а мы с Володей играли «Увертюру» к кинофильму «Дети капитана Гранта» И. Дунаевского. Но самое главное – завтра. Завтра решится моя судьба, а что будет завтра... это вы узнаете тоже завтра... До свиданья! Мои дорогие и самые лучшие друзья! Меня ещё ждёт небольшая работа. Итак, спокойной ночи и моя хорошенькая Наташенька!

20 мая 1962 г., воскресенье

Так я, кажется, говорил вчера о какой-то судьбе? Что ж, может, это и не судьба, но желание наверняка. Ладно, опишу всё по порядку. Как и договаривались, я подошёл к «фонарю» в 18:15. Пришлось, конечно, подождать их, как и все девчонки, они любят позлить и всегда опаздывают. Но вот наконец показалась Лена, а вслед за ней и Наташа, и Элла. Я предложил им взять такси, но они решили, вернее, предпочли автобус. В общем, пока было всем весело и смешно. Приехали к Сашке в 6:40 вечера и сразу же пошли к нему в комнату. Мне кажется, не стоит описывать все церемонии, все должны знать, что происходит в таких случаях. Бесспорно, все были с подарками и поздравлениями.

Когда все расселись по своим местам, я завёл магнитофон, крутил пластинки. Все подняли бокал шампанского за нашего Сашеньку. Пожелали ему всего хорошего в жизни, музыке и учёбе.

Потом мы хохотали и спокойно поглощали кушанья. Смешно. И вдруг... потух свет. Мы ремонтировали, ремонтировали – так ничего и не сделали. Да, я совсем забыл: когда мы рассаживались, кто с кем сядет, Наташа со мной не села. Удивительно почему, наверное, опять повторяется старая история? Я был несколько пьян, но соображал вполне. Незаметно я взял плащ и хотел идти домой, но Сашка отнял его у меня, и я ушёл на кухню. Прислонившись к окну,

я думал о ней, о том, как она унижает меня... но тут вошла Наташа и спросила, почему я такой... (...) Я ответил, что мне надо идти домой (конечно, я врал, мне никуда не надо было идти), и сказал, чтобы она оставила меня одного. И Наташа ушла. После этого я ещё раз зашёл в кухню, теперь уже она стояла, прислонившись к окну, и о чём-то думала. Я заговорил с ней и не выдержал: я говорил ей, что я очень люблю её, что она одна и только она может избавить меня от мучений. Потом я взял её за руку выше локтя и обнял левой рукой. Удивительно, она не сопротивлялась. Тогда я взял её за прекрасный подбородок и повернул к себе, но она не хотела, чтобы я целовал её, и отвернулась. Я не мог больше сдерживаться! Как я люблю её! О! Боги, помогите же, наконец! Но вот она спросила меня: «Ты очень хочешь поцеловать меня?», – я сказал да, и случилось невероятное: она сказала мне: «Ну что ж, целуй». Я прильнул к её губам, и так продолжалось бесконечно! Я очень сильно прижал её к себе и не мог оторвать своих губ от её прелестных губок. Но она сама оторвала их, и тут пришли Сашкины родители; оказывается, было очень темно, и мы кое-как оделись и вышли на улицу.

На автобусе доехали благополучно, у «фонаря» попрощались, и мы пошли одни. Я проводил её до подъезда и даже до четвёртого этажа. Прощались так, как будто было всё кончено... Впрочем, наверное, всё! Я понимаю её состояние, это происходило всегда, когда она решалась порвать со мной. Ну что ж, всё так всё. Мне её не вернуть уже никогда! Я же люблю её! Люблю до безумия! Чувствую, что падаю в какую-то яму!!!

21 мая 1962 г., понедельник

Что со мной?! Вот где моя судьба! О! За что?! За что мне такие мучения! После концерта в театре я прогуливался по улице Горького, очень хотел увидеть Наташу. И что же! Я увидел её. Она шла с Женей, он нёс ей скрипку. У меня всё закружилось в голове, ещё бы немного, и я упал бы...

Как же это случилось?! Как она могла?! После таких отношений и гулять с Женькой?! А этого идиота я ненавижу! О, как ненавижу!! Я шёл, и слёзы сами навёртывались на глаза... Неужели я плачу?..

Плачу!.. Когда я подходил к дому, я уже рыдал... Слава Богу, дома никого не было. Здесь я совсем... упал на диван и ревел! Вся подушка была мокрая! Я люблю её! И уже не могу предотвратить это! (...) Как я буду смотреть на неё, когда она будет гулять с Женькой.

Сейчас рука у меня вся мокрая от слёз! Вы, я надеюсь (кто прочитает мой дневник), простите мне эти строчки! Вы должны понимать меня! Я не могу больше без неё жить! Сейчас я готов на всё!.. Боже мой!.. Спасите меня от неблагоразумия!.. Вытащите меня из этой ужасной ямы... Иначе я погибну! Наташка, дорогая моя! Что ты со мной сделала?! За что всё это мне одному?! Я умираю!! Спасите меня! Спасите!

22 мая 1962 г., вторник

На уроках читал книгу и смотрел ноты. В голове какой-то шум, каждый крик или стук раздражает меня до того, что я закрываю глаза и приказываю себе: «спокойнее». По-видимому, удар был очень сильный, но не смертельный. Как-нибудь переживём. Снова холодно и дует ветер. Ничего не хочется делать, всё думаю о ней. Ребёнок она ещё, чтобы понимать такие вещи и слова.

23 мая 1962 г., среда

Ходил с мальчишками в кино на «Приключения Кроша». Очень понравился сам Крош, такой прекрасный парень, что я с удовольствием дружил бы с ним. Видели Наташу и Лену, они сидели несколько позади. Ей очень весело, ещё бы! Теперь я не надоедаю ей своим присутствием, и она очень довольна! Как же, я был для неё только для развлечений, и больше ничего. Да, жаль, что так всё получилось. Через месяц я больше не увижу её. Она уедет навсегда! Только останется она у меня в памяти на всю жизнь. А я у неё? – На неделю, не больше. Ну и прекрасно!

Слушаю «Меланхолическую серенаду» П.И. Чайковского. Что мне делать?! Эта музыка меня сведёт с ума! Наташка! Милая, неужели ты обманула меня? И как ты можешь не верить мне, я же люблю тебя! Дорогая моя Натка! Я хоть сейчас взял бы тебя в жёны. Может, это и глупо, но ты простишь мне всё! Всё, чем я обидел тебя! Простишь?

Слушаю «Чакону» Витали. Сплошное рыдание, да избавьте же наконец меня от этих мучений! Зачем я так люблю музыку?! Как мне тяжело! Даже не с кем поделиться. Больше нет у меня друга! Нет! Я совершенно один!

Что ты наделала! Моя любимая, гениальная Наташенька! Боже мой! Я не могу больше слушать, ничего не вижу. Удивительно, я плачу только от музыки. Опять эти слёзы!

Когда это кончится?!!

25 мая 1962 г., пятница

Ну вот, я опять перед вами. Сижу один в своей «лаборатории», за своим любимым столом и, как всегда, с горой нот, книг и пластинок. Решил слушать музыку и писать дневник. Так как музыка у меня своя, то я тут же воспользуюсь этим. Да, совсем забыл! С Наташей помирился, ещё вчера, а сегодня гуляли до одиннадцати. Жаль, что мало. Я пообещал дать ей книгу «Повесть о Гайдне». Изумительная штучка! Вот было бы здорово, если бы она не уехала в Москву! Если она действительно хочет со мной дружить, то мы бы прекрасно провели лето!

Завёл «Прелюд» cis-moll С. Рахманинова, в его же исполнении. Хорошая музыка. Заодно просматриваю «Учебник по композиции», у меня, как у Цезаря, такая «умная» голова, что я успеваю делать несколько работ. Хвастун несчастный! Не готовишься к экзаменам, а занимаешься всякой дрянью! Впрочем, я уже выучил историю и неплохо отвечал, значит, недаром потратил время. Вот ещё математику выучить, и тогда – туча позади.

По баяну готовлю экзаменационную программу. «Концерт» Ф. Рубцова, «Бурре» из скрипичной сонаты h-moll, «Вариации» Н. Паганини, «Концертный этюд» С-dur В. Иванова и «Концертные вариации» на тему русской народной песни «То не ветер ветку клонит» А. Онегина. Сейчас не до сочинений, и всё же так и тянет что-нибудь написать, вот сегодня задумал написать несколько детских пьесок. Но все планы – на лето. Здесь и «Соната» h-moll для баяна и «Наталиана», Увертюры и даже опера. Сюжет пока не выбрал, но хочу какой-нибудь драматический, со сказочным содержанием или

с большим развитием действующих лиц. Вот уже стрелка подходит к часу ночи. Родители спят, а если папа и встанет, то я закрылся на ключ, и ничто ему не поможет проникнуть ко мне. Как приятно слушать музыку, когда тебе никто не мешает. У меня уже большая коллекция пластинок: начиная с Пахельбеля, Букстехуде и Скарлатти и кончая Шостаковичем, Кабалевским, Прокофьевым. Так что музыкой я обеспечен вполне, впрочем, нет, я не привык останавливаться на половине дороги, через лет пять-шесть у меня будет настоящая библиотека музыканта, а сейчас только основание будущей библиотеки постепенно завоёвывает место в квартире. Вот было бы здорово, если мы жили бы вместе (с Наташей)! Читали бы книги, слушали музыку, готовили уроки, вместе сочиняли бы музыку, а что? Это вполне возможно! Только вот она не согласится, не понимает она настоящей дружбы; ну нет! Не такой уж она и ребёнок, чтобы не понимать этого. Просто она боится сказать правду, всё же Женька ей небезразличен. Вот будет скоро ровно год, как я веду этот дневник о музыкальном училище. 30 июня исполнится ему год, а потом ещё год, и ещё. И когда-нибудь открою пожелтевшие листики и вспомню лучшие дни своей жизни! Да, сейчас лучшие дни моей жизни, и их надо ценить. Отдать все силы на познание тайн музыки, литературы, живописи и многих других наук. Иначе потом будет поздно. И фраза «учиться никогда не поздно» совсем не подходит для нашего времени. Слушаю гитару... Играет Иванов-Крамской! Великолепно владеет инструментом! Исполняет произведения И.С. Баха, Э. Гранадоса, Ф. Сора. Вот вам и гитара, провинциальный инструмент! Конечно, всё зависит от исполнителя, и на домре, и на балалайке можно так сыграть, что закачаешься! Вспомнил! Татул Абгарович говорит, что летом посадит три баяна в симфонический оркестр, и ещё пять человек будут играть с оркестром концерты, но это не этим летом, а этим летом буду играть я и Володька. Неплохо, не правда ли?

Стрелка циферблата подходит к двум, пора и в постель!

Вот сейчас послушаю ещё с полчаса и лягу. Ты уже давно спишь и видишь хороший сон. Спокойной ночи тебе, моя прекрасная Наташа, моё изумительное создание!

Goodbye! Два часа ночи по магаданскому времени.

26 мая 1962 г., суббота

Вчетвером ходили в кино. Смотрели «Великий Карузо», прекрасный фильм!! Такая изумительная музыка, что я не мог сидеть спокойно. С Наташей сидели, наклонившись друг к другу, так, что я касался её волос. После кинофильма я попросил её прогуляться к памятнику Ленину, и, так как было ещё десять часов, мы решили погулять до одиннадцати. Разговаривали обо всём. В одиннадцать часов пошли до подъезда, ещё постояли минут пять и стали прощаться. Сначала пожали друг другу правую руку, а затем левую (левую руку дают самым близким друзьям). После этого она побежала по лестнице, а я заторопился домой. Не успел лечь в постель, как мгновенно заснул.

28 мая 1962 г., понедельник

Слушаю радиоспектакль «Вольфганг Амадей Моцарт». Вот где талант! Это действительно гений! Как он ушёл?! Ему было всего 8 лет, а он давал такие бесподобные концерты, что ахнешь!

Где же те времена?! Времена гениев и талантов?! Неужели всё рушится? Музыка, живопись, литература? Везде только и слышно: воспевать подвиги поднятия целины, строительства, деревню. На кой чёрт мне это нужно? Я хочу настоящей музыки! Чтобы она волновала человека, заставляла думать, смеяться, плакать! А?! Пошло всё к чёрту! Я ни за что не буду писать музыку для того, чтобы заполнить пять линеек, чтобы были звуки, но только не музыкальные. Вот передают симфонию g-moll (№ 40). Музыка! Вот она! Слушайте и восхищайтесь! Написать такое в семнадцать лет – это просто неповторимо!!

Говорил с Татул Абгаровичем. Вот где сбываются мои мечты: договорился с ним, что летом он будет давать мне уроки по инструментовке, дирижированию, композиции. Это же очень здорово! Чёрт возьми, мы ещё покажем себя! Только бы сдать экзамены!

31 мая 1962 г., четверг

Пришёл в упадок! Совсем раскис. Только и думаю о музыке, хочу писать, а нельзя, потому что сейчас главное – это сдать экзамены!

ны. С завтрашнего дня буду учить историю СССР и музлитературу. Придётся снова ходить в читальный зал, опять заполнять эти бланки. Но летом я возьму своё: научусь писать, дирижировать. И осенью, если удастся, выступить с авторским концертом.

1 июня 1962 г., пятница

Вот и июнь! Всё так же холодно, только утром и вечером более-менее, но не жарко. Был в театре на концерте. Сидел с Наташей в бельэтаже. Всё время смеялись, а потом придвинулись друг к другу так близко, что я касался её плеча. Она почему-то больше не смеялась и не подпрыгивала; мы придвигались друг к другу всё ближе и ближе. Наконец я поймал её руку и задержал в своей, но она высвободила её, но не отодвинулась, а напротив, наклонила голову так, что я ощущал её дыхание. После концерта я проводил её до подъезда и, попрощавшись за руку, ушёл.

3 июня 1962 г., воскресенье

Ходили в кино, в портовый кинотеатр «Моряк». Что со мной происходит, я сам не знаю, но понимаю, что очень люблю её. Мы сидели опять вместе, и я не мог, чтобы не взять её руку. Её рука чуть-чуть дрожала, а дыхание было прерывистое. Я прижал её к себе, и так мы сидели до конца сеанса. После фильма очень спешили, Наташе надо было быть дома в одиннадцать. Попрощались на четвёртом этаже, как-то особенно хорошо.

4 июня 1962 г., понедельник

Сейчас слушаю передачу о Петре Ильиче Чайковском! Что это за человек! Я не могу слушать о его прекрасной жизни, навёртываются слёзы, когда вспоминаешь о его любви. Даже Лев Николаевич Толстой заплакал, когда слушал концерт из произведений Чайковского. Они сидели вместе с Петром Ильичом и думали об одном и том же... «Зимние грёзы» – это одна из лучших симфоний Чайковского. Дальний путь... зимняя дорога... как всё устроено! Здорово, я научусь писать музыку! Я же очень хочу сочинять её! Очень! Вы понимаете меня, чёрт бы вас взял! Очень хочу! Вот «Шестая сим-

фония». Это же повесть, повесть, повествуемая музыкой! Здесь вся жизнь Петра Ильича, жизнь, полная героизма, обаяния, любви. Как я хотел бы умереть, но так, чтобы жил он, прекраснейший человек! Самый лучший! Самый гениальный! Человек изумительной души! Я не могу думать о нём без слёз! Вот он попал на премьеру оперы «Евгений Онегин». В зале темно, только горят свечи... он сидит и плачет... ведь это его опера, его труд, мысли. Слёзы текут по щекам и капают на чёрный фрак, он вспомнил свою любимую, как он любил её!.. Сейчас он гениален! Признан всем миром, а тогда... Тогда он только пробовал свои силы... учился, добивался этого. Боже мой, я же люблю его, люблю как самого близкого и дорогого мне человека, как тебя, моя любимая прекрасная Наталья Борисовна... Наташа... Ты обязательно будешь моей женой! Если ты захочешь, я стану гениальным! Буду работать днём и ночью, учиться; только труд! Труд делает гениальным! А я буду писать! Буду!

5 июня 1962 г., вторник

Через двадцать дней экзамен по специальности, и я доучиваю пьесы, пока ещё есть время, а то потом экзамены по истории, математике и музыке. Какой ужас!

Сегодня ходили в читальный зал, я хотел поучить историю СССР, но вместо истории взял журнал «Юность», здесь есть интересная повесть «О дневниках». В зале были Наташа и Лена, но я не сел к ним: ещё подумают, что я увязался за ними. Прочитав один журнал, я хотел было браться за продолжение, но девчонки вдруг встали и ушли. Нам стало скучно, и Володя предложил пойти в скверик.

Мы прошлись немного по ветру и, договорившись пойти в кино на 8:55 вечера, разошлись по домам. В девятом часу я подошёл к «Горняку». Вот это встреча! Неужели и они идут в кино? Это было бы здорово! Но нет, у них нет билетов; ну ничего, общими усилиями мы достанем их. Впрочем, через минут десять они уже были с билетами, но меняться с нами не хотели (т.е. сидеть по парам). Фильм очень понравился, и у меня было превосходное настроение. У «фонаря» мы побегали немного и разошлись со своими «жёнами». На

лестнице я задержал Наташу и взял её за руку. Она была тёпленькая и какая-то очень хорошенькая. На четвёртом этаже, у её квартиры, я попросил её не уходить и постоять ещё минут пять. Она наклонилась над перилами, а я положил свою руку на её плечо и обнял её. Но когда я хотел поцеловать её, то она сказала, что надо идти домой, иначе может влететь от папы. Я отпустил её и, попрощавшись, начал спускаться вниз. Было слышно, как хлопнула дверь и... На этом заканчиваю свою мазню. Спокойной ночи!

Ночь темна, но ты верна
Нашей дружбе навсегда,
И ничто ей не поможет
Разлучить нас никогда!

6 июня 1962 г., среда

Был в училище; думал, что будет прослушивание музыки, но Бориса Дмитриевича не нашёл и хотел идти домой. Но тут моё внимание привлекла скрипка, играли на втором этаже. Я сразу же узнал, чья это скрипка: так могла играть только Наташа. Заглянув в класс, я увидел её и Элку. Они репетировали «Концерт» Ф. Мендельсона. Если бы вы знали, что это за концерт! Это не музыка, а какой-то живой поток чувств и признаний! Наташка его здорово играет, у неё вырабатывается исполнительская трактовка произведений, т.е. правильное раскрытие образов. Ей надо поработать над отдельными местами, а также добиться чистоты звука в некоторых местах. Когда Элка ушла, я остался в классе и стал разговаривать с Наташей. Вот где потеха! Мы разговаривали на такие темы, что с другой девчонкой я ни за что бы не решился. Вот так, примерно, происходил наш разговор:

Я: Скажи, почему ты боишься меня?

Наташа: Я не боюсь тебя, с чего ты это взял?

Я: Ну, а всё же?

Наташа: Говорю же тебе, не боюсь.

Я: Через двадцать дней ты уедешь?

Наташа: Да, а что?

Я: Что... плохо, вот что!

Наташа: Почему плохо?

Я: Летом я умру без тебя.

Наташа: Ничего, через год ты женишься и забудешь меня.

Я: А скажи, Наташка, ты вышла бы за меня замуж?

Наташа: Да, если ты будешь помогать мне. (Вот глупенькая! Конечно, буду.)

В общем, мы болтали до девяти часов и потом пошли домой. Навстречу дул сильный ветер, и я взял у неё папку, чтобы легче было нести скрипку. Я опять проводил её до четвёртого этажа и, пожав руку, ушёл. Да, я женился бы на ней, но ей всего шестнадцать лет, придётся ждать два года.

10 июня 1962 г., воскресенье

Вчера произошло что-то невероятное и непонятное. Впрочем, объясню всё по порядку. Утром, после того как нам перенесли Историю на 13 июня, Лена Анциферова пригласила меня и многих других (в том числе Наташу) на день рождения. Я, конечно, согласился, но вспомнил, что в 3 часа у нас оркестр, и поэтому надо было подобрать подарок. Решил подарить «32 вариации» Л. Бетховена, а также его альбом вариаций. Перед оркестром стал искать партию, но мои поиски кончились неудачно, и я со страхом (ещё бы, Николай Александрович мне задаст!) разучивал на память. Что я боялся, то и произошло: он обругал меня и выгнал с оркестра. Это было так обидно, что я чуть не разревелся. Ещё бы, мой любимый педагог, и так поступить! В шесть часов я с Сашей и Вовкой был у Лены. Все уже собрались и играли в «бонжур», не хватало только нас.

Через несколько минут все сидели за столом, первый тост был за именинницу, а второй – за экзамен. Ну и потеха, Наташка, чтобы не тянуться через весь стол за огурцами, спокойно ела их из Людкиной тарелки. Вот чертяка! Потом завели радио, и девочки стали танцевать. Я не хотел танцевать и пил вино с Вовкой. Было приятно видеть, как Наташка злилась на меня, потом она танцевала с Вить-

кой, а я с Зиной и Леной. Вот это да! Мы с Володькой распилили две бутылки портвейна, и ничего!

После чая стали расходиться. Я точно решил ехать в Москву и, когда шёл с Наташей, сказал ей это.

Она очень удивилась, но ничего не сказала. Шли молча, только изредка перекидывались словами. На лестнице я облокотился на перила, она положила свою руку на рукав моего плаща. Я с каким-то внутренним напряжением взял её за руку и погладил, она наклонилась ко мне, и я поцеловал её в губы, потом ещё и ещё!.. Она не сопротивлялась, тогда я прижал её к себе и стал целовать губы, волосы, шею, я не мог оторваться от неё! Наконец она отшатнулась к стене и застонала... О, этот стон, он сидит у меня в ушах до сегодняшнего дня. Вдруг она приблизилась ко мне, взяла меня за голову и поцеловала в губы, что это, сон? Нет же, какой там к чёрту сон! Это действительно было, потом я обнял её и довёл до квартиры. Здесь я ещё раз поцеловал её в губы и разъединил их, когда она исчезла за дверями...

Сегодня занимался по специальности до восьми часов вечера. Когда шёл домой, то у сквера увидел Лену и Наташу, они прощались у «фонаря». Как только я стал подходить, Лена быстро пошла домой («какая догадливость!»). Я дождал Наташу. Мы встретились взглядами и всё поняли. Когда подходили к подъезду, она пригласила меня пойти погулять. Мы пошли на речку Магаданку, затем решили отойти подальше от города. Я предложил ей добраться до бухты, взять лодку и плыть в Москву, чудачка, а она и говорит: «Давай лучше поплывём на край света», – я согласился. Потом мы любовались вечерним закатом. Но вскоре ходить надоело, и мы сели на траву, я обнял её и поцеловал волосы. Так мы сидели минут двадцать, а потом пошли обратно. В одиннадцать мы попрощались... Я поцеловал её ручку и ушёл. Увидимся ли мы завтра? Я чего-то боюсь, а чего – не знаю.

11 июня 1962 г., понедельник

Весь день занимался по специальности и учил историю. В 21:30 вышел гулять с Наташей. Опять ходили за Магаданку, пробыли до 11 часов вечера. Когда уже порядком стемнело, мы потопали домой.

Когда прощались, я снова поцеловал её в губы, в шею, в щёчки... она улыбалась... Через 15 минут мы расстались.

12 июня 1962 г., вторник

Завалился на математике, но я совершенно спокоен – это редкий случай, впрочем, я ещё не заваливался на экзаменах, и это первый завал. Сегодня я говорил с мамой о моём отъезде. А уехать из Магадана я уже решил, и бесповоротно. Если не удастся поступить в Москву, то поеду в Ленинград или в Киев. Наташа стала суше по отношению ко мне, в чём дело, даже и не знаю. Она говорит, что улетает двадцать шестого июня, после моего экзамена по специальности. Мне кажется, что она не любит меня или любит, но боится говорить об этом. Жаль, что (...). А теперь я, наверное, один, а одиночество – это спутник страданий и безысходности. Не знаю, что со мной будет, когда я уеду. Ведь я ещё не жил один, без родителей, да ещё чтобы учиться и работать. Если бы мы уехали вместе и никогда больше не расставались, то это было бы очень здорово. Я писал бы музыку и занимался по шесть часов в день, а потом работал в инструментальных ансамблях.

17 июня 1962 г., воскресенье

Провалилась моя поездка, а всё из-за Наташки: если бы она не советовала мне этого, то я наверняка бы уехал. Мне не дали перевода, да и документы не дали бы даже по заявлению. В общем, каторга! Сейчас «готовлюсь» к истории музыки: заготавливаю шпаргалки, иначе засыплюсь. Впрочем, они мне и не понадобятся, я уже всё выучил, пока писал даты. Уже два часа ночи. Я обложился конспектами и учебниками по музлитературе и спокойно допиваю 9-й стакан чая. Вместе с этим ещё прослушиваю пластинки. Интересно и здорово! Спать совершенно не хочется, только какая-то вялость... слушаю фантазию «Буря» П.И. Чайковского. Прекрасная музыка! Пошёл третий час!.. Выйду на улицу...

26 июня 1962 г., вторник

Вот и всё... Сегодня улетела Наташа... Я с Сашей пришёл к ней в 3 часа утра, потому что автобус шёл в 4:20. Когда мы под-

ходили к её дому, то света в окне ещё не было, по-видимому, ещё спали. Позвонили и стали ждать. Послышались шаги, а затем открылась дверь, и показалась Наташа. Мы вошли в квартиру. Это ещё что за новости?! Почему это вдруг здесь Витька. Я вышел из комнаты и хотел спускаться вниз, в глазах стояли слёзы, хотелось кричать и плакать. Вышла Наташа, стала что-то объяснять и оправдываться, но я не слышал, слёзы вот-вот скатятся по щекам. Но тут она взяла меня за голову и поцеловала в губы. Мы стояли примерно минут десять, но она замёрзла и вернулась домой, а я, облокотившись на перила лестницы, не мог понять, что всё кончено. Мы больше не встретимся. Никогда! Когда приехали в аэропорт, то оказалось, что отлёт в 8:30. Пришлось долго ждать. Но вот наконец объявили посадку на самолёт Магадан – Москва, и мы двинулись к выходу. Прощались как-то неуверенно, словно всё это в шутку. Но я понимал, что это такое, и еле сдерживал себя, чтобы не раскиснуть. Сначала прощались Лена и Саша, а потом я. Прощались за руку, очень сухо. Я не прочёл в её глазах ни сожаления обо мне, ни грусти расставания. Всё было не так, как прежде. Когда она поднималась по трапу, я отвернулся; я не смог удержать себя, слёзы сами катились по щекам. Ведь я её сильно люблю! Боже мой! Я не выдержу этого!

27 июня 1962 г., среда

Слушаю симфоническую пьесу парагвайского композитора «Поющий петушок». Какая изумительная музыка! Это талантливый композитор, его фамилия, если не соврать, Флорес.

29 июня 1962 г., пятница

Сдал специальность на 5, теперь осталось выступить в отчётном концерте в театре, и можно отдыхать два месяца. Часто вижу Лену, стала очень симпатичная; но нет, Наташку я не скоро забуду, может, даже вообще не забуду. А с Леной я хотел бы делиться своими мыслями, короче, дружить. Одному мне нельзя оставаться; как только я один, тот тут же перед глазами появляется Наташа, такая хорошая... ласковая... я начинаю вспоминать всё сначала, и стано-

вится так больно, пусто, что если бы были деньги на билет, то улетел бы, не остался б ни одного дня. Но это только мечты, а пока – ждать! Ждать и надеяться!

1 июля 1962 г.

Сегодня у нас был вечер в честь окончания учебного года. У меня был такой скучающий взгляд, что Лена смотрела на меня с состраданием. Какая она красивая сегодня! Во всем блеске: чёрное узкое платье и белый воротничок; ей так идёт оно! Танцевал с ней несколько раз: оказывается, она очень обаятельная и притягивающая к себе. Под конец вечера я совсем развеселился и хохотал до чёртиков... Чувствую, что нравлюсь ей, да и она мне, кажется, очень сильно. Но что же делать?! Сашке она тоже нравится, а я так не могу, чтобы отравлять ему жизнь. После вечера попрощался с Леной и пошёл проводить Сашу. Домой пришёл в час ночи.

Хочу спать! До свидания, Лена!..

Наташа...

2 июля 1962 г., понедельник

Слушая 4-ю симфонию И. Брамса, знаю наизусть, почти каждый такт. Прекрасная музыка. Выступали по телевидению, всё прошло хорошо, только было ужасно жарко и скованно, да иначе и нельзя: студия есть студия, ничего не сделаешь. Решил заниматься по специальности. Хочу подготовить концертную программу, вот она.

1. Ф. Рубцов – «Концерт» с оркестром.
2. М. Глинка – «Вальс-фантазия».
3. П. Чайковский – Вальс из балета «Спящая красавица».
4. Л. Горенко – «Концертные вариации».
5. В. Иванов – «Концертный этюд».
6. И. Бах – «Бурре» из скрипичной сонаты h-moll.
7. И. Бах – «Прелюдия» as-moll из «Хорошо темперированного клавира».
8. И. Бах – «Органная прелюдия и fuga» e-moll.
9. И. Бах – Чакона d-moll.
10. Н. Ризоль – «Венгерский чардаш».

11. А. Онегин – «Концертные вариации».
12. Р. Шуман – «Первая потеря».
13. Р. Шуман – «Значительное событие».
14. Ф. Шопен – «Прелюд № 20».
15. Ф. Шопен – «Прелюд № 7».

Вот и всё. Также уже начал писать небольшой цикл пьес под названием «Студенческие годы». Пока больших планов нет по композиции, т.к. решил посвятить себя баяну, а если и будут, то явно не скоро. Очень хочу написать Наташе, но не позволяет гордость (глупая гордость), что поделаешь, придётся смириться и с этим. Сейчас надо искать работу, чтобы заработать денег на поездку в Москву, Киев, Ленинград. Только вот вопрос, куда пойти? Пока не знаю...

7 июля 1962 г., суббота

Занимаюсь очень много. Занимаюсь и пишу; занимаюсь и пишу. Разучиваю «Увертюру» к опере «Севильский цирюльник» Дж. Россини, прекрасная музыка, словно мыльный шарик, во всем своём блеске и лёгкости! Написал Наташе письмо, только не уверен, ответит ли она? Как я рад! Наконец-то пришло ко мне то чувство, которого так давно не было. Это стремление заниматься по специальности и большая цель! Пока это остаётся в тайне... впрочем, к чему? Я хочу подготовить концертную программу и поехать через год на всесоюзный конкурс эстрадных исполнителей. Но пока это не только цель, но и мечта. Да! Ко всему этому я решил участвовать в конкурсе на лучшее произведение (для оркестра, фортепиано, баяна, скрипки и оркестра инструментов, а также песни) о родном крае. Может быть, это глупо, но зато заманчиво! Не правда ли? Все эти дни я провожу с умом: днём занимаюсь, вечером сочиняю музыку, а ночью слушаю пластинки и «шарю» в эфире. Пока мне это нравится... всё время мои мысли возвращаются к Наташе, даже сейчас, когда пишу дневник, думаю о ней...

Помнит ли она меня?.. или, может быть, совсем забыла?.. Как-то трудно примириться с мыслью, что она где-то очень далеко, кажется, что сейчас выйду и встречу её: в сером пальто... нараспашку... как

всегда, хорошенькую... вот сейчас она скажет: «Пошли куда-нибудь?» Боже мой, как мне трудно думать о ней!!! Ещё бы, два года находиться с ней чуть ли не каждый день, и вдруг такой разрыв во времени!.. Ладно, хватит сентиментальничать, пора заняться работой.

Завтра наметить пьесы из цикла – это «Сибирский кот» и «Карликовый Доберман Пинчер». Закончить «Прелюдию» a-moll и «Перед рассветом» cis-moll.

9 июля 1962 г., понедельник

Прогулялся по городу. Скучища... хотел пойти в кино, но раздумал: не хочу терять время. Сейчас буду писать программу к «Альбому для юношества».

11 июля 1962 г., среда

Сейчас второй час ночи... я сижу за столом и просматриваю «Лютетию» Гейне. Какой гений! Не зная научного коммунизма, точно предсказал будущее человечества. Начал читать статьи о музыке Богданова-Березовского и Оссовского. Ужасно интересно! Совместно с чтением слушаю музыку Баха, Шопена, Скарлатти. И всё же очень скучно: всё время провожу один. Вечером иду в парк, гуляю до двенадцати и домой. А дома пластинки, книги и ты, моё доверенное лицо...

13 июля 1962 г., пятница

Не знаю: радоваться или ужасаться! Сегодня был в доме народного творчества, по направлению директора меня послали на работу в качестве комиссии, для проверки работы самодеятельности в Чукотском районе. Далеко же меня занесла эта судьба: в самую бухту Святого Лаврентия. Также поеду в залив Креста и на мыс им. Дежнёва. Беру с собой рюкзак, деньги, книги, ноты и многое другое; я слышал, что в этих местах летом очень здорово! Лечу я через Анадырь, с Сашей. Билеты оплачивает дом нар[одного] творчества, и ещё на нас идут командировочные 4 рубля в день. Как будто неплохо. Немного оторвусь от своих записей – передают седьмую симфонию Шуберта! Какая изумительная музыка! Слушаю вторую часть. Удивительно! Как он достиг такой красочности и выразительности ор-

кестра?! Неоспоримо – он гений! Но эта чудесная гениальность сочеталась с титанической работой над собой и порой не всегда благоприятствовала его здоровью. У него музыка как бы состоит из сотен паутинок, которые, переплетаясь, создают одно целое: великолепное волшебное озеро, населённое прекрасными существами. Последняя часть симфонии пронизана торжественностью с ажурной лёгкостью мелодии, которая проходит у струнных, а затем у деревянных. Вот появились нотки затаенной тревоги, но их заглушает главная тема, дышащая весельем и приподнятостью. Побочная партия идёт в четком ритмическом рисунке, но уже звучит более тревожно, чем главная партия, но вот небольшая модуляция, и снова эта прекраснейшая мелодия радости, но что это? Появились какие-то патетические отголоски в пассажах; и, наконец, финал! Бурное начало на tutti всего оркестра... вихревые пассажи вскоре сменяет трепетная тема, под ритм марша. Затем опять первая тема финала, но в очень искажённом виде; перед лирической темой проносится заключительный пассаж, который так же внезапно кончается, как и начинается. Какая великолепная симфония!! Написана именно в чисто романтическом складе! Столько лирики, возвышенности замысла! Невероятно и здорово! Кода очень стремительна, преобладают струнные. Заканчивается симфония неожиданно, внезапно затихая и умолкая... Ну вот, у меня всегда так; как услышу какую-нибудь симфонию (бесспорно, хорошую), так скорей хочу записать свои впечатления. Но что они значат здесь, в Магадане? Вот с Чукотки привезти бы дневник, вот это были бы впечатления! Я ещё очень хочу записать несколько чукотских национальных мелодий. Будет ужасно интересно, когда я покажу их в училище ребятам. Но пока что я в Магадане, и это плохо сказывается на моих «нервах». Мне всё надоело: и этот город, и люди, и училище. Надо обязательно уехать на месяц дальше от Магадана, чтобы войти в форму и отвлечься от этого шума и крика.

17 июля 1962 г., вторник

Как вы заметили, я пишу тушью, значит, я ещё в Магадане. Только вчера оформил все документы: получил командировочное удостоверение и пропуск. Жду, когда выпишут деньги, совершенно

ничего не делаю, только читаю книги. Вчера у меня был счастливый день: я получил два письма. Одно из Москвы от Наташи, а другое из Владивостока от конкурсной комиссии. Наташа пишет, что сейчас в Москве очень трудно поступить в училище, почти невозможно, да и мальчики стали очень нахальными и вульгарными. Она сдавала все экзамены, бедняжка, мне её очень жаль, и поступила на первый курс. Но это здорово! Наконец-то она будет по-настоящему заниматься скрипкой и музыкой! Как только я прочитал письмо, то сразу же ответил, несколько хуже, чем в первый раз, но на это есть причина: после воскресенья сильно болела голова. Придётся целый месяц не получать от неё писем. Это хуже пытки. Второе письмо было согласием конкурсной комиссии на моё участие в конкурсе композиторов. Это было для меня если не ударом, то, по крайней мере, потерей речи на несколько секунд. Они написали условия конкурса и, что очень удивило меня, то, что они ждут мои сочинения. Окончательный срок сдачи произведений до 1 сентября (включительно). Не теряя ни одного дня, я тут же приступил к подготовке произведений. Материал у меня уже был готов, но только в эскизах. Требовалось хорошо подумать над сюжетом и программой. Хочу написать «Легенду о Сергее Лазо», об этом легендарном герое. А также «Дальневосточную поэму».

После прочтения «Лютеции» Г. Гейне мне понравились его оценки Гектора Берлиоза, Мендельсона, Листа, Эрнста. Привожу вам содержание этих высказываний: «À tout seigneur, tout honneur».

Сегодня мы начнём с Берлиоза, первый концерт которого открыл собой музыкальный сезон и мог бы рассматриваться как увертюра к нему. Тут слышится взмах крыльев, обличающий необыкновенную певчую птицу – это огромный соловей, соловей огромного роста, какие будто бы водились в первобытном мире. Да, в музыке Берлиоза мне чудится нечто первобытное, если не допотопное, и она напоминает мне об исчезнувших породах животных, о сказочных царствах и грехах, о нагромождении невозможностей, о Вавилоне, о висячих садах Семирамиды, о Ниневии, о чудесах Мицраима, подобных тем, какие мы видели на картинках англичанина Мартина – милый мой гений! Ты во многом прав, но в отношении

Берлиоза, допустив несколько ошибок, решил сгладить их посредством сравнения его с Мендельсоном. Послушайте, что он говорит о нём: «Зато каким причинным, современным человеком является наш Феликс Мендельсон-Бартольди, наш прославленный земляк, о котором мы упоминаем, прежде всего, по поводу его симфонии, исполнявшейся в концертном зале консерватории! Она подлинна и прекрасна и принадлежит к лучшим работам Мендельсона», – бесспорно, кто об этом спорит! Но мне кажется, можно было бы и не ставить их рядом для сравнения. Они, каждый в своей индивидуальности, очень талантливы и гениальны, за исключением Гектора Берлиоза, который смотрел на искусство куда дальновиднее, чем Мендельсон. Но Мендельсона невозможно упрекнуть в сочинении тем. Это было бы неуважением к нему: всем известно, что он царь мелодики, прекрасной лирики и очень глубокого романтизма. Но Берлиоз в этом ему несколько не уступает. Своей «Фантастической симфонией» он затмил «Итальянскую симфонию» Мендельсона и всё, что он написал. Боже мой! Уже первый час ночи! Скорей в постель, завтра если не улечу, то сделаю последние записи, и... в бухту Лаврентия, есть строганину и наслаждаться чукотской трясинной...

Красота!.. Спокойной ночи, мои друзья! Близкие и далёкие!
Спать... Спать... Спать...

22 июля 1962 г., воскресенье

Удивительно! Редкий случай, когда я берусь за дневники днём. Родители все ушли, и можно спокойно писать. Вчера получил деньги и взял билет, но только на двадцать пятое чисто, но ничего: сейчас можно спокойно заниматься всем, чем захочу. Вещи все уложил, да и какие это вещи: всё, что необходимо в длительных туристических походах; свитер, пальто, перчатки, индивидуальное снаряжение: нож, охотничий топорик, фляжка, записные книжки, путевой дневник, компас и многое другое. На случай дождя или мокрого снега беру плащ и накидку из прорезины. Так что теперь ждать до вылета самолёта, т.е. до 25 июля. Получил пластинки. Давайте вместе с вами послушаем и разберем эти произведения, а если и случится, что кто-нибудь отвлечёт от разбора и поймёт то, что хотел сказать

автор музыки, то я смело могу сказать, что этот человек, с чистой душой и сердцем, достоин такого слова, как Прекрасный! Итак, дорогие друзья, послушаем гениев вместе...

«Концерт» e-moll Феликса Мендельсона-Бартольди для скрипки с оркестром!! Круг образов сосредоточен в одном, а именно в теме любви юного Мендельсона. Великолепная музыка! Главная партия захватывает своей влекущей силой обаяния и нежности. Она вся полна трепета и какой-то одухотворённости, скрипка звучит порой так, что трудно отличать от человеческого голоса. Вот каденция! Какой замечательный подход к главной теме. На фоне пассажа скрипки звучит оркестр! Изумительная музыка! Этот концерт связан у меня с её именем, она играла ничуть не хуже самого Ойстраха, только немного по-детски. Этот концерт явился нашей дружбой, такой чистой и прекрасной, что...

Заключительная партия написана вся в драматически построенных вариациях. Мендельсон очень изобретательно сопоставил главную тему – тему любви и страсти и побочную – тему томительного ожидания и фантастического мечтания о любимой. Здесь очень ярко виден её нежный образ с поэтически выраженными чувствами. Вторая часть написана в форме Andante. Также очень нежна и обаятельна. Показана девушка, очень прекрасная, и страдания Феликса, который искусно изобразил в музыке все свои искренние чувства. Третья часть написана в Allegro, очень быстрая, возбуждённая. Написана во всём своём блеске, с ярко выраженной танцевальностью. Все танцуют, веселятся, хлопают бутылки шампанского, бургонского... Все кружатся в вихре танца. Прекрасно!!

Теперь к вашим услугам увертюры Мендельсона для оркестра:

«Прекрасная Мелузина» построена очень драматически, с широким развитием тем. Музыка очень яркая, запоминающаяся... Прерываю свои записи, пришла мама... Вот я снова перед вами, но только без музыки; музыку мы прослушаем в следующий раз. Почему? Да потому, что уже первый час ночи... сегодня вечером ходил на фильм-оперу «Пиковая дама» Петра Ильича Чайковского. Бесподобный сюжет и музыка! Я видел её раньше, но сейчас опера просто потрясла меня.

Такого драматизма я раньше не замечал. В роли Германа выступал Олег Стриженов, а его товарища – Медведев. В общем, впечатление огромное!! После фильма испортилось настроение; вспомнил о Наташе, и как будто всё поблекло и посерело... Может, и правда, что мы ещё дети и ничего высокого у нас не было? Не знаю, как у неё, но у меня всё осталось по-прежнему, если не глубже. Неужели мы забудем друг друга и никогда не встретимся? Тогда для чего это всё проходило и прошло с молниеносной быстротой? Как жалко зря убитое время, а может, не зря? Пока не знаю. Это покажет время и годы.

23 июля 1962 г., понедельник

Весь день готовил и проверял произведения, посылаемые на конкурс. Я не надеюсь получить не только последнюю премию, но и похвалы! Ещё бы! Писать без гармонии не станет ни один нормальный человек, а я, как видно из моих выводов, отношусь к ненормальным.

24 июля 1962 г., вторник

Вот и всё! Если завтра будет хорошая погода, то я лечу. Мы с Сашей нагрузились провизией и одеждой, так что можно ехать хоть на край света!

До свидания, мой дневник!

12 часов 25 минут (по магаданскому времени). 24.VII.62 г.

Привет всем друзьям!

Прощайте!

13 августа 1962 г., понедельник

Вот я опять в Магадане, сейчас первый час ночи, и свои впечатления я запишу в следующий раз, а сейчас я слушаю «Концерт» d-moll для фортепиано и струнного оркестра И.С. Баха. Это одна из моих лучших пластинок. Я так отвык от музыки, что слушаю с большим напряжением и понимаю глубже, чем раньше. В свободные минуты я сочинял стихи, вот они, небольшие и простые:

Солнышко светит, и море блестит,
Белые чайки над морем резвятся,
Лебедь прекрасный к морю летит,
Чтоб хоть на миг от забот искупаться.
Резвятся касатки, тюлени, моржи,
Вся тундра пришла во движенье.
И только охотники точат ножи –
Всё это для них развлечение.
Бесспорно, не против и я пострелять
И уток, и нерп, и тюленя,
Но в солнечный день я хочу постоять
За птицу, кита и оленя.

* * *

С крыла самолёта мы видели тундру;
Она словно яркий ковёр изо мха.
Пятном снег – это высыпал пудру
Мороз – северянин здесь на века.
Но нет, не навечно он будет блистать
Под тусклыми в тундре лучами,
Им будет навек человек обладать,
А расцветут и мхи садами.

* * *

Я думал часто по утрам
И о тебе, и о себе
И вспоминал, как по волнам
Катились гребни вдалеке.
Я вспоминал, как мы дружили
И часто ссорились подчас,
Но никогда б мы не любили
Друг друга так, как вот сейчас.
Мы проходили по аллеям
Давно изученных кустов
И, посмотреть в глаза не смея,
Смотрели на цепи мостов.

* * *

Может быть, тебя и не люблю я,
Но пока одна ты у меня.
Моя мечта – самая большая
Любить ещё сильнее мне тебя!

* * *

Я порой вспоминаю мгновенья,
Проведённые вместе с тобой.
Отрывал я их у вдохновенья,
Чтобы ты заменила собой.
Я писал тебе жаркие строчки,
Чтобы хоть не совсем растопить
Твоё сердце, но ставил я точку
На стеснительном слове – любить!
Я читал, перечитывал книги,
Песни грустные ночью писал,
Обрамляя в красивые лиги,
Ноты любимые я посвящал.

18 августа 1962 г., суббота

Вот и вернулись наши доблестные космонавты! Сейчас их встречают в городе Москве. Какая грандиозность, – запустить два космических корабля с двухсторонней бортовой связью! Итак, сегодня уже четыре космонавта: Юрий Гагарин, Герман Титов, Андриан Николаев и Павел Попович! Четыре русских богатыря! Великолепно!! Изумительно!! Потрясающе!!!

23 августа 1962 г., четверг

Завтра переэкзаменовка по истории, не знаю, что будет. Все эти дни я занимался по специальности: учу «Увертюру» Россини и «Прелюдию» И.С. Баха. От Наташи нет ни одного письма, наверное, моё письмо ещё не дошло, а может быть, не хочет ответить? Что ж, тогда не буду и я писать!⁴

Вл. Золотарёв – Н. Ризолю
Магадан, 26 августа 1962 г.

Дорогой Николай Иванович!

Извините меня, конечно, за некоторое беспокойство, но наши студенты, да и я лично хотели бы ознакомиться со списком вашего репертуара (сольного и квартетного). Мы слыхали о большом успехе ваших гастролей с квартетом в Москве и очень хотели бы, чтобы вы поделились с нами об этом.

Я сейчас играю вторую часть Сонаты Н. Чайкина, увертюру к опере «Севильский цирюльник» Дж. Россини, Прелюдии и фуги Баха и много других пьес. Я давно мечтаю поступить в консерваторию и заниматься у вас, но это только фантастически трудные мечты: впереди столько работы, что некогда и помечтать.

Преклоняюсь перед вашим очень талантливым учеником В. Бесфамильным и горжусь, что мой любимый баян всё чаще появляется на академической эстраде и в камерных ансамблях! Я Вас очень прошу, передайте В. Бесфамильному большое, даже больше того – огромное спасибо от всех студентов нашего училища за истинное наслаждение, которое передаёт он нам своей талантливой игрой.

И если у него найдётся несколько свободных минут, то пусть напишет нам несколько слов о своей концертной деятельности. Это будет для нас величайшим счастьем! Ещё раз извините за беспокойство.

С большим уважением к вам, Владислав Золотарёв*⁽⁵⁾.

31 августа 1962 г., пятница

Всё сдал. Теперь я свободен и всё время буду заниматься на баяне.

Международный конкурс.

Концертный баян.

Поездки с концертами. [Занятия] (по 8 часов в день)⁴.

---

* Первая публикация: *Ястребов Ю.Г.* Владимир Бесфамильный. – Тернополь : Навчальна книга – Богдан, 2006. – 528 с. (В дальнейшем обозначается ⁵.)

1 сентября 1962 г., суббота* ⁽⁶⁾

Первую страничку своего дневника я хочу заполнить высказываниями Петра Ильича Чайковского, моего лучшего учителя!!!

«Человек имеет право на счастье. И, если что-либо препятствует осуществлению этого права, человек должен бороться за достижение своей цели. И в этой борьбе у него имеются достаточные средства для победы».

«Вдохновение – это такая гостья, которая не любит посещать ленивых; она является к тем, которые призывают её».

«Я не хотел бы, чтобы из-под моего пера являлись произведения, ничего не выражающие и состоящие из пустой игры в аккорды, ритмы и модуляции».

«Я говорю на музыкальном языке потому, что мне всегда есть что сказать».

«Я пишу искренне, я пишу по внутреннему непоборимому побуждению».

«Мне кажется, что я действительно одарён свойством правдиво, искренне и просто выражать музыкой те чувства, настроения и образы, на которые наводит текст. В этом смысле я реалист и коренной русский человек».

«Я ещё не встречал человека более меня влюблённого в матушку-Русь».

«Я русский в полнейшем смысле этого слова».

«Чем больше, чем сочувственнее круг моих слушателей, тем лучше; я желал бы всеми силами души, чтобы музыка моя распространялась, чтобы увеличивалось число людей, любящих её, находящихся в ней утешение и подпору».

Все эти дни я хожу под впечатлением произведений Баха, Моцарта, Свиридова для хора и оркестра. Я задумал написать большое, многочастное произведение для хора и оркестра на чей-нибудь текст.

Вот примерный план этого сочинения: (изложение плана).

Вчера написал письма: Наталии Гутман, Онегину, Рубцову и Наташе, а сегодня получил письмо от Виктора Коваленко, из Киева. Он

---

* Дневник 1962–1963 гг. Архив А. Шпака. Публикуется впервые. (В дальнейшем обозначается ⁶.)

пишет, что очень интересуется моими произведениями, и попросил выслать, чтобы Николай Иванович оценил их. Я решил послать ему «Маленькую увертюру», «Импровизацию» и «Легенду».

Сегодня у нас в училище проходило общее собрание студентов. Прибавилось много новых предметов, как инструментоведение, ансамбль, гармония, дирижирование и педагогика. С понедельника составлю себе железный режим и буду заниматься спортом.

До скорой встречи.

Интродукция

Andante (Хор муж[ской] и женский)

Allegretto (Детский хор)

Moderato (Ария – сопрано)

Presto (Хор – весь и оркестр)

Prestissimo (Все: и оркестр, и хор) tutti.

4 сентября 1962 г., вторник

Внезапно пришла новая тема, и я решил написать «Симфонию» для оркестра баянистов. Это что-то новое для музыки, но ничего, со временем привыкнут и такие музыканты, которые утверждают, что баяну невозможно выполнить всевозможные музыкальные и технические сложности классического симфонизма. Эта симфония им будет вместо прелюдии к тайне баяна.

Привожу несколько тактов из «Блестящей симфонии» d-moll:

Allegro con brio

и. д. т.

5 сентября 1962 г., среда

Купил новые пластинки: оперу Ш. Гуно «Ромео и Джульетта» и оперу Римского-Корсакова «Майская ночь». Симфонии П.И. Чайковского, Мясковского и др. Вчера весь день и сегодня я прослушивал их. Очень здорово! Особенно мне нравятся записи Марио Дель Монако и Л. Собинова. Поют потрясающе! Порой кажется, что ты находишься где-то в чудесной стране и слушаешь сказочных певцов и музыкантов. Занимаюсь инструментровкой и оркестровкой. До чёртиков интересно, но сложновато. Если я к окончанию учебного года напишу симфонию, а это наверняка будет, то постараюсь сделать всё возможное, чтобы она стала известна. Хотя бы нашему училищу и студентам. Николай Александрович говорит бросить писать, но это же совсем невозможно! Бесспорно, по специальности я буду заниматься очень много, но каждый день я уделю времени и на уроки композиции. Пока всё это только запланировано, а будет выполнено или же нет – это я не в состоянии предугадать...

Поставил 1-ю Партиту И.С. Баха. И знаете, кто исполняет? Знаменитая и гениальнейшая клавесинистка Ванда Ландовская. Играет на клавесине. Какой прекрасный инструмент! Чистейший звук!!!

9 сентября 1962 г., воскресенье

Сегодня получил письмо из музыкально-педагогического института им. Гнесиных. Выслали условия приёма в институт и время экзаменов. Воскресенье прошло скучно: утром купили демисезонное пальто, а вечером был в кино. После такого «потрясающего» китайского фильма разболелась голова.

В общем, день прошёл бесцельно, если не считать тех мизерных трёх часов, которые я отсидел за баяном. Теперь надо серьёзно готовиться по всем предметам, чтобы поступить в институт. Работать! Работать! И работать!

Ведь жизнь нужно прожить так, чтобы не было больно за бесцельно прожитые годы. Так говорил Николай Островский; так думаю и я.

У меня столько планов, столько надежд, а ещё ничего не сделано. Задумал писать и симфонию, и крупную форму для большого

смешанного хора и оркестра, и даже оперу «Роланд» по историческому французскому эпосу.

Бесспорно, всё дело в теоретической подготовке, которой у меня нет, а без теории писать музыку – это всё равно что безграмотному писать книгу.

Наташа совсем не пишет. Конечно, очень жаль, но ничего не сделаешь, её дело. А впрочем, зря она так быстро рвёт нашу дружбу. Порвать её легко и не представляет никаких трудностей, но найти хорошего друга, а я был неплохим, – очень трудно и завязать дружбу на несколько лет ещё трудней.

Вот у меня, например, бывает перелом: если сегодня мне до безумия нравится девушка и я не в состоянии подавить в себе это чувство, то завтра, а может быть, и через несколько дней она мне безразлична. Но это не относится к таким девушкам, как Наташа. Она относится к тем, которых нельзя обманывать, и они привлекают к себе не красивой внешностью, а обаянием и остротой ума.

Точно так же и в музыке.

Слушая старинные романсы с мелким содержанием, всегда думаешь о мелодической линии (чаще она очень красивая), а слушая Баха, Бетховена или Чайковского, прежде всего следишь за композитором, т.е. за его мыслями, содержанием.

И запомни это на всю жизнь: если ты музыкант – это значит, ты самый честный, самый (...), самый (...) человек в мире! А так как музыка – это такое искусство, что выше его только вселенная...

Что такое счастье? Как вы думаете? А я понимаю так: счастье – это бессмертие (т.е. отдать всю свою жизнь для людей, чтобы остаться в памяти на долгие сотни лет).

Наверное, на сегодня хватит. Уже второй час ночи.

Спокойной ночи! В. Золотарёв.

16 сентября 1962 г., воскресенье

Был в училище, играл на скрипке с Гаймановым, а потом ушёл домой. Меня всё ещё мучают темы из «Бахианы», которую я задумал написать для хора, в сопровождении камерного трио. Сейчас я изучаю симфонический оркестр и перекладываю для него различ-

ные произведения русских и западных классиков. Недавно прочитал книгу В. Гёте «Страдания юного Вертера». Замечательная книга! Жаль только мало написано.

Сегодня ответил на письмо Наташи, моего дорогого гения и милого Паганини. Как и прежде, я очень люблю её, никакая из девочек не сможет заменить мне её, да и не заменит.

Стало уже довольно холодно, надо теплее одеваться, чтобы не простудиться. Уже пахнет снегом и какой-то нежной грустью. Может, это оттого, что я слушаю вторую часть концерта для скрипки с оркестром П.И. Чайковского?

Кстати, моя музыкальная библиотечка пополнилась произведениями Глюка, Леонкавалло, Баха, Римского-Корсакова.

И я теперь, как крот, зарылся в ноты, партитуры, учебники, пластинки. Готов сутками слушать музыку, разбирать и читать партитуры, словом, работать как можно больше. Ведь в мои девятнадцать лет надо быть законченным музыкантом.

Я дома только ночую, целый день провожу в училище. Утром и днём занимаюсь, а вечером проигрываю пластинки в музкомнате.

Сегодня на оркестре хохотали до болей в животе (я и Сашка). А причина вот такая: у четвёртых и третьих баянов в «Рапсодии» Н. Речменского есть интересная мелодика, похожая на индийскую музыку из кинофильма «Бродяга». И как только они доходили до этого места, я не выдерживал и, закрывшись рукой, хохотал. Николай Александрович понял, над чем мы смеёмся, и сказал это всем, и когда это дошло до остальных, то все грянули так, что я думал, прибежит директор со своей глупой и растерянной внешностью (рожей).

Среди баянистов меня выбрали редактором для создания своей газеты. В неё можно писать статьи, обозрения, задумывать кроссворды.

Весь вечер слушал музыку: «Орфея» Х. Глюка, «Шотландскую» и «Итальянскую» симфонии Ф. Мендельсона, «Элегическое трио» П.И. Чайковского и многое другое.

Переложил для 2 баянов «Прелюдию и Allegro» Г. Пуньяни и взял «Фолию» Марэ для переложения на один баян.

27 сентября 1962 г., четверг

Вчера был на концерте пианиста Виталия Маргулиса. Он играл Скрябина, Рахманинова, Шопена, Дебюсси, Де-Фалью, Стравинского и др. Особенно мне понравились произведения современных композиторов. Сидел я в ложе, на втором этаже, и рассматривал знакомые лица.

Вот Элеонора Варламова – наша пианистка, до того обаятельная (...). С ней сидела Инга Михайловна Липкова, тоже пианистка, а с ними какая-то незнакомая симпатичненькая девушка.

Несколько позади сидели наши скрипачки и пианистки, а чуть поодаль – Шпицина и наш новый теоретик – совсем ещё молодая девушка, с красивыми манерами и прекрасной фигуркой.

Сегодня весь день провёл в училище. Днём занимался, а вечером слушал музыку и занимался по гармонии и музыке гениальных композиторов – Иоганна Себастьяна Баха! И Вольфганга Амадея Моцарта!

Итак, я продолжаю свои банальные мысли. Сегодня начал писать письма Наташе и Виктору Коваленко. Какой я хам и невежа! Уже две недели назад как получил письма и ни на одно не ответил.

Вчера немного занимался с Таней. Попросил её помочь мне решить задачу по гармонии, но не задача мне была нужна, а она – моя возлюбленная синьорита. Потом я ушёл заниматься с учебником, а она ещё некоторое время занималась.

Да, но я слишком долго засиделся, уже два часа ночи, и пора в постель. Итак, спать, спать и спать!

Спокойной ночи, мои возлюбленные друзья и ты, моя милая (...).

3 октября 1962 г., Магадан

Угнетают мысли о смерти... Как хочется жить!

23 октября 1962 г., вторник

День прошёл бесцельно. Если я буду так и дальше заниматься, то мне, кажется, не помогут никакие способности.

29 октября 1962 г., понедельник

Всё реже и реже берусь за ручку, чтобы написать несколько строк о моей романтике, будоражащей душу. Как всегда, пишу свой дневник под аккомпанемент какой-либо музыки. Например, сейчас слушаю оперу гениального австрийского композитора Вольфганга Амадея Моцарта – «Дон Жуан». Хотя я знаю её почти наизусть, но когда слушаю арии Лепорелло, то кажется, нет ничего лучше у Моцарта. В субботу был на танцах с Лёнькой Гаймановым, а после танцев, когда мы спускались по лестнице из горного техникума, ко мне подошёл один здоровенный детина и начал приставать. Я толкнул его слегка, а он, бесспорно, только того и ждал, налетел на меня с кулаками. Кстати, я его, кажется, узнал – это был чемпион зоны по боксу. Когда он замахнулся на меня, я очень резким движением правой руки ударил его в челюсть, он, как стоял, так и покатился вниз по ступенькам. В общем, я его здорово «погладил», и он стал звать свою «кодлу» из техникума. Вот тут-то нам пришлось плохо. Их было около 20 человек, а нас только двое. Не знаю, как для Лёньки, но для меня это было трагически: разбили всю голову и (...), (сейчас мне очень трудно ходить), конечно, я это не чувствовал, т.к. (...) Лёньке разбили лицо и особенно щеку, а так – ничего особенного. Сейчас для нас это хороший урок – не будем ходить на танцы, а больше надо заниматься.

Сочинениями не занимаюсь, голова настолько устала, что не могу сочинить даже простую песенку. Пока есть только планы написать «Легенды о звёздных капитанах» (подобие цикла). (...)

30 октября 1962 г., вторник

Уже второй день не хожу в училище, очень трудно ходить из-за болей в боку. Завтра пойду в больницу: наверное, что-то серьёзное.

Весь день писал газету, а вечером взял баян, чтобы немного по-сочинять!

И что удивительно – только взял баян, как пришла в голову отличная вариационная тема. Как раз то, что мне надо для «Концертной фантазии» fis-moll.

Все эти дни я не нахожу себе покоя. Меня что-то волнует, не даёт собраться с мыслями и всё время тормозит мою фантазию.

Вот эта тема:

The image shows two staves of musical notation. The first staff begins with a forte (ff) dynamic marking. The melody is written in the treble clef, and the bass line is in the bass clef. Chords are indicated by letters 'M' and 'Б' above the notes. The second staff continues the piece with a forte (f) dynamic marking and similar chord markings.

Когда кончу эту фантазию, то обязательно посвящу (...).

Почему-то вдруг представилось, что стало бы с моими опытами по композиции, если бы я умер? Конечно, это ужасно глупо, но меня эта мысль сильно гнетёт. И, если это случится, что я не успею ничего осуществить из того, что задумал, то пусть хоть эти листки будут известны людям. Они хоть немного познакомят читателей со мной, с моей непокорной и всегда возбуждённой головой. Пусть им станет известно, что я так много хотел сделать, но так ничего и не успел осуществить.

Передают мою любимую песню «Орлёнок». Сколько здесь лирики, возвышенности, мужества.

Сейчас я плачу... Боже мой!

Как я хочу жить!!!

3 ноября 1962 г., суббота

Какой я болван! Пишу такую чушь, что противно читать. Наверное, это отголоски головного удара или позвоночника. Ну, что же, если уже написано пером... дальше, конечно, ясно по старинной старорусской глупой поговорке.

Итак, начнём писать более умно. Слушал... музыку, а точнее «Домашнюю симфонию» Р. Штрауса. Я всё время смотрел на неё

и изучал её изумительное личико. Сегодня (...), что я не мог (...) от безжалостной (...) Меня даже лихорадило от фантастических мыслей обнять её, (...) такую обаятельную (...), и поцеловать её руку (...) конечно, о большем я и не мечтаю, это уже сверх мечты!...

Читал Генриха Гейне. Сейчас это самый любимый мой писатель и поэт. Поражает его разносторонний талант, он пишет о музыкальной жизни своей эпохи так, как это не сделал бы ни один музыкант мира. Как и прежде, сочиняю... рождаются новые планы, но их столько много, что я не знаю, как мне осуществить их. Задумал написать «Русские картинки».

Обрядная.

Хоровод.

Вечерний канон.

Русский танец.

Написал письмо Наташе, теперь очередь за Виктором.

P.S. Забыл сообщить, что я пишу поэму «Прости». К вниманию неизвестных читателей, отрывочек из этой поэмы.

* * *

Ты появилась предо мной,
Как нежной арфы воздыханья,
Со всей прелестной красотой
Прекрасных глаз очарованья.
И я, не в силах удержать
Порыв души моей несчастной,
Волнуясь, не могу сказать
Я о любви своей ужасной.
Твой нежный голос, как ручей,
Бежит, переливаясь звонко,
И стало сердцу горячей –
Зачем стучит так громко?
Когда ты смотришь мне в глаза
С насмешкой лёгкой за ошибки,
Мне кажется – в них бирюза!
Сверкает лик твоей улыбкой.

(В. Золотарёв)

14 ноября 1962 г., среда

...Включил радио... как здорово кто-то играет «Чакону» И.С. Баха! Так это передача о Бахе!.. Вот здорово! Наконец-то, мой дорогой Иоганн Себастьян, я опять, как всегда, с упоением слушаю твою изумительную музыку. Эти чарующие звуки сведут меня с ума! Играет камерное трио: две флейты и скрипка. Это такая прелесть, что я не в состоянии описать это чувство. Музыка как бы летит куда-то в необозримые дали вселенной... и льётся, льётся, словно ручей прекраснейших звуков.

И вот его гениальнейший ре-минорный Концерт для фортепиано с оркестром. Нет, нет! Это не человечно!

Это что-то сверхъестественное в материи... Боже мой! Сколько нам, музыкантам, надо сделать, чтобы хоть немного приблизиться к этому властелину музыкального царства!

И я мечтаю об этой близости!

Я хочу стать композитором широкого плана – и что сейчас пишут наши современные композиторы, это меня не увлекает. Я хочу чего-то большего, такого огромного, человеческого, без всякой сентиментальности.

25 ноября 1962 г., воскресенье

Слушаю Робертино Лоретти! Какой это голос! Это просто чудо XX века. Сейчас идёшь по улицам и везде слышишь одно и то же: «как он великолепен!.. Гений за последние 200 лет... Дар природы!» и т.д. И после этих несколько банальных восклицаний в душе поднимается волна высоких чувств и гордости за свой век, за наши 60-е гг.

29 ноября 1962 г., четверг

Музыка! Музыка! Музыка!

Везде эта божественная музыка! Даже во сне я слышу музыку. Она не даёт мне заниматься по специальности, она преследует меня даже за обедом, и, опять же, она всецело захватывает всего меня и мою совсем не для меня созданную душу.

И всегда, когда во мне звучит музыка, передо мной встаёт твой гениально красивый образ. Твои глаза сведут меня с ума, в них за-

ключена какая-то притягивающая сила, которая гипнотизирует меня, как (...), я готов смотреть в них до бесконечности... а ты даже и не замечаешь этого или не хочешь замечать?! Боже мой! Что ты со мной делаешь?!

Я могу сойти с ума от одного прикосновения с тобой. Ты для меня – это что-то недостижимое, для которого я бы отдал всю свою маленькую жизнь. Только для тебя! (...) Для тебя одной!

Прости меня, если я тебя чем-нибудь обидел, но поверь, я не хотел этого, я тебя люблю больше всего на свете и даже больше моего самого лучшего друга – музыки. Гордись этим, ты действительно вся – тоже музыка, и я только мечтаю о твоей улыбке, такой замечательной и прекрасной, которая может растопить мои угасшие чувства и вдохновить на самую возвышенную деятельность!..

11 декабря 1962 г., вторник

Удивительно! Стоит мне только прикоснуться к божественным томикам Генриха Гейне, как меня охватывает какой-то таинственный озноб; когда же я ещё и ещё раз перечитываю их, то хочется кричать! Орать во всю глотку! Как это всё прекрасно! И Гейне, и Шиллер, и Маркс, и Энгельс, и Ленин, и Чайковский!

31 декабря 1962 г.

...Осталось 10 минут до встречи Нового 1963 года... Вас, наверное, очень удивит то, что я вдруг стал делать записи перед такими торжественными минутами, но я один... да, совершенно один за своим столом. На столе стоит вино, закуски... и мне очень грустно! Готов реветь от бессилия, развеселить себя. Вот уже осталось 6 минут до Нового года... не удивляйтесь, что я один; так получилось, что я отказался от всех приглашений и остался совершенно один, без поддержки, а если честно признаться, Новый год я хотел встретить (...), по крайней мере...

Итак, осталось 4 минуты... 3 минуты... 2 мин... 1 мин.

И вот мой тост: Дорогие мои друзья и моя любимая Наташа!

Желаю вам всем самого прекрасного в жизни! Большого и бесконечного счастья!!

Да здравствует всё Новое!! Молодое! Красивое!
Да здравствует Новый 1963 год!!!

1963

6 января 1963 г., воскресенье

Слушаю «Времена года» П.И. Чайковского в переложении для симфонического оркестра. Очень здорово! Какие краски! Тембры так оригинально подобраны, что музыка перестаёт быть музыкой – она превращается в настоящее видение русской природы!

Вообще, я хотел бы преклонить колена перед неизвестным мне дирижёром. Как всё отлично инструментовано! Никакого лишнего тембра инструмента! Всё очень прекрасно!

Вот уже шесть дней, как мы в новом году. Что он нам даст? Будет ли он лучше прошедшего? Говорят, что если хорошо и весело встретишь его, то новый год будет лучше и плодотворнее.

Не знаю, как он будет проходить у меня: а встретил я его неплохо. Даже, можно сказать, блестяще. Конечно, я встречал его совершенно один, но зато потом вполне оправдалось моё одиночество.

Вот сегодня уже шестое число, а я всё ещё «встречаю» Новый год. Да, это ужасно!!

Но, ничего, я обещаю исправиться и не позволять себе таких «встреч».

7 января 1963 г., понедельник

...Везде только музыка! Везде и всюду... даже сейчас, когда я пришёл с концерта пианиста Игоря Жукова. По радио слушаю 5-ю симфонию Дмитрия Шостаковича. Это моя самая любимая из его симфоний!

Как мне жалко маленьких людишек, что не понимают этой восхитительной, гениальной музыки!! Боже мой! Как мне хочется, чтобы её понимали все! Все люди мира! Чтобы вкусили в этой музыке запахи природы, чистые, возвышенные чувства, радость пробуждения от темноты и забитости.

Вернёмся к Игорю Жукову.

Вот где романтическая натура с «бетховенской» хваткой. Просто поражаешься, как это всё блестящее и такое грандиозное вытекает из одного лишь человека?!

Кстати, он лауреат международного конкурса пианистов им. Маргариты Лонг в Париже. Но, конечно же, не в этом дело. Главное то, что он – талант! И талант не однообразный, а с широким охватом эпох. Ему очень удаётся Бах и Шопен, Бетховен и Шуман, Лист и Прокофьев.

Открыл он свою программу Бахом. Блестяще сыграл «Allegro» Вивальди-Баха-Файнберга и «Французскую сюиту» G-dur. С первого же «форте» поразил силой и экспрессией внутренних чувств, хотя внешне он был совершенно спокоен.

Затем мы услышали «Сонату» в 4 частях C-dur Бетховена, после которой раздались «громоподобные» рукоплескания. Не удивляйтесь, что громоподобные я взял в кавычки, на это есть свои причины. А исполнил он её действительно очень здорово!!!

По-бетховенски! Очень стыдно и обидно за наших магаданцев – половина зала была пуста... зато мы – музыканты, а нас было большинство, старались изо всех сил. У меня даже сейчас «болят руки от азартного хлопанья», но в воодушевлении и возбуждении этого не замечал...

В антракте все восторгались этим замечательным парнем. Да! Несомненный талант – многогранный талант! Просто молодчина!!!

Но на наш старенький рояль все были ужасно злы, и, в частности, я предложил его выбросить – разумеется, общими усилиями.

Удивительно! Как такой ящик вдруг запел! Да так запел, что все слушали, затаив дыхание. Изумительный пианист! И такой скромный и обаятельный! Особенно когда раскланивается, при этом повторяя: «Большое спасибо». И это нам – «большое спасибо», ослам, и др. невоспитанным животным?!

Это ему спасибо! Большущее-пребольшущее спасибо! За эти драгоценные минуты и часы, которые мы забываем считать, когда слушаем его. Он – одухотворённый и нас делает похожими на него, я, например, за эти сотни минут побывал в раю! В настоящем раю!

Во втором отделении он целиком захватил весь зал исполнением Сонаты b-moll Фридерика Шопена. Он ему очень легко даётся! И, конечно, знаменитый шопеновский похоронный марш прозвучал так, что многие если не плакали, то сидели без единого движения. А я плакал... меня тронула его игра до глубины души... в то мгновение единственным моим желанием было броситься перед ним на колени и поцеловать кончик его фрака.

После Шопена прозвучала Соната № 7 С. Прокофьева. Музыка очень романтична и поэтому требует очень чуткого исполнения, но Игорь Жуков блестяще справился с ней и удостоился уже несравненно нечеловеческих оваций. Потом он играл на бис «Арабеску» Р. Шумана, Органную Токкату и Фугу d-moll И.С. Баха, «Кампанеллу» Паганини-Листа.

Я сидел счастлив! Внизу сидели наши преподаватели и, как видно, тоже были сильно возбуждены. Татьяна Сергеевна и Таисия Яковлевна сидели несколько обособленно и слушали музыку своим миром – теоретическим.

Нет ни капли азарта, воодушевления – всё только расчёты, интервалы. Флегматики и сухари, вот кто эти теоретики.

Прекращаю свои записи, уже первый час ночи... ужасно хочу спать...

Спокойной ночи! Да здравствует искусство!!!

8 января 1963 г., вторник

Внезапно пришло вдохновение, и сразу, чтобы не забыть, я записал половину моего нового сочинения. Это «Баллада» f-moll для баяна.

Через восемь дней экзамен по специальности. Буду играть «В ауле» Ипполитова-Иванова, «Каприччио» Репникова и «Увертюру» Россини.

Слушаю «Патетическую симфонию» Петра Ильича Чайковского!!! Что за муки! Вот где божество! Он весь бог! Нет же, нет! Какой там бог! Он властелин вселенной, властелин самого прекрасного в жизни.

13 января 1963 г., воскресенье

День прошёл очень весело! Несмотря на такое страшное число (13). Завтра экзамен по специальности, а я так спокоен, словно улетаю на курорт. Хорошо это или плохо? Не будем думать да гадать, грядущий день всё покажет.

30 января 1963 г., среда

Заканчиваю писать «Концертную балладу» для баяна с фортепиано.

В апреле в Магадане будет проходить конкурс на лучшее исполнение произведений советских композиторов и И.С. Баха. Вот я и хочу выступить на этом конкурсе с Балладой.

На днях выступал по телевидению и на отчётном открытом концерте в музучилище, играл «Каприччио» Репникова. Кажется, неплохо. Николай Александрович даже так растрогался от нашего исполнения, что расцеловал в пылу воодушевления.

Получил программу на каникулы: Н. Чайкин «Концерт» I часть, Ф. Шопен «Этюд», «Ноктюрн», П.И. Чайковский «Скерцо», Н. Паганини «Непрерывное движение» и т.д.

1 февраля 1963 г., пятница

Дорогие мои друзья! Как мне сейчас грустно и одиноко. Нет никакой поддержки, даже мой единственный, прекрасный друг, мой маленький Паганини теперь, наверное, уже не маленький... и тот не пишет.

Что из того, что Виктор пишет о моём необыкновенном поэтическом таланте? Что этот талант, если можно так назвать мои склонности, мне даёт? Я не могу найти себя ни в чём и даже в себе. Нет никакой поддержки, а без неё я гибну в болоте неизвестности. Никто не может дать правильную оценку моих творческих опытов по композиции, подсказать... Я же мучаюсь ночами, не могу уже, чтобы не писать – это моя болезнь. Но как это трудно, если бы вы только могли представить себе, как это утомительно! Иногда сидишь час, два, десять, два дня, неделю, и ничего не получается, и вдруг какое-нибудь вдохновляющее событие, пусть даже не относящееся к му-

зыка, как мысли переполняют мозг, голова раздувается, как атомный котёл, рука просто не успевает записывать эти безудержные мысли. Но как жаль, что так мало приходит минут азартного вдохновения.

Уже написал две части «Баллады», осталась третья и последняя.

4 февраля 1963 г., понедельник

Все эти дни усиленно работал над «Балладой», и наконец всё кончено. Осталось только переписать с эскизов листа два и можно отдавать «Элику». Она уже съела меня за длительную работу над ней [Балладой] и всё время торопила закончить.

В свободное время читаю книгу «В джунглях» Д. Мукерджи. Изумительная книга! Автор красиво и правдиво раскрывает жизнь джунглей. Но главное в ней то, что она носит автобиографичный характер.

21 февраля 1963 г., четверг

Как я соскучился по тебе, мой дорогой друг! Вот уже почти месяц, как я не записал ни одной строчки в твою память. Но довольно! Хватит бездельничать!

Так вот, значит, о чём же мы будем разговаривать? Впрочем, сначала я расскажу тебе об этих долгих днях, проведённых в какой-то сумбурной кутерьме.

Все эти дни я здорово занимался и по специальности, и по фортепиано, и даже много прочитал методических воззрений на становление мастерства Г. Нейгауза, Г. Когана, И. Гофмана.

Адски интересно! Захватывающе! Увлекающе!

Теперь я на правильном пути с одной горящей волей, целью – стать настоящим мастером.

Но как обидно за те пустые годы, проведённые в удовольствиях и глупых увлечениях.

Теперь всё к чёрту!

P.S. Забыл сообщить: (...) Экзамены (...) отлично и теперь ходит с ещё большим высокомерием. Ну что и говорить. (...)

Сейчас слушаю «Поленьку Сакс» Некрасова. Потрясающее произведение!

Трогает до слёз!!!

2 марта 1963 г., суббота

Я весь внимание: передают современную музыку советских композиторов.

Вот уже известная мне «Балетная симфония» Э. Тамберга. Это настоящий шедевр музыки, вполне достойный нашего времени.

Также очень интересная личность – Ян Кох! Его произведения – «Универмаг» (концертное произведение) увлекает, как музыкой, так и разнообразием тембровых красок.

Теперь я вижу перед собой ясную цель – стать настоящим музыкантом, к которой надо стремиться.

15 марта 1963 г., пятница

Всё реже и реже я пишу те скудные мысли, которые ещё содержит моя голова.

За эти две недели ничего существенного не сделал, хотя и занимался, как зверь. Работал над «Скерцо» П.И. Чайковского. Немного слов о моём дорогом, обожаемом Петре Ильиче Чайковском!

Ко всему тому, что я много читаю о П.И. Чайковском, я не без слёз думаю о нём, слушая его музыку.

Даже в такой небольшой по форме пьесе, как «Скерцо», столько музыки, содержания, что хоть плачь от бессилия сыграть её с блеском и в темпе. Но я уже говорил – или умру, или выучу его с блеском!!!

Вчера и сегодня слушал поэму Г. Свиридова «Памяти Сергея Есенина». О! Этот тоже гений, перед талантом которого я преклоняю колени. С Володей слушали, и я видел, что и он тоже порывался петь, кричать от восторга, как и я.

Да! Кричать было от чего! Наши сердца переполнялись от восторга и воодушевления, словно чаши от французского шампанского! Ведь здесь столько русской поэзии, романтики, что думаешь – где найдёшь человека с душой шире и прекраснее, чем у русского, и от этого становится так хорошо, и приливает какой-то необузданный азарт, от которого все частицы тела приходят в горячее возбуждение.

А моего милого доброго Володю я люблю больше всех за его настоящую русскую большую душу. За его любознательность и ар-

тистический азарт. Из него может получиться изумительный музыкант, но только при упорных занятиях.

Меня радует, что он стал много читать из области философии, а также поэзию Байрона, Пушкина, Есенина.

О лучшем товарище не стоит и мечтать.

17 марта 1963 г., воскресенье

Сегодня посвятил себя чтению. Засел в читальном зале и с волнением перечитывал ещё и ещё раз прекрасные стихи Сергея Есенина.

Сонет

Я плакал на заре, когда померкли дали,
Когда стелила ночь росистую постель,
И с шёпотом волны рыданья замирали,
И где-то вдалеке им вторила свирель.
Сказала мне волна: «Напрасно мы тоскуем», –
И, сбросив свой покров, зарылась в берега,
А бледный серп луны холодным поцелуем
С улыбкой застудил мне слёзы в жемчуга.
И я принёс тебе, царевне ясноокой,
Кораллы слёз моих печали одинокой
И нежную вуаль из пенности волны.
Но сердце хмельное любви моей не радо...
Отдай же мне за всё, чего не надо,
Отдай мне поцелуй за поцелуй луны.

Долго читал философские сочинения Гегеля. «Диалектику природы» отложил на следующий раз, а пока взялся за «Диалектику логики».

Ужасно интересно! Особенно здорово написана «эстетика музыки».

Вчера играл с Эликом свою «Балладу». И случайно услышал Николай Александрович и заставил играть ещё раз. Но после последнего аккорда я так и не дождался его оценки.

Он молчал, но внутренне был доволен, это было очень заметно. Только что слушал «Шестую симфонию» П.И. Чайковского. Описывать ничего не буду, сами знаете, что всё в ней гениально и прекрасно.

20 марта 1963 г.

Сегодня наконец утвердили мою поездку в Москву. Едем я с Володей и Николай Александрович с Криштафовичем.

Отлёт намечается на 22 марта, но я не знаю: полечу ли я?

Вообще-то мне всё равно. Почему-то такое равнодушие и спокойствие, что совершенно не волнует такое огромное событие. (...)

18 апреля 1963 г., четверг

Здравствуй! Здравствуй мой дневник! Дорогой хранитель дум и мыслей. Наконец я взял перо, чтобы посвятить тебя в свои (...) вожделенья и сомненья.

Вот уже две недели, как я вернулся из Москвы. Теперь надо срочно готовиться к сессии, иначе могу завалиться.

В Москве пробыли неделю. Жили в общежитии Гнесинского института – Николай Александрович, завуч, Коля, Володя и я.

Как только прилетели, так сразу стали искать это «чёртово» общежитие.

До безумия хотели спать (ведь было уже два часа ночи). Наконец в третьем часу таксист отыскал здание общежития, и мы после недолгих переговоров с комендантом завалились в чистую, приятно холодную постель.

Где-то ещё играли... но это уже было сонное воздействие звуков.

Мы спали поистине богатырским сном. Ещё бы! Проснуться в час дня – это что-нибудь да значит. Совершив утренний «обряд», мы разыгрались, каждый в отдельной комнате.

Потом решили посмотреть на девочек. Да, здесь есть на что посмотреть!

Володька, так тот не поднимал глаз выше точеных ножек, и при этом выражение его лица было настолько глупым и смешным, что я подыхал с хохота! Это было достойное зрелище!

На следующий же день мы уже выступали в зале прослушиваний. Было немного жутковато: комиссия состояла из профессоров и доцентов, таких как Чайкин, Илюхин, Поздняков, Гнесина, и многих других.

Всего баянистов было около шестидесяти человек, и абсолютно все – звери! В полнейшем смысле этого слова.

Играли хорошо, но не блестяще. Но если я считаю, что мы действительно играли неплохо, то это, конечно, уже много значит.

Да и Николай Яковлевич оценил нас как очень хороших музыкантов.

В общем счёте мы разделили с Орловским училищем, где преподаёт Ф. Гладков, второе место, а все остальные за нами.

И, бесспорно, первое место взяла Москва, Гнесинское училище.

21 апреля 1963 г., воскресенье

Сегодня весь день занимался по специальности, а вечером сочинял.

Пишу «Восточную сюиту» для баяна и «Голубой ноктюрн». Так увлёкся музыкой, что нет времени даже на чтение книг. (...)

Какой я дурак!

27 апреля 1963 г., суббота

Читаю письма, вернее, переписку П.И. Чайковского с Н.Ф. фон Мекк.

Это что-то потрясающее! Истинно жемчужные строки, которые заставляют плакать, рыдать и которые поднимают волну глубочайшего уважения и любви к этим кристально-чистым людям.

В училище у нас траур.

Умер Иван Иванович Добродеев – доцент, дирижёр-хоровик. Происходят удивительные вещи: несколько месяцев назад умер Татул Абгарович при весьма странных обстоятельствах, а теперь почти при таких же обстоятельствах не стало второго нашего преподавателя.

Кто-то словно наложил свою чёрную лапу смерти на музыкальное училище и обстоятельно выбирает себе жертвы.

Жутко чувствовать и осознавать это.

30 апреля 1963 г., вторник

Завтра прекрасный день!

День весёлого праздника весны – 1 мая! В это время года уже всё подготовлено к лету. Распускаются почки на деревьях, воробьи своим прелестным чириканьем наводят на ленивые мысли, и ничего не хочется делать... а скоро сессия... только подумаешь о ней, как тянет что-нибудь выпить, лишь бы забыть о проклятых экзаменах.

Но, как видно по мутному, затянутому рваными тучами небу, май не блещет расслабляющей погодой.

Все эти дни я бездельничаю так, как никогда. За исключением некоторых книг, которые я читаю, больше ни черта не делаю. Это поистине ужасно.

Не помню, писал ли я о своей работе в газете или нет? Ну что ж, если и писал, то второй раз будет не лишний.

Итак, я – корреспондент газет «Магаданская правда» и «Магаданский комсомолец».

Ещё пока не создал ничего потрясающего, кроме нескольких маленьких статей. Пишу, разумеется, только о... (...) Весь день занимался на баяне. Концерт и Скерцо уже «на мази», осталось выучить Этюд, Бесперывное движение и Вальс. Для себя готовлю «Цыганские напевы» П. Сарасате, очень красивое произведение, притом ещё выигрышное.

9 мая 1963 г., четверг

Читаю «Похищение огня» Г. Серебряковой. Вот где истинная борьба! Жаль, что не нашёл «Юность Маркса», кстати, Эллка мне обещала достать её.

Целый день читал переписку П.И. Чайковского с Фон-Мекк. Немного разобрал «Диалектику логики» Гегеля. Сейчас пишу, а сам думаю о Марксе... человек могучего ума и сердца. (...)

Как тоскливо... в голове обитают грустные, пессимистические мыслишки. Меня окутывает какой-то дурман...

18 мая 1963 г., суббота

Нахожусь в каком-то нечеловеческом возбуждении! Всё это время читаю Маркса, Фейербаха, Бебеля, Гегеля, Шопенгауэра,

Канта, Гольбаха. Адски интересно!! Прочёл Августа Бебеля «Будущее общество» и его жизненный путь. Какой замечательный человек! С 20 лет он только начал читать политическую литературу и дошёл до создания II интернационала! Потрясающе! Гегеля читаю «Философию права» и «Диалектику логики». Местами пишет такую чушь, что сомневаешься в нём: неужели это он создал «Диалектику природы»?!

А Шопенгауэр и Кант – это такие прохвосты, что удивляешься, как такие талантливые люди, даже можно сказать, гениальные, могли писать такие пессимистические произведения. В каждом слове, в каждой фразе, ими написанными, сквозит ложь и непонимание жизни.

Зато Гольбах мне понравился! Но и у него проскальзывают нотки идеализма, извращения жизни, хотя и очень мало. Моего обожаемого Карла [Маркса] читал статьи об искусстве, а Фреда* – «Письма из Вупперталя». Всё это возбуждает меня к ещё большему познанию жизни. Летом решил с Володькой изучить два иностранных языка – английский и немецкий. Позор! Люди знали по 15–20 языков, а тут какие-то два языка лень выучить. Ещё читаю «Похищение огня» и начал «Женни Маркс» Луизы Дорнеман.

Всё это очень интересно, а вот что 22-го у меня экзамен по истории – это уже «неинтересно». Впрочем, я уже довольно много выучил, но всё-таки страх входит в душу, как сказал один поэт: «Страх в душу входит, и пальцы холодеют...»

Только что закончил статью о Рихарде Вагнере к его 150-летию юбилею. Замечательная и гениальная личность, но противоречивая.

Всего получилось девять громадных листов, могут много выбросить, что мне, конечно, нежелательно.

На баяне совсем не занимаюсь, нет времени. Кстати, я же совсем забыл! Дней пять назад я выступал с Эллой Бурштейн. Играли мою «Балладу». Николай Александрович сам объявлял её. Я помню слово в слово то, что он сказал; вот послушайте: «Композитор Золотарёв, «Концертная Баллада»: исполняет автор – Владислав Золо-

* Фридриха Энгельса. – В.Б.

тарёв, аккомпанирует Элла Бурштейн». Забавно, не правда ли? Но с «гордостью» за свой «необыкновенный талант»!

Скажу – «талант» мой, а точнее, это «несравненное» произведение признали не только те, кто сидел в зале, но и те, кто «преследовал» меня, – самые ярые консерваторы – это Николай Александрович и наши критики, как маэстро Кузовлев и Павловский.

Прерываю свои записи.

До следующей встречи.

20 мая 1963 г., понедельник

Изучаю историю. Послезавтра сдавать историю, а я ещё не кончил писать конспект.

21 мая 1963 г., вторник

Ничего нового. Историю перенесли на понедельник.

На улице слякоть... эта грязь так раздражает, что нет, нет, да и завернёшь «словечко».

Готовлю статью о Хачатуряне и очерк о сессии нашего музучлища.

В общем, настроение препаршивое...

P.S. Задумал написать небольшую книжку о современном и будущем искусстве.

22 мая 1963 г., среда

День прошёл так, словно его и не было. Несколько минут занимался на баяне и пошёл в читальный зал. Хотел взять Артура Шопенгауэра, но тщетно – оказывается, его запретили выдавать (наверное, боятся, что нахватаемся социализма и фашизма, но для общего развития надо же почитать этого реакционера). Читал письма Маркса и Энгельса, Канта, Философскую энциклопедию.

23 мая 1963 г., четверг

Первый день, из которого я вырвал три часа занятий на баяне.

Конспектировал историю и философию, вечером прогулялся с Володькой и Сашей.

Сейчас я бездельничаю... уже первый час ночи.

Вот, это уже интереснее! Слушаю речь Фиделя Кастро! Чем-то он мне напоминает Карла Маркса. Блестящий оратор! Ни с кем не сравнимый политик! То же умное лицо, борода, гордая и в то же время простая осанка – всё это наводит на мысль, что с нами живёт и героически совершает свой долг перед человечеством – гений, которого, может быть, поставят четвёртым в гениальной тройке – Маркс-Энгельс-Ленин-(Кастро).

Как он говорит! Замечательная ораторская дикция!

25 мая 1963 г., суббота

Сдавал Тане музлитературу... Завалил... (бесподобный урок смеха!).

Экзамен прошёл на славу?! (...)

Сегодня опять играл «Балладу» с Эллкой, теперь уже в училище. Актный зал был полон. Выступал хор Е.И. Алхимова, наш оркестр, ансамбли, соло. Успех, в общем, был достойный!

26 мая 1963 г., воскресенье

...Был у Тани. В училище она попросила меня помочь ей нести ноты – она через два дня улетает на сессию. С 6 вечера до 11 слушали музыку Н. Метнера (все 3 концерта, «Сказки», Импровизацию и многое другое). Пили чёрный кофе... я всё время смотрел на неё... как она красива! Когда я уходил, то попросил что-нибудь подарить мне на память. Она подарила мне 1-й «Концерт» Н. Метнера. Подарок великолепный. Я в свою очередь подарю ей своё фото и стих... Уже пятый час утра, а я ещё и не ложился спать! Как я буду сдавать историю? Просто не могу себе представить!

30 мая 1963 г., четверг

...Вот я и остался один... Таня улетела рано утром. Эллочке я поручил отдать ей моё письмо с фотографией, что она блестяще сделала... Испытываю какое-то опустошение...

2 июня 1963 г., воскресенье

С головой окунулся в изучение форм. Боже мой! Кто бы мог знать, что музыкальная форма – великолепное захватывающее занятие. Сажу у себя в «кабинете» и смотрю на горящий огонь в «камине» (его заменяет мне электроплитка). Но что удивительно: о чём бы я ни думал, что бы ни делал, все мысли возвращались... (...)

Сейчас анализирую тип простой двухчастной и трёхчастной формы. Передо мной циклы Шуберта «Зимний путь» и «Лебединая песнь», а также пьесы Шопена, Чайковского.

Живу мечтой написать «Интродукцию и Basso ostinato» для баяна с оркестром или фортепиано. Уже написал несколько тактов «Интродукции», а тему баса в «Basso ostinato» ещё не нашёл.

Хочу купить себе шляпу и австрийский плащ, а осенью сшить пальто и костюм-«тройку». Ко всему этому надо подыскать стоящий портфель и очки (я уже начинаю плохо видеть).

Только что прослушал передачу радиостанции «Юность» о неизвестном герое-танкисте.

Вот эта маленькая, но беспредельно трогательная история этого фантастического подвига...

1942 г. ...Город Веймар. Город, с именем которого связаны такие гениальные личности, как Гёте, Бах, Шиллер, Гейне... Но сейчас вблизи от города расположился лагерь смерти – Бухенвальд...

...Знаменитый нацистский генерал танковых дивизий Гудериан ищет противодействие от советских танков Т-34, которых фашисты боялись, начиная от солдата и кончая фюрером.

Этот прославившийся «герой» фюрера обещал в начале войны уничтожить сопротивление наших войск за неделю своими неприступными армадами. Теперь же он работал над противотанковым сопротивлением – против советских танков. И вот ему пришла «блестящая» мысль: испробовать свои батареи на настоящем «живом» советском танке. Для этого он вызывает начальника лагеря и говорит: «Мне нужен превосходный офицер-танкист, прекрасно разбирающийся в материальной и боевой части танка, при этом должен быть именно советский офицер, который блестяще владеет техни-

кой вождения. – Генерал несколько подумал и добавил. – Только без канители, фамилию можно вычеркнуть».

...И вот, перед Гудерианом стоит высокий красивый человек. Ему нет ещё и тридцати лет – это стоял юноша с прямо смотрящим взглядом, который можно встретить только у истинно русского человека. Лагерные лохмотья не уродовали его мощную атлетическую фигуру, а, напротив, придавали ей какой-то героический прометеевский вид... на груди у него был лагерный номер и мишень, которая пришивается за побег и даёт право охране стрелять без предупреждения. Это был человек из тех, кто так просто не попадает в плен, а только лишь из-за вынужденных и непредвиденных боевых обстоятельств.

Мы не знаем ни его имени, ни фамилии, нам только известно, что это был советский офицер-танкист, по званию капитан.

Продолжаю дальше:

...Гудериан быстро окинул взглядом русского парня и сказал: «Я Вам хочу предоставить танк, на котором вы должны пройти по полигону под непрерывным обстрелом наших противотанковых батарей. Мы хотим испытать их. Если вы беспрепятственно пройдёте все шестнадцать километров полигона, то получите возможность оказаться на Родине, а значит, и на свободе. Мы сбросим вас на парашюте над советской территорией в расположении ваших войск». – Кончив говорить, генерал испытывающе смотрел на капитана, пока переводчик переводил ему условия Гудериана. Выслушав переводчика, русский офицер сказал: «Хорошо. Я согласен». Всего каких-то три слова, но сколько в них героизма, любви к Родине, юношеской возвышенности патриотизма.

Капитана увели. Несколько автоматчиков сопровождали его до танка Т-34, который он осмотрел и заправил. Вылезши из танка, он вытер масляные руки и пошёл (опять в сопровождении автоматчиков) в камеру – отведенное ему место. Двое фашистов встали у окна, остальные за дверью.

Наступила томительная летняя ночь...

Капитан лежал, полузакрыв глаза... О чём он думал в эту ночь? Что он испытывал в эти томительные часы ожидания?.. Это пока никто не знает.

Может быть, он вспоминал своих товарищей-танкистов или мать и отца, которых он любил больше всего на свете; и, бесспорно и очень вероятно, что он думал о своей любимой подруге, которая, улыбаясь, хотела сказать ему, поддержать его в эти невероятно героические мгновенья: «Держись! Мой милый любимый друг! Покажи этим извергам и мерзким тварям, на что способен советский офицер, советский капитан, который любит свою Родину и любимого друга безраздельно и готов отдать за них не только свою прекрасную жизнь, но и частицу своего бессмертия, которое, словно алмазный брильянт, будет вечно сиять над его неизвестной могилой. Живи, мой дорогой, вечно. Я буду гордиться тобой как самым чистым, прекрасно-великолепным образом человека-героя! Человека-воина! Человека-романтика!»

...Может быть, она и не эти слова хотела сказать, но пусть эти строчки дойдут до твоей могилы, неизвестный герой, и зажгут над ней вечный огонь бессмертия...

...Вдруг на горизонте вспыхнула ракета, другая...

...Танк вдруг заревел и помчался, ломая кустарник, по полигону... И сразу же, словно опомнившись, в замешательстве ударила одна батарея, другая... третья...

Танк остановился... как бы раздумывая, и молниеносно рванулся в молодой берёзник, подминая под себя деревца. Первая батарея замолчала, прислушиваясь и не решаясь стрелять вслепую. Неожиданно перед самой батареей вынырнул танк Т-34 и стал давить и крушить всё живое. Раздались отчаянные вопли и лязг металла о металл... Через несколько минут всё утихло... И тут на танк обрушились все шестнадцать батарей...

Это было потрясающее зрелище!.. Не сравнимое ни с какой фантастикой!.. Танк то мчался на предельной скорости, то неожиданно кружился на одном месте... останавливался, пытался назад, вновь мчался по полигону.

Гудериан и его свита на наблюдательном пункте были поражены, изумлены и испуганы происходящим. Они приказали ему немедленно вернуться. Но танк уже мчался на вторую батарею. Вскоре и оттуда донеслись яростные вопли и лязг железа. Затем на

третьей батарее... на четвёртой... на пятой... на шестой... Всё меньше и меньше раздавалось залпов и воплей. Наконец всё смолкло!.. Только торжествующий, радостный, победный рёв танка продолжал раздаваться над полигоном. Вот он выскочил на широкую дорогу и, подняв облако пыли, помчался на восток.

Гудериан процедил сквозь зубы: «У него скоро кончится горячее, и он далеко не уйдёт... Взять только живым! Понимаете? Только живым! Я хочу узнать наконец у этого коммунистического фанатика – откуда у него такая всепобеждающая сила, военная выучка».

...На следующий день к нему привели русского капитана. Он шёл с высоко поднятой головой, с тем же прямым, всё уничтожающим взглядом...

На этот раз Гудериан более внимательно всматривался в этого русского. Он хотел противопоставить ему кого-либо из немецких воинов. Он подумал о своих двух сыновьях, которые служили в СС. Смогли бы они, как этот русский, совершить подобный подвиг... и сам ответил – нет! Это правдивое признание было неприятно Гудериану, и он расстегнул кобуру парабеллума... капитан даже не вздрогнул. Он по-другому любил и понимал жизнь. Не так, как этот генерал – знаменитый Гудериан.

...Гудериан разлепил свои узкие синие губы и выдавил: «Лучше, чем ты, я не встречал танкистов и солдат, но у фюрера солдаты должны быть лучше!» – раздался выстрел... потом ещё и ещё... Капитан упал...

Это что-то свышечеловеческое!.. Подвиг, достойный вечной жизни и славы! Достойный подражания!

Пусть же вечно живёт в наших сердцах этот неизвестный нам образ человека-героя! Человека-воина!

Человека-романтика!!!

3 июня 1963 г., понедельник

...Ужасное душевное состояние, меня раздражает каждый пустяк... со всеми перессорился... и сейчас сижу один в своей комнате у полуоткрытого окна...

Всё время думаю (...). Ведь это ужасно! Это значит, что я её очень ещё люблю. Никак не могу понять – почему я такой впечатлительный?... всё переношу с нечеловеческими муками...

Сегодня отдал в редакцию свою статью о Хачатуряне. Начал писать очерк и ещё одну соавторскую статью... В голове словно тысяча колоколов отбивали обедню моих уставших извилин... Никак не могу написать «Интродукцию», со мной происходит что-то ужасное... (...)

Я больше не могу писать...

7 июня 1963 г., пятница

Наконец-то! Сдал эту чертовски надоевшую мне историю.

Марья Степановна сжалилась над моим порядочно надоевшим ей существом и... О, Боги! Поставила международную и... отпустила. В этот же день сдал технический экзамен по специальности.

Играл этюд, гаммы, читал с листа и «почти импровизировал».

Итак, сдал уже 5 экзаменов – сольфеджио, гармонию, музлитературу, историю и технический экзамен. Осталось тоже 5 – сочинение, философия, специальность, оркестровка и дирижирование.

«Да поможет нам Бог!»

«Аминь»... Ха... ха... ха...

8 июня 1963 г., суббота

Занимался четыре часа по специальности, остальное время читал статьи о музыке. Сейчас иду на [кинокартину] «Коллеги» – удивительно, что я ещё её не видел.

Надеюсь быть дома в 10 часов вечера.

...Вот и я... только что вернулся из кино. Замечательный фильм! Трогает до глубины души, и особенно Саша Зеленин...

Вообще, ребята молодцы! Здорово играют – это истинные герои нашего времени.

9 июня 1963 г., воскресенье

Проснулся только в 10 часов, но вставать не хотелось: на улице было пасмурно, тоскливо. Только в 12 часов я «отважился» вылезти

из-под одеяла и более двадцати минут занимался своим ежедневным комплексом гантельных упражнений. Затем привёл себя в порядок и позавтракал. После всего этого я вышел на улицу (разумеется, второй раз, т.к. я занимаюсь только на улице) и... чудо! Всё было так прекрасно! И этот запах влажного после дождя воздуха! И запах травы, цветов!

Вы только не подумайте, что погода изменилась! Нет, она осталась такой же, какой я видел её в 10 часов, но теперь я в полнейшей свежести и бодрости; и способен впитывать все красоты природы, склонен к романтической мечтательности и задумчивости. Вот результат! Только начал писать о задумчивости, как вспомнил мою обожаемую Танечку!.. а погода действительно чудесная!

...Совсем нет солнца, даже и намёка на его существование, но тем не менее темнее не стало. Туман, такой влажный и нежно-серый, висит над самой землей. А воздух! Какой воздух! Тысячи запахов растений, дождей, морей, рек, лесов и ни одного запаха, напоминающего человеческое жильё, – это хорошо! Я люблю мечтать в одиночестве, чтобы мне никто не мешал.

...На время прервусь: надо позаниматься на баяне, и часов в десять мы снова встретимся, мой милый друг! Доверенный защитник сердца.

...12 часов ночи! Как прекрасно! Я открыл окно и наслаждаюсь великолепием и в то же время грустной нежностью ночной природы.

Перед сном уже успел прогуляться. Был в парке на пр. Ленина, на ул. Карла Маркса... Везде люди веселились, смеялись... а я ходил мрачный и очень задумчивый. Где сейчас моя дорогая? Что она делает? О чём она думает в данную минуту?... (...) я понимаю (...) всё то плохое, что я писал о ней, по-видимому, исходило не из искренних чувств, а из мальчишеской злости на её равнодушие ко мне.

Да, жизнь прекрасна и удивительна... она способна швырнуть высоко в небо, и от этого хочется петь, орать, прыгать; возбуждение до того остро, что не замечаешь ничего плохого, с радостью здороваешься с первым встречным, дышишь прерывисто, словно сердце вот-вот выпрыгнет из тебя...

Но жизнь способна и так стукнуть по голове, что потом ходишь как жалкий человек-одиночка. Всё противно, мерзко, не хочется ни с кем разговаривать. В общем, зол на весь мир, и если бы была возможность избавиться от него, то, не задумываясь, «уничтожил» бы [его, т.е. мир].

Неужели я фанатик?!

10 июня 1963 г., понедельник

Понедельник – день бездельник. Так, кажется, говорят старушки-предсказатели, но я сегодня готов поверить им, так как не пошёл на экзаменационное сочинение! Представляю, как всё рвёт и мечет наша Любовь Николаевна. Ну и чёрт с ней. Подумаешь, дисциплина! А я вот не хочу писать то, чего на самом деле не хочу, – о целине, (...), каких-то идеях.

Я умолял её включить хоть одну тему о музыке или свободную тему – «Музыка на современном этапе» или «Современность и идейность современного искусства», так нет же, она говорит, что не умеет анализировать такие темы, тем самым показывая свою неумность.

...Слушаю «Октет» И. Стравинского. Очень здорово написан и ещё лучше инструментован! А вообще, музыка прекрасная, ей свойственно держать слушателя в напряжённом внимании. Но фанот здесь просто прелесть! Взглянуть бы на этого виртуоза! Чертяка здорово играет!

Не уступают ему в виртуозности и флейта, и кларнет, и валторна, и трубы...

Вот и всё. Не пойму только, почему у него всего две части?

...Занимался сегодня пять часов и несколько минут! Дирижировал! Кстати, дирижирование мне легко даётся, и я совсем не занимаюсь, хотя завтра экзамен.

Дорогие мои неизвестные друзья!

Я никогда не писал характеристик своих товарищей и наконец решил написать их портреты так, как я их видел и наблюдал за ними в течение трёх лет.

Пылинин Володя

Высокий брюнет с правильными чертами лица. Выражение лица чаще спокойное и добродушное, но иногда бывает скептическое и даже неприятное. С внешней стороны очень симпатичная личность, но некрасивая. Душа поистине русского склада – очень нежная и впечатлительная; способна так же сильно любить, как и ненавидеть. Обладает большой силой воли и целеустремлённостью. Не любит врать, а ещё более того – делать зло людям, но изредка, чаще из самолюбивого тщеславия, очень высокомерно думает о себе и не замечает, что рядом с ним есть люди, которые намного выше по уровню, чем он, и тем самым замедляет свой творческий рост. Очень нравится девчонкам, но ненадолго (исключая Эллику). В общем, личность довольно-таки скромная и способная много сделать, но... только при адском труде (так как особыми дарами природы он не наделён и только тяжкий труд может заменить их).

Шаповалов Саша

Очень неуравновешенный: характер ещё не оформившийся. Способен сильно обидеть и унижить человека, даже не поняв того, что сделал. Думает и говорит чаще чужими мыслями, а если проскальзывают его личные, то они до того глупы и наивны, что порой хочется сказать ему что-нибудь неприятное, способное закрыть ему рот. Совсем не умеет любить и даже не обладает этим божественным чувством, хотя и пыжится, что «до гроба» влюблён в Ленку. Очень высокого мнения о себе и совсем не слушает то, что говорят ему о недостатках. Больше не стоит останавливаться на этом портрете. Перейдем к следующему «портрету» – Элличке Бурштейн.

Элла Бурштейн

Очень одарённая натура, но чрезмерно кичлива. Любит спорить, хотя чаще и не понимает того, что доказывает. Она очень некрасива (о себе же мнения ангельского – будто у неё великолепное античное лицо), то же можно сказать о её фигуре: высокий рост и бесформенность движений делают её неприятной с внешней стороны. Душевные качества очень односторонни: придерживается националисти-

ческой точки зрения. Любит говорить в глаза комплименты и прикидываться несчастной (в любви), способна проболтать без толку несколько часов, и всё время о своей несчастной любви (к Володьке). Натура очень двойственна: хорошие качества уравнивают плохие, и в результате ничего не остаётся, кроме пустой болтовни. Но случаются минуты вдохновения, и она говорит несколько умных слов, которые, к «несчастью», быстро забываются.

Как музыкант – неплохой, но техника топит всю музыкальность, и в результате – бездушная игра звуков. Плохо владеет *cantilena*, зато пассажная техника изумительна. Также очень высокого мнения о себе, ей чуждо общение с людьми, она их презирает (разумеется, не всех). Очень мечтательная натура, но холодная и отталкивающая.

11 июня 1963 г., вторник

...Сдавал дирижирование. Дирижировал я, бесспорно, отменно на чистую пятёрку, но... за былые «заслуги» поставили то, что так упорно настаивал наш «горячо любимый» осёл!!! Владимир Сергеевич.

...А вообще на душе очень скверно. Плюнул на всё. Завтра меня ожидает ещё одна 2 по обществоведению и после этого уже полная свобода.

18 июня 1963 г., вторник

...Ужасная скука.

25 июня 1963 г., вторник

Слушал балет «Лебединое озеро» моего любимого, обожаемого Петра Ильича. Не нахожу слов выразить свой восторг... только сижу и плачу... Это слёзы радости! Восхищения! Детской наивности и зависти.

Я не писал ранее, что начал писать симфонию. Сейчас изучаю «Фантастическую» Г. Берлиоза и «Героическую» Л. Бетховена. Очень восхищает Вальс из симфонии Г. Берлиоза – это поистине волшебное звучание его оркестра сводит меня с ума, и я пытаюсь познать секрет его инструментовки. Уже слушаю если не сотый раз, то наверняка девяносто девятый.

За основу и программу своей симфонии взял легенду-быль о неизвестном герое-танкисте, о котором я уже писал немного раньше.

I часть (в 3-частной сложной форме) называется «Лагерь смерти Бухенвальд».

II часть – «Ночь».

III часть – «Подвиг».

IV часть – «Смерть героя».

V часть – «Огонь бессмертия» (в сонатной форме).

30 июня 1963 г., воскресенье

...Наконец-то! Я свободен! Вчера отыграл на отчётном концерте, а сегодня читал свою статью в газете. Играл «Концерт» Н. Чайкина I часть с Эллой Ароновной, ужасно, как люди могли хлопать так долго за такое отвратительное звучание и исполнение!

4 июля 1963 г., четверг

Дорогие мои любимые друзья! Пишу ко всем вам с мыслями печального прощания. Простите меня за эти строки, но я наконец вырываюсь на свободу.

Ленинград!.. Ленинград!.. Город Пушкина, Чайковского!.. Мечта!!!

...Здравствуй! Здравствуй! Дорогая,
Сколько лет уже несёт
Нас судьба, порой плохая,
А порой тоска гнетёт.

К Наташе

Ты не удивляйся, что я пишу нескромно
Мои стихи – новеллы о любви,
И, читая их, не возмущайся,
Что так коряво сплетены они.
Ты же знаешь – не моё призванье
Сидеть до ночи рифмы сочинять

И до утра придумывать названья,
Чтобы сомненья души и чувств унять.
Ведь вспомнить не каждому дано,
Давай припомним всё, что между нами было,
Ведь интересно вспомнить «старикам»,
Как целовались мы в бреду порыва.
    И как в последний раз прощались навсегда.
    Меня ласкала ты с таинственной улыбкой,
    Но никогда не говорила о любви
    И не противилась, когда уж очень пылко
    Я обнимал тебя и губы целовал твои.
Теперь осталось всё в воспоминаньях:
И шапочка твоя, и скромное пальто, походка,
И нежный голос скрипочки твоей, свиданья –
Всё унеслось, как затухающая нотка.
    ...В последний раз мы встретились в Москве,
    И что же... уж не было того волненья, дрожи.
    Мы разговаривали как старые друзья, не боле,
    А ты не удивилась, только испугалась... Боже!..
Прощались мы недолго, холодно пожали руки.
Ты тихо улыбнулась искусственной улыбкой и быстро,
Как бы желая мне сказать: «Ну, вот и всё, пришёл и час разлуки,
Теперь тебе и мне не будет больше скуки...»
    И, тихо пожелав счастливого пути,
    Ты оторвала руку от моей, немножко резко,
    Я так и не успел сказать тебе – прости...
    Да и к чему, весь этот жест был сделан очень веско.
Так мы расстались. Немного грустно было,
Но что поделаешь, прощались навсегда...
Я вспоминаю иногда её, а она меня забыла
Так, словно мы и не встречались никогда.
    Ну вот и всё: поток воспоминаний весь исчерпан.
    Забудем нашу первую прекрасную любовь,
    И боль в губах от поцелуев нежных,
    И горечь расставанья в тот последний час.

5 июля 1963 г., пятница

Уже взял билет на 8 июля, прямым рейсом до Ленинграда. В Москве хочу остановиться дня на 3, чтобы встретиться с Митченко, Таней, Наташей.

18 июля 1963 г.

Вот я и в Ленинграде, вернее, на даче под Ленинградом. Уже живу здесь шестой день со дня прибытия. Вылетел я из Магадана только 10 июля, а прилетел в Москву 11-го. Заходил к Тане – она живёт на Смоленской набережной в доме 2а, кв. 148. Она была такая красивая, что я потерял все свои способности разговаривать. Уже 12 июля я выехал в Ленинград. Приехал глубокой ночью, сел в такси и начал разыскивать Алькин дом. Нашёл сравнительно быстро и, расплатившись с шофером, потащил свои вещи на 5-й этаж. Дома были только Александр Николаевич и Жека. Обрадовались и удивились они, бесспорно, здорово. Я немного поиграл им на баяне, и мы все легли спать.

21 июля 1963 г., воскресенье

Вчера был в городе. Бродил по городу, а затем пошёл в училище. К часу дня освободился и поехал к Альке. По пути зашёл на Невском [проспекте] в нотный магазин и купил там хорошие ноты. Ещё ранее я купил себе хороший чехословацкий портфель, бабочку, немецкую тенниску на молнии и много различной мелочи. Купил ещё замечательный абонемент в большой зал ленинградской филармонии на симфонические концерты, на весь сезон. Сейчас я живу на даче у Алика. До моря ходьбы всего 20 минут, а рядом протекает речка, где я каждое утро умываюсь.

Если говорить словами о здешней природе, то ни за что не подбирать тех слов, которые бы в какой-то мере были сходны с ней.

Всё так прекрасно! И эти русские леса, очень похожие на полотна Саврасова, Шишкина, и небо, и трава. Всё это очень волнует душу и заставляет немного грустить.

22 июля 1963 г., понедельник

Сегодня весь день дует сильный ветер, а вчера шёл дождь. Но я люблю также и эти малоприятные сюрпризы природы, потому что

«я русский человек в полнейшем смысле этого слова», как сказал мой идеал – Пётр Ильич Чайковский.

Теперь расскажу о том, как я добирался, попытаюсь описать как можно короче.

В общем, вылетел я из Магадана 10 июля. Летел, конечно, обиженный комфортом, так как «мой» Ил-18 был переполнен пассажирами, и моё детище – баян, между тем, чтобы находиться на свободном кресле, – он довольствовался у меня на руках. В Красноярск я прилетел в разгар летнего жаркого дня и, т.к. полёт откладывался на 2 часа, решил осмотреть город и Енисей. Зрелище было, бесспорно, великолепное! Особенно Енисей!

Его воды катились ровно и гордо, словно говоря, что они являются слугами своего могущественного царя из царей – батюшки Енисея. Но наслаждался я недолго этим величественным зрелищем: моё время уже истекло. До отлёта оставалось 15 минут. Поднялись мы уже глубоким вечером, и я больше уже ничего не помню – отключился, чтобы поспать. Проснулся я от резкой боли в ушах. Мне показалось, что это Москва, но вскоре симпатиченькая стюардесса «пропела», что из-за неожиданной грозы Москва не принимает и мы садимся в Куйбышеве.

Когда самолёт приземлился, я окончательно проспался и сошёл по трапу вниз. Как только я вышел на воздух, меня тут же обдало зноем и жарким неподвижным воздухом. До города было далеко, да и уже темнело – оказывается, было 24 часа по местному времени. Так что от осмотра города пришлось отказаться. Я расположился неподалёку от аэровокзала и с наслаждением вдыхал южный воздух с примесями нефти, бензина, пыли, фруктов и других запахов...

Только лишь в разгаре ночи, когда чёрная как сажа спутница вечера начала блекнуть, мы взлетели из этого адава пекла и через два часа приземлились во Внуковском порту, в городе моей обожаемой (...) – Москве. Кое-как я добрался до пл. Революции к гостинице «Москва» и на такси до Ленинградского вокзала. До самого утра и весь день прошатался по Москве, а вечером закомпостировал билет на Ленинград. Купил себе несколько мелочных вещей, а на сле-

дующее утро с боязливой дрожью в руке, подняв трубку телефона, я набрал номер моей далёкой и в то же время близкой, любимой (...). Ответил мне мужской голос (впоследствии я узнал, что это был её отец), а затем я услышал её голос... он до того был очарователен, прекрасен, до того неподражаем, что я на несколько мгновений оцепенел. Потом, уже опомнившись, начал объяснять причину своего приезда. Она пригласила меня к себе, и я с радостью согласился, но предупредив, что только на несколько секунд (моё время истекло – надо было ехать в Ленинград).

Её дом и квартиру я нашёл быстро, но только звонить не решался... Наконец влечение к ней победило страх, и я, зажмурив глаза, нажал на кнопку...

...Раздался голос: «Папа, я открою...» – а затем и моя дорогая жемчужинка.

Она была в кремовом летнем костюме с поверх накинутым на плечи прозрачным нежно-белым плащом. (Не знаю: мерила она его или накинула, чтобы похвастаться своим вкусом, – это история умалчивает!) Мы со смехом поздоровались за руки, и она затащила меня в свою комнату, предложив раздеться. Но я категорически отказался, напомнив ей, что мой визит заключается в нескольких секундах встречи и расставании.

Её несколько грустненькое выражение глаз и губок очень взволновало меня, я в свою очередь чуть-чуть улыбнулся и, попрощавшись, вышел. Шесть этажей пролетели незаметно, и я поспешил за вещами, чтобы успеть на пятичасовой поезд.

23 июля 1963 г., вторник

Сегодня встал немного позднее, чем все эти дни. Виновником этого явились мои часы, которые остановились в десятом часу. Проснувшись в первый раз, очевидно, очень рано, я решил ещё поспать часика два. И сколько бы я ни смотрел впоследствии на часы – они неизменно показывали десять.

Но так как я никуда не опоздал и не спешил, то не стоит отчаиваться. Сделав утреннюю гимнастику и пробежку, я, умывшись в ручье, сел за баян и занимался до завтрака.

Тётя Тома кормит меня на убой... уж так она беспокоится обо мне: наелся ли я? Выспался ли я? Просто иногда бывает несколько неловко. А в общем, я ем нормально, и не толстею, и не худею – полнейший санаторий.

Решил сделать из моей избушки (помещение, где я занимаюсь) свою резиденцию: сооружу камин и буду сидеть по вечерам у огня. Писать стихи, дневники, письма и, конечно, музыку. Вечером ходил в лес. Все мы (Женя, Алик, его жена и я) весело провели время. До черноты в зубах наелись ягод и даже немного собрали в корзинку.

26 июля 1963 г., пятница

Опять слушаю «Фантастическую» Берлиоза. Вот что удивительно: сколько бы раз я её ни слушал, она не только не надоедает, а напротив, нравится ещё больше. Вчера мы с Аликом и Бирутой (его женой) приехали в город, и я первым делом сел слушать музыку.

Всё же до чего прекрасна. Изумительна! Великолепна! Эта божественная симфония! Она мне очень нравится. Даже до безумия! Сейчас иду в музучилище.

Вот я и дома. В училище узнал всё, что мне нужно было узнать. Общежитие смогу получить только после того, как сдам экзамены.

Сейчас смотрю фильмы по телевидению. В городе за окном идёт дождь, и с пятого этажа интересно наблюдать, как косые струйки дождя с шумом летят вниз и разбиваются об асфальт. Показывают кубинский фильм «Рассказы о революции». Смотрю уже второй раз.

27 июня 1963 г., суббота

Вернулся в «Молодежное» на дачу.

30 июля 1963 г., вторник

Снова в городе. Сажу у раскрытого окна и слушаю музыку. В данную минуту – Баха. Этого чародея музыки, которая всегда вызывает чистые, как алмаз, слёзы и такую же чистую улыбку. Сегодня иду на концерт симфонической музыки в Саду отдыха, а потом немного прогуляюсь.

2 августа 1963 г., пятница

Весь день занимался, а вечером купался. С 31 июля я опять на даче. Получил от родителей телеграмму: сообщают, что 5 августа вышлют деньги и посылку.

Я ранее писал о задуманной «Паганиниане», но так и не осуществил своей мечты. Сейчас уже написал 12 вариаций за 4 дня, ещё осталось 13. От Тани ничего нет: ни письма, ни телеграммы о вылете в Магадан.

Очень скучаю по Магадану, по ребятам, любимым родителям и особенно по Танечке.

5 августа 1963 г., понедельник

Сегодня получил телеграмму и деньги от родителей. Хотел приобрести себе хорошенький пиджак, но тщетно: обошёл почти все универмаги и ни одного не нашёл подходящего.

Готовлюсь к экзаменам по гармонии и по специальности.

Мне ранее очень часто приходила мысль написать свои доводы о будущем баяна и как его примет академический музыкальный мир. И вот сейчас, улучив свободные два часа времени, я решил выложить все свои воззрения не только, как об инструментальной музыке и о баяне, но и вообще о музыке наших дней.

Если говорить вообще о музыке, то я должен прежде всего сказать, что 60-е годы XX века переживают грандиознейший кризис искусства. Музыка наших дней, как Шостаковича, Свиридова, Щедрина и многих других, является как бы переходным периодом или этапом к музыке 70–90-х годов, где раскроется весь гений человечества XX века.

Музыка будущего будет полна нежнейшими интонациями реального романтизма. Люди будут понимать и изучать мир не с высоты ракетного полёта, а с бесконечности антивеществ. Расстояние в несколько десятков парсеков будет казаться для них сушим пустяком. Фотонные ракеты будут бороздить неизведанные пространства времени и бесконечности, а композиторы будущего – писать грандиозные полотна о труде, счастье и бессмертии людей будущего.

Да, но я уже увлекся и забрался не на 20 лет вперёд, а на все 200.

Баян, конечно, до таких высот, может, и не доберется, но одним из первых инструментов землян, а впоследствии и первым любимейшим инструментом звёздоплавателей наверняка будет.

Он очень удобен в перевозке, габаритен, не требует особой охраны от внешней среды. Заменяет фортепиано, орган, скрипку и даже целый оркестр (разумеется, в уменьшенном звучании).

На концертной академической эстраде он уже завоевал себе почётное место и славу. Так что будущее баяна вполне очевидно и даже очень скоро.

6 августа 1963 г., вторник

Настроение очень грустное...

18 августа 1963 г., воскресенье

Сегодня я решил немного разгрузиться: привёз с дачи в Ленинград пузатый портфель, набитый учебниками и нотами. Сейчас уже первый час ночи. Прошло немногим больше получаса со времени приезда, а я спешу записать несколько мыслей.

13 августа был на концерте Давида Ойстраха, который выступал в роли дирижёра, и Ирины Бочковой, которая блестяще исполнила «Концерт» Чайковского. Оркестр играл Увертюру Р. Вагнера к опере «Моряк-скиталец» и «Симфонию № 2» И. Брамса.

Увертюра, бесспорно, мне очень понравилась, а вот симфония... я бы даже сказал, совсем не понравилась. И оркестровку Брамса, и инструментовку я очень не люблю, да и вообще по характеру музыка очень скучная и малосодержательная.

20 августа 1963 г., вторник

Готовлюсь к экзаменам.

22 августа 1963 г., четверг

Занимаюсь целыми днями. Баянную программу уже почти подготовил. Сижу над гармонией и муз[ыкальной] литературой, а за сольфеджио даже и не берусь. Не знаю, как сдавать пение

и диктанты, просто не могу себе представить. Произойдёт чудо, если я его сдам.

По-прежнему каждое утро бегаю на ручей умываться. Когда возвращаюсь, то всегда ощущается ароматный запах листвы и прелого сена.

Вечера также очень чудные: багово-красный закат очень быстро уступает горизонт тёмному мареву, которое надвигается зловещей и таинственной ночью...

Да, совсем забыл: задумал мечтательную идею – написать Увертюру для оркестра на сюжет стихотворения М. Лермонтова «Умиравший гладиатор». Или, в крайнем случае, для баяна соло.

7 сентября 1963 г., суббота

Живу в общежитии (...), экзамен по сольфеджио и теперь готовлюсь (...).

24 сентября 1963 г., вторник

Если описывать все мои приключения и злоключения за прошедшее счастливое время, которое я провёл в общежитии музучилища им. Мусоргского, то не хватит тех оставшихся листов в дневнике, чтобы их заполнить этими воспоминаниями.

...В данное время я нахожусь на борту самолёта Ил-18, а двумя часами раньше вылетел из Ленинграда. Впрочем, если разобраться, мне надоело уже это затянувшееся «путешествие», и я не дождусь того часа, когда осмыслю наконец, что я в Магадане.

...Итак, вернёмся к Ленинграду...

Я уже писал ранее об экзаменах и что по сольфеджио мне дали месяц на подготовку. Я сдал сольфеджио и всё остальное, в общем, был полноправным студентом 3-го курса самого лучшего музучилища в Союзе. Но на самом деле далеко не всё было благополучно: дирекция требовала военные документы об отсрочке или вообще о призывном возрасте, а так как у меня их не было, то, следственно, я должен был лететь в Магадан (ещё вторая главная причина – это отказ магаданского музучилища дать мне перевод и выслать зачетную книжку). Да, ну ладно, так как это менее всего интересно, опишу свои «похождения»!

Как только сдал специальность, Беньяминов и Матюшков дали мне направление к директору, который должен был выделить мне место в общежитии. Кстати, Дмитрий Александрович Матюшков мне очень понравился, намного больше, чем Борис Григорьевич Беньяминов. Во-первых, он очень симпатичный как человек, прост и скромен, хотя он блестящий музыкант-баянист. Вообще, очень обаятельная личность! Это всеобщий любимец училища и консерватории. В училище он бывает очень редко, т.к. основная его работа в консерватории и филармонии. Совсем недавно он вернулся из двухмесячной концертной поездки по Финляндии, Австрии и Бельгии. Я лично не знаю, но все ребята говорят, что он произвёл настоящий фурор. О нём много печатали в газетах и зарубежных журналах.

Несколько слов скажу о звёздах училища. Так как пианисты, духовики и оркестровый класс здесь не отличаются от других лучших училищ, то я опущу их без внимания.

Народный отдел, в частности баянисты – считаются самыми лучшими в Союзе.

В своё время это училище окончили П. Гвоздев, А. Беляев, В. Тимофеев, Б. Беньяминов, Лисин, Щецов и многие другие. Сейчас в нём учатся очень талантливые ребята, например Усенко Саша – мой товарищ, Карпов Володя. Чириков к числу талантливых не подходит, т.к. он, оказывается, играет сейчас неважно. А на конкурс он пролез (рассказывали ребята) благодаря своей мамочке – она певица – и своим малолетством.

Как только я расположился в общежитии (оно расположено в 20 км от Ленинграда, в живописнейшей местности), так сразу окупился в жизнь ребят.

Жили мы троём, в одной комнате. Конечно, всё шикарно обставлено: и рояль (немецкий), и гардероб, и индивидуальный проигрыватель, тумбочка, газ и многое другое; само здание очень красивое, имеет сходство с классической архитектурой. На верхнем этаже живут девушки, а на нижнем – художники из Мухинского училища и мы. Ребята здесь все хорошие, только пьют и курят безбодно. Водят в общежитие девчонок – их здесь хоть отбавляй.

23 октября 1963 г., среда

С каждым днём физическая и строевая подготовка всё трудней и трудней.

7 ноября будем принимать военную присягу.

24 октября 1963 г., четверг

Вчера тренировались по наводке карабина, а вечером чистили и смазывали их. Всё было отлично, без одной серьёзной детали: что-то случилось с левой стороны грудной клетки. Два дня назад я долго поднимал гири, и у меня что-то хрустнуло. После этого стала идти кровь (по утрам) из носа и рта. Сегодня не мог делать зарядку. Музыкакой совсем не занимаюсь, даже обещанные «Adagio» и «Листок из дневника» ещё не придумывал.

Боже мой! Как я соскучился по музыке. Чтобы слышать оркестровую ткань... вдумываться в мельчайшие последования... это же огромное счастье!

(...) Ведь сколько она давала мне силы воли. Сколько раз я добивался того или иного только благодаря её божественному существу.

Теперь для меня всё потеряно!

И музыка, и всё то чистое, что я взял от неё и от других. И даже та прекрасная жизнь, о которой я мечтал с детства, – жизнь великого композитора.

Все трудности, лишения, которые преодолевались только лишь благодаря мечте, от которой сил становилось больше, воля – непреклонной, всё это сейчас отошло куда-то в глубину мыслей...

Погибла последняя надежда на путь к мастерству, к известности моей музыки.

Иногда я задумываюсь: почему одним, не имеющим особого желания и влечения к мастерству, достаётся без труда и поисков за чьей-то спиной, а другим, которые горят, словно кометы, находят его путь к композитору, уже известному людям, – закрыт?

Да, жизнь очень разнообразна, а люди удивительные. Стоит кому-нибудь найти что-то новое, прекрасное в жизни людей, в природе, как никто и не заинтересуется этим божественным человеком.

Никто не окажет ему помощь в этих поисках ни материальной, хотя бы ему приходилось умирать с голоду, ни моральной – главного фактора для успешного творчества.

Вот когда этого человека покидает жизнь! Такая цветущая, небесная, полная такими прелестями, как цветы, леса, реки, громадные горы и величественные океаны. Когда этот человек никогда больше не полюбит, а любовь – это цветок жизни.

Если сорвать цветок, то жизнь или погибнет, или же будет мучиться в агонии смерти.

Вот тогда все бросаются (в лучшем случае) к нему на помощь, но... уже поздно. И начинается возвеличивание таланта этого человека. Слава с молниеносной быстротой распространяется по планете, но что же они смотрели раньше?

Когда этот человек жил, смеялся так же, как они, смеялся и плакал, любил и никогда не жалел, что жизнь-то проходит мимо. Из-за своих расчётов и формул, находжений новых гармоний и выразительности музыкального языка лишал себя всех благ жизни.

И вот ему эта благодарность! Вся сполна! Пусть и с большим опозданием, но зато с великим опозданием! Конечно, могло быть намного лучше.

25 октября 1963 г., пятница

Только что позавтракали... Идёт дождь. Удивительно: уже кончается октябрь, а температура воздуха доходит до +16°С.

Сегодня огневая подготовка на плацу. Представляю, как мы будем лежать по пояс в грязи и заряжать и разряжать карабины.

Всё больше и больше хочется писать, учить гармонию, анализировать формы, но проклятое время как будто насмехается над моим желанием и больше разжигает его.

27 октября 1963 г., воскресенье

Вот уже второй раз я дежурю по роте. Сейчас два часа ночи, а я хожу по казарме и осматриваю, все ли укрыты одеялами. Только что выходил на улицу: ночь очень тихая...

29 октября 1963 г., вторник

...И скучно... и грустно... Рядом кто-то бренчит на гитаре и поёт заунывную блатняцкую песенку. А мне всё ещё никто не пишет...

Сейчас нас живёт в одном помещении сто человек. Спим на двухъярусных койках, я сплю наверху.

Погода стоит чудная. Листья уже опали, и по утрам всходит багрово-красная заря. Но даже при этих прекрасных видах природы я не в состоянии написать ни одной нотной строчки. Причин на это много: главное – это нет времени, а потом, есть здесь такие люди, которые своей тупостью и звериным невежеством всякими путями разжигают ненависть против них же самих.

Очень скучаю по моим обожаемым родителям, моей смешной и злоющей Азке, училищу, по ребятам (...).

А особенно сильно скучаю по музыкальным звукам... Баху, Бетховену, Малеру, Чайковскому, Шостаковичу...

6 ноября 1963 г.

Сегодня наконец мы стреляли из карабинов боевыми патронами.

Я выбил 26 очков из 30: попал в 2 девятки и восьмерку. Также уничтожил, одной пулей из двух, движущуюся мишень на расстоянии 200 метров. Получил телеграмму и перевод от папы и мамы!

Завтра замечательный день!

7 ноября 1963 г.

Подъём был, как обычно, в шесть часов. Физзарядка, умывание, заправка постелей и утренний осмотр. Всё это было совершено в течение получаса, затем мы плотно позавтракали и пошли за оружием. Почистив и смазав карабины, наш взвод, так как мы принимали присягу, строевым пошёл на плац.

Здесь уже была вся рота. Наш Серебряков сегодня прекрасен. Ему, как никому, идёт парадная форма.

18 ноября 1963 г., понедельник

Вспоминаю счастливое время, проведённое в Ленинграде. Прекрасные набережные, арки мостов... архитектурные памятники... Всё это как-то отошло в далёкие воспоминания.

Театры, концертные залы, приятные встречи с артистами, знакомства... Но самое живое и глубокое впечатление осталось от вечерних прогулок по Невскому проспекту, по Петроградской, у Петропавловской крепости...

Иногда идёшь из училища им. Мусоргского по Садовой мимо Гостиного двора, пересекая Невский, завернёшь в метро, прокачешься по эскалатору, проедешь до самой красивой станции «Автово», и в консерваторию... им. Римского-Корсакова.

...Последний раз я был 8 сентября на панихиде выдающегося дирижёра и инструментовщика Ильина. Панихида состоялась в Малом зале... играли два оркестра, орган, скрипач, пели номера из h-moll-ной Мессы И.С. Баха и «Реквиема» Моцарта.

Так обидно: ведь мог бы и сейчас учиться, играть на концертах в Ленинграде...

Ежедневно ходить в театры, филармонию... а теперь безысходное положение – служба. Всё, о чём мечтал, на что надеялся, всё разлетелось на куски и улетело в мечты прошлого.

Вспоминаю концерт Давида Ойстраха и Ирины Бочковой: как сейчас помню, в Саду отдыха купил билет, а так как было ещё рано, пошёл в соседний ресторан, заказал себе пива, шницель с зернистой икрой и чёрный кофе. Интересно было наблюдать за хорошенькими девушками и франтоватыми парнями.

Играл инструментальный ансамбль, мне было очень весело и хорошо. Но вскоре время подошло, и я, расплатившись с любезной официанткой, двинулся к выходу.

Когда вошёл в зал, оркестр уже был на сцене. Через несколько минут появился и сам дирижёр – Давид Ойстрах. В этом концерте он выступал не в роли скрипача-исполнителя, а дирижёра.

Первым номером была исполнена Увертюра Р. Вагнера к опере «Морьяк-скиталец».

Изумительная музыка, наполняющая своим реальным звучанием бурлящее море, произвела огромный эффект. Дирижёр и исполнители были удостоены таких оваций, какие не часто выпадают на долю других музыкантов.

Большинство из сидящих в зале были иностранцы и молодежь; они давали основной импульс всеобщему вдохновению. Антракт был очень шумный. Все ходили необыкновенно взволнованные, возбуждённые, много спорили и жестикулировали...

Второе отделение началось «Концертом» П.И. Чайковского для скрипки с оркестром. Солистом была Ирина Бочкова, та самая Иринка, которой я писал свои послания...

Вышла она в белом коротком платье, улыбающаяся и немного смутившаяся. Ну точь-в-точь девочка! Играла, разумеется, блестяще.

Ойстрах ей всё время помогал в тактировании, полиритмии и проигрышах.

Успех был колоссальный!

После концерта я хотел было подойти к ней, но не успел. Она уже шла с Давидом Ойстрахом и оркестрантами к выходу из сада.

24 ноября 1963 г., воскресенье

Ничего нового...

30 ноября 1963 г., суббота

Завтра первая репетиция хора.

Всего в хоре около 70 человек. Подобрал три произведения – это «Кантата о Партии» Добрушкеса, «Данко» И. Брамса и «Сосна» С. Танеева.

Занят целыми днями, работаю как чёрт!

Писем ни от кого нет. Позабыли, позабросили меня.

От Тани так и не было ни слова... На душе от этого остался горький осадок.

1964

Вл. Золотарёв – Н. Лесному

[конец декабря 1964 г.]

Дорогой Николай Александрович!

Поздравляю Вас с наступающим Новым годом и желаю Вам всех благ. Пусть этот год войдёт в Вашу жизнь с новыми впечат-

лениями и радостями. От всего сердца желаю Вам только хорошего в 65 году.

Всегда Ваш, Владислав Золотарёв*⁽⁷⁾.

1965

М. Шагинян – Вл. Золотарёву

Ялта, 18 апреля 1965 г.

Дорогой тов. Золотарёв, не знаю, как и благодарить Вас за все Ваши усилия в защите моей книги! Я уже получила рецензию тов. Лесной (от неё) и ответила ей.

Но мне кажется, Вы несколько «перегнули палку» – Зелинский не стоит такой отповеди. Лит[ературная] газета, конечно, защищая его, защищает себя, так что тут ничего необыкновенного нет. А вот композиторы, к которым Вы обратились, вряд ли что-нибудь сделают, да мне кажется, уже и не нужно. Несколько очень хороших рецензий о книге появилось в разных местах, даже в «Правде» (Ярустовского), это, думается, вполне гарантирует справедливое отношение к книге большого круга читателей. Я уже давно успокоилась (отлегло от сердца) и почти кончила тут в Ялте, работая 7 месяцев, новую книгу. Пока довольна ею, хотя, наверное, после машинки буду править и править.

Когда Вы кончаете службу и будете в Москве? Надеюсь, мы с Вами встретимся, и я послушаю Ваши вещи, а с баяном ближе познакомлюсь.

Шлю Вам сердечный привет и самую искреннюю благодарность. До 12 мая буду ещё в Ялте, а потом в Москве: Москва, А-319, 2-я Аэропортовская, 16, кв. 278 (III корп., подъезд 9).

Мариэтта Шагинян

Когда буду в Москве, подарю Вам Мессу Стравинского, написанную в додекафонной системе Шёнберга, совершенно невозможную для человеч[еских] ушей. Но т.к. она – единств[енный] экзем-

* Письма Вл. Золотарёва были получены Ф. Липсом от Н. Лесного в январе 1977 г. Публикуется впервые. (В дальнейшем обозначается ⁷.)

пляр в Союзе, купленный мною в [19]56 г. в Лондоне, для Вас будет интересно. Покажу и кое-что Мысливечка* (8).

Вл. Золотарёв – Н. Лесному
Уссурийск, в/ч 73638, 1 октября 1965 г.
Дорогой Николай Александрович!

Прошу простить за это письмо и беспокойство, связанное с ним. Но я надеюсь, что Вы правильно поймёте меня и поможете в таком пустяковом для Вас деле.

На днях я был во Владивостоке в институте искусств. Рассказал Ястребову о своём положении. Поиграл ему из своего. Особенно понравился ему Марш-скерцо (или «Триумфальный»), тот самый, что у Вас дома. Читал мою статью о баяне, смотрел переложения. Дал мне дипломную программу: Бах «Концерт № 3» (D-dur) с оркестром, Чайковский «Охота» (сентябрь), Паганини (в моей обработке), Шендерёв «Думка» и Шостакович «Прелюдия и Фуга № 23». Народную пьесу, наверное, буду играть дуэтом – с кем-нибудь из студентов института.

Самое интересное – это то, что когда он просматривал мои сочинения, то увидел несколько посвящений Вам. Спросил, откуда я Вас знаю. Но когда я сказал ему, что учился у Вас, то Юрий Григорьевич изъявил огромное желание познакомиться с Вами. Его очень интересуют методические разработки, которыми Вы занимаетесь. Также он дал мне «Техническую базу по пятипальцевой системе», которую хочет опубликовать. Сходили в музыкальное училище, и он договорился с директором о защите диплома, но для этого мне нужна справка об окончании III курсов нашего музыкального училища.

И, конечно, Николай Александрович, та справка, которую мне выдали в Магадане в ...63 году, не подойдёт. Оценки ставятся прежде всего за знания, а они у меня есть. Если я дирижирую так, как подсказывает мне интуиция (а она подсказывает и над сочинением музыки), то это не значит плохо. Кто виноват в том, что я ни у кого не учился дирижированию и композиции? Конечно, те условия учё-

---

* Первая публикация: *Балик В.* Владислав Золотарёв: життя і творчість. – Дрогобич : Посвіт, 2008. (В дальнейшем обозначается ⁸.)

бы, в которых я находился. Почему-то все удивляются моей игре на баяне. А вот почему я стал так играть – этим никто не интересуется. А ведь не я стал хорошо играть, а Вы научили меня этому искусству. И эта благодарность к Вам останется у меня на всю жизнь. Впрочем, что писать то, о чём я уже не раз говорил Вам. Не знаю, как сложится моя дальнейшая служба, но сейчас пока лучшего и желать нельзя. Я играю в ДОСА на музыкальных лекториях. Сейчас готовлю концерт. Играть буду где-то в середине февраля. Духовой оркестр (сводный) разучивает Чайкина I часть. Не знаю, что получится.

Во Владивостоке виделся с Володей, Сашей Шаповаловым и Юрой. Радости было!!! Конечно, ожидал я от Володи и Юры Шаповалова большего (судя по слухам), но всё равно скачок есть, и внушительный. Особенно у Шаповалова (младшего).

На этом позвольте закончить письмо и пожелать Вам всего доброго. Если что-либо сделаете со справкой, то высылайте как можно скорей, а если уж нет, то, увы... придётся терять год.

Ваш любящий Владислав⁷.

Вл. Золотарёв – Ю. Ястребову

Уссурийск, 5 октября 1965 г.

Уважаемый Юрий Григорьевич!

Я надеюсь, Вы простите меня за то, что не написал сразу по приезде из Владивостока. Оказалось столько служебной работы, что насилиу управился. Очень сожалею, обвиняю всех и вся за концерт Бесфамильнова. Где теперь представится возможность, чтобы послушать его?! Конечно, мне удалось прослушать Концерт Коняева и несколько пьес по телевидению, но всё это не то. Я сейчас сравниваю по памяти исполнение Токкаты и Фуги ре минор А. Беляевым, Ю. Казаковым и вот Бесфамильнов...

Последний раз я слушал Казакова в ...63 году и остался недоволен: в его игре (я имею в виду Баха) было ощущение нервозности, резкости. И вообще он токкату играет довольно-таки резко, много рывков. Понравилось мне исполнение этой же токкаты Анатолием Беляевым. Исполнитель не забывает о принадлежности произведения органу, но и не злоупотребляет этим. Так как всё-таки играет

на баяне (!), которому свойственна беглость. У Бесфамильнова всё очень растянуто (конечно, дай бог (!) мне когда-нибудь так играть), но это моё личное мнение.

Юрий Григорьевич, если позволите, то я справлюсь у Вас на счёт Баха. Во Владивостоке я не придавал значения интригующим словам, сказанными Вами на «моём уроке». Действительно, вопросов много. И первый – это темп. Я уже давно не слышал этот Концерт и совершенно не помню музыки. Мне знакомы баховские аллегро, но здесь же резаный ключ (да притом шестнадцатые). Напишите, пожалуйста, примерную метрику такта (я подразумеваю, четверть = 120). Далее меня интересуют левые октавы: если играть по-оркестровому, то разбросанность клавиш тормозит темп, а купюрки (т. е. восьмые вместо шестнадцатых) звучат жидко.

Вы, конечно, простите меня за нетерпеливость, но дело в том, что «Сентябрь» остался во Владивостоке у приятеля. Что за растерянность?! Я написал письмо, но ответа пока нет. Вот и приходится работать над Бахом.

Да! Кстати, Юрий Григорьевич! Вот уже несколько лет я охочусь за 1-м Концертом ре минор Баха для чембало. Знаю этот Концерт наизусть, но нигде не могу достать ноты. Это же чудо! По-моему (да вообще это так и есть), лучше этого сочинения для инструмента и нет у него. Я отдал бы за него половину своей нотной библиотеки! Даже если мне будет больше семидесяти – всё равно выучу.

Письмо в Ленинград уже отправил. Обещаю приехать во второй половине октября. Не хотел писать Вам об одной неприятности, которая произошла за время моего отсутствия, но т.к. это касается и Вас отчасти, то я решил всё-таки написать. Какой-то отщепенец увёз мой чемодан с нотами (вероятно, он надеялся на авторитетность замков (!), и самое ужасное – это то, что в нём находились мои лучшие ноты и обещанная Вам «Школа» П. Говорушко. Теперь и не знаю, что делать...

Кажется, я достаточно задержал Вас своим письмом. Передавайте мой низкий поклон Вашей супруге (к сожалению, не знаю имени и отчества).

Искренне уважающий Вас, Владислав Золотарёв*⁽⁹⁾.

* Первая публикация: Владислав Золотарев. Судьба и Муза / Сост. П. Серотюк. – Тернополь: Навчальна книга – Богдан, 2010. (В дальнейшем обозначается⁹⁾)

Вл. Золотарёв – Н. Лесному
Уссурийск, узел связи, в/ч 73638, 2 ноября 1965 г.

Дорогой Николай Александрович!

Позвольте мне поздравить Вас с Великим праздником и пожелать Вам всех благ.

Начал писать интересную вещь и надеюсь закончить к осени ...66. Работаю сейчас над сборником упражнений и этюдов для баяна.

Всегда Ваш, Владислав

P.S. Передавайте мои пожелания Евг. Ив. и Элле Ароновне⁷.

Вл. Золотарёв – Ю. Ястребову

Уссурийск, 5 ноября 1965 г.

Дорогой Юрий Григорьевич!

Позвольте мне поздравить Вас с Великим праздником и пожелать Вам, а также Вашей супруге много, много счастья.

С глубоким уважением, Владислав*⁽¹⁰⁾.

Уссурийск, 1965 г.

* * *

Свобода ваша – небо!

Счастье ваше – звёзды!

Стремитесь, люди, к звёздам!

Парите выше неба!

Пусть совесть будет солнцем!

А разум океаном!

Пусть будет жизнь бессмертной

Любовь же – не обманом!**⁽¹⁵⁾

---

* Первая публикация: Владислав Золотарев. Материалы к биографии / Сост. В. Балык. – Дрогобич : Посвіт, 2012. – 440 с. (В дальнейшем обозначается ¹⁰.)

** Первая публикация: *Балык В.* Об исполнении произведений Владислава Золотарёва для баяна. – Ч. 2. – Астрахань, 1992. (В дальнейшем обозначается ¹⁵.)

Б. Ярустовский – Вл. Золотарёву

Москва, 12 декабря 1965 г.

Уважаемый Володя*!

Поздравляю Вас с Новым годом, желаю, чтобы он был для Вас счастливым в смысле исполнения Ваших желаний. Статью я немного подправил и отдал в ж[урнал] «Муз[ыкальная] жизнь», но оказывается, там уже есть Ваша статья. Они обещали разобраться и сообщить мне. Посмотрю и напишу. Б[орис] Я[рустовский]¹⁰.

1966

Вл. Золотарёв – Н. Лесному

Уссурийск, 30 января 1966 г.

Дорогой Николай Александрович!

Спешу поздравить Вас с днём рождения и пожелать самых добрых, самых счастливых дней в Вашей жизни.

Отец писал мне, что Вы сейчас исполняете обязанности директора училища. Это меня радует, но и огорчает. Я всё не мог представить Вас заведующим учебной частью. Простите, даже было несколько обидно... Я очень любил Вас, и сейчас эта любовь не угасла. Жаль только, что Вы так холодно отнеслись к моему «Парафразу», «Маршу-скерцо», «Вальсу». Я вот уже два года играю их, и, знаете, – не надоедает.

А Прелюдия из «Камерной сюиты» – это обожаемая мною вещь. Обидно, что эта вещь, как и предыдущие, также не нашла хоть малейшего отклика в Вашем сердце. А между тем, в ней много нового в гармоническом отношении и неплохой подход к кульминации. Я с грустью вспоминаю свои наивные опыты по композиции. Так хотелось писать! И не у кого спросить, не с кем посоветоваться. Если бы Вы могли понять, как я любил баян! Я хотел видеть его выше фортепиано и поэтому так быстро разочаровался в народных обработках. Мне хотелось играть что-то высокое и всегда чего-то не хватало... Только сейчас я осмыслил истинное предназначение баяна. Ошибкой было бы, играя или перекладывая (а тем более сочи-

---

* Описка, именно так в тексте открытки. – В.Б.

няя) скрипичные, фортепианные произведения, подражать их звучанию. Баян – инструмент органно-оркестровый, и при исполнении всегда нужно исходить из этого.

Я писал Вам уже о встрече с Володей, Сашей и другими магаданцами. Удивило прежде всего то, что багаж знаний ничтожен. Это заставило меня задуматься. Баянист должен быть, как никто из музыкантов, образован не только в музыкальном отношении, но и в разносторонне-художественном и политически-философском отношении. Музыкант силён не техникой, а багажом знаний, где технике отводится самое второстепенное место. При правильной методике и умно поставленной работе можно за год развить такую технику, что другому хватило бы на всю жизнь. Святослав Рихтер стал заниматься фортепиано в 27-летнем возрасте и закончил консерваторию в 29-летнем возрасте за два года. Но если бы не было того багажа знаний, который у него был, то ни за что в жизни он не стал бы тем, кем он стал. Воля! Вот сила, способная совершить прыжок даже от бездарности к гениальности. За эти два года я прочитал много книг. Здесь и труды Яковлева о Чайковском, и книги Ярустовского, Шагинян, Эренбурга. Работы по эстетике Мильштейна, Шнейерсона, Яворского. Сейчас занимаюсь медициной (особенно психологией). Написал «Этюдные зарисовки» (лёгкие этюды для баяна), «Элегию и Откровенность» для скрипки с фортепиано, «Детский триптих» для баяна, «Романтические пьесы» для баяна («Свет луны за окнами струится...»), «Мне опять не уснуть до утра...», Лирический фрагмент, Одиночество, Снегопад и Размышления над письмом). Сейчас с огромным увлечением работаю над мелодекламацией к поэме Евтушенко «Братская ГЭС». Написал «Молитву перед поэмой» – гармонии пяти-шестиголосные, минимум – четырёхголосные. Меня тянет к благородной звучности, и всегда при этом я с каким-то благоговением думаю о Бахе. Кто из композиторов смог добраться до баховских обобщений, драматизации образов? Нет таких композиторов и не будет. Чайковский – лирик, но даже в лирике, как ему далеко до Баха! Простите мне, Николай Александрович, крайний субъективизм. К Баху у меня особая слабость – философичность его музыки.

Но более всего я увлечён сейчас своим Концертом для баяна solo (построен в одночастной форме со сквозным развитием тем). Вся первая половина очень моторная, драматичная (за исключением Интродукции – симфоническое начало). Затем пульсирующая тема размышления и прелюдийное, вихревое окончание. Борис Михайлович написал мне, что мою статью о баяне «Русский или академический?» отнёс в журнал «Музыкальная жизнь». Когда опубликуют, не знаю. Он заканчивает книгу о Хиндемите. Кстати, Вы не читали его книгу об Игоре Стравинском? Чудная вещь!

У меня случилось небольшое несчастье: от переутомления (сплю я обычно 4 часа в сутки) случились сильные головные боли. И теперь я в госпитале со своими нотами, книгами, дневниками. Назначен строгий постельный режим. Убедился в полезности проигрывания пьес по нотам без инструмента. Поражающий результат. И убедился в бесполезности немой клавиатуры (я сделал себе гриф), хотя для укрепления пальцев – незаменимая вещь. Анализирую Баха – Английские сюиты. Набросал обширную статью о музыке и человеческой мысли «Музыка, нравственность и Шекспир», но когда начну править, не знаю. В марте мне необходимо выехать в Харьков на снятие заикания. Принимает меня вне очереди профессор Бауэр. Готовлю лекцию о баяне для Харьковской клиники. По пути хочу заехать в Москву к Мариэтте Шагинян (очень увлечена моей идеей о симфонизации баяна) и Борису Михайловичу Ярустовскому.

Как видите, я серьёзно решил посвятить себя Большой музыке. Теперь мои вкусы не те... Из баянистов мне ближе Анатолий Беляев – серьёзный музыкант. Уже одно то, что, пропагандируя благородство баяна, его академичность, он явился первым исполнителем на электронном баяне.

Собственно, простите, я, наверное, навязываю Вам свои воззрения и вкусы.

Вы всегда относились ко мне с каким-то отчуждением. Что ж, может быть, я заслужил этого. Каждый человек имеет свои слабости.

Ваш Владислав Золотарёв.

P.S. Приветы Евгению Ивановичу, Элле Ароновне⁷.

Вл. Золотарёв – Н. Лесному

Уссурийск, 19 июля 1966 г.

Дорогой Николай Александрович!

Прошу прощения, что долго не писал. На то были основательные причины. Во-первых – глупейшая работа, а Вы, конечно, понимаете, как работают в армии. И увлечение сочинением музыки. За эти полгода я с головой ушёл в композицию, чтобы написать пьесы для авторского концерта. И вот работа близится к концу. Осталось собрать куски «Концерта» для баяна в единое целое и готовить всю программу. Вскоре Вы сможете услышать меня и определить – в чём я поднялся за эти жестокие 3 года, а в чём, может, и опустился..

Вот программа концерта:

Концертная фантазия для баяна с фортепиано (что у Вас)

Гранадос – Испанский танец № 5 (моё переложение)

Чайковский – Сентябрь и Декабрь из «Времени года» (моё переложение)

Вечерняя прелюдия (Des-dur)

Марш-скерцо (a-moll)

Basso-ostinato на 2 нотах из «Детского альбома»

Наваждение при свечах (не готово)

II отделение

Концерт-фантазия e-moll для баяна solo

Черни – Этюд (переложение моё)

Сарасате – Цыганские напевы (переложение моё)

Романтический триптих (не закончен)

Свет луны за окнами струится...

Мне опять не уснуть до утра

Звёзды падают... падают...

Элегия a-moll

Парафраза на тему Паганини

Играю Чакону Баха на память, но из-за трудных работ технически играю несколько медленнее. Особенно где одной рукой. Послушаете – тогда скажете.

Вот, собственно, все мои «успехи».

Теперь о главном. Сколько бы я ни раздумывал о гнесинском училище, как бы ни хотел учиться в Москве, именно сейчас, после службы, но... самый положительный и разумный совет дал мне Борис Михайлович [Ярустовский].

Закончить училище в Магадане и поступать в Гнесинский институт на композицию и баян.

И, по-видимому, этот год я буду в Магадане. Всё упирается в одну нелицеприятную вещь – это положение о демобилизации. А именно то, что к учебному году будут отпускаться лишь те, кто не закончил учебное заведение до армии. И особенный упор ставится на преподавателей (любых). Так вот, не могли бы Вы написать, вернее, отпечатать справку о том, что мне необходимо вернуться к сентябрю и начать учёбу и работу? Я понимаю, что выгляжу невоспитанным малым, но войдите в моё положение, Николай Александрович! Если я не демобилизуюсь в августе, то, значит, потеряю год, т.к. смогу выбраться только в декабре.

С глубоким уважением и любовью, всегда Ваш, Владислав Золотарёв⁷.

Вл. Золотарёв – Н. Лесному

Уссурийск, 28 июля 1966 г.

Дорогой Николай Александрович!

Не нахожу слов благодарности за Вашу доброту и внимание ко мне, к моей судьбе. Мне тем более радостно, что Вы не забываете меня и платите такой же любовью, какой люблю Вас я своей.

При встрече можно будет бесконечно рассказывать Вам об этих трудных армейских буднях. Трудных не потому, что «просто трудно», а трудных оторванностью от умных людей. Трудно жить без поддержки друга, мучительно трудно жить без музыки. Мне пришлось участвовать в тренировочных боях, на учениях, разгружать эшелоны с известью, цементом, углём, песком, кирпичом. Работать физически по 15–16 часов в сутки. Приходилось выслушивать несправедливые обвинения командования, переносить оскорбления и унижения. Но я никогда не забывал Вас, прекрасного человека и музыканта, который дал мне всё то, чем я горжусь сейчас, и то, что помогало мне, когда было невыносимо трудно.

Эта любовь к Вам, к Большой музыке перерастает в обожание, в страсть. И я рвусь к той высокой цели, до которой не каждый добирается. Я воспитываю себя, учу себя и образовываю себя. Я хочу, чтобы Вы гордились мной и, напротив, зная меня, люди гордились бы и восхищались Вами.

Верю, что баян засверкает скоро своей новизной, благородством и заставит восхищаться собой самых злейших апологетов «небаянной» музыки, самых снобистских музыкантов.

Страшно соскучился по Вам. Печально будет, если меня не демобилизуют в августе.

Высылаю кусочки из «Концерта». Жду ответа.

Привет «старожилам» и супруге.

Всегда Ваш, горячо любящий и уважающий Владислав Золотарёв⁷.

Вл. Золотарёв – Н. Лесному

[Уссурийск, конец июля 1966 г.]

Дорогой Николай Александрович!

Только что отослал Вам свои эскизы и решил переговорить с новым замполитом по вопросу демобилизации. Показал ему Ваше ходатайство. Он, как человек неглупый (глупого еврея я ещё не встречал), посоветовал мне написать Вам ещё раз. Чтобы Вы написали такую же бумагу на имя командующего Дальневосточным Округом или, ещё лучше, члену военного совета (генерал-майору Тюрневу).

Наш комбат не заинтересован в моём отъезде и может это дело замять.

Надеюсь, Вы простите, Николай Александрович, моё невежливое настырство. Вы должны понять меня.

Желание учиться и играть – это одна сторона дела. Но не меньшее желание – это увидеть Вас, обнять Вас, поговорить с Вами.

Всегда Ваш, горячо любящий Владислав⁷.

Б. Ярустовский – Вл. Золотарёву

[Москва, август 1966 г.]

Дорогой Владислав!

Спасибо за Ваше хорошее, пространное письмо. Оно свидетельствует о хорошей черте характера: Вашей пытливости

и любознательности. Это ценные качества. Однако важно, чтобы в широком круге Ваших интересов было и главное, чему Вы посвящаете львиную долю своего времени, энергии мысли и чувства. Надеюсь, она есть, и это – музыка. Свободное время, как мне лично кажется, Вы должны посвящать изучению и практике с тем, что придя из Армии – попали в Институт и учёба пошла на подготовленной почве семимильными шагами. Судя по присланным Вами пьесам (многие из них хорошие по мелосу), хорошо было бы, чтобы Вы хотя бы первоначально самостоятельно познакомились с полифонией. Есть ли у Вас учебник? Хотите, я вышлю? Особенно в совр[еменной] музыке, как Вы знаете, именно полиф[онические] формы стали фактически главными. Вчера начался пленум Союза, был первый концерт. Настоящий успех имела симфония эстонца Пярта – «Полиф[оническая] симфония» с современными звучаниями: первая часть «Каноны», вторая – «Фуга». По содержанию это не особенно сильно, но звучание любопытное, интересное – молодежь постоянно бурно реагировала. Неплохая симфония Пейко.

В Вашем интересном письме есть некоторые моменты, о которых мне коротко хотелось сказать Вам!

1. Высказывания о музыке читать необходимо, и разные люди по-разному воспринимают её. Однако вряд ли надо ставить в один ряд Маркса и ...Кожевникова.

2. Верно наблюдение над Свиридовым – развитие в крупной форме не сильная сторона его.

3. Великий композитор не должен гнушаться и массовыми жанрами, поэтому я не согласен с Вами по поводу обличения Шостаковича за оперетту. Этот жанр пользуется популярностью у массового слушателя. Следовательно, нельзя отдавать его «на откуп» ремесленникам.

4. «Хиндемитовский атонализм» – это неточно. Хиндемит никогда не ратовал за атональную музыку.

5. Мне не понравились Ваши строчки о службе в Армии. Ваш «долг» нести народу радость будет лишь тогда, когда Ваши сочинения и исполнения будут на уровне высокого искусства, и тогда

уместно будет говорить о Вашем назначении и миссии в жизни. Пока же надо к этому подойти. Кроме этого, когда я был в Армии, я тоже был порой недоволен «зверствами» капитана-воспитателя, его стремлением создавать нарочитые трудности (учёба в 30° мороз, слякоть, дождь), а потом на войне вспоминал о нём с благодарностью, ибо он приучил к трудностям, закалил волю... Так что «нет худа без добра!» У Вас ещё жизнь впереди. Желаю Вам всего доброго.

Б[орис] Я[рустовский]¹⁰.

Вл. Золотарёв – Н. Лесному
Уссурийск, 18 августа 1966 г.

Дорогой Николай Александрович!

Вчера впервые обыграл концертную программу со следующим содержанием:

I отделение:

Бах – Чакона
Альбенис – Малагенья
Гранадос – Испанский танец
Шопен – Вальс (f-moll)
Чайковский – Декабрь
Сарасате – Цыганские напевы

II отделение:

Парафраза на т[ему] Паганини
Дикусаров – Размышление
Репников – Каприччио
[Золотарёв] – Прелюдия, Вальс, «Bassoostinato»
и Марш-скерцо из «Юношеского альбома»
Холминов – Финал из Сюиты

Мне посчастливилось недельку позаниматься, и в результате – концерт. Боюсь, что радость моя мимолётна, т.к. уже сегодня снова «военщина». Утешает то, что осталось немного, и надеюсь всё-таки увидеть Вас в полном здравии.

Ваш Владислав⁷.

Вл. Золотарёв – Н. Лесному
Уссурийск, 21 августа 1966 г.

Дорогой Николай Александрович!

Поздравьте меня, вчера выступал с авторским концертом по уссурийскому радио. Играл семь пьес. На редкость удачно. 16 августа давал сольный концерт в Доме культуры шахтеров. Приняли хорошо. Играл то же, что написал в открытке. 28 августа (запланировали с отделом культуры) буду играть в Доме культуры железнодорожников, 4 сентября – в госпитале. 8 сентября – в культпросветучилище. В конце сентября – в ДОСА, а потом, если удастся, то во Владивостоке. Но на это очень мало надежды. Бесспорно, все эти концерты явились вызовом местному политотделу, который из-за тайной недоброжелательности ко мне отказал в досрочной демобилизации. А «недоброжелательность» эта заключается в том, что я, будучи организатором «Эстетических вечеров», проявил к ним резкую непримиримость по отношению к их тунеядствующему образу жизни. Являясь непосредственными начальниками политотдела города Уссурийска и занимаясь вопросами идеологического воспитания солдатской молодежи, они, собственно говоря, никаким воспитанием не занимались. И мало того, не помогали, не разрешали и всячески препятствовали мне организовывать в городе эти вечера. Я писал обо всём этом с горечью и возмущением в «Красную звезду», члену военного совета, в Главное политическое управление. Им, разумеется, было много неприятностей, и в моём лице они видели перед собой «ярого врага Советской власти». В спорах с этими деревянными «солдафонами» приходилось каждый раз напоминать об истинном ленинском понимании назначения искусства, а не в том понимании, какое присуще им. Именно в этом их недоброжелательство ко мне. А солдаты, пусть, может быть, они и не любят серьёзной музыки (не по своей вине), но они превосходно отличают людей и разбираются в их внутреннем мире. И если до этой минуты люди верят мне, уважают, а многие и попросту любят взаимно, то они с таким же темпераментом ненавидят всё это офицерское бюргерство, весь этот бонапартизм. Когда идёт такой «бонапарт» и не отвечает на приветствие, когда он оскорбляет тебя, как последнюю скотину, ког-

да он орёт на тебя, брызгая гадкой слюной, то со страхом думаешь: неужели это советские люди? Ведь они носят у сердца партийные билеты. И тут же приходит мысль, что сколько их, прикрывающихся ленинскими идеями, подлецов, которые тайком и незаметно разжигают в людях ненависть к существующим порядкам.

«Концерт» пока отстаивается. Последнее время много импровизирую на непрерывную полифонию (полифонию относительную и крайне абстрактную).

У меня товарищ-пианист из одесской консерватории, так ему страшно нравятся эти импровизации. Ну, вот и всё. Жду ответа.

Всегда ваш любящий, Владислав⁷.

Вл. Золотарёв – Н. Лесному
Уссурийск, 28 августа 1966 г.

Дорогой Николай Александрович!

Очень встревожен Вашим молчанием. Если поводом к этому явились мои просьбы, то простите.

Ещё раз можете поздравить меня с удачей. Сегодня дал два сольных концерта. Первый для учителей (после конференции), второй для общественности города во Дворце культуры. Концертами остался доволен, что случается крайне редко со мной. Как только отгиснят рекламы в типографии, так я сразу же постараюсь выступить во Владивостоке. Всем нашим передавайте привет. Жаль, что судьба карает меня. До слёз жаль...Ну да ладно...

Пью Ваше здоровье. Преданный Владислав⁷.

Вл. Золотарёв – Ю. Ястребову
Уссурийск, Узел связи в/ч 73638, 30 августа 1966 г.

Уважаемый Юрий Григорьевич!

Как Вы находите, если я приеду в сентябре на маленькую консультацию? Ваш Бах в полном здравии, и я захвачу его, а то держу уже около года. В августе дал несколько концертов. В I отд[елении] играю классику. Во втором – свои миниатюры, а также совр[еменную] баянную музыку. Сегодня (на 100-летие Уссурийска) играю во Дворце культуры. Как Вы считаете, если

большой зал и недостаточная акустика, то нет ли предвзятости в использовании микрофона?

Супруге наилучшие пожелания.

С уважением, Владислав Золотарёв⁹.

Вл. Золотарёв – Ю. Ястребову

Уссурийск, 4 сентября 1966 г.

Дорогой и многоуважаемый Юрий Григорьевич!

Получил Вашу записочку. Очень рад, что Вы не против того, чтобы я расстроил Ваш благозвучный мир своей какофонией исполнения.

После прошедших концертов «отдыхаю», т.е. из-за большой загруженности работой совсем не беру в руки баян. Чтобы Вы были примерно в курсе, в чём же суть моего визита, то хочу разочаровать Вас: игра моя не блещет мастерством и мало чем изменилась от прошлого года. Свежих произведений нет, а получать их неоткуда. Но в смысле самообразования двигаюсь. Борис Михайлович (Ярустовский) выслал мне учебник полифонии для композиторских факультетов консерваторий. И я сижу над канонами. Пишу сейчас крупное сочинение для баяна. Что – не знаю, но что-то вроде Концерта (соло), Сонаты, Симфонии или ещё какого-нибудь названия. Визит мой заключается в том, чтобы посоветоваться о форме, фактуре, словом о том, как построить формулу сочинения, чтобы оно было глубоко содержательным (т.е. целостным), выразительным, говорило бы всеми имеющимися средствами и, главное, не напыщенным. Я наизусть знаю Концерт и Сонату (Вторую не слышал) Чайкина, Концерты Рубцова, которые играл ещё в училище. Но совершенно не знаком с Концертом Мяскова. Особенно хотелось бы «посмотреть» Репникова: Концерт-поэму и дикусаровский молодёжный Концерт. Кстати, играю его «Размышление», которое так мило, что выучил его на память за день перед одним из концертов.

Вы, конечно, не знаете, что с того времени, как я был у Вас последний раз, я совсем не занимаюсь. Те пьесы, которые я играю в программе, не «вылетают из головы», и за память я спокоен. Вот техника желает быть лучше, но... отражается цемент.

Демобилизация задерживается по вьетнамским причинам. Я написал докладную-прошение на имя Малиновского, но что из этого получится, предугадать трудно.

Читаю много. Плехановские воспоминания о Скрябине очень интересны. Наконец-то прочитал манновского «Доктора Фауста». Трагедия художника! Подумалось, что атональная система Шёнберга – великое будущее музыки. Собственно, вся великая музыка отразилась в «чистых сферах» – Бах, Моцарт, Бетховен, Малер, Таннеер, Скрябин.

Отчасти Прокофьев и Шостакович (без оперного уклона). Стравинский – это сплошная «чистота», я бы сказал, «небесная чистота».

Всё глубже познаю марксистско-ленинскую теорию. Не зная философии и не владея этим оружием, нечего и помышлять о борьбе против косности, рутинёрства и невежества в искусстве.

Приеду в середине сентября. Супруге от меня наилучшие пожелания.

Всегда Ваш Владислав Золотарёв⁹.

Вл. Золотарёв – Н. Лесному
Уссурийск, 16 сентября 1966 г.

Дорогой, горячо любимый Николай Александрович!

Как я благодарен Вашему письму!

Думал, уже забыли. С волнением читал строчку за строчкой. Рад, что вынашиваете капитальную работу о баяне. Ведь до сих пор не написано (вернее, не опубликовано) ни одной книги, стоящей своего назначения. И Алексеев, и Полетаев, и вот новая работа о пятипальцевой системе Ястребова – это всего лишь частные концепции авторов, блуждающих, колеблющихся, сомневающихся в своих же рефератах. Баянисты развиваются интуитивно. Кто полубознательней, повнимательней к чужим успехам, построже к себе, тот может стать превосходным музыкантом. А кто кидается от одного совета к другому и не в состоянии проанализировать все эти перипетии в баянной методике, тот может стать только одним из ста равных ему музыкантов. Главное – это всегда быть в поиске. Я, например, знаю, что только тогда стану хорошим музыкан-

том, если буду заниматься не на одном баяне и не одной музыкой. А буду прилично владеть фортепиано, не буду профаном в философии, других науках. Я должен сочинять, а для этого обязан много изучать, начиная от полифонии и кончая современными партитурами, которые, к сожалению, нигде не найти. Если Вы читали мою статью «Русский или академический?», у отца она должна быть, то сразу увидите, к чему я стремлюсь. Это синтез – органная мощьность и баянная подвижность («бисер»), скрипичная распевность и клавесинная прозрачность. Будущее музыки будет в неразрывности с наукой, и электронный баян Беляева – это всего лишь обезьяна в истории развития человеческого общества. Когда-то лютия на протяжении нескольких столетий являлась любимейшим инструментом, но была вытеснена более выразительными и богатыми инструментами. Готовый баян уже отходит. Ещё лет 6–7, и в музыкальном училище не найдётся баяниста, играющего на готовом баяне. Я сейчас уже боюсь, что через год, поступая в консерваторию, могу выглядеть неумно, а вот где приобрести выборный баян – это сплошной лабиринт поисков.

Немного о себе.

Вот уже 3 года присматриваюсь к Третьей Партите Баха (ми мажор). Скрипичную партию играл – чудесная! Прелюдия моторная, солнечная. Два менуэта, Гавот и Жига. Напишу транскрипцию для баяна, но для этого нужно знание полифонии. Я писал, что Борис Михайлович выслал мне учебник полифонии для теоретических и композиторских факультетов консерваторий, и я штудирую каноны. Трудно, но возможно. Мечтаю через года два выступить с серьёзной программой (Бах, Шостакович, Щедрин, Барток, Хиндемит, Барбер, Шёнберг), а пока готовый баян... и концерты несуществимы.

Кстати, гастроли мои по воинским частям сорвались из-за маленького несчастья. На днях я сорвался с вагона и ушиб позвоночник. Вчера оперировали, теперь лежу в госпитале. Демобилизация в декабре. Ребятам от меня наилучшие пожелания.

Обнимаю, всегда Ваш Владислав.

P.S. Почему ни слова об эскизах Концерта?⁷

Вл. Золотарёв – Ю. Ястребову

Уссурийск, 5 октября 1966 г.

Многоуважаемому Юрию Григорьевичу.

Получил Ваше письмо. Бесконечно рад и благодарен, что не забываете. Здоровье моё превосходно, и я намечаю уже план поездки для встречи с Вами. Удерживает пустой карман... ведь Вы знаете, что в армейских условиях нечасто раздаётся звон медяков и поэтому приходится терпеливо ждать (!).

Ваше письмо меня несколько смутило. Во-первых, или я расплывчато и непонятно изложил свои мысли насчёт «техники» и «музыки», или же Вы не так поняли меня.

Когда я писал об этой самой «технике» и «музыке», то подразумевал под первым понятием пустое виртуозничанье, но никак не средство выражения. И, бесспорно, относил всё это не к исполнительской практике, а к композиторской. Хочу пояснить на таких примерах: например, бесчисленные этюды Черни, Мошковского, Рубинштейна почти бессмысленны, хотя и говорят о каких-то чувствах, эмоциях.

Подобные этюды трудны не столь по средству выражения, сколь по характеру композиции. Шопеновские и листовские этюды не менее трудны, но трудности эти преодолеваются значительно легче, чем трудности хотя бы рубинштейновского стиля. Потому что в них заложена глубокая мысль, дающая огромную двигательную силу и даже заслоняя чуть ли не добрую половину трудностей. Конечно, эффекты нужны, если они совокупируют с замыслом автора и развёртывающейся во времени музыкой. В бетховенских симфониях ударные эффекты. Они вносят в муз[ыкальную] ткань новые элементы мышления и поэтому не мешают эффектности, а дополняют её. Чайковский же «переборщил» в «шабаше» (IV ч.) «Манфреда» из-за эффектной «вагнеровской» меди и излишеств ударных, музыка (по своей идее) не производит того впечатления, что удалось автору «Фантастической симфонии». Получилась фальшь. Теперь о баянном исполнительстве, вернее о «композиторской технике»...

Хочу напомнить Вам несколько баянных обработок, которые я в своё время играл и которые хорошо знаю («Коробейники» Гав-

рилова, «То не ветер ветку клонит» Онегина, обработки Паницкого, Суркова, Мотова и т.д., и т.п.). Стоит ли говорить, что большинство из них – примитив? И это вполне естественное явление: не зная приёмов композиторского письма, не анализируя лучшие образцы вариационных форм (Глинка, Бетховен, Чайковский), первые советские баянисты создавали неполноценные обработки русских и других нар[одных] песен.

Вам хорошо знакомо подобное «творчество» Чапкия, Горенко, Подгорного. Последний неплохо владеет формой и гармоническим письмом, но вот мелодического дара он, как мне кажется, лишён. Богатейшая гармония, современная ритмика, чувство формы (...), а в сущности – голая музыка. Отсутствие мысли. У Шалаева прекрасный «вариационный мелодизм», юмор, богатейшая мысль, но гармонические и полифонические приёмы устаревшие, перекочевавшие в историю музыки, в муз[ыкальную] литературу.

То же произошло с Сурковым, Мотовым, Онегиным (в некоторой степени и с Чайкиным), а всё из-за односторонности развития.

Многие баянисты-композиторы забывают, что баян – не гармошка и не ф[ортепиано]но (также относится и к перелож[ениям]), а тем более – не скрипка и не виолончель. Баян – это орган в миниатюре, а тот, как известно, соперничал с оркестром. Поэтому, сочиняя или перекладывая какую-либо вещь, необходимо помнить об оркестровых качествах баяна, о том живом дыхании меха (подобно скр[ипичному] или виол[ончельному] смычку), которое почти отсутствует у ф[ортепиано]но и даже органа.

Баян – сугубо «полифонический инструмент» и требует к себе именно такого подхода. К тому же и музыканты, забредшие в дебри гармонических сочетаний, поворачивают к тому, от чего когда-то отталкивались, а именно – к полифонии. В этом смысле почти не изучен Хиндемит, а о Шёнберге и говорить нечего. Совесть за музыковедов, которые не видят в его системе новых порослей в науке полифонии. Шёнберг предупреждал, что «двенадцатитоновая система» – не догма и требует к себе не «механического» подхода, как характеризуют многие корифеи теоретического мышления, а творчества, в подлинном смысле этого слова.

У Репникова прекрасная музыка. Пружинисто-сжатая, густая, словно коринские мазки. Гармонически ясная. Свежий мелодизм, смелый в своём решении замысел... всё это чудесно. Но вот бы придать этой жизненной музыке ещё и полифоничность, вот тогда «на все сто» – долголетие, а то и – бессмертие.

Чем силён Бах и другие полифонисты? Да тем, что сама природа полифонии «природна», т.е. никто никому не подчиняется, но все взаимозависимы. Зависимость эта исходит от самых мельчайших частиц до несущихся галактик. Противоречия, борьба противоположностей...

Гармония в этом смысле бедна. Шостакович, Шёнберг, Хиндемит, Барбер (не всегда, правда), Щедрин тем и сильны, что умело преобразуют гармонию в полифонию. Композиторы же баянисты по-прежнему топчутся в эпохе романтизма и кучкистов (да как топчутся!).

Дикусаров – очень своеобразный дар. Он лирик, и этим-то его музыка заставляет нас думать, а не только наслаждаться или «кричать лозунги». Чувствуется, в нём заложены огромные силы, которые со временем вырвутся на свободу.

Обидно то, что почти не слышишь всего нового, не имеешь под рукой свежих нот. Интуиция – дело хорошее, но когда она подтверждается на практике, то приобретает уже силу доказательства.

Вы правильно оцениваете работу Николая Александровича. Разумеется, когда я писал о «находке для музыканта-баяниста», то, бесспорно, не характеризовал её как «путеводитель по лабиринтам исполнительских проблем». В этом вопросе я полностью с Вами, но расхожусь с «глухонемыми».

Ведь согласитесь сами: можно быть превосходным исполнителем, но не заметить и не проследить за теми биолого-физическими явлениями, которые проистекают в период становления его виртуозного мастерства, не увидеть тех психических задатков, ускоривших это становление.

Но можно и не быть исполнителем (даже посредственным), а, обладая тонким чувством видения, разносторонностью, научностью обобщений, создать ценнейший реферат для исполнителей

всех видов, а убедившись в практичности такого реферата, можно смело объединить воззрения, кое-что изъять, а кое-что дополнить.

Вся беда в том, что баянное исполнительство во многом отличается от исполнительских школ других инструментов. Здесь надо учитывать и вес инстр[умента], и его объём, клавиатуру, ремни, мех, упругость и «посадку» клавиш. Всё это связано с исканиями окончательной конструкции баяна и явно затрудняет методистов. Что ж, подождём, – увидим.

Но моё мнение прежнее: лучшая методика – это как можно больше играть произведений и особенно крупной формы.

Баян в руки не беру который месяц. Страшно становится... Демобилизацию задержали до декабря, в итоге – полугодие на подготовку дипломной работы. Маловато. Самое страшное – это дирижирование. «Махать» руками для отметки, как демонстрируют многие, я не хочу. Решил на следующий год в Москву «двинуть».

Кстати о Бахе... За исключением «Прелюдии» (Англ[ийская] сюита) всё переключается сносно. Это не прелюдия, а настоящее «сонатное рондо». Придётся или купюрки допустить, или же внести свои «соображения», что крайне опасно с Бахом...

Пожалуй, всё. Передайте мой искренний привет Вашей супруге. Искренне Ваш Владислав Золотарёв⁹.

Б. Ярустовский – Вл. Золотарёву
[Москва, октябрь 1966 г.]

Простите, Владислав, что опоздал с ответом. Неважно себя чувствую и завтра, видимо, ложусь в больницу на обследование...

О произведениях. «Сказка» неплоха по мелодии, но мало развития, а сказка на то и сказка, что в ней происходят события, которых в музыке не чувствуется. Непонятно: *Agitato misterioso* и... *dolce* – мало совместимо и координируется с характером простой, «уютной» мелодии. О концерте сказать ничего нельзя. Это только начало (...). Политональности, по-моему, для Вас рановаты. Это место получается хорошо, когда очень оправданно, непонятно зачем это... Желаю Вам всего лучшего. Б[орис] Я[рустовский]¹⁰.

Б. Ярустовский – Вл. Золотарёву

[Москва, ноябрь 1966 г.]

Как поживаете, Владислав?

Я очень виноват перед Вами – я не сумел ответить вовремя: был болен, кончал книгу, переезжал на новую квартиру – в общем, дел было много, и эта «карусель» не дала мне возможности ответить вовремя... Сколько Вам осталось служить? Мне осталось не совсем понятно, как Вы из училища попали в Армию – где же Вы теперь, может, Вы демобилизовались? Напишите. Я знаю А.С. Илюхина – он сейчас деканом в Институте (*им. Гнесиных. – Ф.Л.*). Туда сдать очень трудно. Книга Мазеля редко бывает в букинистических магазинах. Если будет, пришлю.

С уважением – Б[орис] Я[рустовский]¹⁰.

Вл. Золотарёв – Н. Лесному

Уссурийск, узел связи, в/ч 73638, 4 ноября 1966 г.

Дорогой Николай Александрович!

Поздравляю Вас с Великой XXXXIX годовщиной и желаю крепкого здоровья (ибо это главное всего), счастья и успехов в педагогическом творчестве.

Демобилизуюсь, по-видимому, через месяц (не раньше). Вернулся к Концерту. Пишу клавиру, а также заполняю те пустоты, которые проглядывали вообще в форме. В голове столько планов! А знаний не хватает, да и где их было нахватать!

Мечтаю поучиться у Шостаковича, но разве с моим скромным дарованием?

Любящий Вас, Владислав⁷.

Вл. Золотарёв – Ю. Ястребову

Уссурийск, 18 ноября 1966 г.

Дорогой Юрий Григорьевич!

Очень, очень рад был Вашему письму. Я не скрою, уже давно ждал от Вас именно такого откровенного и глубоко искреннего письма. И вот наконец оно передо мною...

Конечно, мне нужно много и много раз извиняться перед Вами за несвоевременные ответы, но я снова повторяю, что я порой не вправе распоряжаться своими действиями и поступками. Это уже страшно не ново и не оправдывает меня в Ваших глазах, но всё-таки маленькая надежда теплится в моей душе, что Вы простите и эту очередную нетактичность.

Мне приятно, что Вы не забываете того неловкого баяниста, который играл Вам (заигранными пальцами) пародию на Баха и Чайковского. Приятно потому, что не придаёте значения периодичности, временности, что случается с каждым, даже гастролирующим солистом.

Некоторые педагоги и солисты-музыканты забывают эти непреходящие случайности, которые не раз случались в самой их практике.

Не сомневаюсь в добропорядочности Николая Яковлевича (Чайкина), но он порою мог принять за «чистую монету» исполнение незнакомого музыканта за истинное, например, когда я играл в ...63 году в Москве Шопена и Репникова, то получил незавидную характеристику – «баяниста-сентименталиста» (о Шопене). Бесспорно, Николай Яковлевич не ошибся, охарактеризовав моё исполнение именно так, потому что он привык рассматривать тв[орчест]во Шопена, как искусство героическое, чуть ли не революционное. Хотя, если взять и перенестись в эпоху Шопена, Листа, Делакруа, Жорж Санд (не трогая Гейне с Гервегом и не задевая Фрейлиграта), то именно тв[орчест]во Шопена (но не Листа) было салонным, абстрактно-гуманным и, если хотите, сентиментальным. Шопен, несомненно, ненавидел всю эту «патрициану» французских салонов, но произвольно поддавался самообману и сочинял возвышенную, романтическую музыку. Поэтому, исполняя Шопена, нужно исходить именно из тех «лабиринтов звуковых образов», которые наиболее близки современникам Шопена и в первую очередь Мицкевичу. Их мышление, их мировоззрение очень сходно с философией современного экзистенциализма. И подменять её (затерянность идеального человека) какой-то революционностью, наивным оптимизмом просто-таки неумно. Именно эта затерянность человеческой личности,

благородной и высокой в своём устремлении, затерянность среди буржуа, среди пошляков и подлецов побуждала к субъективистскому отношению к действительности не только лишь одного Шопена, но и Малера, и Брукнера, и Рих[арда] Штрауса, и Шёнберга. Побуждает она и Шостаковича.

Впрочем, я увлёкся и, наверное, поднадоел Вам со своей философией. Мне не удивительно было читать Ваши грустные размышления о лекториях «Русские нар[одные] инструменты» и о «курсах повышения квалификации», о директорстве муз[ыкального] училища и об отношении к этому горкома КПСС и управления культуры. Подобное мне пришлось испытать, и я знаю, что такое формализм, бюрократия и зловредная косность. И эти явления вполне закономерны; объясняются и житейски, и философски. Старое не понимает нового. Оно забыло, что когда-то тоже было молодым, также боролось, ругалось, скандалило за прогресс, за передовое начало, но со временем, достигнув желаемого, приняло за априори то, к чему стремилось. Оно замкнуло это «априори» в догматические рамки и серьёзно убеждено, что молодое – это «незрелость», «поверхностность» и «беспорядочность» движения.

В.И. Ленин не раз подчеркивал опасность для истинного революционера-марксиста в том, что последний может «свихнуться» от опьянения достигнутых успехов в чём-то и перейти в лагерь мелкобуржуазной рухляди, в лагерь филистеров совершенно бессознательно. Но об этом, по-моему, довольно.

Я очень рад, что Вы занялись литературным «ночничеством». Ничто так не развивает, ничто так не помогает, как многосторонность занятий, работы или тв[орчест]ва. Мне это особенно хорошо видно из того, что я за последние годы «совсем не занимаюсь музыкой», тем не менее замечаю, что расту и расту не по дням, а по часам (мне кажется, играть скромностью именно здесь, в этом случае наивно). Действительно удивительно! Изучаешь философию и другие искусства, не прикасаясь к музыке, а музыка не забывается, наоборот!

Новые мысли, новые чувства, переживания, эмоции появляются в сознании, чего ранее и близко-то не было. Очень интересно бы взглянуть на Ваши рукописи. Интерес усиливается вдвойне,

потому что я по-прежнему «работаю» над своей брошюрой о реализме, и мне было бы полезно ознакомиться с Вашими мыслями о баянном исполнительстве, так как я развиваю свои собственные мысли о реализме не только в искусстве вообще, но и в искусстве музыки.

Интерес усиливается ещё и тем, что это новая работа и, конечно, интересная, т.к., судя по Вашей «тех[нической] базе баяниста», у Вас просто-таки талант методиста. Хотя я и не играю Ваши упражнения (эти кретины запретили мне заниматься музыкой), но я буду играть их, буду рекомендовать другим баянистам, потому что в них заложено зерно «баянности». Да, именно баянности! Они легкие, удобно-исполнимы, но полезнее в сто крат упражнений Ганона или Маргариты Лонг. Полезней тем, что они «баянны», а не «фортепианны». Специфика баянного исполнительства и форт[е]пианного исп[олнительств]ва – это два разных берега одной реки, а баянисты (за исключением нек[оторых]) ещё не понимают этого.

Из Вашей программы мне понравился больше всего Гендель. Концерто гротто соль минор я пытался переключивать четыре года назад для одного баяна, но так и не закончил его. Первая часть, серьёзная и величественная, более всего поддавалась купюровке, но остальные части испугали меня тогда своей неподатливостью.

Конечно, на одном баяне Гендель звучит не полно. Если Бах не страшится смелых эффектов и экспрессивности, то Гендель в этом отношении не был активен. Его мысль ближе к схоластике, чем к объективности, и дышит абстрактностью в понимании свободы, счастья, равенства. Его личное Я выносится иногда не только над собой, своим сознанием, но и человечеством. Оно витает в таких высотах, что человеку страшно от мысли, что они недостижимы для него.

Бах же хотя и не ниже летает Генделя, но он всегда с человечеством, и люди чувствуют это. Поэтому (мне так кажется) Бах приматирует над Генделем, хотя у последнего и более величественная музыка, более далёкое (абстрактное) мечтание об идеале человечества.

Собственно, это мои субъективные мысли, и мне думается, им не стоит придавать большого значения и внимания.

Ваши мысли насчёт Магадана и Киева (Гелис) мне нравятся. Необходимо как можно больше ездить, присматриваться, спорить, сомневаться, чтобы наконец найти себя. Да и сознание того, что ты «не в хвосте», что тебя знают (некоторые бы желали вовсе не знать), очень помогает и выручает в критическую минуту. Одному трудно и почти невозможно бороться с «рутиной», а когда есть друзья «по мысли и духу», апологеты и на крайний случай поклонники (пошло звучит!), то бороться значительно легче.

Заинтересовался книгой Швейцера (о Бахе). Я много слушал (в записи) Баха в его исполнении. Без сомнения, как органист – он украшение нашей эпохи, но как с писателем я совершенно не знаком с ним. Разумеется под «писателем» я подразумеваю теоретика-музыковеда, как, например, Ярустовский, Мазель и другие.

Кстати, как Вы смотрите на Шнеерсона? Я слежу за ним с... 58 года, и всё более разочаровываюсь в его таланте аналитика. Ну, разве допустимо писать о ком-то, разбивать тв[орчест]во кого-то (Хиндемита, Стравинского, Онеггера), перечёркивать всё и объявлять какофонией, а потом «стирать» эти перечеркивания и реабилитировать тогда, когда реабилитируют все те, кто не признавал гения этих современных худ[ожников]. Над Шёнбергом по-прежнему висит подобное облако «экспрессионизма» и «додекафонии», но справедливо ли?

И последнее. Страшно удивился Вашему самобичеванию. Откуда оно? Или это просто настроение? Конечно, «сквозняки в голове» не почётное явление, но таких сквозняков ещё никто не избегал, особенно в период становления. Маркс перед смертью сокрушался, что совершенно «опрофанился» перед Россией: поздно изучив русский язык, он так и не успел познакомиться глубже с русской культурой. Да мало ли примеров! Если у Вас «неповоротливы извилины» (из письма), то у меня они ещё в глубоком сне. Но я бужу их, колочу изо всех сил в эту загадочную черепную коробку, о которой наука знает ровно столько, сколько крот о мироздании. Разбужу ли?

Вот, пожалуй, и всё. Искренне Ваш Владислав.

P.S. Семейству «холостяцкий» поклон. Только я не совсем понял, что за семейство. Неужели?... Напишите⁹.

Б. Ярустовский – Вл. Золотарёву

[Москва, 7 декабря 1966]

Дорогой Владислав!

Извините, что опоздал с ответом. Только что кончили международный симпозиум по истории музыки XX века. Насколько я понимаю, в декабре (т.е. когда придёт это письмо) Вы уже станете гражданским человеком и желания Ваши сбудутся. Желаю Вам, чтобы дальнейшая судьба сложилась по Вашему желанию. Хотя я не разделяю Ваш скептицизм по отношению к военной службе: мне она дала и много хорошего – волю и закалку, это в жизни тоже кое-что значит! Вообще в жизни важны разные впечатления, пусть и связанные с некоторыми «жертвами». Возраст Ваш ещё это позволяет. Жизненный скепсис ещё рановато у Вас начался... Надо больше ощущать в ней хорошего. Без этого ощущения трудно жить. Особенно творческому человеку. Поздравляю с наступающим Новым годом. Нового 1967 года – который должен открыть новую главу Вашей жизни. Пусть она будет для Вас счастливой⁸.

Вл. Золотарёв – Ю. Ястребову

Уссурийск, 8 декабря 1966 г.

Дорогой и глубокоуважаемый Юрий Григорьевич!

Наконец-то я получил Ваше долгожданное письмо и, не откладывая, пишу ответ.

Что мне ответить на Ваше неожиданное послание? Ибо оно действительно явилось неожиданно и весьма кстати.

Если на него отвечать полно, то это займёт десятки листов, но я постараюсь ответить Вам как можно короче, чтобы сохранить остальное для реальной встречи, которая, я надеюсь, предвидится довольно скоро. Но заранее хочу оговориться, что это самое «остальное» будет представлять из себя не словесное умничанье, а нечто музыкальное сочинительство, которое является основным стимулом в моём «творчестве».

Почему-то, когда я впервые встретился с Вами, то страшно обрадовался той порядочности, которая случается не у каждого даже великого музыканта. Эта порядочность проявилась, прежде всего,

в знакомстве, а затем подтвердилась в делах. Конечно, мне нет нужды расхваливать Ваши положительные качества, но хочу заметить вскользь, что Вы преувеличиваете мои потенции.

Ведь если говорить откровенно, то кто я как баянист по сравнению с Вами? И что я такое? Действительно, какой вклад внёс я в музыку, не говоря уже о музыке баянной? Что создал нового для процветания любимого ис[кусст]ва?

Увы, в отношении тех требований, которые предъявляет ко мне жизнь и которые я сам к себе предъявляю, как ни горько, ни печально признаваться в этой чистой, объективной истине, но всё это так и есть. Я сознаю, что являюсь пока эклектиком и даже боле хуже – фразёром в искусстве. Не секрет, конечно, что в лабиринтах своего мозга я нахожу порой если не новые истины, то, во всяком случае, небезынтересные, которые интересуют многих музыкантов.

И я всегда смущаюсь, когда мне пишут или говорят о них с чувством уважения. Ведь я-то знаю абстрактность (безматериальность) подобных истин! Все они и не видели в глаза тех дел, которые должны были бы быть. Разумеется, будь кто-либо ранее со мной, подтолкни меня, поверь мне, и результаты, бесспорно, были бы другие.

Однако я увлёкся (умозрительность – мой бич). Ваше откровение о нужности друг другу приятно удивило и очень обрадовало меня. Признаться, я как-то не задумывался над этим, т.к. эта нужность непроизвольно сказывалась не только лишь в одних письмах, но и имела глубокие корни в тв[орчест]ве каждого из нас. Мне всегда не доставало поддержки человека, которым безраздельно владеют те же мысли, те же воззрения, что владеют и мною. Поэтому я без колебаний принимаю Ваше предложение и надеюсь всегда быть полезным Вам.

Теперь вторая сторона дела. Тысячу раз признателен и благодарен Вам за внимание, оказанное мне. Как я уже писал ранее, муз[ыкальное] училище намерен кончать в Магадане (страшно боязно менять начальное русло перед приближающимся половодьем), а затем в бой за Москву.

Самое уязвимое моё место (ахиллесова пята) – это совершенное незнание ф[ортепиа]но, основ дирижирования и теория (сольфеджио, гармония, инструментовка – народного оркестра).

Нахватавшись вершушек, да каких вершушек! я профан (в полном смысле этого слова) в самых элементарных понятиях. Самое парадоксальное то, что я постигаю науки не с азов, углубляя и расширяя кругозор, а с «орлиных высот», где я «пытаюсь» парить, но ежеминутно заглядываю в «учебники» типа объяснения законов гравитации и аэродинамики. Что за натура, сам порой в непонятии.

Я не совсем понял насчёт «материальной базы» и «творческого начинания». Если это какая-то интересная работа, связанная непосредственно с Владивостоком, то я буду крайне огорчён тем, что не смогу принять в ней участие, лишь потому, что вынужден ехать в Магадан. Если же это работа, не зависящая от моего места нахождения, то я с радостью приму и это предложение.

Не хочу быть наигранно скромным, а потому прошу Вас, если есть смысл заключения подобного союза (мастера и подмастерья), то давайте мне любую работу. Мои руки (от головы) не терпят этого самоварения. Они рвутся на простор. Их призвание не в натюрморте, а в уличной, площадной фреске. Прожито полжизни, а ещё ничего не сделано!

Вы жестоко соблазняете меня, Юрий Григорьевич! Писать о предстоящей поездке в Италию и мне, вот уже несколько лет мечтающему о такой поездке... Мне остаётся позавидовать Вам, а если такое случится довольно-таки скоро, то и пожелать Вам счастливого пути. Купить «мечту» – это здорово!

Моя гармошка до того глупа, наивна, что пропадает всякая охота заниматься. В голове звучат оркестровые созвучия, мощные органичные пункты, а реально получается нечто похожее на бляение козлёнка. Вот же чертовское время! И почему мой отец не муз[ыкальный] мастер! Смешно...

В настоящее время ни над чем не работаю. Охладел ко всему. Прочитал «Парадоксы» Дидро и «Философию искусства» Шеллинга. У первого, кстати, много позаимствовал Станиславский для своей работы. Почитываю Тургенева. Смешно читать его «умные оценки» композиторам и их детищам. Дилетант решил позабавиться в своих письмах к Виардо и в некоторых статьях. Чуть ли не

в каждой строке фигурирует Мейербер, словно и не существовало Берлиоза, Шумана, Шопена, Листа, Вагнера, Шуберта...

С удовольствием почитал Арагона. О Пикассо и Леже. О Горьком и Маяковском. Небезынтересная монография Томаса Манна о Вагнере.

Прилипло несколько мыслей об исполнительстве. В настоящее время «решаю» проблемку «хаотической игры» (т.е. метода предельного исполнения). Полезна ли она? На мой субъективистский взгляд, метод «хаотической игры» (разумеется, сознательной игры) самый полезный из всех методов развития технических навыков. Самое основное – не злоупотреблять им. Обычно рекомендуют прекращать игру в быстром темпе, как почувствовал, что мозг не поспевает за пальцами. Но почему именно прекратить? Ведь почти то же самое происходит с бегуном: когда ему кажется, что он вот-вот упадёт и перестанет дышать. Но стоит ему пересилить, перешагнуть невидимый барьер слабости, как его тело вдруг становится лёгким, все его мышцы принимают свойство абсолютного магнетизма по отношению к сознанию и могут свободно регулировать частями тела.

Разве в музыке нельзя добиться подобия? Странно то, что методу «предельной игры» мало уделяют внимания методисты, психологи и вообще врачи.

Не ясно, существует ли в «предельной игре» тот же кризис (барьер), что в технике бега. Ведь это бесспорно, что и техника, как и другие виды умственной работы (вычисления и т.п.), несёт в себе бесконечность совершенствования, бесконечность в скорости. Закономерно, что повысились скорости (физического рода) и это эхом отозвалось в скоростях сознательного рода (я имею в виду музыкальную техничность). Что будет в музыке, когда скорость достигнет скорости, близкой к скорости света?

Сомневаться, однако, в том, существует ли «барьер» в муз[ыкаль-ном] исполнительстве, я считаю лишним. Это уже сомнение формального рода. Что существует – это точно, но как преодолеть? Вот что...

Скрябин пытался достичь «беспредельности» в «Дон-Жуане» Моцарта-Листа, чтобы оставить позади себя Рахманинова, но по-

терпел фиаско. До «второго дыхания» он так и не добрался, а «барьер» превратил его пальцевый аппарат в комок нервов, результат – лечение в азиатских степях.

Вот, собственно, некоторые мои потуги и попытки приблизиться к ещё одной проблеме уже чисто научного типа. Нет, ради бога, не подозревайте во мне этакого графоманчика. Все мои потуги, конечно, напрасны, и я не лелею надежду когда-нибудь разрешить эту проблему (пусть учёные ломают копья и головы). Но я страстно хочу повторить приём Скрябина, но вот как миновать его результат?

С глубочайшим уважением, Владислав Золотарёв.

P.S. Супруге от меня поклон и наилучшие пожелания. Какживает ваше «семейство»?!

Письма к любимой* ⁽¹⁰⁾

Письмо первое. *19 октября 1966 г.*

Если ты и хотела бы когда-нибудь встретиться, то крайне удивилась бы тем изменениям, которые произошли во мне. Ты не заметила бы в моём лице ничего того, что напоминало бы о счастливой поре нашей юности, о тех прекрасных вечерах, когда мы совершали совместные прогулки. Ты не встретила бы в моём взгляде той чистоты и непосредственности, что так любила во мне. Ты удивилась бы моим жгучим и ненавидящим мир глазам. Удивилась бы их глубокой и бесконечной грусти, которая приходит лишь к мудрой старости. И это-то в двадцать три! Ты всегда ценила во мне честность, простую честность. А теперь испугалась бы этой честности. Скорее это уже необыкновенная честность – это уже жестокая, обличающая и смеющаяся над ложью правда. Голая, как беззащитная Афродита, и в то же время сильная, как Прометеев дух.

Ты не поверила бы моим рукам, когда-то боязливо обнимавшим тебя и яростно защищавшим от подонков. Ты ощутила бы в них колкость и какую-то скрытую дьявольскую силу, холодность и тайную нетерпеливость.

---

* Письма писались в одиночной камере Уссурийской гауптвахты. – В.Б.

Помнишь, как я впервые взял твою руку и ты почувствовала тогда трепетную дрожь моих тонких пальцев. Смешно... мы никогда не говорили о любви, хотя я затопил твою комнату своими письмами. Да... шесть долгих столетий прошло с того фантастического вечера, когда твои дрожащие губы коснулись моих...

Теперь бы ты не захотела повторить то, что подлецы называют...

Мои губы стали холодны. Плотно сжатые и презирающие, они напоминают язвительную усмешку Вольтера. И это в 23 года!

Изменилась ли ты? Я никак не могу представить, что ты уже женщина. Как подленько устроена природа! Неужели всегда непосредственность и чистота будут опошляться низменной производительной потребностью? Я в этом отношении честен, как и в тот осенний вечер.

Всегда твой В.З.

Письмо второе. *20 октября 1966 г.*

Ты любила в этот день наряжаться в самое лучшее, в самое светлое... Ведь этот день – день твоего рождения. День твоей улыбки. День твоего счастья.

Ты любила сгребать жёлтые сухие листья своими маленькими золочёными туфельками и, смеясь, показывая белые как снег зубы, говорила, что этот день – самый счастливый в твоей жизни. Твоё счастье было заразительно, оно вливалось в меня так, словно этот изумительный день был и моим днём рождения. Мы убежали далеко за город и, взявшись за руки, любовались акваарином поздней осени. Здесь, вдали от людей и городского шума, наедине с природой, ты вдруг становилась печальной, как весь мир красок и тихого спокойствия. Ты, может быть, впервые задумалась над собой, над своим человеческим существом... ибо сама сущность человека просит уединения. Просит выражения полнейшей свободы и сближения с миром Природы.

Твои глаза в эти минуты были полны слёз – слёз отчаяния и мольбы. Ты как бы искала причинность людских пороков, причинность бескрылости и бесполётности человеческого духа. Ты ожидала ответа, просила его... но природа хранит свои тайны, хранит то, что ещё не опошлил человек.

...Ты любила «наш фонарь» на Горьковской площади. Мы всегда встречались тогда, когда он вспыхивал своим матовым и влекущим к себе светом. Косые струйки дождя не смущали его, и он, улыбаясь, согревал нас, хотя и висел высоко над нами.

Ты любила эти вечерние фонари, которые отражались в блестящем от дождя асфальте.

Любила за то, что они зажигались в минуту нашей встречи и потухали в минуту нашего «до свидания». И когда ты поднималась на пятый этаж, я стоял у фонаря и ждал: я знал, что ты обязательно отодвинешь занавеску и покажешься в окне, и, дождавшись, махал рукой и уходил.

Я знал, что до 12 ночи ты не сомкнешь глаз и будешь думать о прошедшем дне. Ведь этот день – день твоей улыбки. День твоего счастья. В.З.

Письмо третье. 21 октября 1966 г.

...Помнишь март? Морозный... По-московскому неряшливый. Мы чуть было не заблудились тогда в лабиринте этих бесконечных улиц, надоели «королям порядка», обнадёживали таксистов. Наконец какая-то старушка показала ваш дом. Если бы ты видела в этот момент Ирку! Бедняжка от удивления потеряла дар речи и даже не пригласила нас переступить «злосчастный» порог. К счастью, мы оказались более решительными и почти на руках внесли её в твой дом. Разве ты сможешь понять меня! Я так волновался, что совсем не заметил Виктора на твоём столе. Каждый предмет здесь говорил о тебе. Я ощущал на них тепло твоих рук, дыхание твоего рта... Мне казалось, что уже ничто не может оторвать меня отсюда. Ничто не способно отнять у меня частичку моей жизни. Твои ноты оживали, и я слушал твою прекрасную игру. Я смотрел на тебя и не понимал, где грань, отделяющая фантазию от реальности. Где я и что такое я? Где ты и что такое ты? Но вскоре понимал, что меня нет, есть только ты. Есть только ты! И всё. Одна в мире. Одна во всем мирозданье. И только тебе я обязан тем, что могу ощущать тебя, думать о тебе. Любить тебя... А Ирка без конца смеялась и рассказывала Владимиру о своих школьных приключениях.

Всё плыло как в тумане. Я словно растворился, исчез, слился с этой комнатой, с нотами, с Иркиным смехом. Словно ушёл в совершенно другой мир. Да и в мир ли вообще? Может быть, моя материя – уже не моя материя? Может быть, я – уже не я, а кто-то другой? И мой мир уже не мой мир? Моё сердце – не моё сердце? Мне казалось порой, что я как существо давно мёртв. И что мой дух – это ты. Что мы слились в одно я, в одну материю, в один мир, в одно сердце и в единые чувства... Я не слышал, как ты вошла. Не слышал твоего заразительного смеха. Я увидел тебя, когда ты оказалась передо мною. Увидел и растерялся. Ничего не говорил, а только смотрел, смотрел и смотрел. Мысленно целовал твои глаза, губы, руки. Мысленно гладил твои волосы. А ты улыбалась. И все вокруг тоже улыбалось. Мои губы непроизвольно тоже стали улыбаться, и все мы вдруг расхохотались. Предались воспоминаниям, рассказам о прошедших годах, делились впечатлениями. Вскоре пришла твоя мама. Мне всегда нравилась она своей интеллигентностью, добротой и в то же время – строгостью. Я знал, что она тоже симпатизирует мне, и поэтому не стал смущенно оправдываться за столь позднее «свидание».

Раздевшись, она начала расспрашивать нас, зачем в Москве, что намерены делать, а узнав, что приехали играть на конференции, стала хвалить и восхищаться. Всё это продолжалось бы очень долго, если бы не закипел чай. Но даже за столом она не унималась, и только вафли иногда мешали ей расхваливать наши таланты и способности. Мне так не хотелось уходить из твоего дома, лишаться твоих глаз, твоей улыбки, но чувство этикета требовало своего. Мартовская ночь встретила мириадам звёзд. И не различить было, где московские, а где...

Письмо четвертое. Уссурийск, 22 октября 1966 г.

Пока я звонил к тебе, концерт уже начался. Как жаль, что ты была на уроке Безродного. Ведь ты тогда ещё никогда не слышала хороших баянистов, а Митченко подавал большие надежды, и ты нашла бы в его игре немало того, что удивило бы тебя. Но у тебя был урок... Когда я вошёл в зал, Эдуард заканчивал «Паганиниану».

Найдя свободное место с Беляевым, я отдался музыке. Играл Митченко прекрасно, конечно, не без сомнительностей... вызывали на авансцену Чайкина как педагога и композитора. Выходил я с чувством досады на твоего Безродного. Чайкин, он сидел неподалеку, страшно переживал. Ещё бы! Воспитать музыканта до аспирантуры, вложить в него всё то, чем жил сам композитор, – это ли не цель каждого педагога! Николая Александровича на концерте не было, он приболел что-то, а Володя улетел в Калининград к матери.

Больше всего понравилась «Рапсодия» Гершвина в его исполнении. И вот последний затухающий аккорд... смотрю влево, Беляев, судя по его оживленному разговору с Еленой Фабиановной [Гнесиной], доволен концертом.

Да и как быть недовольным. Баянное искусство растёт, накапливает опыт, повышает мастерство. Сейчас Беляев воспроизводит на электронном баяне то, что не под силу ни одному инструменту в мире! «Хорал, прелюдия и fuga» Франка звучит на его баяне так, если бы её исполнял баршаевский оркестр. А орг[анный] конц[ерт] Пуленка! Концерт-поэма Альбина Репникова! Здесь уже баян соперничает с орк[естром] и органом. Пока соперничает, но он выйдет победителем! Помнишь, шесть лет назад я говорил тебе, что менее чем за 25 лет баян выдвинется на одно из ведущих мест в галерее академических, признанных всем миром инструментов!

И это ещё не всё! Он сравняется в будущем с твоей скрипкой! Да, да, да! Баян станет второй скрипкой! А затем первой! И, наконец, он засияет лучами цветомузыки! Вдохнёт в зал все запахи мира! Моя муз[ыка] будет рассказывать людям будущего о нашем XX веке, о нашей молодости, о нашей борьбе. В ней они найдут пищу для размышлений и переживаний. Люди будущего почерпнут для себя столько нового из этой цветомуз[ыкальной] массы, сколько мы не перестаем черпать новое и неведомое нам в музыке Баха. Челов[ечес]тво всегда будет догонять Баха и никогда не сможет настичь его, до тех пор пока тот Бах, превращаясь из материи в материю, снова не явится в наш мир и не обогатит его новой, ещё более духовной силой.

Это закон диалектики. Вечное преобразование мира. Материя всё время в движении. Она, как и челов[еческое] об[щест]во, накап-

ливаает опыт, высокоорганизуется и в конце концов является двойником своего первоначального вида, но с более концентрированным содержанием! Так из века в век, из вечности в вечность материя превращается в высокоорганизованнейший сгусток, кот[орый] даёт миру тепло и жизнь. Мы не умираем. Мы просто покидаем этот мир на время и уходим в бесконечное и бессмертное путешествие, чтобы когда-нибудь снова появиться под голубым небом и вдохнуть запахи земли, родившей нас. А музыка, она придаёт гармонию всему, что со скоростью света несётся в мирозданье. Стоит смолкнуть музыке, и всё остановится, смешается и погибнет. Муз[ыка] – это вечный механизм, кот[орый] никогда не имел своего первоначального вида и не имеет своего конца. Без начала и без конца... Таков закон диалектики.

Ты скажешь, что я – идеалист, Да, идеалист, но идеалист, разговаривающий на языке материалистов. Ведь каждая эпоха избирает своей ту философию, кот[орая] ей необходима в данный момент. Сейчас! В сию же минуту. А ту философию, кот[орая] не может удовлетворить именно в данный момент, люди попросту отбрасывают.

Когда же пройдут века и общество действительно поднимется до тех высот, о кот[орых] мечтали философы, то та философия, кот[орую] люди отвергли несколько веков назад, обретёт вторую жизнь, а та философия, кот[орая] была нужна людям, но исчерпала себя в чём-то, отойдёт в прошлое истории, чтобы когда-нибудь вновь сделаться нужной людям. Ибо ничто доброе бесследно не исчезает.

Ты спросишь, как я стал философом? Нет, философом я себя не считаю, но когда человек начинает размышлять, то это уже философия. Конечно, фил[ософия] субъективная, таящая в себе множество противоречий, но всё-таки – философия. И каждый человек должен размышлять. Мечтать. Творить. Постепенно из субъективного философа он превращается в объективного.

Письмо пятое. *Уссурийск, 23 октября 1966 г.*

Я держал цветы и ждал... Люди спешно раздевались, спешно приводили себя в порядок и спешно шли в зал. Концерт вот-вот начнется – а тебя всё нет. Быстро прошли Чайкин с Хачатуряном.

Промелькнул Никол[ай] Александр[ович]. В фойе смолкал шум, и людей становилось всё меньше и меньше. Я хотел было выйти на улицу и посмотреть, но чуть было не столкнулся с тобой.

Ты бежала, это я увидел по твоим горящим щекам и по дыханию, но, увидев меня, гордо улыбнулась и не подала виду. Я сдал швейцару твою шубку, и мы бегом помчались наверх. Оркестр играл увертюру. Только здесь я вспомнил про цветы и виновато вложил их в твои тёплые руки. Разве я мог тогда оценить то счастье, кот[орым] ты пригоршнями осыпала меня. Разве я в состоянии был прочувствовать всю красоту и волшебство, которым наградила меня ты? Только сейчас, годы спустя, начинаешь понимать своё ничтожество в тот праздничный вечер. Мне казалось тогда, что всё это до реальности обыкновенное, что всё это так и должно было быть. Как люди обманываются в своих чувствах! И только через много лет начинают понимать, как они были глупы, невнимательны и неблагодарны к судьбе за то, что она говорила им: «Смотрите друг на друга! Любите друг друга! Всегда знайте, что человек в тысячу раз лучше, чем о нём думают. Душа человека подобна музыке, и она распознаётся временем».

Теперь я понимаю, что был неправ, подарив цветы Николаю Яковлевичу [Чайкину]. Я возгордился тем, что твои руки ласкали меня. Возомнил из себя принца, потому что ты целовала меня, твои губы прикасались к моим. А судьба наказала меня. Наказала за то, что я не вслушался в звуки твоей душевной симфонии. Неглубоко прочувствовал музыку твоего сердца. Я, как невежа, ушёл с половины серьёзного представления, заснул на брукнеровской симфонии... Заснул на симф[онии], кот[орая] раскрывает твою сущность! Заснул на симф[онии], кот[орая] зовёт к счастью и дарует любовь!

Я тогда не придал значения твоей грусти, когда мы шли по ночной Москве. Тогда я наслаждался своим собственным счастьем.

Я забыл те мучительные дни, месяцы и годы, когда с еле теплившейся мерцающей надеждой ждал твоей улыбки, взаимного взгляда, робкого рукопожатия. Я забыл свои бессонные ночи и влажную от слёз подушку. Всё забыл! Всё, что с таким трудом получил, наконец завоевал твою любовь и дружбу. Я уподобился тому завое-

вателю, который, надев на палец алмазный перстень победённого царя, решил, что он и был его, тем самым не догадываясь, что всё равно придёт расплата. Да, я оказался таким завоевателем! Я не подумал в те мгновения, что грусть твоя – это моя сегодняшняя грусть. Я вообще ни о чём тогда не хотел думать. Я торжествовал и праздновал свою победу! А снег метался пушистыми хлопьями. Это был последний мартовский снег. Мягкий... Ласковый... Прощальный снег.

Кто мог знать, что первая нелёгкая победа обернётся бесславным поражением. Твоя любовь усыпила мою бдительность и ускользнула так же, как и появилась... А я шёл по ночной Москве, пьяный от счастья, и наслаждался одержанной победой. Звенели трамваи, проносились такси... Снег ложился на твои туфельки и таял...

Прошло шесть лет... А для меня шесть столетий... Я анализирую сейчас причины нашего отчуждения и не могу найти путь примирения. Что случилось между нами? Нелепость? Случайность? Почему ты молчишь и не отвечаешь на мои письма? Где ты сейчас? С кем ты сейчас? Я пугаюсь от мысли, что ты забыла меня. Что так же, как и со мною несколько лет назад, ты ходишь сейчас с кем-нибудь... А может, уже и живёшь...

Это страшно! Понимаешь, это очень страшно чувствовать, что ты одинок. Одинок на всю жизнь. Ибо никто не заменит мне тебя. Даже музыка! Даже признание! Слава! Ничто всё это по сравнению с одной твоей улыбкой. С твоим смехом, с твоим взглядом...

Письмо шестое. *24 октября 1966 г.*

...Проснулся от ощущения холода и сырости. Тусклая лампочка ещё более угнетала своей слабостью и холодностью. Волосок дрожал, готовый вот-вот порваться, а единственная муха, жившая в моей камере, преспокойно сидела на стекле и наслаждалась теплом.

Чувство инстинкта подсказывало, что сейчас около шести утра, и я тихо постучал в дверь.

Раннее утро встретило меня морозной свежестью. Звёзды висели низко, и казалось, что стоит протянуть руку, как они замигают в моих ладонях. А за горизонтом уже светлело. Через час я уже проделывал комплекс гимнастических упражнений и обливался

ледяной водой из колодца. Бордовый диск солнца выкатился из-за холмов, и тополя засверкали своим золотым убором. Ах! Что это было за утро! Всё искрилось и сверкало. А представляешь! Золотые листья! Самое натуральное золото! И это на фоне бледно-голубого неба! Да, природа всемогуща! Она не нуждается в портных, чтобы одеваться в красивое платье. Не нуждается в чьих бы то ни было советах и не подражает чужому вкусу. Вкус Природы – самый совершеннейший вкус. Люди, к сожалению, забывают это. Они взрывают, жгут, топчут платье природы.

Грязнят её нежную одухотворенность своими заводами и фабриками. Наивные! Они думают, что создают красоту, а на деле уничтожают её. Гордятся своей гениальностью и открытиями, а забывают, что они всего-навсего – ученики Природы, дети своей матери, которая учит их шаг за шагом открывать новые понятия, «новые ощущения». Ни одно открытие не обошлось без её подсказки, а люди возомнили себя богами. Несчастные! Они не научились любить друг друга, не говоря уже об уважении к тому, кто их создал. Идеализм твердит, что без субъекта нет объекта. Материализм доказывает обратное: объект существует независимо от субъекта. Фашизм проповедует теорию «по духу и по крови», бундизм кричит о каком-то особом интернационализме, но не отрицает своей национальности. Везде борьба. Всюду грызня. Полнейший хаос. Мир словно раскололся на несколько кусков. А мы кричим о коммунизме, толкуем о свободном обществе. Две философии сражаются в мире, и кот[орая] победит – сказать трудно. Тем более, появилась новая философия – экзистенциализм, кот[орая] ослабляет силы обеих сторон и уводит их в мир чистой философии, в мир философии личности.

И вот теперь, любуясь красотой природы, восхищаясь предвзвешенней тишиной, размышляешь, как мало нужно человеку! Как ничтожно мало требует человек! Как он унижает себя! Как оскорбляет свои чувства! На какие только компромиссы он не идёт! Копит богатство, а для чего?! Обзаводится семьёй, а какие цели он преследует этим? Ненавидит другого человека, за что? За что он убивает его? Расстреливает? Вешает? Издевается над ним? За что белый презирает

чёрного, а немец унижает еврея? Зачем одному человеку тысячи автомобилей и вилл, а другой умирает от голода?

Если материя есть первичное, значит, мысль, сознание и ощущение – продукт высочайшего развития. Откуда же у высокоразвитых существ такие подлые, ни с чем не сравнимые действия? И с каким самоуничтожающим лицемерием человек обвиняет зверей-хищников, кот[орые] вынуждены питаться сырым мясом, чтобы не умереть с голоду. Что тигр по сравнению с человеком! С человеком, кот[орый] убивает своих собратьев вполне сознательно, не по необходимости. Где находится грань, кот[орая] отделяет органич[ескую] материю (тигра хотя бы) и высокоразвитую (организованную) материю человека? Где?! А Земля по-прежнему вертится, и солнце по-прежнему согревает её своими живительными лучами. Зима сменяется весной, а лето – осенью. Пройдут тысячелетия, а Земля по-прежнему будет вращаться вокруг солнца, и природа по-прежнему будет менять наряды.

Точно так же, как она меняет их сейчас. Исчезнут пороки человечества, и люди будущего будут с ужасом просматривать телекадры нашей «цивилизации». Цивилизации сумасшествия. Психи правят людьми, а люди, подобно овцам, сбились в стадо и жмутся в страхе друг к другу. Один подчинен другому, другой зависим от третьего, а третий молится на четвертого и так до бесконечного замкнутого круга.

XX век, век лжи и насилия! Век варварства и деспотизма! Век глупости и тупого невежества! Век бюрократизма и лицемерия! Век смерти и преступления! Вот что такое XX век! Стыдно. Стыдно жить в этом мире. В этом пошлом и бесчеловечном мире. Горько видеть это всё и больно чувствовать своё одиночество. Единственное спасение – это ты. В твоём мире я обрёл бы то, что безвозвратно потерял в жизни.

Письмо седьмое. *Уссурийск, 25 октября 1966 г.*

Я никогда не писал тебе о Татьяне Колесниковой. И не потому, что я не хотел писать о ней именно тебе, а просто забывал о ней, как только вспоминал тебя. Я никогда бы не подумал, что дурная молва

способна преодолевать большие расстояния, что ты поверишь тому вздору, кот[орый] достиг тебя. В этом письме ты узнаешь всю правду этой небезынтесной истории и уверен, что не будешь думать плохо обо мне. Всё обстояло значительно чище, чем ты узнала из несведущих уст.

Осенний Магадан таял в морском тумане. Дул северный ветер, и моросил дождь. Но я упорно продолжал ходить в своём плаще, хотя магаданцы давно облачились в тёплые демисезонные пальто. Прошло четыре месяца с той мучительной ночи... когда ты улетела в Москву. Ты ещё не знала тогда, поднимаясь по трапу, как я любил тебя и как мучительно мне было расставаться с тобой. И когда самолёт скрылся за грядой, я не выдержал. Как я ни силился напрячь всю свою мужскую волю, как ни напрягал мышцы, – ничто не помогло. Слезы сами непроизвольно выплыли из глаз, и я разрыдался. Облокотившись на металлическую перегородку, я отдался в руки отчаяния. Во мне, как в огромном вулкане, происходили резкие толчки, плечи дёргались, и спазмы перехватывали горло. Губы дрожали, а зубы выделяли такую чертовщину, что со стороны я выглядел, наверное, жалким и беспомощным. Унижение ли это было? По-моему, да. До этого случая я с некоторым презрением относился к мужским слезам и не представлял себе, как это можно лить слёзы взрослому человеку... И вот я сам, подобно девчонке, закрыв рукой распухшие глаза, шатаясь, шёл домой. Люди шарахались от меня, как от пьяного, а придя домой, я, не раздеваясь, сел на стул и так и заснул за своим рабочим столом. Теперь же, четыре месяца спустя, во мне улеглось всё, успокоилось, и музыка заслонила на некоторое время твоё лицо. В училище ходили слухи о приехавшем теоретике из гнесинского института. На одном из концертов я увидел её, но познакомилась мы значительно позже. Однажды вечером, как обычно, я сидел за композицией. Сочинял Конц[ертную] фант[азию] для баяна с орк[естром]. Она вошла и, ни слова не говоря, пристроилась у окна. Меня это разозлило, и я сказал, что не могу работать, когда рядом кто-либо находится. Её не смутила моя безапелляционность, грубость, напротив, она даже ближе придвинулась к ф[ортпеи]но и стала разглядывать мой черновик. Потом вдруг спросила: «Можно

послушать то, что Вы написали?» Я сослался на незаконченность и бессвязность данного отрывка, но сыграл. Она смотрела на меня какими-то странно-удивлёнными глазами. «У кого Вы учились композиции?» – спросила она. «У себя. Отчасти у Моцарта, – сыронизировал я. – А вообще, ни у кого».

«Довольно-таки неплохо. Мне нравится». Она стала рассказывать о знакомстве с Галкиным и ставила его выше Беляева. Я прощал ей это. Затем узнал, что она дальняя родственница Николая Карловича Метнера. Так мы и познакомились.

Письмо восьмое. *26 октября 1966 г.*

За два дня до отъезда я был приглашен в молодежное кафе принять участие в творческом вечере магаданской молодежи. Таня попросила меня сыграть с нею «Концертную фантазию». Я дал ей ноты и пошёл в училище разыгрываться. «Зачем я согласился?» – раздумывал я. Стало противно, безразлично. И Магадан, и Москва, и Ленинград. И музыка, и всё, и всё, и всё.

По пути я выпил стакан вина. Лучше не стало. В кафе пришёл, когда кто-то уже читал стихи. Раздевшись, я устало опустился на стул неподалеку от читавшего и тут увидел жестикуляцию Тани. Ничего не понимая, я стал слушать стихи. Лирика, довольно-таки неплохая... Когда он кончил, Танька пробралась ко мне... «Ну как?» – спросила она. «Свежо», – ответил я. Заказали кофе с коньяком. Подсел поэт. Это был Виталий Шенталинский – её муж. Мы познакомились. Звучали стихи, песни. Художники демонстрировали своё искусство. Настала наша очередь... Играл безынтересно и сухо, но все пришли в восторг. Мне вдруг так захотелось выпить, что я взял кофе и попросил официанта влить в него четвертную порцию коньяка. Разгорелись споры. Кто-то сел за ф[ортепи]ано. Закурил (закуривал я всегда в весёлой компании) и почувствовал чей-то острый взгляд. Обернулся. Снова Танька. Оделся и вышел на улицу. Через два дня – палуба теплохода. Через два дня – армия.

Потом она пригласила меня на кофе. Показала (почитала) мне стихи, подаренные ей Евтушенко... Комната её трогала своей артистичностью. Наши вкусы сошлись. Она тоже любила асимметрию

и тоже преклонялась перед Пикассо. Мы слушали 3-й конц[ерт] Метнера (впоследствии она подарила мне его), спорили о Стравинском и Дягилеве. Читали стихи Пастернака и Заболоцкого. Когда я играл на концертах, она сидела в первых рядах и слушала. Мне нравилось это, т.к. ты знаешь, я всегда избегал играть там, где замечал знакомых. При отъезде она записала в моей записной книжке свой адрес. Будучи в Москве в 1963 г., я звонил тебе, но ты в это время отдыхала в Геленджике. Перед отъездом в Ленинград я зашёл к ней. Если бы ты видела её радость. Смеющаяся, она по-дружески принимала меня и знакомила со своей семьёй. Хотела уже расположить меня на «местожительство», а узнав, что уезжаю, – огорчилась.

Я не раз рассказывал ей о тебе, и она всё выпытывала твой адрес. Ей очень хотелось познакомиться с тобой, но я не хотел этого. Сейчас моё упорство кажется наивным и глуповатым, но тогда мне казалось, что я прав. Уже сидя в поезде, я заставил свою волю уйти в мир музыки. «Стрела» мчала меня в Ленинград, где мне предстояло выдержать экзамен по композиции и исполнительству. В голове возникла простенькая мелодия под перестук колёс, и ноты легко ложились на бумагу. За окном оставались колхозы, деревеньки, поля... мелькали телеграфные столбы, какие-то постройки. Я ехал по России... и вспоминал давно забытые дни. Перед глазами возникали и постепенно выплывали из архива памяти картины прожитого времени. Оно ничтожно, но сколько в нём содержания! Подобно мимолетному сновиденью, кот[орое] нам кажется очень длинным и полным жизненного разнообразия, 20 лет несли в себе, оказывается, столько интересного, что я невольно забыл про всё настоящее. Словно на машине времени, я перенёсся на 17 лет в прошедшее и очутился на Черноморском побережье (47 г.). Маленькая Гудаута и ватага черномазых мальчишек. Корочка подгорелого «чурека» и соленые брызги моря... Всё это отчётливо запечатлелось в моей памяти. Сотни оборванных людей, калек, плачущих женщин. Базарный гул. Пошлые ругательства и драки. Чтобы напиться, надо было заплатить деньги; чтобы поесть, нужно было иметь много денег. Толстые и усатые абхазы торговали вином и фруктами. Они весело переговаривали и громко зазывали покупателей. Русские

продавали пшеницу и пышки. Подвязанные платочками женщины смиренно стояли в очередях за мукой... Всё напоминало какой-то кошмарный сон... Моя мама, как и многие, вынуждена была покупать муку, печь чуреки, а потом, подвязавшись платочком, продавать их на этом страшном базаре. Отец, бывший офицер, работал в депо на станции, и я любил, когда он, придя с работы и увидя мои голодные глаза, брал меня на руки и, как бы оправдываясь, говорил: «Потерпи, сынок, время такое». А я гладил его промасленную куртку и улыбался. Как мне хотелось сделать что-нибудь хорошее и приятное, но всегда мои благие намерения только огорчали. Однажды я решил порадовать их своим собственным ужином (...).

В это время свирепствовали разные болезни. Заболел и я. Малярия была самой распространённой болезнью, превратившейся вскоре в эпидемию, и мы вынуждены были поехать на Амур к бабушке. Бабка моя – старая дворянка. Как я благодарен ей за те песни, кот[орые] сейчас превращаются в симфонии. За те сказки, кот[орые] открыли для меня мир поэзии, кот[орые] навсегда вдохнули в меня истинную струю русского быта, русского народа... В своих коротеньких штанишках я убежал к Амуру и ходил по песку. Я готов был идти так всю жизнь. До того было это всё интересно, ново. В высоких обрывах ютились стрижи, я наблюдал за их сценой. Они чем-то напоминали людей своей толкотней и криком. Деревенские мальчишки удили рыбу, и ничто не нарушало природного спокойствия.

Мне шёл шестой год, когда мы вновь пустились в длительное путешествие. Моим домом стала каюта теплохода, купе поезда. Менялись города. Завязывались новые знакомства. И наконец, конечная точка – Дальний Север. Шестидесятиградусные морозы и лагерные вышки. Побегии заключенных и расстрелы без суда и следствия... Снова Москва, а затем и Ленинград, Рига, Киев, знакомый Кавказ и Магадан... Годы учения. Музыка. И снова путешествия... Я встряхнулся от нахлынувших воспоминаний. «Московский вокзал» встречал меня. Наняв такси, я дал адрес Александра. Ленинград! Третий город мира... Я спустился по эскалатору к автопоезду. Через несколько минут я шагал по площади Мира к каналу Грибоедова. Вот и дом моего друга детства... Я нажал на кнопку и ус-

лышал в квартире резкий звонок. Вышел отец Саши и ахнул... Тут же я узнал, что все на даче за Зеленогорском и что Саша женился! Алекс[андр] Ник[олаевич] сбегал за бутылочкой вина, и мы торжественно её распили. В этот вечер я много играл, а А.Н. всё приговаривал: «Подумать только! Подумать только!» На следующий день мы были уже на даче. И снова ахи да ахи! Слезы... Тамара Николаевна, Сашка, Бирутте (его жена), Тина и Женька (сестра и брат) по очереди обнимали меня. Прекрасные люди всегда дарят прекрасные чувства. Я был счастлив. Играя им Баха и Чайковского, Бетховена и Шостаковича, я чувствовал тишину этой маленькой аудитории. Знал их высокие вкусы и требования.

Поэтому и исполнение было приподнятым, на редкость удачным. В Ленинграде я пробыл до начала октября. Затем снова Магадан. Татьяна, оказалось, вышла замуж за поэта Шенталинского. Вскоре меня призвали в армию, где я познал то, что называется «пнюхал пороху». Вот и вся эта небольшая история с Татьяной Колесниковой. Сейчас она работает в Москве, и мне хотелось бы, чтобы вы подружились. Чем больше будет нас в одной дружной семье, тем легче будет справиться со всей этой грязью, что окружает нас. Хорошим и честным людям надо объединяться, чтобы победить ложь и хамство.

Письмо девятое. Отплытие. [8 октября 1963 г.]*

В руках у меня повестка. Комиссии. Призывной. Последние наставления отца. Слезы матери. Я не хотел, чтобы меня провожали, и поэтому никому не сказал, когда уезжаю. Отец, отпросившись с конференции, стоял в толпе и что-то кричал мне. Какой там! Ничего не было слышно. Кругом чёрт знает что. Плач. Крик. Звон разбитых бутылок. Кто-то прыгнул за борт и поплыл к берегу. Суматоха. В олимпийке меня было хорошо видно с берега, и отец, не переставая, махал мне шляпой. Мне было тяжело видеть его, смущенного, затрявшегoся среди толпы. А люди становились всё меньше и меньше.

Капитан, сопровождавший нас, приказал всем зайти в каюты. Появились первые пьяные. Кого-то зарезали. А маленькая, смор-

* Дата относится на время действия и поэтому приводится в скобках. – В.Б.

ценная старушка суежилась между парнями и плакала... Какой-то негодяй украл у нас деньги. Мы скинулись по десятке. То там, то тут разнимали дерущихся. Я вышел на палубу. Холодный ветер освежил меня, и я с ненавистью подумал о тех подонках, кот[орые] чувствовали себя здесь королями. О, как я ненавидел их! Эти пьяные тупые рожи бесили меня. Так и хотелось съездить по одной такой физиономии, чтобы хоть немного разрядить внутренний накал. Не хотелось верить, что вся эта сволочь едет вместе со мной по зову Родины. Что эти мерзавцы будут, как и я, присягать Родине в клятве. Что им доверят оружие и они будут командовать людьми.

Стало холодно, и я зашёл в «Bar». Пристроившись у стойки, попросил стакан вина и, не смакуя, выпил. Хотелось есть, но рестораны были переполнены.

Оставалось одно – забыться в глубоком сне праведника, что я и сделал. Утро не предвещало ничего такого, от чего стоило радоваться. Капитан судна узнал от кого-то, что среди призывников есть музыкант. Меня нашли и попросили выступить с концертом. Отказываться было нельзя, и вечером я играл в салонном зале для пассажиров. Сосредоточиться было невозможно. Курили, жевали, шелестели шоколадной оберткой, разговаривали, смеялись. Кое-как дотянув до конца, я, поклонившись, поспешил в свою каюту. Вот она, тупая публика, которой ничего не нужно, кроме жратвы. Проклятые филистеры! Им лень даже подумать об элементарной вежливости. До самой Находки я ни с кем не заговорил и всё время проводил на палубе. Море с детства манило меня своей бездонностью и величием. Я тоже, как и другие мальчишки, мечтал о кругосветных путешествиях, пытался в детстве подражать Гаттерасу, Колумбу, Берингу. Зачитывался Жюль Верном и Свифтом. Не мог оторваться от «Летучего голландца» и от «Хождения за три моря». Но всё пролетело, притупилось, и я выбрал истинное – музыку.

Ты помнишь письма Р[имского]-Корсакова Балакиреву? Как он шерстит там царское офицерство: «...» Тогда ему, как и мне, было 20 лет.

Глядя на открытое море, вспомнил Баха... Как метко сказал о нём Бетховен: «Не ручей ему должно быть имя, а море». Бах...

столько он таит в себе нового, ещё неведомого нам. Как могло сочетаться в нём его возвышенное я и человеческое мы? Как ужились в его натуре серьёзность и шутливость, философичность и непосредственность. Это очень интересно, потому что Бах по своему мировоззрению находится вблизи Гегеля. А тот, как тебе известно, не расположен был шутить.

Письмо десятое. Солдатские премудрости. [12 октября, 1963 г.]

Находка встретила приветливо. Пообедав в столовой, мы расположились на вокзале в ожидании поезда. Меня попросили сыграть что-нибудь грустное. Я хотел было начать «Вальс-фантазию» [Глинки], но, раздумав, начал Сарасате. Мне и самому захотелось вдруг чего-то такого хорошего, такого мелодичного, словно струны моего сердца тронула твоя рука. Я наслаждался каждой извлечённой нотой, каждым пассажем. Цыган рассказывал о своей печальной любви. Он пел о вольных степях и ночных кострах. О цыганке-молдаванке и о её страсти. Цыган плакал над разбитой любовью и слёзы катились по деке скрипки. Затихнув на а⁴, он неожиданно рванул смычком, и... заиграла, заискрилась цыганская кровь. Пустилась в ликующий дьявольский танец. Запрыгали звёзды, завизжала детвора, цыгане не думают о завтрашнем дне! Зачем он им! Сегодня они веселятся и выделывают такие па, что диву даёшься! Смотрите, завидуйте цыганской удаче! И ноги сами ускоряют свой бег, переплетаются, приседают. Уже ничего не остановит их до самого рассвета! Ликуйте, цыгане! Веселитесь! И завтра снова дальний путь. Пыль. Голод. Слёзы...

Когда я кончил играть и поднял голову, то вокруг меня набралось уже около сотни людей. Кто стоял, а кто сидел на корточках, но все слушали без единого шёпота. Я играл и играл. Играл всё, что знал, но раздалась команда, и пришлось собираться в дорогу. Уже в вагоне я думал, как много значит настроение человека. Стоит уловить момент такого настроения, и, пожалуйста, ставьте *Stabat Mater* Перголези! Пойте! Играйте «Высокую мессу» Баха. И люди найдут в этой сложной музыке знакомые и близкие мотивы. Найдут, поймут и полюбят на всю жизнь.

И снова перестук колес. Проплывают пашни, огромные поля, стройки. Снова пересадка. Ночь. Автоколонна. И, наконец, команда: «Вылезай!» Я соскочил с машины и, держась остальных, пошёл как овца, ничего не видя вокруг себя. Ни огонька, ни фонаря. А темнотища-то! Кто-то упал впереди. Все через него. Шум, ругань. Кто-то произнёс, что матерщина убедительнее поэзии. Ну и остряк! Выступило здание – *Баня*. Приказали всё необходимое взять. Остальное – в костёр. Постригли, помылись вслепую, как котят. Холодная вода доконала и так замёрзшие члены. Выдали бельё, а затем гимнастёрку, брюки, сапоги, ремень, пилотку. Все стали походить один на другого, сбились в кучу. Фарс, да и только! Смешное представление. Снова построили. Повёл какой-то лейтенантик. Его петушиный голосок смешил и настраивал на весёлый лад. «Раз, два. Раз, два. Раз, два, три», – командовал он. «Выше ногу, направляющий!» – кричал он. «Какой уж тут выше ногу!» – думал я, не угодить бы в яму. Привели в казарму. Сыро. Пол цементный. Окна выбиты. Ни коек, ни постелей. Пошли на склад за койками. Ст[арший] лейтенант показал, как собрать их в двухъярусный массив. Принесли постели... Лейтенантик петушился. Показывал, рассказывал. Но я уже не слушал его. Глаза слипались, и как только разрешили спать, я забылся в своём первом солдатском сне.

Письмо одиннадцатое. [22 октября, 1963 г.]

Прошло десять дней. Я поздравил тебя с днём рождения.

«Подъём!» – кричал сержант. Мы вылетали с постели, натягивали брюки, сапоги, гимнаст[ерки] (всё это буквально за десяток секунд) и, не застегиваясь, становились в строй. Уже в строю застегивались, заправлялись, приводили себя в солдатский вид. «Заправить постели!» – раздавалась команда. Мы заправляли, гладили табуреткой, равняли под нитку полоски одеяла, подушки, табуретки, тумбочки. «Отбой!» – командовал сержант, и мы снова стремглав бросались к своим койкам, на ходу расстегивая пуговицы. Рвали их. Стягивали брюки и всё это с такой лихорадочной суетой, поспешностью. Мелькали кальсоны и нательные рубахи. Раздавался смех, улюлюканье. Когда же все улеглись, то снова: «Подъём!» – и сно-

ва те же судорожные движения, конвульсии. Снова отбой и вновь подъём. Отбой! Подъём! Отбой! Подъём! Отбой! Подъём! В этом заключалась вся методика воспитания, быстроты, точности и порядка. Потом мы уже не суетились, не бегали с искажёнными лицами. Спокойно, но быстрыми и заученными движениями мы успевали вовремя лечь и вовремя подняться, раздеться и одеться до слов «Отбой!» и «Становись!».

Мне было легко за свою природную стремительность, и я никогда не вызывал всеобщего смеха, как остальные. Затем нас выводили, словно гусей, по одному, строили по взводам, мы бежали по кругу 3–5 км. Я любил кроссы, и поэтому бежать было приятно и легко. Примороженный слегка воздух прибавлял силы, и лёгкие работали ровно, проветривая все свои капилляры. Потом – гимнастика, умывание, заправка постелей, уборка в казарме и на улице. Так изо дня в день.

На завтрак шли с песней. И снова по одному в столовую бегом. Старшина зычно командовал: «Головные уборы снять! Рота, садись!» Мы садились. Мне противно было смотреть, как все озверело хватали хлеб, ложки, чашки. Спорили, шмыгали носами. Хрюкали. Сопели. Чавкали. Это был не завтрак, а настоящая жратва. Кидались кусками хлеба. Смеялись. Бежали за добавкой. Затем уборка столов, снова команда. Мы надевали шапки. Выходим. Строимся повзводно и печатаем шаг с песнями. Каждый взвод поёт свою песню, а, в общем, получалась такая какофония, что страшно слушать. У основного здания роты останавливаемся. Старшина бежит в канцелярию, докладывает командиру о прибытии роты и, возвратившись, командует разойтись. Расходимся. Образуются кучки. Курят. Снова команда и снова строимся. Начинается развод на занятия. Выходят офицеры. Один из них подаёт команду «смирно!» и, печатая шаг, подходит к командиру роты с докладом. Всё это неизбежно входит в военный ритуал, в арм[ейскую] этику. Командир здоровается с нами. Мы, набрав предварительно воздух, скандируем: «Здрав жлам тварш кптан», что означает: «Здравия желаем, товарищ капитан!» Затем каждый взвод в отдельности идёт на занятия. Тебе любопытно, конечно, узнать, что это были за занятия.

Во-первых, строевая. На плацу наш взвод разбивают на три группы-отделения, и сержанты обучают нас ходить. Да, не смейся. Именно ходить. Но ходить по-солдатски. Повороты в движении. На месте. Шире шаг! Тянуть! Тянуть! Выше тянуть! Раз-два! И так целый час в зависимости от усвоения. Потом классные занятия. Изучение уставов. Военной техники. Занятия физподготовкой. Огневая. Снова команды. Ложись! Заряжай! Огонь! И нажимаешь на курок. Раздаётся щелчок, карабины-то учебные. Стреляли два раза. Один тренировочный, другой перед присягой. Оба раза в три нуля (т.е. из 30 возм[ожных] – 30 выбитых). Оценка отличная. После занятий – обед. Те же процедуры с командами, «...», мисками и ложками. Чистка оружия. Снова занятия или подготовка в наряд. Внеочередных нарядов я не получал. В очередной же заступаешь на сутки с шести вечера.

И вот 7 ноября. День присяги. Посвящение в солдаты. До этого мы были просто «салаги», теперь же мы влились в массу «старичков» и были её равноправными членами. На завтрак подали плов (такую роскошь можно откусать только на больших праздниках), и после всех этих ритуалов день был в нашем расположении. Забыл тебе написать ещё, что кисель подавался только по субботам и воскресеньям, обычный же обед представлял из себя первое и второе (без третьего), а кинофильмы положены были два раза в неделю.

После присяги нас заставили нести караульную службу. И самый ответственный пост достался мне. На сопке (вернее, у её подножия) были расположены наши склады с боеприпасами, материал[ами] и хоз[яйским] оборудованием. Всё это было огорожено однорядной колючей проволокой. Я же находился внутри. Шёл тёплый пушистый снег. Точно такой же, как в тот московский вечер. Я закрывал глаза и видел твоё улыбающееся лицо. Ты смотрела на меня так, словно между нами ничего не произошло. Дарила мне эту улыбку... Гладила мои волосы. Твои высоко поднятые брови особенно ярко выделялись на фоне бледного красивого лица, а полуоткрытый рот был влажным и таким влекущим... Снежинки падали мне на лицо и таяли. Вскоре снег повалил хлопьями, и я превратился в настоящего Деда Мороза. Серая шинель превратилась в белую шубу, а во-

роненый автомат стал похож на сибирского кота. Луна уже совсем не проглядывалась сквозь пелену густого снега. Неподалеку кричал филин. Говорили, что на складах водится рысь, а совсем недавно тигр утащил теленка из соседней деревушки. А кабанов здесь! П слышались шаги. Уставные предосторожности, я сменен другим часовым. Тёплая печь. Клонит ко сну. Протерев и смазав автомат, я сел за письмо. Помнишь? Ты ещё тогда ответила, что я писал его под впечатлением музыки, и не ошиблась: такая романтическая ночь – тоже музыка. Да, ещё языки пламени, отражающиеся на стенах, тихая, посапывающая обстановка. Зимняя ночь. Снег. Всё это действительно звучало тогда в моей голове. Шёл первый год моей службы.

Письмо двенадцатое. Фантастическая симфония

Скрипки вели таинственную нереальную мелодию. Никто не шумел, и все погрузились в сказочный мир берлиозовских сновидений. Французский композитор открывал всё новые и новые возвышенные чувства, вводил слушателя в ещё более совершенные образы. Он открывал людям то, о чём они давно разучились думать. Берлиоз говорил о настоящей человеческой любви и звал за собой. Музыка входила в плоть и в кровь. Заставляла забыть на время обыденную любовь, словно шептала, что есть чувства более высокие, чище и одухотвореннее, чем простое лобызание, жалкие объятия и половые аффекты. Это была музыка большой души и поистине огромного сердца. Она будоражила, волновала, подхватывала на свои могучие крылья и несла высоко-высоко над облаками, куда не могла заплзти, подобно горьковскому ужу, слащаво-сентиментальная обывательская чувственность. Пётр Ильич [Чайковский] несправедливо обвинил Берлиоза в отсутствии у него богатого мелодического дара.

Напрасно он утверждал, что тема любви у франц[узского] романтика не трогала и не восхищала. Конечно, она не обладала теми качествами, что были присущи Чайковскому, в ней отсутствовала русская распевность и элегичность. Но зато в ней присутствовала одухотворенность и знойная мечтательность, которой нет в муз[ыке] Чайковского.

Совершенно разные натуры, разные судьбы. Один – лирик, драматург и трагик. Другой – романтик, мечтатель, любитель оркестровых трюкачеств. Вообще, среди больших музыкантов существует какая-то нехорошая традиция. Война. (...) Надсмехание. Пуччины над Глюком. Ненависть к (...) и Паганини. Моцарт и Сальери. Россини и Керубини. Лист и Брамс. Малер и Рихард Штраус. Хиндемит и Шёнберг. Ни среди поэтов и живописцев, ни среди литераторов подобной вражды не наблюдается. Сколько бы оставил нам симфоний А. Брукнер, если бы не ненависть к нему со стороны гениальных. Я отвлёкся и не заметил, как первая часть закончилась. Все сидели по-прежнему на своих местах и слушали. Но многие спали. Начинался знаменитый вальс... Рокот виолончелей и контрабасов сменили арфы. Всё наполнилось звенящим пиццикато аккордов, которые перешли в партию скрипок. Начинался бал... Ты помнишь бал Наташи Ростовской? Огромная зала. Белизна колонн и тысячи свечей! Нарядные кавалеры и дамы. Ах, эти прелестные аристократки! Манеры, воспитание, образованность, вот чему надо учить наших девчонок! Женственности, достоинству. Смотри, как они танцуют, где сейчас найдёшь подобное?! Нет, я не за так называемое высшее общество. Я за культуру этого общества, ибо это культура поистине коммунистического начала.

Но вот закончился вальс, и в свои права вступила гильотина. Шествие на эшафот! Фаготисты всего мира ценят эту часть лишь потому, что в ней Берлиоз отдал предпочтение фаготу. Да какое предпочтение! Изумительная! Решительная! Мужественная и в то же время несколько ворчливая партия фаготов покоряла своей красотой! Герой шёл на казнь. Гордо подняв голову, он шёл со связанными руками в окружении стражников. Вот и эшафот. Толпы людей и палач в своём красном одеянии. Атлас его капюшона отливал пламенем костров инквизиции, а топор с голубоватым лезвием лежал на плахе. Раздалась дробь барабана. Глашатай читает приказ короля, и осуждённого вводят по ступенькам наверх. Вот голова на плахе... Последний раз воспоминание о любимой и... всё. Струнные изображают падение головы со ступенек. Жуткое зрелище... душа героя в аду.

Последняя часть – «Шабаш ведьм». Вот оно – Эребово царство. Вергилиев ад! Здесь Орфей искал свою Эвридику, умоляя духов отдать ему возлюбленную. Но в ответ – «Нет! Нет! Нет!». Здесь Паоло нашёл свою Франческу и так и остался с ней навеки, не выдержал испытания, оглянулся. Здесь нашёл своё пристанище Манфред Байрона, Шумана и Чайковского. Это царство охраняли злые духи и слуги Мефистофеля. Там гуляли вихри и летали ведьмы. Слышались вопли грешников. Скелеты играли в «кости». Ядовитый туман стлался по слизистым камням, и отвратительные гады ползали по их поверхности. Обо всем этом рассказывает Берлиоз образом своего героя. Вот бьют часы... Начинается шабаш... Слетаются злые духи и хохочущие ведьмы.

Сползаются гады и всякие твари. Свист! Дикий хохот! Вой! Какой ужас надвигается на нашего героя! И вот оркестр затихает, а скрипки, скрипки-то начинают играть что-то невероятное. Древром смычка музыканты извлекают причудливые скрипящие (словно кости) звуки. Кларнет вторит им леденящей душу трелью. О какой ужас! Скелеты, гремя костями и соединившись в тесный круг, отплясывают танец смерти. Звучит «Dies Irae».

Когда пластинка остановилась, я посмотрел на слушателей. Начались шумные разговоры, возгласы восхищения, но их было так мало. Большинство протирало глаза и широко позевывало. Так закончилась моя первая лекция, лекция о Берлиозе. В качестве музыки я выбрал «Фантастическую», кстати, единственную из всего его творчества. Хотелось бы, конечно, показать «Гарольда», но, увы, пластинок не было. Следующей я избрал «Зимние грёзы» Чайковского.

Письмо тринадцатое. Листок из дневника

Стоят тёплые октябрьские дни. Приморская осень отдаёт своё последнее тепло перед надвигающейся зимой. Листья все облетели, и лёгкий ветерок кружил их, словно кавалер обхаживал, догонял. А листья убежали от него, порхая, объединялись, хороводились. Умывшись, я смотрел и смотрел на эту красоту. Природа предчувствовала свою литургическую смерть и печальными глазами увядающей жизни созерцала свою голую беспомощность. Это была бес-

помощность женщины. Слабость и в то же время ожидание чего-то неотвратимого. Дыханием молодого тела она наполняла вокруг себя чистым запахом свежести, и я вдыхал эту свежесть, захлебывался ею. Замирал от каждого её лёгкого дыхания. Она возбуждала собой, пленяла и окутывала таким озоном счастья, что казалось, вся жизнь человеческая принадлежит только ей. Заключается в её лишь существовании.

Я вспомнил декабрь шестьдесят третьего года. Облачившись в свою тёплую шубу, природа спала и наслаждалась в забытьи рождественскими снами. Как всегда, я раскрыл свой дневник и в мгновение оказался в столице. Снова ты... В голове появилась какая-то хорошая мелодия, и я тут же записал её. Потом ещё и ещё. Так родился «Забытый вальс». Ну а так как он обязан своей жизнью дневнику, то я приписал ещё «Листок из дневника». Вот уже три года я играю его на концертах, для себя, просто в компании, и он всем нравится. Да и как он может не нравиться. С первых же двух звуков он говорит о печали. Фигурации, в которых что-то от Лядова, Шопена и Скрябина, навевают давно забытое, прошедшее. Но вот тёплые аккорды мажора и минутное ликование. Снова возвращение к первой теме, которая сменяется новыми мотивами... Прошла та замечательная жизнь, пролетели годы юности, но вот звучит музыка, и всё воскресает. Всё наполняется тобой, твоим дыханием, твоей улыбкой. Здесь всё. И блестящий от дождя асфальт, и тусклый фонарь, свидетель наших встреч и расставаний. Здесь и московские встречи, и московское прощание. Концертные залы и станции метро. Ночной снегопад и цветы... Здесь и грусть, и радость. Мечты и реальность. Сейчас я пишу для твоей скрипки Романс с кам[ерным] орк[естром], который посвящу тебе. Всё лучшее, что есть во мне, – это твоё.

Письмо четырнадцатое. Капитан Довгаль

Иногда по вечерам, когда мы занимались личными делами, командир роты вызывал меня в канцелярию с баяном. Я до сих пор удивляюсь его природной способности слушать музыку. До сегодняшнего дня я не встретил ещё ни одного офицера, чтобы хоть в чём-то сравнить с капитаном Довгалем. Это был высокий черноволосый

мужчина с красивейшим кавказским лицом (что-то от метиса). Он имел всё своё, только ему одному присущее. Когда он шёл, то никто не мог сравниться с ним в этом искусстве. Когда он говорил, то его глаза, чуть-чуть раскосые, жили каким-то особым миром, излучая настоящий огонь. Небольшой акцент делал его ещё более обаятельным, общительным и отзывчивым. Как командир – это был Зевс, которого все боялись, вплоть до ком[андира] части, кот[орый], кстати, завидовал ему и недолюбливал. Но как человек! К чему сравнения! Если можно действительно сравнить его с остальными, то он являлся тем самым высокоорганизованным существом, под которым подразумевают человека.

Его кристальная чистота, честность, партийная принципиальность не могли и стать рядом даже с миллионами, тоже называющими себя людьми. Это единственный офицер, кому я не могу противопоставить никого из современных невежд, считающих себя офицерами Сов[етской] Армии. Эти офицеры обдирают государство, сидят на шее рабочего класса. Наев толстые животы и сверкая плешивыми затылками, они важно заседают, совещаются и подводят итоги чужой деятельности, чужой работы. Эти сволочи считают себя коммунистами, а сами поднимаются и пухнут, как тесто. И эти мерзавцы обвиняют меня в том, что я ничего не дал для народа, что я ненавижу народ и коммунистич[ескую] партию. Что я против соц[иалистического] строя. Клеветали на меня в печати, арестовывали, оскорбляли и всячески унижали. Эти мелко-буржуазные подонки только и ищут повода посадить меня за решётку. Нет уж, господа паразиты, обыватели и филистеры! Никогда вам не затянуть меня в своё гнилое, вонючее болото. Если бы ты знала, как он переживал, когда меня перевели в Уссурийск. Ведь я был гордостью его роты. Ни у кого, кроме как у нас, не было бесед о музыке, поэзии, о живописи. Наша самодеятельность не имела себе равных по всей окрестности Уссурийского гарнизона. Он гордился, когда я выступал с собственными произведениями. А как он любил [музыку] Моцарта и Россини. Когда же я начинал играть Баха, он вставал и грустно смотрел в окно. Его длинная шинель чуть ли не касалась пола, и сзади он напоминал Сталина. Этот человек любил искусство

больше, чем романтику офицерских странствий. Он всегда старался облегчить мою службу лишь для того, чтобы я больше занимался музыкой, развивал у солдат эстетический вкус. Он, как никто, видел трудолюбивость и адскую усидчивость, всегда защищал от нападков ком[андира] части. Потому что он сам любил трудиться и был идеалом для офицерства. Ненавидя фамильярность, лицемерие и невежество, он часто сокрушался по поводу образования офицеров. Вот каков мой первый командир.

Письмо пятнадцатое. Поражение. [*Февраль, 1964 г.*]

Музыкальные статьи, как ты знаешь, я начал писать в Магадане, когда мне было 18 лет. Продолжал писать и в армии. Пишу и сейчас. Но три года назад я вдруг решил, что мог бы использовать армейскую газету в пропаганде серьёзной музыки. И отослал в редакцию неск[олько] статей к юбилейным датам. Их не напечатали, но ответили, что газета ОВО имеет сугубо военную специфику и муз[ыкальные] статьи не могут отвечать запросам солдатской молодежи. Я в ответ послал письмо, в кот[ором] изложил свои мысли насчёт «запросов солд[атской] молодежи», но на этом моё первое знакомство с ред[акцией] «Сув[оровского] натиска» осталось законченным (до некоторого времени). Дни проходили за днями, месяцы за месяцами. Солд[атские] дни и солд[атские] месяцы. Приближался смотр худ[ожественной] сам[одеятельности]. Первая рота, наша соперница всю готовилась к февральским праздникам. Участники сам[одеятельности] освобождались ото всех занятий (нелегально и втайне от ком[андира] части). Мы следовали тем же принципам, иначе как подготовить неподготовленный коллектив к хорошему муз[ыкальному] представлению? Люди же, полагающие сделать из «непрофес[сионала]» прекрасного хориста за месяц-два, попросту лишены объективности. Сколько я растратил времени, энергии, нервов, чтобы получить от хора хоть минимум чистого тона. Дело в том, что я организовал академический хор, в отличие от соперников, и только лишь мужской. Пенченко же (рук[оводитель] сам[одеятельности] I роты) имел и женскую группу хора. Меня тогда мало кто знал из жён офице-

ров, и поэтому мы надеялись только на свои силы и возможности. Я расписал партии для INSTR[ументального] ансамбля и хора. Занимался ещё и с солистами. Аккомпанировал танцорам, партерной группе. И вот концерт. Анат[олий] Шестернин читает «Письмо в ХХХ век» Р. Рождественского. Вступает хор. Сложная «Кантата о партии» (четырёхголосная и предназначенная для смеш[анного] хора) прозвучала величественно, но неполноценно. Сказалась неподготовленность голосов, сжатое время. Лир[ический] хор Матвеева «Зимушка...» прозвучал тепло и проникновенно. «Помни» же Молчанова не произвела эффекта. Как я ни пытался сдерживать оркестр, ничто не помогало. Трубы ревели, заглушая кларнеты и баяны, то не выдерживали длительности и паузы. Затем выступали солисты, танцоры, акробаты. Концерт прошёл «живо, но не академично, по самодеятельному». Сам я играл наиболее эффектные пьесы. Это «Увертюра» Россини, «Цыганские мелодии», «Танец с саблями»... Первая рота выступила не лучше, но хор звучал полнее нашего, чище. Надо было признать свое поражение. Иначе и не могло быть: коллектив Пенченко, в основном из старого солдатского призыва и сержантов, существовал третий год, а жены офицеров всю жизнь являлись уч[астниками] самодеятельности]. Мы же ещё пока «салаги», не знали хорошо друг друга, не были так монолитны, как пенченский коллектив. Я приехал с багажом академизма и не имел ещё навыков работы с неподготовленными людьми. Хорового и песенного репертуара не было. Оркестр ещё «кричал», не было ансамбля. Всё это я учёл и сразу же принялся за поиски нужной литературы. Занимался с музыкантами, с хористами. По группам и с каждым в отдельности. Завлекал девчонок (в лучшем смысле) из соседних сёл, переманивал жен офицеров. В общем, приложил всё своё мужское искусство. Я рвался взять реванш. До мая ост[авалось] 2 мес[яца].

Письмо шестнадцатое. Солдатские сны. [Март, 1964 г.]

Спустившись с горы, я наблюдал за бегущими товарищами. Лыжники, тяжело дыша, рвались к финишу. Пот градом катился по их раскрасневшимся лицам и резал глаза. Сам я неплохо бегал,

но не любил лыжных кроссов. Моей страстью был слалом. Обогнув сопку, я стал взбираться на вершину. Меняя рывки на «лесенку» и «ёлочку», я вскоре достиг вершины. Дыхание участилось, но было хорошо. Солнце брызгалось искрами так, что, отскакивая от снега, слепило глаза. Лёгкий морозец радовал и не давал стоять на месте. Вспомнился Пушкин. Помнишь? «Мороз и солнце. День чудесный!» Ах, как было хорошо! Я носился по пригоркам, пел и смеялся. Вновь взбирался на сопочки и вновь спускался с них. Проголодавшись, помчался в часть. Пока добрался, уже стемнело. Рота строилась на ужин. Заняв своё место в передних рядах, я с места начал строевым. Рота грянула песню. После моих занятий тон стал чище, звук звонче и петь самому было приятно. После ужина чистил оружие. Провёл небольшую репетицию с тенорами и, как только раздалась команда «отбой!», моментально заснул. Ох, уж эти солдатские сны! Чего только не насмотришься за ночь! Где только не побываешь, сколько не прочувствуешь всего! И вот сейчас твоё лицо вдруг исчезло. Перед глазами поплыли разноцветные круги, а в ушах звенело и выло. Я соскочил с постели. Сигнальная лампочка угнетающе и тревожно мигала, а сирена вползала в тело, уши, нос, рот. И выла, выла... Виктор Давыдович отдавал распоряжения. Маскировали окна. Разбирали, нет, скорее расхватывали оружие. Толпились, мешали друг другу. Падали. Теряли снаряжение. Тревога! Везде одинаковая тревога и такая же, наверное, суматоха. На плацу мы подогнали снаряжение. Многие только здесь очнулись ото сна. Разобрались по взводам. Предстоял марш-бросок на 10 км; это ещё немного, но всё равно для тех, кто плохо бежит такое расстояние, – мучительно.

Дежурный по КПП щёлкнул замком, и металлические ворота распахнулись. Вышли из расположения части. Команда «приготовиться!». Затем «бегом марш!». Довгаль с фонариком бежал впереди, за ним – мы. Я пристегнул полы шинели к крючкам у пояса. Так ноги были совершенно свободны. Саперная лопатка не болталась, только автомат, хотя я сунул магазин в карман, постукивал по спине. Бежать было легко. Звёзды тоже бежали. Скрипел снег. Все сопели. На два шага вдох, на четыре – выдох. Методика простая, толь-

ко нужна привычка. Кто-то не выдержал. Его подхватили под руки, хотя сзади и шла санитарка. Ночь выдалась тёплая, и я чувствовал, как нательная рубашка прилипла к спине. Самое страшное – это сбить дыхание. Тогда уже никакая выучка и выносливость не помогут. Многие не понимают этого, и вот результат. Пахнуло перегаром. Ну, тут уже «финиш» ясен. Сто, двести метров, и лёгкие не смогут больше в достатке обеспечивать сердце кислородом. Только двухсотметровый марш спасает тех, у кого не в порядке с лёгкими, да и то ненадолго. Снова бег. 800 метров напряжения и 200 метров расслабления. 800 метров бегом, 200 – шагом. У КПП все почувствовали облегчение. Уже в роте я снял шапку. Волосы слиплись. Лицо горело. Маленькая проверка. Подсчёты утерянного и второй отбой. До подъёма – четыре часа. Что ж. Будем засыпать. Сны... Солдатские сны.

Письмо семнадцатое. «Скалы любви». [*Апрель, 1964 г.*]

Апрельские ручьи звенели всё громче и громче. Сосульки становились всё меньше и меньше, а я трудился всё больше и больше. Репетиции с группами хора, с орк[естром]. Руководство оформительской работой над декорациями и костюмами. Военные занятия. На всё это требовалось много времени. Потом же ещё и наряды, другие служ[ебные] обязанности. Много занимался специальностью и композицией. Написал «Марш-скерцо», несколько этюдов, «Adagio» для кам[ерного] орк[естра]. Приближалось 1 мая. Подготовка к смотру велась, как обычно, тайно, а ты понимаешь, что значит «тайное» у военных. Ни одна лишняя душа не знала, что мы готовим, как мы собираемся поразить своих противников. А наши худ[ожники] расписывали огромные декорации, сшивали флаги всех стран, конструировали различные приспособления, материалы, костюмы. Электрики готовили кабеля, подфарники, кинопроектор, проверяли это по нескольку раз. Наше небольшое и малоопытное «государство» готовилось к войне. Армия оттачивала своё оружие, чтобы победить в этой войне.

Назначенный день концерта. Всё было готово. Хор распелся. Общий ансамбль с орк[естром] был хорош. Я нервничал, но был

в прекрасной форме. Наконец все на своих местах. При закрытом занавесе Шестернин читает Маяковского. Я даю последние указания хору и орк[естру]. Ну, всё! Объявляют мою песню. Занавес открывается, и я выхожу в своём выутюженном мундире. Восьмидесятиголосный муж[ской] хор в новеньких мундирах и фуражках стоит как на параде. Оркестр из 12 человек ждёт моего взмаха. Включается наша иллюминация, и одновременно из кинопроектора вылетает яркий сноп света и освещает всю сцену. Хористы были ослеплены, но я рельефно выделялся на этом фоне и поднял руки. Резким взмахом начал выступление оркестр. «Солдаты XX века», так называлась моя песня на собст[венные] слова. Раскланявшись, судя по шумным аплодисментам, успех был отличным, я начал новую песню-гимн «Марш 26 июля». Снова шумные аплод[исменты]. И вот последняя. Хор охотников из оп[еры] Вебера «Волшебный стрелок». Вызывали меня несколько раз. Хор и орк[естр] прекрасно справились с поставленной задачей и быстро исчезали со сцены. Номер сменялся за номером. Солдатские и девичьи песни, танцы. Политические сцены с костюмами, с гримом, с муз[ыкальным] сопровождением. Апогеем всего была композиция «Куба – любовь моя!». Все участн[ики] выходили и пели песню Пахмутовой. Развевались знамена, а держали их статные, бородатые кубинцы и сов[етские] воины. Поверишь ли, какой это был успех? Для солдат это же настоящий праздник! О первой роте не стоит и говорить. Почти все призы, грамоты и ценные подарки были наши.

Я на этот раз играл только свои произв[едения] и мечтал уже о воссоединении двух коллективов в одну общешкольную. Но тогда я не знал, сколько испытаний выпадет на мою долю. Не представлял тех трудностей, кот[орые] с этого радостного дня встали на моем пути. 1 мая я с товарищами пошёл в увольнение. Весна разворачивалась по всему фронту. Славка Большаков (наш зам[еститель] комвзвода) взял фотоаппарат, и мы направились к «Скалам любви», где (по преданиям китайцев) встречались раньше влюбленные. Как я жалел, что нет тебя рядом. Никакая радость не в состоянии была разделить моё одиночество.

Письмо восемнадцатое. Закон единства и борьбы противоположностей. [*Лето, ранняя осень, 1964 г.*]

Неожиданно пришёл июнь. Запах черемухи преследовал даже в казарме. Июнь сменил июль, а вскоре ворвался и август со своим влажным зноем и пылью. Гимнастерки выгорели, а лица превратились в бронзу. Мы принимали вид бывалых солдат. В свободное от занятий время я сочинял «Сонату» или пропадал в библиотеке. С интересом изучал Фейербаха, Герцена, Чернышевского. Зачитывался письмами Маркса и Энгельса. Написал несколько статей о музыке. В Пограничном купил случайно новую книгу М. Шагинян «Воскр[ешение] из мёртвых». Так понравилась, что, не раздумывая, написал ей длинное письмо. Так завязалось наше заочное знакомство. Одновременно дал отповедь ред[акции] «Сув[оровского] натиска». Познакомился с Ген[надием] Пожидаевым и Акимовым.

Последнему выслал свои песни, хотел написать ещё несколько лир[ических] песен, но неожиданно уехали работать в воен[ный] совхоз. Косили сено, пропальывали овощи. Вечером купались и ловили в озёрах рыбу. А в это время ком[андир] части сочинял на меня клевету. До этого я написал в газ[ету], что солдаты не имеют возможности ходить в театры и филармонии, но их можно отпускать или возить в ДОСА Погран[ичного] района, где проводятся концерты ВТКО. Что мы неоднократно обращались к нему с этой просьбой, но получали отказ. И что же ты думаешь. Он написал в почтотдел, что я как человек ни к чёрту, что не хочу заниматься худ[ожественной] самодеятельностью, что мои обвинения по отношению к нему – ложная выдумка. Мол, солдаты регулярно выезжают на концерты в Пограничное и не имеют жалоб. Нашёлся такой подонок Моисеев из политотдела, которого я тогда ещё не знал и кот[орый] для своего личного интереса раздул из «мухи» под[полковни]ка Журбенко (ком[андира] части) своего жирного «слона». Тут уж я был грязнее грязного. И тунеядец, и паразит, и клеветник, и кем только я не был! Ты знаешь, я всегда ненавидел подлецов, но то были подлецы, не прикасавшиеся ко мне. Здесь же – явное оскорбление, да ещё в печати. Товарищи возмутились и посоветовали вызвать корреспондента в часть. Я так и сделал, но все ожидания оказались напрасными.

У меня такая натура, что приходится молниеносно реагировать на оскорбление, но так же быстро прощать обидчику его подлость. Забыл я и эту глупую обиду. В сент[ябре] мы проводили теплотрассу. Копали траншеи. Автогеном резали трубы. Варили. Мне сообщили, что приехал какой-то корреспондент и ждёт меня в штабе. Это был тот «долгожданный». Я как был в рабочем, так и предстал перед ним чумазый, слегка удивлённый. Вышли. Сели на лавочку. Он был в поношенном костюме, помятом. Начав издалека, стал разъяснять, что такое единоначалие в армии, что такое дисциплина. Я всё понял. Я смотрел на его неряшливость и думал о том, что начинается борьба. Я слушал его монотонную речь и понимал, что борьба будет жестокой. И что я буду одинок в этой неравной борьбе. Столкнулись две противоположности. Два совершенно других мира. Через месяц в «Сув[оровском] натиске» появилась статья «Призвание и служба». Я заранее знал, что не найду в ней ни одного тёплого и правдивого слова. Я готовился защищаться.

Письмо девятнадцатое

Дорогая моя! Любимая! Я знаю, что ты никогда не прочитаешь этих грустных писем, никогда не увидишь больше моего лица, не услышишь моего голоса. Эти письма пишутся для тебя и в то же время не для тебя. Они никогда не будут отправлены, а останутся лежать на моём столе. В них моя исповедь. В них моё признание в любви к тебе. Ведь ты сомневалась в ней. Говорила о её временности, непостоянности. Но вот прошло шесть долгих лет, а я снова говорю тебе те же слова, что писал в первых своих письмах. Да, я люблю тебя. Да, я не могу жить без тебя, ибо все эти годы я не жил. Я глупо существовал. Без тебя я размельчался и расплылся. Не находил себя. Страдал сам и заставлял страдать других. Ты отняла мои крылья, а что я без них? Жалкий человечек, кот[орый] подпрыгивает, пытаясь взлететь над повседневностью. Но я не погиб. Нет! Я вновь оперился и вот-вот расправлю свои могучие крылья. Подлость других воспитала во мне презрение к земному. Гнусное лицемерие людей сделало меня язвительным. Клевета закалила мою искренность, а ползущая змеиная обывательщина заставила

меня сделаться птицей. Людская глупость и невежество пробудили во мне стремление к величию, к большой и благородной славе. Теперь я снова полон сил. Испытания закалили мой дух, отточили моё оружие для дальнейшей борьбы за новые вершины жизни. Ты была виновата в одном: в том, что не оказалась выше меня. Не сумела победить мой эгоизм. Но я сам растоптал этот эгоизм, раздавил его, как гадину. И тебе я благодарен в том, что вновь обрёл себя. Стал сильным и ненавистным для врагов. А что может быть достойнее для человека, как сознавать своё превосходство над более сильным противником. Возбуждать в нём ненависть и панический страх перед неминуемым поражением. Да! Я люблю тебя! Но я могу жить без тебя! Могу бороться без тебя! И побеждать без тебя! Потому что моя любовь сильнее тебя, сильнее твоего равнодушия. Любовь к тебе – вот что сделало меня крылатым! Она делает меня и великим! Уже недалеко то время, когда моя Родина будет гордиться своим сыном. Когда весь мир узнает о новой восходящей звезде. О новом муз[ыкальном] гении. Моя душа чиста и непорочна. Только любовь к тебе удержала меня от бесчисленных соблазнов и пороков. Только огромная, чистая и всеобъемлющая любовь к тебе сумела сохранить мою непосредственность, мою совесть и чело[веческое] достоинство. Да, я люблю тебя! И я благодарен тебе за то, что ты есть, что есть твоя улыбка, что стал Человеком.

Письмо двадцатое. Мои орг[анизаторские] способности

И снова возвращение к давно минувшему. 1965 г. Учебный год закончился, курсантам присвоили звания и распределили по другим частям. Меня оставили в школе. Та же однообразная жизнь солдата. Строевая. Тревоги. В феврале мы снова заняли первое место по всем видам. Началась подготовка к юбилейному майскому смотру. С Виктором Давыдовичем ездил за пополнением. Знакомый стук колес. Усурийск. На автобусе добрались до Пограничного. Генка Бородин рассказывал про Владивосток. Он там родился и вырос. Прекрасный парень. Я впоследствии не раз останавливался у него. Поезд отходил в 4 утра, и мы, поужинав в ресторане, расположились в гостинице. Ты не представляешь, какое я испытывал ощущение,

прислушиваясь к пыхтению и гудкам паровозов. И я не раз ловил себя на мысли, что хочу к тебе, в Москву. Свистки, гудки, голос вокзального – всё это волновало, не давало уснуть. А потом же я ехал туда, где учились твои подруги – Ленка Эльманович и Аня Мельникова, Томка и Сашка Шаповаловы. Это были и мои друзья. Засыпал я, представляя себе эту встречу, и вот Владивосток. Оставив вещи у Гены, я поехал в инст[итут] искусств. Вызвал Лену. Видела бы ты её в этот момент! Засыпала меня вопросами, потащила меня в общежитие. И снова восторги. Снова объятия. Отметили встречу. Пробыв в их весёлом обществе 4 дня, я вынужден был проститься. В 5:30 вечера уходил поезд. По возвращении в часть принялся за подготовку общ[ей] школьной самодеят[ельности]. Приходилось созваниваться с парторгками колхозов и совхозов насчёт девчонок, работающих на фермах, станциях, в магазинах и в разл[ичных] других учреждениях. Сам мчался туда на мотоцикле и записывал желающих в хор, вок[альную] группу, в танц[евальную] группу. Желающих было много. Все офицерские жёны были теперь мои. Вставали новые преграды – транспорт. И снова мне приходилось вспоминать дипломатические приёмы, чтобы выпросить машину, две для девчонок. Так наша часть стала по-весеннему праздничной, полной девичьего смеха. Солдаты прибодрились, затянули ремни и ходят петухами. Тебе смешно, а они ведь, бедняги, скучают по вам, ведь почти у каждого осталась любовь, невеста или жена. Солдату хочется поговорить, полюбезничать с краснощёкой молодухой.

А командир схватился за голову и кричит на меня, что армия – не птицеферма! Армия – не публичный дом! Я в ответ смеюсь. Ему не понять, что солдат не станет хуже после того, как познакомился с девушкой. Наоборот, он станет чище, опрятнее, подтянутее. Будет следить за своей речью. Станет человеком. Ибо только женственность очеловечивает людей, делая их приятными, добродушными и честными. Нашему же под[полковни]ку казалось что-то нехорошее в том, что солдат будет по субботам и воскресеньям ждать свою девчонку и под духовой орк[естр] нести её в ритме вальса. Он не понимал, что это и есть та частичка человеческой культуры, кот[орая] очищает человека от мужичества, от пошлости и от солдафонской грубости.

Письмо двадцать первое. Одержанная победа. [Май, 1965 г.]

Май надвигался стремительнейшим образом. С раннего утра и до глубокой ночи занятия, поездки в колхозы и совхозы, споры до хрипоты с ком[андиром] части об освобождении участников самодеятельности от всех занятий и работ. Приходилось забывать не только про газеты, но и поесть было некогда. И в этой кутерьме я находил время для писем! Однажды я пришёл с репетиции, когда все спали, и обнаружил под подушкой письмо от М. Шагинян. Она писала о какой-то статье Зелинского, порочащей её книгу о Мысливечке, и просила дать отповедь беззастенчивому автору поганенькой статьи. Я тут же ответил ей и одновременно написал свою в «Литературную газету», а также письмо-просьбу А. Хачатуряну поддержать меня силами музыкантов. Иностран[ный] отдел «литературки» начал убеждать меня, что статья Зелинского написана доброжелательно и без всякого подвоха. Убеждал, что Зелинский хвалит книгу М. Шагинян. Вскоре появилась статья Ярустовского в «Правде» в защиту «Воскрешения из мёртвых». Я написал ему тёплое письмо благодарности и не ошибся. Мы начали обмениваться с ним мнениями по вопросам музыки. Кстати, ты должна его знать. Это профессор Московской консерватории. Он ведёт там теоретические предметы. Так мои творческие связи постепенно расширились. Борьба из мелкой превращалась в крупную общественную борьбу. Я почувствовал поддержку, начал оперяться, показывать свои зубы.

В мае мы поставили несколько концертов в части и в соседних сёлах. Хор насчитывал в себе сто с лишним человек. Оркестр играл уже прекрасно, и холминовская «Песня о Ленине» прозвучала полно, благородно, свежо. Затем величественная «Армии слава» Мызникова, «Шумел Амур раскатами» Лыткина и украинская народная песня «Ой, чия це хатинка». Успех был бесподобный. Разнообразие номеров. Мужская вокальная группа. Вокальные дуэты, трио, квартеты. Пляски. Оркестровые миниатюры. Всё это было отточено и отделано мастерски.

Это была моя победа. Смешно, девчонки повлюбились в меня. Но, увы, что я им мог сказать. Приходилось обманывать и говорить, что я женат, что жена моя самая красивая в мире! Они не догадыва-

лись, что это была ты, несуществующая жена. Но была среди них одна изумительная брюнетка с голубыми глазами. Её длинная смоляная коса всегда восхищала меня, и когда я по списку проверял всех, то её имя выговаривал особенно ласково. Она видела и чувствовала это и дарила мне свою застенчивую улыбку. Её обаяние напоминало твоё обаяние, а глаза излучали тот же свет, ту же глубину. Я танцевал с нею, когда оставлял свой эстр[адный] ансамбль и не был занят игрой. Когда я приглашал на танец, её нецелованные губы смущенно улыбались, но глаза выдавали то, что она неотступно следила за мной и ждала, когда я подойду к ней. Свежесть, исходившая от неё и наполнявшая всё моё существо, напоминала тебя. А когда я закрывал глаза, то чувствовал на плече твою жаркую ладонь, ощущал твоё трепетное дыхание. Я не подозревал тогда, что означала презрительная ухмылка ком[андира] части. Через две недели, к неожиданности Вик[тора] Дав[идовича] и замполита, я уехал в Уссурийск. В другую часть.

Письмо двадцать второе. Испытание на волю и стойкость

Теперь-то я знал, чья немилость оторвала меня от товарищей, от коллектива. Кто явился виновником ещё больших унижений и оскорблений моего достоинства. Но тогда я ссылался на немилость судьбы ко мне. Готовился встретить новые трудности. И не ошибся. В штабе меня подозрительно осмотрели, ощупали нахальными глазами. Заранее предупредили о том, что если буду пить или хулиганить, то служба моя продлится в дисбате. Определили в самую плохую роту. Я вышел расстроенный. Спросил, где была 2-я рота (их было пять). Если бы ты видела, куда я попал! В казарме лужи воды! Штукатурка во многих местах обвалилась! Стоял тяжёлый запах сырости. Ползали дождевые черви. Пьяные песни под гитару тревожили эту могильную тишину и хлестали меня по нервам. На миг подумал, что я в лагере исправительного режима, и испугался этой дикой мысли. Она впоследствии не раз приходила мне в голову. На следующий день меня вызвали в канцелярию роты. Старшины матерились и рассказывали глупые анекдоты. Было всего два офицера. Один из них в звании капитана сразу оттолкнул меня своей дагерротипной внешностью. Маленький, бесформенный, он

что-то рассказывал и смеялся, показывая свои гнилые зубы. Я доложил о прибытии. Он начал спрашивать, на каких работах я работал. Я ответил, что я музыкант. Но он не понял и снова начал задавать глупые вопросы. Тогда я разъяснил ему, что существует также, наряду с другими специальностями, и профессия музыканта. Но что ему было объяснять! «Музыку забудьте! – сказал он мне. – Отныне Вы – разнорабочий. Ясно?» Я откозырял и вышел. На следующий день был зачислен в бригаду каменщиков и приступил к работе. Раздевшись до пояса, я ловил кирпичи и кидал их с земли на возводимый второй этаж. Носилки с цементным раствором резали руки, кот[орые] готовы были вот-вот разжаться. Но я говорил себе: «Держись! Держись!» – и медленно шёл по сколоченному наспех трапу. Пот резал и щипал глаза, попадал в рот, и я сплевывал солоноватую слюну. В перекурах я садился к костру, где грелся битум, а мои «коллеги» азартились в карты. Моими инстру[ментами] стали лом, кирка, лопата. Кровяные мозоли полопались, и руки превратились в страшную, распухшую массу. Труд – дело чести в СССР. Я усмеялся. Брал в библиотеке «Капитал» и штудировал его. «Философско-экон[омические] рукописи» молодого Маркса всегда были при мне. Изучал Ленина. Снова возвращался к Марксу и Энгельсу. Я знал, что меня незаконно заставляют работать на бессмысленно-вредной для меня работе, и написал об этом в Гл[авное] полит[ическое] упр[авление]. Меня перевели в штаб и поставили на должность телефониста. Появились новые враги в лице замполита, нач[альника] штаба и ком[андира] части. План для них – это премия в кармане, фото на доске почёта и хвала «сверху». А как люди живут, питаются, чем занимаются в своб[одное] от работы время – это их не интересовало. Ограниченные до предела, эти «красные командиры» не могли и слова связать без матерщины. А люди... что они могли делать, чем заниматься? Казармы гнилые. Столовая – конюшня. Клуба нет и в помине. Строевой подготовки не существует. На политзанятиях разбирают нарушителей дисц[иплины]. Военные строители предоставлены сами себе. Хотят – пьют. Хотят – друг другу морду бьют. Хотят – в самоволку идут. Забора нет. КПП нет. Надзора нет. Стоило над чем подумать.

Письмо двадцать третье. Купцы-филистеры. [*Лето, 1965 г.*]

Написал обо всём в «Кр[асную] Звезду». Политотдел зашевелился. Забегали наши тузы, заволновались. Примчался «газик». Вышел какой-то под[полковник] и направился к штабу. Через полчаса меня вызывают к ком[андиру] части. На меня кричат, топают ногами, оскорбляют. Вот он, каков этот Моисеев, оклеветавший меня год назад! Потом начали увещевать в том, что не надо было писать. Мол, разобрались бы на месте и т.д. и т.п. Мне противно было смотреть на эти боязливо-филистерские физиономии, и я с достоинством ответил, что моё письмо – лишь начало тому, чтобы перевернуть всю эту косную обывательщину. Я поставил вопрос о клубе и худ[ожественной] самодеятельности]. Я потребовал денег для покупки духового орк[естра] и лит[ературы] для самодеятельных коллективов.

Сколотил маленький концертник, с кот[орым] и выступил в августе. Но на этом начинание моё остановилось. Увеличили план, а подумай, кто согласится после девяти(десяти) часового рабочего дня идти на какие-то репетиции. Приехал с концертом Климов. Огромный амфитеатр ДОСА, рассчитанный на 1200 мест, был пуст. Присутствовало на концерте человек 70–80, а население в Уссурийске превышает 130 тыс[яч]. Если бы ты только знала, какой это гнусный городишко! Мещанский, старокупеческий. Мне кажется, что здесь самая тупая, самая ленивая публика, кот[орая] ничем в мире не интересуется, кроме пустого времяпровождения и жратвы. Ни в одном местечке, кроме этого, я не наблюдал такой аполитичности, такого равнодушия к миру людей. Да и вообще, люди ли это! Ты бы видела, что творится на автобусных остановках и в самих автобусах. Какая жадность к наживе в глазах здешних людей. Какая низость и пошлость в их отношениях!

Если молодежь на западе Союза рвётся к участию в общ[ественной] жизни, рвётся к политике, то здесь полнейшее болотное спокойствие. Уссурийцы, словно лягушки, наслаждаются зеленью тины, зловонием своего мирка. Для них не существует ни Данте, ни Шекспир, ни Евтушенко, ни Пастернак. Они не знают, кто такой Бах, Шостакович, Эренбург. Это питекантропы запоздалого

периода. Да что там говорить! Попал я в самую что ни есть «плесень». Мерзостно! Как всё мерзостно вокруг! И вот перед такой публикой играл Климов с Владивост[окским] симф[оническим] орк[естром] под дир[ижированием] Краснощёка. После конц[ерта] я познакомился с ним. Хотел передать с ним ноты для Бор[иса] Мих[айловича], но Валерий ехал в Японию, и поэтому не хотелось связывать его с лишними поручениями. Через неск[олько] месяцев эта же участь постигла мои концерты. Первые концерты я дал во Дворце шахтеров и в клубе рефр[ижераторного] депо. Людей почти не было. Хотя прогр[амма] моя не представляла трудности восприятия. Бах – Чакона d-moll, Бетховен – Две сонаты. Миниатюры Шопена, Гранадоса, Альбениса, Чайковского, Рахманинова и Сарасате. Второе отд[еление] состояло сплошь из моих произв[едений] (Концерт, Парафраз на Паганини и Мысливечка, миниатюры). Более утешительно выступил во Дворце железнодорож[ников] для учителей города. В летнем театре играл на 100-летие Уссурийска. Микрофон был паршивым, публика самым бессовестным образом вставала и уходила. Покупала еду и таким же бессовестнейшим образом возвращалась, умиленно смотрела на меня и жевала купленное. Город глупости, тупости, невежества. Город жратвы и пошлости. Вот что такое Уссурийск.

Письмо двадцать четвёртое

Я не унимался. Организовал в части «Муз[ыкальные] четверги». Конечно, им далеко было до белаяевских пятниц, но муз[ыкальные] кинофильмы скрашивали однообразность лекций. Всё, что было связано с музыкой, я выписывал с киномехаником на базе. Солдаты увидели «Аппассионату», «П.И. Чайковского», «Аиду», «Онегина», «Рапсодию», «Мусоргского» и т. д. и т. п. Первое время уходили, в зале оставалось не более десяти человек, а сейчас? Ты бы посмотрела, сколько сейчас этих внимательных глаз! Послушала бы их разговоры об оперных героях! Споры о музыке! Разве это не победа! Познакомился я с Мишей Королевым. Познакомился и подружился. Вот кого мне недоставало всё это время! Такой же фанатик, как и я, но только в педагогике. Ты бы посмотрела на него,

когда он высокий, черноволосый среди маленькой русой детворы! Школа была его стихией. Эрудит, интеллектуал, страстный политик и философ, он восхищал меня своей одержимостью профессией педагога. Школа для него – это всё. Он затащил меня в школу-интернат, где мы подняли такую работу, что весь учит[ельский] мир Уссурийска бежал к нам за советом и помощью. Затем Дом пионеров. Организация пион[ерского] клуба «Оптимист». К открытию мы написали гимн этого клуба «Вперёд, оптимисты!». Но как отнёсся к этому горком КПСС! Когда Миша пошёл к первому секр[етарю] за помощью (нужно было оформить открытие, нужны были деньги), то тот процедил ему в лицо: «Только и не хватало в моём кабинете солдат!» Вот же подлец! Нет, ты только вдумайся в слова! Какая мерзость! И это коммунист! Член бюро горкома! Вот же сволочь. Прости меня, но этот идиот лучшей хар[актерист]ики и не заслуживает. Герман Чёрный оказался не лучше. Тоже из армии лицемеров и карьеристов. И тоже член бюро, но только ВЛКСМ. Первый секр[етарь]. Михаил сейчас в Москве. Ты можешь с ним встретиться. А работает он в 144-й школе. Меня сняли с должности телефониста и поставили кочегаром. Наши «бонапартисты» нашли повод: я с нашим комсоргом отлучился на несколько минут, чтобы договориться с дирижёром штатного военного оркестра о концерте для личного состава нашей части. И мне засчитали сам[овольную] отлучку. На работе вывихнул ногу. Попал в госпиталь. Там познакомился и близко сошёлся с Борисом (хирург), кот[орый] помог уехать Мише. Ещё в госпитале начал писать симфонию и концерт для баяна. Написал несколько миниатюр («Веч[ерняя] прелюдия», «Basso ost[inato]», «Элегия», «Свет луны за окном струится» и т.д.). Проводив Мишу на самолет, я опоздал на веч[ернюю] поверку. Ком[андир] части арест[овал] меня на 10 суток. И пошло, и пошло... Кем я только не работал. И грузчиком, и арматурщиком, и слесарем. В это же время познакомился с Юрием Ястребовым из инст[итута] иск[усств]. Он окончил Горьковск[ую] конс[ерваторию] и раб[отал] зав[едующим] каф[едры] по баяну. И наконец, последнее (так мне думается) армейское знакомство – это Иван Селезнёв. Художник по призванию. Поэт, начинающий публицист. Мы, не раздумывая,

стали друзьями. Теперь я снова был не одинок. Чёрное кофе воодушевляло нас, и мы, споря до хрипоты, доказывали друг другу те или иные решения. Искра зарождалась в поэзии Евтушенко. Затем она разгоралась, искрясь, другими именами. Антокольский, Заболотский, Пастернак, Эренбург. Теревили Сислея, Ван Гога, Рерихов, Ренуара. Переключались на Пикассо и Матисса, Сикейроса и Миллера, Кориго и Ренато Гуттузо. Вспоминался процесс над Синявским и Даниэлем... Вспоминались Ильф и Петров. Брежнево утро, а мы не унимались. Снова ставили кофе и снова, ощетинившись фактами, именами, формулами, спорили, доказывали. Свечи догорали, наш пыл не проходил. Начиналась Новая жизнь!

Магадан, декабрь 1966 г.

* * *

Прозрачны ветры, и глаза сухи,
а пыль столбом – и на ресницах слёзы.
За тьмою свет, как за жарой морозы,
и мысли превращаются в стихи.
За всё, что есть, судьбу благодари,
бери её по каплям и помногу,
смотри на мир, как небо смотрит в воду,
чтобы понять все качества свои.
– Любимый мой!
– Любимая моя!
Банальность эта необыкновенна,
от сна, от встречи, от прикосновенья
до сыновей, до траурного дня.
Не берегись. Когда сгоришь дотла,
твой пепел тоже пригодится людям.
Мы продолжаем жить, пока мы любим,
и эта правда вечна и светла.
Прошедший день, как солнечную пьесу
на клавишах ладоней и дорог
тебе сыграл без фальши и тревог
оркестр сводный осени и леса³.

1967

Д. Шостакович – Вл. Золотарёву

Москва, 6 февраля 1967 г.

Дорогой Владислав!

Пришлите, пожалуйста, Ваши произведения. Я их посмотрю и сообщу Вам моё суждение. Судя по Вашему письму, Вы ещё не овладели музыкальной грамотой. А овладеть ей необходимо, если хотите сочинять музыку.

С наилучшими пожеланиями, Д. Шостакович.

Мой адрес: Москва, К-9.

Ул. Неждановой 8/10, корпус А, кв. 23. Д[митрий] Ш[остакович].

Вл. Золотарёв – Ю. Ястребову

[Москва, вторая декада февраля 1967 г.]*

Дорогой Юрий Григорьевич!

Уже неделю, как в Москве. Приехал специально за баяном. Купил у аспиранта института готово-выборный регистровый за 2000, но не нравится. Случайно по рекомендации Беляева наткнулся на 4-голосный фигановский баян за 3000 рублей. Не знаю, успею ли взять его, т.к. за ним охотятся несколько солистов из филармонии. Мне нужно продать этот. Завтра решится моя судьба.

Галкин своим инструментом недоволен так же, как и Сурков. Целая беда с этими баянами.

Ваш Владислав Золотарёв.

Б. Ярустовский – Вл. Золотарёву

[Москва, 6 июня 1967 г.]

Уважаемый Владислав!

Собственно говоря, так как Вы ничего не сказали о причине Вашего внезапного отъезда из Москвы, я полагал, что Вы едете в краткий отпуск по учёбе. Но Ваше письмо покрывает всё это какой-то

---

* Почтовая открытка без даты, предположительно февраль 1967 г., см. Дневник 1968 г.: «...В феврале летал в Москву. Приобрёл два тембровых баяна...» – В.Б.

таинственной дымкой. Я же привык иметь дело с реальными, а не загадочными явлениями в жизни. Думаю, что искреннее желание помочь Вам в овладении музыкальной специальностью позволяло надеяться на Вашу открытость и искренность...

Что касается дела Бродского, то, не касаясь его творческих качеств, мне трудно что-либо говорить о суде и т.д., т.к. я не привык иметь дело с нелегальными материалами. На суде я не был, а машинописными «кулуарными» материалами никогда не пользовался и не прибегал к ним...

О Синявском и Даниэле. Могу сказать одно: видел в прошлом году в Париже наших эмигрантов (русских). Они в большинстве возмущались содержанием их пасквилей, которые, увы... не позволяют даже «говорить о художественных качествах этой литературы». Кроме того, не люблю двуличных людей: если держишься определённых взглядов – не маскируй их и не играй в прятки... а Синявский так делал, чему сам был случайным свидетелем... Поэтому не могу особенно разделить Вашу скорбь по поводу их судьбы. Возможно, приговор был излишне суров, но то, что их действия заслуживают осуждения, – об этом, повторяю, говорят эмигранты. Кроме того, при всех способностях Синявский – не Пастернак! И не такая это уже утрата для русской литературы... Желаю Вам успехов на музыкальном поприще. Побольше учитесь, поменьше верьте слухам. Б[орис] Я[рустовский].

Вл. Золотарёв – Ю. Ястребову

Магадан, 8 июня 1967 г.

Дорогой Юрий Григорьевич!

Спешу поделиться с Вами своей радостью.

Позавчера состоялся мой первый авторский концерт из двух отделений, который прошёл с большим успехом.

В первом отделении играл пьесы из «Детского» и «Юношеского» альбомов.

Во втором Импровизацию на тему «Марсельезы», 13 этюдов на тему Паганини и Концерт в 4 частях (Интродукция, Фуга, Adagio и Allegro).

Почему Вы не отвечаете на мои письма? Мне думается, я не заслужил Вашего невнимания к моей и так страдающей душе.

Всегда Ваш, любящий Владислав Золотарёв.

Д. Шостакович – Вл. Золотарёву

[Жуковка, 13 июня 1967 г.]

Дорогой Владислав!

Ноты Вашей симфонии я посмотрел. Думается мне, что у Вас имеется настоящее композиторское дарование. Вам надо обязательно учиться композиции. Кое-что в симфонии у Вас записано с большими ошибками. Например, нужно писать си-диез, а у Вас написано до-бемар и т.д. Например, кое-что надо в диезах, а у Вас написано в бемолях.

В общем, надо Вам серьёзно учиться.

Желаю Вам больших успехов. Д. Шостакович¹⁰.

Вл. Золотарёв – Ю. Ястребову

Магадан, 21 июня 1967 г.

Дорогой Юрий Григорьевич!

Я в очень большой обиде на Вас, ибо у меня есть основания на эту обиду.

Конечно, может быть, я поступаю нетактично, рисуя Вам свои успехи или неудачи. Может, мои письма Вам неприятны, скучны и т.д. и т.п.

Но если это действительно так, то простите за навязчивый тон.

Я почему-то надеялся, что мы по-настоящему сойдемся и станем хорошими друзьями, хотя Вы преподаватель, а я всего-навсего студент.

Мне хотелось верить, что я осенью смогу выступить в институте со своим авторским концертом. Ведь не очень часто можно встретить такого баяниста с совершенно не «баянной» музыкой. К сожалению, мои надежды не оправдываются.

С приветом, Владислав⁹.

Вл. Золотарёв – Ю. Ястребову

Магадан, 18 июля 1967 г.

Дорогой Юрий Григорьевич!

Право же, Вы заставляете меня краснеть за последнее письмо.

У нас с Вами входит в привычку обижаться друг на друга или же отмалчиваться в келье обидчивого настроения.

Конечно, я резко написал Вам, но поверьте, всё это не игра разума, но чувства. Мне было крайне досадно и обидно, что Вы, будучи в Магадане, не только не зашли в гости, но даже как-то не обмолвились и словом. Вот так сразу, уехали, словно я и не существовал для Вас.

Впрочем, я, наверное, действительно неправильно веду себя по отношению к Вам. Наверное, слишком навязчиво. Чувство сентимента чуждо моей натуре, но, вероятно, где-то остался корешок этой поганенькой женственности. От этого и письма-то мои скучны. Ну, довольно!

Писал ли я Вам о фуге, которую написал два месяца тому назад? Кстати, первоначально я сочинил её для баяна (преимущественно для выборного), но сейчас решил сделать из этой фуги 1-ю часть Камерной симфонии (для струнного оркестра, баяна, хора и ударных). Партию эту уже заканчиваю и, как мне кажется, это довольно-таки неплохо. Вот тема этой фуги: (...)

Дм[итрий] Дмитриевич говорит, что это хорошая музыка. И мне она очень нравится.

На днях написал (экспромтом) пьесу для баяна «У алтаря». Играл не музыкантам. Поверите? Люди плакали.

Задумал сейчас Партию для баяна solo (Речитатив, Фуга, Ария, Финал). Но дело пока не движется.

Мешает создавшаяся «обстановка». А какая – я Вам напишу позднее. Хочу разобраться во всём, а для этого необходимо время...

Да, в Москву я не поеду. Если и поеду, то только лишь для того, чтобы как-нибудь пробить издательство с помощью Ярустовского. В училище мне все рекомендуют напечатать «Детский» и «Юношеский» альбомы, но ведь Вы-то знаете, что такое «напечатать». Как говаривал Стендаль: «Легче написать сотню книг, чем опубликовать хоть одну».

Напишите, куда Вы собираетесь уезжать. И не забудьте уведомить меня новым адресом. Остаюсь преданный Вам и любящий Владислав.

Семье Вашей наилучшие приветы. Низко кланяюсь всем вам⁹.

Магадан, июль 1967 г.

* * *

Сижу у скал
и шорохи ловлю,
в вечерней тишине
последний отзвук гаснет...
ручей затих...
и птицы приумолкли...
седые облака замедлили свой бег...
а мне печально...
грустно...
одинок...
и друга понимающего нет...
и нет...

Вл. Золотарёв – Ю. Ястребову

Магадан, «Снежная долина», 22 августа 1967 г.

Дорогой друг!

Милый мой Юрий Григорьевич!

Прочитал Ваше письмо и, не задумываясь, написал ответ. Но когда перечитал, то тут же изорвал. Так уж оно было несносно скучным и натянутым.

Что поделаешь: не знаю даже, о чём писать. Вроде и читаю много, и пишу не меньше, да вот настроение «потустороннее». Как вспомню о своей необразованности, так всякая охота отпадает жить.

Ставлю под сомнение такую святую вещь, как стоит ли мне дальше учиться музыке. Вообще верной ли дорогой я иду?

За свои 24 года пока ничего не достиг. Из написанного ничего не издано, никем не играется. Есть пища для размышлений...

Но должен сказать, в смысле творчества я эгоист страшный. Уж так я люблю и боготворю всё то, что выходит из-под моего пера, – спасу нет.

Скатился до того, что играю только свои сочинения. И чем всё это объяснить? Право, не знаю.

Ну, допустим, если бы я мало слышал музыки и не изучал бы её, тогда другое дело. Но я же наизусть знаю почти всё из новой музыки, не говоря уже о предках. Обожествляю Регера, Малера и Брукнера, Бартока, Онеггера и Хиндемита, Шёнберга, Веберна и Берга (то, что слышал); Шостаковича и Щедрина. И откуда во мне этот невежественный эгоизм?!

То, что я уже никогда не поступлю в консерваторию, мне известно, потому что я всё дальше и дальше ухожу от изучения гармонии. Не могу написать простейший одноголосный диктант, хотя сам пишу сложнейшую (по интонации и ритму) музыку.

А как посмотрю на этих бездарей, которые не в состоянии отличить Гайдна от Моцарта и знают о Шостаковиче не больше, чем я об убийстве Кеннеди... но как они решают сложнейшие гармонические задачи и пишут трёхголосные диктанты! Чёрт возьми!

Вот именно они-то будут учиться, а мне останется только выстукивать на решётке консерваторского забора какую-нибудь мелодию...

В общем, настроение далёкое от среднего.

Всё это время отдыхал (внял Вашим советам). Но в перерывах работал над Партитой и над циклом романсов (я писал Вам как-то о них).

Если в шутку сказать, то легко написать по юношеской шутке в каждом жанре.

Юношеский альбом баяниста есть. Юношеский альбом вокалиста будет. Юношеская симфония («камерная») движется к концу. Как видите, весь упор на юность. Конечно, Вы простите мне эту шутку. Начал готовиться к концертам. На днях играю по телевидению с 40-минутной программой, а затем сольный концерт.

Вот, пожалуй, и все мои новости.

Да, насчёт Ваших теоретических воззрений хочу написать в следующем письме.

Поклон всем Вашим.

Искренне Ваш Владислав Золотарёв⁹.

* * *

С.В.П.

Я представляю,
Как Вы распечатываете конверт...
Надписанный моей рукою...
Неровным почерком
под инверт...
С волнением рвёте обводки...
торопливо читаете...
последние данные
души моей сводки
и плачете...
и плачете...

Вл. Золотарёв – Ю. Ястребову
Магадан, 8 декабря 1967 г. (телеграмма)

=ДОРОГОЙ ЮРИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ПРОСТИТЕ ЗА МОЛЧАНИЕ СТРАШНО БЫЛ ЗАНЯТ РАБОТОЙ НАД СИМФОНИЕЙ И КЛАВИРОМ НАПИСАЛ ПОЭМУ ДЛЯ ХОРА И ОРКЕСТРА КОТОРУЮ СЕЙЧАС РЕПЕТИРУЕМ А КРОМЕ ЭТОГО САМ МНОГО КОНЦЕРТИРОВАЛ СТРАШНО РАД ЧТО СКОРО УВИЖУ ВАС НОШУ ЖЕЛАНИЕ ПОИГРАТЬ ВАМ А ПОИГРАТЬ ЕСТЬ ЧТО ПОКЛОН СУПРУГЕ И ТРЕТЬЕМУ=ВАШ ЗОЛОТАРЁВ=°

Б. Ярустовский – Вл. Золотарёву
[Москва, 19 декабря 1967 г.]

Желаю Вам, Владислав, в Новом году успехов, удачного поступления в консерваторию, а главное – обретения точки духовной опоры, столь, как мне кажется, необходимой для Вас. Без этого нельзя жить, трудиться. Нужно уметь радоваться пусть несовершенной жизни. Позиция скептика – в общем-то, самая лёгкая. Чаще всего это позиция эгоиста, обличение всегда легче и проще, чем созидание... Поэтому я и отношусь скептически к деятелям самиздата: мы сами видим многое – не надо выдавать себя за прозорливцев, но и не надо «смаковать» эти недостатки. Недостатки-то нашей стра-

ны и нашего времени, а поэтому лучше в меру стараться помочь их исправлению, правда, это очень трудно, увы... не легко... Но надо и должно быть оптимистом! Побольше Вам оптимизма в Новом году. Оставьте плащ Чайльд-Гарольда – в 1967 г.!¹⁰

1968

Вл. Золотарёв – Ю. Ястребову

Магадан, «Снежная долина», 17 января 1968 г.

Дорогой друг!

Милый мой Юрий Григорьевич!

Очень виноват перед Вами. Совсем разленился писать письма и поэтому с большим трудом принимаюсь за перо.

Наконец-то дождался каникул и не выхожу из-за стола. И ем и сплю прямо тут же. Готовлю концертную программу на март и пишу две сонаты (одновременно). Одну для баяна, другую – для баяна, скрипки и ф[ортепи]а. Также начал Сюиту для народного оркестра по Гоголю – «Ганц Кюхельгартен». Изумительный текст!

На этот раз я хочу раз и навсегда уничтожить своих противников (выдающихся хормейстеров Московской и Ленингр[адской] консерваторий), с которыми у меня страшная вражда.

Когда я написал Поэму для оркестра, хора и рояля, то мне заявили, что хор не будет петь ноты, которые пишет народник, не знающий гармонию и формы. Слава богу, обошлись без хора. Оркестр уже довольно сносно играет, и всем страшно нравится, потому что никто и никогда (в Магадане) не писал Поэму в форме фуги да ещё для домр и балалаек. Вообще очень удачно оркестровал, используя все имеющиеся ресурсы.

Концерт тоже близится к истинному. Элла Ароновна (Оркова) прекрасный музыкант, и я, вероятно, именно ей буду обязан, если музыка дойдёт.

У ф[ортепи]а наворочены такие глыбы и такие камешки, что сам диву даюсь. В ансамбле звучит всё прекрасно от начала и до конца. Нет ни единой лишней ноты. Удивительно удачная музыка, словно и не я писал.

Недавно на академическом концерте студенты исполняли некоторые мои миниатюры (Марш-скерцо, Токкату и Сказку). Больше всего понравилась Сказка – играла девочка на простом выборном баяне и так чудесно!

Кстати, Ваши 60 упражнений в арпеджиях уже играют несколько подвинутых студентов и не нахвалятся. Говорят мне: «И техника появилась. И рука не зажимается. А главное – не надоедают».

Как Вы встретили Новый год?

Мы, наверное, лучше всех! В Магадане сейчас мой друг-художник, так мы 31-го на лыжах с рюкзаками ушли в далёкую избушку за 35 км и встречали... 68...

Пишите, а то мне очень грустно в моём холодном Магадане.

Всегда Ваш любящий Вл. Золотарёв.

P.S. Как смотрится такая программа?

I отд. 1. Бах-Бузони. Чакона ре минор.

2. Букстехуде. Две органнне прелюдии.

3. Бах-Регер. Две хоральные прелюдии.

4. Бах-Вивальди. Концерт для органа.

II отд. 1. Лядов. Канон и муз[ыкальная] табакерка.

2. Балакирев. Полька фа-диез минор.

3. Мусоргский. Байдарки-каприччио* ; Скерцо до-диез

минор; Прогулка, Старый замок, Балет невылупившихся птенцов, Два еврея, Прогулка; Скерцо си-бемоль мажор.

Низкий поклон Вашей супруге и... я не знаю, девочка или мальчик?!⁹

Магадан, 26 января 1968 г.

Чего же я достиг за прошедший 1967 год?

Вернулся из армии 23 декабря 1966 г. Имел готовую концертную программу из немецкой, русской, испанской музыки, «Юношеский» и «Детский» альбомы. Несколько песен. Незаконченный «Концерт для баяна с оркестром». Неоконченную лит[ературную] работу «Аналитический подход к проблеме реализма с позиции

* Согласно сборнику материалов «Наследие М.П. Мусоргского» (М.: Музыка, 1989. – С. 132), авторское название – «Байдары», подзаголовок «Capriccio». – В.Б.

марксистско-ленинской теории». Лирическую исповедь («25 неотправленных писем»). Вот, пожалуй, всё.

В феврале летал в Москву. Приобрёл два тембровых баяна. Виделся с Борисом Михайловичем (Ярустовским). Почти влюбился в его дочь. Жил на квартире у Михайлыча. Совершенно один.

Накупил массу нот и пластинок. Когда бывало особенно грустно, ходил в ресторан «Националь», «Прага». В «Национале» познакомился с одним из самизд[ата], а в ночном баре там же спорил с американским конгрессменом, кто лучше пишет: Барбер или Шостакович. Так ни до чего и не договорились. Потом встреча с Эллочкой Бурштейн в консерватории, а затем с Аллой Гроссман и Толиком Алпаткиным в гнесинском.

Играл им из своего. Потом выпили. Выпались. И разошлись. А вскоре совершенно случайно познакомился с художницей из Ленинградской академии. В «Праге». Но так же, случайно, расстались. Слушал Уосвяли, Беляева. Четвёртого марта вылетел в Магадан.

Славка Фианцев был страшно рад. Лера тоже. Люда Кузьмина по-прежнему кокетничала, а я, по-видимому, изменился. Вскоре написал музыку к пантомиме для телевизионного спектакля, но сюжет забраковали. В конце марта выступил с авторским концертом по телевидению. Играл с Еленой Дуловой и Лерой. Затем мой телевизионный вечер импровизации на 35 минут. Ещё один авторский концерт. И всё работа Славки. Небольшой перерыв. Пишу музыку к детским телевизионным спектаклям. «Ночные видения» для баяна. «Сказку».

Заканчиваю «Концерт» (редакцию баяна). В мае даю большой авторский концерт в 2 отделениях в муз[ыкальное] училище.

Летом работаю на «Снежной долине», где «влюбляюсь» в Светлану Викторовну Прусс-Степину. Пишу романсы на [стихи] И. Бунина, Б. Пастернака, И. Такубоку и С. Накано.

Заканчиваю Симфониетту для баяна в 2 частях. Пишу «Детскую сюиту» в 5 частях.

9 сентября авторский концерт в муз[ыкальном] училище. Новая программа. 19 сентября – авторский концерт в муз[ыкальной] школе. Конкурс композиторов Магаданской области. Получил I и III премии – 1150 рублей.

18 октября – публичный концерт во Дворце культуры в 2 больших отделениях.

I отделение

- Бах-Бузони-Гвоздев. Чакона d-moll.
- Паганини. 24-й каприс (13 моих этюдов).
- Скрябин. Прелюдия.
- Мусоргский. «Старый замок».
- Вивальди. Концерт для органа.
- Холминов. Финал из Сюиты для баяна.

II отделение

- Симфониетта в 2 частях.
- Детская сюита в 5 частях.
- Концертный триптих.

19 октября авторский концерт по телевидению. 16 ноября концерт городской капеллы – 1-е отделение. Мой авторский концерт – 2-е отделение. Случилось же всё наоборот.

И вот затишье. Написал клави́р концерта. Репетиции с Эллой Ароновой Орковой показали, что музыка стоит того, чтобы прожить не зря. Как заявил Большанин: «Если я к концу жизни напишу что-либо подобное, то спокойно умру с сознанием того, что прожил не зря».

Оркестровал Поэму для оркестра. Фугато (1 часть из Концерта). Очень удачно. Перед Новым годом написал «Три прелюдии» для ф[ортепиано]. Как мало! Как мало сделано! Как пусто прошёл для меня 67 год!

«Снежная долина», 28 января 1968 г., 11:00

Сегодня я в хорошем расположении духа, что со мной не часто бывает.

У меня всегда хорошее расположение духа лишь тогда, как это ни странно, когда я наедине с природой.

Наедине сам с собой. Наедине с баяном. С нотами. Книгами. Перьями. Чернилами. С музыкой.

Иной раз подойдёшь к зеркалу и долго всматриваешься в себя и думаешь: какой же ты хороший парень, когда один. Работаешь,

пишешь, думаешь, ищешь, размышляешь, читаешь, снова пишешь, опять ищешь.

И никого, и ничего тебе не нужно. Но вот ты едешь в город. Уже в автобусе твои мысли дробятся, проваливаются главные, второстепенные наслаиваются, и ты чувствуешь, что работа, которая освещалась твоим внутренним сознанием, уходит в глубину, а приходит не работа, а нечто диктуемое сознанием не твоим, словно люди, вся эта масса людей говорят тебе, что вот это делаем мы. Мы считаем правильным то, что делаем, вполне нравственным. То же самое обязан делать и ты.

Я не люблю полного, изолированного одиночества. Оно всегда мучительно для меня. Но я не вижу и тех людей, с которыми мне было бы светло и просто.

Но музыка и живопись XV–XVII веков, можно проследить, как высок был нравственный мир людей средневековья.

Слушая мадригалы или Грегорианские мессы XV–XVI веков, любуясь полотнами Джотто, понимаешь, как опустел, оскудел внутренний мир нашего современника.

Причин, повлиявших на нравственный рост, много (я имею в виду отрицательные причины). Но, основная, как мне кажется, — это недостаток кислорода. Чистого воздуха.

Недостаток природы. Заснеженных скалистых гор. Резкого, холодного, пронизывающего ветра, который отрезвляет от пьяных мыслей, появляющихся в скученности людей, в суетлоке, в толкотне танцующих.

Снег напоминает нам о чистоте первозданной природы, как и зубы подростка говорят нам о чистоте его мыслей.

Жизнь прекрасна, если она не приносит человеку несчастья, но даже в безысходности она удивительно прекрасна, как например:

Печаль уснула на ладонях,
И слёзы стынут на ветру.
Мне нет ни радости, ни горя,
С вершины гор смотрю... Смотрю...

Природа. Люди. Люди тоже прекрасны, если мы их мало знаем. Они ещё лучше, если мы их не знаем.

Почему чужой человек другой раз ближе знакомого уже нам? Да потому, что мы не знаем пока его отрицательных качеств, которые раскроются нам лишь в разговоре или в вопросе, как он относится к искусству. К музыке, литературе, живописи. Вообще, какие у него увлечения, ценности.

Почему нас привлекают незнакомые и никогда не виданные лица? Да всё потому же, что мы их не знаем. То, что знаем, уже не обогащает нас, а мы хотим беспрерывно совершенствоваться. Повторять приобретенные совершенства в молодости некогда.

Это потом, ближе к старости, если таковая возможна, произойдёт переоценка ценностей. Наверное, окончательная. Твердая. Горячо убеждённая.

А пока следует придерживаться общего мнения. Оказывается, в наше время модно не только пить, блудить, курить фирменные сигареты, но и быть образованным человеком и пить валидол. И опять же таки иметь обязательный бледный цвет лица.

23:00

Иногда я размышляю: ну чем же всё-таки силен идеализм? Современный экзистенциализм? Почему меня влечёт к этим манфредам, чайльд-гарольдам, гамлетам. Ведь я же не неудачник. Я люблю людей. Тянусь к ним настолько, насколько они подпускают меня.

Я верю в изменения в человеке. В мире. Верю в марксизм.

Меня радует солнце. Радует утро. Радуют встречи. Я не боюсь смерти, но и не думаю о ней. Я верю в себя, в свои способности, в то, что делаю, в то, что творю.

Но вот же наваждение – мой внутренний голос говорит совсем другое: «Нет, голубчик. Не так всё должно идти и развиваться. Твоё сознание принадлежит не тебе, а той почве, на которой оно возросло. Истинное сознание, т.е. Истина – это я, твой внутренний голос».

И я размышляю: чем же всё это объяснить. За внутренний голос ругают, порицают и поносят Сартра, Ясперса, Камю, Кафку, Пруста, Рильке, Музиля, Джойса, Лорку, Солженицына.

Хотя мне со многими из них не по пути, но я, как ни странно, также обладаю своим внутренним голосом – голосом совести, кото-

рый независимо от того, хочу я этого или нет, не согласен со мно-гим, что считается вполне закономерным, даже узаконенным.

Я не хочу зла людям. Но я и не хочу и не могу отсиживаться в келье интеллектуального отчуждения.

Я хочу бороться против существующего зла, в отличие от Шен-талинского, но вот парадокс! Начинаю что-то предпринимать, как мне грозят наказанием, тюрьмой, лагерем испр[авительных] работ. И кто? Те, ради кого я хотел что-то предпринять!

Быть может, я неправильно поступал? Есть какая-то другая борьба? Но какая же?

Я – советский человек. Я сознательно говорю себе, что Со-веты – это временное, переходное явление в истории. Социализм я приемлю и понимаю, что это единственно-правильная обще-ственная формация при переходе от капитализма к коммунизму. Я приемлю комм[унистическую] партию. Её лозунги и идеалы. Но я не могу принять тех позорных фактов, которые допускались, до-пускаются и, вероятно, впредь будут допускаться по отношению к советским писателям, художникам, философам, дипломатам, композиторам, учёным.

На совести всех нас лежит тяжёлая вина за десятки и сотни луч-ших сынов России, имена которых слетают теперь с уст не олице-творением позора, а гордости: «Вот! Были же настоящие люди, пре-данные голосу внутренней совести! Творили же честные беском-промиссные художники! Боролись же истинные революционеры!» Были! Творили! Боролись!

Но все они погибли от руки тупоголового невежды – совесть революции! Совесть масс! Где такая совесть? И что это такое – совесть масс! Об этой совести говорилось выше. Что она из себя пред-ставляет.

Поэтому я хочу знать: почему же мой внутренний голос не со-гласен с голосом всех или большинства. Почему все говорят: «Пра-вильно их судят! Хорошо. Так и нужно. Без этого нельзя. Это зако-номерно. Этого требует диктатура пролетариата».

А мой голос совести говорит: «Позор тем, кто судит! Отврати-тельно! Это преступление! Нужно без этого! Совсем незаконмер-

ное явление! Диктатура пролетариата здесь ни при чём, а если при чём, то такой диктатуре место за колючей проволокой!»

29. I. Час ночи.

Sonata for Baján solo ещё сыра¹⁰.

Б. Ярустовский – Вл. Золотарёву

[Москва, конец января 1968 г.]

Дорогой Владислав! Хотя я сейчас в клинике – мне принесли Ваше письмо, и я отвечаю Вам. Разумеется, я далёк от мысли разрешить Ваши вопросы, но тем не менее мне хочется сказать Вам несколько слов.

У Вас есть, несомненно, хорошие качества: пытливость мысли, любознательность, интересы ко многим явлениям искусства. Это красит Вас. Но наряду с этим Вам, видимо, нравится рядиться в этакого молодого старичка, который главным образом скептически относится к окружающему. Это модно! Беда Ваша – на мой взгляд, что Вы боитесь быть судьей жизни раньше того, что Вы как следует познали её! Несмотря на то что Вы порядочно читали, осваивали кое-что и всё же, как и в музыке, остаётесь дилетантом! Поэтому я так настойчиво советовал Вам: беритесь за учёбу по-настоящему, окончите хотя бы вуз, пройдите школу (да, школу, хотя, быть может, это и банально!), дайте себе систему взглядов, осознайте поглубже Ваши жизненные идеалы, а потом уже беритесь судить жизнь, находить в ней зло и бороться с ним. Ведь нет борьбы вообще, есть борьба за идеалы. Вы пишете, что разделяете многое из идеалов коммунистов, но ведь если так, то нужна созидательная, а не разрушительная борьба, тогда бы Вас, очевидно, не причисляли к «элементам». Причисляют обычно тех, кто разрушает то, что с таким трудом нашими отцами было завоевано. Слов нет: у нас ещё много зла, много плохого, но ведь если говорить о социалист[ических] идеалах, то первое, за что следует бороться, – эстетическое воспитание народа, близость к нему художника, а не изолированность от него. Все же, о ком Вы намекаете, ратуют за художника в келье, куда в лучшем случае допускаются единомышленники... Этого мало, Вы смотрите – чем больше на одном полюсе концентрируется т[ак]

наз[ываемое] «интеллектуальное» искусство – тем больше на втором – массовом царствует шлягер, цыганщина и прочее. Это – закон развития искусства. Поэтому-то партия и стремится предостеречь интеллигенцию от замыкания. Говорят – Глинка, Чайковский, Мусоргский – были помещиками. Но они несли своё иск[ус]ство в народ, потому что он был для них дорог. Меня удивила программа Вашей сюиты – это тоже плод «диллентантизма» (не обижайтесь!). Что это за «могильное, кладбищенское scherzo»? Финальное Dies Irae – мне непонятна логика развития сюжета. Кроме того, не рано ли Вы беретесь за оркестровое сочинение? Ведь надо иметь данные для этого! Желаю Вам успеха. Б[орис] Я[рустовский]¹⁰.

Вл. Золотарёв – Ю. Ястребову

Магадан, 13 февраля 1968 г.

Дорогой Юрий Григорьевич!

Бесконечно рад Вашему письму. К сожалению, я не сумею, наверное, в скором времени выслать Вам некоторые свои произведения, но Концерт, который сейчас играю с Орковой (Эллой Ароновной), вышлю. Вот только не хватает несколько листов Финала. Плёнки не осталось. Ну да ладно. Вышлю позднее.

Да! Ещё нет Фугато (у баяна соло). Здесь только с разработки, где вступает рояль (с. 4–5). Экономил время и в клавире не написал. Каденцию (авторскую) также не стал выписывать, но по возможности вышлю. Выписал только обязательный фрагмент (с. 31–33), который переходит в Аллегро (Финал).

Заинтересовался я Вашим циклом: «История развития крупной формы на баяне».

Это прекрасно задумано. Вот если бы мне сыграть свой Концерт? Не знаю, как Вы отнесётесь к музыке. Притом ужасно проявлена плёнка, ноты многие непонятны. Надеюсь на Ваш аналитический ум.

Поздравляю от всей души за реферат. Я-то знаю, что значит «закончил». Мучительное вынашивание и не менее мучительные роды новой жизни. Vita Nova. Хотя и не знаком полностью, но по тем частям, которые я знаю, могу с полной уверенностью сказать об уди-

вительной ясности, простоте и огромной полезности для будущих звёзд баянного исполнительства Вашей замечательной работы.

Но как говорил Стендаль: написать можно десятки гениальных книг, но попробуйте хоть одну опубликовать! Проблема!

Интересно бы взглянуть краешком глаза на Вашу «Школу». Ни одна из современных школ (за исключением, правда, моментов из Школы П. Говорушко – мне нравится подбор репертуара, но ещё не удовлетворяет) мне не симпатизирует. Безвкусица, дилетантизм, любительство!

Кстати, у пианистов та же история. Вот только их специальные упражнения – это, безусловно, ценность. Упражнения М. Лонг, Шнабеля и особенно Альфреда Корто с научным обоснованием физиологических, физических и умственных возможностей исполнителя, с прекрасными иллюстрациями, разъяснениями и пояснениями.

У меня пока выдающегося ничего нет. Штудирую «Фугу» Вас. А. Золотарёва, «Подвижной контрапункт строгого письма» С.И. Танеева, Сонатную форму (разных авторов).

Не перестаю восхищаться оркестровкой Чюрлёниса! Оркестровкой! Не говоря уже о его мелосе! В литературе с ним по праву можно поставить Андерсена. Философ-сказочник! Чудесный старик!

Пробовали играть мою Сонату для баяна, скрипки и рояля. Звучит великолепно (в моём понятии). Осталось заполнить пропущенные места, но, вероятно, буду ещё править.

Задумал Концерт для рояля с оркестром, но пока всё радужно. Получил письмо от Ярустовского. Ругает на чём свет стоит. Просит ответа, почему не поступаю в вуз. Обрушился с такой партийной критикой в мой адрес, что я поспешил выслать ему рецензию на свой концерт («задобрить»).

А в училище всё те же неприятности...

Ваш Вл. Золотарёв.

Действительный член-корреспондент шлёт искренние приветы и поклоны королеве Людмиле и принцу Андрею, а также Королевской академии наук в целом⁹.

Б. Ярустовский – Вл. Золотарёву

[Пушкино, 13 февраля 1968 г.]

Дорогой Владислав! Хотя Вы и не дама, тем не менее красные гвоздики* – вестник весны (хотя бы на бумаге), по-моему, всегда приятны. Так что желаю Вам, что[бы] грядущая весна принесла Вам побольше радостей, основательности в учёбе, упорядоченности (боже, какое плохое слово!) во взглядах – системы. Это трудно, особенно человеку беспокойному, как Вы. И всё же это необходимо. Вы пишете, что надо разрушать! Да, но ради созидания, ради идеалов. Кто говорит, что Кафка, напр[имер], «сатана» и т.д. Я не знаю и не хочу знать таких – это от безграмотности. Но у Кафки и ему подобных действительно самое слабое и уязвимое – положительные идеалы, которых по существу нет – они предельно туманны. Но то, что характерно или совершено после первой [мировой] войны, разве это можно сравнить с нашим обществом? При всех наших грехах – у нас есть идеалы, не в пример Кафке. Голубя же Пикассо не клеймит никто, я их не знаю. Что касается оркестра, то мне кажется, что надо хорошо овладеть формой и технологией, сначала без оркестра, а потом уже изучить оркестр. Здесь на одной интуиции не уедешь. Для оркестра нужна полифония – ибо много пластов¹⁰.

Б. Ярустовский – Вл. Золотарёву

[Москва, 12 марта 1968 г.]

Как видите, на Вашу «марочную» живопись отвечаю своей русской. Тоже неплохое искусство**. Кстати, было бы неплохо, чтобы наряду с Регером в Вашем репертуаре появился бы, например, Хандошкин. Это было бы оригинально, хотя, может быть, и не столь эстетически совершенно! Не увлекайтесь поездками, хотя это и соблазнительно; освоите «гранит науки» композиции, Вам это очень нужно! (...) Концертировать ещё успеете! Много надо поработать – полифонию, например, без неё сочинять невозможно. Желаю Вам всего доброго. Б[орис] Я[рустовский]¹⁰.

* Текст письма написан на художественной иллюстрированной открытке. – В.Б.

** Текст письма написан на художественной открытке с иллюстрацией картины А. Бенуа. – В.Б.

27 апреля 1968 г.

Я влюблён. И вторая Сибелиуса как бы отвечает моему большому сердцу. Вновь обретаю свою чистоту. Обретаю музыку так, словно я сам излучаю её. Мои глаза опечалены. Ну что ж, значит, скоро появятся новые сочинения моего Великого Бога! Какое счастье любить! Боже мой! Какое счастье!

(2 часа ночи)

Чем чаще слушаю поэмы Чюрлёниса, тем чаще плачу. Какая величественная музыка! Но сколько в ней печали! Такой простой человеческой грусти!¹⁰

Вл. Золотарёв – В. Большанину

[Магадан, май 1968 г.]

(...) Написал две прелестнейшие миниатюры для ф[ортепи]но: Прелюдия и Рус[ский] танец (Масленица). Почти закончил ещё одну Прелюдию и Инвенцию, также для фортепиано.

14 мая мой творч[еский] вечер опять же там в мал[ом] зале Дворца. Хоровое общество обещало афиши, но не знаю...

Впервые прозвучат мои романсы, если певица успеет выучить текст и ноты. Акварели для скрипки, баяна и ф[ортепи]но, ну и разумеется, пьесы для ф[ортепи]но. О себе уже не говорю, но буду играть немного. Концерт, 5 пьес из «Юношеского» и хор[альную] прелюдию из сонаты. Кстати, ещё оркестр исполнит мою Поэму (Фугато). (...)⁹

17 мая 1968 г.

Шенты (*Шенталинские*. – Ф.Л.) уехали. Я с Винцентом и Косенковым проводил их рано утром. Состояние такое же, как и в прошлую весну. Не доставил мне радости и творческий вечер. Всё плохо. Очень плохо.

18 мая 1968 г.

Когда я шёл по пыльной дороге в ожидании автобуса, мне пришла в голову одна страшная мысль о невозможности того, чего я так усиленно добиваюсь. Я мечтаю о счастье! Но ведь я и не хочу его!

Вот потрясающая картина жизни всякого большого художника! Желание счастья и его же отрицание против своей же воли. Хочу, но не могу! Итак, одиночество!

19 мая 1968 г.

Самые страшные, самые жестокие минуты переживаю за этот год. И первая часть Шестой Чайковского звучит навязчивой идеей. Мучительное состояние души! Которое невозможно описать. Пере-сказать!

Сегодня шёл по городу и не знаю сам, как оказался на пл[ощади] Горького. Бессознательно пошёл по аллеям сквера... Зашёл в её дом... Постоял на лестнице... Затем поднялся на пятый этаж, позвонил в пустую квартиру и, почти рыдая, сбежал вниз. Снова вернулся в сквер. Закурил и усмехнулся... «Что с тобой, старина? Зачем всё это?!»

19:30

Этим летом, во что бы то ни стало, оркестровать Концерт и Симфонию, чтобы зимой суметь пробить их исполнение. Так сидел я и размышлял за рабочим столом с беспорядочно разбро-санными нотами, книгами, рукописями¹⁰.

22 мая 1968 г.

Вновь плачу над Шестой... Плачу! Плачу!¹⁰

Магадан, 22.05.68

* * *

Как в тот же вечер под рояля звуки
Со страхом сжал я холодеющие руки.
Как я боялся вновь влюбиться!
Вновь обмануться! Оступиться!
Но было поздно...
Ты посмотрела на меня,
И мы вошли глаза в глаза...
Звучал Шопен и улыбался нежно,

То, вдруг, метался безудержно
В отчаянии предвзятою судьбой
И обращаясь к нам с печальной мольбой.

* * *

К .....

Как всё случилось это?
Грустно вспомнить...
Концертный зал... и ты, в партере,
слушая Шопена,
Полузакрыв глаза и шумам не внимая,
Вся целиком в мир чувств погружена,
Одухотворённая...
В такт музыки кивая,
К несчастью моему, не замечая,
Как вся моя душа обнажена.

* * *

Печаль уснула на ладонях,
И слёзы стынут на ветру...
Мне нет ни радости, ни горя...
С вершины гор смотрю... смотрю...
Смотрю, как блекнет лист берёзы
И облака бегут, бегут...
Раstают в дымке-невидимке,
А с неба звёзды упадут.

* * *

Мне снятся города и страны.
Подснежники и эдельвейсы,
Где нет ничтожества,
хамелеонства,
лести,
Где люди полны благородства, чести,
Где всё так совершенно в мироздании,

И в ожидании красивое свиданье
Пленяет скромной чистотой.

* * *

К . . . . .

Когда я пью вино и дымка табака кружится,
Задымленные окна музыкой звенят,
За окнами печальный снег кружится,
Им фонари печально вслед горят.

И вдруг на память вновь приходит
Любимый образ и глаза... глаза...
Я забываюсь... дни уходят...
И вот уж катится слеза.

* * *

Эпитафия В. Большанскому

Вы, граф, не очень правомерны
В оценке друга-разночинца.
Браните в серой, пошленькой таверне
Предельно честного и искреннего принца*⁽¹⁷⁾.

24 мая 1968 г., 03:00

Открыл альбом Боттичелли, и не оторвать замороженных глаз...
«Рождение Венеры»... В который раз читаю Аполлинера... «Прощание».
«Рейнская ночь». «Отбытие». «Тихий сон».

...4 часа утра. Светает... а я читаю и перечитываю. Знакомые
и друзья. Близкие и далёкие...

21 июня 1968 г., 14:00

Играл на госэкзаменах Баха-Бузони (Чакону), Мусоргского «Старый замок» и «Два еврея», 13 своих этюдов на тему Паганини, «Ой да ты, калинушка» Паницкого, Каприччио из Симфонии и Концерт.

* Архив Н. Шеврук-Пахолковой. Публикуется впервые. (В дальнейшем¹⁷⁾)

23 июня 1968 г.

Написал последнее письмо Наташе. Страшно прощаться... Я люблю её.

25 июня 1968 г., 22:30, на борту Ил-18

Как вымолить? Как выпросить? Прощение у Бога. Как разлюбить, когда люблю. Тебя одну из всех любимых. Как позабыть, когда страдание вершит свои дела и сердце рвётся и ведёт великую мою любовь на эшафот? Как? Скажите. Как?

Москва, 30 июня 1968 г.

Слушаю Концерт П. Ауэра для фагота с оркестром. Хорошая музыка. Очень простая. Простая по совершенному. Очень искренняя. Играет Влад[имир] Богорад. Аккомпанирует Е. Платова.

3 июля 1968 г.

Плохо... Очень плохо. Большинство поступающих с абсолютным слухом, с отличной теорет[ической] подготовкой. Артынова реком[ендует] на дирижёр[ско]-хор[овое] [отделение]. В большом затруднении. Или действит[ельно] поступать, или же подождать год, подготовиться, а затем – в консерваторию.

6 июля 1968 г.

Stabat Mater К. Шимановского. Звучит музыка... Настолько всё прекрасно, удивительно просто.

11 июля 1968 г.

Грустнее грустного... Квартет Чюрлёниса как нельзя более дополняет её.

Раздражает малейшая мелочь. Хочется уйти от всего. От всех уйти туда, где твои глаза. Туда, где звучит музыка. Где тихо шуршат листья...

Хочется упасть меж этих листьев на тёплую пахнущую землю и плакать... Ибо в такие минуты чувствую себя человеком. Маленькое страдание заставляет забывать земное, а великое страдание очи-

щает мою душу и наполняет сердце болью. И боль, именно боль даёт чувству вершину осознанного обретения человеческого начала. Чистого, прекрасного, одухотворенного.

Я люблюсь голубизной ясного неба. Наслаждаюсь теплотой и мягкостью земли. Смотрю на свои руки и восхищаюсь той гармонией, что соединяет в себе совокупность прекрасного – реального и ирреального. Движущего и недвижущего. Сознательного и подсознательного. Испытываю страстное желание раствориться в ирреальности созданного подсознательным воображением неземного... растечься во вселенной и слушать каждой клеткой красоту мира. Бесконечного! Вечного! Влекущего! Закрывать глаза и лететь... Лететь вечность... К твоим глазам... К другим вселенным... К иным мирам...¹⁰

Август 1968 г.

И это именно ей отведено столько места в моей жизни!

Столько слёз! Переживаний связано с её именем!

И вот сегодня я увидел её в кругу её супруга, друзей... Пустота смотрела в мои глаза, и я не знал, реально ли то, что я, наконец, я, мечтавший все эти годы увидеть её, – вижу! Страх вселился в мою душу. Я подумал: Боже! Зачем ты изобрёл эти хитросплетения людских судеб? Зачем? Слёзы! Слёзы! Слёзы!³

Вл. Золотарёв – Н. Лесному

Москва, 7 августа 1968 г.

Дорогой Николай Александрович!

Милый Вы мой!

Простите, что вот уже добрых сорок дней не пишу ни слова. Всё складывалось так или иначе, но наконец собрался с мыслями, взвесив за и против.

Во-первых, хочу от всего сердца поблагодарить Вас за десятилетний труд, вложенный в мою неуравновешенную личность. Я отмечаю всё то мелкое (и свойственное всем людям) качество, которое порой не удовлетворяло меня как мыслящего человека, но я никогда не вымету из сознания те драгоценнейшие зерна, благодаря которым появились ростки баянной музыки. И, быть может, им-то и суждено

вырасти в плодоносящее дерево Большой и по праву Великой баянной музыки. Пусть многие из них погибнут, зачахнут или увянут. Пусть останется одно единственное растение, но я, как чуткий и любящий своё дело садовник, сделаю всё, чтобы вырастить его.

Во-вторых, хочу написать несколько слов о себе.

По приезде в Москву с первого же дня принялся за консерваторию. Прошёл всё необходимое (медосмотр, предварительную беседу). К несчастью, и Борис Михайлович, и Дмитрий Дмитриевич были за рубежом. Я обратился к Родиону Константиновичу [Щедрину], но и он на следующий день улетал в Германию на авторский концерт, но мы всё-таки договорились встретиться более обстоятельно восьмого июля.

Итак, я оказался в положении абитуриента, не имеющего никакой внешней поддержки (весьма редкий случай для Московской консерватории).

Второго июля всех нас («композиторов») прослушивал Баласанян – заведующий кафедрой. Из поступающих все теоретики и пианисты – я единственный баянист, а как Вам известно, здесь даже к Беляеву и Полетаеву относятся весьма скептически, а то и вообще не знают их. К тому же моя музыка в основном баянная, за исключением Симфониетты, прелюдий для фортепиано и Квартета.

Разумеется, свою музыку нужно играть только на фортепиано, будь это симфония или Концерт для баяна или пьеса для гитары. В основном все поступающие – признанные и любимые ученики музыканты, музыка которых неоднократно исполнялась оркестрами, звучала на радио, издавалась. Вы, конечно, спросите, почему я решил поступать туда, где не любят и презирают баян? Вот именно-то здесь можно внушать этим снобам (они-то чаще и вершат судьбы музыкантов), что такое баян и что из него можно получать.

Только идя трудной дорогой – учиться в консерватории имени Чайковского, где снобизм и скептицизм достиг высочайшего развития, можно (в дальнейшем) открыть глаза другим композиторам и внушить им уважение к баяну.

Баласаняну понравилась моя музыка, но не понравилось то, что я не читаю симфонических партитур с листа и не играю (пусть не

блестяще, но хорошо) на фортепиано. Кстати, не без гордости замечу, что этот экзамен проходил в классе Гольденвейзера и я проигрывал на его рояле свои прелюдии и романсы, которые заинтересовали многих. После экзамена я узнал, что поступило два человека, блестяще подготовленных, но... в их музыке я усмотрел одну лишь скрупулезную теоретизацию и ни одной живой ноты.

Баласанян разговаривал со мной после всего и попросил своего ассистента (аспиранта Баташева) подготовить меня.

Я могу также беспрепятственно ходить на лекции по гармонии и контрапункту в музыкальное училище имени Чайковского, где преподаёт один из лучших теоретиков Дм.А. Блюм.

Здесь меня несколько удивило то, что многие, окончив музыкальное училище по классу фортепиано или скрипки, идут на 1-й курс в мерзляковку на композиторское отделение, а затем только в консерваторию. Также мне обещала помочь Лариса Леонидовна Артынова (жена Л. Ройзмана), очень милая и удивительно отзывчивая женщина – директриса училища.

Когда же наступило 8 июля, я позвонил Щедрину и через полчаса уже играл у него дома.

Нет слов, человек он изумительный! Обаятельный, не говоря уже о его таланте и образованности.

Но ещё более обаятельная и любопытная его жена – Майя Плисецкая. Впрочем, не буду вдаваться в подробности нашего длительного разговора, чаепития и тому подобных вещей. Скажу лишь то, что он искренне и откровенно взялся учить меня композиции. Сразу же дал задание – написать 20 канонов на любую тему, чтобы набить руку. И всё это к 1 сентября.

К великому стыду, ещё не был у Митченко и ни у кого из баянистов, но Вы-то, Николай Александрович, знаете мою приверженность к баяну и не станете сомневаться в её преданности.

Вот такие все мои неудачи, а удачи когда-нибудь придут... рано или поздно.

Будет и на нашей баянной странице праздник!
Обнимаю, всегда Ваш Вл. Золотарёв.

P.S. Хочу подготовить баянную программу:

- I Бах-Бузони-Гвоздев – Чакона d-moll
Бах-Регер – Три хоральные прелюдии
Вивальди-Бах – Органный концерт
- II Мусоргский – Картинки с выставки
Щедрин – Прелюдия и fuga a-moll
Свой Концерт
Каприччио из Симфонияетты

Передавайте лучшие приветы преподавателям и учащимся⁷.

Москва, кафе «Арбат», 8 августа 1968 г.

* * *

В глаза пахнуло гарью века
Сожжённых обнажённых душ.
Летят пустые нотки смеха.
Оркестр играет бодрый туш.
Мелькают лица-полулица.
Девчонки пляшут старый твист.
Целуется с распятием блудница.
Из окон льется Ференц Лист.
Красивый иностранец, улыбаясь
Показывает иностранке на меня.
Курю Visant, глазами усмехаясь,
Бородку (жалобно) теребя...
Куранты бьют. В кафе темнеет.
Скрипач устало пульт убрал.
Закат невидимый алеет,
И первый свет луны упал¹⁰.

Москва, кафе «Националь», август 1968 г.

* * *

О, вы поймите!
Как редки встречи!
Честные прямые взгляды...

Поверьте Вы...
Почувствуйте в себе ту радость,
Что преисполнит две пары глаз...
Влюбляясь так интимно...
        в куски...
                так неразлучно
                                сильно!

Как Ваши взгляды мне близки,
Чуть ироничные раскосом,
Но мои чувства столь высоки,
С моим не в меру длинным носом...
Что Вы мне кажетесь низки...

* * *

Не отворачивайте глаз лениво,
Поверьте, лицемерить мило, девочка,
а Вам...
не надо —
О, мадам, тоскливо Вам...
вся ложь видна в глазах...
не надо слов...
знакомиться не надо...
смотрите на меня...
А я на Вас...
Не отворачивайте глаз...

* * *

Я злой сегодня
Очень злой...
Но Вы простите...
Право же, вся злость не стоит медного гроша,
В сравнении с душой моей...
                        печальной...
                                доброй...
  нежной...³

10 августа 1968 г.

В Томилино, на даче Шенталинских, слушал Stabat Mater
К. Шимановского¹⁰.

* * *

Смеётся смех,
смехотством насмехаясь...
над пересмешником
смешным смехальством...
хохотства хохот...
хохотит хохотов...
смехотинки смехотят
насмехом смехов...
хохма хохмит
хохмитов смеховая...
смешливый смех
смехочет смешуниху...
хахатит хахач
хаху хахатиху!!!

(Москва–Томилино, 1968 г.)

* * *

Встретил я предвиденьем случайным
Двух прелестных девочек в ночи...
Глазки их горели блеском тайным,
Говорили мне... «на ночь пусти».
Мне те девочки, смущая взор, открылись,
что стосковались телом по огню,
и, обняв меня, смеясь, резвились...
Право, думаю... вот им бы по коню!
Я их не прогнал... пустил в свой дом...
Вскипятил им кофе... музыку завёл,
Угостил вином и ужином отменным,
Оставаясь неизменно стариком...
Только кривят девочки уголками губ...
Не по вкусу, видно, чистый мой приют³.

* * *

Я очарован Вами и не знаю,
Как мне забыть печаль свою...
Я вспоминаю Вас ночами...
И каждый взор Ваш ловлю...
На даче тихой и туманной,
Когда курю и пью вино,
Ловлю себя на мысли странной,
Что нет да нет смотрю в окно...
А утром тихое мерцанье
Звёзд, угасавших за окном,
Напоминает вновь о ранней
Любви весенней за вином...³

* * *

Вспыхнул свет!
и ослепил глаза...
Блеснула ручка никелем кровати...
Угасло слово...
Разлилась река...
Любовь забытая пришла...³

16 августа 1968 г., 20:30

Вчера приезжал Большанин. Просидели в «Метелице» допоздна. Он меня очень любит. Я плачу тем же. Прекрасный друг и честный парень, что нельзя сказать о многих и многих моих приятелях, исключая, разумеется, из их числа Винцента, Шумилина, Адамова, Шентов¹⁰.

Мой дух кричит и негодует! Когда я изменяю ему и покидаю его. Но он мой единственный друг, к которому я могу придти, встать на колени и разрыдаться, каюсь в своей неверности. Он всепрощающий друг.

Если я бываю пьян, то он с участием смотрит на меня из глубины сознания и сокрушается.

Но если я влюбляюсь в женщину, он презирает меня и, как бы я ни искал его в часы, когда работаю, он никогда не является ко мне.

Я давно заметил, что он ревнует меня к женщине. Конечно, он мудрее меня. Но, что удивительно, он никогда не мешает мне. Это истинный, ни на что не претендующий друг!

Счастье для человека обрести такого друга. Я удостоился его.

Такой друг никогда не предаёт, не оставит в беде. Мне часто приходилось очень трудно, но именно в эти, необозримо страшные мгновения мой друг приходил всегда и покидал меня лишь тогда, когда я благодаря ему выбирался из смертоносной воронки и снова бросался с головой в ещё большие привязанности к женщинам. Мои странные истории часто сотрясали его до основания, но он находил мужество и самоотверженно вытаскивал меня из okazji.

Многие женщины (истинные) говорят в наше время следующее: «Эмансипировать бы нас от эмансипации» (!) Я полагаю, что их желание нужно удовлетворить³.

* * *

Всё было...

не было...

ушло...

юные хлопья тают, плача...

на ладонях тихой ночи...

звёзды наивно мигают...

укачивая, струится музыка...

амброзии сонные сходятся...

круги расходятся

от упавшей звезды...

шепчутся люди

у безмолвного озера

скорби...

(Москва, август 1968 г.)

Август, 1968 г.

Облачком дыма пахнула в лицо,

Стряхнув с сигареты пепел...

Сидела женщина, листая ноты. Я наблюдал за ней очень долго, пока не поймал себя на мысли, что клятвы любви летят на ветер. Я расплатился и вышел, вдыхая чистый воздух осени...

На последние деньги купили вина. И распили с Большанским и Шентом. Завели разговор о России. Я курил и не мог заснуть...³

Вл. Золотарёв – Н. Лесному
Москва, К-9, 20 августа 1968 г.

Поздравляю преподавателей и студентов с наступающим учебным годом. Искренне желаю всем большей серьёзности и полной отдачи служению Великому искусству.

Не отдыхайте в оазисах популярной музыки, ибо отдых для альпиниста есть капитуляция перед кристально чистыми и строгими вершинами Баха, Бетховена, Вагнера, Мусоргского, Шёнберга, Шостаковича. Всегда ваш, Золотарёв⁷.

12 сентября 1968 г., 16:00

Главное писать! Писать и писать! А техника придёт!

Становится грустно от сознания, что в советской музыке последних лет появилась тенденция усложнения муз[ыкального] языка. Рафинизация народных тем и даже несовместимость с понятием «русская напевность», вулгаризация этих тем.

Хочется заглянуть в недалёкое прошлое России. Пушкинская, лермонтовская Русь. И Русь Глинки, Даргомыжского. Русь Тютчева, Баратынского, Вяземского! И балакиревская Русь! Русь Мусоргского, Лядова, Калинникова, Чайковского! Бородинская Русь!

Блоковская, брюсовская, хлебниковская Русь! Россия Андрея Белого, цветаевская! Пастернаковская! Россия Заболоцкого! И. Бунина!

И всё поэты! Поэты! Поэты! А где же музыка! Глазунов? Штейнберг? Глиэр?

Да, прекрасная музыка! Но вот Мяковский! Тонкий, хрупкий художник, о котором сама советская молодежь, вполне вероятно, ничего и не знает. Откуда же! Как она может узнать его?

Если на всех углах расклеены афиши с концертами зарубежной музыки и только изредка можно увидеть Чайковского!

Ну а зарубежная музыка! Она представлена всё тем же Моцартом, Бетховеном и великим Бахом! Ну а где же Брукнер, Рeger, Хиндемит, Барбер, Шёнберг?!

Почему ж мы не можем услышать «Всенощное бдение» Рахманинова? Его «Литургию по Иоанну Златоусту»? Мы не слышим Метнера и Чюрлёниса!¹⁰

Томилино, 21 сентября 1968 г., 00:30

Зажёг свечу и слушаю сонаты Баха. Шнайдер хорошо играет. Орган звучит мягко. Тепло.

Мои дела мало-помалу приобретают реальную форму. Позавчера был у Эдика [Митченко]. На днях он уезжает на гастроли. Взял в программу мою Детскую сюиту, Каприччио и «Шесть пьес-настроений по А. Блоку».

Ночью слушали две монодрамы Шёнберга «Ожидание» и «Счастливая рука». Восхитительная музыка!!!

Получил пропуск в ВДК и вчера присутствовал на открытии сезона. В программе – авторский вечер Шостаковича. На первое отделение он не пришёл, но на 12-й квартет явился. Я в это время курил на лестнице. Встретил Артынову. Обменялись любезностями. Она потрепала мою бороду и говорит: «Молодой маэстро может быть спокоен за свою дальнейшую судьбу – она в моих руках». Я в тон отвечаю: «Вручать судьбу в руки такой очаровательной женщины, как Вы, Лариса Леонидовна, – великое счастье для начинающего свой путь композитора».

И вот по лестнице поднимается Дмитрий Дмитриевич. Я, улыбаясь, здороваюсь. Он ответил и суетливо прошёл в окружении коргорты друзей, семьи, поклонников. После концерта я благодарил его. Он жал мою руку и тоже что-то говорил насчёт бороды... Потом дал мне свой телефон и попросил позвонить: «Обязательно позвоните! Мне нужно поговорить с Вами весьма основательно!»

За всё это время прослушал много музыки. Мессиян, Орик, Лесюр, Жоливе, Бунин, Цинцадзе, Щедрин, Хиндемит, Стравинский («Царь Эдип»!). Писал каноны. Сочинял мало. Очень мало!¹⁰

* * *

Аквамарином осень дышит...
берёзы плачут...
лист летит...
– Вы любите меня?
не слышит...
а может, слышит,
но молчит?... (Москва – Томилино, сентябрь 1968 г.)

* * *

Серебрится пепел в полночь при свече...
золотится пламя...
словно бы извне...
листьев шорох...
тайный...
и печальный...
слышишь?
осыпаются мечты... (Москва – Томилино, 1968 г.)

Вл. Золотарёв – Н. Лесному
Москва, 21 сентября 1968 г.

Дорогой Николай Александрович!

Позавчера был наконец у Митченко, и весьма кстати.

Через дня четыре он уезжает на гастроли. Включил в программу несколько моих сочинений.

Это «Шесть пьес из Юношеского альбома», Каприччио и Детскую сюиту.

С Концертом несколько сложнее... За лето я сделал партитуру для струнного оркестра, арфы и ударных, а это значит, что надо «бить челом» Баршаю или Маркизу и, на крайний случай, Геннадию Рождественскому. В общем, пока не ясно...

Мои занятия идут хорошо. Щедрин доволен. С пропиской пока никак... но Ярустовский обещает, что к Новому году сможет устроить в городе Рузе (Дом творчества композиторов).

Вы не ответили на моё письмо, и мне разные дурные мысли лезут в голову. Быть может, я чем-то обидел Вас?

А может быть, злые языки вновь вспоминают моё имя? Впрочем, я, вероятно, слишком мнителен...

Передавайте приветы Элле Ароновне (если она в Магадане), всё не соберусь написать ей, Павлу Ивановичу, Виталию Филипповичу.

Совсем забыл... Вчера был на авторском вечере Шостаковича. Он узнал меня и дал телефон. Во вторник буду звонить. Дело в том, что мой Квартет ему очень понравился, и он хотел бы поговорить и дать ряд советов. Ну вот, кажется, и всё...

Обнимаю, Ваш Золотарёв⁷.

22 сентября 1968 г., 2:00 ночи

Слушаю Девятую Брукнера. Всё больше и больше тянусь к этой Великой музыке – Брукнер-Сибелиус-Чюрленис. Созвездие красоты и мудрости. Мечты и серьёзности...

А моя любимая не пишет... Где она сейчас? Голубоглазая «хулиганистая девчонка»...

Был у Эдика [Митченко]. От цикла по А. Блоку он в восторге. За чаем я поведал ему о своей печали... Хороший он человек. И музыкант прекрасный!¹⁰

Вл. Золотарёв – Н. Лесному

26 сентября 1968 г.

Николай Александрович!

Сегодня обнаружил неотправленное письмо к Вам.

Это огорчило меня, но, чтобы как-то исправиться, я пишу приписку.

Эдуард Митченко шлёт Вам поклон и наилучшие приветы.

В октябре у него концерты в Горьком, Саратове, Куйбышеве и других городах Волги.

Программа

I отделение

Бах – Органная прелюдия и фуга

Моцарт – Соната C-dur

Шуберт – Соната

II отделение

Шишаков – Прелюдия и токката
Мои «Шесть пьес-настроев по А. Блоку»
«Детская сюита», Концертное allegro

27 октября он играет в Ленинграде, в зале филармонии.

I отделение

Моцарт – Соната F-dur
Шуберт – Пьесы
Лист – 11-я Венгерская рапсодия

II отделение

Гладков – Концерт для баяна с оркестром
Мои «Шесть пьес-настроев по А. Блоку»
«Детская сюита», Концертное allegro

Пока всё⁷.

28 сентября 1968 г.

«Место и среда, темп жизни и социальная среда влияют на мелос» (Асафьев)¹⁰.

Д. Шостакович – Вл. Золотарёву

[Жуковка, 10 октября 1968 г.]

Дорогой Владислав! Я буду Вас ждать 12 октября в 18 часов у себя дома: ул. Неждановой 8/корпус 2, кв. 23. Д[митрий] Шостакович¹⁰.

Томилино, 13 октября 1968 г.

Вчера получил от Дм[итрия] Дм[итриевича] [Шостаковича] приглашение и вечером был у него. Старик совсем поздоровел, и чувствовалось, что работает над чем-то.

Прослушал мой Концерт (20 минут выдержал и даже временами с воодушевлением напевал и кивал в такт головой).

Заключительное слово Великого maestro было в пользу музыки (за исключением некоторых частных форм). Настойчиво рекомендует переехать в Ленинград к Тищенко или Успенскому.

15 октября просил позвонить и договориться о новой встрече (более основательной).

15 октября 1968 г., 19:00

Жизнь! Что это за чудо! В любом проявлении, пусть даже в худшем, но это всё-таки жизнь! Прекрасная! Упоительная! Чарующая! Будоражающая! Огорчающая! Волнующая!

Жить – это значит дышать этим сказочным воздухом. Ощущать все запахи вселенной! Любоваться хитросплетениями различных цветов и оттенков!! Наслаждаться музыкой Земли и вдыхать её аромат бессмертной гармонии.

Жить – это значит любить и быть любимым! Жизнь мгновенна, но она и вечна, как и весь мир всех этих преобразований, изменений, перемещений!

Ничто не может не волновать душу человека... Опавший кленовый лист... и комок грязи... дуновение ветра... и ураган на море... Слезы... улыбка... радость... горе... мыши, слушающие музыку... мухи... зверьки... огонь костра и пламя свечи... радио... теле(видео)фон... ракеты... небо... солнце... звёзды...

Какое многообразие! Поражающее своей цельностью! Законченностью! Словно перед нашим взором – громадное худ[ожественное] произведение кисти великого гения Природы!

17 октября 1968 г., 01:00

Наша судьба неподвластна нашей воле. Ею властвует Природа, которой люди бессильны что-либо противопоставить. Так возникает противоречие, благодаря которому рождается идеал – произведение искусства.

А жизнь? Она подстерегает человека на каждом шагу, чтобы унижить, оскорбить, а потом утешить, приласкать.

Словом, человек всю свою жизнь если и делает хоть одно полезное для общества дело, так это ведёт борьбу с самим собой.

Природа (т.е. «физика») каждой своей победой над человеком освобождает его от права быть человеком, но последний в свою очередь яростно пытается отстоять свои права на гордое имя...

* * *

Тихо в душе, и вокруг листопад.
Пасмурный день.
На стене моя тень
Тоже грустит.
Закурил сигарету.
Конверт разорвал,
Предчувствуя тайную горечь.
Да, так и есть.
Почему-то спокойствием дышит моё лицо,
Но глаза так серьёзны, глубоки.
Пальто расстегнув и подняв воротник,
Равнодушно смотрю, как падают листья.
Усмешки и боль пронизали губы,
И зубы, как верные слуги, запели псалом
Непонятной музыки и мёртвой любви,
Уходящей в безмолвие звёзд и зимы³.

28 октября 1968 г.

Прослушал в ВДК вечер камерной музыки. Более всего понравились «Три пьесы» в 4 руки Э. Денисова и цикл романсов для соргано и ф[ортепиан]ного трио на стихи Блока Дм[итрия] Дм[итриевича] [Шостаковича]. Его самого почему-то не было. Вероятно, опять болен¹⁰.

Вл. Золотарёв – Н. Лесному

Москва, 31 октября 1968 г.

Дорогой Николай Александрович!

Простите, что задержался с ответом. Все эти дни пропадал в Доме композиторов, т.к. был наплыв интересной музыки (новинок).

В нескольких словах постараюсь охарактеризовать эти концерты.

Несколько дней назад слушал первое исполнение 3-го квартета Бориса Александровича Чайковского. Что и говорить! Человек талантливейший! В перерыве между отделениями подошёл Шостакович: «Вы слышали! Вы посмотрите, что делает!.. Нет слов... нет слов...»

Я в смущении улыбаюсь и, ещё не оправившись от впечатления музыкой, говорю, что квартет заслуживает самой высокой похвалы; ни единой громкой ноты, но как потрясает! Подходит сам Борис Александрович... Я никогда его не видел и ни за что на свете бы не принял его за композитора. Застенчивый человек, лет сорока, немного косит, в очках... самый обыкновенный... а музыка необыкновенна!..

Позавчера с волнением прослушал три пьесы для фортепиано в 4 руки Эдисона Денисова. У него есть место, похожее на колокола из моей прелюдии, а в общем, музыка не уступает Борису Чайковскому. Недаром они близкие друзья.

Вчера был впервые исполнен вокальный цикл на стихи Александра Блока Шостаковича. Сам он не был, вероятно, снова болен (эту неделю я не был у него). Чувствуется, что Дмитрий Дмитриевич поёт свою лебединую песню. Музыка трагическая! Но трагедия эта трогает такой задушевной теплотой, что слёзы вот-вот брызнут, придется сдерживать...

Ну а сегодня я был у Родиона Константиновича и только что от него. У меня тоже было «первое исполнение» Камерной сюиты для выборного баяна в 4 частях. На долю этой музыки выпало много похвал, как от Щедрина, так и от его супруги (Плисецкая – удивительная женщина!). У них гостил также один иностранный музыкант, который восхищался, как это я одновременно «передвигаю пальцами и тремолирую мехом».

Но наряду с восторгом Щедрин сделал ряд замечаний по поводу отдельных мест (структура которых, т.е. квадратность, ему не понравилась). Хочу остановиться несколько на этой музыке... Как ни жаль расставаться с былым романтическим налётом прежней музыки, но, вероятно, затянувшийся юношеский период окончен. Последние произведения (Камерная музыка для флейты и струнного оркестра и Камерная сюита для баяна) – это уже нечто другое... более свободное, более смелое...

Пишу больше без инструмента, ибо он страшно сковывает мысль, фантазию. Отсюда и квадратность, которой не место в современной музыке, но иногда именно инструмент находит интересные моменты звукомышления.

Собственно, всё это так называемая техника композиции. После моей музыки (просматривали ещё цикл романсов на стихи японских поэтов) прослушали плёнку, записанную в Париже и привезённую этим самым иностранцем. Один композитор (не помню его имени) написал Симфонию для оркестра и хора swingles. Очень интересно!

В Ленинград я, к великому сожалению, не ездил, т.к. мои карманы не расположены к праздным затеям, и как играл Митченко, мне неизвестно; как только он возвратится из поездки, я всё разузнаю и передам ему Ваш привет. Вот, пожалуй, все новости. Передавайте лучшие приветы Павлу Ивановичу, Виталию Филипповичу, другим преподавателям и студентам.

Ваш Вл. Золотарёв⁷.

Томилино, 1 ноября 1968 г.

Позавчера играл Щедрина. На этот раз он запоздал. Договорились на шесть вечера, а до половины седьмого я играл Плисецкой (по её просьбе). Наговорила мне комплиментов, что даже ввела в смущение.

Но вот пришёл Род[ион] Конст[антинович], и я почувствовал себя свободнее. Первое показывал новый цикл романсов на сл[ова] Такубоку. Играл он, а я пел. Затем сыграл новую «Камерную сюиту» для баяна, которая ему понравилась. Поговорили о живописи, литературе, музыке и обнаружили общность взглядов.

Под конец он дал мне партитурной бумаги, и я покинул сей приятный уголок.

Томилино, 3 ноября 1968 г., 20:00

Всю прошедшую ночь работал, как одержимый. Только лишь утром, не раздеваясь, лёг поспать. Проснулся от холода, но когда вышел в сад, то с какой-то щемящей радостью ощутил вечернюю теплоту подмосковного воздуха. На дачах жгли опавшие листья, и дым такой пряно-ароматный стелился между домов, словно их обнимая. Очень редко испытываю подобное состояние души. Именно какая-то щемящая радость... Не знаю, отчего это...¹⁰

Вл. Золотарёв – Н. Лесному

Москва, 10 ноября 1968 г.

Дорогой Николай Александрович!

Высылаю Вам афишу (Эдуард прихватил специально для «Магадана»). Очень был обижен на меня за то, что не приехал на его концерт и не выходил на поклон, т.к. мои сочинения прошли с огромным успехом и без конца бисировали (вызывали меня), но что я мог поделаться? Видимо, судьба не милостива ко мне. Вечная нужда в деньгах привела к тому, что я не смог выехать на первое исполнение этих пьес в Ленинграде.

Ну, Бог с ним. Словом, Митченко очень рад за музыку, которая, по его словам, проходит во всех городах с большим успехом. Чайкин когда услышал эти пьесы, то очень расстроился, но это не так важно.

Сейчас я заканчиваю переписывать Камерную сюиту для выборного баяна в 9 частях и Сонатину (также для выборного баяна) – это то, что я играл Щедрина. Сюита очень сложная (я сам её играю с ошибками и пока не выучил как следует); вот её части: 1) Прелюдия. 2) Фуга. 3) Ноктюрн. 4) Скерцо. 5) Речитатив. 6) Инвенция. 7) Сарабанда. 8) Рондо. 9) Постлюдия.

В сонате 3 части: I. Allegro, II. Adagio, III. Presto.

Пишите, как Вы там. Я очень скучаю...

Передавайте приветы Павлу Ивановичу, Виталию Филипповичу и всем тем, кто не забыл меня.

Ваш преданный, Вл. Золотарёв.

P.S. Праздники встречал с Эдуардом. У него прекрасный сынишка – Игорь, большой умница. Очень хороший мальчик. От Митченко Вам горячий привет и много разных пожеланий. На днях он снова улетает на гастроли по Союзу, а после января – за рубеж. Будет играть много моего – это, конечно, приятно⁷.

Томилино, 11 ноября 1968 г.

Вчера с Эдуардом [Митченко] был на концерте Галкина. Играл неплохо! Но очень насыщенная музыка! Уж очень эффектная, а это как-то отталкивает. Поздравляли его. (...)

Долго бродили с Митченко по Москве. Мне представляется случай прославить баян и своё имя. В мае будет проходить отб[орочный] конкурс в Нью-Йорк, и Эдик будет готовиться. Мне же нужно написать конц[ертную] пьесу на 10 минут. Это решающая пьеса¹⁰.

Вл. Золотарёв – Н. Лесному

Москва, 11 ноября 1968 г.

Дорогой Николай Александрович!

Вчера с Эдуардом ходил на концерт Галкина; конечно, сами понимаете, событие большое для баяна. Это первый концерт баяниста в зале имени Чайковского, и поэтому были все баянные светила: Агарков, Коняев, Мирек, Сурков, Вострелов (призер Англии), кстати, милый парень (познакомился я с ним в ДК). Чайкина почему-то не было, хотя Вячеслав играл его сюиту. Не пришёл и Беляев – это очень странно. Играл он неплохо (баян у него новый, и лучшего желать пока и не нужно), но смущает перегруженность программы виртуозными вещами. Нет разрядки, а потом (ещё хуже) – нет контрастов между пьесами и по фактуре, и по содержанию – это болезнь и беда Галкина как музыканта. Он любит эффекты, и, как мне кажется, его мало интересует содержание, нежели сама его оболочка. Ну, это особая сторона разговора, и я не хочу касаться её.

Мы поздравили его и немного погуляли по Москве. Митченко будет готовиться на конкурс в Нью-Йорк, который впервые открывается весной этого года в Америке (небывалое событие не только для баянистов, но и вообще для инструменталистов). Прослушивание состоится в апреле, и кроме Митченко, вероятно, будет много молодых музыкантов и уже признанных (Полетаев).

Мне нужно написать эффектную концертную пьесу для выборного баяна, рассчитанную на 10 минут, которая бы имела несомненный успех, но для подобной цели я, как мне кажется, совершенно непригоден.

Пишу сейчас её, но здесь «эффектом» и близко не пахнет. Медленная полифоническая пьеса. Назвал её «Postscriptum», но что из этого (postscriptum'a) выйдет – неизвестно. Могу сказать только, что музыка навеяна Севером – его чистым и холодным воздухом, этим

суровым, поистине прекрасным пейзажем, от которого исходит Великий дух трагического начала, того самого начала, что несёт в себе наше несчастное племя.

Пишите мне, милый мой Николай Александрович.

Если будете в Москве, то сообщите по известному Вам адресу.

Всегда Ваш, преданный Вл. Золотарёв.

P.S. Поклон супруге и приветы преподавателям⁷.

* * *

Свеча оплыла,
Звёзды гаснут,
Костёр из писем горит,
в глазах упрёк и боль,
напрасно слеза на паперти звенит...
Мир опустел,
и тихо-тихо
в камине пепел шелестит,
и пахнут письма земляникой,
и память строки ворошит...³

Москва – Томилино, 14 ноября 1968 г.

Каждое ухищрение в искусстве должно нести мысль, даже если это какофония чувств. Каждая мысль должна быть оправдана и пережита художником. Тогда только произведение станет понятным и доступным.

Гений – это полководец, который задался целью покорить человечество. Это завоеватель умов и сердец, а что может быть выше такой цели!*

15 ноября 1968 г.

Я в полном отчаянии. За эти 10 дней, т.е. к 25 ноября, должен закончить для Эдика «Postscriptum» на 10 минут и Сонатину, но не написал ещё и 0,1.

---

* См. эту страницу из дневника в фотокладке.

* * *

В колчане много стрел...
и меч не притупился...
по-прежнему цветёт альпийский эдельвейс...
Тангейзер спит,
хор странников колышет облака...
звезда упала...
в сонный пруд...
а Гамлет размышляет...
Быть или не быть...
Рублёвский колорит волнует глаз...
Судьба стучится в дверь...
колокола пугают птиц...
монахи водку пьют...
и старый Лир грозит небесам...
О, Боже!
...бренный мир... сова кричит, молитвам не внимая...
и... изуверы жгут Свободу на Крестах...
табачный дым обманчиво плывёт...
Дантес перчатку вновь снимает
– А что же наш Мольер?!
Как добрый малый поживает?
– Ну что вы! Он Тартюф! И в жизни ничего не понимает...
«Титаник» гибнет... Бьют литавры...
Бетховен режет струнами сердца...
О! Подлый мир!... шлем Парсифаля... нежность Кундри...
И лик Христа... мой мудрый друг...
прошли кандалники... тюремный круг...
...и сон в небытие уходит –
не то улыбка... не то страх...
не то печальная усмешка...
Всё провалилось... пепел... прах...
Проснулась Белоснежка.

(Москва – Томилино, 1968 г.)

* * *

В душе стихи звучат всё тише...
Всё глуше музыка звучит...
Сидит старуха Смерть на крыше
Рукой костлявой ворожит...³

7 декабря 1968 г.

Проехал Омск. Скоро Новосибирск. Грустно почему-то ехать в город, где прошла юность, ...где родилась первая любовь... в город печалей, сомнений и горьких слёз...¹⁰

Вл. Золотарёв – В. Большанину

Магадан, 8 декабря 1968 г.

(...) Пишу уже на полпути к Магадану.

Отец отказался помогать мне окончательно и предложил мне два варианта: либо я возвращаюсь в Магадан, работаю, либо остаюсь в Москве без копейки денег и прощаюсь с жизнью.

Я избрал первый, чтобы выиграть не победу над филистерским болотом, а победу над теми, кто сегодня говорит о моей музыке, что она «традиционная» и не «модерновая» и пр.

Впрочем, всё, что я пишу тебе, – страшные дразги, мелочи (...)⁹.

Магадан, ресторан «Северный», декабрь 1968 г.

* * *

Мы тешимся мыслью
оставить свой след
на песке нашей чудной планеты...
Мы топчем и мнём наши травы...
и рубим леса...
чтоб наши потомки
срубили жилища...
и помнили наше доброе имя...
Мы рвем свои жилы
и вяжем верёвки...

чтоб люди, падая в пропасть,
хватались за них
и карабкались
к жизни...
И сердце своё мы швыряем из тучи!
чтоб оно вместо солнца
согревало усопшие души...
чтоб оно пробуждало замёрзшие чувства...
дарило бы память забвенным могилам...
Но тщетно, мой Друг...
Суета из сует
Заколдованный круг...
Избавления нет...

* * *

Мир всё тот же...
и небо,
и земля
как будто неизменны...
но ты, мой Друг, не тот,
и я не тот, что прежде...
и Мир не тот для нас с тобой...
мы в этом Мире гости...
забредшие случайно издалека...
и с изумлением внимающие звукам
прекрасной музыки...
и речи непонятной...
всё здесь не так,
и люди здесь чудные...
и облака не те...
другие травы...
лица все чужие...
но мы не те...
другими стали мы...

***

Печаль моя беспредельна...
Мучительно дни текут...
Всё движется к Смерти...
поверь мне...
все жизни к смерти бегут...
бегут и ручьи, и реки...
чтоб в море исчезнуть...
и кануть...
возвыситься айсбергом...
мёртвым...
взнестись к небесам...
величавым...
уйти всё стремится...
уйти...
но зачем?
чтоб снова вернуться?
для чего?
чтоб снова
бежать
и стремиться?
как Сизиф
несчастный...
и рок этот вечен...
как вечно страданье...
минутная радость...
луч солнца...
Свобода...
и
Вечная ночь...

* * *

Когда-нибудь Добро уйдёт в себя,
И зло расправит крылья над Вселенной...

Столкнутся звёзды, рассыпаясь в пыль,
И вспыхнут пламенем румяности галактик...
Закрутится в последнем вздохе вихрь
из организмов, плачущих детей,
из смеха варваров, убийц,
из музыки и пепла...
Завертится в последнем выдохе смертей
великий смерч закрывшихся дверей...
Бессмертной жизни атомов, молекул...
Улыбки Вечности и голубого цвета...
Пленительности звёзд...
Движения светил...
Осенних листьев шорох...
Забвения могил...
Шум волн...
Вечерняя прохлада...
Сомнений, веры, философии, идей...
Презрения, любви, зачатия плодов...
Мечтаний и надежд...
Неосуществимых снов...
Всё!
Был мир, и нет его!
Горит письмо мгновенной жизни...
Свеча сердец...
Кольцо судьбы...
Ни пустоты...
Ни пепла...
Ни границ...³

11 декабря 1968 г.

(...) Хочется. Очень хочется увидеть Наташу.

(...) Но не хочется прозябать в Магадане. Выслушивать рецензии-лепеты, чувствовать зависти бездарей... слышать злобные насмешки по поводу непоступления в консерваторию¹⁰.

Магадан, «Снежная долина», декабрь 1968 г.

* * *

Мы расстаемся...

сгустился сумрак...

и тихо музыка звучит...

под сводами старинной церкви...

любовь, потупившись...

стоит в приделе...

перед алтарём...

где лик Христа

в смущении вникает...

молитвам...

жалобным...

и

кротким...

Ударил колокол...

и музыка умолкла...

мы расстаемся...

тихо стало...

уж скоро полночь...

свечи гаснут...

Мне слышится неровное дыхание...

таинственные вздохи...

шорохи...

рыданья...

Любви угасшей причитанья...

последний всплеск свечи...

теперь прощай...

1969

Магадан, «Снежная долина», 11 января 1969 г.

(...) Скоро нужно уезжать в бухту Провидения¹⁰.

Вл. Золотарёв – В. Большанину

Магадан, 20 января 1969 г.

(...) Словом, настроение у меня как никогда подавленное, и хочется выплакаться где-нибудь у прохладного родника, в тени дубравы шумной (...)°.

Б. Ярустовский – Вл. Золотарёву

[Москва, 7 февраля 1969 г.]

Как видите по штемпелю – я поехал было подлечиться, но злой рок (на этот раз в лице гриппа) настиг меня и здесь отравил лечение и отдых. Очень озадачило Ваше письмо: никуда Вы не поступите и в этом году. Вместо того чтобы учиться, печь «ржаной хлеб», который и надо дать отведать экзаменаторам, Вы и за оперу, и симфонию, и две сонаты и т.д. Это Шостаковичу не под силу. Кажется, печальный опыт поступления в [19]68 году Вас ничему не научил: надо по-настоящему овладеть «азбукой» сочинения и показать её (сольфеджио, гармония в том числе), а Вы всё по верхам, зачем? Так и останетесь дилетантом, будете совершать во-яжи Магадан – Москва и обратно, ну и что... Подумайте. Б[орис] Я[рустовский]¹⁰.

Д. Шостакович – Вл. Золотарёву

Москва, 14 февраля 1969 г.

Дорогой Владислав!

Я уже довольно нахожусь в больнице. Пробуду ещё дней двадцать. Отгоняйте от себя всякого рода чёрные мысли и больше занимайтесь развитием своего композиторского таланта. Крепко жму руку. Д[митрий] Шост[акович]¹⁰.

Р. Щедрин – Вл. Золотарёву

[Москва, 28 марта 1969 г.]

Слава, не надо на меня гневаться. Писание писем всегда было для меня большой мукой – это единственная причина моего «эпистолярного» молчания. Для успешного нового похода на Москву Вам, как мне думается, надо подналечь на побочные (сольфеджио, гармония, диктанты, муз[ыкальная] лит[ература]) предметы. Для экзамена по сочинению было бы достаточно авторского исполнения сюиты для баяна (той, что Вы играли мне в последнюю нашу встречу) – сочинения достаточно красноречивого «рекламного» (в лучшем значении этого слова) характера. Что как раз и требуется¹⁰.

Провидения, 15 мая 1969 г., 02:00

У Игоря человек одинок. Как правило, мужчина без женщины. И человек этот, как личность, обладает гордостью, стремлением к самоуглублению, умением созерцать мир в себе.

У меня человек также одинок, но его одиночество не есть мир в себе. Он созерцает мир вокруг себя, т.е. наедине с природой, и страстно откликается на любое проявление прекрасного, что так живо напоминает ему истинную осознанность бытия.

23:00

Музыка не должна наводить страх. Её предназначение заставлять человека страдать, раскрывать неведомые красоты в самом человеке, в природе, утешать его и внушать веру в бессмертие духа.

Провидения, 17 мая 1969 г., 00:30

Если ты не играл в этот день на инструменте, но сочинял – ты работал. Если ты не играл и не сочинял, а размышлял над новым произведением – ты работал.

Если ты не играл, не сочинял и не размышлял, а просто читал худ[ожественную] литературу – ты работал.

Если же ты не играл, не сочинял, не размышлял и не читал, а был с любимой – ты работал.

Но если ты продрых этот день – ты подлец! А если ты был с не-любимой женщиной – ты подонок!

И, наконец, если ты ничего не делал и ни с кем не был, а находился среди лесов, полей; созерцал небесную лазурь и в замирании слушал песни птиц; если ты рыдал, сжимая в руках землю, или утешал плачущую берёзу – ты был в эти мгновенья Иисусом Христом.

Провидения, май 1968 г.

* * *

Проснись...

Проснись...

Забудь печаль свою...

смотри...

Зима пронеслась...

Ручьи звенят за окном...

Очнись от сна...

взгляни!..

как хорошо вокруг...

Весна, мой друг...

Весна...³

Провидения, 23 мая 1969 г.

Жадно читаю Бунина. Как мне не хватало его всё это долгое время. «Освобождение Толстого».

– Подчинение и потом освобождение.

Некоторый род людей обладает способностью особенно сильно чувствовать не только своё время, но и чужое, прошлое, не только свою страну, своё племя, но и другие, чужие; не только самого себя, но и ближнего своего.

Для того чтобы быть в числе таких людей, надо быть особью, прошедшей в цепи своих предков долгий путь многих, многих существований и вдруг явившей в себе особенно полный образ своего дикого пращура со всей свежестью его ощущений, со всей образностью его мышления и с его огромной подсознательностью, а вместе с тем особью, безмерно обогащённой за свой долгий путь и уже с огромной сознательностью.

Я понимаю предельно ясно, что вместе мы никогда не будем. Но эта ясность отвратительна.

Застенчивость – признак нравственной чистоты.

...можно писать из головы и из сердца... Я всегда останавливал себя, когда начинал писать из головы, и старался писать только из сердца...

То, что я пишу, что хочу выразить в звуках, есть правда о себе. Если правда эта недостаточно глубока, в этом виновна генеалогия всего меня. И я не согласен с утверждением многих знаменитостей (в том числе Щедрина), что невозможно писать только из сердца, что, мол, разум дан для того, чтобы сознательно видоизменять, нарушать, разрабатывать зерно, брошенное богом в чрево души нашей.

Половая связь между людьми есть падение человеческого духа; унижение, оскорбление себя и ближнего своего. Неизлечимая болезнь, отравляющая душу на протяжении всей жизни.

Человеческие отходы есть самое гнуснейшее, непонятнейшее и уничтожающее проявление поля деятельности человека. Омерзительнейшая особенность!

Всё, что я написал до сегодняшнего дня, кажется настолько мелким, пустым и бездарным... Но где же горизонты глубокой музыки? Их я не вижу. Неужели конец?!

Где-то в глубине души, в тайнах её истины, я чувствую, что единственно правильная и достойная жизнь – это существование во имя любви, но нигде и ни в чём не переступая порога, за которым начинается семья, дети, друзья, закон, государство.

Где есть конец, там нет начала. Начало без конца.

Любой государственный или политический деятель – враг искусства. Народ обманывается, когда тешит себя мыслью, что вот сейчас-то он заживёт! Политика есть авантюра против человека и его истинной природы.

«Если жизнь не бесконечна, то она просто бессмысленна, то жить вовсе не стоит, следует как можно скорее избавиться от неё самоубийством» (Лев Толстой)¹⁰.

Магадан, «Снежная долина», июль 1969 г.

* * *

Проходят зимы...

весны...

лета...

Проходят ночи...

дни...

и годы...

Рождаются миры...

а вскоре умирают...

На смену старым

новые приходят люди

И только ты не изменилась...

Мечта моя...

Печальная Изидыда...³

Провидения, 20 августа 1969 г.

Часто спрашиваешь себя: почему бы не повторять однажды сказанное? Ведь как часто я вспоминаю какой-либо эпизод из своей (или чужой) жизни; и вспоминаю без изменений, в той же тональности.

Не слушать никого и повторяться. В музыке делать то же самое, если это нравится...³

Д. Шостакович – Вл. Золотарёву

Москва, 8 сентября 1969 г.

Дорогой Владислав Андреевич!

Простите, что долго не отвечал Вам, я около двух месяцев не был в Москве. К сожалению, не могу выслать Вам партитуры и пластинки, которые Вы хотите иметь. Сейчас их нет в продаже. Как только появятся, сразу вышлю. Желаю Вам доброго здоровья, больших творческих успехов.

Д[митрий] Шост[акович]¹⁰.

Р. Щедрин – Вл. Золотарёву
[Москва, 11 сентября 1969 г.]

Не отвечал Вам, т.к. почти два месяца отсутствовал в Москве.

Спасибо Вам за «Поэму» (партитура благополучно пересекла половину земного шара и теперь у меня на столе), карточки и «Шарманщика».

О «Поэме» у меня сложилось двойственное впечатление. С одной стороны, она меня подкрепила во мнении о Вашей редкой природной музыкальности и удивила Вашим чутьем оркестра. (В прошлом Вашем письме был муз[ыкальный] пример, где Cello играла отсутствующие ноты: ; теперь после «Поэмы» мне ясно, что то была описка.) За исключением частностей (точки у *pizz.* не принято ставить – получается масляное масло; переизбыток (на мой взгляд) *Legno*, слишком сильное, заметное уху средство; интуитивно правильно, но конкретно немного ошибочное представление о шумофоне – его тесситура и главная сила звучности: несмотря на динамик, это весьма тихий (в *legato*) инстр[умент], и в цифре 4 div. *Archi* на *forte* он будет закрыт струнной массой и т.д.).

Партитура должна звучать превосходно, т.е. точно так, как Вы её написали.

С другой стороны, в большинстве случаев запись Ваша – с практической точки зрения! – для ансамблевой игры с дирижёром почти неисполнима (цифры 5, 6, *Allegro* особенно). Хотите Вы этого или нет, но любой дирижёр расчертит всю партитуру тактовыми чертами. Кстати, в Ленинграде был такой случай с симфонией композитора Г. Уствольской, где дирижёр Янсонс как раз и проделал «тактово-расчертительную» работу за автора. Для сольного инструмента – *Piano, Arpa*, на худой конец для струнного квартета (max!) – это годится (согласен, что рисунок для образного восприятия значит очень много), но для игры, когда расписывается каждая партия отдельно (а вся партитура видится лишь дирижёру да автору), – неприемлемо.

Пишу многословно, но боюсь, что понятного будет мало. Устно это бы я лучше рассказал.

А главное – видны швы. Такое впечатление, что Вам скорее хотелось увидеть сочинение оконченным – какие-то «слова» миновали. Чуть-чуть конспект где-то...

Тематизм же мне понравился. Относительно «Алых парусов» должен Вас разочаровать. У композитора Юровского уже написан на этот (действительно гениальный) сюжет – балет, шедший и долго в Большом театре и др.

По неоговоренной, но существующей композиторской этике, делать сочинение того же жанра при жизни композитора как-то не принято (вспомните историю Римского-Корсакова («Ночь перед Рождеством») и Чайковского («Черевички»): Р[имский]-Кор[сак]ов обратился к тому же сюжету лишь через 2 года после смерти Чайковского!).

Может быть, Вам стоит подумать о воплощении этой темы в ином жанре?

Ну, вот уже и «рука бойца писать устала». Могу только добавить ещё, что положение Ваше имеет не только свои минусы, но и плюсы. Посмотрел я при okazji на карту, где там у чёрта на рогах бухта Провидения, и, увидев, аж завидовал.

Самого Вам хорошего. Большой привет от Майи Мих[айловны] [Плисецкой]. Трудитесь вовсю – как кто-то из неглупых людей сказал, что художнику нужно лишь две вещи – талант (он у Вас есть) и трудолюбие (значит, дело за ним?). Партитурную бумагу (если нужна есть – черкните) вышлю. Только строчную – 24 или 30. Пишите.

Ваш Р[одион] Щ[едрин]¹⁰.

Р. Щедрин – Вл. Золотарёву
[Москва, 24 октября 1969 г.]

Дорогой Слава!

Не обижайтесь, ради Бога, но педантичного корреспондента из меня всё же не получится. То разъезды, то цейтноты, а главное, написание писем для меня тяжкая и нелюбимая обязанность. Так что на регулярность переписки (вернее, моих ответов) не гневайтесь. Теперь по существу. С интересом смотрел «куски» симфонии. Compliments могу сделать почти идентичные с «Поэмой для альта».

Но в симфонии главное – целое, концепция, а об этом по отрывкам судить невозможно. Из соображений негативных (опять же!) повторюсь о тактовых чертах – 7 цифра Presto deciso. Кстати, обозначение метронома лучше не мешать с обозначением метра, т.е. лучше четвертная нота = 180, а не $\frac{1}{4} = 180$. А совсем уж взгляд под микроскопом – деления 180 на метрономе нет: есть 176 и 184 – производные от 88 и 92. Но это всё ерунда (включая тактовые черты, которые сами решите компромиссно – стоит лишь вернуться с первой оркестровой репетиции), более существенно Ваше отношение к фигурации.

Разрабатываемое от I Fag. [цифра] 7

(а это, видимо, связано с первой темой у Cl. Basso), малоинтересно и неизобретательно, а терцовые удвоения лишь усугубят «фигурационное топтание на месте». Тут явный конфликт с (кто о чём, как говорится, а вшивый всё про баню) отсутствием тактовых черт, да с взятием напрокат рисунка метра ($\frac{3}{4}$, $\frac{2}{4}$ etc.) для обозначения количества пауз. По-моему, для этого надо искать новое, не связанное с привычкой (вековой) обозначение!

Наверное, Вы сейчас насупились – что же это о самой музыке он не говорит. Скажу. Медленная, вступительная музыка мне кажется значительно выше качеством, чем быстрая, батальная. И ещё одна мелочь... Впрочем, хватит о мелочах. Устно я бы всё изложил убедительнее и, главное, оперативнее. Тема баянного концерта мне очень понравилась. Желаю не снимать дальше начально взятого уровня.

Нотную партитурную бумагу я вчера Вам отослал. На днях пошлю рукописи. Но делать это буду, прямо скажу, с содроганием. Может быть, Вы хотя бы переснимали их самым примитивным способом, а то больно страшно гонять единственный экз[емпляр] через всю нашу гигантскую страну. Подтвердите, пожалуйста, их благополучное получение – я буду спокоен.

О себе мало есть что написать. Единственное событие – мой уход с начала этого уч[ебного] года из консерватории по причинам многочисленным, но взаимосвязанным. Тем не менее, думаю, Вам

совершенно необходимо сесть на студенческую консерваторскую скамью – только тогда из Ваших удивительных природных способностей может получиться истинный толк, в который я убедительно верю! По линии сочинительства ещё вожусь с «Кантатой о Ленине» – отделеваю. Что получилось, самому судить трудно, но на шостаковичевские кантаты это похоже абсолютно не будет – за это ручаюсь.

В Москве тоже осень. Небо тоже свинцовое, но скал у моря, увы, нет. (...)

Самого Вам хорошего. Сильно верящий в Вас Р[одион] Щ[едрин]¹⁰.

Д. Шостакович – Вл. Золотарёву

[Жуковка, 5 ноября 1969 г.]

Дорогой Владислав Андреевич!

Простите меня, пожалуйста, за то, что так долго не отвечал Вам. Я уезжал из Москвы. Потом у меня очень болела правая рука. В общем, трудно мне было. Замысел Вашей «Драматической поэмы» – противопоставление тезисов «мысли о смерти» и «мысли о жизни» может, как мне кажется, возбудить фантазию композитора и стать основой впечатляющего произведения. Замысел «Поэмы» бесспорно, интересен. Поэма могла бы иметь успех, если бы её музыка более точно выражала идею. Для этого надо большей тематической определённости, большей яркости и продуманности гармонии, большей фактурной изобретательности.

«Поэму» я пока оставлю у себя. Напишите, куда мне её Вам отправить.

Крепко жму руку и шлю самые лучшие пожелания.

Ваш Д. Шостакович¹⁰.

Вл. Золотарёв – А. Нагаеву

[Провидения, 12 ноября 1969 г.]

(...) Думать о музыке всё время!.. Заканчиваю хоровой цикл, оркеструю вторично симфонию (Щедрина понравилась). Начал концерт для виолончели с оркестром. Параллельно работаю над вторым фортепианным концертом... (...)

Не думай, что одна удача сопутствует другой. В жизни больше поражений, чем побед. Иначе мы и не совершенствовались бы. На поражениях мы учимся побеждать.

Надо много писать, но ещё больше – рвать... главное – писать глубокую и человеческую музыку. Но для этого нужно профильтровать через свои мозги и свои чувства всю предшествующую музыкальную культуру, для этого нужно страшно много трудиться (...)⁽¹¹⁾.

Провидения, 22 ноября 1969 г.

* * *

И снова печаль, как чёрная шаль...

неслышно сползает на плечи...

Звезда тихо плачет...

и губы вот-вот задрожат,

как ресницы...

готовые в ночь погрузиться...

звучит клавишин...

нет сил оторваться

от музыки скорби...

нет сил разлюбить...

разорвать...

забыться...

заснуть...

и проснуться... где-нибудь в тихой деревне...

босиком пробежаться по алой росе...

причаститься глазами к россыпи звёздной...

и тихо расплакаться...

земно... и грешно...

Р. Щедрин – Вл. Золотарёву

Москва, 3 декабря 1969 г.

Дорогой Слава!

Получил от Вас такое количество «информации», мыслей, нутра, метаний, что просто-таки растерялся... И камерная симфония,

* Первая публикация (в переводе на немецкий язык): *Klausur I. Tagungsband zur internationalen Tagung «Vladislav Zolotarëv: Leben und Werk»*. – Norderstedt: Book on Demand GmbH, 2008. – 212 s. (В дальнейшем ¹¹.)

и экспромты прочитаны как исповедь Ваша. Были среди них мысли (и в письме в том числе), заставившие вздрогнуть, аж екнуло где-то в кишках, но были – откровенность ещё плюс! – что «Волга впадает в Каспийское море». Теперь уже убеждён, что Вы экземпляр человеческий. Дай Вам Бог здоровья и чуточку удачи!!! Меня немного пугает (простите за нравоучение), что Вы слишком много можете. Кажется, Дягилев сказал о Прокофьеве – дуло у пушки узкое, потому и далеко стреляет. И, наверное (хоть и минусы здесь тоже, и немаленькие), Вам надо в Москву, в Москву, в Москву, как сверлили чеховские сестрички.

Фигурации Ваши мне по-прежнему не нравятся и у *C.b.*, и у *V-ni*. Конечно *C.basso* сыграет etc, но качество самой фигурации? Римско-корсаковская гамма тон-полутон уже выжата, как лимон, и, главное, слух ею обкормлен.

Для технологической стороны дела нужны иногда паузы и остановки. А в момент замолкания – расчёты другой партии (говорю банальности, не обижайтесь, но бросьте взгляд на волны, разве они не шестнадцатые, и так без конца?). Мне вообще думается, что сегодня фигурация стала *divis*'ная. *Unison* теперь исключение, а *divisi* – правило. Гайдн говорил, что квартет – это разговор четырёх неглупых людей, следовательно, они иногда слушают друг друга. Мне вообще почему-то кажется, что Вам надо написать 24 прелюдии для ф[ортепиано]но (не обязательно 24, можно 27 или 21), но 24 мысли, периода, говоря по-учёному.

Кстати, не очень понятно «послесловие» к эпиграфам: «Все мысли записаны при помощи музыки Дм. Дм. Шостаковича». Некоторые из экземпляров – кое в чём антитеза ей.

Слава, дорогой, но, в общем, это всё ерунда, а главное нанести удар по врагу на одном каком-то направлении. Не распыляйте сил (да здравствует Суворов!). Самого Вам хорошего.

Ваш Р. Щедрин¹⁰.

Р. Щедрин – Вл. Золотарёву
Москва, 22 декабря 1969 г.

Дорогой Слава! Спешу к Новому году сказать Вам традиционное «поздравляю и желаю». Верю, что 70-й год будет для Вас этап-

ным, а в чём-то и переломным. А главное здоровья и душевного спокойствия.

Говорят, что однажды Рих[арда] Штрауса спросили, что самое-самое главное для дирижёра (ожидая ответа – слух, жест, auftakt и т.д.), а он ответил – здоровье.

К композиторам это тоже имеет отношение, и, думаю, главенствующее.

Относительно фигураций и пауз стою на своём. Музыкальная ткань не должна требовать литературного объяснения – она обязана убеждать без сносов примечания. Вот я какой упрямый – даже предновогоднее настроение меня не поколебало! Но не обижайтесь, ради бога.

Ещё раз самого вам хорошего. Много удачи!

Ваш Р. Щедрин.

22.XII.69.

P.S. Замысел «Дионисия» превосходен!¹⁰

1970

Вл. Золотарёв – В. Большанину

Провидения, 15 января 1970 г.

(...) Совсем зря, милый друг, полагаешь, что только ты одинок и что только вокруг тебя снуют мёртвые тени. Не только ты и не только я. Нужно терпеть и уметь работать даже в этой невыносимой обстановке, называемой безвременьем.

Понимаю тебя – очень трудно, страшно и пусто от всего, что окружает, но раз так, то и ты будь для всех непроницаемой тишиной, закрой на всё глаза, замкни уши и погрузись в чтение Достоевского, Лескова, Толстого, Чехова, Бунина – смотри, какие у нас Титаны! Русские!

(...) К чёрту лень и хандру. За перо и бумагу. За книги, за клавиры и партитуры, за монографии и теоретические труды. Сам, голубчик! Сам копайся. Будешь копать с остервенением – докопаешься, – а это счастье (...)⁹.

А.А. Золотарёв* – Вл. Золотарёву

Магадан, «Снежная долина», 29 марта 1970 г.

(...) Зная твою неорганизованность, вернее, неспособность правильно рассчитывать и устраивать свой быт, ты, видимо, и сейчас склонен думать, что кто-то должен возникшие житейские трудности решать за тебя. Мне и сейчас непонятно твоё неправильное отношение к этим житейским проблемам. (...)

Иной раз полезно критически взглянуть на свой путь: правильно ли ты шёл, хотя это и неприятно. Так вот мне кажется, что ты как раз когда-то сбился с правильного курса. Но ещё не всё потеряно, можно всё наверстать. Вот поэтому я считаю, надо бросить рядиться в тогу маститого деятеля искусств и внять мудрым советам. Надо учиться. Это как раз тот обходный маневр, кот[орый] в конечном счёте приведёт к победе (...) ¹⁰.

Вл. Золотарёв – В. Большанину

[Москва, апрель–май 1970 г.]

(...) Я женился и обращаюсь к тебе за временной помощью: прошу в долг 200 р. (до июня), т.к. на радио лежит мой гонорар, который выплатят через месяц. (...)

А.А. Золотарёв – Вл. Золотарёву

[Магадан, «Снежная долина», 10 мая 1970 г.]

Здравствуйте, дорогие Владислав и Ирина!

На днях получил твоё письмо, а сегодня открытку.

Положение ваше не из приятных, как ты пишешь, но не смертельно. К сожалению, облегчить Вашу участь – мы не в силах. Дело в том, как я уже писал, что наше твёрдое решение выехать весной (май 71 г.) куда-то ставит перед нами ряд проблем. Во-первых, мы твёрдо не знаем, где мы остановимся. Это сложный вопрос, и он может быть решен на месте (постоянное место жительства). Как бы там ни было, решение вопроса будет упираться в финансы... Сейчас выезжать не с чем. Вот почему мы обращаем ваше внимание на эти обстоятельства. Нам кажется, что когда мы устроимся относительно хорошо, то наша участь оказать при необходимости вам поддержку будет более существенна.

---

* Отец композитора. – Ф.Л.

Ты снова пишешь о высылке баяна. Этот вопрос принципиального возражения не имеет. Но переправить его пока не с кем. Если будет кто из знакомых лететь в Москву, то мы попытаемся как-нибудь отправить. Но ты же знаешь, что в таком виде, в каком он есть, его, пожалуй, не продашь. Необходим ремонт.

Но, пока этот вопрос не решен, вам надо как-то выкручиваться. Хотя я представляю, что это не так просто. Я это предвидел и тебе говорил, что без прописки в Москве не только работать, но и жить не так просто... Ты ведь и на военном учете не стоишь, а это сам знаешь чем пахнет. Вообще, я не представляю, как у вас все эти вопросы будут разрешены. Трудно давать совет. Пока мы будем вас поддерживать до получения аккредитивов в пределах этой суммы. Хотелось бы, чтобы ты несколько подробнее написал, где вы живёте. Работает ли Ирина и где? И как вообще ваши дела на перспективу узаконить ваше супружество, а равно и проживание в Москве. В этом плане надо что-то делать, что-то предпринимать. Иначе дальше всё усугубится... Погода отвратительная. Тепла нет. Хорошего настроения тоже нет. Всё одно к одному. Больше всего нас беспокоит ваше неустройство, неопределённость. Пишите всё обстоятельней. Успокаивать нет необходимости... Отец, мама¹⁰.

А.А. Золотарёв – Вл. Золотарёву

[Магадан, «Снежная долина», 22 мая 1970 г.]

(...) Пишу это маленькое посланище только потому, что интуитивно чувствую, что ваша честь чем-то разгневана. Признаки: на моё письмо ты не ответил, на переданную записку с Люсей тоже ни слуху, ни духу. В чём дело? Ведь ради приличия и порядочности писнуть пару слов надо было бы. Я понимаю, что тебе, видимо, не до писем. Да и писать, видимо, нечего. Но мы ведь беспокоимся не только потому, что у тебя дела складываются не так, как хотелось бы, а я уже писал тебе, что нас беспокоит и тревожит... Какие перспективы на будущее? Неужели трудно честно и правдиво написать об этом? Или ты решил вообще не писать нам? Я считаю, что нам надо разобраться, в чём же всё-таки мы провинились? Я считаю, что с нашей стороны не было повода для нарушения, в данном слу-

чае переписки. Единственная причина, считаю, что мы не передали баян. Но ведь такой инструмент нельзя передавать кому попало! Да и есть ли необходимость в этом?..

Поэтому вам нужно трезво оценить это положение и принять правильное решение, а именно: тебе надо выезжать в Магадан, ты немедленно сообщи об этом телеграммой. Мы тебе деньги вышлем. А Ирина приедет позже. Устройтесь здесь работать или где-то на трассе, там будет видно... Жили бы у нас пока, а там, возможно, нам удалось бы обменять квартиру на Магадан, то было бы ещё лучше. Мы летом или осенью будущего года уедем, а вы бы остались жить.

За этот период у вас всё бы стало на своё место, тогда можно будет и в Москву. Вот такой наш совет. Что касается нашей помощи, то я повторяю, что на полное иждивение на неопределённое время не рассчитывай. Мы поможем, но надо знать предел. Когда будет этому конец? Вы оба специалисты, надо подумать и самим выбирать из этого положения.

До свидания. Целуем. Отец, мама¹⁰.

Москва, 20 июля 1970 г.

Истинная душа исторгает тепло человечности и естественности. Такой душе чужд эгоизм, рассудок, расчёт... любовь к людям, служение им – вот истоки настоящей человеческой души¹⁰.

Асташиха [Воскресенский р-н Нижегородской обл.], 21 июля 1970 г.

* * *

Дай мне, Боже, твою силу!

Дай мне, воздух, твою свежесть...

Дайте, листья, мне прохладу...

Дай, вода, мне твою святость...

всё забуду...

перемерю...

все морщины в строки сдую...

Я себя перезабуду...

растворюсь в любви...

как в звёздах...³

Москва (Внуково), 27 июля 1970 г.

Как приятно лежать на траве, наблюдая за плывущими облаками, и думать о тебе, моя любимая Аринушка... Слышать шум листвы, скрип сосен... Дышать всеми запахами земли... Лежать спокойно, тихо... полузакрыв глаза, чуть-чуть прищурясь, вдыхая сладковатый дым костров, глубоко затягиваясь сигаретой...¹⁰

Москва, лето 1970 г.

* * *

Подожди ещё немного...

свет мой ясный...

моя милая...

Подожди...

не уходи...

жена моя красивая...

Не бросай меня в ночи...

в смутном ожидании...

Улыбнись и руку дай

вместо расставания...

Не пугайся злых ветров,

неудач и прозябания,

день придёт и унесёт

все заботы и страдания...

Ночи грустные пройдут,

как печали...

горести...

Смоют грязный весь налёт с нашей чистой совести...

Знай, что в жизни без любви

смерть бессмысленна...

тосклива...

Ты люби меня и верь...

верь в звезду мою счастливую...

Я прошу тебя, хорошая...

Я молю тебя, Любимая...

подожди...

Свет мой ясный...

не уходи...

Моя милая...³

Архангельское, 28 июля 1970 г.

Я с Ириной в лесу. Какое это счастье!

Асташиха, [река] Ветлуга, 12 августа 1970 г.

Работаю над виолончельной сонатой. Испытываю огромное наслаждение¹⁰.

Москва, 4 сентября 1970 г.

* * *

Я узнаю знакомые приметы
Давным-давно забытых детских снов
Когда встречал осенние рассветы
Мальчишка босоногий Вэ Золотарёв¹⁰.

* * *

Где счастье детства забытого?..
где цвет весны?..
лазурь небес?..
найду ль тропинку в мир еловый?..
увиду ль вновь страну чудес?..
мохнатый лес...
ручей весёлый...
пирог румяный...
школу...
сад...
и рубль рваный, передранный...
шлепок отцовский...
ведь был рад, когда бранят,
потом целуют и вновь
как следует уж вздуют...
и снова мир...
а дальше... жизнь...
блужданий пир...³

Москва, 1 октября 1970 г.

Чюрлёнис для меня не только великий художник; в первую очередь он человек исключительных душевных качеств, первозданной чистоты, благородства, чему надо учиться каждодневно. Всякий раз, когда соприкасаешься с его гением – полотнами, будь то музыка, живопись или поэзия, то испытываешь мучительную жажду совершенствоваться.

«Себя надо воспитывать или отойти в сторону»⁹.

Вл. Золотарёв – Р. Щедрину

Москва, 1 октября 1970 г.

Дорогой Родион Константинович!

Простите меня, ради бога! Я снова обращаюсь к Вам как единственному человеку, который всегда протягивал руку помощи и поддерживал меня в трудную минуту.

Я Вам бесконечно благодарен за те часы, что провёл вместе с Вами. Они мне дали столько силы, уверенности в себе, столько полезного я уносил от Вас каждый раз, что, размышляя на досуге, приходил к убеждению, что когда-нибудь Вы с улыбкой вспомните о словах, сказанных мне два года назад: «Слава, почему Вы пришли именно ко мне? Почему избрали именно меня?..»

Тогда я не нашёлся что ответить. Какое-то интуитивное чувство привело меня к Вам, а не к Борису Чайковскому, не к Свиридову... Теперь я хотел бы задать Вам вопрос: «А к кому мне было ещё идти? К Шостаковичу?» Да, конечно, если бы он имел возможность учить... Но он ведь страшно болен! Безумием было бы беспокоить его, да и не это главное... Шостакович так далёк от моей природы, что я могу спросить мнение о своей музыке (вернее, мог спросить...), не более. А ко всему другому я так боготворю этого человека, так поклоняюсь ему, что мне стыдно говорить ему что-то о своей музыке. Да к тому же у него совершенно иные принципы худ[ожественного] мышления, чем, скажем, у Вас, а потому Вы мне ближе, как музыкант, идущий своей дорогой, но как бы уже продолжающий веху – Мусоргский-Шостакович.

Потому-то я всегда стремился к Вам, побыть с Вами и услышать от Вас то, что было мне необходимо.

По приезду в Москву я надеялся поступить в консерваторию и хоть раз в м[еся]ц видаться с Вами, но, к несчастью, судьба и на сей раз отвернулась от меня. Я не понимаю, почему ко мне так отнёсся Сергей Артем[ович] [Баласанян], но, вероятно, это всё тот же рутинный ход обвинить и упрекнуть меня лишней раз в теоретич[еской] неподготовленности, хотя я убеждён, что здесь совершенно др[угие] причины.

У меня же на этот счёт другие соображения. Есть композиторы, которые волей-неволей должны стать ими. Я не пришёл в музыку с полным сознанием того, что я нужен ей. Музыка для меня нечто большее, чем слава, почести, деньги. Музыка – это мой язык, который знает, что говорит и зачем говорит. И хотя многие утверждают, что, мол, без консерватории невозможно «научиться» сочинять музыку (какой вздор!), я с восхищением слушаю Бетховена, Вагнера, Шуберта, Листа, Брамса, Брукнера, Мусоргского и убеждаюсь, что никакие консерватории ни в прошлом, ни в будущем и ни в настоящем не способны научить «сочинять музыку». С ней нужно родиться. И учился ли композитор в консерватории или не учился – это всего лишь стечение обстоятельств. Вы правы, говоря мне однажды, что всё решает фантазия. Да, именно безудержная влюблённость, каждодневный труд и труд – вот залог любого успеха. Я только боюсь и не хочу, чтобы моей музыкой наслаждалась кучка снобов. Мусоргский, Бах, Бетховен и Прокофьев – вот источники, которые берут начало с глубины нашей многострадальной земли, вот чьему примеру я хочу следовать в своём тв[орчест]ве.

Пройдёт немного времени, и Московская консерватория пожалует, что меня не приняла в свою обитель. Я не в обиде и на тех музыкантов, что скептически отнеслись ко мне. Пусть их ирония прозвучит ещё раз. Это будет интересно, когда совершенно «безграмотный» дилетант, который не обучался в консерватории и не имеет за плечами никакой композиторской школы, вдруг станет птицей высокого полёта. День ото дня я чувствую в себе всё больше творч[еской] силы, пишу лучше, чем вчера и позавчера. Сам, без чьей-либо помощи я изучил тайны построения муз[ыкальных] произведений.

Прислушиваясь ко всему новому, я вижу, что большинство композиторов идут на поводу своих авторитетов, традиций или же, напротив, с жадностью набрасываются на чужие находки, несколько не задумываясь над полезностью их применения.

Нет естественности, простоты, искренности и беспредел[ьной] любви к нашей богине – Музыке. Всюду – фальшь, серость, показная глубина. Сытость сквозит в их произведениях! Сытость ума! Который всем доволен и которому ни до чего нет дела. Что им судьбы музыки, литературы, философии в нашем гос[ударст]ве.

Любят ли они по-настоящему русского человека во всей его сложности, противоречивости, во всей его простоте, силе и красоте?

Они любят рассуждать о народе за бокалом шампанского и возмущаться его темнотой, забитостью. Боятся запачкать свои манжеты о плечи и локти простого люда, который во все века тянулся к прекрасному, но так и не мог дотянуться.

Если будет возможность написания музыки к ф[иль]му, то сделайте милость, помогите мне получить заказ. Ей-богу, я не посрамлю Вас.

Дионисий и всё, что касается прошлого русского искусства, глубоко волнует и трогает меня, а потому я с огромной радостью взялся бы за столь серьёзную работу, сознавая всю ответственность за написанное моей рукой⁹.

[Октябрь 1970 г.]

Люди!.. милые мои современники!..

Опомнитесь от опиума благонадёжности!

Весь мир в огне раздора. Ещё ни в одну эпоху истории человечества не было такого раздора, такой жестокости и человеконенавистничества!

О, люди! Опомнитесь! Облагоразумьтесь! Простите всех виновных, и они простят вас! Ибо и вы виновны. Быть может, в больших грехах, чем они!

Оставьте все измы. Альтруизм. Пацифизм и всё остальное.

Вы, не сознавая, пожираете самих себя!

Оставьте роскошь! Забудьте об удовольствиях, ибо это не ваше

предназначение! Человек – это сын мироздания, а значит, дитя разума, великих чувств и преобразований!

Удовольствие – это соблазн. Который вы всё осуждаете. Очнитесь от сна «беспробудного» пьянства и разврата! Ибо ваша настоящая жизнь есть разврат, но не тот разврат блудницы, которая не сознаёт, что совершает, ваш разврат сознательный, хотя о нём вы если и подозреваете, то не верите в его реальность.

Ешьте, ешьте, милые... но вот я думаю, как же вам дальше так жить? Ведь это не жизнь, которой вы живёте...

И вы, несчастные мужья, любовники и просто проходимцы, обвиняющие женщин! Что вы знаете о них?! Женщина всегда и во всем неизмеримо лучше и богаче вас!

Женщина – это звезда в жизни мужчины на вечернем небосклоне. Женщина – это Любовь жизни вообще всякой человеческой! Женщину мы все, мужчины, должны не только боготворить! Мы должны создать для неё такие условия жизненного существования, в которых она чувствовала бы себя равноправным членом вселенной, хотя она по своей природе – уже вселенная, и мы должны поклоняться ей и изучать её.

Высший смысл жизни в любви. Это не новые слова, но, люди! Любите друг друга, не подмечая недостатки! Ибо и камень рано или поздно рассыпается в песок. И он же даёт трещину... И река мельчает... и облака падают на землю в виде дождя...

Женщина – это мерцание звёзд в ночи... Это грохот водопада, низвергающегося с высот. Это шорохи ночного леса и мягкий летний ветер...

Разве сегодня я могу думать о какой-либо иной женщине, кроме моей супруженной?!³

Ю. Ястребов – Вл. Золотарёву
Челябинск, 23 октября 1970 г.
Владислав, дорогой мой!

Тысяча извинений за последний день пребывания в Москве. Как-то всё получилось до обидного глупо. Назначена была встреча, очень хотелось побывать у Вас, но... увы, не удалось и, главное, не

по моей вине. Билетная лихорадка захлестнула меня в последний день, и улетел я совершенно случайно. Но встреча всё равно состоится, я верю в это.

Я рад нашей встрече – случайной, неожиданной и ...дорогой для меня. Не скрою. До сих пор всё, что было связано с Дальним, для меня до трепетного близко и дорого. Все эти годы стараюсь как-нибудь выбраться туда в гости, и не удаётся: то текучка серых будней заедает, то финансы тормозят. Он (город) хышь* и «нашенский!», но уж шибко далеко. Одним словом, наша встреча всколыхнула во мне многое. Постараемся больше не терять из виду друг друга. Договорились? Жду весточек (желательно радостных), не обязательно длинных, ибо творчество у Вас занимает всё и вся. Но... жду!!!

О себе почти нечего писать, заела текучка. Я ведь сейчас на $\frac{2}{3}$ «завхоз» всех народников Челябинска. Администратор – не боле. Надломилась, к сожалению, во мне где-то струнка творчества. Носился, як чёрт с ладаном, с пятипальцевой последние 6–7 лет, но, увы, или я не созрел поднимать этот пласт, или время не подошло. Человеку не дано умение сократить время, в лучшем случае мы можем поспевать за ним. Но это дано избранным, как говорится, от бога.

«Школа» моя «отдыхает», в эти дни (а точнее, ночи!) сижу за макетом сборника этюдов К. Черни в переложении для баяна с методической запиской и аннотациями (разумеется) пятипальцевыми. Написать что-либо умное трудно, но гораздо труднее издать это умное, ибо куда же мы тогда денем глупость? А её столько в нашем ремесле, выкорчевывать нужно не пером, а бульдозерами Челябинского тракторного завода. Если потребуется – буду учиться на бульдозериста, лишь поскорее бы изжить всё жлобство в среде народников всех рангов.

Жму Вашу лапу – творческую. Я верю в Вас, дорогой мой, но об этом в своё время я писал Вам уже. Ваш Ю. Ястребов¹⁰.

Вл. Золотарёв – Ф. Липсу

Магадан, «Снежная долина», 26 ноября 1970 г.

Пишу тебе с земли «вечного безмолвия», где кругом снега, снега и снега... где воздух чист, как аромат любимой женщины, где царит

* Хотя (разг.). – В.Б.

такое величие и спокойствие, что хочется остановить время и наслаждаться до бесконечности.

Уже глубокая ночь. Лунный свет искрится в снеговых даях. Звёзды огромные, яркие, не такие, как в средней полосе, льют свой призрачный тихий свет...

Испытываю давнишние ощущения одиночества, которые мучительны, но и прекрасны. Словом, я так далеко от тебя, что грусть перемешивается с чувствительностью, сентиментальностью и т.п. ощущениями.

Немного передохну и возьмусь за сочинения, в том числе и за концерт. Черкни мне пару слов о том, как ты мыслишь или хотел бы мыслить этот концерт. Напиши мне на нотном листе расшифровку мехового тремоло, что показывал в один из вечеров.

Более подробно изложи мне конструкцию своего инструмента (регистровку, диапазон, качество звучания регистров).

Буду очень рад от тебя получить письмо. Передавай всем приветы, что неясно в музыке, пусть пишут мне.

Ну, всего. Желаю тебе много хороших трудовых часов.

Работа – успех. Таланта слишком мало для больших успехов. Ты это знаешь.

Обнимаю тебя и крепко жму руку. Твой Вл. Золотарёв.

P.S. Мой адрес: Магадан, Главпочтамт, до востребования, Золотарёв Владислав Андреевич.

Вл. Золотарёв – А. Толмачёву

Магадан, «Снежная долина», 27 ноября 1970 г.

Дорогой Саша!

Здравствуй!

Вот я и на месте. В этой чёртовой берлоге. Первым делом устроил свои «главные дела» – получил работу в муз[ыкальном] училище. Буду вести анализ [музыкальных] форм, музлитературу и инструментоведение. Нагрузка небольшая, но ничего, на первый раз достаточно.

Пока не до сочинения. Бегаю, высунув язык, в поисках хорошего жилья для Ирины, ибо она не хочет жить на «Снежной долине».

Впрочем, мне тоже удобнее с работой, без автобусов и т.п. Очень переживаю, как она будет добираться. В её положении это очень нехорошо, но что поделаешь? В Москве оставаться без меня – тоже не выход. Как-нибудь, может, обойдётся. К несчастью, она ещё плохо переносит перелёты, а тут ещё с «приключениями».

Словом, очень переживаю. О сочинении или простой переписке и думать не приходится.

Несколько слов о тебе. Оказывается, твоё имя хорошо знакомо на Дальнем Востоке. Твои переложения очень ценят и много играют. Так что ты побольше трудись. Это великое дело – настоящие прекрасные переложения. Больше скажу – это своего рода редкий талант, что удаётся далеко не всякому (взять хотя бы Полетаева или Беляева). Тут нужен особый подход. Особая интуиция нужна, которой в тебе больше чем достаточно.

Вот так, дорогой мой.

Пиши мне скорее. С нетерпением жду. Твой Владислав.

P.S. Передавай приветы супруге и сынишке*⁽¹⁶⁾.

Магадан, «Снежная долина», декабрь 1970 г.

* * *

Ветры, ветры! Бури, бури!

Разнесите мою плоть!

Превратите в дух эфира!

Унесите душу прочь!

Разыщите мне Эола,

Арфу чудную его,

Пронесите через струны

Фибры духа моего!

Я хочу слышать звуки

Сердца дочери моей.

Ах, какие б были руки!

Руки дочери моей!

---

* Архив А. Толмачёва. Публикуется впервые. (В дальнейшем ¹⁶.)

* * *

Как ночь грустна...
все шорохи вместила
и таинства...
и тишина звонит колоколами
древнерусскими...
Христос распят...
Повесился Иуда...
а Фарисей вновь вбивает гвозди ржавые
в Любовь...
Одигитрия...
с глазами узкими пытается помочь...
но тщетно...
враги повсюду...

* * *

А я опять один...
как в прежние года...
вдаль с посохом стремлюсь,
боясь взглянуть назад...
мне освещает путь
Вечерняя звезда...
нет крова у меня...
звезде всегда я рад...

Ф. Липс – Вл. Золотарёву
Москва, 16 декабря 1970 г.

Здравствуй, дорогой Владик!

Очень приятно было получить от тебя письмо. Рад, что ты сейчас по-настоящему у дел. Как идёт работа?...

Партита уже идёт на память. Музыка мне нравится всё больше. Все, кто ни слушает её, очень хорошо отзываются о музыке. Владик, ты спрашиваешь, как я мыслю концерт. Тут я полностью полагаюсь на тебя, потому что всё, что ты пишешь, это в моём вкусе. Но я немножко могу предложить: моя стихия – это хоральные места,

кантилена, меланхолия; мелодия, которая льется из глубины вдохновенной души, и больше страсти, эмоции, патетики.

Больше меховых штрихов и разнообразных (триоли, квартоли, румба и т.д.). Расшифровка того тремоло: квартоли, только берутся они особым приёмом, на *ff* звучать этот штрих не будет (очень сложно). Максимум *f*. Владик, напиши, как идёт работа, есть ли вдохновение (я желаю тебе максимум вдохнов[ения] в Новом году). (...) Пока до свид[ания].

Твой Фридрих. Жду ответа¹⁰.

Вл. Золотарёв – А.И. Толмачёву

Магаданская область, курорт «Талая», 18 декабря 1970 г.

Дорогой мой Александр Иванович!

Милый Саша!

Получил твоё письмо, которое ждал со дня на день. Очень рад был. Рад чертовски! Прости только, что снова запаздываю с ответом. Скитальческая моя жизнь не укладывается в каноны эпистолярных отношений, а потому приходится писать в самых неподходящих условиях...

К несчастью, у меня нет покровительницы, как у нашего Петра Ильича... да и возраст ещё не тот, слава ещё далеко... и придёт ли она... Хотя ты отлично должен меня понять, что, конечно же, не для лавровых венков я посвящаю лучшее из лучших своей жизни... Но слава – это и есть та самая покровительница, которой нужно желать и стремиться к ней. Слава – это ступенька, от которой художник отталкивается ввысь, не опасаясь за завтрашний день, а потому творит без компромиссов, а пока работа, работа и работа! Работа и рабство! Зависимость, компромиссы... Эта двойственность пугает меня, тревожит и повергает в отчаяние.

Твоё беспокойство насчёт *Perpetuum Mobile* для трио небезосновательно. Кое-что решил изменить в финале, а переезды очень мешают сочинить оставшийся кусок. Меня душат сроки. В голове опера, симфония, а в руке перо, которым нужно срочно заканчивать баянные вещи...

Ирина в положении. Уже восьмой месяц...

Мальчишка на следующий год должен пойти в школу.

Всё новые и новые заботы. Судьба баянного репертуара беспокоит меня как человека, любящего этот чудесный инструмент, но, с другой стороны, моё истинное призвание и огромная любовь – это Большая музыка... опера, симфония, балет... Вот и мечусь между огнями... Очень трудно.

Курю много. Нервничаю. С моим-то сердцем подобной перегрузки нельзя допустить, но что поделаешь? «Али грудь в крестах, иль голова в кустах». Так, кажется, у нас говорят.

Рад за тебя. Теперь принимайся за следующий сборник. Хотелось бы, чтобы вошли в него пьесы Рамо, Куперена и других классицистов. Передавай приветы и извинения трио. Пусть потерпят ещё немного.

Кланяюсь супруге и твоему наследнику.

Обнимаю, дорогой мой Саша, крепко жму руку, твой Владислав.
P.S. Привет Фридриху. Почему не отвечает мне?¹⁶

Вл. Золотарёв – Ф. Липсу

Магаданская область, курорт «Талая», 28 декабря 1970 г.

Дорогой Фридрих!

Как видишь, я вновь совершил небольшое путешествие. Теперь мы обитаем в 300 км от Магадана, в живописнейшей местности курорта «Талая». Честно говоря, настроение пока не творческое. Мешают разные мелочи, но когда всё войдёт в порядок, то поработать здесь можно.

Наступающий Новый год мешает написать тебе более обстоятельное письмо, которое напишу, минуя старый год. Кстати, твоё письмо получил. Спасибо за пожелания ко Второму концерту, который движется пока нехотя и с трудом. Надеюсь на провидение...

Ну а пока поздравляю тебя и твоих (а значит, и моих) друзей с Новым годом! Желаю больших творческих успехов и... здоровья, без которого никакой успех не осуществим. Новогодние пожелания и поздравления шлёт также моя Ирина. С нетерпением жду вестей. Обнимаю, твой Вл. Золотарёв*⁽¹²⁾.

---

* Первая публикация: Письма Владислава Золотарёва Фридриху Липсу // Народник. – 2001. – №3 – С. 10–15. (В дальнейшем ¹².)

Вл. Золотарев – А.И. Толмачёву

28 декабря 1970 г.

Дорогой Саша!

Друг мой хороший!

В связи с переездом из Магадана на курорт Талая я с опозданием получил твоё письмо, на которое отвечаю спешно, потому что этот чертовский Новый год ещё молод и бежит во всю прыть, а нужно много сделать разных второстепенных операций, чтобы с честью встретить его. Словом, я пользуюсь случаем поздравить тебя, супругу и сынишку с Новым годом как от своего имени, так и от имени Ирины, а также пожелать всех благ! Счастья! Крепкого здоровья! Огромных (!!!) успехов на поприще баянного классического и современного репертуара.

Пью твоё здоровье и наш успех!

Крепко обнимаю и жму руку, твой Вл. Золотарёв¹⁶.

1971

А. Беляев – Вл. Золотарёву

[Москва, 1 февраля 1971 г.]

Дорогой Владислав Андреевич!

Пишу в наушниках (поздний вечер) под звуки баховских партит Ванды Ландовской. До чего же властная и напористая старуха! Счастливым же народ, играющий на клавесинах, роялях, скрипках – о них уже давно позаботились. И неплохо. Как будет с нами? Не забывайте о нас, как бы жизнь ни повернулась. Совсем немного людей, кот[орые] любят, знают и чувствуют баян. Я почувствовал большую искренность в Ваших добрых словах о нашем ин[струмен]те.

Ради бога, простите за долгое молчание, но это не значит, что я не помнил о Вас и о том, что Вы задумали в тех чудесных местах. Вначале (...), а дальше... какая-то крепкая хандра. Но говорят, последнее присуще русскому человеку. Несколько вечеров пытался сесть за письмо, но что-то мешало. И потом, мы разучились писать письма – телефон, телевизор и т.д. Люди всё больше замыкаются

в себе. Это так плохо и горько... Мне кажется, Вы тонко чувствующий человек и поймёте меня...

Тем не менее я с нетерпением жду от Вас весточек, и музыкальных. Было приятно получить что-то реальное, хоть и маленький фрагмент. Очень трогаящая тема... Но всё впереди. Бывает, и начало – «делу венец». Ториан против каких-либо дополн[ительных] ин[струмен]тов. А очень жаль. Другие ин[струмен]ты, наверное, придётся оставить для будущих «свершений». Как интересно, к примеру, может звучать мой баян, арфа и ударные! А какое сочетание с флейтой! Но – не будем фантазировать. Ближе к жизни. Как творческие дела? Как ваша жизнь? В каких градусах? (...)

Очень был бы рад повидать Вас. Поговорить «за жизнь» и что-нибудь сделать для неё.

У меня странное ощущение. Что мы знаем друг друга давно – не по паре писем и одной встрече. А? Самые добрые пожелания. Привет супруге.

Ваш А. Беляев¹⁰.

Вл. Золотарёв – И. Кошелевой

Магадан, 5 февраля 1971 г.

Родной мой!

Любимый человек!

Судьба моя прекрасная!

Упоительная! Чудесная Аринушка!

Обаятельная, чарующая жена моя!

Здравствуй!..

У меня такое ощущение, что прошли годы, целая вечность разделяет эти несколько сот часов, которые мы провели уже в долгой разлуке.

И дело совсем не в том, что я привык к тебе. К твоему голосу, к походке, к улыбке... я не просто люблю тебя как женщину... как человека...

Нет... весь ужас в том, что я вместил в себя твою суть, а тебе отдал всё лучшее, что было во мне...

И теперь я словно бедняк, у которого украли последний грош...

Словно воин, которого пронзили клинком из-за угла...

Словно женщина, которую обманули...

Такое ощущение, что ты на краю пропасти... Стоишь и чуть-чуть прислушиваешься... Ведь ты, любимая, паришь где-то рядом, а я стою и боюсь шелохнуться... боюсь не услышать твоего зова о помощи... ведь ты паришь над пропастью... и я слушаю, затаив дыхание, заткнув те уши, которые слышат только музыку... Только тебя мне нужно слушать...

И я жду, забыв об усталости и недосыпании. Как только ты позовёшь меня слабым голосом, я прыгну в пропасть и заслону тебя, моя любимая, от острых каменных выступов. Чтобы ты не ушиблась, моя хорошая... чтобы не испугалась, моя единственная... чтоб не убилась, божество моё...

Кто поймёт?! Боже мой! Кому дано понять в наш подлый век?!

Что можно любить лучше, чем Отелло, самоотверженнее Вертера и не хуже Тристана!

Моя ярость не имеет предела, когда я вижу этих желторотиков, щеголей, пижонов! Этих «благовидных» джентльменов, важно раскуривающих трубки! Похваляющихся своими «победами и успехами». Над кем? Господи!!! Над слабыми и наивными женщинами! Не лучше и те, что тихо ходят и отвешивают поклоны направо и налево, а рядом словно собачонка бежит «супруга», горда и счастлива – как же! Её муж – видный человек!

Как я устал бороться с фальшью... Милая моя... ты никогда не понимала этого...

Быть может, ты поймёшь когда-нибудь эту самую трагичную черту человечества... Ложь! Лицемерие! Маски! Маски! Маски! Всюду одни маски!!!

Где же мне найти честное, открытое лицо человека?!

У которого мысли ничем не отличаются от его слов, от выражения его лица!

Я рад встретить даже подлеца, но который откровенно заявил бы о своей подлости, а не подвизался бы в должности мелкого ворюшки или же – ещё того хуже – в должности магистра эстетических наук...

Если б только ты могла знать, моя любимая Аринушка! Что ты значишь для меня! Что как много уже одно то, что я знаю тебя! Я не

говорю уже о том, что я исстрадался без тебя, я излюбился уже так, что во мне всё клокочет, а выхода не находит...

Скорей бы, Боже мой! Скорей бы пробили часы нашей встречи! Никто! Никто не способен постичь силу такой любви! Пиши мне... ангел мой...

Целую... целую... и целую... V.Z.³

Вл. Золотарёв – Ю. Ястребову

Магадан, 12 февраля 1971 г.

Дорогой Юрий Григорьевич!

Бога ради, не сердитесь, что задержался с ответом на Ваше письмо. Спасибо, что черкнули мне, а то я совсем, как крот, уже зарылся в «тёмное царство» новой музыки.

Вы пишете мне о каком-то своём письме, отпечатанном на машинке. Милый Юрий Григорьевич! Ну как же так можно! Боже правый, пишите хоть иероглифами, лишь бы понятно было. Ну какая разница: машинка ли это, перо ли это... мне думается, Саша (То[лмачё]в) перегнул палку. Поделом ему, будет ещё нагоняя!

Я сейчас отвратно чувствую себя. Супругу с малышом отправил снова в Москву, потому что жилья нет. Работа грошовая! Заказы одолевают, а времени для сочинения «в обрез». Приходится, почти засыпая, что-то наносить на бумагу. Боюсь, что потом буду негодовать на себя за опусы, написанные таким образом.

А как Вы поживаете? Успехи на поприще «баянознания»? Слышал, хотите перебраться в Уфу. Или снова утка? Подобие той, которую преподнесли Вам зажаренную на блюдечке... об этом несчастном письме, отпечатанном на машинке.

Не забывайте меня. Я тружусь сейчас, «ни сна, ни отдыха не зная»... Что из этого выйдет, пока не знаю.

Обнимаю, Ваш Владислав Золотарёв.

P.S. Семье передавайте мой поклон. Да... совсем забыл. Ещё летом (вернее, осенью), как только Вы уехали в Челябинск из Москвы, я написал Вам открытку, которая вскоре вернулась. Оказывается я написал: Челябинск – Ястребову Ю.Г. (!)⁹.

Магадан, февраль 1971 г.

Он записывал что-то в блокнот, а сам поминутно отрывался и смотрел вслед хорошеньким девушкам до тех пор, пока не осознал, что лицемерит. Захлопнув блокнот, он закурил. Да, он хотел любви. Её недоставало ему. Ох как недоставало. Но что странно...

Просыпаясь каждое утро, он с радостью, с каким-то непередаваемо чистым чувством и ясности мысли благодарил бога, что он уберёт его ещё на одну ночь... Душа его ликовала, что он не был с женщиной. Но вскоре, днём и вечером, он снова писал что-то в свой блокнот и мучился жаждой любви. И так было бы и дальше, если бы однажды...³

Ю. Ястребов – Вл. Золотарёву

Челябинск, 19 февраля 1971 г.

Владислав, дорогой мой!

Спешу поделиться радостью (пока она свежая!) последних событий касаясь Вас.

Радость I: Был на днях концерт Ф. Липса. Играл Вашу «Партию» (не знаю, вся ли, сколько в ней, кстати, частей?). Понравилась музыка, понравился исполнитель. Честно!!!

Радость II: Получил письмо. Если Вы не кривите душой, то я несказанно рад, что «утка Толмачёва на блюдечке» о письме – глупость, не более.

И сразу вопрос. Когда я получу от Вас что-нибудь? В смысле орис'ов. Слышите?! Я хочу, буду стремиться, вернее, всеми фибрами души ратовать за пропаганду Вашего творчества. Жду «первого шага» в этом и для этого.

О моих делах в «баянознании»? Всё как будто по-прежнему. Немного тружусь, немного сплю; много бегаю, много курю; мало читаю, больше болтаю (попытка говорить со сцены в филармоническом абонементе), чуточку занимаюсь, больше маюсь! Вот так вот, если позволите, вкратце (и почти в стихах).

Приготовил со своим классом 4 программы (благо их у меня, моих гренадеров – 14 душ). В воскресенье начинаем «обкатку» кон-

цетров по ДМШ города и области (80 % – Чайкин, Репников, Мясков).

Ну вот и всё, кажется.

Да-а-а! Про Уфу. Как дошли слухи до Магадана аж?! Нет! Не «утка». Были дни, когда хотелось плюнуть на всё и катиться ко всем чертям (хоть к татарам, хоть к башкирам!). Напишите мне, по каким каналам дошли слухи о моих сборах. Мне это очень важно.

Обнимаю Вас. Ваш Ю. Ястребов⁹.

Москва, 21 февраля 1971 г.

* * *

Фиолетовый сумрак...

звёздная пыль...

симфония света...

мятый ковыль...

бульвары каштанов...

Любимой улыбка...

уйдут капитаны...

Вселенная зыбка...

уйдут – не вернуться...

вернутся не скоро...

а мне б не споткнуться...

споткнуться ведь просто...

...угу-у-у-у...

прокричало...

...ау-у-у-у...

отзови-и-ись!..

Жена мне сказала:

«Любимый,

проснись!..

Проснись, мой хороший,

Забудь все печали.

У нас появился

Младенец, что ждали*».

---

* 17 февраля родился сын Ирины и Владислава – Генрих. – В.Б.

* * *

О! Господь, продлись
В бесконечье пространства!
О, мир, берегись
Молодого убранства.
О, люди, внимлите!
Ваш вождь появился.
Мессия четвёртый
с незнанием простился,
на землю вернулся,
на нищую землю
разврата и пьянства.
Вернулся затем,
чтобы звёзды сверкали,
чтоб солнце светило,
чтоб воздух был чист,
ведь давно его ждали.

* * *

Моей Аринушке

Здравствуй, радость!
Моё солнце!
Мои звёзды!
Моё небо!
Здравствуй, счастье!
Свет – Ирина,
Свет – Аринушка моя!
К чёрту слёзы и обиды,
Все условности Армиды, –
Я люблю тебя, родная!
Значит, Генрих! Гип-Ура!

Москва, 21 марта 1971 г.

Писать музыку (особенно оперы, оратории) только на библейские сюжеты. Или на тексты документальные, исторические.

Москва, 25 марта 1971 г.

Музыка не терпит соперниц. Как только появляется женщина – муза исчезает.

Древнерусские и библейские сюжеты – вот стезя творчества!

Апрель	Оратория
Май	Симфония
Июнь	Концерт № 3
	Соната № 2

Камерный концерт для баяна, арфы, струнного квартета и ударных (для Э. Митченко, к марту 1972 г.).

Концерты для баяна:

№ 1 (М.С. Шагинян)
№ 2 (Ф. Липсу)
№ 3 (А. Беляеву)
№ 4 (Э. Митченко)

Драматическая Поэма для альты с оркестром «Мартин Иден»
(Р. Щедрину)

Партита для баяна (Э. Митченко)

Соната для виолончели с ф-но (любимой жене Аринушке)

Соната № 2 для ф-но (любимой жене Аринушке)

Два квартета

Симфония № 2 («Северная»)

Детская симфония

Оратория «Песни заключённых царских тюрем»

Опера «Мартин Иден»

Не терять мужества! Больше смелости, напора, дискусионности³.

Вл. Золотарёв – С. Чуянову

Москва, 26 марта 1971 г.

Дорогой Серж!

Прости меня, ради всего святого, за молчание. Получил твоё письмо давно. Был страшно рад ему. От маленького Моцарта пришёл в восторг. Хотел тут же сесть и написать тебе ответ, но как обычно случается, если сразу не ответишь, потом дела и суэта поглотят целиком, и нет сил душевных засесть за стол и причаститься

ручкой к бумаге. Но слава Богу! Сегодня я, хотя и страшно виноват перед тобой, наконец собрался наполовину очиститься от скверны, что мешала мне вовремя ответить.

Я не могу забыть наш разговор, единственный пока ещё, но очень хороший. По-настоящему хороший и откровенный. Случай сводит редко людей, нуждающихся друг в друге, тянущихся друг к другу, а потому, может быть, нам следует серьёзно отнестись к нашему знакомству.

Полагаю, что наиболее доступная форма взаимообогащения, искренность и доверие друг к другу, глубокая и мужественная любовь родственных душ – это эпистоляр. Только пером человек может поведать другому самое истинное, мудрейшее и светлое восприятие жизни. Язык, сколько бы ни пелось ему дифирамбов, всё-таки ограниченный код мыслей и понятий. А потому я думаю, что в письмах (заранее пронумерованных) возможно по-настоящему черпать друг из друга необходимое для общего дела, не встречаясь. Писать же крайнюю крамолу не стоит, т.к. письма могут проверяться, на моё имя – вероятнее всего. Какие-либо материалы лучше бандеролью – безобидно! Вот, словом, вводная часть.

Несколько о себе...

Чувствую себя паршиво. Русская хандра вот уже месяц с лишним не даёт мне ни вдохновения, ни хотя бы утешения. По натуре своей я – «угрюмый мечтатель», терзающийся одиночеством, но и не знающий ничего лучше одиночества. Всякое долгое общение выбивает меня из седла, и я, честно говоря, не люблю всевозможные «общины».

Ирина – плохой друг в моей творческой жизни, хотя и прекрасная жена. Она – ребёнок в политике, не говоря о чисто духовных вещах, а потому я как честный и действительно любящий человек не могу поступать подло по отношению к ней, хотя меня так и подмывает порой возвратиться в свой прежний мир – «комфортабельное одиночество».

Поэтому не женись, друг мой! Человечество не простит и не прощает художнику измену, тем более – Время. Жить для других – удел немногих, а у нас есть кое-что для многих...

Пиши мне на Москву. Крепко жму твою руку.

Твой Вл. Золотарёв (V.Z.)^{*(13)}.

---

* Первая публикация: Чуянов С. Наедине с душой. – Николо-Погост : Родное пепелище, 2010. – 164 с. (В дальнейшем ¹³.)

Вл. Золотарёв – А.И. Толмачёву

Магадан, 4 апреля 1971 г.

Дорогой Саша!

Вот видишь, чёрт возьми, и не попрощались! Звонил тебе в день отлёта утром. Твоя супруга сказала, что ты работаешь и вернёшься не раньше 9 часов вечера, а в 18:27 у меня отлёт. Ну да бог с ним. Не последний раз, чай, виделись. Мы с Фридрихом за два дня до отлёта сидели в Национале. Звонили к тебе, но не дозвонились. Затем я на час слетал к Беляеву, попрощался и домой. Действительно, я, наверное, плохой муж. Идеал мужа – это, наверное, исключительная семейность, все чаяния и мысли о семье. У меня же находится столько каких-то дел и «не дел», что Ирина вполне справедливо обижается на меня. Ты извини уж меня, что не могу продолжить письмо...

6.IV.71.

...продолжаю, но страшно расстроенный! Пропали деньги, которые нужно было вернуть тому человеку за баян. Представляешь? Какое несчастье свалилось на мою голову! Я даже в некотором трансе. Главное, что занять здесь не у кого. Написал Щедрина и Беляеву, но не надеюсь, честно говоря, на их помощь. Тысячу рублей не так просто дать в долг... А я в отчаянии. Год назад я не переживал бы так, потому что деньги были, а сейчас их нет. Мне совестно просить у тебя помощи, т.к. я знаю, что ты еле наскреб на баян, но, может, посоветуешь мне что-либо... Войди в моё конфузное положение, дорогой мой! Какими глазами я буду смотреть на этого человека! Право, не знаю, что мне делать! Если я не достану эту проклятую тыщу, то будет скандал! Я пропал тогда! А если бы удалось взять в долг, то я с чистой совестью под впечатлением закончил бы несколько произведений и через год, а может, и раньше вернул бы эти деньги.

Вот как плохи мои дела.

Напиши мне.

Обнимаю тебя, твой Вл. Золотарёв.

P.S. Приветы Фридриху и домочадцам¹⁶.

Вл. Золотарёв – Ф. Липсу
Магадан, 24 апреля 1971 г.
Дорогой Фридрих!

Сонатy закончил. Пишу набело. К 1 мая, вероятно, не дойдёт. Почта перегружена, но так или иначе в первых числах она будет в твоих руках. Соната в духе Гайдна, без «гигантизмов».

Поздравляю тебя с наступающим праздником! Желаю успехов во всём, но прежде всего в музыке.

Крепко жму руку. Вл. Золотарёв.

Р. S. Передавай приветы и поздравления Саше [Толмачёву], гнесинцам¹².

Вл. Золотарёв – Ю. Ястребову
Магадан, 26 апреля 1971 г.
Дорогой Юрий Григорьевич!

Шлю Вам наилучшие поздравления и пожелания.

Как Вы живёте-то? Напишите. Неужто обида заела? На меня не нужно обижаться. Право, попусту...

Крепко жму руку, Вл. Золотарёв.

Вл. Золотарёв – А.И. Толмачёву
[26 апреля 1971 г.]
Дорогой Саша!

Шлю тебе наилучшие приветы и поздравления! Равно как и семье. Желаю всех вам благ и радостей в жизни! Печали – горькая и страшная штука...

Трудись, твори, но не болей!

Желаю тебе крепкого здоровья!

Обнимаю тебя, крепко жму руку. Твой Вл. Золотарёв¹⁶.

Вл. Золотарёв – С. Чуюнову
[Магадан, 26 апреля 1971 г.]
Дорогой Серёжа!

Поздравляю тебя и шлю наилучшие приветы! Желаю всего доброго!

Традиционного – счастья, здоровья и творчества! Прости, что долго не писал. Страшно много работал, а плюс ко всему душевно был не в равновесии.

Пиши, как успехи.

Крепко жму твою руку, Вл. Золотарёв¹³.

Магадан, ресторан «Берёзка», апрель 1971 г.

* * *

Звезда упавшая
пленяет грустью смерти,
Душа увядшая
внушает сердцу страх.
Нет счастья на земле, друзья, поверьте...
Я сказки обожаю
и женщин тоже...
Ах!

* * *

Бутыль вина – богиня утешенья,
Давно ль держал тебя, лаская в умиленьи?
Как женщину, я целовал божественную влагу
И, набираясь счастья, впитывал отвагу.

Странное дело. Когда люди начинают думать о главном, то второстепенные мысли мешают их восприятию главного – в итоге ничего не получается с осуществлением главной идеи. Личность мечется, переживает, приходит в отчаяние, и тут как гром с неба появляется истинное решение³.

Вл. Золотарёв – А.И. Толмачёву

[1 мая 1971 г.]

Дорогой Саша!

Получил твоё письмо. Сразу не мог ответить, вот сегодня, в перерыве между работой, сел и спешно хочу набросать ряд бессвязных мыслей по поводу моего жития. Во-первых, бога ради,

не беспокойся по поводу денег! Я занял уже 600 рублей и отдал. Остальные 400 рублей попробую найти у кого-нибудь в Москве, т.к. числа 10–15-го вылетаю. Здесь работы нет. Ученики не ходят. В училище развал. Да притом Ирине трудно одной... Что мне нужно было написать, я написал (Липсу и Беляеву), так что можно лететь в кабалу семейной жизни. Фридриху закончил Сонату № 2 (в духе Гайдна). Мне она нравится больше остальных двух сонат, потому что здесь всё в движении, без «слёз» и «распятий». Трагизма нет и в помине. Хотя в мыслях уже зреет пятая соната – «Трагическая» (для Фридриха).

С Концертом не знаю, как управлюсь. Потому что снова Москва... а потом мне не даёт покоя «Martin Eden». Преследует меня и требует работы. Вероятно, лето посвящу опере... если всё будет нормально. Но это ориентировочно...

Мне нужны деньги, а писать для баяна – это наиболее верный источник, хотя платят рабски мало. Как Пушкин говорил: «...Пишу я для себя, а печатаюсь для денег».

Такова уж участь... Надо смириться. Строчить макулатуру совесть не позволяет, а когда пишешь мало, то нищенствуешь... Ну да бог с ним. Как-нибудь переживём этот гнусный этап.

Ты мне напиши лучше, когда появится на «свет Божий» дочь. Всё, что делают наши божества – гении, – это вздор! Величайшее произведение искусства – это всё-таки новорождённый! Чудо, объяснимое только Богом! Поразительно!

Я получил письмо от Эдика. У него совсем плохо в семье. Жена подала на алименты. Развод, конечно, неминуем. К нему я не обратился за помощью, потому что имел в виду его неприятнейшую обстановку в семье. К тому же я давно ему обязан тем, что он дважды выручал меня из подобной ситуации. Конечно, в этом отношении он, вероятно, самый прижимистый человек, но я его не осуждаю. Вообще, кого можно осуждать в нашем мире? Разве только себя?!

Кстати, трио ему понравилось, хотя он нашёл их репертуар «не на высоте». Очень жалею, что не был на концерте. Надеюсь послушать их в другой раз.

Надеюсь также получить от тебя ещё письмо до 10 мая. Передавай приветы супруге и самые наилучшие пожелания. Счастливым ты будешь человек! Сын и дочь! Это же замечательно!

Фридриху я черкнул пару строк. Но при встрече передавай и ему приветы.

Ну а пока обнимаю тебя, милый Саша!

Прекрасный человечиче!

Крепко жму руку, твой Владик.

P.S. Передавай приветы Худякову и остальным.

Когда у тебя день рождения? Прости за нескромность...¹⁶

Магадан, май 1971 г.

* * *

Прощай, шумливая Москва,
Стихия суеты и пьянства,
Клоака смут, «шедевры» глянца,
Изыди краснее брюквы!

* * *

Я сижу в ресторане.
Квадратный стол.
Стол для двоих.
    Красота!
    Я один.
Но напротив стул.
    Пустой.
Я сажаю тебя, друг мой!
Пусть тебя нет.
    Но нет ли?
Неужто душа твоя не здесь.
Я говорю с тобою прямо.
Можешь ли ты остаться со мной?
    Не можешь!
    Вечно спешишь.

Ну что же, прощай.
Я зову.
Я зову тебя, милая...
Стерва моя любимая!
Посиди со мной мгновение,
Посмотри в глаза мои грустные.
Видишь, как Вечность мчится...
Время стремится вспять.
Будешь ты снова злиться
Непостоянная (...)³.

Вл. Золотарёв – С. Чуянову

Москва, 6 мая 1971 г.

Дорогой Серёжа!

Наконец-то я воспользовался спокойным временем, чтобы черкнуть несколько слов. По приезде в Москву Ирина отправила меня в деревушку под названием Воробьи у Балабанова с тем, чтобы я подготовил всё для приезда всей нашей семейки. Словом, все эти дни я занимался дачей и совсем выбился из колеи. Теперь всё заново. Что поделаешь? Я разрываюсь на куски! Оратория горит, т. к. осенью юбилей Гмырёва, а музыка ещё не закончена, надо срочно заканчивать Второй и Третий концерты для Митченко и Беляева, сонату для Липса.

«Мартин» меня измучил и просится на бумагу. Уже ведётся тайная работа (пока подсознательно) над «Оводом». Бесплезная беготня по издательствам и т.п.

Всё это крайне изматывает. Единственное, чему я бесконечно рад, – это то, что наконец встретился с тобой, провёл несколько счастливых часов с тобой у Оки, дома. Это впечатления! Кстати, когда ты поедешь в Москву, то заранее предупреди меня. Я встречу на вокзале, и мы поедem или на московскую квартиру, или на дачу, как ты захочешь. Конечно, если б не малыш, то можно было бы вырваться в Болдино, но Ирина не сможет оставить его, разве что осенью, если родители (мои) возьмут его, тогда можно будет хотя бы на два дня выехать.

Ну вот! Меня вновь отрывают... Прости, что так ничего и не написал. Обнимаю тебя, Владик¹³.

Москва, май 1971 г.

* * *

Всё для тебя!

Бесконечная!

Вечная!

Жгучая...

странно, как я ещё жив!

до ненормальности увековечена

наша Любовь –

новоявленный миф...

сердце болит...

и душа, разрываясь, громко кричит...

замолчи!

о, тоска!.. ничтожная слабость...

не спеши, дорогая...

Любимая...

звуки Бетховена – лучший мой щит...

утешение – Моцарт...

Петрарки сонет время раздвинет...

мечты раскуёт...

будет на нашей улице праздник!

мои песни Любви весь мир запоёт!...

* * *

Осенний вечер странный... грустный,

Какой-то весь иссиня-чёрный,

Холодный воздух пряный, смутный,

С туманной дымкой обручённый...

Сквозняк в пустующей квартире

Листает старые страницы,

Для посторонних в этом мире

Нет крова даже у блудницы³.

Москва, июнь 1971 г.

* * *

Любимая!

Что ты можешь сказать в своё оправданье?

За те тихие,

тёмные ночи...

где ни звука,

ни шелеста

Не было слышно...

Где лишь Мы да Любовь

Обручались в святом роднике

прекрасных созвездий...

Где мы плакали, нежно обнявшись,

и шептались,

боясь разбудить

заснувшее Солнце...³

Воробыи Калужской обл., 25 июня 1971 г.

В лесу... У костра... Вечер... Аринушка, Владюшок, Геррик...
Как хорошо и спокойно на душе...¹⁰

Вл. Золотарёв – Ю. Ястребову

Москва, 8 июля 1971 г.

Дорогой Юрий Григорьевич!

Получил Ваше письмецо. Спешу подать о себе позывные и жду подробностей столь скоропалительной нужности моей «персоны».

Из Магадана я вылетел 13 мая, но писем действительно не получал от Вас. Вероятно какое-то недоразумение на почте, что часто случается. Словом, жду вестей⁹.

Вл. Золотарёв – С. Чуянову

Москва, 8 июля 1971 г.

Дорогой Серёжа!

Смог взять ручку только сегодня. И ты, ради бога, не дуйся на меня, ибо дуться нам друг на друга не положено. Так случилось,

что я уехал на дачу к Ирине и, конечно, приехать не мог бы, если даже Игорь Стравинский воскрес бы и приехал в Москву. Словом, ты должен был понять меня, ты так и сделал, оставив мне приятную записку с грустиночкой. Ах, Серёжа! Жизнь! Жизнь эта страшная, влекущая, таинственная и прекрасная! Как она владеет нами! Она, а не мы ею! Вот в чём наш рок! Ну да ладно. Кочетова я перешлю тебе сразу после первого экзамена в конц[ерватории], а пока должен немного позаниматься. В конце июля примусь вплотную за «Овода», к которому всё больше проникаюсь симпатией и любовью. Это должен быть прекрасный балет! Будет нелегко решить его в оригинальной, новой манере, но труд, труд и труд... а там посмотрим.

В смысле драматургии (взаимосвязи) образов в большей степени пригодилась бы (я надеюсь) Зоя [Куликовская]. Нам нужны помощники, как нужны они были Бетховену (в «Фиделио»), Мусоргскому (в «Борисе»), Чайковскому (в «Лебедином») и т.д.

Кстати, думается мне, что «Оводом» мы не ограничимся. Быть может, удастся общими усилиями «поднять» такие глыбы, как «Дионисий», «Нил Сорский», «Феодосий».

Временем я ограничен по причинам, тебе известным, потому я крепко обнимаю тебя и жду твоих писем.

Владик¹³.

Воробы, 17 июля 1971 г.

Тихая замшелая речушка... Тени огромных лип отражаются в тёмной воде. Плавают лопухи... золотится лунная дорожка, и имя твоё, словно музыка, струится в моей голове мягко, таинственно, печально... Аринушка...¹⁰

* * *

Однажды вечером глубоким
 В тиши безлиственных лесов
 Шёл гном печальный, одинокий,
 Вместив в себя таинства снов.
 Луна чуть краешком касалась
 Его дремучего лица,

Другим концом в пруду купалась,
Вдруг выходила у крыльца.
Затем, чтоб снова окунуться
В прохладу сумеречных вод,
От рук русалок увернуться,
Перебежать на спелый плод.
А он – то вспыхнет, то погаснет,
Спугнув на миг, обворожит,
И филин тихо вдруг заплачет,
Струна на лире задрожит.
Но отвлечёмся... Ночь подходит.
Чернеет мантия вдали...
Луна за тучи спать уходит,
Оставим их мы до зари...

(Деревня Воробы, на даче с Аринушкой, лето 1971 г.)

Вл. Золотарёв – Ю. Ястребову

Москва, 21 июля 1971 г.

Милейший Юрий Григорьевич! Здравствуйте!

Сегодня приехал с дачи, а на почте Ваше письмо уже дожидалось меня.

Вы меня, право, не ругайте, что совершенно не пишу Вам, поверьте, что в настоящий момент неисправимый в этом отношении человек. Никому не пишу, ни с кем не вижусь, словом, трудно переживаю затянувшуюся депрессию.

Тяжело, мучительно влачу свои двадцать восемь лет.

Я от души рад, что Вам наконец удалось пробить «вражескую» стену. Осталось завоевать сию крепость и выкинуть на древко свой стяг. Ваша «Школа» (вернее, сама идея) мне всегда нравилась, а упражнения Ваши я считаю чрезвычайными, очень нужными для наших баянистов. У Вас есть удивительная черта, которой я всегда восхищаюсь, – это Ваша скромность, коей я не вполне наделён. Вы прекрасно продумали, продумали до тонкостей, до филигранности, если можно употребить это слово, свой труд. И я убеждён, что равной (по достоинствам) Вашей работе, вероятно, не предви-

дится. Кроме Вас вряд ли отважится пуститься кто-либо в путешествие непознанных возможностей баяна. Я хочу верить, что это не последняя Ваша работа, и вдвойне буду рад, если Вы подарите мне когда-нибудь свою «страстнотерпную» школу* (...)⁹.

Вл. Золотарёв – Ю. Ястребову

Москва, 23 июля 1971 г.

Дорогой Юрий Григорьевич!

Милейший человек!

Здравствуйте!

Сегодня приехал на денёк с дачи и... очень хорошо сделал – получил Ваше письмо. Вы на меня не сердитесь, я это сразу почувствовал, сразу стало легче жить, а то угрызения совести – страшная штука, тем более когда ещё ко всему тебя не хотят понимать. Последние два-три года я не жил, а влачил какое-то непонятное существование, но вот женился, у меня родился сын, а вслед за ним и то, что я упорно искал и «вымучивал» из лабиринтов своих извилин.

Я создал (именно создал, но не сочинил) маленькую пьесу, стройную по форме, хотя и несовершенную по содержанию, но это, право, мой первый блин после бесконечных поисков, а потому именно очень значительный «блин», от которого я буду оттапливаться и в дальнейшем. Не удивляйтесь, но всё, что я написал до этой «Композиции», – сущий бред спящего человека, смысл которого раскрылся лишь в этой неприхотливой вещице.

Я не космополит, но и не славянофил. Эти годы я искал претворение системы Шёнберга в русской музыке (быть может, одновременно со Щедриным и Денисовым), и наконец (как бы не обмануться!) я напал на верный след!!! – я, используя двенадцать звуков, не гнушаюсь старинной и пока малоизученной русской подголосочной полифонией. Что из этого получается – судить Вам.

Я прошу извинить меня, что нарушил закон эпистоляра: начал письмо с себя, но надеюсь в дальнейшем набраться скромности – в этом Вы замечательный пример!

---

* На этом письмо обрывается, письмо сходного содержания отправлено Ю. Ястребову 23.07.1971. – В.Б.

Прекрасно, что Ваша «Школа» начинает «дышать». Надеюсь, что в скором времени она обретёт и полноценную жизнь, ибо в нашей профессии не самое главное быть учёным для себя, важно быть полезным для других, а полезным мы можем быть, к сожалению, только с помощью публикаций.

Хотя, если верить древним философам, достаточно воспитать одного ученика, посадить дерево и дожидаться его плодов. Но в наш сумасшедший век этих достоинств мало, чтобы считать себя полезным для людей. Впрочем, я, вероятно, перегибаю палку.

Очень жду Ваших вестей.

Подумаю над пьесами для начинающих – это труднее, чем написать Сонату или Концерт, уж поверьте!

Крепко жму Вашу руку, Владислав Золотарёв.

Пишите: Москва, К-9, востребования.

Приветы Вашим близким.

Будьте добры, не смущаясь моей нескромности: не одолжите ли мне до ноября сто рублей денег? Когда-то я не имел возможности выручить Вас и Вы немного обиделись, но поверьте, что я не обижусь, если Вы не сможете мне помочь. Такова наша жизнь, но именно этим она и прекрасна – чем низменнее горе, тем возвышеннее радость.

Всего Вам хорошего⁹.

2 августа 1971 г.

* * *

Скорблю я...

Дух мой полон мрака,

Все чувства ввергнуты в зловонный мрак тоски...

Нет выхода...

И в лабиринте страха смотрю я вдаль,

Где высятся кресты...

На них распяты лучшие надежды!

Побеги детских лет!

Ростки большой мечты!

Любовь моя, закрыв навеки вежды...

Уходит ввысь, сжигая все мосты...
Скорбит Душа...
Скорбит вся плоть моя!
Где, ГОСПОДИ, твои предначертанья!
Не забудь меня, прими, земля.
Прозри бессмертие – последний акт страданья.
Смолистый сок берёз...
Цветов полны поля...
Не для меня...
Что для ТЕБЯ мои страданья?!
Где, ГОСПОДИ, твои предначертанья!³

[Москва, август 1971 г.]

[...выход Артура]

5. Испуг Джеммы
  6. Цыганский танец
  7. Апофеоз. [Овод]
  8. Прогулка Джеммы с Оводом
  9. Бродячий цирк
  10. Танец девочки
  11. Кордебалет кафешантанок
  12. Танец карлика-горбуна
  13. Скорбный дуэт (с Оводом)
  14. Бризигелла (увертюра)
  15. Встреча Овода с Монтанелли
  16. Заключительный танец
  17. Ночью в соборе
- III действие
1. Дуэт Овода с Зиттой Ренни
  2. Цыганская песня и танец
  3. Обида
  4. Ярмарка в Бризигелле
  5. Танец итальянских мальчишек
  6. Танец маков
  7. Появление Овода с приятелем

8. Военный марш
9. Танец шпионов
10. Перестрелка. Появление Монтанелли
11. Ловушка
12. Тюрьма. Допрос Овода
13. Трагический танец Овода
14. Неудачная попытка к бегству
15. Сон Монтанелли
16. Вакханалия
17. Пробуждение. Признание Овода
18. Ночь в тюрьме
19. Смерть Овода
20. Появление кардинала
21. Органная месса. Служба в соборе
22. Шествие нищих монахов и доминиканцев
23. Танец красных роз
24. Процессия
25. Безумие Монтанелли
26. Эпилог³

Вл. Золотарёв – С. Чуянову

Москва, 10 августа 1971 г.

Дорогой мой друг! Милый Серёжа!

Только что у меня была Ирина. Принесла либретто и письмо от тебя. Это прекрасно! Чудесно, что мы как-то случайно познакомились. Как-то удивительно судьба свела нас. Именно в тебе я, как в зеркале, вижу самого себя, и либретто – яркое доказательство этого предчувствия.

Будут, конечно, кое-какие доработки по ходу сочинения музыки, а тем более придётся считаться с мнением постановщика, но то, что уже есть, – это прекрасно!

Я сочинил музыку к I акту полностью.

Сочинил темы:

- а) (смерти) матери и её сына Артура
- б) Зигты Ренни и её танец

- с) тюрьмы и насилия
- d) любви Артура и Джеммы
- e) .....

Хотелось бы тебе поиграть всё это. Посоветоваться.

Словом, я в восторге от *нашего* Овода, нашего демона и нашего Христа новоявленного.

Я вижу балет, я слышу его явственно, но пока где-то в глубинах подсознания. Это будет, должен быть хороший балет! Содержание яркое! Балетное!

Здесь всё! И юношеская непосредственность!

И любовь – святая до издыхания! И религия, и насилие.

Демоническое начало и кроткое благолепие.

Жизнь полная, кипучая (ярмарка) и Смерть!

Вот такое моё впечатление. Крепко жму тебе руку, обнимаю, твой Владик. Приветы родным, Рине [Звягиной], Зое [Куликовской].

P.S. В конс[ерваторию] поступил, но радости не ощущаю.

С Ириной не живу. Вероятно, всё!

Личная «жизнь» – выдумка слабых и бездарных существ.

Истинная жизнь – это Любовь и духовное созидание.

Пиши мне¹³.

Бабушкин [Лосиноостровский р-н, Москва], 11 августа 1971 г., 18:30

* * *

Испить свой кубок до конца.

Измерить вдоль и поперек всего себя –

Вот истинное счастье!

Не знать границ и вдаль идти

Не спать в ночи, но видеть сны и молча петь –

Вот истинное счастье!

Когда же смертный час придёт,

Глаза закроются в тиши,

Но жажда к жизни не умрёт –

Вот истинное счастье!

...И сладостно душу объемлет
Сквозь сон снизойдёт с высоты
О, люди! Безликая масса, толпа,
Народ мой! Без цели и счастья!

Излучать доброту – одно из высших предназначений человека. Высший смысл человеческой жизни есть самосовершенствование.

«... Не трудись попусту, не пытайся выпрямить кривое, а бес-толкового вразумить, ибо никто не испытывает свой меч на целом камне» («Стефаний и Ихлиаст»).

Бабушкин, 12 августа 1971 г., 18:30

«...наша насыщенная душа жадно ищет в мире пищи для своей страсти – так жадно, что даже тень вещи способна соблазнить её, и тогда она мгновенно вспыхивает вся и сгорает в мучительном счастье, одна медленнее, другая сразу...

Таков закон человеческого духа. Таков закон любви. Человек только живёт мелкими вспышками, медленно тлея, чем сильнее личность, тем больше горючего материала в ней и тем неизбежнее она сгорает вся от ничтожнейшего толчка извне» (Гершензон, «Мудрость Пушкина»).

«Пушкин по себе знал, как много серьёзного в душе гения, как много скорбного в его жизни, как много труда в его творчестве» (Гершензон, «Мудрость Пушкина»).

Неполноценный, ущербный человек действует для своего блага. Он способен убить другого, ближнего. Гениальный человек бездействует в собственных, лично-корыстных целях. Единственное в своём роде действие он способен употребить для себя – самоуничтожение (V.Z.)¹⁰.

Вл. Золотарёв – С. Чуянову

Москва, 13 августа 1971 г.

Дорогой Серёжа!

Очень грустно мне. Оттого и пишу тебе... На меня часто нападает такая меланхолия. Что поделать – в моих жилах течёт сла-

вянская кровь, моя душа способна и на хандру, и посентиментальничать не прочь.

Соблазны сдавливают всё лучшее: и глотнуть вина хочется, и поблудить с красотками (раз все женщины только к этому и годны, к сожалению...).

Был в Загорске на днях. Справлялся насчёт доступа в архив академии. Попал на грандиозную службу в Успенский собор. Уехал потрясённый!

Только представь себе: два великолепных мужских хора! Как эти монахи за душу берут! Мурашки бегают!

Хотел сказать тебе несколько слов об Оводе. Мне думается, нам (хотя бы только для себя [символически]) нужно решить идею нашего балета в библейских тонах. Я долго размышлял и пришёл к выводу, что Артура приводит к гибели то, что он разбил распятие, т. е. бросил вызов Богу, и последний его покинул... Странно, но там, где погибает Артур, вдруг «воскресает» Феличе Риварес (Овод). Разбитое распятие – поворотный момент всего балета. Кажалось бы, нелепая случайность, но она приводит Артура к страданиям на чужбине и, наконец, к террору на родине, что и приводит его к гибели физической. Душой (божественной) он давно погиб. Монтанелли в этом случае играет положительную роль честного проповедника, и мне думается, что он по логике не должен был сам отступаться от Бога – это явное противоречие в романе Войнич. Артур – начало демоническое, но при чём тогда благолепие? Монтанелли – совершенство (т.е. бездействие), но при чём тогда богоотступничество? Словом, хотелось бы выяснить ряд вопросов с тобой обо всем этом.

Крепко жму твою руку, твой Владик.

P.S. Всё забываю сообщить тебе, что не выслал журналы, потому что полагал, ты будешь в Москве. А также у меня совершенно случайно твои «Страсти по Луке» Пендерецкого¹³.

Бабушкин, 21 августа 1971 г., 18:30

Ирины больше не существует для меня. Страшно писать об этом, но не уйти от свершившегося. Но ещё более страшно сознать-

ся в том, что гнусно. Обманулся в ней, бросил ей под ноги свою святую любовь к далёкой Наташе, которую Ирина растоптала.

Всё началось с первого мгновения нашей близости. Я прощал все глупости, все унижения, оскорбления, психопатию. Но когда мне явно намекнули, что от меня требуются только деньги и только деньги. И что мой сын Генрих для матери обуза, камень на шее, а не ребёнок от любимого человека! Когда я, работая дни и ночи, оказывается (...), что моя музыка, мой труд – пустое место для неё, женщины, нигде не работающей, ничем не занимающейся, от природы (...), похотливой, глупой, пустой, – это явилось лишней каплей в переполненном сосуде с моей же кровью. Винить мне некого, кроме себя. Вероятно, необходимо мне было пережить таких полтора года.

«То, что случается, случалось всегда и будет повторяться вечно; меняются радужные формы, но сущность остаётся та же: от века неизменны мир и человек» (Гершензон, «Муд[рость] П[ушкина]»).

Пришёл. Пришёл издалека.
Окрест в полях прохлады.
И будет смерть моя легка
И слаще яда (Фёдор Сологуб).
«Детство» (М. Волошин)¹⁰.

Вл. Золотарёв – С. Чуянову
Москва, 25 августа 1971 г.
Дорогой Серёжа!

Только что с телеграфа. Пробежав письмо глазами и задержавшись на стихотворении, я решил сию же минуту ответить тебе. Ты прости, бога ради, что пишу отвратительной ручкой на отвратительной бумаге, но, увы... лучше не нашлось в моём «саквояже».

Пока не принесли обед (зашёл в кафе страшно голодный), я поболтаю о том о сём.

Увы, я теперь одинок, нет у меня ни жены, ни близких, не осталось ничего того, что спасало от безысходности. И стою я у камня посреди поля и не знаю, куда податься. Впрочем, несут обед.

Подамся-ка я поближе к тарелкам, ложкам, вилкам, а потом продолжу ход начатых мыслей.

Ну вот: трапеза окончена.

Я часто спрашивал себя: правильно, честно ли я делаю, что пускаю свою лично-семейную жизнь «по течению»? Или же это какое-то самоограждение, которое служило мне хорошей защитой ещё до женитьбы? Как человек я сознаю, что не должен так поступать, но как творец (слава богу, что хоть это сознание не покинуло меня) я понимаю, что не должен идти на компромиссы с творчеством ради благополучия семейной жизни. Выбор сделан. К сожалению, во мне осталось так мало от человека, что я порой пугаюсь своего сумасшествия. Ведь музыка – это единственный мой мир, единственная моя жизнь, где я дышу вольно, легко, и этот мир Ирина в течение полутора лет методично разрушала личным пренебрежением, оскорблениями, жуткой практичностью, дикими оскорблениями, скандалами и т.п. Она хочет разводиться со мной потому, что я не зарабатываю «ни гроша», не мою полы, «не столь часто» мою посуду, стираю пеленки, «редко» хожу в магазины с авоськой... Слава богу, что хоть одна разумная мысль посетила её голову. Только бы скорее пройти эту «торжественную» официальную церемонию, и... Золотарёв прыгнет с кручи в океан музыки, и уже вряд ли кто его выманит на пустынную сушу...

Вот и все мои «мысли», что хотел поведать тебе. Очень был бы рад вновь встретиться с тобой. Много разных мыслей насчёт «Овода», очень трудная задача, быть может, труднее, чем мы думаем. Образ могучий и одновременно хрупкий, что дышать боязно. В балете такого образа ещё не было. Это – моя тема, и поэтому ответственность и требовательность должна быть предельной¹³.

Бабушкин, 30 августа 1971 г., 18:30

«Я столь же мало обращаю на них внимание, как и они на меня... (о слушателях. – V.Z.), а если они и необходимы по причинам акустическим (поскольку музыка плохо звучит в пустом зале), то для меня это только помеха» (Шёнберг – Цемлинскому, 23.III.1918).

«Ни один поэт, ни один художник, ни один философ, ни один музыкант, чьё мнение витает в высоких сферах, не станет унижаться до вульгарности с целью при[спо]собления к лозунгу «ис[кусст]во для всех». Ибо если это ис[кусст]во, то оно не для всех, а если оно для всех, то это не искусство» (А. Шёнберг)¹⁰.

11 сентября 1971 г.

Планета «Земля». До востребования, жене моей Аринушке.

* * *

Вселенная, кусок астероида

Вечный странник

Вдаль стремится.

Твой избранник

Вновь томится.

Ему снится

Март весёлый.

Твой наряд

прекрасный, новый.

Вновь тебя он поздравляет,

Счастья и любви желает³.

Вл. Золотарёв – С. Чуянову

Москва, 11 октября 1971 г.

*Я вновь иду по мутным лужам.
По старой, выцветшей листве...*

Дорогой, горячо любимый друг!

Принимаюсь писать тебе в седьмой раз и надеюсь, что на этот раз мне никто и ничто не помешает. Странно, но я всё более и более проникаюсь к тебе каким-то неизъяснимым чувством любви и уважения. У меня это редкое явление, и по существу я в общем-то замкнутый и угрюмый человек, не любящий никого, кроме себя, и пугающийся общения с людьми. Вероятно, в тебе есть та искра божественного начала, что меня восхищает, волнует и вселяет большую уверенность в собственное предназначенье. Почти такую же любовь я испытываю к Баху и Шёнбергу, Сибелиусу и Чюрлёнису

(в частности) и вообще ко всем значительным характерам. Я недавно просмотрел партитуру и прослушал оперу Шёнберга «Моисей и Аарон» – гениальное творение, которому нужно подражать, не имея пока лучшего. Кстати, я многое открыл в Шёнберге благодаря тщательному анализу его лучших партитур. Поистине – Бах XX века! Впрочем, это тема для большого разговора.

Получил твоё «ялтинское» письмо давно. Любовно перечитывал стихотворение, восхищался настроем души твоей, а вот ответить так и не удавалось!

Прощения не прошу. Знаю, что простишь, хотя такого отношения прощать не следует (разве только к наиболее близким людям допустимо).

В стихотворении (я не берусь судить о форме) много такого, что заставляет и требует глубочайшей строгости к себе. Вечная тема отчуждения к проходящей толпе современников; словно сидишь на берегу безбрежного океана, а мимо тебя стремится комфортабельный лайнер и доносится плотская музыка... Меня волнует в тебе любовь и почитание истинного понимания славянофильства и руссоизма. Только у нас ещё способны к глубокому пониманию того, что произошло на нашей многострадальной земле, история которой – наша плоть и кровь.

Только мы способны сегодня толкнуть человечество к более высокой ступени, возродить забытые идеалы древности, которым недоставало нашего опыта, наших неизбывных страданий и неиссякаемой веры в подлинное счастье человека, как частной единицы, так и в комплексе общечеловеческом.

Американцы, как англичане, французы, итальянцы и немцы, подошли к XX веку почти опустошенные – свидетельством этому большая часть духовных творений, мы же после страшных испытаний подошли вплотную к черте, за которой – иной мир! Прекрасный и великий! Именно нам, русским носителям духовных ценностей, суждено в первый раз сказать нечто самое важное, самое ценное. Именно для России пришло время жить в эпохе Нового Возрождения. Никто, кроме нас, не способен сегодня говорить страстно, просто и мудро.

ДОДЕКАФНИЯ

Холодный свет её души
Упал на клавиши рояля
И зазвучал в ночной тиши
Неслышным шорохом печали.
Волшебным сном разлился вдруг
Мерцающий и нервный звук,
Заполнив сердце нежностью и болью,
Пронзив его страданием невольном...
Воспоминанием минувших грёз...
Распущенных волос...
Пролитых слёз...

Запад заложил хороший фундамент в начале нашего века. Философия, литература, поэзия, иск[усст]во, музыка – вот области, в которых трудились лучшие умы Запада. В музыке, например, Арнольд Шёнберг сделал реформу, наше дело и святая обязанность придать ей совершенные черты. Словом, я хочу сказать, что для России наступил удивительный исторический момент и мы (т.е. ты и я) будем негодьями, если не приложим свои способности для осуществления Великой идеи. Пиши мне на прежний адрес. Я живу теперь в общезитии консерватории.

Обнимаю, твой Влад[ислав] Золотарёв¹³.

Москва, октябрь 1971 г.

* * *

Деревья инеем покрылись,
Под тонким льдом ручей бежит,
Вершины гор в тумане скрылись,
Улыбка на губах дрожит...

Москва, 15 октября 1971 г.

* * *

Что же писать тебе?
Не знаю...

Иду по лужам, не замечая,
Как тонкий лёд хрустит под ногами,
Мертвящий холод стремится в душу...
Ты помнишь ночь новогоднюю?
Снежные хлопья, свет лунный, чарующий...
И поцелуй обжигающий, нежный...
Как давно это было...
А теперь...
Резкий ветер, октябрьский вечер.
Я сижу одинокий, угрюмый...

В небольшом ресторане. Мельтешат полулица. Лёгкий гул раздражающий... гонит прочь, но страх одиночества крепко цепляет к низкому креслу... Так, наверное, Мартин Иден или Чайковский в безумном молчании тихо стонали и мысленным взором к Богу стремились³.

17 октября 1971 г.

Удивительный город. Поражающий всем, кроме красоты и гармонии.

Я сегодня в мрачном расположении духа.

Анатолий Беляев и его исполнительское мастерство.

У этого баяна безграничные возможности. Есть надежда, что в будущем этот инструмент займёт ведущее место в концертной жизни землян.

В первом отделении исполнитель показал музыку баховской поры. Органный концерт Вивальди в обработке Баха прозвучал величественно, с воодушевлением.

Во втором отделении прозвучала музыка старших современников Баха – Корелли, (...).

Виртуозное владение инструментом, в частности регистровым пультом, – позволило А. Беляеву добиться неслыханной силы художественного воздействия на слушателей.

Москва, 19 октября 1971 г.

Вспоминаю отчего-то «Живой труп». Любимая моя! Ты не стала бы так вытаскивать меня из кабаков!..³

Вл. Золотарёв – А. Нагаеву
[Москва, 26 октября 1971 г.]

(...) Ты должен сам находить источники, питающие твой дух, и сам, собственными силами, преодолевать трудности в композиции. Никто не способен научить сочинять музыку! Все способны только помешать, но ты-то и будь волевым и целеустремлённым человеком. И никого не слушай, делай вид, что слушаешь. Учись у великих мастеров: у Монтеверди, у Баха, Моцарта, Бетховена, Мусоргского... (...) ¹¹

Вл. Золотарёв – С. Чуянову
Москва, 15 ноября 1971 г.

Милый Серёжа!

Прости, ради бога (в который раз!), что вновь опаздываю с ответом. Работы много, а душевного равновесия нет! Потому и не до писем.

Твоё письмо передал мне Морозкин. С ним же я передаю свою писульку.

Пока жив, относительно здоров.

Тружусь. Живу дома.

Погода скверная. Хандра не отпускает ни на час. К счастью, у меня такая натура, что и в хандре я нахожу пищу для музыки.

Вся эта наша обалденная жизнь к каждому новому дню готовит новый и более увесистый удар по голове, но ничего не поделаешь: нужно нести свой крест.

Если б не Аринушка, то я наверняка бы уже кончил где-нибудь в петле.

Не могу равнодушно наблюдать эту безликую массу, называемую народом. Хотя знаю, что надо быть равнодушным, но не могу.

Когда иду по улицам или еду в метро, в автобусе, то с ужасом спрашиваю себя: Господи! Где же люди? Где мой могучий и доблестный народ?! Где человеческие лица? Разумные глаза? Нет этого ничего!

И страшно становится так, что думаешь не бог весть что.

Я хочу увидеться с тобой. Очень скучаю по твоему голосу. Было бы приятно увидеть тебя в нашей семье. Выпить водочки или хорошего вина. Поговорить!

Приезжай. Мы всегда ждём тебя.
Твои друзья: Ирина и я.
Крепко обнимаю тебя и жму руку. Владик¹³.

Москва (дома), 17 ноября 1971 г., 23:35

«Ничего не желайте больше того, что Вы имеете...»

«Так говорил Заратустра», Ф. Ницше, с. 296 (1900 г., тип. Вл. Чи-черина).

«Если вы хотите подняться высоко, то должны иметь собствен-ные ноги! Не допускайте, чтобы вас возносили, не садитесь на чужие спины и головы!» (Ф. Н[ицше], с. 237).

«...если вы всё будете делать «для ближнего», то вы ничего не создадите для него!»

«Всё великое сторонилось базаров и славы...» (с. 52).

«Ты должен быть всегда первым и стоять впереди других: твоя ревнивая душа никого не должна любить, даже друга твоего» (с. 59).

«Берегись припадков своей любви! Слишком скоро протягивает одинокий руку каждому встречному» (с. 65).

«Мыслящий человек должен не только любить своих врагов, но и уметь ненавидеть своих друзей» (с. 80).

«Созидание – это великое освобождение от страдания и облегчение жизни. Но чтобы быть созидающим, надо подвергнуться страданию, нищете и многим превращениям» (с. 86).

«Трудно жить с людьми: ведь молчать так трудно» (с. 91).

«Жизнь есть источник радости: но где пьёт с вами толпа, там все родники бывают отравлены» (с. 97)¹⁰.

Москва, 24 ноября 1971 г.

* * *

Странно и сумрачно свет свой неяркий
        шлёт мне в окно голубая звезда...
                тихие шорохи...
                        смутные,
                                мягкие...

Словно касание пальцев твоих...
белизна мыслей Высоких...
и чувств глубочайших...
Музыка Вечности!
Смысл и Величье!...
не прекращаясь, струятся из глаз...
любящих...
властных и кротких как Радость...
грустных, как символ...
печальных, как саз...

Вл. Золотарёв – И. Кошелевой

Москва, общежитие М. Г. К., 28 ноября 1971 г.

Письмо первое

Дорогая моя, любимая Аринушка!

Вечная моя и безграничная!

Я пишу тебе не для того, чтобы быть прощённым, а тем более, чтобы ты протянула руку умирающему.

Я пишу только потому, что, несмотря ни на что, люблю тебя. Судьба долго и настойчиво разлучала нас. Она оказалась сильнее моей любви: мы разлучены. Быть может, когда мы умрём, она примирит наши прекрасные души, но в этом страшном мире они навсегда потеряны друг для друга.

Моё сердце разрывается за тебя, за твою дальнейшую судьбу. Со своей участью я смирился. Мне безразлично отныне, куда меня занесёт эта холодная, жуткая метель беспросветной жизни. Я любил и люблю тебя мучительно, эгоистично. Человек, по натуре своей свободный, вольнодумный, я не мог примириться с теми канонами семейной жизни, которую ты навязывала мне день ото дня всё настойчивее и обиднее. Себя переделать я не могу. Я сформировавшийся человек, имеющий не только сильные качества, но и не менее могучие слабости. А потому ко мне необходимо было относиться так же снисходительно, как и я к тебе. Я не заставлял тебя делать то, что ты не хотела бы делать. Я не диктовал тебе свою волю, я хотел только одного: взаимной любви, понимания, терпения, приятия сла-

бостей, безграничной дружбы, взаимных интересов, полной человеческой свободы. Я не угнетал тебя и не подавлял твои интересы. Я не принуждал тебя работать и расточать душевные силы на ненужное. Произошло непоправимое³.

Вл. Золотарёв – С. Чуянову

Москва, 5 декабря 1971 г.

Серёжа!

Когда поедешь в Москву, отбей телеграмму. Скучаю.

Твой Влад[ислав] З[олотарёв]¹³.

Москва (общежитие Московской государственной консерватории им. Чайковского), 20 декабря 1971 г.

Закончил две партитуры. «Триптих» для камерного оркестра и «Диптих» для 13 исполнителей.

Оба сочинения написаны за шесть суток без черновиков и клавира, сразу в партитуре¹⁰.

[Москва, декабрь 1971 г.]

1945 – Амур. Крутые берега. Смерть деда. Похороны. Рыбалка. Купание.

1947 – Гудаута. Море. Сухуми. Озеро Рица. Пятигорск. Место дуэли Лермонтова. Лермонтовская галерея. Провал. Грот Пушкина. Беседка Грибоедова. Фонтан.

1948 – Индигирка. Через Охотское море. Шторм. Трасса зимой. Вдали огоньки посёлка Усть-Нера.

1950 – Зима туманная, -60°. Коньки. Школа. Весна. В лесу. Следы птиц и зверей. Ветки лозы. Воздух... опьяняющий. Синее небо и белые облака. Прогалины. Сталкивание льда... Рассыпающиеся льдины, прозрачные, красивые, вкусные сосульки...

1952 – Лето. Ночная рыбалка у костра. Хариусы, Линка, Нельма... Лес... очень красиво. Осень – ягоды, грибы... охота на уток, зайцев, бекасов.

1955 – Полевая партия... Лес... изба... ручей и горы... птицы... палатка с хвойной постелью, журчащий ручей и горы... лес могу-

чий... лоси, глухари, медведи... Путешествия через горные хребты до 60 км в день (в основном – 30–40 км). Золото в кварце, в песке, самородки... фауна, флора... Уникальная по красоте и целомудренности природа. Прииск Разведчик. Берега круты (до 100 м высотой). Тайга суровая и сумрачная до мрачности. Охота на куропаток и белок (ранней весной). У деда-лесника в избушке на огромном озере, вокруг которого леса... леса и горы... Восторг и преклонение... Привязанности: Чайковский – популярная музыка. И. Штраус – вальсы. Русские народные песни. Рахманинов – Итальянская полька.

1956 – Детство кончилось. И кончилась полоса подлинного счастья.

1958 – Брамс – Концерт для скрипки с оркестром. Бородин, Глинка – популярная музыка. Гуно – танцы из опер. Бах – инвенции, органные сочинения. Россини, Моцарт, Бетховен, Чайковский, Рахманинов – пьесы, увертюры. Чайкин, Холминов и другие (масса!). Первые выступления.

1961–1962 – Первые опыты по композиции (опера «Песнь о Роланде» (!) – не осуществлена), многочисленные пьесы для скрипки, фортепиано, баяна, проба для оркестра – «Славянская симфония».

1. Индигирка (на рыбалке ночью... холодная быстрая вода... хариусы, линки... ягоды, грибы... трасса... (9–14 лет). Охотское море... несколько раз пересекал в шторм. Брамс – Концерт для скрипки.

2. Армия... трактаты Шеллинга, Чернышевского... Маркс. Энгельс... п/о Духовское (осень)... у китайской границы...

3. После армии. Магадан. Снежка. Камера, где работал. Метель. Снег. Огромные сугробы. Солнце. Лыжи. Дятел. Ночная работа под метель... на полу ковры, радиола, магнитофон, тяжёлые портьеры... синева замёрзших окон... завывание ветра и удивительное настроение... Регер – Поэмы... Новый год с Иваном в избушке. С Большанским. Регер – Поэмы; Брукнер – 8-я; Сибелиус – 2, 4; Хиндемит – Траурная музыка; Малер – 2, 3, 9, 10; Мясковский – 15, 27. Летнее утро... у ручья... скалы.

4. Томилино. Мессиан – «Праздник вод»... Шуберт – 7-я.

5. Волчиха. Архангельщина. Леса... погосты... церковная архитектура. Шумилин. Шенты.

6. Б[ухта] Провидения. Снег. Метель. Горы. Лунная ночь. Один в классе ночью. Свечи. Стравинский – «Поцелуй феи», Мясковский – 21-я симфония. Стравинский – «Весна священная», Шёнберг – «Ночь просветлённая». Малер – 9, 3.

До этого опыта: пьесы, транскрипции, песни, Концертная фантазия для баяна с фортепиано.

Ранний период

- 8' – 1. Экзерсисы на тему Паганини
- 15' – 2. Романтическая сюита в 4 частях
- 10' – 3. Концертная фантазия
- 16' – 1965 – Камерная сюита в 6 частях для баяна
- 5' – 1966 – Прощание ночью (романс, слова Накано)
- 35' – Концертная симфония № 1 (большой оркестр), партитура
- 8' – 1967 – Детская сюита № 1 (баян)
- 5' – Ночь печальна (слова Бунина) для голоса и фортепиано.
- 2' – Тан-тара-тара (слова И. Такубоку)
- 3' – Мелодия для виолончели и фортепиано
- 20' – Пьесы для фортепиано
- 13' – 1968 – Парти́та № 1
- 15' – 1969 – Драматическая поэма «Мартин Иден» (оркестр),
партитура
- 3' – Прощание (слова Аполлинера) для голоса и камерного
ансамбля, партитура +2 часа
- 10' – 1970 – Квартет (партитура)
- 20' – Соната для виолончели и фортепиано
- 5' – Подражание Мусоргскому
- 10' – Детская сюита № 2 (баян)
- 5' – Рондо-каприччиозо (для 3 баянов) +1 час
- 15' – 1971 – Соната № 2 (баян)
- 15' – Сентиментальные песни (хор)
- 15' – Скандинавские песни (хор)
- 10' – Диптих (оркестр), партитура
- 5' – 5 композиций (баян)
- 5' – Детская сюита № 3 (баян) +1 час³.

1972

Вл. Золотарёв – С. Чуянову

Смела Черкасской области, 20 января 1972 г.

Дорогой Серёжа!

Получил твоё письмо и чуть не разрыдался. Получил я его ещё в Москве, но из-за плохого самочувствия не ответил. Только теперь, у сына, недалеко от Каменки Пушкина и Чайковского я сел написать тебе первое своё письмо. Ты спросишь, почему первое? Вероятно, все предыдущие письма писаны рукой, но душа моя была больна Ириной, с которой меня связывала надежда в её выздоровление. Она окончательно разрушила эту надежду, добавив при этом, что я презираем тобой и многими более далёкими, чем ты, людьми. Честно говоря, меня мало волнует суэта повседневной жизни и что думают обо мне друзья, приятели или недруги. Я только знаю, что друзья всегда остаются.

Меняются приятели, «подруги», дни и ночи. Друзья – это вехи на тонком болоте. Они не могут меняться. И я не верю, что я в твоих глазах сволочь, как охарактеризовала мне твоё отношение ко мне Ирина.

Эта женщина словно соткана из лжи. Она обзвонила всех моих коллег и выплеснула не одно ведро клеветы на меня и мою природу. Бог с ней. Он её создал, Он и судить будет всех нас. Жаль, что она не верит ни во что святое. Это её несчастье. Словом, я, уехав из Москвы к сыну, которого она бросила у моих родителей, оторвав от груди, решился наконец написать тебе. Мне сейчас очень нелегко. Мне не хочется видеть людей, в которых я отчаялся видеть человеческое. Мне хочется уединения и скитства в хорошем смысле этого слова. Как говорил Нил Сорский: «Писания многа, но не вся божественна суть. Надо жить скромно, пользоваться только результатами своего труда, преодолевать телесные страсти, заниматься религиозно-нравственным самосовершенствованием и духовным перевоспитанием».

Я пренебрёг его мудростью и поплатился справедливым наказанием. Не хочу распространяться о «достоинствах» моей «родни», но страшно писать тебе обо всём этом. Лесков однажды хорошо за-

метил, что мы сапоги выбираем на базаре более мудро, чем подругу жизни. Когда я получал гонорары по триста и шестьсот рублей, то был идеальным мужем, а когда последние месяцы я стал нищим, то меня выгоняла с милицией любимая жена!

В настоящий момент я с Ницше и Достоевским. До этого я был ребёнком. Ах, господи! Ребёнком и остался! Только у этого ребёнка нет игрушки. Он вырос из неё. Любовь, любовь! Такой же дар, как талант! Я всегда боготворил женщин. Сейчас я ненавижу их сучью природу. Стяжатели и садисты.

Ты прости меня, Серёжа. Я чувствую, мне мало осталось жить. Хочется последние лет десять, если Бог даст, посвятить служению своей давней мечте.

Ты помнишь письмо Пушкина к Плетнёву о смерти Дельвига? «...Вчера провёл я день с Нащокиным, который сильно поражён его смертью, – говорили о нём, называя его покойник Дельвиг, и этот эпитет был столь же странен, как и страшен. Нечего делать! Согласимся. Покойник Дельвиг. Быть так. Баратынский болен с огорчения. Меня не так-то легко с ног свалить. Будь здоров – и постараемся быть живы. 21 янв[аря]».

Покойная Ирина! Это страшно для меня. Но это так. Для меня умер, быть может, самый близкий и родной человек... Это жутко...

Переживаю очередной кризис душевный. Чувствую, что на сотню голов выше избранных, но смириться с этим не могу. Я потерял какую-то очень важную часть своей души. И эта потеря связана с потерей моей любимой жены...

Почему-то вспомнил, как Леонид Андреев, будучи подростком, хотел покончить с собой, бросившись под товарный поезд, но чудом уцелел, угодив вдоль рельс.

Я уже дважды чудом уцелел, бросаясь с пятого этажа... Странные мысли... путаные.

У епископа Синезия есть удивительная мысль: «...что может быть общего между чернью и философией? Божественная истина должна быть скрытой, народ же имеет нужду в другом...»

Как говорит Екклезиаст: «Даже и плохонькая жизнь лучше хорошей смерти».

Вот чего хочет народ. Вот к чему зовёт его тёмная душа.

Моя душа зовёт к другому и перекликается в этом с душой Леонида Андреева: «Именно убеждение в своей исключительности должно – и может – служить источником творческой силы».

Творческая сила необходима мне для осуществления моего служения высшему.

Ах, Серёжа, Серёжа... поймёшь ли ты меня? Конечно, ты не женщина, но Ирина осязала меня, видела каждодневно, спала со мной, обняв меня... и не смогла объять душу мою. Так и не поняла её природу. Чистую и девственную в своей наготе...

Вся беда наша в том, что мы – «рабы смерти и всю жизнь ходим на цепи её...».

Это нас связывает, торопит и отрешает от простых земных радостей. Это невыносимо и страшно!

Особенно жутко переносить всё это одинокому человеку, ну хотя бы как я... или ты.

Впрочем, нет, в тебе я ещё не уверен... Крещения нашей дружбы не было ещё. «Надо, чтоб каждый из нас понимал, как тонко кружево души, как нежно и бережливо следует относиться к ней».

Так говорил всё тот же Леонид Андреев, человек, которого я люблю, на которого в чем-то похож, болезнями которого отчасти болен. «Лишь в больной раковине растёт жемчужина».

Пусть здоровые люди весело прыгают по земле и копошатся в постелях в эротическом экстазе. Их здоровые сперматозоиды вызывают к существованию таких же здоровых паразитов, которые поедают всё самое лучшее, что приготовлено природой для истинно талантливого человека.

А Раскольниковы вечно будут голодать и дрогнуть в своей лёгкой студенческой одежде.

Ирина предала меня. И я высказывался о евреях не потому, что я не люблю их. Евреев я люблю более, чем любую другую нацию, но хорошо кто-то сказал: «Хороший еврей – Христос, плохой – Иуда». Иуду я ненавижу, как и плохих евреев. Ирину я люблю.

Тёщу ненавижу. Потому что именно она влияет на Ирину самым дурным образом.

А, всё это ерунда.

Жизнь как бы расколота – вот что плохо. Ну да бог с ней, с этой жизнью.

Как сказал Гюго: «Надейся, дитя, на завтра. Будем верить в будущее».

Крепко обнимаю тебя. Твой Вл. Золотарёв.

P.S. Пиши на Москву (К-9, востребование).

Через три дня я выезжаю. Приветы Зое, Рине¹³.

Смела, 24 января 1972 г.

Последнее время с большим вниманием отношусь к Горькому как к личности. Разносторонность его увлечений импонирует мне, хотя именно это главный его недостаток как писателя.

Лично я, когда впервые взял перо в руку для сочинения, не думал о честолюбивой мечте – стать композитором. Мне хотелось создать баянный репертуар, который был бы не хуже, чем у всех других инструментов. «Твоя единственная публика, способная понимать и любить тебя, – это ты сам» (В.З.).

В нашем веке очень мало сверхталантливых людей. Объясняется это, вероятно, системой, которая нивелирует человека как личность. У меня есть на этот счёт свои опасения, что в будущем культура как таковая, наука и искусство замрут на месте и погибнут от застоя.

«Письма начинающим литераторам» создали советскую писательскую школу в лице Леонова, Соболева и т.п.

Горький в этом отношении навсегда остался любознательным (...), который нет-нет, да и фривольнёт именем Ницше или Спенсера. Именно он в первую очередь повёл русскую литературу по ложному, искусственному пути, оставив где-то на перепутье лучшие традиции и надежды.

«Для того чтобы критик имел право на внимание писателя, необходимо, чтобы он был талантливее его, знал историю и быт своей страны лучше, чем знает писатель, и вообще – был интеллектуально выше писателя» (Горький).

«Орудую цитатами из Маркса, Энгельса, Плеханова, Ленина, они обычно затемняют смысл этих цитат, что-то мешает им изло-

жить с предельной ясностью и простотой учение диалектического материализма в его применении к вопросам искусства. Это «что-то» – вероятно, недостаточно глубокое знание истории и действительности, недостаточно развитый интеллект...

Такая критика позволяет сомневаться в убедительности её приёмов. Недостаточно сказать «это плохо», нужно объяснить, почему плохо, а последнее не всегда вразумительно и верно» (Горький).

«...должно им исколоть себе руки обо все шипы на стеблях красоты; нельзя им отдыхать на розовом ложе, чужими руками, не их руками, для них разостланном. Они должны знать, что они ответственные, потому что одарены талантами» (А. Блок).

Истинный художник творит по законам, ему одному известным.

Вл. С. Соловьёв часто бывал у Достоевских с 1873 года (только что окончившим своё образование). Достоевский говорил, что лицо Вл. Соловьёва напоминает одну из любимых им картин Аннибале Карраччи «Голова молодого Христа»^{* (14)}.

Смела, 25 января 1972 г.

Почему? Почему так упорно защищают жестокость! Всё самое чистое, светлое пытаются задушить в колыбели, не давая вырасти, словно боясь этого прекрасного.

Гнусное столпотворение проклятых богом людей!

Я не могу больше терпеть эту мерзостную жизнь! У всякого русского человека бывает и терпению предел.

И несутся! Несутся мои далёкие несбыточные мечты! Влекут меня в безбрежность!

Я не могу сидеть в скорлупе и вынашивать свои мысли, которые нельзя высказать на улице, на площади, в лесу, в горах! Зачем же тогда жить, если человек не может свободно говорить то, что он думает?! Зачем? К чему его голова, его интеллект, его полёт фантазии! Почему он боится мыслить так, как подсказывает ему совесть и его сердце!

Композиторский талант и его истоки.

Стендаль в своей статье «О религии» писал: «Религиозное чувство человека всегда, во всех странах побуждает его устанавливать

* Дневник 1972 г. Архив А. Шпака. Публикуется впервые. (В дальнейшем ¹⁴.)

культ ради удовольствия видеть, что все люди думают, как он. Если бы страстно влюблённый человек смел и мог это сделать, он заставил бы публику говорить о любимой им женщине не иначе, как стоя на коленях».

«Нужно думать о критике меньше, чем молодой драгунский офицер, несущийся со своим эскадром в атаку, думает о госпиталях и ранах. Полное отсутствие такого мужества препятствует всем нашим бедным поэтам выйти за пределы посредственности. Надо писать, чтобы доставлять удовольствие самому себе» (Стендаль. Критические и публицистические статьи, т. 7, с. 194).

Разумеющему достаточно немногих слов.

Гнев угасает по ту сторону гроба, и гостеприимная земля, где я тебя оставляю, – убежище правосудия и благочестия» (Винченцо Монти «Басвилиана», 1805 г.). (Душа обращается к телу.)

Автор поэмы «Франческа да Римини» Сильвио Пеллико говорил: «Если ты действительно хочешь быть полезным, то преодолей тщеславие, которое в наши дни является роковым врагом добродетели». «Каждого влечёт его собственное желание» (Вергилий).

Вот что пишет Стендаль о встрече с Байроном в ложе ди Бреме на симфоническом концерте в театре Ла Скала: «Я увидел молодого человека с изумительными глазами, в которых было нечто великодушное».

«Всякое произведение искусства есть прекрасная ложь; всякий, кто когда-либо писал, обычно знает это. Нет ничего нелепее совета, который дают люди, никогда не писавшие: подражайте природе. Ах, чёрт возьми, я отлично знаю, что надо подражать природе. Но до какого предела? Вот в чём вопрос» (Стендаль. Статьи, с. 318).

Нашим критикам недостаёт самой малости ума. Как сказал однажды Стендаль: «Эти бедняги, не способные к творчеству, претендуют на ум, а ума у них нет» («Расин и Шекспир», с. 22).

«При малейшем политическом намёке мы теряем способность воспринимать искусство. Многие талантливейшие люди убивают очень яркие художественные произведения, вводя в них намёки на мимолётные и неприятные политические вопросы дня» (Стендаль, т. 7, с. 68).

В борьбе за истину каждый человек – воин.

«Художник должен всегда, если только это не противоречит сюжету, стараться показать нам высшую степень красоты, какой он может достигнуть» (т. 6, с. 458).

«Человек возвышенного ума не доверяет своим открытиям; он о них часто размышляет. В вещах, от которых зависит его счастье, он всё время спорит с самим собой» (Стендаль, т. 7, с. 425).

Стендаль вспоминает, как однажды его наставник по живописи преподавал урок за нетерпеливость: «Подождите, пока у вас возникнут собственные мысли. Я очень люблю этот образ у одного из ваших великих писателей: ребёнок посадил боб, а через час уже разгрёб землю, чтобы посмотреть, не пустил ли боб ростки».

Хочется несколько перефразировать цитату Микеланджело: «Музыка ревнива и требует, чтобы человек принадлежал ей целиком».

Нельзя никому подражать, ибо «человек, идущий вслед за другим, первым прийти не может».

Многие начинающие композиторы с завистью вычитывают из разных источников, что Байрон писал в одно утро свыше ста стихотворений, а Гендель сочинял оперы за четыре-пять дней.

Когда Вазари, показывая Микеланджело одну из своих картин, сказал, что мало потратил на неё времени, Микеланджело ответил: «Оно и видно».

Кстати, Байрон, возвращаясь вечером из театра, снова садился за бумагу и, работая до рассвета, сокращал эти сто стихов до 20 и менее.

Не нужно бояться одиночества, ибо только в одиночестве душа способна постигать истины.

Учиться нужно всегда. Когда однажды зимой Микеланджело шёл мимо Колизея, ему повстречался кардинал Фарнезе, который, высунувшись из кареты, удивился тому, что Микеланджело идёт пешком по снегу. Он спросил его, куда его несёт нелёгкая по такой погоде, в его преклонные годы. «В школу, – ответил Микеланджело, – чтобы постараться чему-нибудь научиться» (Стендаль, т. 6).

Необязательно вести отшельнический образ жизни. У каждого человека своя генеалогия, которую он должен чувствовать и знать, куда она зовёт его.

Вагнер работал в полном одиночестве, при этом любил ковры и «таинственные» шорохи бархатных портьер.

Бальзак работал только ночью. К курению относился скептически, но зато вино и кофе поглощал в неограниченном количестве. Достоевский же, напротив, курил много. Чехов и Чайковский любили работать утром и вечером, Кафка не мог написать ни слова до тех пор, пока после нескольких бессонных ночей ему не являлись галлюцинации. Так же работали Булгаков и, вероятно, Мусоргский, Чюрлёнис. Вообще, наиболее продуктивная работа – ночная, когда ничего не отвлекает.

Нужно более уверенно относиться к своей молодости. Конечно, сомнения до старости будут точить вас, как и любого талантливого человека (несчастен тот, кто не сомневается в себе), но всегда нужно помнить слова Микеланджело: «Я в детстве знал больше, чем знаю теперь, в старости». Уверенность есть первый залог будущих успехов.

У каждого свой темперамент. Один любит пить вино, другой – водку, третий – коньяк, а четвёртый не откажется от коктейля из этих напитков.

Вольтер пил в день по пятнадцать чашек чёрного кофе, а Лесков и Л. Андреев любили крепкий чай.

Стендаль писал в одном из писем к Бальзаку: «Я признаю лишь одно правило: быть ясным. Если я не ясен, значит, рушится весь созданный мною мир».

Нужно стремиться к ясности. Если бы Регер не перегружал свою гармонию и фактуру, это был бы один из великих композиторов. То же можно отнести и к Мясковскому.

Непосвящённому человеку всегда должно быть ясно то, о чём говорит его собеседник, хотя он может и не понимать многого или быть противоположно настроенным человеком.

Ясность – это форма, а её роль с каждым годом всё увеличивается.

В композиторской молодежи есть какая-то безликость, безмятежность, но ведь музыка – это же звуки! Расщепление их и подчинение своей воле требуют от композитора колоссальной деятельности ума и чувства! Вспомните, что говорил Достоевский Вл. Соловьёву, в то время начинающему писателю: «...так у вас не может продолжаться, вы что-нибудь с собою сделайте... придумайте, решитесь на какой-нибудь внезапный, отчаянный шаг, который бы перевернул всю жизнь вашу. Сделайте так, чтобы кругом вас было всё другое, всё новое, чтобы вам пришлось работать, бороться: тогда и внутри вас всё будет ново, тогда вы познаете радость жизни, будете жить, как следует» (Вл. Соловьёв. Воспоминания о Достоевском).

«Ибо, дорогие мои, и гении начинают как юноши» (Стефан Продев).

В молодости нельзя жалеть себя. Молодой организм пружинист к лишениям и перегрузкам. Чем дальше, тем больше утомляемость, меньше впечатлительность. Полёт фантазии ослабевает с годами, притупляются и черствеют чувства.

В письме к П.А. Плетнёву, за два года до смерти, Гоголь писал: «Не могу понять, что со мною делается. От преклонного ли возраста, действующего в нас вяло и лениво, от изнурительного ли болезненного состояния, от климата ли, производящего его, но я просто не успеваю ничего делать. Время летит так, как ещё никогда не помню. Встаю рано, с утра принимаюсь за перо, никого к себе не впускаю, откладываю на сторону все прочие дела, даже письма к людям близким, – и при всём том так немного из меня выходит строк! Кажется, просидел за работой не больше как час, смотрю на часы – уже время обедать. Некогда даже пройтись и прогуляться» (Москва, 21.1.1850).

Почти то же самое мы найдём у Энгельса: «...Бороться за свободу, – пока мы молоды и полны пламенной силы; кто знает, окажемся ли мы ещё способны на это, когда к нам подкрадётся старость».

О Байроне.

Гоголь в одном из писем писал, что каждый писатель (композитор. – В.З.) означен своеобразным выражением таланта и потому никак нельзя для них вывести общего правила. Одному дан ум бы-

стрый схватывать мгновенно все предметы мира в минуту их представления. Другой может сказать своё слово, только глубоко обдумавши, иначе его слово будет глупее всякого обыкновенного слова, произнесённого самым обыкновенным человеком.

В храме искусства у каждого художника своя келья, своё законное место.

...Вечный, немеркнувший зов музыки Баха.

Современный композитор больше времени проводит за электропроигрывателем и магнитофоном, чем за музыкальным инструментом или наедине с природой.

Эпиграф

Осуществить себя! Суметь продлиться!

Вот цель, что в путь нас гонит неотступно, –

Не оглянуться, не остановиться,

А бытие всё так же недоступно.

Чувство величия должно гореть в сердце каждого человека.

«Transcendere!» – Преступить пределы!

Композитор очень часто – а я сказал бы, так и должно быть, – являет собой одновременно и исполнителя, и литературного деятеля, и учёного (музыковеда, теоретика). Такими были Вагнер, Чайковский, Бах, Хиндемит, Стравинский, Шёнберг, Бетховен отчасти, Римский-Корсаков, Мусоргский, Чюрлёнис.

«...писания многа, но не вся божественна суть» (Нил Сорский).

Когда я был у Шостаковича, меня поразила скромность его домашней обстановки¹⁴.

Смела, 27 января 1972 г.

Сижу в полупустом ресторане, и звучит по хриплому динамике Симфония Чайковского. Шестая! У-уф! Кошунство! А приятно!

Господи! Какой у меня сын! Как он смотрит! Куда-то вглубь себя и одновременно через вас вдаль... Страшный и таинственный взгляд! Замечательно, что он живёт, дышит, и мыслит!.. Быть может, куда лучше, чем все мы и наши предки, убежденные седиными философы.

Взгляд младенца из бытия в небытие... Это жутко!.. Он, вероятно, необозримо умнее меня...

Чёрт возьми! Я почему-то всё время сравниваю себя с Вл. Соловьёвым и Л. Андреевым! Странно...

Русский человек исконно язычник! Показали ему флаг красного цвета, и он тут же уверовал в него – старая песня ближе новой!

Евреев я люблю! Именно их веру! Больше евреев никто не может верить в единого Бога! Ненавижу «жидов» в равной мере, как и антисемитов, шовинистов и славянофилов. Цель человека – братство.

О, молодежь! Уважайте седины и лысины! Снег и пустота являются после лета и осени. А у вас только весна. Ваша зима впереди!

Жизнь! Господи! Что ты делаешь с людьми!

Я, не переставая, думаю о тебе, моя любимая Аринушка! Нет! Ты не похожа на всех этих особ! Ты – исключение. Быть может, за это я люблю тебя! Моя родная...

Музыка – магическое искусство. Композитор – чародей, волшебник, знающий все законы и тайны этого искусства.

Творческий процесс – это естественное состояние человека. В душе каждого человека сидит Бог, именно потому человек стремится к созиданию. Он не удовлетворяется созданным, совершенствует его.

Музыка есть не что иное, как мирозданье со всеми процессами.

Музыка – это лучи бессмертия, высшее состояние души человека.

Лао Цзы говорил, что всё, что шумит, всё, что кричит, – это явления, отпавшие от порядка и гармонии, а всё, что поёт и танцует, – созвучно мировой основе. Музыкальное искусство – та же математика и физика.

Музыка может изображать все явления мира, но должна ли она делать это? От рождения и до смерти она сопровождает человека. Она является его другом и врагом одновременно.

Бракосочетание, войны, религия...

Иванов Вячеслав Иванович (1866–1950) с 1924 г. эмигрировал в Рим, где перешёл в католическую веру и занимал высокие должности в Ватикане.

Музыка – не искусство. Музыка – это высшая форма духовной деятельности человека, искусство занимает скромное место в ряду (...).

В музыке как бы переплелись все виды науки и искусств. От математики до физики, от психологии до философии, от литературы до искусств.

Сущностью музыки являются не звуки сами по себе, а взаимоотношения между ними.

Первичной основой музыки является эмоциональное восприятие, которое можно сравнить с восприятием солнечного утра, звёздного неба, лунного света, тёплого ветра, синеющих вдали гор, шум реки и т.п. Ибо при этом человек ни о чём не думает. Разве может быть социальное небо или звёзды «коммунистического завтра» или «капиталистического прошлого»?

Человек, увидевший звезду, не воскликнет: «Ах, как прекрасно!» Только потом с запозданием его сознание отметит первичное ощущение вторичным – осознанным мышлением.

Музыка не несёт в себе мыслей – она продукт ощущений и чисто эмоциональное восприятие окружающего мира.

Между звуками существует органически единственная связь, так что появление случайного звука создаёт дисгармонию, несоответствие и фальшь. Здесь кроется таинственный закон тяготения, где каждый звук – словно частица вещества или текста, системы, галактики, согласно с всемирным законом тяготения не может быть выброшен или переставлен в другое место. Вся цепь распадётся, звуки сойдут с орбит, мир погибнет в хаосе.

Музыкальное искусство наделено теми же законами, что и высшая математика, т.е. формальной логикой взаимодействия.

Человек как высшее существо – это как бы живая микромодель мироздания со всеми биологическими и физическими процессами.

Что такое личные переживания? Это итог реакции взаимодействующих ощущений внутренней секреции человеческого организма.

Тот композитор оказывается великим, чувства и мысли которого идентичны большинству окружающих его людей.

Такие проблемы, как жизнь и смерть, любовь и ненависть, – проблемы вечные, проблемы человечества всех времён.

Музыка есть самостоятельная система организации, и любое при-
несение в неё элементов из науки или искусства только вредит ей.

Человеческий голос – высшая форма передачи звуковой орга-
низации.

Музыкальное мышление как таковое не существует – это со-
вершенно не то мышление, что мы привыкли называть человече-
ским, ибо музыка, как говорилось уже, есть эмоциональное, которое
отвергает мышление вообще. В этом смысле музыка отличается от
всех видов искусства, литературы, науки и философии.

Существует мнение, что звук не имеет отношения к простран-
ству. Ошибочное мнение. Любой звук сам по себе имеет отношение
к пространству, т.к. его объективное существование проистекает
в ограниченном радиусе действия, который зависит от силы и каче-
ства звука.

Напротив, звуки не имеют никакого отношения ко времени,
хотя и любят говорить, что музыка – искусство временное.

Музыка не звучит во времени, она живёт в пространстве ровно
столько, сколько положено ей жить.

Время определяет человеческое сознание. За пределами этого
сознания нет времени.

Человеческая жизнь – тоже музыка, которая звучит ровно столь-
ко, сколько ей положено, равно как и жизни птиц, животных, фауны
и флоры, жизни планет, систем, галактик.

...тезис + антитезис = синтез (Гегель)...

Музыка – «это искусство» вне времени и пространства.

Композитор, сочиняя, бессознательно занимается математикой.
Бессознательно в такой же мере, как и при впечатлении от звезды –
эмоционально.

Математика – наиболее разумная из наук. Она отвергает случай-
ности.

Любая гамма (исключая хроматическую) составляет 7 звуков
(ровно столько, сколько планет в нашей системе!).

Нужно помнить, что кварта, квинта и октава – интервалы арха-
ичные. Психологии современного человека (и будущего) отвечает
третон, малая секунда и большая септима, малая нона.

Как бы воинствующе настроенные теоретики ни устанавливали единые системы и ни сводили все множители к одному, всё равно любая живая мысль и дальше будет разрушать эту стену (преграду), построенную на ходулях их (...). Теоретик хочет подстричь всех под горшок.

В полифонии нет диссонансов. Есть случайные и проходящие сочетания.

Кантус фирмус – устойчивый (главный) голос.

Дискантус – неустойчивый (второстепенный) голос.

Гетерофония – совместное пение.

Можно научиться технике композиции, но композитору, которому нечего сказать, – не композитор.

Он должен уметь передать то сопереживание, которое рвётся из него. В этом и заключается талант и гений; всё остальное – технология, момент, который также имеет огромное значение для наибольшего эффекта передачи, что в нём есть.

Композитор должен быть художником, который воспаляется от малейшего порыва, который страдает не потому, что ему плохо, а потому, что кому-то плохо, и если его переполняет радость, то только потому, что его ближний счастлив.

Когда наблюдаешь за жизнью людей, то создаётся такое ощущение, что земля населена каторжниками, отбывающими какое-то наказание. Словно Земля – планета для прокажённых. А где-то действительно по-настоящему живут люди.

«Если я увидел больше других, то только потому, что стоял на плечах гигантов» (И. Ньютон).

Людей разделяет пропасть, имя которой – эгоизм (В.З.).

Не хочу сказать, что я нашёл что-то шедевральное. Как Вагнер говорил, каждый сочиняет лучше или хуже, нежели может.

Самосовершенствоваться – это значит изо дня в день воспитывать свои чувства, контролировать свои таинственные порывы, направлять их в русло достойного поведения, которое течёт в океан ваших идеалов.

Не мельчаться в буднях. Смотреть на действительность как на преходящее явление, которое завтра будет другим. Наблюдайте за

людьми, изучайте их психику по лицам, вы лучше узнаете себя и свои слабости; чем больше вы будете знать о людях, тем легче вам будет бороться с личными слабостями-соблазнами.

Наша жизнь – словно бесконечная модуляция. Она модулирует из одного настроения в другое.

Важно всегда чувствовать в себе исключительность, неповторимость, чувствовать именно то, что без вас люди будут жить иначе.

Устремив взор вдоль веков, убеждаешься лишний раз, как мы мало знаем о наших предшественниках, как плохо относимся к своим современникам.

Интеллигент в наши дни занимает такое же положение, как и в XII веке, как и раньше, как и во времена Андрея Рублёва.

Люди все чудесные. Одни чуть лучше, другие чуть хуже. Иные, словно заблудшие дети, скитаются по земле, творя добро или зло – эти из одарённых.

Стремление к идеалу есть высшее творческое состояние. Чем отдалённое идеал, тем труднее воплощение. Истинный художник никогда не имеет какого-то стандартного идеала. Его идеал всегда иррационален.

Люди во все века не понимают тех, кто любил их. Толпа, как таковая, всегда распинала этих исключительных личностей и торжествовала, если эти личности были жертвой их предательства.

Сознание вашей исключительности поможет вам оценить себя, свои творческие потенции. Вы станете, хотите этого или нет, служить не себе, а людям.

Я всегда избегал много знать. Хорошо это или плохо – оценят будущие поколения, но «малознание» помогало мне хорошо мыслить. Как правило, я никогда не изменял своим убеждениям. Они всегда исходили из моего существа. Ему я отказать не мог, не мог и изменить. Я всегда верил в то, что делаю, ибо это из моего существа, а оно мало отличается от остальных людей. Если мне это близко, значит, оно будет близко и для остальных.

Ощущение людей не должно быть по стандарту: ваших знакомых или современников. Люди жили и до нас, будут жить и после

нас. Нужно иметь в виду просто людей, будь то современники Энгельса или современники будущих веков.

Лично для меня современники – это «тени забытых предков». Я вижу в них как Наташу Ростову, так и Нефертити, как Герострата, так и Гитлера. Словом, много гнилья и в наши дни.

Жизнь для человека – это восход и закат солнца. Для одних может быть солнечный ясный день, для других мрачный, для иных сумрачный и дождливый. Но самое страшное для человека, если его жизнь – беспросветная ночь.

Как бутылка вина осушается не с одного глотка, так и радость жизни приходит не с первого усилия.

Люди в своей массе не могут сдерживать своих инстинктов.

Учитесь властвовать собой, в этом наше будущее.

О, человек! Стисни зубы и жди своего счастья. Не разменивайся на монету, которую считаешь мелкой для себя.

Уважай себя. Только тогда научишься уважать других. Люби восход солнца! Люби ночное звёздное небо! Омывай чище руки, лицо и тело. Люби чистый холодный воздух.

Чувство одиночества есть осознанное чувство своей исключительности.

Будьте одиноки, но не отделяйтесь от людей. Ибо вы, как человек, погибнете. Осознанное чувство своей необходимости людям – единственная опора в этом мире.

Не осуждайте никого, кто не дошёл до конца.

Какое прекрасное женское лицо! Мягкое, обаятельное, кроткое и влекущее...¹⁴

Вл. Золотарёв – В. Большанину

Москва, 8 февраля 1972 г.

(...) Живу один в общежитии. Работал много, но вот уже дней восемь хандрю.

У меня всегда так. Как напишу что-то, а потом депрессия. Перед этим сочинил два opus'a для камерного оркестра (Корнееву) за шесть дней (вернее суток), «Диптих» и «Триптих».

И тут же закончил за несколько суток большую Третью сонату для баяна (Ф. Липсу), в которой две части скомпонованы в додекафонной манере (1 и 3), а две (2 и 4) – в традиционной. Первое исполнение этой вещи будет, вероятно, в апреле.

Тогда же будет исполнение концерта, который исполнит Митченко в зале Чайковского.

Заканчиваю Концерт № 2 Беляеву, с которым у меня дружеские отношения (но который как человек – порядочная сволочь) (...)⁹.

Вл. Золотарёв – В. Большанину

Москва, 22 февраля 1972 г.

(...) Две недели не мог поднять ручку, чтобы закончить письмо. Захандрил я крепко, прямо-таки по-русски. Не чета тебе. Пить не пил, потому что не на что, но если кто угощал – не отказывался.

(...) Я очень плохо живу со своей любимой женой. Три дня вместе, неделю – врозь, как говорится. Измотался я страшно.

Ты бы не узнал меня... Крепко потрепали меня бури плотские. (...)

Сборник мой подписан к печати. Сволочи! Наконец-то решились. Вошли: Партига, Соната № 2, Камерная сюита.

Появится, вероятно, в середине или конце 1973 г. (...)⁹

Москва (Зеленоградская, 23, к. 5, кв. 474), 23 февраля 1972 г.

Как бы то ни было, но в этом году мне нужно закончить Второй концерт для Фридриха и Третий концерт для Беляева. На очереди незаконченная оратория на тексты Гмырёва, опера «Мартин Иден» и балет «Овод» на либретто Серёжи¹⁰.

25 февраля 1972 г.

Он любил работать ночами. Когда все близкие засыпали, для него начиналась вторая жизнь, жизнь, полная образов и наитий. Труд был для него высшим наслаждением, и его часто поражало то, что даже близкие не понимают его безудержной страсти! В самые неподходящие моменты жена требовала освободить комнату для мытья полов или для занятий старшего сына на фортепиано. Эта

женщина не только не понимала и не ценила его талант, но насмеялась над ним, оскорбляя его «сутенёром», «негодяем» и «уголовником» – это только потому, что он не имел возможности в течение нескольких месяцев обеспечивать семью в целом не принадлежащую ему. Враждебность по отношению к этому замечательному русскому художнику была методичной и каждодневной.

Удивительно! Как он, человек могучей воли, мог терпеть из года в год эту жуткую атмосферу? Ему рвали рукописи, одежду, выбрасывали вещи на улицу. А он улыбался и всё прощал! Когда же несносная жизнь загоняла его в тупик, он пил с горя! И это наш (...)! Как метко он, впоследствии разойдясь с женой, выразил мысль в одном из своих высказываний: «Сапоги в базарной лавке мы выбираем более осмотрительно, чем подругу жизни»¹⁰.

Вл. Золотарёв – С. Чуянову

Москва, 27 февраля 1972 г.

Дорогой Сергей!

Только вчера получил твоё письмо. Сегодня позвонил Зое. Она уезжает в 21:35. Боюсь опоздать на встречу, о которой договорились, на вокзале.

Хочу передать эту записку с ней. Вышла пластинка Митченко, на которой записаны Партита и Детская сюита.

У меня пока одна пластинка, как получу авторские, так я вышлю тебе или передам. Кстати, дней 25 назад я написал тебе большое письмо. Странно, что ты не получил его...

В общем, приезжай! Поговорим. Кое-что хочу показать тебе.

Черкни мне на К-9 о дне выезда. Я встречу тебя. Обнимаю тебя,
Вл. Золотарёв¹³.

Вл. Золотарёв – В. Большанину

Москва, 29 февраля 1972 г.

Дорогой граф! Дружочек!

Переведи мне, чёрт бы тебя подрал, рублей 10. С голоду помираю, а ты там водку хлещешь.

Черкни мне насчёт работы. Мне здесь опротивело всё донельзя!

Хочу поработать на любимом Севере, да написать наконец «Мартина», «Дионисия» и «Овода». Это, брат, не куль пшена, а 250 тыс[яч] руб[лей] новенькими. Во как!

Словом, не обижайся на меня за нахальство! Не будет 10 руб., вышли 5, 3, 2 рубля. А не будет рубля, напиши хоть письмо, чёрт ленивый! Крепко обнимаю тебя. Твой Влад.

Вл. Золотарёв – В. Большанину

Москва, 11 марта 1972 г.

(...) Ты не поверишь, но все последние месяцы рвусь на Север. Именно благодаря этому стремлению ушёл из консерватории – этого архаичного заведения, где я почувствовал (и вовремя), что ещё немного и разучусь писать!

Обстановка ужасная! Косность, твёрдолобость, плюс снобизм и повсеместная бездарность! Только внешний лоск, а посмотришь, всюду – фальшь.

Не хочу быть хвастливым, но, чувствуя, как все тянутся ко мне, слушают каждое моё слово, учась на моей музыке, говоря обо мне крайне лестно или же завистливо ревнуя, я окончательно понял ненужность моего нахождения в этом заведении.

Видит Бог, но для бумажки и ради лёгкости карьеры я не могу продолжать учение, ничему не научась. Я так далеко ушёл от этого, что, иронически созерцая своё ученичество, думаю порой: «Золотарёв! Куда ты попал? Зачем? Беги, пока не поздно, из этого сверкающего инкубатора! Беги и не оглядывайся! К жизни! К природе!»

Пока я сделал первый шаг – подал заявление об уходе. Кафедра обалдела!

Со времени Стравинского – это был первый урон и знак тому, что композиторское отделение в Москве (да и не только в Москве) деградировало. Заявление пришлось писать вторично, ибо на первое был категорический отказ Свешникова, Лемана (зав[едующего] каф[едрой]), Хренникова (моего шефа).

Слава богу, просьбу мою удовлетворили. Осталось выбрать место для работы (...)⁹.

Вл. Золотарёв – В. Большанину

Москва, 16 марта 1972 г.

(...) Я склонен работать... если... я буду иметь минимальный заработок на пропитание (100–120 р.) и писать две оперы, балет, ораторию, симфонию и два концерта для баяна с орк[естром]. На всё это я рассчитываю истратить не более двух-трёх лет.

Потом я еду опять в Москву и «пробиваю» эти вещи. Если не в Москве, то у меня есть приятели – дирижёры и постановщики в Ленинграде, Горьком, Свердловске и Новосибирске, где опера и балет процветают, а также имеются приличные оркестры.

Но мне необходимо иметь личную конуру (я согласен жить даже в школе – это, кстати, лучший вариант, т.к. я работаю в основном ночью) (...)⁹.

Вл. Золотарёв – А. Нагаеву

Москва, 20 марта 1972 г.

(...) Писать музыку без тактовых черт – это не новость. Этой эпидемией переболело много значительных композиторов и таких, как я. Главное в музыке не современный язык и тактовые черты, а символы звуковых образов, которые несут какую-то большую мысль, а оформить эту мысль необходимо так, как подсказывает она создателю свой облик... Больше слушай музыки!.. Творчество – это подвижничество. Тот же аскетизм, монашество. Нужно уметь от многого отказаться (...)¹¹.

Н. Лесной – Вл. Золотарёву

Магадан, 2 апреля 1972 г.

Здравствуй, дорогой Слава.

Получил твоё письмо, страшно огорчен твоим известием, это – безумие, если ты бросишь учиться, ты ведь подумай, сколько ты мечтал об этом, ведь поступил, надо учиться. Это только враги, завистники могут тебе посоветовать бросить учиться. Ты ведь первый за всё существование консерватории баянист, кот[орый] учится во всемирно известной консерватории, пойми, какой бы ты ни был талант, без знаний, без учёбы ты всегда будешь дилетант, помни, Пётр Ильич учил-

ся, хотя был выше своих учителей. Ну, хотя бы два-три года проучись, ведь учишься у замечательного композитора. Если у тебя финансовые затруднения, давай я буду высылать тебе ежемесячные субсидии, откажусь от отдыхов и отпусков, ведь нужен ты баянистам, все мы ждём от тебя многое, но при условии твоей учёбы. Помни, своей учёбой ты прославляешь наше замечательное училище. Очень советую и умоляю, учись, закончи 1-й курс, ты устал, наверное, потом отдохнешь летом, и опять учись, скоро буду в Москве, приду к тебе. Учись, пожалуйста. Твой Лесной¹⁰.

Москва, май 1972 г.

* * *

Глаза твои – звёзды...

...Вечность разделяет нас...

растворится плоть моя...

а Любовь всё будет мчаться...

Ты поймаешь её и поразишься...

и захочешь узнать,

кто же послал Её...

а Я в то время буду далеко...

На чужой незнакомой Планете...

камнем могильным грустить у причала...

и провожать корабли в Мирозданье...

всхлипывать музыкой тихой...

И слушать...

шёпот Забвения...

одичало...³

Вл. Золотарёв – В. Большанину

Москва, 2 мая 1972 г.

(...) Я долго странствовал по стране своей души. Много я встретил такого, что поразило мой разум и ввергло его в глубокую и неразрешимую загадку.

Каждый день лепестки души моей закрывались, но каждая ночь вновь расправляла их и питала божественным ароматом амброзий.

Дуновение ветерка освежало душу, и она, измученная, излучала прекрасные чувства, переданные ей из глубины вселенной. Бог входил в неё в эти мгновенья и сочетался с ней, оплодотворяя её духовную плоть. Душа моя всегда была открыта простым и добрым людям.

Я говорил с ними. Они угощали меня вином. Я тоже угощал их, если у меня были деньги.

Мы бродили ночами по сияющим улицам русских городов и молча беседовали... Много было таких встреч, но чаще я оставался один и беседовал со своей душой. Я хотел понять её, вникнуть в её сокровенность, но она редко откровенничала со мной. Я никогда не видел её присутствие. За последние два года душа часто признавалась мне, что Бог редко приходит к ней, что она устала его ждать! Мне очень хочется помочь ей, но я сам измучен и бессилён.

Дьявол смутил мои мысли и разум, часто мутный, как вешняя вода.

А когда-то наедине с ней я подолгу беседовал и объяснялся в любви.

Журчал ручей, стучал дятел в соседнем лесу. Горы отливали далёким закатом, а я лежал на спине на прошлогодней траве и слушал голос своей души.

По ярко-синему небу плыли облака. Их белизна прекрасно передавала образ мыслей души моей.

Изредка кукушка сообщала что-то тишине. И больше ничего...

Только голос души моей, как музыка, звучал во мне. Я слушал этот голос и со слезами, струящимися по лицу, вспоминал детство и юность... (...)»

Смела – Каменка, 6 мая 1972 г.

* * *

Куда меня ведёт подруга –
Моя судьба, моя судьба?
Бредём, теряя кромку круга
И спотыкаясь о гроба.
Не видно месяца над нами,
В сугробах вязнут костыли,

И души белыми глазами
Глядят вослед поверх земли.
Ты помнишь ли, скажи, старуха,
Как проходили мы с тобой
Под этой каменной стеной
Зимой студёной, в час ночной,
Давным-давно, и так не глухо,
Вполголоса и в четверть слуха
Гудело эхо за спиной?

Смела, 16 мая 1972 г.

О, звук! Продлись! Будь музыкой моей...

Смела, 17 мая 1972 г., 01:00

Написал письмо... Но не отослал.

«Аринushка! Любимая моя! Единственная жена моя!

Днём и ночью думаю о тебе. Плачу и снова думаю, думаю, думаю... И вот что я решил... Пока не достигну желаемого в музыке и не поставлю мир на колени, чтобы с благоговением впитывать звуки музы моей, я не переступлю порога твоего дома, родного и единственного для меня в этом волчьем мире. Если любишь – забудь всю мерзость гнусной страсти, пошлость минутного настроения, всё! Что плохо и гадко! Всё то, что я совершил перед тобой. Я молюсь за твою любовь, а ты молись за мою удачу. Молись, моя жемчужина! Бриллиант мой бесценный!

Ибо путь, на который я стал, – это дорога, ведущая к гибели или триумфу! Два выхода, и последний – это наше счастье! В противном случае – кладбище неудачников пополнится ещё одним могильным камнем. Целуй наших мальчиков. Как я скучаю! Господи! Эти изуверы из министерства и издательства не заплатили мне пока ни гроша! Я понимаю, как необходимы тебе деньги! Грязные деньги, но, увы, без них невозможно обойтись...

Никогда так ещё я не страдал одиночеством. Люби меня, хорошая моя, чудесная, бесконечно красивая... прости меня... прости... V.Z.».

Я не могу разлюбить! И любить никого не могу и не хочу, кроме Аринушки родной...

Но как мы разны! И далеки друг от друга!

«Искусство связано с нравственностью» (Блок)¹⁰.

Лежу на спине. По телу ползают муравьи. Лежу, а сам думаю: «Будут кусать – сброшу, а пока пусть ползают...»

Кричит горлица. Щелкает, а потом запекает трели соловей. Щегол хорошо поёт. Кукует кукушка. Кричат дикие голуби. Шумит ветер. Глубокий овраг. Ельник.

Молодые ёлочки. Густая трава. Аромат от цветов. Овраги обрывистые. Синее небо, подернутое знойными облачками.

Достаю из портфеля мундштук (карельская берёза) – подарок тёщи, вынимаю сигарету и с блаженством прикуриваю от почти невидимого пламени спички.

Ку-ку, ку-ку, ку-ку... тр... чик-чик!

Пи-пи-пи, угу-угу-угу... к!.. к!.. к!..

Лес пищит, угукает, щебечет¹⁴.

Смела, май 1972 г.

Ветер мягко касается моего лица,

Я улыбаюсь от счастья –

Он ведь касался и твоих губ,

Любимая!

Смела, 18 мая 1972 г.

Одинокому всегда тоскливо и жутко. Но такова дорога к истине. Если она дороже тебе всего на свете, иди не сворачивая. Отыскав её в «лабиринте слёз и страха», получишь высочайшее наслаждение, в мириады раз достойнейшее, чем если шёл обычным, человеческим путем.

Бойся людей. Тем более живых друзей – они помешают тебе отыскать истину. Люби и почитай мёртвых – они могучи в добром отношении и надёжны в трудном, отчаянном пути.

Твои несчастья оттого и происходят, что ты непоследователен в своей жизни. Ты не часто вспоминаешь «Memento mori» – предначертанье жизни. Ищи Бога, ибо только в общении с ним испытываешь большие радости. Бог не любит «счастливых», а твоё несчастье позволяет ему беречь твою необузданность от пороков. Не мучай себя понапрасну вопросами обыкновенными, например: «Достоин ли я любви? Позволительно ли мне бросать свою Аринушку, Генриха, Владика? и т.д.».

Счастье в другом! В созерцании самого себя, своего внутреннего мира (ибо он тождествен Вселенной!)¹⁰.

Смела, 20 мая 1972 г.

Тихая ночь... я распахнул окно, люблюсь матовым блеском луны... закурил сигарету.

Моё душевное расположение к Вам всегда подогревается какой-то неизмеримо сильной дозой обожания. Всегда, когда я хочу что-либо написать Вам, меня посещает богиня вдохновения, под чью диктовку я и пишу обычно. Порой я ловил себя на справедливой мысли, что кощунственно мне, композитору, пользоваться столь редкими визитами всегда жданной гостьи, чтобы настроичить под её диктовку письмо вместо музыкальной темы или эпизода, но как-то уже свыкся с мыслью, что слова не менее важные персоны, чем звуки, а потому примите от меня наилучшие поздравления.

Как приятно видеть мне отца,
Воспитавшего значительного сына.

Приобрести:

Бетховен – Симфония № 6

Моцарта – всё, кроме 40, 39, 38

Гайдн – всё, кроме (*Не дописано. – Ред.*)

Брамса – симфонию № 2

Брукнера – всё, кроме № 8

Только ремесленник может совершенствовать своё мастерство. Гений с пелёнок гений, и то, что он творит на протяжении жизни, – всё отмечено печатью гения³.

Смела, 24 мая 1972 г.

* * *

О чём, кукушечка, кукуешь
В тиши предупреденных лесов?
О ком так горько ты тоскуешь,
Пугая старых воробьёв?..

Вл. Золотарёв – Ф. Липсу

Смела, 24 мая 1972 г.

Дорогой Фридрих!

Пишу тебе письмо, а сам думаю: ну, наверное, Фридрих поносит мою «русскую педантичность» на чём свет стоит.

Не писал потому, что надеялся быть в Москве в середине мая, но издательство не заплатило пока положенную мне сумму, хотя эта «весёлая компания» обещала перевести деньги 14–15 мая. Черкнул несколько слов Лондонову. Теперь буду ждать ответа.

Очень скучаю по тебе... здесь чудесный климат. Цветут вишни, абрикосы, яблони уже отцвели. Сирень распространяет свой «одуряющий» аромат. Приезжай с Наташей на несколько дней, если вдруг появится желание. Вы будете самыми желанными гостями. Спать есть где. Свежие овощи, молоко, пиво. Сухое вино. Пляж. Лес. И главное – чистый воздух, которым я, к сожалению, дышу мало (ночью работаю, до обеда сплю, часа два прогуливаюсь и ближе к вечеру снова за стол). Закончил последний акт либретто «Мартина». Первые два ещё в черновиках. Музыка ложится иногда раньше текста, но в основном пишу параллельно с текстом. Не смогу тебе выразить, как я полюбил этот образ! Сколько потратил на него сил, слёз, в каком отчаянии пребывала душа моя. Беляевский концерт подвинулся очень хорошо. Одновременно пишу твой. Если ты так же, как я, будешь в восторге от этой музыки, то я проживу ещё ровно столько, сколько прожил... Ориентируюсь на баршаевский оркестр (помимо струнных, две валторны, труба, тромбон, флейта, гобой, кларнет, фагот и ударные). Было бы чудесно, если бы ты приехал... (по студенческому билету на проезд нужно туда и обратно 20 рублей).

Вот, пожалуй, всё, что я хотел написать тебе. Кстати, к тебе у меня будет маленькая просьба: опустить письмо, которое я посылаю с твоим, на адрес Ирины. Моё сердце разрывается от горя, что ничем не могу пока помочь ей. Люблю её странной любовью... Не могу отделаться от чувства какой-то вины перед ней... цель, только она, проклятая, толкает меня на эту безрадостную жизнь. Прости, что рассентиментальничал. Передавай приветы Саше Толмачёву, Саше Цыганкову, Жоре, Дане, Равилю (если не уехал ещё), Беляеву и, конечно, Наташе.

Обнимаю, твой Владик.

P.S. Совсем забыл! Поле (Вайдман) приветы, также многим, кто знает меня. И ещё... Ирина не знает, что я у родителей. Пусть думает, что я в Москве. Так будет лучше... Я ей сказал, что улетаю на Север, но это ничего. В июне любым образом буду в Москве. Скучаю по Генриху¹².

* * *

Ты – музыка неведомых миров...
источник слёз и наслажденья...
таинственных и странных снов...
Божественное вдохновенье!
Когда умолкнет шум мирской толпы...
погаснут фонари огромных улиц...
ты – страсть моя, рождаешь строфы...
и пламенем горишь... не для тупиц...
стремлюсь к тебе, преград не зная...
тщету земную позабыв...
всей чистой мыслью обнимаю
свет глаз твоих, слезой омыв...
бегут ручьи моих артерий...
стремится ввысь моя душа...
скользящим взмахом скорбный гений...
гребет к тебе, Любимая...

Смела, 30 мая 1972 г.

Завести тетради «композиторские».

Я начинаю учиться заново... Всѐ! Всѐ сначала! Господи! Подари мне ещё десять лет жизни, и я оправдаю свою жизнь на земле... оправдаю свою любовь...¹⁰

Вл. Золотарѐв – С. Чуянову

Смела – Каменка, 3 июня 1972 г.

Дорогой Серѐжа!

Получил только что сразу твоѐ письмо и почтовую открытку. Я поздно спохватился, уехав из Москвы, что вся корреспонденция так и будет лежать на К-9, и только в конце мая отослал им заявление с просьбой переслать письма.

Очень жаль, что мы не встретились с тобой. Меня мучит догадка, что первый раз, когда мы договаривались встретиться, ты звонил домой, но Ирина сказала, что меня нет. Я помню, что числа 14–15–16 апреля она отвечала именно так, хотя я был дома и подойти к телефону не успел. За всеми семейными неурядицами я совершенно упустил из виду, что это мог быть ты. Чѐрт возьми! Ну да ладно... Делать нечего... В Москву выезжаю в понедельник-вторник (т.е. 5–6). Сколько пробуду, не знаю, но не меньше 20 дней – это наверняка. Ты писал мне, что будешь в Москве числа 15 июня. Вот сейчас мы не должны разминуться. Как ты думаешь?

Я чувствую себя скверно. Скучаю по Ирине, Генриху... Владу. Ругаю себя. Ругаю её. Вперемежку со слезами пишу музыку. Рву написанное в клочья. Снова пишу. Читаю Л. Андреева (двухтомник), Т. Манна («Иосиф и его братья»), Гегеля. Собираю материал для Дионисия. Пытался продолжать «Истоки», но не могу – охладел на время.

Словом, что-то во мне крутится подобно смертоносной воронке, и выбраться из неё пока не нахожу сил. Нужна встряска. Которая, быть может, выльется в отъезд на север. Там я всегда работал хорошо. Вдохновение моѐ – там и, вероятно, не любит южных широт. А может, что-либо изменит мою жизнь здесь... а её-то нет... и, может, уже не скоро... если вообще будет...

Я часто смотрю на тебя (помнишь, ты подарил мне маленькую фотокарточку?) и улыбаюсь. Тебе тоже трудно. Я знаю. Всем нам трудно. Потому что мы такие люди... Крепко обнимаю тебя. Жму руку.

Приветы Зое. Твой V.Z.¹³

Смела, 5 июня 1972 г., 02:00

Все эти дни что-то мучит мою душу. Нигде и ни в чём не могу найти покоя.

Читал Гегеля, Пьера Бейля, Л. Андреева («Иуда» и «Дневник сатаны» впервые. Чудесные вещи!).

Прочёл ранее не читанные «Иосиф и его братья» Т. Манна. В четвёртый раз перечитывал «Игра в бисер». По-прежнему пишу конспекты о прочитанном. Музыка пишу ежедневно, но всё не то, что хотелось бы. Какое-то бесплодие... Всё время думаю об Ирине... Вероятно, в ней, вернее в мыслях о ней, причины моего душевного расстройства. Получил сегодня телеграмму с вызовом на переговоры. Думаю, что это она... всю ночь не смогу работать. Уже третий час... кругом тишина... Часы отстукивают страшный смысл жизни. Лучше бы я не знал этих Гегелей, Аристотелей, Кантов... Так трудно жить! Никаких радостей я не испытываю. Всё серо, убого, скорбно... Не с кем! Вот где трагедия! Не с кем жить той жизнью, что диктует мне о фантастической, ирреальной жизни! Что... а что это что?.. Конечно, всё просто здесь... просто я понемногу лишаюсь здравого смысла... я просто лишаюсь рассудка... Как там мои мальчики? ...Геррик мой любимый! Генрих Владиславович... Владюшонок хороший...

Сыновья мои любимые! Боже, как я скучаю по вам! И по вашей маме... она у вас чудесная... любите её...

Москва (дома), 8 июня 1972 г.

Приехал шестого днём. Сразу же домой, домой, домой! Всё чудесно! Фантастично! И на душе – полная совершенная каденция! С Аринушкой пообедали в «Национале».

Москва, 10 июня 1972 г.

Чем выше нравственность личности, тем труднее этому человеку сблизиться с людьми.

Любовь между мужчиной и женщиной есть не что иное, как наиболее возможное стечение обстоятельств.

Привязанность мужчины к женщине и наоборот есть не что иное, как элементарная проституция. Проституция есть преступление против любви. В любви не может быть привязанностей.

В ночь на 27 июня 1972 г.*

Симф[оническая] поэма Сибелиуса «Финляндия»

Двенадцатый час ночи... Я вспоминаю... Вспоминаю нашу любовь... Надежду нашу... Первозданность и красоту мыслей... Кто прав? Кто виноват? В том, что завтра один из нас наденет петлю на шею, а другой выбьет из-под ног пустую бочку, некогда наполненную прекрасным вином, придающему жизни розовый оттенок весёлости, счастья и вдохновения. В моём распоряжении одна ночь. Восемь часов, 480 минут... 29 280 секунд... Мало... страшно мало. Мысли путаются, как леска на удилице, когда рыбак спешит и суетится. Мне спешить нужно, но суетиться нельзя.

Итак... Зима 1969 года. Бухта Провидения. Первая встреча на лестнице. Первое приветствие... Равнодушное... но сколько судьбы притаилось в этом равнодушии. Сколько счастья, боли, страданья!

«Любовная сюита» Сибелиуса

Сколько раз потом я прислушивался рано утром к скрипящему снегу на этой лестнице и с бьющимся сердцем чего-то ждал...

Первое моё знакомство было в отделе культуры с Соколовым Виктором (нач[альником]) и Зубко Ю.В., Сашей (баянистом), кот[орый] в первый же вечер повёл меня в чью-то квартиру пить водку и закусывать солеными огурцами. На следующий день я разыскивал редакцию «Полярника», чтобы передать письмо С. Доро-

---

* Данный материал, известный как «Memento mori (лат. Помни о смерти)», занимает 14 страниц школьной (ученической) тетради, снабжен эпитафией: «Моей Аринушке... На память о великом мгновенье и о жестокой пустоте...» – В.Б.

хову от Мики Эдидовича. Первым человеком в ред[акции], с кем я повстречался, была Елена Либерман. Она показала мне дом Стаса, в квартире кот[орого] я был спустя неск[олько] минут. Открыл дверь человек невысокого роста, но крепкого сложения, с приятным лицом и густой темноватой бородой.

Кажется, с этого дня мы с ним и подружились. Пришла его жена, Ольга. Потом мы пили водку и много говорили о литературе. Я играл ему свои пьесы на ф[ортепиано], а он читал мне стихи. Что же было потом? Потом меня одолели новые знакомые...

Славка Кузьмин, вечно подвыпивший Томилин с брюшком, добродушный и дурачливый... Юрий Новиков, историк (из школы), шизофреник, но немножко любящий музыку, которого я обижал и жалел больше всех. Ближе к весне появился Игорь Сосков, с кот[орым] мы настолько сблизились, что не могли быть друг без друга ни одного дня. Хороший человек, мечущийся в тайнах своей души, вечно неудовлетворенный собой и другими, он сильно повлиял на меня своей недюжинной силой острого ума и тонкого вкуса. Музыка он также любил, испытывая при общении с ней глубокое настроение, доходящее чаще всего до слёз. Пили мы часто и много. Ночи напролёт спорили и ссорились, но к утру мирились на чём-то родственном нам обоим и шли гулять, слушая пение пуночек, чукотских соловьёв.

Однажды в ресторане (единственном и потому приятном) мы познакомились с двумя особами – Лорой и Аленой Тишанской...

Концерт для виолончели с оркестром Дворжака...

Был конец марта – начало апреля, и мы часто собирались вместе у меня в комнате. Расходились под утро, слушая подснежные ручьи. В это время я писал Поэму для альты с орк[естром] «Мартин Иден», вёл дневник и не успевал покупать конверты для писем Наташке. Работа в муз[ыкальной] и общеобр[азовательной] школах утомляла, но ночная работа над музыкой снова возвращала силы. Это было время общения с богом ночи, наполненное вдохновением и чистотой тела и духа. Гармонию я ощущал в себе как никогда. Силы душевные и физические требовали освобождения, и рва-

лись цепи, сдерживающие их. Ты по-прежнему ходила на работу, и я часто встречал тебя в коридоре школы, на улицах, в магазинах, в столовой. Ты жила своей жизнью, неведомой мне, впрочем, я и не интересовался тобой. Иногда к тебе приходил твой муж, кот[орый] сразу мне не понравился до антипатии. Кто мог тогда знать, что ты станешь моей женой, с которой я проживу такую счастливую, такую горькую и отвратительную жизнь. Жизнь, которая доведёт меня до страшнейших поступков, чуждых моей природе. До самоубийства (которое не удалось), до безумия, до взломов дверей, до слёз и истерик. До клятвопреступлений, до подлости, лжи, лицемерия, мстительности, мешанства, ненависти...

Но пока шёл 1969 год, весна расправляла свои крылья, и я был полон чистых помыслов и надежд. Летом я уехал в Магадан. Последний раз виделся с Наташей... Тогда я не знал, что это последний... Лето было на редкость плодотворным. Закончил Поэму для альта. Написал две части симфонии в партитуре, около десяти песен и романсов, пьесы для ф[ортепиано] и баяна.

Всё шло как будто бы прекрасно. Мне пророчили великое будущее. Я был одинок, независим, свободен и счастлив. 15 августа я шёл с чемоданом к своей комнате, кот[орая] была уже не моей. Пришлось поселиться в собственном классе в школе, чему, впрочем, я был очень рад. Помню, как обрадовался, увидев тебя. С каким вниманием отнёсся к тебе... заметил твоё равнодушие ко мне... и что-то в сердце заныло у меня с той поры. Кажется, 24 августа ты находилась в своём классе и гладила классные шторы, я мыл и вытирал мебель. Принёс тебе томик стихов Фрёдинга, и ты с восхищением отозвалась о нём. Ах, Ирина, Ирина! Не надо нам было встречаться! Эта встреча если не погубила нас, то, по крайней мере, надломила наши души.

Соната № 1 для виолончели Брамса...

Кто прав? Кто виноват? Я не могу ответить на эти печальные вопросы. Вопросы, полные боли...

13 сентября ты подарила мне морскую раковину, наполненную американскими сигаретами «Pall Mall». Вместе мы распили буты-

лочку вина под звуки музыки Стравинского из балета «Поцелуй феи»... Вероятно, с этого времени идёт история моей любви к тебе...

Портрет Наташки, писанный моей рукой, уже перестал быть моей реальной пищей. Он стал формальным предметом к ансамблю моего класса, в кот[ором] на стенах были расклеены [портреты] Дост[оевского] и Бетхов[ена], Чайк[овского] и Дж. Стейнбека, Кафки и Мясковского, Малера и Мусоргского, Шостаковича и Баха, древнерусская иконопись... где только можно, стояли десятки свечей... Единственное окно, в кот[орое] я подолгу смотрел в предутренних сумерках, ожидая тебя, чтобы помахать рукой и улыбнуться после одухотворенной бессонной ночи. Я работал над ораторией «Песни заключенного» на сл[ова] Гмырёва, Конц[ертом] для баяна № 2, Квартетом и многим другим.

Незабываемый день, когда я впервые несмело прикоснулся к тебе, обнял за плечи, и ты прижалась ко мне... а затем первый поцелуй, долгий, как вечность, и горький своим страшным предзнаменованием... Всё чаще и чаще мы встречались то в моём, то в твоём классе. Обнимались и говорили друг другу приятные слова... Я ревновал тебя к твоему мужу... к которому ты уходила и дарила то, что мне боялась подарить... Но вот и желанный миг... ты в моём классе... свет потушен... мы лежим на полу, и я раздеваю тебя... Господи, как тряслись мои руки! Какой стыд я испытывал... Но полного счастья не получилось... Ты иронически смотрела на меня в темноте и не спеша стала одеваться. Был третий час ночи, когда я собственнолично (!) провожал тебя домой! Какая святая наивность! Но сколько жгучей боли, что ты уходишь к нему, а не осталась со мной! С этого времени к моей любви примешалось чувство оскорбленной чьей-то злой волей моей великой любви.

Соната № 2 для виолончели и ф[ортепиано] Брамса

Странно, но после этой ночи я вновь вспомнил Наташку. В мою душу вкралось злое чувство недоверия в величие твоей любви ко мне. Я, словно пловец, увлекаемый манящим течением, почувствовал опасность и что было сил рванулся к спасительному берегу... Но было поздно. Какая-то неведомая сила увлекла меня и потащила, потащила неведомо куда по течению...

Это шёл 1970 год. Кажется, шестое или седьмое января. Безумие любви полностью овладело мной. И я написал тебе два письма, решивших наши судьбы на будущие годы... 22 января... Ты моя и со мной! Как ты была прекрасна! Ведь помню всё до мелочей! Как мы жили с тобой больше недели в муз[ыкальной] школе. Лунная ночь... Еле доносящийся шум в порту... Я курю лежа, а ты лежишь рядом, прижавшись ко мне, и шепчешь, шепчешь чудесное, понятное и незабываемое... А потом... немножко смешное. Как мы стеснялись друг друга, стирая своё бельё в отдельности... как ты носила мою чёрную рубашку, в кот[орой] ты была прекрасна! Как мы забыли всё это, Ирина?! Забыли, как гордо и свободно ходили везде только вместе! Как обедали в столовой! Как ты совершала обряд с прической, а я ждал тебя в парикмахерской! Как мы бродили с тобой поздно вечером у горящих костров и бросали в огонь поленья на счастье! Как шептались и плакали в моём классе в отчаянии перед преградами! Как мчались в аэропорт на военном газике и, опоздав на пассажирский самолёт, летели, обледененные, в грузовом самолёте! Как ты была в гостинице, а я на вокзале не переставая думал о тебе! А затем на «Снежке». Постель. Белоснежные простыни. И мы совершенно обнажённые... Это было истинное счастье! А как я мылил твою голову в ванной и ты нежно улыбалась мне! Разве можно это забыть?! Вычеркнуть из памяти?!

А наш люксовский номер в Доме отдыха? Мы одни! Лыжи! Снег! Голубое небо! Мы постоянно вместе! Я не перестаю работать, когда ты спишь. Горит настольная лампа, звучит музыка, я курю, а ты мирно и беззаботно спишь в кровати, имя которой – наш единственный дом на земле?! Разве можно забыть всё это? Но величие нашей любви давно уже надломлено... я просто пытаюсь забыть, но ты настойчиво не даёшь мне этого. Первая наша ночь в бухте Провидения – страшный удар физический. Наш разговор на «Снежке», в котором ты бездушно сообщила мне поразительную вещь: якобы мне нужна московская прописка, и я только поэтому женился на тебе.

Этот удар был пострашнее первого, ибо он происходил из души. Трещина увеличилась между нами...

П.И. Чайковский. Струнный секстет

Но что значит трещина для увлечённого человека-альпиниста, кот[орый] одержим одной ясной мыслью – достичь вершины и насладиться увиденным с точки, на которую до него не ступала ни одна человеческая нога! Так и мы... любили друг друга и пропускали мимо камушки, кот[орые] увлекали за собой маленькие лавинки-ссоры.

Да! Мы любили! Любили так, как редко кому выпадает такое счастье! Я говорю, любили... Нет... любила. А я люблю, люблю, люблю...

Так же величественно и бездумно, но я вишу на верёвке, кот[орая] удерживает меня над пропастью... Трещина разошлась, и крюк, за который прикреплена верёвка, вылетел, но ты подхватила его и держишь меня... Моя судьба в твоих руках... И ты, конечно, отпустишь, выпустишь её из рук... Ну что же, так надо. Кому-то надо погибнуть, чтобы другой постиг утрату и вновь обрёл истину и смысл жизни. Я должен погибнуть, потому что моя жизнь в нашей жизни то семя, которому суждено умереть, чтобы взошли побеги будущих (...).

...всю правду, какой бы горькой она ни была. Мне нелегко защитить свою душу. Слишком много плохого я совершил по глупости своего скверного характера. Но Бог свидетель, пишущий моей рукой, что я по-прежнему чист и одухотворен в главном и целомудренном своём чувстве к тебе, моя дорогая жена, моя чудесная подруга... Я так же люблю тебя, как и в те зимние месяцы в бухте Провидения, так же хочу тебе счастья! Бумага – мой алтарь, где я исповедуюсь. На бумаге я (...)¹⁰.

Черкассы, июль 1972 г.

* * *

Обрывки слов...

воспоминаний...

Как пуст язык и косна мысль!

Вся истина лишь в прикосаньях...

где вечно всё!..

и даже крик!..

Сползающий на шёпот тихий...

Весь мир!
Бессмертен...
и
Велик...

* * *

Когда хлещет дождь
и ветер срывает листья с деревьев,
когда шум воды заглушает всё остальное,
я тогда зажигаю свечи...
беру ручку, бумагу и
начинаю писать...
приятно слушать
Божественные откровения³.

Вл. Золотарёв – С. Чуянову

Смела, 12 июля 1972 г.

Серёжа! Милый!

Канули в вечность спокойные времена, когда можно было вовремя ответить на письма и с честью следовать своим обещаниям. Настоящая жизнь так треплет, что планы, надежды и поступки меняются, как ночь на день и день на ночь. Я получил твою открытку из Паланги, а также письмо из Горького. Со Звягиной, к сожалению, не мог встретиться. Ирина устроила сцену ревности. Пришлось отказаться от личной встречи, хотя по телефону я обещал придти, надеясь на благородство своей жены.

Сейчас мы у моих родителей. Не прошло и трёх дней, как произошёл крупный скандал по поводу разделения труда. Ночью я работаю сам. Утром обязан спать, но моя супруга считает, что сон – слишком роскошное занятие для моей души и брэнного тела. Ей нужно греть на солнце живот и наслаждаться полудремотой... Генриха я должен кормить, гулять с ним и забавляться его капризами.

Чем дальше, тем более я испытываю отвращение к семейной жизни. Я не создан для неё, чёрт возьми!

О Господи! Благослови меня на путь одинокого странника.

Пусть этот путь суров, но он – мой, вероятно.

Меня заинтересовали твои мысли насчёт постановки балета в Вильнюсе (или Риге?). Подумать стоит.

Июль, наверное, пробуду здесь.

Юг. Как я ненавижу эту пошлую атмосферу. Не зря всевозможные твари размножаются в жаре и зловонии.

Мечтаю о Севере!

Там мои мысли и надежды на осуществление замыслов.

Пиши: г. Смела, Черкасской обл., ул. Свердлова, 134, кв. 72¹³.

Смела, 26 июля 1972 г.

Я требую абсолютной свободы для мира художников. Поэтому я хочу, чтобы за индивидуальностью худ[ожника] было признано безграничное право. Искусство – это самовыражение (Такамура Котаро).

...не бахвалиться успехами, не злословить... быть скромным – вновь и вновь обращаться к природе.

...я не связан какой-либо школой. Домогательство славы мне не по душе. Саморадость – и только. Ругань пропускаю мимо ушей...

...идти на поводу у чувств – заигрывать с обывателем...

...в сердце своём я несу – сохраняю свой собственный мир...

...душа порывиста и стремительна... только гений умеет останавливать её и наслаждаться этим мгновением... V.Z.

Природа лишена красоты, если не освещена духовностью человека. Так и человек лишён индивидуальности, если не обласкан природой.

...Русское искусство не продолжило своей первоначальной линии, а в большей мере отклонилось от неё – у меня болит душа, когда я об этом думаю. V.Z.

...Вдохновляющие нас произв[едения] ис[кусст]ва не созд[ают] люди слабые и колеблющиеся. Ис[кусст]во – проявление сильного характера, находящего огромную радость в своей работе, в самый момент тв[орчест]ва.

...меньше слов. Больше содержания.

...Не волнуйтесь о своей оригинальности. Вы не избавитесь от неё, даже если вам очень захочется. Она останется с вами... (Роберт Генри).

Давно я восхищаюсь немецкой, французской, английской, испанской, итальянской культурой. Года четыре назад я открыл для себя культуру Китая, Японии, Америки, Африки, Индии...

Но выше русской культуры, русской мысли я не встречал ещё ни у одного из народов. V.Z.

«Ис[кусст]во должно быть независимым от всех трескучих эффектов, должно держаться самостоятельно и воздействовать на худ[ожественное] чувство слуха или зрения, не смешивая это с совершенно чуждыми ему эмоциями, такими как благочестие, жалость, любовь, патриотизм и т.д.» (Джеймс Эббот Мак-Нейл Уистлер).

«Художник – существо тонкое, боящееся света и шума, часто страждущее, самоизнуряемое томлением. Люди, почти все – его враги, друзья, самые близкие – наихудшие. Дьявол гнездится в его плоти, божество в сердце. Жизнь его – вне времени, редко в полёте, часто – в раковине улитки. Станные, глубинные явления природы любит он, но и светлую, открытую действительность – тоже: проплывающие облака, цветущие, пылающие цветы, всякую тварь. Незнакомые, безвестные люди его друзья... Он видит немного, однако другие и того не видят. Он ничего не знает. Ни во что не верит» (Эмиль Нольде).

Пришёл ли бы я к тому мировоззрению, к которому отправился 15 лет назад, если бы получил обычное образование?

Думаю, что нет. И вот почему: интуитивная воля присутствует там, где нет барьеров и авторитетов. Интуиция привела меня к тому, с чего я созерцаю горизонты своих будущих творений. Учёба в стенах какого то ни было наилучшего университета привела бы меня к верёвочной петле или курку пистолета.

«Худ[ожник] – не баловень жизни: у него нет права жить без обязательств, на него возложен тяжкий труд, который часто превращается в крест. Худ[ожник] должен знать, что любой его поступок, чувство, мысль образуют тончайший, неосязаемый, но прочный материал, из которого возникают его творения, а потому он свободен лишь в ис[кус]стве, но отнюдь не в жизни. Прекрасно то, что по-

рождено внутренней душевной необходимостью. Прекрасно то, что прекрасно внутренне» (В. Кандинский).

Только талант обладает чувством гармонии (или дисгармонии). Эдвард Мунк писал, что пишет не то, что видит, но то, что видел, а я то, что хочу видеть!

Не нужно быть хорошим исполнителем, чтобы быть большим худ[ожником]. Шёнберг был гениальным. Таким он и останется в веках, а исполнителем он был никаким. И Веберн, и Берг... тоже.

Меня все торопят: пиши! Пиши! Время мчится! Возводи свой храм! Да, время мчится... Но не для них. Для меня. Торопиться мне нельзя. Ещё не готов материал... и фундамент... Слишком высока цель, чтобы спешить, как Вавилон... А если не успею? ...Что ж, друг мой. Или всё или ничего... Но чувство такое, что моя предосторожность оправданна... конечной целью... Куполом!!!

«Ис[кусст]во – не игра, ибо ис[кусст]во трудно, серьёзно и прекрасно и с ним нельзя шутить» (Альберт Эдельфельт).

Боюсь, что Вам так же далеко до чистой музыки, как мне до грязной.

Я почему-то подумал, что если бы женщины стремились родить от Бетховена, Моцарта, Вагнера, Чайковского, Шёнберга, Берга, Рублёва, Гессе, Акутагавы и им подобных, то земля давно бы была населена сумасшедшими... V.Z.

Вл. Золотарёв – С. Чуюнову*

Смела, 27 июля 1972 г.

Дорогой Серёжа!

Друг мой славный!

Во-первых, от души поздравляю тебя с днём рождения! Этому дню я слагаю молитвы. Дай бог тебе удачи! Дай бог тебе радости!

---

* На оборотной стороне конверта этого письма рукой Вл. Золотарёва написано: «Ars longa, vita brevis» (с лат. «Искусство вечно, жизнь коротка»), «Gaudeamus igitur, iuvenes dum sumus» (с лат. «Будем веселиться, пока мы молоды!»), «Прекрасно то, что порождено внутренней душевной необходимостью. Прекрасно то, что прекрасно внутренне» (Вас. Кандинский). – В.Б.

Не растеряй, не раздари первым встречным лучшее, что есть в твоей душе! Иди вглубь себя тем же путем. Он верен и правдив. Никому не доверяй, кроме своей души. Кто вокруг нас? Гиены? О, если бы! Благо (!) если бы они питались нашими трупами! Но кто они?.. Убийцы самых лучших детей земли! Убийцы Моцарта, Пушкина, Есенина, Гумилёва!.. Мандельштама!.. Цветаевой! Антона Веберна! Берга! Скалькадаса! Лермонтова! Перголези! Нади Рушевой! Гейне! Байрона! Надсона! Лучшее цветение! Господи! И Ты на всё это зрираешь спокойно! Они вокруг нас, и Бог с нами, но Он безмолвен, а мы разъединены... Даже в родной семье мы всегда постояльцы... чужеземцы с далёких миров, и нас не любят, нам завидуют...

Господи! Клевета, словно паутина смертоносных пауков, ползающих в смрадных могилах, опутывает наши души! И помощи ждать бесполезно. Мы одиноки и безоружны. Лгать мы не можем, заискивать тоже. Делать карьеру, быть жестокими – это не в наших силах... Мы простые пахари Мироздания, а наши урожаи заливают зловоние...

А когда, я хочу спросить Тебя, Господи, Ты был покровителем своих искренне любящих детей?! Самый добрый гений может стать созданием Франкенштейна и мстить тем, кто его причастил к жизни! Что! Неужели я до того наивен, что не могу постичь страшные причины одарённых гением Филиппа Испанского, Адольфа Шикль-грубера, Наполеона?.. Неужели они не любили ласковость женских губ... и не умели ласкать? Не тянулись, как ветви лозы к воде, к прекрасному? Они стали жестокими потому, что они были добрее всех своих современников... талантливее их, чудеснее и неповторимее... Но их окружали те, кому они обязаны конечной минутой жизни. И так, это во-первых.

Во-вторых, я бесконечно рад был твоему письму. Мне последнее время никто не пишет (я до странности сузил свой круг), и твоё письмо, пусть небольшое, но приятно написанное, было дорого читать...

Всё это время я был в дурном расположении духа. Личная моя жизнь (вернее, семейная), наверное, просто утопия, в иллюзию которой я верил до недавних пор. Ирина устроила здесь такой спектакль, что Мольеру бы не приснилось, а я был его участником... Вот

уже более двух недель я один... надеюсь, навсегда... Печально, но, друг мой! Мало ли в жизни других печалей, более печальных... Гибнут люди... Гибнут звёзды... Последние дни вдохновенно трудился над своим «трактатом», параллельно обдумываю «Мартина», «Овода», «Дионисия», Нельсону обещал осенью симфонию. Это – музыкант! Он не из компании этих Щедриных и Слонимских. Дельцы! Я хотел бы тебя познакомить с ним (он – дирижёр), очень хочу также познакомить тебя ещё с двумя...

Первый – талантливейший художник Володя Благовещенский – настоящее иконописное лицо и «древнерусский» ум, несмотря на молодость (23 года!).

Второй – Владислав Большанин (человек без определённой цели, простой преподаватель музыки, но...).

Ещё есть у меня прекрасная женщина – Светлана Корбут, переводчица с русского на англ[ийский] и наоборот. Удивительный человек!

У меня давно есть мысль... – необходимо создать группу людей, в корне отличающихся как от «революционеров», так и от «консерваторов». Что-то типа «Синей лошади» или «Мира искусства». На примете у меня есть семь человек... разных, но бог у нас – один... ты тоже в этой семерке, но этого мало. Человек тринадцать – это прекрасно. У тебя они, конечно, есть... те недостающие?

Ну, так вот... это, во-вторых.

В-третьих, я, вероятно, уеду на Север. Мне надо работать. Конечно, и потому, чтобы совесть (гражданская) была спокойна, но ещё и потому, что любая служба организывает тебя для творчества.

Но главная причина в другом: Север всегда сопутствовал моим творческим удачам. Надеюсь, что и на этот раз он подарит несколько часов вдохновения.

Сожалею, что не могу разделить нашу общую радость за праздничным столом. Причины всё те же... увы. Кстати, не сомневайся насчёт работы в Минске. Образование здесь ни при чём.

Обнимаю тебя и надеюсь поднять бокал 31.

Твой V.Z.¹³

Смела, июль 1972 г.

* * *

Сижу спокойно...
словно перед смертью...
Курю... любуюсь отблеском свечей.
Часы передо мною... выдумка смешная...
и звуки музыки сжигают нить о Ней...
О, провиденье!...
нужно ль тратить время на помыслы,
которым не вернуться...
не возвратиться...
и не встрепенуться... от имени Святой...
возлюбленной когда-то...
мечты забытой...
словно в дневниках...
ушедшей в даль времён...
и в глубь иных свершений...
Найтий тайных...
и печальных бдений...³

Вл. Золотарёв – С. Чуянову

Смела, 15 августа 1972 г.

Дорогой Серёжа!

Получил твоё письмо в момент укладывания вещей. Через дня два-три я уезжаю в Москву. Там пробуду очень недолго (четыре-пять дней) и – на Север, в Магадан. Очень хочу встретиться с тобой (во-первых, просто повидать тебя, и, во-вторых, либретто...), но как это сделать? Право, не знаю.

В Горький приехать не смогу из-за плотности занятого времени. Вот сейчас с зубовным скрежетом делаю новую редакцию концерта. Скорее надо выслать партитуру... Симфония Нельсону ещё не готова, хотя и обещал ему в сентябре. Беляеву тоже ничего не успел... Словом, нервничаю из-за потерянного в эти годы одиночества. Но самое главное, почему я хочу увидеть тебя, – это большое желание показать тебе «CURRICULUM VITAE», то, о чём я говорил уже тебе.

Я сам часто перечитываю всё написанное, и если отбросить скромность, то испытываю такое состояние (душевное), которого ни от чего иного не получал.

Надеюсь, что ты не будешь втайне бранить меня за краткость настоящего письма, но буду откровенным: работы у меня, Серёжа... у-у-у!..

Завёл себе режим на эти дни: двое суток работаю (подряд), четыре часа сплю, и знаешь, пока получаю нечто удовлетворительное.

Ну, пока. Пиши на Москву, но лучше, если сумеешь вдруг приехать собственной персоной.

Обнимаю, твой Вл. Золотарёв¹³.

Вл. Золотарёв – С. Чуянову

Смела, 22 августа 1972 г.

Дорогой Серёжа!

Пользуясь оказией, и пересылаю тебе журналы. Твоё письмо получил. Насчёт Риги надо поговорить в Москве. Полагаю, что можно съездить на пару дней... Вот... сегодня я отбываю в столицу вечерним поездом. Буду ждать твою телеграмму о выезде или отказе, т. к. мне необходимо знать в эти дни (23, 24, 25, 26 – последний срок), поедем мы или нет. Деньги есть.

Обнимаю, твой В.З. (V.Z.)¹³

Вл. Золотарёв – С. Чуянову

Москва, 30 августа 1972 г.

Дорогой Серёжа!

Вновь пользуюсь оказией и передаю эту записку с Валерием.

Получил твоё письмо (вернувшееся из Смелы). Беспokoиться не стоит насчёт моих разъездов. В скором времени я сообщу тебе своё относительно постоянное место жительства, а ты пописывай мне на К-9 (где бы я ни был, письма дойдут ко мне в любом случае). Найди пока Лемберга, спишись с ним (или созвонись). При случае я покажу некоторые эскизы балета, а быть может, и другую музыку, в плане которой я мыслю «Овода». Валерий уговаривал меня перепечатать материалы (ВИТАЕ) в Горьком, но я не хочу обременять всех вас излишне «тяжёлой» ношей... Словом, пиши... Твой V.Z.¹³

Шатура (Московской области), 6 сентября 1972 г.

Сегодня переехал в этот приятный город. Поселился в чудесном особняке у Клавдии Ивановны – редчайшей бабуси. И всё благодаря моей любимой Аринушке. Пока мне здесь всё нравится: и школа, и директор, и погода... написал за час песню по заказу Таманской дивизии¹⁰.

13 сентября 1972 г., 01:10

«Эстетика избежания»

- 1) аккорды терцового строения
- 2) ритмическая симметрия
- 3) хроматизм
- 4) выразительности мелодии (в сценическом действии)
- 5) романтизма
- 6) биографичности
- 7) субъективности
- 8) функциональности
- 9) иллюстративности
- 10) лейтмотивов
- 11) совпадения настроений
- 12) муз. декламации в операх, хорах
- 13) органных пунктов
- 14) секвенций
- 15) фугато

«Эстетика чистоты»

- Каждый звук сам по себе уже муз[ыкальный] образ.
- Выраженное однажды не возвращается.
- Индивидуальность тембров.
- Чрезвычайная экономность.
- Паузирование.
- Строгая закономерность, математический расчёт.
- Контрастирование.
- Тотальность (интервалы, динамика, ритм, тембр, регистр, мелизмы).

- Разбросанность темы по инструментам (не более трёх звуков у каждого).
- Лаконичность¹⁰.

Исикава Такубоку
Тантара-тара
Я ночью в поезде читал...

48-92 Павел Иванович Жуков
Tania Sell Kirstola, Hämeenlinna, Finland
KNUT HAMSUN (1859–1952)³.

Шатура, 12 октября 1972 г.

* * *

Ах, как давно всё это было!
Раскосый взгляд ты отводила,
Изида тайную печаль,
Нежнейшей синевы хрусталь,
Улыбку светлую дарила,
Шутить, как правило, любила,
Китайской мудрости учила,
А где теперь моя...³

Октябрь 1972 г.

* * *

С похмелья музыки великой
Осенним вечером глубоким
В старинном парке зверем диким
Шёл добрый Гений... одинокий...
    В одной руке он нёс пионы,
    Другой на посох опирался...
    Неслышной поступью гурона
    К любимой тайно приближался...
Одно окно едва светилось,
И дверь чуть тихо заскрипела,
Пропела что-то... отворилась
И, закрываясь, засопела...

* * *

Альянс наш крепок был когда-то...
Рука в руке мы шли куда-то...
Искал я что-то, где-то, как-то...
Ночами бредил... вот дурак-то!..
Улыбкой на губах играя,
Шептал тебе: «Моя родная...»
К тебе единственной стремился...
А ночью ревновал и злился.

* * *

Аспиды древние смущали Нас когда-то,
Разлукой долгой жизнь сокращена,
И гонит страсть меня в другие дали,
Но встреча нам едва ли суждена.
Уносит ветер крик мольбы напрасной,
Шумит дубрава в предвечерний час,
Кричат вороны осенью ненастной,
Аспиды древние смущают Нас...

* * *

Ах, как давно всё это было...
Румянность щек и пылкость взгляда...
Испуганно дрожа в постели...
Ночами тёмными без сна...
Улыбки нежные бросая...
Шутить любили до утра...
Как полно наша жизнь текла...
Аринушка, любовь моя...³

* * *

Аринушка!..

Любимая!..

Родная!..

Руками грустными ласкаю

кленовый лист

И сам не знаю,
отчего печально вдаль смотрю
На нежную
закатную полосу,
темнеющую на глазах
и
Уходящую в безбрежную,
иссиня-чёрную далёкость...
Шу-шу...
шу-шу...
шуршит трава...
увядшая листва...
Как одиноко без тебя...
тоскливо...
пусто...
Аринушка...
Любимая...
жена моя...
красивая!..

* * *

Аllegro юности беспечной
Ручьём прозрачным пробежало
И брызг прохладных...
На губы девственницы
Ушла симфония в закате,
Шумит вдали ручей мечты...
Adagio твоей любви.

* * *

Агата милая! Скажи мне,
Рукой обняв мои мечты,
И подарив мне поцелуй, свет (...)
На кой мне чёрт мои вирши?
Узнай у страшного К.,
Шута чертей, болвана, негодяя,
Какого чёрта он мешает мне,
Астурии срывающая перед носом.

* * *

Аллилуя! О, ты, презренный Яд,
Рекой течешь в мои ослабшие...
И сердце жжёшь и душу рвёшь клещами,
Надежду топчешь кованой ногой,
Улыбку шлешь отравленную... и
Шепчешь жуткие слова,
Агонию мою ты приближаешь.

* * *

Агонию мою ты приближаешь,
Рукою властно мысли мне сковав,
И сердце поджигает на огне,
Ногой упершись в грудь мне,
Ударив по глазам коварностью своей
Широким взмахом страсти оголтелой,
Качаешь душу на кривых гвоздях,
А кровь мою, захлебываясь, пьёшь.

* * *

Прости ревнивые порывы...
Забудь обидные слова...
Прости...
Люби... мая...

Шатура, 30 октября 1972 г., 05:00

...«to join the majority» (присоединиться к большинству)... Томас Манн умер во сне!... Прекрасная смерть! Во сне родился. Во сне и умер!³

31 октября 1972 г., 07:00

Первый снег вдали от тебя, любимая...³

Шатура, 4 ноября 1972 г., 02:00

«Художник верит в будущее, потому что живёт в нём» (М. Му-
соргский).

10:00

Поспал три часа на полу в классе. Чувствую себя превосходно. Всю ночь слушал русскую музыку (Хованщину, Бориса, Невесту), анализировал. Тем не менее, сделал вывод, что жутко много во всей (в общем прекрасной музыке для кучкистов) этой музыке лишних нот, за исключением Мусоргского, да и у него встречаются. Много ненужного пафоса и суеты!

Мой «Дионисий» будет другим (и все другие задумки)...

Шатура, 10 ноября 1972 г., 14:00

С.М. Колобкову

Триптих

I. Staccato

II. Legato

III. Pizzicato

«Испаниада»

Чайковский в Неаполе

Глинка в Мадриде

11 ноября 1972 г., 07:30

Лапонька моя! Аринушка! «Ландышек мой лесной!» Вдыхаю аромат, исходящий из флакончика, и мысленно целую тебя...

Липс Фр. 447-91-35

134-95-64 Казаков Ю.И.

«Две загадки»

«Curriculum vitae» для баяна, хора и оркестра

12:30

У Баха нет ни одной оперы!

А у Генделя их – пропасть.

Шатура, 12 ноября 1972 г., 10:30

Портреты:

Бах

Моцарт

Шуман
Вагнер
Шостакович
Лист
Мусоргский
Рахманинов
Мясковский
Чайковский

Шатура, 13 ноября 1972 г., 04:30

Видел сон. Огромный чёрный жук, за которым гонялся, бросая в него нотами. Отец, который лежа читал книгу, неодобрительно что-то говорил мне.

22:00

Лапонька моя любимая! Аринушка! Сварил себе суп из остатков грибов и картофеля. Получился такой деликатес! Пальчики оближешь! Работа мало-помалу идёт. За прошедшую ночь написал Сонату для кларнета solo. Очередной додекафонный опус.

Шатура, 14 ноября 1972 г., 01:00

Работаю при свечах. За окном льет дождь...

07:45

Форма оратории по принципу «Картинок» Мусоргского (т.е. рондо, рефрен – 12 звуков).

22:00

Если ты сам в себя не веришь, так кто же поверит в тебя? А если ты веришь в себя как в то, что ты есть, так зачем тебе вера кого бы то ни было!

22:30

Часы отстукивают, а в голове ни одной мысли. Пью крепкий чай при свечах! Какая пошлость!

Шатура, 15 ноября 1972 г., 05:30

Дорогая моя! Я тоже потерял интерес к жизни, но я всё-таки, несмотря ни на что, пытаюсь обрести его, в отличие от тебя. Стремись и ты к тому же, моя хорошая.

13:40

Кого волнует до слёз могильный камень неизвестного, кто испытывал страсть к великим художникам и мыслителям, даже большую, чем к их созданиям, тот всегда будет мечтать о таком уделе и по мере сил и возможностей стремиться к этому счастью.

Шатура, 16 ноября 1972 г., 15:45

Сделать переложения для баяна музыки Шёнберга.

21:10

Сижу за столом. Усиленно работаю головой, но на бумаге пока ничего не появляется. Захочется спать (дых. гимнастика) (5 мин., 10 мин.)

22:15

Всё по-прежнему. В голове ни одной мысли. Курю... курю... болит голова.

22:35

Пишу партитуру концерта.

Я могу всё простить исполнителю, но только не пренебрежение к автору музыки.

23:00

Не могу писать и партитуру... Страшные головные боли.

23:40

Гений тем и велик, что его фантазии превосходят всё когда-либо известное человечеству. Его фантазии – это подлинная реальность, которая окружает его жизнь, словно нимб голову ангела.

23:50

«шпагоглотатели»... дымоглотатели... Когда же я избавлюсь от курения?

17 ноября 1972 г., 04:45

Безумно хочу спать... Дважды делал дыхательную гимнастику по 10 минут, но не помогает.

08:00

Поспал три часа. Не дожусь горячего чая. Портрет моей любимой лапоньки стоит передо мной на пюпитре, и я всё время ду-

маю о нашем будущем. Перед сном поел супу, сваренного из концентратов. Решил перейти в питании на более дешёвую пищу. Бросить бы курить!

17:30

Написать рассказ о столяре, который жил с женой в нищете всю жизнь и боялся продать сделанную мебель за бесценок, потому что любил и ценил свою работу. Но когда он умер (глубоким стариком), его старуха всё-таки продала эту мебель, которую знатные вельможи оценили в баснословную сумму (рассказ о недоверии русского человека в свои силы, свой талант).

Мне не с кем поговорить! Вот беда-то!

Нет ни чистой музыки, ни банальной! Есть музыка для времени и музыка без времени.

18:00

Больше ясности! Назад к Брамсу, Бетховену, Глинке, Баху...

Шатура, 18 ноября 1972 г., 13:00

Нет низших рас. Есть плохие люди. «Испаниада».

19 ноября 1972 г., 04:00

Симфония для меня – это взаимодействие звуков одной темы. Частей в такой симфонии нет, ибо жизнь человека не прерывается. Даже тогда, когда мы спим, наш дух бодрствует.

09:00

С пяти часов поспал. Чувствую себя прекрасно. Слушал медленные части 15-й симфонии Шостаковича. Большое значение сольным инструментам – да и группам (итог работы Дмитрия Дмитриевича, вероятно, над партитурами нововенской школы).

Снова принялся за изучение 2-й симфонии Бориса Чайковского.

Выпал снег ночью. Сейчас тает на крыше. Струйки воды щебечут за окном.

Курю постоянно. Трубки меняю поочередно. Одна сушится, другую курю. Хорошо, что табак хороший, а то пропал бы совсем. Мама Галя умница, купила мне две пачки.

11:30

Органист – углублённостью, философичностью

Пианист – драматизмом, инфернальностью

Скрипач – виртуозностью

Альтист (виолончелист) – камерностью

Гитарист...

Баянист же – это совершенно новый современный тип артиста, ранее не существовавшего, и он должен помимо того вобрать качества перечисленных профессий, но ещё иметь свой индивидуальный почерк и облик. Пасторальность, акварельность этого инструмента, лиризм и чистота звука.

13:15

Переписывал эскизы.

15:35

Ходил в булочную, купил хлеба.

Ем только хлеб с чаем. Суп ем, когда, уставший, ложусь спать.

18:10

После прошедшей работы этот день сплошь второстепенная работа.

23:45

Осталось 15 минут до нового числа, а я не могу написать ни ноты. За те четыре часа, которые я спал, мне приснился интересный сон.

Летом мы всей семьёй прогуливались в незнакомой долине. Затем я решил один прогуляться и нарвать цветов, кажется (плохо помню). Словом, я пошёл (то есть спустился в долину, а дети с Аринушкой остались на «берегу»). Вдруг неожиданно донеслись крики и голоса, я поднял голову и увидел, как люди бегут от быстро приближающейся воды. Шла волна, высотой примерно до пояса. Как выяснилось, в долину пустили воду. День был солнечный, волна быстро догнала меня, и я пошёл к Аринушке, несколько не огорченный, а напротив, радостный. Вода была пенистой, прохладной и чистой. Затем я попал в глубокое место и очутился весь под водой. Я поплыл к берегу. Волны расходились, как на море. Меня поднимало волной высоко, и я, оторванный от воды,

некоторое время летел по воздуху, испытывая ликование. Так продолжалось долго, ибо я забавлялся в хороший летний день. На берегу дожидались Аринушка с детишками и волновались, чтобы я не захлебнулся. Вот и весь сон. Испытывал от воды приятное ощущение.

20 ноября 1972 г., 02:45

Переписал в чистовик Гл[авную] тему Четвёртой сонаты. Внезапно увидел маленького паучка, спустившегося на паутинке с потолка. Подул на него, а ему удовольствие, он и ножки вытянул, потягивается.

03:50

Начал статью в журнал.

10:00

Заснул за столом, после последнего ученика. Приснился Лист. Старый и прекрасный. Был у меня в гостях в небольшой квартире. Вместо Ирины была другая женщина, а Генрих был и описался на коленях у Листа. Я нашёл ему какие-то чужие рукописи для того, чтобы он вытерся. Пили чай, долго разговаривали. О музыке, философии. Вмешивалась эта женщина и говорила, что ей нужен более молодой муж, чем я. Я же ходил по комнате и с жаром говорил ему о новых замыслах. Потом мы куда-то ходили, снова пришли и ужинали. Прощались поздно за полночь. Лист куда-то спешил. Мы поцеловались, он пошутил над сыном, и я проснулся. (Удивительно, что я обращался с ним как с равным.)

17:00

Я не стремлюсь быть оригинальным. Моя цель – достичь желаемого, того, что я ношу в своём сердце, в своей душе. Перенести мост через музыку к сердцам и душам таких же людей, как я, – вот моя мечта ещё далёких дней юности.

21:00

Работал над редакцией Концерта. Написал каденцию. Вообще мыслей много по поводу этой моей первой настоящей музыки.

Экспериментирую над своей душой.

Что из этого получится?

* * *

О, музыка! Зову тебя бессонно!
Ищу любви твоей бездонной.
Открой завесу тайн ночных
(и исцели меня),
вдохни в меня свой жар или убей –
нет жизни без Тебя.

Вы очень нравились когда-то
Моим измученным глазам...
О, время! Неумолимый рок!
Зачем мне новизна...
Ушедшее – отрада.

Нет, Господи! Не слава мне нужна! Тебя я жажду.

Иль первым быть, иль умереть!

Шатура, 21 ноября 1972 г., 00:55

Вассанале (вакханалия)

Vacchetta (колотушка литавры)

То, что вы представляете собой, обязано вашим учителям и наставникам. То, что представляю я из себя, я обязан самому себе.

Хренников Т.Н. (28.V.–10.VI.1913 г.)

14:00

Малер говорил: «Для меня написать симфонию – это значит всеми средствами современной музыкальной техники построить мир». У нас же в основном такой мир разрушают.

22 ноября 1972 г., 18:50

Раньше случалось, чтобы мне заговорить с незнакомкой, понравившейся мне, я переживал тысячи ощущений и так и не мог осмелиться.

20:45

Зажёг свои последние свечи... За окном снег хлопьями... Слушаю «Камерную музыку» Хенце. Два года назад она меня поразила цельностью и строем чувств. Теперь я восхищаюсь мастерством этого талантливейшего из современных композиторов.

Вагнер был тираном. Он не давал петь сольному инструменту. Подавлял всё массой. (Значит, он не был индивидуалистом в полном значении этого слова.)

21:00

Старые мастера, работая при свечах, создали шедевры. Потому что живой огонь был в согласии с огнём их души. Я никогда не променяю ночь на день и свечу на лампу. Ночь – Богиня моего вдохновения, а свеча – её служанка.

22:00

Я часто ловил себя на мысли, что боюсь писать музыку... Извечная моя стеснительность сказывается и здесь.

Шатура, 23 ноября 1972 г., 08:50

Главное – начать. Только с одной ноты...

Не записал вчера сон. Будто переходил танковый полигон, а танки шли с большой скоростью и грохотом. Укрылся в наблюдательной будке, где получил назидание от дежурившего там офицера.

Вообще, сон – это символическое предостережение. Дётся символ, а вокруг, для логически оправданной ему основы, примешивается второстепенная и ничего не говорящая реальность. Например, вчерашний сон... Танки – это ни о чём не говорит, а вот шум и грохот уже говорят о многом. Значит, ожидайте вскоре много разговоров о вас. Плохих ли, хороших – это легко отгадать. Пыль, туман, плохое настроение, ужас, вселившийся в душу, – это плохо. Я же шёл через полигон в хорошем настроении, и воздух был чистый, даже чуть-чуть с морозцем.

11:30

После Шёнберга в XX веке нечего открывать. Наш долг – довести его открытие до конечной, высшей кондиции, т.е. до совершенства.

Вл. Золотарёв – С. Чуянову
Шатура, 23 декабря 1972 г.
Дорогой Серёжа!

Прости, что так долго не давал о себе знать. Во-первых, жутко много работал, во-вторых, выжидал более благоприятных житейских удач, чтобы уже написать более или менее подробно. Но, увы, у меня всё по-прежнему. Единственное, что я сделал, – это не уехал на Север и нахожусь пока в г. Шатуре в 3 ч[асах] езды от Москвы. Я получил твоё письмо и не ответил (об этом я и писал тебе вначале). Хотелось бы с тобой увидеться, ты так и не прочёл мою работу, помнишь? Да и вообще надо увидеться, поговорить, помолчать... Поздравляю тебя с наступающим Новым годом. Желаю всего того, что хочу сам. Трудно, очень трудно жить. Но что сделать? Надо жить!..

Обнимаю, твой V.Z.

1973

С. Чуянов – Вл. Золотарёву
Горький, 2 января 1973 г.
Дорогой Владик!

Я думаю, что то, что ты не уехал на Север, – это далеко не «единственное, что ты сделал». Очень бы хотелось узнать, что ты писал, о чём думал. Я часто вспоминаю о тебе, но поговорить, увидеться с тобой нет никакой возможности.

Вспоминал я тебя и в новогоднюю ночь... Я встречал Новый год вдвоём с драматургом Т.Г. Глебовой. Да, я не прочёл твою работу, но это уж ты мне не хочешь её показывать. Кстати, как ты, надеюсь, помнишь, я очень интересовался ею (...).

Кстати, я был в Москве (кажется, в открытке написал об этом) и звонил тебе на Зеленоградскую. Ирины не было. Трубку брала «соседка» и сообщила нерешительно-осторожно, что она ничего не знает про тебя и т.д.

Владик! Как же с «Оводом»? Может быть, ты бы встретился с Хренниковым, чтобы он показал это какому-нибудь балетмейсте-

ру? (В этом плане он же всё может.) В своём поздравлении ты ни словом не обмолвился о балете. А ведь уже 1973 год пошёл...

Минск у меня пока отпадает. Туда наш председатель комитета сообщил, что я собираю древние ценности (!) и что через это был связан (?!!) с границей (?!?!!). Полностью молчу. Сказать нечего.

А насчёт жизни, то, конечно, трудно жить, но есть работа, есть несколько людей, которых любишь... И это спасает от хандры, дарит силы... Именно «дарит». Силу принимаю, как подарок. Было бы у меня её поболее, так мне не страшен бы был «серый волк».

Пиши. Твой С[ергей].

Шатура, 5 января 1973 г., 20:50

Верю я, что живёт на земле любимая моя, которая будет любить меня так же беззаветно и искренне, как я люблю своё искусство...

Сегодня чуть-чуть поправился. Ходил в магазин за молоком, но напрасно только носил бутылки, ибо денег как таковых у меня нет. По пути зашёл на почтамт. Письмо от родителей не обрадовало...

Сегодня весь день сидел за столом или на диване (уже не лежал) и читал Югова – его диптих.

Сейчас пишу при зажжённой свече... очень одиноко.

6 января 1973 г.

Чувствую себя уже значительно лучше...

Продолжаю «печатать» Curriculum Vitae. Напечатаю II часть, примусь за III, стержневую и самую главную, ну а потом – так себе, мелочь...

Для издательства не закончил ещё сборника, и не хочется, честно говоря...⁹

В. Большанин – Вл. Золотарёву

Сууман, Магаданская обл., 6 января 1973 г.

Здравствуйтесь, здравствуйтесь, дорогой мой, рад приветствовать Вас после стольких месяцев обоюдного забвения!

Ваша привычка вспоминать о друзьях накануне Рождества Христова, в минуты, когда с особой остротой ощущаешь неумолимое

течение времени, несомненно делает Вам честь. Остаётся лишь сожалеть и приносить свои искренние извинения за то, что я до сих пор не поставил себе этого за правило. Да и то сказать: ведь меня в силу отличия наших условий существования, обстоятельств и многих других причин гораздо легче отыскать, чем Вас. Вы, как преданный слуга своей Музы, не можете долго оставаться на месте: во имя её процветания Вы, жертвуя своей плотью, постоянно терпите все лишения и тяготы бродячего бытия. Ваша жизнь достойна глубочайшего сострадания и в то же время самой хорошей зависти, ибо Вы видите цель, во имя кот[отой] следует жертвовать т[ак] наз[ываемым] благополучием. Если бы Вы только знали, как я Вам завидую! С какой готовностью я променял бы всё то, что Вы уже имеете. Если бы Вы только знали, как это опустошающе-ужасно: надеясь, думая, подозревая, что носишь в себе нечто ценное, стоишь что-то, вдруг, в один прекрасный тихий вечер понять, осознать со всей потрясающей ясностью, что ни черта, ну ничегошеньки из себя не представляешь; почувствовать это каждым квадратным миллиметром своей дерматиновой шкуры! Это личная душевная трагедия, это никого не касается, да и особенно в этом ничего нет – таких, как я, десятки, сотни миллионов. Более того: даже я называю это трагедией лишь постольку, поскольку не утихла ещё боль по якобы утраченному, а на самом деле никогда не принадлежавшему, только себе: завывания провинциального Пьеро! А ведь мне уже 26 лет! Подумать только: дв[адцать] шесть! Вы в минуту душевного кризиса отчаянно кричите себе: «Работать! Делать что-нибудь! Делать и сделать!» – и делаете. Я тоже кричу: «Ну, хоть что-нибудь, хоть бы самую малость сделай!» – и слышу в ответ далёкое эхо пустоты. По неволе начнешь подменять одно другим: за отсутствием ценностей духовных гоняешься за ценностями мнимыми. Долой жалкие химеры, и да здравствуют денежные знаки! Так-то вот. Пробовал находить утешение в мыслях о том, что я ... «н-ну, просто хороший человек», – и находил в себе множество пороков. Пробовал прожигать жизнь – и ускорял тем самым своё душевное загноение. «Деградация личности на почве злоупотребления алкоголем». Н-да... Жаль, что Вы лишены возможности видеть меня: оброс, как неандерталец.

Если бы был колтун в волосах, сходство было бы полным. К чёрту всё! Пишите, как Вы там, в Шатуре, под чьей широколиственной сенью добродетели Вы устроились на сей раз и надолго ли, каковы Ваши личные дела и планы. По рассеянности не упустите самого главного для меня: что сделано? Надеюсь также на Ваше внимание и любезность, кот[орое] Вы должны мне оказать высылкой Вашего сборника, как только он появится в продаже. Спешу заверить Вас в том, что всё связанное с Вами очень дорого мне и хранится с величайшей любовью.

С теми же чувствами остаётся всепокорнейшим и всепреданнейшим слугой Вашим постоянно ждущий Ваших посланий граф де Большанский.

Канун года 1973 от Рождества Христова (по старому стилю)¹⁰.

[Январь, 1971 г.]

Золотарёв Владислав Андреевич. Родился 13.IX.42 на Дальнем Востоке в живописной военной бухте Де-Кастри. Первые музыкальные впечатления получил в семье, где отец (Золотарёв Андрей Антонович) часто устраивал домашнее музицирование. Мама имела хороший голос. Ввиду того, что семья часто путешествовала с места на место, я не получил систематического образования в детстве, но недостаток в образовании восполнился незабываемыми впечатлениями от перемены мест. Особенно сильные впечатления остались от северных морей – Охотского и Берингова...

С 15 лет начал систематическое обучение в Магадане под руководством замечательного музыканта и педагога – Лесного Н.А. Это был один из тех немногих музыкантов-баянистов, который обладал высокой художественной и музыкальной культурой. За четыре года в муз. училище я переиграл почти всю баянную литературу, а также собственные переложения музыки Баха, Моцарта, Бетховена, Мусоргского, Чюрлёниса, Скрябина, Вивальди, Паганини, Шостаковича, Мясковского, Щедрина.

Знакомство с Шагинян. Ярустовским.

Авторские концерты во Владивостоке, Уссурийске, Магадане. Первые сочинения (для скрипки, фортепиано). Симфония.

1962 г.

Авторское исполнение произведений для готового баяна:

Интродукция

Вальс

Марш

Токката

1963 г. (Ленинград)

Концертная фантазия для баяна и оркестра (училище имени
Мусоргского)

13 экзерсисов на тему Паганини

1964–1965 гг. (Армия)

Авторские концерты в Уссурийске, Владивостоке, Хабаровске.

1966 г.

Авторский концерт в музыкальном училище (Магадан).

Телевидение.

Елена Дулова – виолончель, Валерия Фионцева – фортепиано.

1968 г.

Авторские концерты (театр имени Горького), Концертный зал
Дворца культуры. Э. Оркова, И. Брускин, Н. Шеврук, С. Черны-
шёв, Виктор Петрович Розанов (Розанова – фортепиано), Мав-
ропуло, Оркестр русских народных инструментов, М. Крутико-
ва, Э. Бурштейн.

1969 г.

Э. Митченко, Детская сюита № 1, Шесть пьес – Ленинград, Москва.

Поэма для оркестра.

1970 г.

Квартет № 2

И. Монигетти, Р. Катилюс, И. Сулыга, Б. Кушнер

Радио (Москва)

Детская сюита № 1

Партита

Телевидение

Соната № 2

Каприччио

Русский танец

1971 г. (Москва)

Детская сюита № 2

Партита

Поэма для альта и оркестра – Э. Ротницкая (орк. ГБТа), дир. Брук
Квартет № 1

Соната для виолончели и фортепиано – И. Кошелева, Вл. Золотарёв
Партита (Ф. Липс)

Шесть пьес – Даня...

Концерт № 1 (Митченко) – Киев, Ереван

Соната № 3 – Липс (Москва), 1972

Концерт № 3 (Беляев), 1972

Мартин Иден (Р. Баршай) – В. Трушин, Москва

7 января 1973 г.

За окном немного метёт... и я слушаю Вторую симфонию Рахманинова... С первой частью у меня ассоциируется такая же поэмка... но почему? Быть может, когда-то давно я также слушал эту симфонию, в трепетном чувстве слыша за музыкой иную жизнь... может быть, слушал её на «Снежной долине», с грустью наблюдая с сигаретой в руке, как снег медленно и легко стремится к земле, а ветер, вернее, его слабые порывы пытаются задержать его падение, несут, несут, но нет... он всё равно медленно и величественно опускается к собратьям...

9 января 1973 г.

Поднялся сегодня поздно. В классе прохладно, я долго стоял у окна и любовался русской метелью. Сварил себе суп. Немного почитал. Затем написал большое письмо Дим Димычу. Написал несколько тактов концерта Беляеву. Время подходит к 24 часам. Варится перловая каша, а я размышляю: работать дальше или лечь отдохнуть.

Просмотрел книгу Л. Гроссмана «Достоевский». Почему-то вспомнил, что самыми любимыми писателями в детстве были Д.Ф. Купер, Жюль Верн, Майн Рид и Вальтер Скотт...

Я с большим и хорошим чувством вспоминаю о тех чудных временах, когда ночами зачитывался ими.

10 января 1973 г.

Когда перед твоим взором стоят такие титаны, как Бах, Бетховен, Шостакович, то чувства немеют перед белым листом бумаги. Писать надо или так, как они, или вообще не писать! Быть или не быть – извечный вопрос!

Очень трудно идёт Беляевский концерт. Очень трудно. Вот уже два года, как я работаю над ним, а музыки пока не хватает для задуманного полотна... Не хватает...

Хочется создать что-то такое... в духе бахо-брукнеровского. И кое-что уже сочинено, неплохо должно звучать, но мало... мало материала.

Перечитывал письма Лескова. Читаю Историю России С. Соловьёва, Ключевского. В который раз, но с неослабевающим интересом читаю книгу о Бахе А. Швейцера.

Шатура, 11 января 1973 г.

Продолжаю заниматься с учениками. Хочу составить чёткий распорядок дня. Два года, как не занимаюсь гимнастикой и обливанием (не говоря уже о купании...). Не начать ли жизнь с давно ушедшего... 69 года? Хочу надеяться, что найду в себе силы вернуть всё, что когда-то имел в себе. Тогда и писалось, и чувствовалось замечательно. Не было второстепенных мыслей. Сейчас даже не тянет к многочасовым прогулкам, а ведь когда-то такие прогулки были самыми дорогими и любимыми для меня...

Слушаю 13-ю симфонию Дим Димыча... Евтушенко понят таким, каков он есть!

Шатура, 12 января 1973 г.

По-прежнему читаю книгу Швейцера. Сейчас понимаю всё несколько иначе, чем раньше. Раньше меня больше затрагивал биографический момент. Сейчас же – философско-эстетический. Всё в этой книге очень близко моим идеалам.

Боже мой! Мне бы ещё десять лет! И я создал бы всё, что задумал!

Читал «Галерею святых» Гольбаха, «Немецкую идеологию» Маркса-Энгельса, их же «О религии» (более всего понравилась пре-

красная статья Энгельса о Крестьянской войне в Германии, о Томасе Мюнцере и Лютере).

Прочёл книгу Донины «Люди, идолы и боги» и много брошюр (менониты, иудаизм, Религии мира, О Вселенной и т.д.).

Шатура, 13 января 1973 г.

Начал давно заброшенные занятия над совершенствованием игры на фортепиано. Читаю с листа только Баха. Два тома ХТК, инвенции и прелюдии и фуги для органа.

Доставляет мне немало хлопот, но какое наслаждение!

С неохотой продолжаю готовить к изданию свой сборник. Приходится переписывать (уж в который раз!) давно игранные и не игранные вещи...

Чувство безысходности не покидает меня.

И не радуется уже то, что мою музыку многие любят и играют...

Шатура, 14 января 1973 г.

Встал в пять часов утра. Первый раз за этот год сделал гимнастику и обливание холодной водой. Затем позавтракал ливерной колбасой с булкой, запивая чаем. Читал Баха. Смотрел партитуры месс Листа и Гайдна.

Затем сочинял концерт для Беляева. Кое-что пошло легко и свободно, но форма в целом пока не ясна. Велик соблазн отказаться от баяна и сочинить из данного материала симфонию. Повторил свои рояльные пьесы. Вчера сочинил романс на текст Гумилёва. Пел свои песни и романсы. Очень понравились. Ближе к вечеру был приглашен Александром Павловичем. Выпили бутылочку водки. Лидия Павловна приготовила прекрасную закуску. И вот сейчас перед сном слушаю Хоральные прелюдии Баха.

Шатура, 15 января 1973 г.

Приезжал Юра Вострелов. Я с Александром Павловичем хотел затащить его в свою «берлогу», но было далеко за десять, а ему ехать до Москвы три часа... потому расстались быстро...

А жаль... мне здесь так одиноко, что побыть с ним час-другой доставило бы мне много приятного. Рассказал, что Серёжа Слепокуров превосходно играл мою Вторую сонату. Сам Юра будет играть в ноябре этого года. Торопит со Второй Партитой, за которую я давно не брался. Попрощались тепло...

Вернувшись к себе, слушал свою Партиту и Девятую симфонию Дворжака...⁹

С. Чуянов – Вл. Золотарёву

Горький, 15 января 1973 г.

Здравствуй, Владик!

Сегодня получил твою открытку, а вчера слушал концерт Э. Митченко. И сейчас только вот пришёл с сегодняшнего его же концерта.

Впечатлений очень много. Так много, что завтра утром мы встречаемся с ним в гостинице на предмет более детального разговора о баяне, баянной музыке, его работе исполнительской, о твоей музыке.

Мне хочется сделать для «[Советской] культуры» нечто наподобие его творческого портрета (с разговором о музыке и композиторах, кот[орые] пишут для него).

Я, естественно, первый раз слушал «Подражание Мусоргскому». В этой вещи слышу тоску, немного надрыв и человечность необыкновенную.

«Детскую сюиту» я готов слушать не один раз. Маленький колокольчик звенит у подъезда большого тёплого дома. Это утро. Няня с добрыми глазами. На улице морозный рассвет, а в комнате тепло от камина. Светлая детская. К завтраку ещё не зовут. Можно ещё поиграть. Девочка немного капризная и играет с милой куклой, похожей на неё саму. А игрушки сами начинают свой танец по детской. Их много. И все они убегают от няни, которая собирает их. Чу! Воинственно трубят марши. Это гордые оловянные солдатики вышли на паркетный плац. Их никто не победит, потому что они храбрые и никого не боятся. Вот они идут все вместе, а раз все вместе, значит, всё будет здорово! Мир детства, чистого и весёлого, прозрачного и гармоничного, радостного и мудрого в своей цельности.

Владик!!!! (Только сейчас осенило!) Я вижу одноактный балет «Утро в детской», вырастающий из этой сюиты. Нет, ты только подумай!.. Представь! А? У тебя бездна вкуса в этой штуке. Нет, ты представь себе одноактный балет «Утро в детской»!

Сюиту (трёхчастную) я слышу тоже первый раз. Записывал ли кто-нибудь её на пластинку? У неё, по-моему, прекрасная фольклорная основа. Я как-то и не предполагал, что ты можешь быть автором такой музыки.

В общем, концерты эти – за последнее время для меня главное. Не столько концерты, сколько по два, три раза слышанные мною твои произв[едения]. Владик, это было давно нужно для меня, потому я так яростно просил у тебя пластинку.

Теперь об «Оводе». Только что я посмотрел на карту, на которой ясно видно, что Шатура находится на одну треть расстояния ближе к Горькому, чем Москва. Отсюда – моё предложение. Я иду к нашему балетмейстеру Саше Дементьеву. (Кстати, я писал тебе, что он поставил один балет в Большом). Договариваюсь с ним принципиально о встрече нас троих и потом это принцип[иальное] согласие сообщаю тебе, кот[орый] выкраивает один день и приезжает на один день в Горький, в кот[ором] обо всём мы разговариваем, и если да, то начинаем работать, как дьяволы.

Устраивает ли тебя такой вариант дела?

Из Риги (вернее – Лиепай) Алдис сообщил мне, что Лемберг сейчас в Египте со своим балетом. А потому он мне не пишет (может быть, письмо не дошло до него).

Если тебя устраивает горьковский вариант, напиши мне быстрее (понимаю, что времени у тебя в обрез). Владик! Время не ждёт! Идея носится в воздухе. Будет найден постановщик – будет и балет. Это аксиома.

Тебе кланялась Рита Звягина. Эдик Митченко очень тепло сегодня отозвался о её опусе «Э. Митченко и его баян».

Я, что называется, «рвусь в бой». Готов всё бросить и 1) встретиться с тобой, 2) бегать по белу свету и кричать балетмейстерам «ау»!

Владик! Пиши. Жду. Обнимаю тебя.

Твой С[ергей].¹³

16 января 1973 г.

Сегодня ясное и какое солнечное утро! Открываю форточку, и высокие сосны (ели) с белоснежными шапками приветливо помахивают мне своими ветками. Они растут у самого здания, и если не смотреть вниз со второго этажа, то появляется ощущение давнишнее, почти забытое – это чувство одиночества в лесу, чувство очень тонкое, какое-то неуловимое и очень родное... Сразу вспомнилась палатка в лесу, среди гор у холодного ручья, за сотни километров от жилых мест, где медведи и лоси бродили тут же, непуганые и красивые. А я с Аликом Кочульниковым, моим далёким другом детства, жили почти всё лето в этой сказочной стране мхов, высоких трав, удивительных и редких растений, кварцевых отложений с золотыми струйками, пеньем птиц и голубого неба.

17 января 1973 г.

Уже два дня, как не обливаюсь холодной водой. Сегодня поднялся поздно, в половине восьмого. После завтрака зашёл на почту, но писем не оказалось.

Взял бутылочку вина. Сейчас слушаю «Воццека» Берга. Уже знаю почти наизусть! «Моисей и Аарон» Шёнберга всё-таки выше чисто этически, и вообще Шёнберг выше и Берга и Веберна; первого в смысле эстетики, а второго в смысле демократизма. Но тем не менее Берг, бесспорно, очень приятный композитор, а Веберн – гениален, но холодноватый и неподпускающий...

Появляется новый тип композитора: не играющий ни на одном из инструментов, но знающий их в совершенстве.

18 января 1973 г.

Чувствую себя скверно. Всё чаще утомляюсь. Болит голова. Подступает равнодушие ко всему. Несколько помогает чтение. За один день прочёл «Ратоборцы» Югова (так себе...). Перечитал «Угрюмрека» Шишкова... «Дебюсси и его современники» Розеншильда.

Первый раз с увлечением читал статьи Ключевского (том 7) о хозяйственной деятельности Соловецкого монастыря и т.д. «Историю России» С. Соловьёва хочу прочесть всю, по крайней мере то, что относится к эпохам от XIII до XVII веков.

Вообще, все эти несколько месяцев много читал, в частности, брошюр: «Числа Фибоначчи» Н. Воробьёва, «Третий день творения» В. Астаховой, «Что такое жизнь?» Э. Шредингера (!), «Один в Антарктике» Г. Биллинга, «Мангазея» М. Белова, «Культура письменной речи» Т. Дегтерёвой, «В.А. Михельсон» Г. Теплякова и большую книгу «Психология и психопатология одиночества» С. Кузнецова и В. Лебедева.

19 января 1973 г.

Когда я брожу ночами по длинным и таинственным коридорам, то в грустном томлении подхожу к окнам в конце коридора и с тоскою смотрю на огромные сосны, заснеженные и холодные... я снова и снова брожу по всем классам, где на стенах, потолке, на полу отражаются узоры на стеклах благодаря яркой январской луне. Потом я прихожу в свой класс и слушаю органную мессу Фрескобальди... или Искусство фуги Баха... и, стоя на коленях, прошу Господа нашего о прощении грехов моих и после этого ещё долго плачу навзрыд у разбросанных рукописей и писем...

20 января 1973 г.

Сегодня я поймал себя на мысли, что знаю слишком много музыки для того, чтобы сочинять свою собственную... Благодаря моей обширной фонотеке и слушая каждую пластинку по сотням и тысячам раз, я потерял нить первородства... После такой музыки хочется только плакать, но не сочинять...

Всё чаще вспоминаю и всё реже обращаю свои мысли в будущее – неужели это конец? Только она одна способна возродить меня пусть временно, мимолётно, но всё-таки к жизни! Старые мастера всё более привлекают меня. И даже Бах, величайший Бах, меркнет перед Палестриной, Лассо, Шютцем...

Может, это временно?..

21 января 1973 г.

Да, я постоянно думаю о тебе... конечно, я отдаю себе отчёт в собственных мыслях и поступках... я давно подготовил себя для

последнего прощания с тобой... но я не могу подготовить себя для прощания с Генрихом... Это слишком мучительно для меня, и попытка эта бесчеловечна!..

Сколько бы я отдал для того, чтоб вернуть 1969 год! Эти заснеженные скалистые горы, уходящие зубцами вершин к звёздам... Эти бессонные чистые ночи во вдохновенном одиночестве... Эти много-часовые прогулки по безмолвному побережью... Эти невинные слёзы с первыми лучами солнца...

О Господи!..

22 января 1973 г.

Два окна моего большого класса выходят в чащу высоких и сумрачных сосен, над которыми постоянно воюют галки с воронами. Их крики, словно бальзам, исцеляют мои душевные плачи, которые день ото дня становятся чаще, интенсивнее и беспощаднее...

Морозные ночи с открытой форточкой остро пронзают моё сердце, и звёзды бесчисленной чередой проходят пред моим зако-стевшим взором...

Господи! За что мне выпала столь тяжкая доля борьбы с самим собой!

До каких пор будет продолжаться этот поединок за лучшее и более совершенное?!

Когда же ты вознаградишь меня за все лишения, которые я претерпеваю?!⁹

Вл. Золотарёв – С. Чуюнову

Шатура Московской области, 22 января 1973 г., 13:00

Дорогой Серёжа!

Пишу, не откладывая, чтобы потом быть спокойным. Получил вчера твоё тёплое письмо, которое было для меня чем-то вроде камелька в холодную зимнюю ночь. Хотел вчера же и ответить, но засиделся почти до утра над разной мелочью для издательства, а устав, прилёт на диван и заснул с сигаретой (удивляюсь, как не спалил себе бороду!).

Последнее время устаю страшно, но что делать? Надо работать. Постоянно мучит меня какая-то тайная болезнь, о которой я дога-

дываюсь, но признаться себе в том, что это – она, боюсь. Словом, нехорошо.

Хотелось бы уехать в Швейцарию. Горный воздух – единственное лекарство для меня, но, увы... пока это невозможно. А месяца два такого воздуха так необходимы.

Ты наговорил мне в своём письме много приятного. Жаль, что ты многого ещё не слушал из моих вокальных, ф[ортепиан]ных и других сочинений. Надеюсь, всё-таки свидеться с тобой, ведь – парадокс (!), живём совсем рядом, «хочем» увидеть друг друга и не можем!

То, что ты «осенился» детским балетом, – это хорошо. Я давно думал над этим, но всё как-то вытесняют другие «более важные» дела. Я вообще хотел создать балет из трёх моих детских сюит, да и вообще у меня много детской музыки. Ведь детство для меня всегда – тот родник, из которого я вспоминаю для себя самое откровенное и светлое.

В Горький приехать могу, но не раньше февраля (по крайней мере, в первых числах или середине).

Рине передавай наилучшие приветы. Спасибо ей, что не забывает. Приятно, когда тебя помнят – единственное, что согревает душу в этой страшной неразберихе. Вот уже месяц без шести дней я не выхожу из своего убежища, разве только на почту и в магазин. Сочиняю мало, постоянно болен. Апатия и безысходность – вот мой «гарем», мои неразлучные любовницы...

Я задыхаюсь и не могу не признаться тебе в этом.

Рукопись, о которой я постоянно пишу тебе, выслать «нет» возможности. Надо встретиться, тогда полезнее будет и для меня...

Желаю тебе успеха в «[Советской] культуре». Жду вестей.

Обнимаю, всегда твой V.Z.¹³

Вл. Золотарёв – В. Большанину*

Шатура, Московская обл., 22 января 1973 г., 16:00

(...) Вы, мой дорогой друг, русский до мозга костей, а значит, вечно сомневающийся, терзающийся, отчаивающийся, самобичующийся и неудовлетворяющийся.

* Письмо Вл. Золотарёва – ответ на письмо В. Большанина от 6 января. – В.Б.

Вам ближе по духу Экклезиаст с его «суею сует»! но ведь и я такой!

В Ваши 26 лет я из себя ничего не представлял, да и сейчас ровно ничего не представляю!

Брукнер только в 30 (!) лет засел за свои контрапункты и гармонии! И только в 40 (!) лет написал свою первую симфонию, и Брамс в 40 лет!

Да сколько можно привести примеров! Тьма-тьмушая! Я понимаю, что в наш век, ох, какой страшный, но тем не менее прекрасный век, трудно с кого-то брать пример, да и зачем его брать!

Единственный пример – это душевная чистота, а это у Вас в порядке, можете не сомневаться.

Что же касается нашей греховности, то, что же здесь сказать, если мы грешны, значит, и все люди грешны, но далеко не все чисты душою! Вот чем надо гордиться! Катюша Маслова – великая грешница, но душа ангельская! А Таис? Анна Каренина? Печорин? Нет, это не литература, дорогой, это жизнь! А жить – это значит быть с людьми, а быть с людьми – значит грешить, ибо все грешат, от греха мы и созданы, но душе нельзя поддаваться соблазнам!

Тело что? Тело – подстилка, удобная для лежания, для ходьбы, а душа – это храм, где на всё человеческое налагается «табу», там всё божественное и вечно страждущее... Вечно рвущееся ввысь, в неизведанное и манящее...

Мне нелегко писать тебе эти строки, мой друг, ибо никто другой не знает, кроме тебя одного, той мглы, которой скрыта ото всех моя душа. Она для меня единственный пример для подражания. Я люблю её, я восхищаюсь ею, плачусь в её глубокие взоры и пью, когда не нахожу её в себе... Душу в себе надо всегда чувствовать, слышать её голос, дышать её воздухом.

Тогда все лучшие люди, когда бы они не жили, становятся твоей плотью, друзьями... а то, что мы живём, – это не жизнь, это так себе, вздор, бред собачий.

У меня находятся советчики и «продюсеры», которые поражены, что я (...) не пекусь о собственной славе, об издании своих opus'ов. У них руки чешутся от тех золотых жил, которые они ви-

дят в моих пустяковых значках, которым я не придаю значения, но кот[орые] утешают мою душу.

Я пишу только для себя и в этом нахожу высшее своё предназначение. А те, кому хочется иметь мою музу размноженной, пусть сами и занимаются этим ремеслом.

Но для души надо работать день и ночь. В этом единственный смысл жизни на нашей многогрешной земле... Поверь мне и трудись только с удовольствием...

(...) Я теперь холостой. Жаль Генриха! Как я плачу по моему любимому мальчику! Ну да ладно, пустое...

(...) Ты обязан написать обо мне статью в духе Густава Малера или Шёнберга, но лучше в твоём духе. Это не потому, что нужно мне... плевать, ты меня знаешь... (...)⁹

27 января 1973 г.

Сочинил несколько стихотворений...

* * *

Я часто трачу ночи напролёт
Я трачу дни... я трачу годы.
Кто из людей меня поймёт?
Что ради Вас держу я своды
Туманной дымки голубой
И звёздный свет ловлю глазами.
Войдите в мир мой золотой –
Шепчу молитву я губами,
А утром тихий голос жду,
С котом ленивым днём играю,
Приходит вечер – я дрожу,
Приходит ночь – я умираю.
Так день за днём,
Так год за годом. Я бреду
В толпе безжизненных скелетов,
Освищенный актер с закрытым ртом,
С разорванной судьбой, без эполетов.

Так день за днём
Черты меняются как листья,
Но мы по-прежнему вдвоём...
Пусть в сновиденьях, largo счастья.

* * *

Моей жене, любимой Аринушке...

Мне жаль тех дней,
что протекли в глуши забвенья и тоски по невозможному...
что не нашли тебя...
и не наполнились из родника твоей немеркнувшей любви...
мне жаль ночей, когда я грустно размышлял о том,
что люди в одиночестве своём
не ведают минут блаженных ликований...
не знают, как прекрасна жизнь
в мгновенья поцелуев жгучих,
касаний нежных и смешных немного,
но и серьёзных излияний... в омуте любви...
мне жаль тех лет, что протекли бездумно...
бесшумно пронеслись над временем времён...
и не застали раньше всех
излом твоей улыбки странной и дрожь ресниц...
как жаль, что пронеслась любовь...
под стук постельных колесниц...
под звон заплаканных страниц...
всего мне жаль... но кто зажжёт свечу в душе?..
пахучим воском утолит печаль молитвы запоздалой...³

Шатура, 28 января 1973 г.

Играл сегодня часов восемь...

Работал над Вторым концертом (для Беляева), Четвёртой сонатой, Второй партией, Четвёртой Детской сюитой, над «Оводом» и симфонией. Музыка очень нравится. Вот так бы и дальше! Продолжаю каждое утро заниматься гимнастикой. Сегодня также сочинил три стихотворения. Отпечатал без черновиков на машинке. Вообще, в ян-

варе, так, между делом, закончил вторую часть «Curriculum Vitae», сочинил около двадцати стихотворений, кое-что сочинил из музыки, почти переписал Романтическую сюиту для баяна (собрал из ранее написанных пьес... Токкаты, Вальса, Экспромта и Марша-скерцо).

Тоска не оставляет меня. Курю по-прежнему много и много пью...⁹

* * *

Я приходил к озёрам сумрачным, туманным...
и в тишине вечерней плакал до зари...
тогда я был влюблённым, странным...
кому не доверял мечты свои...
любой подросток, в искренность поверя,
готовый жизнь отдать за поцелуй
любимой женщины или девчонки,
которым нужен только...³

29 января 1973 г.

Разговаривал по телефону с Ириной...

Оба поставили точку после столь затянувшегося вопроса с многообразием. Грустно с нею расставаться... очень грустно... но необходимо. Несмотря на то что и Генриха я очень люблю, и к Владику привык и принял его со всеми его испорченностями...

Ветер снова несёт облачка снега, и что ждёт меня в этой одинокой и суровой жизни? Болезнь моя не проходит, и я перестал тревожиться о последствиях... будь, что будет. Получил письмо от Сенина. Тут же ответил ему и посоветовал, где приобрести партитуру моего концерта...

30 января 1973 г.

Проснулся около пяти часов утра... но не встал... после вчерашней выпивки чувства не располагали к сочинению – и я вновь погрузился в бред кошмарных сновидений... В половине одиннадцатого сделал гимнастику, умылся одеколоном... затем работал с учениками... прогулялся к почте... вернулся ни с чем... часа два поиграл... занимался перепиской нот, снова работал... слушал музыку... (...)

31 января 1973 г.

Проснулся, как и вчера, очень рано, даже на час раньше... но, как и вчера, не встал, а выпив несколько глотков чая, снова заснул. И приснился мне сон, в котором я запомнил очень четко два фрагмента: первый – в каком-то зале... не помню что и как, но какой-то субъект домогается маленькой девочки, а затем, повалив её на пол, начинает душить её. Я пинками заставил его отпустить девочку, а затем ещё раз руками разделал его физиономию.

Второй фрагмент – склон (очень крутой горы), по которой я довольно легко забрался на вершину. За мною поднялся какой-то мой спутник-приятель, но, не доходя до меня, остановился на близлежащей (чуть ниже вершины) площадке. За этим приятелем лез вверх ещё один, спутник моего приятеля... и лез он самым отвесным склоном, который переходил в пропасть. Уже почти что забравшись, он вдруг сорвался и закричал. Я успел резко схватить его за руку и, лежа на краю пропасти, держал его барахтающегося... мои силы иссякали, и я призвал на помощь моего приятеля, который перехватил его, словом, он остался жив... Итак, девочка – это диво, а вершина горы – удача.

Каждое утро хожу на почту, но... писем нет. Уже давно получил от отца «Подвижной контрапункт строгого письма» Танеева, но ещё ни разу не повторил ни одной главы. Хочу заняться этой работой всерьёз (в который раз!).

Первый месяц этого года прошёл быстро и хладнокровно... ничего замечательного он не принёс мне.

Шатура, 1 февраля 1973 г.

Заснул вчера в 23:30. Сегодня проснулся сам в 03:30, несмотря на то что вечером была небольшая выпивка. Сейчас 04:00 утра. Я успел проделать комплекс упражнений, около пяти минут обливался холодной водой и обтирался... Поставил на плитку чайник...

Перепечатал для Ирины стихотворения... последняя дань моей любви...

Писем по-прежнему нет... странные и невнимательные люди...

Слушал псалмы Листа... какая серьёзная и прекрасная музыка!
Но ощутимо влияние Антона Брукнера – это только возвышает гениального венгра, но нисколько не унижает его⁹.

* * *

Моей жене, другу, любимой Аринушке...

Я давно не писал столько радостных строк...
как давно не горел мой торжественный взор!
нет! Не жизнь преподала мне строгий урок...
я страданием вывел твой яркий узор...
не чертил я на синем морозном стекле
вензеля... и автографы я не считал...
джинсы модные я не носил...
в человеке лишь мысль уважал...
я мечтал до зари... как мечты я не знал!..
и ночами метался в бреду как безумный...
в каждый шорох земной, в каждый звук я вникал...
силясь тайну постичь жизни бурной...
ароматы цветов я ловил и рыдал
над упавшей звездой на рассвете...
и мой жаждущий взор твои губы ласкал,
как пчелиное жало пестик в букете...
и однажды во сне, как бывает порой...
я услышал прекрасные звуки...
словно время разверзлось над нашей судьбой...
обнимали меня твои руки...
на далёкой земле, где безмолвье царит...
встретил я долгожданные ночи...
твой огонь в моём сердце поныне горит...
это я говорю... между прочим...
я люблю!.. кто способен постичь эту синь?!..
эту бездну страстей!.. эту пропасть понятий!..
вырви душу!.. и сердце мне заживо вынь!..
не поверишь... но я, как и прежде, люблю!..
О, проклятье!³

* * *

Читатель мой и неизвестный друг,
Скажи по правде, честно, не тая,
Встречался ли с душой наедине
и плакал ли в отчаянье немом,
Сжимая рукоять холодного клинка
На слизистом холодном дне?
Смотрелся ль в зеркало в смущенье,
Встречая взор горящих глаз?
В непреборимом отчужденье
Желя умереть тотчас...
и позже, и всегда...
И днём, и ночью в мыслях завихренья...
Когда приходит зимняя пора
И подползают страшные томленья ночи,
И вечера зловещей синевой
В душе всё заполняют тишиной.
Когда прикасаешься спиной
К холодным простыням, рыдая...
И призывая смерть, в любовь играя,
Тогда является тот миг святой –
Свидания с душевной чистотой,
Вместилище всех снов заснеженного края,
безмолвных айсбергов,
прохладных эдельвейсов,
скалистых гор...
Идёшь, не зная для чего, куда, зачем.
Бежишь забытою тропой
в туманный мир счастливых детских игр
от прожитых бездушно горьких лет,
сгоревших веером бестелесных комет,
и нет желанья повторить их снова
Забыть иль заблудиться в детстве голубом,
Как в лабиринте склепа заповедном.
Прибой шумит...
и галька мягкая шуршит...

Иду по тихому и светлому закату...
Кленовый лист всё медленней летит...
Плывут по небу белые фрегаты,
В мои мечты упали первые зарницы...
Я собираю мысли старые и ночью
Листаю дневниковые страницы...
Перебираю в памяти все лица...
И долго плачу... впрочем,
Порой в отчаянье немом
Иду искать... куда...
зачем?
Не знаю сам.
И тут и там могильные кресты
Застыли в лунном отраженьи...
И на исцеление нет надежды...
Христос рукою тонкой машет мне...
И в изумленье безнадежном
Я из кусочков бересты
нежнейших голубых оттенков
слагаю строгие персты..
Походкой твёрдой иду к стенке...
зловещей тайной пепелищ,
свинцовой музыкой поющей...
палач ликующий, зовущий,
в профессии своей гниущий,
не ты ль убийца дальний
всех лучших муз моей мечты?
и гумилёвские черты
всё вновь и вновь напоминают
о том, что люди ведь не знают...
что лучшее от них скрывают...
что всех поэтов убивают...
снимая с них потом ботфорты
рукой кровавой из чека,
как Борман кожу для конверта...³

Москва, 3 февраля 1973 г.

Я дома! Какое чувство радости переполняло меня, когда я шёл к своему родному и единственному очагу! Постучал в дверь... открыл Владик и бросился мне на шею с криком: «Папа!» Я обнимал и целовал его. Затем Генрих выбежал из спальни и зачастил: «Папа... папа... папа...» Слёзы текли у меня по щекам, и я не пытался их скрыть...

Говорил с Галиной Моисеевной. Дал почитать выборочно свои стихи... С тревогой и волнением ожидал мою любимую – Иринushку. И вот она вошла... красивая, гордая... моя жена... единственная...

Москва, 4 февраля 1973 г.

Полночи не могли заснуть. Лежали вместе, обнявшись, и шептались друг другу самое сокровенное...

Боже мой! Как мне чудесно с ней. Нет никого в этом мире, кто бы заменил мне этот аромат её кожи, эту сладостную и добрую улыбку...

Каждый раз при ссоре я думаю, что всё кончено, и каждый раз я, вновь встречаясь с ней, вдохновляюсь и умираю от её очаровательных движений и прикосновений. Вот уже четвёртый год, как я люблю её, не переставая, желаю её физически, духовно... мы лежали с ней и перечитывали мою последнюю работу Curriculum Vitae... перечитывали мои последние стихи, ей посвящённые, и в метре от нас пощипывал наш удивительный мальчишка, наш сын Генрих...

5 февраля 1973 г.

Ирина готовила обед, а я с Генрихом гулял... катал его на санках, а затем он сам толкал санки с горки и бежал вслед за ними, при этом смеясь и радуясь... Вот счастье! Вот в чём счастье! Сколько я пережил томительных ночей, чтобы дожидаться этих блаженных мгновений... Через полчаса Иринushка позвала нас обедать... Я обнимал её руки, ноги и не мог насладиться её божественным ароматом... потом мы снова лежали вместе с ней в постели и тихо шептались друг другу всё, что накопилось за долгие эти почти полутора месяца...

6 февраля 1973 г.

Проснулся рано, но моя любимая Иринушка не дала мне подняться, видя мою усталость. Целовала и говорила на ухо: «Ты поспи ещё... хороший мой, любимый... Я разбуду тебя к завтраку... И я заснул самым счастливым сном в своей жизни... Потом мы завтракали. Ели манную кашу на молоке с маслом и яйца всмятку, запивая чаем с белой булкой... одели Генриха и отвезли в ясли. Как он, хороший, плакал! Затем Иринушка проводила меня на электричку в Шатуру. Мы стояли с ней и смотрели друг на друга... Я люблю её так же, как и раньше... но только ещё нежнее, ещё более самоотверженной...

Всю свою жизнь посвящаю для неё.

Шатура, 7 февраля 1973 г.

Дорогая моя! Хорошая, любимая! Иринушка! Сейчас 10 часов вечера. Я только что закончил свою часовую импровизацию. Как жаль, что нет магнитофона, чтобы записать это на плёнку. Редкая и впечатляющая импровизация!

За окном падает крупный снег... Медленно и прекрасно опускаются сценичные снежинки. Пока пишу о тебе, поставил пластинку с сонатами Баха для виолончели с клавесином в исполнении Шафрана и Волконского. Сегодня чувствую себя приподнято и удивительно жизнедеятельно! Хочется писать, смеяться, бежать к тебе, обнимать тебя и носить на руках... целовать и любить безмерно.

Шатура, 8 февраля 1973 г.

Вчера слушал свой концерт. Рядом сидели Александр Павлович, Георгий Васильевич. Никто не говорил ни слова, а Георгий Васильевич даже всплакнул... Сегодня встал в 08:00 утра. Сделал гимнастику, умылся одеколоном, выпил сладкого чаю с бутербродом, сходил на почту...⁹

11 февраля 1973 г.

* * *

Прощай, любимая... Прощай...
Разлукой стал нам этот край...

Когда ещё придётся нам
Мечтать с тобой по вечерам...
Лежать в постели в полутьме...
И ждать священного мгновенья,
Как композитор – вдохновенья,
Забывшись в жарком полусне³.

27 февраля 1973 г.

X-СЕ № 639281 (12 февраля 1973 г.), (26 отд. мил.).

28 февраля 1973 г.

День был насыщенным от отчаяния до счастья. Утром долго не мог подняться. От усталости всеобщей или просто потому, что недоспал, но Ирина осталась недовольна и раздражалась по этому поводу. К одиннадцати часам дня мы крупно поссорились, и я, позвонив Фридриху, уехал к нему. Застал там Полю Вайдман. Фридрих поставил плёнку с будущей пластинкой, где на одной стороне он наиграл мою Партиту и Вторую сонату, а на другой – Баха, Куперена, Рамо и Мессиана*.

К обеду съездил на такси в Москонцерт насчёт Малого зала консерватории. Неудача. В 16:00 был у Беляева. Отдал ему запись своего концерта для баяна и оркестра. Смотрели партитуру. Он чего-то боится. По приезде домой разразился скандал. Вынужден был собрать необходимые вещи и уехал на такси к Фридриху. У него собралась компания. Выпили сухого вина. В половине одиннадцатого ночи я позвонил Нельсону, извинившись, что не могу подъехать, как ранее условились, но он попросил меня приехать!

Такси поймал быстро и через полчаса был на Семашко. Вольдемар был не один. Познакомил меня с Володей Виардо и Гришей – чудесные ребята. До двух ночи читали мои «стихи»! Странное знакомство композитора без музыки (но с литературными работами). Я очень понравился всем и произвёл неплохое впечатление. Виардо удивительный человек! Пока я не до конца сумел схватить его сущность, но он производит неизгладимое впечатление, несмотря на его

---

* Не Мессиана, а Дакена. Мессиан вошёл в другую пластинку. – *Ф.Л.*

молодость. Много говорили, и всё обо мне. Чуть ли не «допрос». Как я работаю? Что мне ближе всего? Чем я дорожу больше всего? Около двух ночи я подбросил Гришу до его обиталища у метро «Аэропорт» (ул. Красноармейская), а сам «перекантовался» на вокзале до электрички в Шатуру.

Надо страшно много работать! Позволить себе ещё несколько дней для равновесия, и за труд!

Симфонию для Вольдемара закончить не позднее, чем к марту (25–28). Планов много.

Слушаю псалмы Листа. Божественнейшая музыка! Вот источник, из которого черпал Малер (и даже Брукнер!) для своих «Песен странствующего подмастерья» и «Песен об умерших детях».

12 марта 1973 г.

Странное состояние не покидает меня ни на минуту. Тоска по невозможному... Тоска по мирозданию...

Смена контрастов, сопоставление... интонационная вязь, раскрепощение тональности как таковой, но в то же время постоянное опевание какого-то единого интонационного звена, – всё это придаёт музыке движение, броскость, но броскость глубинную, содержательную, лишённую расплывчатых черт, никаких эффектов. А если эмоциональное воздействие и подразумевает впечатление от эффектов, то эти эффекты, подобно драматическому действию, продуманы и упорядочены.

Обоих композиторов роднит связь с И. Стравинским.

Разнообразие метро-размера, острота ритма и развёртывание мелодического материала как бы цепляясь за предыдущий, – весь этот комплекс следует из творчески переосмысленных традиционных черт русской музыки, берущей своё начало из глубокой древности.

Концерт А. Рыбникова значительно отличается от концерта Волкова.

Лично мне понятно, почему большинство профессиональных баянистов (в том числе и широко известных лауреатов Международных конкурсов) отдали дань предпочтения концерту Чайкина, который, бесспорно, этически уступает вышеназванным произведе-

нием. Мне думается, баянисты, покинув «оазисы» конъюнктурных сомнительных композиторов с бесчисленными обработками народных мелодий (далеко не в лучшем варианте), не дошли до вершины большой музыки, где порой не только грустно, но и холодно.

Мне не раз приходилось сталкиваться с непониманием элементарных вопросов в современной музыке, причисляемых к какофонии и бессмыслице... Но надо отдать справедливость, что баянисты в этом не виноваты. Произведения, на которых они воспитывали свой вкус, не блещут мастерством, хотя почти все лауреаты – прекрасные исполнители. Э. Митченко отличается одержимостью в приобретении новых произведений. Очень жаль, что порой в его репертуар попадают сочинения, написанные в спешке «между делом». Ф. Липс – это весьма одарённый музыкант...

Баянисты переживают кризис концертных программ, но, если вдуматься, то уже есть несколько интересных произведений (совершенно пока неизвестных, за исключением первого исполнения), которыми они могли бы с успехом пополнить свой тонкий портфель. Такие исполнители, как Беляев, Галкин, Вострелов, могли бы завоевать симпатию композиторов Волкова, Рыбникова и других, если бы постоянно играли их произведения. Но какой композитор отважится писать сочинение, если его первое исполнение остаётся последним? В итоге баянисты сами рубят под собой сук. Пишут и говорят о новом интересном репертуаре и совершенно оставляют без внимания этот репертуар, пусть небольшой, но высокохудожественный. Конечно, для этого необходимо создать какие-то новые формы распространения этих произведений. Музыку К. Волкова отличает однородность интонационного развития. Всё из одного материала, нет чуждых, случайных оборотов. Вязкость – вот присущие черты К. Волкова и А. Рыбникова¹⁰.

Вл. Золотарёв – С. Чуюнову

Шатура, Московская обл., 15 марта 1973 г.

Серёжа! Дорогой!

Прости, что задержался с ответом. Начал было тебе письмо в тот же день, но не закончил, а потом не нашёл его (затерялось в бумагах), потому и пишу с опозданием.

Спасибо тебе душевное за хорошие слова, за поддержку... Ты просто чудесный, талантливый человек, вот потому так и думаешь обо мне, а я... Впрочем, не буду. Мне показалось несколько странным то, что ты не пишешь о работе: над чем работаешь? Как протекает она (работа)? Сразу, чтобы не забыть, спешу сообщить тебе, что в марте, вероятно, не смогу приехать из-за некоторых трудностей в связи с деньгами, а в апреле, если можно, то подъеду. Я долго думал о том, что к сюжету на «Овод» деятели охладели только потому, что нет настоящей музыки, а её не каждый напишет... словом, мне даже приятно от мысли, что я не оскорблю хорошего композитора тем, если издам музыку к «Оводу», потому что таких композиторов нет. Шостакович в счёт не идёт, ибо музыка для кино... Мои дела скверно идут. Всё медленно, с муками проявляется на бумаге... нота к ноте, такт к такту и снова многие недели – пустота... 13 марта в Гнесинском зале состоялась премьера моей Третьей сонаты для баяна (монументальное сочинение в додекафонной манере на 25 минут), играл Фридрих (Липс)... Исполнение было гениальным. Успех тоже был неожиданный и потрясающий. Вызывали несколько раз. Все в один голос говорили, что ничего подобного для баяна не было... Меня это мало волнует, но приятно. В общем, получил я большое удовольствие. Ведь это был мой пробный камень на том, как публика отреагирует на этот необычный *opus*, крайне сложный как в техническом, так и в музыкальном отношении. Фридрих совершил, прямо надо сказать, подвиг*. Вот пока все мои публичные успехи. Плохо то, что я постоянно в депрессии. Казалось бы, кризис (почти три года) должен закончиться, а он последним усилием хочет или свалить меня, или хотя бы затянуть это мучительное состояние.

Как-то случайно прочитал М. Коцюбинского. Рассказы, повесть «Тени забытых предков». Мне очень понравилось. Странно, что никогда раньше не читал его. Читал стихи Леси Украинки. Некоторые просто удивительные!

* Это была официальная премьера Сонаты № 3 в сольном концерте. А неофициальная была в октябре 1972 г. в Малом зале ГМПИ им. Гнесиных на классном вечере С.М. Колобкова, у которого я был в то время ассистентом-стажёром. – Ф.Л.

Из музыки: пока волнуясь, когда слушаю псалмы Листа с оркестром. Это уникальная музыка! Это то, к чему я стремлюсь...

Ну вот, кажется и всё...

Крепко обнимаю тебя. Твой Влад[ислав] Золотарёв.

Пиши сразу же. V.Z.¹³

Шатура, март 1973 г.

Весь прошлый месяц и до сегодняшнего дня был в странной депрессии. Не написал ни одного такта достойной музыки. В голове не присутствовало ни одной чудесной мысли.

С сегодняшнего дня вновь принимаюсь за гимнастику и строгий распорядок дня. Читка с листа.

Занятия на фортепиано. Подготовка концертной программы на баяне. Продолжить работу над балетом, симфонией, ораторией, тремя операми (Неточка Незванова, Мартин Иден, Дионисий), концертами для баяна и другими произведениями. Закончить «Curticulum Vitae» (ещё две части).

* * *

С рассветом снова в путь.

Качнулся бубенец.

И сердце замерло. Как отчий край далёк!

Крик петуха. Свет призрачной луны.

Заиндевелый мост. Следы от чьих-то ног.

Слетает с дуба на тропинку лист,

Цвет померанца белый над стеной

И мне невольно грезится Фугин,

Где перелетных птиц в прудах полным-полно.

Вень Тин-Юнь (818–872)

Я подумал внезапно о том, что несчастьем для современного человека-творца является мизерность расстояний при настоящей технике. Ему надо вырваться в космос, ощутить временное пространство, чтобы вновь возродилась душевная тоска длительного возвращения к родным – близким... Это играет колоссальную роль на творческое состояние...

* * *

Над вешними горами... дымка растает скоро.
Уже светлеет на востоке
И гаснут звёзды.
Озарена последним светом
Луны неясной,
Ты тихо льешь разлуки слёзы
Туманным утром.
Мы говорим долго-долго
Слова прощанья,
Но недосказанного много
Осталось в сердце,
И, оглянувшись, говорю я
С тобою снова.
Цвет платья твоего зелёный
Мне мил навеки.
Повсюду на траву я буду
Глядеть с любовью.

Ню Си-Изи (880–930)

* * *

Только горе изведав,
Знаешь радости полную цену.

Бо Изюй-И (772–846)

* * *

День кончился, печаль в душе моей...

За узкой ширмой слюдяной
Свечи очерчен силуэт.
Уже бледнеет Млечный Путь
И звёзд ослабевает свет.

Ли Шан-Инь (812–858)

На горной вершине
Ночую в покинутом храме.
К мерцающим звёздам
Могу прикоснуться рукой.
Боюсь разговаривать громко:
Земными словами
Я жителей неба
Не смею тревожить покой.

Ли Бо

На западную башню поднимаюсь,
Стою один в печальной тишине.
Смеркается. Осенний ветер с моря
Приносит песню к городской стене.
Луна над тёмными горами
Напоминает о разлуке мне,
И я тоскую по жене любимой
В осенний вечер в дальней стороне.

Ван Чан-Лин (698–765)⁹

Вл. Золотарёв – С. Чуянову

Шатура, Московская обл., конец марта 1973 г.

Дорогой Серёжа!

Письмо твоё получил. Решил послать быстренько открытку, т. к. на письмо нет ни минуты. Напишу сразу, как только просмотрю одну корректуру. Насчёт балета я разговаривал в Большом театре с Анохиным и с другими постановщиками. Все они настроены в настоящий момент на волну Майи Плисецкой, а значит, их не может интересовать ни одна другая идея, пусть даже самая гениальная. Остаётся Ленинград, Рига, Горький. Я рад твоим успехам и поздравляю тебя с «первыми ласточками» на поприще литературы. У меня всё по-старому – грусть и тоска, ведь я, в отличие от тебя, здесь совсем один... Обнимаю и крепко жму твою мужественную руку, твой Влад[ислав] Золотарёв.

Мой адрес прежний¹³.

Иваново, дом творчества, 10 апреля 1973 г., 10:30

Очень красиво здесь. Слушаю мессы Окегема и Палестрины.

11 апреля 1973 г.

Работал над балетом и ораторией.

Слушал Шютца, 4-ю и 8-ю Шостаковича с партитурой. Много играл. Анализировал с пластинкой (по партитурам) камерную музыку «Paroles tissées» и 2-ю симфонию Лютославского. Просмотрел и поиграл клавиры балетов: «Отелло» Мачавариани и «Алые паруса» Юровского. Бегло просмотрел (пока) «Искусство владимирских рожечников» Б. Смирнова и «Сборник Кирши Данилова». На столе два последних тома Рогаль-Левицкого.

12 апреля 1973 г.

Ветер свирепствует, а я сижу за столом и слушаю «Страдания Луки» Шютца. Взял в библиотеке симфонии Брукнера: 1, 2, 4, 5, 6, 9.

Просматривал эскизы. Столько начал! И ни одного конца! Все темы с большой претензией! Пока я не волнуюсь за оставшиеся дни, но надо много трудиться. Болят руки. Как бы не «переиграть».

13 апреля 1973 г.

Ночью должен был подняться (по режиму), но, вероятно, так устал, что не заметил, как снова заснул до завтрака. В отместку за такую вольность эту ночь (до следующих двух часов сна) буду трудиться. Показал днём кусок симфонии Боре Шнаперу. Ему понравилось. Отсутствием аппетита я не страдаю и поглощаю всё с завидным усердием⁹.

Вл. Золотарёв – С. Чуюнову

Иваново, дом творчества, 13 апреля 1973 г.

Дорогой Серёжа!

Прости, что снова опаздываю с ответом на твоё письмо от 23.III.73. Забегался по издательским делам. Масса ненужной и вредной работы для ног, глаз и головы, но что поделаешь... В апреле тоже не смогу приехать, т.к. до 1 мая пробуду в доме тв[орчест]ва.

Работы много. А ещё ничего не сделано, в том числе и балет. Музыка подвигается медленно, постоянно приходится изменять и... словом, трудно писать хорошую музыку. Пиши мне до 30 апреля сюда. Обнимаю, крепко жму руку. Твой Вл[адислав] Золот[арев]¹³.

14 апреля 1973 г.

Дождь моросит, не переставая... и сомнения также постоянно преодолевают меня... суждено ли мне быть композитором? Быть может, мой талант в литературе? Или истории? Может, просто быть человеком независимо от профессии? Лесником ли, путешественником, ...как трудно работать с такими мыслями...

Девятая симфония Брукнера напоминает мне пору давних лет в Магадане, на «Снежке»... когда я так боготворил одиночество, внимал ему ночами и слушал его таинственный голос... а теперь... как оно мучительно для меня... и за что, Господи, ты так несправедлив ко мне? В каком поколении остались грехи непрощённые? И почему я должен нести их на своих таких непрочных жизненных мостках?.. Где и когда конец этим страданиям?.. Только мой дорогой Антон поддерживает мой упавший дух...

15 апреля 1973 г.

Начал писать додекафонные композиции для баяна.

16 апреля 1973 г.

Очень устал... Решил попробовать новый режим: после обеда спать до 22:00, не ужинать до утра.

Утром завтракать и работать до обеда. Что-то получится...

Двенадцатый час ночи... восхищаюсь «Всенощной» Рахманинова... какое божественное solo женского альты! Ах, какая жизнь у этой музыки!

Непреходящие ценности русского народа в его вокальной, хоровой музыке...

131-я кантата Баха! Какое совершенство! Сколько вдохновения! Любви! Возвышенности! Как добиться такого совершенства?! Второй раздел (solo тенора) с v.c., с.b. и детским хором изумителен по силе воздействия!

Иваново, 17 апреля 1973 г.

Состоялась наконец возможность прослушать кантаты Баха на десяти пластинках «Eterna». Слушаю сейчас 117-ю и 131-ю кантаты, № 79, 137. ...Кстати, одновременно составляю схему симфонии, которую пишу.

Слушаю № 138 и 51. Какое чудесное solo трубы из 137-й кантаты на фоне солирующего тенора и контрабасов с виолончелями!

Музыкальное произведение должно соответствовать времени. Музыка должна соответствовать действительности, но если действительность не соответствует идеалу художника, последний вправе уходить во временное пространство другой действительности – ирреальной⁹.

Вл. Золотарёв – В. Большанину

Иваново, дом творчества, 17 апреля 1973 г.

(...) Я не намерен много писать, ибо тружусь в поте лица (в самом прямом смысле). Союз [композиторов] направил меня сюда для создания оратории на революционный сюжет, а я делаю всё то, что давно кому-то обещал, или тому подобное, а оратория пока спит. Место здесь прекрасное. Здесь всего 19 дач (на каждого отдельный домик с двумя комнатами, роялем, радиолой и т.д. и т.п.).

Работаю я 18 час[ов] в сутки: из них 3 час[а] – сон, 1 час на трапезу и два часа библиотека и разные мелочи, вроде настроить по-быстрому письмо...

Недавно была премьера монументальной Третьей сонаты – успех был неожиданный.

(...) Что пишу сейчас? Симфонию (интересная!), Второй концерт для баяна, балет, оперу, вок[альную] музыку, ф[ортпиан]ную и т.д. (...) ⁹

18 апреля 1973 г.

Лежу в постели и при настольной лампе пишу. На часах 19:30. Через полчаса начинается работа. Почему же я не встал, не занял своё место за столом и не стал работать, а занялся «литературой»? Потому что приснился сон... Бродили мы с тобой, Иринushка... (...)

19 апреля 1973 г.

Осталось работать 10 дней. Ровно половина.

20 апреля 1973 г.

Повторно слушал «Размышление» для сопрано, органа и ударных (на текст Исайи) Августина Блоха и его Expression для soprano и оркестра. Фрагменты есть интересные, с талантливой музыкой. Пять песен В. Лютославского хорошо сделаны, но далеко не то, что хотя бы его же «Paroles tissées». Сероцкий не понравился, за исключением небольших клочков... Здоровье моё восстановилось. Сегодня принял холодный душ. После ночной работы так приятно побыть под струей холодной воды. Работал над «Оводом». Непонятно, но особенно активно болело сердце. Вчера снова был в лесу. Сумерки встретили меня по возвращении. Каких только пернатых нет здесь!

Иваново, дом творчества, 21 апреля 1973 г.

Слушал квартеты № 5 и 4 Бартока. Его же Второй скрипичный концерт. Органную музыку Обрехта и оперу Ю. Буцка «Белые ночи». Лучшее впечатление получил от Буцко – талантливого и с мастерством! Перед ужином позвонил Боря Шнапер, пригласил послушать его 3-ю симфонию. Слушаю по партитуре (с записью). Впечатление очень хорошее (можно сказать, не хуже, чем от Буцко), очень приятная партитура во всех отношениях, Тимур по-прежнему постится. Молодец! А мы все безбожники. Кстати, он и в другом счастливей – был на «Варшавской осени», встречался с Лютославским. Моя симфония всем очень нравится. Надо над ней работать. Пока только эпиграф к роману, а романа ещё нет.

От моей дорогой жёнушки нет ни словечка; что бы это значило?..

22 апреля 1973 г.

О, как похожа 10-я Малера на тему Adagio 9-й Брукнера! Почти ночь просидел над Девятой Антона [Брукнера]. Анализировал каждый такт, интервал и ритмоформулу. Сколько фантазии, выдумки, математической расчётливости! Какое мастерство контрапункта я обнаружил!

21:30

После ужина задержался на несколько минут у телевизора, чтобы вспомнить (по прекрасным кадрам о Ленине), ради чего я выбрал профессию композитора. Все эти годы (начиная с 68-го) я часто забывал (а в последнее время особенно) свою единственную и трудную дорогу восхождения к высотам человеческого духа. Я порой забываю о тех, кому сейчас так же плохо, как было мне в мои 22–23 года (в «застенках жизни»). Помнить об этом надо ежедневно! Революция – обновление. А революция в музыке – это Новая жизнь!

Иваново, дом творчества, 23 апреля 1973 г.

Начал переложение Девятой Брукнера для баяна. Написал главную тему.

Ещё много раз (по партитуре) слушал 2-ю симфонию Лютославского. (Я был не прав (10.IV.73.) Эта мастерски сделанная музыка всё-таки не моего берега камушек. Музыка не волнует мои чувства – она восхищает мой разум. Не спорю (быть может, мои чувства не созрели, по моему же собственному выражению), здесь скрывается величайшая концепция, но... это не Шостакович, у которого всё происходит так, как и должно произойти (или у Шёнберга, Веберна): никакой импровизационности, всё подчинено логике не только композитора, но и некой логике вообще. Логике вне композитора.

24 апреля 1973 г., 09:00

Почему в эпоху Танской династии (618–907) столь высоко поднялось поэтическое творчество? Потому что бедствия народа (постоянные войны, перевороты, голод, болезни) в большой массе внушали великое сочувствие, которое, в свою очередь, выражалось высокими нравственными взлётами, без которых немислимо чувствовать чужое горе или радости, а отсюда – невозможно создавать значительные произведения.

Татаро-монгольское нашествие разбудило в русском человеке Рублёва и Дионисия. Бедствие в Китае возбудило умы талантливых поэтов. Сострадание к человеческим несчастьям пробудило самые мудрые и нежные струны всех гениев человечества.

* * *

Когда я в осеннее утро,
Узник с далёкого юга,
Слушаю пенье цикады, –
Думы меня терзают.
Цикада, скажи, зачем ты
Ко мне под окно прилетела?
Зачем ты напевом грустным
Тревожила меня, седого?
Роса твои крылья смочила,
Они тяжелы для полёта,
И сильный пронзительный ветер
Твой голос легко заглушает.
Никто в этом мире грязном
В твою чистоту не поверит,
Хоть ты и поешь свои песни
От самого чистого сердца!
Я видел там, на тропинке,
Твой след, не смытый дождём.
Как пахнут влажные травы
У входа в запертый дом!

В который раз слушаю квартеты Бартока. В 1-м квартете мне нравится спокойствие... рядом с драматизмом мелодических линий (I часть). Но больше всего люблю неуловимо фантастические образы.

22:15

С 16:00 до 20:00 спал. Потом выпил кефир и съел творог, а котлеты с жареной картошкой отдал Ашоту, хотя есть очень хотелось (ведь я не завтракал), но ночь надо работать, а потому мясо – это катастрофа. Открыл окно и любуюсь гладью озера, в котором отсвечивают звёзды. Чуть слышно доносится пыхтение паровоза... в деревне лают собаки.

«цветы сливы» – весна

«кукушка» – лето

«хокку» (17 слогов) «танка» (31 слог)

(5+7+5), (5+7+5+7+7).

Иваново, дом творчества, 25 апреля 1973 г.

Где же свободная личность? Где высокие и благородные идеи? Где горячая и непримиримая вражда к угнетению человека, который должен быть независимым и свободным по своему складу и стремлениям? Где то поэтическое воображение, искренность чувств, способность глубоко ощущать прекрасное, красоту, изящество?!

Думаю над сжатостью, лаконизмом стихов древних китайских поэтов. Вот бы подобное в музыке! Но для этого нужна особая система, «прокрустово ложе». Ни fuga, ни додекафония не подходят к подобным категориям. А я, честно говоря, давно подметил у себя склонность именно к такому решению проблем моего музыкального мирослышания... Об этом надо подумать. Важно ещё, чтобы каждое новое музыкальное «хокку» или «танка» начиналось конечными звуками предыдущей пьесы. Или на одну и ту же тему (или идею) создать много разных по стилю и языку подобных brevis(ов).

«Brevis № 1»

«Афоризмы»

Всю жизнь бежишь в погоне за неведомым, а в конце концов вновь возвращаешься к Библии и Гомеру...

Иваново, дом творчества, 26 апреля 1973 г., 21:40

Предыдущую ночь прекрасно работалось. Писал исключительно только музыку и совершенно новый материал! Сейчас после ужина (съел творог, рыбу, чай с булкой) слушаю Девятую Брукнера, чтобы с Тимуром (после обеда) прогулялся на почту. Получил сигареты, высланные моей любимой Аринушкой.

27 апреля 1973 г.

У Брукнера на редкость исключительное цельное мышление, чистота стиля, удивительная фантазия контрапункта, неподражаемое симфоническое мышление, и венчает все эти редчайшие качества целомудренная красота, изящество и вместе с тем необычайная простота.

Так уставал, что засыпал за инструментом. Задавал себе дурацкие вопросы от каких-то лиц и отвечал на них. Не в силах побо-

ротъ сон, сделал преждевременную гимнастику и принял холодный душ. Пока во всём теле вялость. Как будет дальше? Кофе подошло к нулю. Чай ещё есть... сахар тоже, а главное – сигареты (подарок моей любимой жёнушки).

«Если пролетариат будет иметь власть, то нам придётся долго ждать «порядка», а может быть, нам и не дожидаться, но пусть будет у пролетариата власть, потому что сделать эту старую игрушку новой и занимательной могут только дети» (А. Блок. 30.VI.17.).

Москва, Дом композиторов (ресторан), 6 мая 1973 г.,

«...дни человека как трава, и вся зеленая трава сгорела... всё погибнет в пламени...» (Гамсун, с. 178 «Голода»).

Странно, но я прожил почти такую же жизнь, что и герой «Голода» (Гамсун).

Гамсун – это дальше и глубже (нет, Гамсун лирик!), чем Достоевский. Очень жаль, что в наши дни его не знают, а если и знают, то не так, потому и недооценивают.

Май
Вечерняя прелюдия

Не легли ещё тени вечерние,
А луна уж блестит на воде.
Всё туманнее, всё суевернее
На душе и на сердце – везде.

Из цикла *Ante Lucem* («*Перед светом*»)

«Таинственные видения»

Отворяются двери – там мерцанья,
И за ярким окошком – видения.
Не знаю – и не скрою незнания,
Но усну – и потекут сновидения.

Цикл «*Распутья*»

9 мая 1973 г.

Отчитывался перед Я. Солодухо*.

Показывал Сонату № 3 (Симфонию) для баяна в исполнении Липса.

11 мая 1973 г., Москва

Был с Фридрихом у Денисова дома. Он играл мою 3-ю сонату. Поразила меня библиотека. На прощание Э. В. дал мне Одиссея Даллапиколлы⁹.

В туманной дымке Спасская башня... и не видно стрелок. Который час?..

Из окна «Националя»...

О, моя юность!

Ты здесь встречала блеск и провожала ржавость. «Националь»!
Ты – колыбель моих страданий...

О ты, богиня, лучшая из лучших...

Встретил Володю Благовещенского! И сразу вспомнил ночные бдения с ним и Большанским! Прекрасная ночь! В скверике, летней ночью беседы о серьёзном... Бутылочка прекрасного вина... из горлышка...

И ночь, как дно бездонной бочки,

Всё поглотила в линии одной...

В бессонной жизни смутной «проволочки»³.

Москва, ВДК (Всесоюзный Дом композиторов), 12 мая 1973 г.

Поразительно, но мне сейчас пришла мысль, и я забыл её. У меня надвигается внутри ураган. Надо же такому случиться: я попал в банкетный вечер. И страдаю от рева, хлопанья и ора разных жлобов. Я не хочу упоминать по этому поводу Всевышнего, но это такие отбросы, что не передать.

Ах! Я вспомнил Льва Михайлова! Нет! Я напишу ему! Быть может, лучше, чем Эдисон!

---

* Начальник закупочной комиссии Союза композиторов СССР. – Ф.Л.

28 мая 1973 г.

Был у Денисова. Последний подарил мне две партитуры Булеза на стихи Малларме и дал лекции и письма Веберна⁹.

30 мая 1973 г., Москва, кафе «Москва»

Человек ищет счастья, но так и не находит его.

3 июня 1973 г., 19:00

С этого дня ведёт начало моя «Vita Nova».

На душе очень тяжело. Мрак окутывает мои чувства. Долю своей вины я осезаю остро, и нет молитв, которые замолили бы её, но я надеюсь моими высокими деяниями искупить эту вину перед Иринушкой (*далее вымарано*)... в этом надо признаться окончательно. И незачем мучить её своими естественными выходками.

С сегодняшнего дня вести каждодневные записи.

С сегодняшнего дня начинается работа!

Томилино (курица, супы, голод, снег, обтирание).

Москва, 4 июня 1973 г.

Получил перепечатанные лекции Веберна.

Москва, пр. Вернадского, Удальцова, 6, кв. 144, 6 июня 1973 г.

1877 – повесть «Загадочный человек» (опублик.), 1878 – «Свидание» (баллада) (напечат.) «Фрида», 1882 – «Америка», 1886 – снова «Америка» (воздействие Ницше), 1890 – «Голод» (опубл.), из «Духовной жизни Америки» (очерки), 1890 – «Мистерии», 1920 – «Женщины у колодца», «Редактор Монче» (1892), «Новые всходы» (1893).

Памфлетно-критические романы: «Пан» (1894), «Виктория» (1898), «У ворот царства» (1895), «Игра жизни» (1896), «Вечерняя заря» (1898), «Бенони», «Роза» (1898), «Мункен Венд» (1902) (пьеса), «Царица Тамара» (1903), «Во власти чувств» (1910), «Под осенней звездой» (1906), «Странник, играющий под сурдинку» (1909), «Дети времени» (1913), «Городок Сегельфосс» (1915), «Последняя глава» (1923), «Соки земли» (1917).

Трилогия – «Бродяги» (1927), «Август» (1930), «А жизнь идёт...» (1933).

7 июня 1973 г.

Был в консерватории, чтобы вернуть Денисову лекции Веберна, но его не оказалось.

В преклонном возрасте человек не живёт настоящей жизнью, он питается воспоминаниями. Мы подобны разосланным письмам, мы уже доставлены, мы достигли цели. Не всё ли равно, принесли мы радость или горе тем, кто нас прочёл, или вообще не вызвали никаких чувств.

...Эта женщина была такой, каких издавна знают мудрецы: беспредельно малый разум, беспредельно великая безответственность, легкомыслие, суетность.

В ней многое было от ребёнка, но ничего от детской невинности.

Мне странно нехорошо последнее время.

Я хочу работать, но нет возможности окончательно засесть за стол из-за отсутствия окончательного решения о выборе места.

Ни музыка, ни литература, ни философия, ни наука в отдельности никогда не смогут создать тот сложный мир, в котором и которым живёт человек. Только синтез всего этого и синтез гениального взора человека способны открыть и раскрыть тайны нашего бытия.

Дети! Только дети могут называться людьми! Ибо они дети земли, а вырастут они – и потеряют свою родину.

До 30 лет я испытал самое большое воздействие от писателей:

К. Гамсун	Гершензон
Г. Гессе	Кириевский
Г. Мелвилл	Вл. Соловьёв
Т. Манн	Булгаков
Ф. Кафка	Гумилёв
А. Белый (пьесы)	

Я не подражал в своей жизни и творчестве никому. Если впоследствии я узнавал в ком-то свои черты и привязанности, то искренне радовался тому, что эти личности были самыми дорогими для меня.

Иваново

Вся история человечества – это самоубийство³.

8 июня 1973 г.

Какая прелесть жить в одиночестве и постоянно о чём-то размышлять. С чистым сердцем восхищаться красивым женским лицом...

Удивительная девочка, поразительно красивая. Моё сердце готово выскочить... мне кажется, что стул подпрыгивает при каждом ударе! Поворот головы, движение рук, улыбка... всё волнует меня. «О, мадам, выйдите из своего замка и посмотрите, Ваш путь усеян розами!»

Если хотите иметь женщину – жену, друга и единомышленника, то женитесь на девочке моложе себя, красивее и привлекательнее. Воспитайте из неё то, что вы хотите.

9 июня 1973 г.

Я дважды вызываю восхищение незнакомых людей, которые справляются о времени. Я называю время точно минута в минуту. Они недоверчиво переспрашивают у других и ещё больше удивляются*.

10 июня 1973 г.

«К чему все высокие запросы? Что ты заслужил? Бонбоньерки со сладями, которые алчет лакомка? Хорошо. Но разве ты не мог каждый божий день созерцать мир и слушать шелест леса? А шелест леса прекраснее всего, что есть на свете» (К. Гамсун «Странник играет под сурдинку», с. 440).

16:00

Большой зал консерватории. Встреча с Михайловым.

12 июня 1973 г.

Только что ушёл от Льва Михайлова. Позавчера договаривался с ним встретиться на репетиции в Большом зале консерватории,

* Дальше – обширная цитата из К. Гамсуна.

но днём раньше я запил с австралийцами и проспал с похмелья. Сегодня же совершенно случайно зашёл в ресторан ВДК, где сидел с Толиком Любимовым и его братом ипил водку. Я взял чашку кофе, ибо денег на большее у меня не было. Поговорили очень хорошо. Затем поехали к нему домой, где он дал мне ноты для сакса и поставил пластинку. Пока я знакомился со всем этим, Лев сбегал в магазин за бутылкой шампанского. Две бутылки пива у него уже было куплено. Как чудесно мы с ним поговорили! В заключение он поставил плёнку одного вечера, где он, Давыдова, Бермен и другие делали импровизацию. Вообще он, бесспорно, музыкант колоссальный, а человек!

От Михайлова я поехал в Бабушкино. На часах было 12 с лишним. Посмотрев на пятый этаж тёмных окон, я не стал звонить, хотя очень хотел увидеть Ная.

Примостившись на одной из ступенек, я читал до рассвета Гамсуна и какой-то детектив, пока незаметно не заснул. Приснился мне пушистый кот.

В десять утра встретился с Кириллом. Взял 25 руб. Как стыдно! В понедельник следующей недели надо вернуть... Сегодня вторник... Сегодня я должен уехать.

13 июня 1973 г.

Гении не живут долго. Их или убивают, или они уничтожают себя сами.

Написать:

- Баян
- Концерт № 2
- Партита № 2
- Соната № 4
- Детская сюита № 4
- 24 додекафонные композиции
- Саксофон
- Соната (solo)
- Соната со струнным квартетом
- Концерт со струнным оркестром

- Трио (саксофон, гобой, фагот)
- Гобой
- Соната (solo)
- Концерт с оркестром
- Дуэт (баян, саксофон)⁹.

11:15 (Москва – Одесса)

Конотоп остался позади. Сколько изменений произошло за последние 10 лет! В это время года я был ещё в Магадане на 3-м курсе училища. В начале июля Ленинград. До октября месяца... тогда я восхищался И. Бочковой на концерте в зале Зеленого сада. Какой она была тогда девочкой, а я начинающим музыкантом, не говоря уже о композиторстве. Я поступал переводом в училище им. Мусоргского на баян! И не поступил! Затем армия до 1966 года! Знакомство с Ярустовским, Шагинян, из которого ничего не получилось. Снова Магадан в 1968 году, мой первый авторский вечер в большом зале Дворца культуры, а затем авторский концерт в малом зале этого же дворца. Москва, 1968 год. Лето на Архангельщине с Шентами и Шумилиным. Щедрин, Шостакович, Митченко... Снова Магадан... Чукотка и Бухта Провидения. 1969. Ирина. Магадан, «Снежная долина». 15 дней счастья! Во всей жизни... Москва... издательство, министерство, концерты... 1970, о, сколько мучительных дней, месяцев, мучительные три года... Семья Ирины... Наль, Карина, Эллка Ротницкая, Ветлуга... Воробьи... поездки на ракете, лодки, лилии, пионы. Снова Магадан, Талая, Магадан. Москва. Генрих. Б. Чайковский, консерватория, иностранцы, Хренников, ученики. Все люди – негодяи, я, быть может, – лучший из них¹⁰.

Вл. Золотарёв – Ф. Липсу

Смела, 15 июня 1973 г.

Дорогой Фридрих!

Прости, что пишу на открытке. Не уверен, что получишь письмо, потому и высылаю «разведчика» для того, чтобы обменяться летними координатами, дабы не потерять связь. Напиши мне подроб-

нее о поездке в Норвегию. Как-никак ты побывал на родине Гамсуна и Грига! Это, наверное, очень интересно! Прости также, что не дождался тебя, но поверь, я так измучился без работы, что не выдержал. Пиши скорее. Очень жду.

Обнимаю тебя, твой Золотарёв (V.Z.).

P.S. Приветы твоему окружению¹².

Вл. Золотарёв – С. Чуянову

Смела, 16 июня 1973 г.

Дорогой Серёжа!

Я вновь на Украине. Не смог тебе написать ранее по многим причинам: во-первых, был в бегах постоянно до последнего дня перед отъездом; во-вторых, крайне был измучен всякими личными отношениями с близкими.

Вначале я надеялся захватить в Горький, но министерство обнадёжило меня, и аванс по договору перенесли на 25 июня. Дай бог, если вышлют эту небольшую сумму, ибо я живу в одной избе под залог. Будет трагикомичный номер, если вновь отсрочат высылку денег.

Словом, переживаю сейчас не совсем бодрое время. Наш Генрих уже вырос достаточно, болтает без умолку. Это мне не нравится. Во всём остальном мальчик хорош.

Не пишу ничего вот уже более месяца. Жуткое душевное состояние. Читал, правда, за это время много интересного: во-первых, имел возможность познакомиться с прекрасной партитурой композитора Луиджи Даллапиколлы. Его опера «Одиссей» – это поистине шедевр современной музыки.

Во-вторых, Эд[исон] Денисов подарил мне несколько редких партитур (в том числе Пьера Булеза), которые я проглотил разом. Ну и, в-третьих, с восхищением прочитал, а затем перепечатал лекции и письма Антона Веберна (перевод брата А. Шнитке). В-четвёртых, перечитывал «Пана» и «Мистерии» Гамсуна, а также его «Викторию», «Странник играет под сурдинку» и другое (короче – двухтомник). Какой мощный писатель! Могучий и непосредственный – в этом его современность. После Достоевского никто так ещё не писал чисто!

Что я ещё подделывал?.. Да, «продал» Союзу композиторов Третью сонату за 500 руб. Из-за которых крупно поссорился с Ириной: надо было вернуть долги, и я, конечно, сглупил, что не сказал ей об этом. Ну, это неинтересно... как и неинтересна наша жизнь... Теперь об Оводе...

Серёжа, я понимаю, как ты нервничаешь. Понимаешь, мне думается лучше, если ты не будешь дожидаться, пока я закончу хотя бы часть балета, и попробуешь сотрудничать с кем-нибудь из композиторов. Я эти годы страшно вышел из формы, и работа движется страшно медленно. Я писал тебе, наверное, что Беляеву должен уже более двух лет Концерт для баяна с оркестром. Должен много музыки в самых разных жанрах и не могу выпутаться из этих долгов, равно как и из денежных. Вся надежда на одинокую жизнь, если я не обманываюсь и не обкрадываю себя. А балет я закончу, если я уж взялся за него, но когда? Вот в чём вопрос. Ты знаешь, что я пишу одновременно массу вещей и довольно крупных, а потому мне трудно, не в пример многим (вернее – некоторым) моим коллегам, в том числе – на «Западе».

Пиши мне: г. Смела, Черкасская обл., Почтамт, до востребования.

Я часто буду здесь бывать.

«Надейся, дитя, на завтра. Будем верить в будущее».

Что же мне ещё остаётся...

Крепко обнимаю тебя, твой Вл[адислав] Зол[отарев]. V.Z.¹³

Смела, 16 июня 1973 г.

Говорят, что люди, ведущие дневниковые записи в тридцатилетнем возрасте, потенциальные трупы... Что ж, может быть, это и так... Но я не могу не писать... в моей душе что-то надломилось, и это я почувствовал с 1970 года, когда моё разочарование достигло своего апогея, а эпилог не пугает меня, хотя мои нерастраченные силы силятся как-то найти выход и чаще в неосознанных инстинктивных порывах... Безразличие плотным туманом заволочло мои лучшие чувства и мысли. Все мои мечты кажутся теперь смехотворными и пустыми, когда я порой пересчитываю в уме всех ве-

ликих людей, служивших человечеству... присоединиться к ним тысячным, миллионным или миллиардным? Ну и что? Даже быть одним из лучшей сотни или десятки... Что из того? Меняет ли это перспективу человеческой жизни? На какой-то микроскопической планете, на которой все пожирают друг друга, каждый хочет быть лучше другого, а итог? Тот же Йорик в лучшем случае... Нет утешения в этой скользкой жизни... а любовь? Что она стоит? Любая непредвиденная случайность тут же уничтожает её, и человек снова одинок... Всё непостоянно, вся жизнь словно вертеп на мельничном колесе, которое низвергает с высоты, чтобы поднять ещё раз, и так бесконечно... и дальше этих ощущений человечество не идёт. Каждый индивидуум в отдельности – это словно улитка при мельчайшей опасности извне ловко забирается в собственное убежище. Я прогуливался поздно вечером по аллеям парка. Молодежь прыгала на танцплощадке, ходила группами, парами... и я поймал себя на мысли, что моя юность и молодость пронеслись в угаре творчества, из-за которого я не замечал всего этого веселья, которое навсегда ушло для меня и никогда уже не придёт. Так какого чёрта я просиживал годы, чтобы нацарапать несколько нот или записать несколько мыслей... В чём смысл жизни? Странно, но всё чаще и чаще я ничего не делаю, а тихо сижу, уставившись в одну точку, или сплю, или читаю пустые книги, чтобы как-то убить время. Во мне завёлся кто-то дурной... мои сомнения всё чаще навещают меня, и я стал бояться одиночества. А когда-то во мне горел огонь познания. С каким восторгом слушал я музыку, когда наивно полагал, что появляется она чудесным образом, а узнав, что музыка сочиняется по своим законам и расчётам, то утратил многое...

У меня был прекрасный вкус, а интуиция моя была поразительной. Сейчас я в этом уверен. Мне нельзя было пускаться в это опасное путешествие среди толпы современности. Мне необходимо было жить в уединении, среди лесных шорохов, в глуши, где я не растерял бы тех драгоценностей, что были заложены в моей душе, которую так щедро одарил Бог. Мне уже 30 лет, и я погибаю среди гадких людей, в зловонии городов, в глупости встреч, разговоров, «творческих контактов»¹⁰.

Смела, 17 июня 1973 г.

Гулял с Генрихом. После дождя много луж. Лёгкий прохладный ветерок наводит на приятные мысли. Светит солнце, и листва блестит под его лучами.

* * *

Я всё чаще пропадаю в ресторане,
В одиночестве сижу и пью коньяк,
И всё реже я бываю в бане,
Как мой друг, весёлый Ростиньяк.
Дни, как смутные, далёкие кометы,
Вечера, как жгучие медузы на волне,
Ночи тихие и страшные, как поэты,
Я страдаю утром... эполеты.
В одиночестве сижу и пью вино,
И в густом накуренном тумане
Вспоминаю то, что было так давно...
Снег... заиндевелые ресницы,
Поцелуй... Обжигающие губы, вой волков,
И прогулки в переулочках Ниццы,
И тянущийся кандалный звон оков...
Вереницы грустных серых лиц,
Непохожих друг на друга и несхожих,
Тысячи неписанных страниц,
Тысячи неузнанных прохожих.
Я пишу тебе и думаю о том,
Что не может рассказать об этом
Нежный, старенький и грустный дом,
Как блудница-ночь спала с поэтом.
А потом сверчки, цикады, соловьи,
Молний стрелы и раскаты грома...
Но те песни были не мои,
Мои песни спали дома.
Обнявшись с блудницей на подушке,
Они пели о мгновенье вечном,

О вине, что жило в старой кружке,
О влеченьи страстном и беспечном.
Странно всё – и жизнь, и смерть.
Что? Куда? Зачем? И для чего?
И стремится эта круговерть
На забаву...

* * *

О, Родина моя!
Далёкая и близкая страна!
Скучаю по тебе, когда спешу
В неведомые страны и мысленно перебираю
В памяти все родственные имена,
Обласканные шорохом бурьяна
И холодом могильным Вечности безликой...

* * *

Бегут ручьи моих артерий,
Стремится ввысь душа моя,
Скользящим взмахом скорбный гений
Гребет к тебе, любимая.
Ты – музыка неведомых миров,
Источник слёз и наслажденья,
Таинственных и смутных снов –
Моё ты вдохновенье.
Ещё не раз потом я всем скажу,
О, почитатели таланта, славы, денег!
Ведь я не изменился, также я брожу,
И не для вас мой тайный скользкий берег.
Мне вновь надежда дарует любовь,
Но я боюсь её и не зову, как прежде.
И сердце не волнует мою кровь,
Оно замкнулось в странном безнадёжье³.

Смела, 18 июня 1973 г., 19:30

Сижу в маленьком кабачке. Пью пиво. Сегодня немного разобрал свои материалы. Пока ничего не идёт в голову. Отослал документы в Союз композиторов. Две девочки активно заинтересованы мною. А мои мысли далеко... и никаких чувств. Или, может, всё-таки существуют? О! Внутреннее Я! Молчи! Постоянно в голове мысль о Концерте № 2. Какой материал использовать? Вот вопрос! Или вновь сесть от буквы А? Четыре бутылки пива... И плитка плавленого сырка... Один рубль и тридцать коп.

21:00

Зашёл в другой кабачок. Взял стаканчик вина. Отдал последние 70 копеек. В кармане ни одной. Странно я живу. Загадочно даже для самого себя... Сблизиться бы с этими простыми людьми... Не сомневаюсь, что их души полны такими вакханалиями, что любой человек вздрогнет.

Он смотрел на женщин как на породистых собак. Первым делом обращал внимание на высокую грудь и крепкие ноги, а затем уже присматривался к лицу¹⁰.

Июнь 1973 г.

...цепочки, звёздочки, луночки, серьги, ожерелья, опахала, увясла, запястья, пояса, сосудцы с духами, привески волшебные, перстни и кольца, платки, кошельки, украшения женщин (неразборчиво) (Исайя). Япончи, повязки, покрывала...

Час или полтора (лучше два) передать всё ощущение испытанного и прочувствованного.

Вступление (чуть слышный ропот ручья) (5')

Главная тема (5')

Связующая (5')

Побочная (5')

Заключительная (5')

[25']

Разработка [15']

Реприза [10']

I часть = 50'

II часть Вариации 50'

Цикл романсов на стихи японских поэтов

I тетрадь

Сигэхару Накано

Прощание ночью

Волны

Девушка в кимоно цвета ночи

Исикава Такубоку

Тантара-тара

Часто приходит на память имя русское – Бородин

В темноте курила женщина

В лужах я видел твоё лицо

Я с маленьким играла крабом

Шумели сосны...

Неплохо бы закончить всё это к весне.

Прекрасно! Поразительно! Прекрасно!

II тетрадь

Неизвестные авторы

Странные вещи приходят на ум. Психика ненормаль*... Смотрю на девушку и чувствую, как она гипнотизируется от моего пристального внимания³.

22 июня 1973 г.

Я с Генрихом на озере. День чудесный! Он бегает голенький и ковыряется в песочке⁹.

Смела, 24 июня 1973 г., 14:30

С.Н. Булгаков «Вехи», 1909.

---

* Далее неразборчиво.

Вл. Золотарёв – С. Чуянову

Смела, 26 июня 1973 г.

Дорогой Серёжа!

Пишу на третий день после получения твоего письма. Я рад за тебя. Рад, что в душе твоей, в общем-то, всё в порядке. Ты полон восторга, несмотря на разное... В моей душе разлад. Я вот уже около месяца здесь, и хотя бы одна светлая мысль! Бесцельно брожу, бесцельно читаю и не работаю. Прогуливаюсь с Генрихом. Его язык прихотлив, но уже освоил его особенности, и мы прекрасно разговариваем. Руки у него удивительно музыкальные. Когда звучит музыка, он просит мою дирижёрскую палочку и «дирижирует», при этом верно и со вкусом держит её. И откуда? Я не учил его этому. Ни рояля, ни ф[ортепиано] у родителей нет, поэтому он просит «поиграть» на баяне. Я подаю воздух, а он нажимает разные клавиши. Больше всего ему нравятся диссонансы! Поразительно!

Насчёт «Овода» ты прав. Мне нужен балетмейстер, с которым я быстро бы всё привёл в порядок. Одному это не под силу из-за разных сомнений в продолжительности того или иного номера, из-за разных мелочей, которые останавливают полёт фантазии и разрушают целое.

Сейчас я совсем не могу писать, надеюсь, ты простишь, если я на этом закончу.

Крепко обнимаю тебя, твой Влад[ислав] Золот[арёв] (V.Z.)¹³.

Смела, 29 июня 1973 г.

Всем друзьям и товарищам по искусству написать по сочинению...

Все мы извлекаем личный опыт жизни, не ориентируясь на чужой, каким бы он правдивым ни был.

Стал раздражительным я, замкнутым, угрюмым,
Всё реже говорю: «До встречи! Радость!»
Пуста бутылка из-под вина,
Ловлю лишь шорохи ночные.

Какие несчастные люди. Господи. Помоги им и утешь их. Пусть они обретут счастье в своём несчастье.

Везде есть люди. Достаточно иметь добрый и ясный взгляд.

Брянск-21, ул. Мичурина, 17. Воронежский Андрей.

Селезнёв И.И., г. Стерлитамак, Башк. АССР, ул. Нахимова 13, кв. 6
Башмет – 11 руб.

Вульфсон – 1 р.

Саша Атаров – 5 р.

В жизни есть единственное утешение – бессмертие. Только по этому можно ещё жить.

Одиночество человека проистекает не из-за уединения его, а из неприятия окружающих его людей¹⁰.

Залевки, 30 июня 1973 г., 20:45

Только что вернулся с прогулки. Здесь чудесный лес! Стоит подняться на взгорье, и сразу входишь в храм ароматов и волшебных звуков. Набрёл на землянику и с благоговением срывал крупные ярко-красные ягоды и отправлял в рот. В одном дупле чирикали и волновались птицы. Было так соблазнительно взять одну из них в руку и погладить, так низко забрались они, но, шепнув им утешительные слова прощания, я ушёл.

Мой дом расположен на самой окраине. Когда выйдешь, то открывается вид на синеющий вдалеке лес, где протекает речушка, в которой водятся черепахи. Одну я уже видел. Перед окнами яблоки и вишни, а у самых дверей переплетаясь, растёт виноград. Ниже огороды. Пшеница, рожь, овес, капуста, картофель, кукуруза. Клубника.

Тишину нарушают иногда собаки и петухи. Воркуют дикие голуби, птицы поют до самой ночи вместе с кузнечиками¹⁰.

С. Чуянов – Вл. Золотарёву*

Горький, 30 июня 1973 г.

Владик, дорогой мой друг!

Ты пишешь, что я «полон восторга, несмотря на разное...». «Разного» так много, что я заполнен отнюдь не восторгом.

---

* Письмо С. Чуянова – ответ на письмо Вл. Золотарёва от 26 июня. – В.Б.

О многом я не могу написать в письме. Скажу только, что с этой службы ухожу, проклиная то время, по прошествии коего я оказался почти у разбитого корыта.

Сколько раз за это время я вырывался с окровавленной шеей из клещей грубых металлических, кот[орые] сжимали мне горло. Теперь, вместо чистой прекрасной песни, из этого горла часто слышится хрип.

Многое я понял. Вчера ко мне подошла бабушка. Посмотрела в глаза, погладила по голове и сказала: «А ты у меня уже седенький...»

Вот тебе и «восторг». И в миллионный раз я воскрешаю в себе вечные прекрасные вещи.

Я вспоминаю, как первый раз услышал твою «Детскую сюиту». Это было в момент, когда я блуждал в сумерках гнусных и зловонных. И вдруг эта музыка, как рассвет... Чистый, прекрасный рассвет – очищающий. Я лежал, втопанный в грязь, измученный... Мимо проходила равнодушная в своей спешке и мелочности толпа. И вдруг подошла Музыка. Она подняла меня из этой мерзкой лужи, омыла лицо, руки, тело. Наложила целебные травы на раны...

Это объяснение ей – Музыке.

Здесь я вспоминаю один из эпитафий Уайтмена: «На восемьдесят третьем градусе северной широты, когда до полюса оставалось расстояние, кот[орое] быстроходный океанский пароход, плывущий по открытым водам, покрыл бы за сутки, – исследователь Грили услышал однажды пение полярной овсянки, весёлыми звуками оглашавшей безжизненные просторы».

Если ты будешь в Смеле до первых чисел ноября, я, возможно, приеду на пару дней.

Пиши. Твой С.Ч.¹⁰

Залевки (Украина), 1 июля 1973 г., 08:30

Снился сон. Большой дворец во Владивостоке. Меня попросили выступить перед многотысячной аудиторией о симфонической музыке. Говорил я долго и громко. Начал с добаховской эпохи, затем Бах, мангеймцы, Мысливечек, Моцарт, Гайдн, Бетховен... когда я дошёл до Брукнера и Малера, меня уже не слушали...

С этим я проснулся. Посмотрел на часы – 06:00. Спал я на земляном полу, подстелив половик, укрывшись одеялом. Утро встретило пением птиц и чистым воздухом. Сделал гимнастику, умылся вчерашней колодезной водой. Дважды откусил хлеба и колбасы, запив стаканом воды, и отправился в лес ещё дальше, чем вчера. Часто вспоминаю Ирину, но стараюсь не думать о ней. Сегодня ровно месяц, как мы с ней расстались. С 13 июня до этого дня находился с Генрихом. Он чудесный. Хочу взять его сюда на день. Пусть побродит в лесу...

Да. Чуть не забыл... пока я наслаждался лесным раем, в голову пришла мысль об опере «Живой труп», но всё пока – мысли...

Душа почти мертва, но её надо вылечить для будущей любви... для будущей музыки...¹⁰

Слушаю Шёнберга...

С этого дня начинается мой важнейший этап жизни... вновь одиночество... но закалённое. Снова гимнастика йогов, купание летом и зимой... И каждодневная работа! Работа! Работа! Пока надо поработать эти два месяца в полную силу, если удастся. Министерство пока не выплатило мне аванс по договору, на который я очень рассчитывал. Ирина мне не помогла насчёт Кирилла, хотя деньги, конечно, у неё были. Все эти беды разом лишили меня свободы и равновесия, но это же не первый раз! Всегда мне удавалось выйти из самых затруднительных положений... За эти два месяца (60 дней) мне надо хорошо потрудиться.

Столько надо написать!⁹

Зарядка. Умывание. Душ.

Витамины

Утренняя м[олитва]

Чай – кофе [Упражнение контрапунктом (4–5 часов)]

Работа (5–6 часов)

Обед

Прогулка (5–10 минут)

Работа (5–6 часов)

Вечерняя м[олитва]

Ужин

Прогулка (5–10 минут)

Работа (7–8 часов)

Спать не более 4–5 часов

Питание: хлеб (и мучные изделия не на масле), бобовые, картофель, лук, капуста и др. раст.³

Залевки, 2 июля 1973 г., 14:45

Снова был в лесу. Видел зайца. Он нёсся от меня во всю прыть. Симпатичный серый зайчишка. Сижу дома... Только что прошёл дождь, но солнце уже светит. Немногим более получаса назад я встал после отдыха. Слушаю Вторую Брамса... Курю трубку... Часто думаю об Ирине, но зачем? Не нужно всего этого... Пока я веду жизнь ангельскую... Что будет потом?..

Прошлую ночь работалось неплохо. Пока не работаю над чем-то определённым. Проигрывал «заготовки». Их у меня много:

Концерт № 2 (Беляеву) из семи эпизодов

Концерт № 3 (Липсу) из 3 эп[изодов]

Соната № 4 из трёх эп[изодов]

Партита № 2 из 2 эпизодов

Детская сюита № 4 из 8 эпизодов

Додекафонные пьесы (из 2 эп[изодов])

«Одиссей» (из нескольких эпизодов)

Симфония (из неск[ольких] эп[изодов])

Пьесы для баяна: В деревне

Муз[ыкальный] момент

Прелюдия, Стилизации

Мавританский песня и танец

Неизменный мотив

Испаниада (из неск[ольких] эп[изодов])

Я подумал сейчас о том, сколько прекрасного вместила моя душа из сокровищницы литературы и поэзии... Мои родители считают меня «западником», да и не только они... но кто из них перечитывал по нескольку раз подряд Пушкина, Гоголя, Толстого, До-

стоевского... Герцена, Огарёва, Гарина-Михайловского, Гаршина, Чехова, Бунина, Л. Андреева, Лескова, Вересаева... Добролюбова, Чернышевского, Писарева, Белинского, Ушинского... Лермонтова и Тютчева, Баратынского и Кольцова, Некрасова и Плещеева, Фета, ...соч[инения] Лаврова, Вл. Соловьёва, Кириевского, Гершензона, Бердяева, Вяч[еслава] Иванова, Плеханова, Ленина... Блока, Брюсова, Хлебникова, Гумилёва, Мандельштама, Есенина, Ахматовой, Цветаевой, Кедрова, Пастернака, Заболоцкого, Маяковского... Чаадаева, Жуковского, Катаева... А. Толстого, Ф. Сологуба, Ремизова, М. Волошина, Бальмонта, А. Белого...

Конечно, к западной литературе меня влечёт не меньше, чем к отечественной, но русская литература, русская поэзия трогает меня так, как ни один гений «запада». На «западных» корифеях я также воспитывал свою душу...

Из советской литературы люблю В. Катаева, А. Солженицина...
15:00

Только что вернулся из Смелы. Взял баян и кой-какие ноты. Привёз плитку. Вот уже третий раз я пешком прохожу две мили. Тяжело, но одна мысль, что я один с собой, даёт много сил. Акустика здесь хороша. Лишь бы сыро не было. Поставил алюминиевую кружку для чая... эту ночь буду работать. Придётся только через каждые три дня ездить к Генриху, но это ничего. Буду там оркестровать или переписывать набело.

Залевки, 3 июля 1973 г., 14:35

Перешёл на новый режим. Работаю всю ночь. В три-четыре делаю гимнастику и снова работаю до 08:00 утра. Сплю до 13:00–14:00. Переписываю и снова работаю до утра. Вечером и рано утром прогулки в лесу (по желанию).

Были у меня жители деревни. Интересуются, кто я такой и что я здесь делаю. Так как паспорт мой в Смеле, то я отсрочил поездку до послезавтра. Странные здесь люди...

4 июля 1973 г., 13:30

Вечер и ночь работал над концертом. Дело не продвинулось ни на такт...

Видел сон. С Ириной (...).

Слушаю квартет Чюрлёниса... и вспоминаю 1968 г. Магадан... Архангельщина... Томилино... это музыка воспоминаний... да, да... Я стал стар... живу одними воспоминаниями...

За окном ливень с грозой... и мухи с комарами, которые так нещадно мешают мне, куда-то исчезли... Буду продолжать работу... На меня смотрят с моего стола Владимир Соловьёв, Франц Кафка и Арнольд Шёнберг, а со стен – Бах и Бетховен... итак, трудиться...⁹
20:30

...на небе месяц выходит краешком из-за облака ...далёкий туман опустился на поле, и лес окутан сумрачной дымкой... Я вновь слушаю Квартет Чюрлёниса, хотя другой [музыки] у меня вдоволь. Не могу не писать, потому что радость переполняет душу... что может быть лучше деревушки среди лесов!.. Прекрасные люди... простые, незлобивые, добрые... никакой лжи, лицемерия, суетности, тщеславия... да, это не город... здесь всё чисто, всё одухотворено трудом и природой. Они ведут трудную жизнь, но в этой жизни есть смысл. Нельзя не жить! Постоянно поют птицы, кукуют кукушки... Здесь жил Гоголь... Пушкин... Чайковский...

В голове много мыслей, путаница страшная... и баянная музыка, и оперы, и балеты, и симфонии, и хоры... Да... здесь мне по душе... Ем я хлеб и ягоды...¹⁰

5 июля 1973 г., 19:00

Слушаю симфонию Мысливечека... только что вернулся автобусом от родителей. Генрих по-прежнему прекрасно себя чувствует. Прошедшей ночью совсем не работалось, но кой-какие мысли появились по старому материалу. Получил письмо от Серёжи Чуюнова и договор из издательства. От Большанского нет ни слова...

Дома сегодня основательно поел и поспал до 14:00. Ел гороховый суп, немного колбасы с хлебом и одно яйцо... Слушаю Домажорную арию Мысливечека. Я подумал о том, что чувство прекрасного у великих людей во все века исходит из одной сущности – нахождения гармонии между творением и собственной душой. Прекрасная музыка!

Залевки, 6 июля 1973 г., 19:40

Получил, наконец, письмо от Большанского. Должен приехать. Снова был с Генрихом с 07:00 до 14:00. Прихватил свой портфель. Купил сигарет. Табаком я пока запасаюсь, должно хватить дней на 20, если учитывать, что я не выпускаю трубку изо рта, меняю её на прощуху сигаретой.

Встретил в лесу гадюку, ранил её, но, засомневавшись, что это гадюка, отпустил. Теперь думаю, что это был уж, и переживаю...

Позвали меня на «Страшный суд». Здесь так называется молодежное веселье на окраине.

Около пятидесяти молодых парней и девушек веселятся до полуночи... Простота нравов здесь процветает, и непристойные слова здесь не кажутся непристойными. Чудно... но хорошо⁹.

Сон: 07:00

Подъём: 12:00

Завтрак [Чай]

Работа 13:00

Обед 18:00

Работа 18:30

Ужин [Чай, кофе] (*зачёркнуто*) 23:30

Работа 24:00

Ужин плотный 06:30³.

Залевки, 7 июля 1973 г., 17:30

Стук в окно разбудил меня. Приехали отец с мамой, Генрих с Джоном. На часах было 10:00, то есть я проспал всего два-три часа.

Повёл их в лес. Собирали землянику. Возвратились в 14:00. Ещё два часа все погостили в моей лачуге и пошли на автобусную остановку. Я раздел Генриха донага и обливал его водой, а он визжал и кричал: «Ещё!»

Мать собирала в лесу какие-то лечебные травы. Словом, только что я сел за стол – после того, как настелил траву на земляной пол. Стало свежо и прохладно...

Итак, за работу. Вчера кое-что появилось. Посмотрим, что сегодня совершится...⁹

19:00

Любое из моих сочинений для баяна могло стать прекрасным оркестровым произведением, но для оркестра столько написано чудесного, что излишне дополнять. Вот для баяна, нет ещё ничего!..¹⁰

Работать каждую свободную минуту. Никуда не ходить. Только стол, бумага, ручка, баян. Перебарывать сон гимнастикой (дыхательной также). Обливаться водой на улице.

Двое-трое суток работать, затем – к Генриху³.

8 июля 1973 г., 11:00

Ночью я сдался перед туманом сна.

Проснувшись, сделал гимнастику, почистил зубы, умылся и облился колодезной водой.

Позавтракал шелковицей, запив стаканом молока с куском серого хлеба. Перед работой слушал Девятую Брукнера. Нет, этой музыке суждено долго жить в моей душе и за её пределами. Моя муза пока дремлет..

А где же обещанные письма от моей жёнушки?

9 июля 1973 г.

Ночью хорошо работалось. В 06:00 лёг поспать. Снились собаки, затем откуда-то появилась свинья. Укусила мою руку. Проснулся.

16:07

После «укуса свиньи» снова вернулась прежняя болезнь, которой я переболел в Шатуре в январе.

От «собак» явилось письмо. Прислал Фридрих, наверное, будут ещё... (собаки во сне – друзья, это верно).

10 июля 1973 г., 21:00

Только что вернулся от отца. Мама сварила вкусную уху из леща, и я съел полную тарелку. Гулял с Генрихом в парке. Перед отъездом в деревню слушал Чакону d-moll Баха-Бузони и Сонату Моцарта. Захватил яиц, двести гр. колбасы, хлеб, огурцы, лук, клубничное варенье, сахар. Три дня и три ночи я снова у себя за столом.

Сделал небольшую уборку и вот уже, как обычно, настраиваюсь перед работой. Что удивительно – постоянно слушаю только классиков. И читать стал только их, впрочем, кто его знает, чем я буду заниматься завтра.

11 июля 1973 г., 16:30

Гулял в лесу. Чудесно. Лакомился земляникой. По возвращении нарвал травы для пола.

Весь день не курю... Перед работой слушаю Регера – «Вариации на тему Моцарта»⁹.

Слушаю Третью Брамса. Из-за поездки к родителям работа приостановилась, и я отдался в волю божью. Взял бутылку водки и пью. Жизнь какая-то страшная. Я в ней ничего не пойму.

О да, конечно, всё это вздор... и в его мозгу закружились воспоминания прежней жизни... Забвенным ароматом коснулись они его мыслей, и он разрыдался.

Третья Брукнера! Нет! Брукнер выше Брамса! Неизмеримо! Брукнер – это Будущее... Какие пропорции!

Да, конечно, вы можете назвать меня сумасшедшим, но я серьёзно разговариваю с муравьями, мотыльками и мухами... Что делать, если они у меня в гостях...¹⁰

13 июля 1973 г., 11:45

Итак, все эти 13 дней я тщился надеждой обрести спокойствие постоянного труда, но... с 10 июля всё сломалось. С этого дня я вновь намереваюсь идти той же дорогой... Написано 8 тетрадных листов (эскизы). Это до смешного мало.

Появились кой-какие новые мысли... интересные, но их надо оформить и развить... иначе они так и останутся «гениальными» набросками...

Слушаю «[Аполлона] Мусажета» Стравинского...

На завтрак съел два яйца, стакан кипяченого молока и кусок хлеба с луком... настоящая крестьянская еда... в душе теплится надежда на общее исцеление...

15 июля 1973 г., 08:30

Начинаю работать. Вчера из-за опоздания автобуса вернулся в половине девятого (...). Чертовщина!

Раздосадованный, лёг спать, т.к. Генрих не дал днём поспать. Поставил будильник на 04:00, но не слышал звонка и проспал до 08:00.

С таким времяпровождением надо покончить⁹.

Смела, 16 июля 1973 г., 12:30

Ещё не умывался... снился сон... (...)

Предыдущую ночь работал, не разгибаясь. Забил и зашпаклевал все окна, так что ни щёлки. Работаю исключительно при свечах. Кое-что придумал, но немного. Сутки сидел на хлебе с маслом и чае. Перед сном поджарил глазунью из двух яиц и съел большую половину чеснока.

Муравьи одолели меня.

Дожигаю остатки свечей.

14:00

Уже полчаса за столом.

18 июля 1973 г.

06:00

Поездка к Генриху.

Гимнастику делаю исправно.

Показательно то, что я совсем не ем мяса. Вот уже с 1 июля только хлеб, огурцы, яйца. Впрочем, раза два ел колбасу, но это тогда, когда дома с Генрихом, это не идёт в счёт.

19 июля 1973 г., 06:15

Вчера лёг спать в 18:00, чтобы в 22:00 встать для работы, но т.к. днём снова не отдыхал из-за переговоров с Ириной, то будильник отзвонил своё без моего вмешательства. Вот только что проснулся. Сон... (...)

20 июля 1973 г.

Работал сегодня до 10:00. Сейчас 12:50.

Сон мой длился не более часа, т.к. часто просыпался от непровольного испуга. Перед засыпанием (с закрытыми глазами) с инте-

ресом наблюдаю неведомую жизнь постоянных изменений. Странно, ведь я с закрытыми глазами, а вижу удивительные (...) неземные, какие-то фантастические пейзажи, чьи-то огромные внимательные глаза, чьи-то руки... пересыпающие ночной песок немеркнувших звёзд.
Слушаю 6-ю Партиту Баха (Гленн Гульд).

21 июля 1973 г., 11:30

Теперь каждый раз выбираю музыку для зарядки. Сегодня по программе гимнастика из 13 упражнений под музыку... да, да, дамы и господы... уважаемые дамы и господы... под музыку симфонии Пауля Хиндемита...

Написал два листа в партитуре (концерт). Всю ночь провёл за тремя тактами размером С! Правда, оправданием служит то, что эти такты – оркестровая кульминация из 12-звукового комплекса.

22 июля 1973 г.

06:00. Поездка к Генриху.

20:30. Час назад приехал к себе... Со вчерашнего вечера в депрессии. Сегодня мама высказала обиды по поводу Генриха... отец, оказывается, вечером плохо себя чувствовал и изливал свои обиды по этому же поводу... Плюс то, что я занимаюсь не тем, чем надо, что мне пора искать себе работу, а не марать бумагу, т.е. не бездельничать... я не сдержался, чтобы не вспылить, но* чувство горечи, досады, чувство неустроенности крепко засело во мне...

Перед работой слушаю «Песни об умерших детях»...

Какие минуты я переживаю! А мне надо заканчивать концерт и ряд других вещей...

У Ирины передо мной тоже есть какая-то ей одной понятная ответственность... и только перед моей музыкой ни у кого нет ответственности...⁹

23 июля 1973 г., 09:00

Гроза разбудила меня... свет не проникал в мою лачугу, я зажёл свечу.

---

* Курсивом выделен текст, который изъят в первой публикации. – В.Б.

24 июля 1973 г., 05:00

После полуночи сон одолел меня. Я, вероятно, излишне увлечён анализом двух opus(ов) Булеза, вот и поплатился.

Слушаю перед работой Пятнадцатую Дим Димыча... Столько сомнений... Тревога не оставляет меня ни на час.

25 июля 1973 г.

Работаю над концертом. Кое-что есть интересное. Додекафония – это свобода!

26 июля 1973 г.

06:00. Поездка к Генриху

17:00. Вернулся с подавленным настроением. Обнаружилась телеграмма от Большанского, в которой он указывал день и час отхода московского поезда. Пробыв здесь сутки или двое-трое (этого я не знаю), он, конечно, возвратился назад; но надо было, наверное, видеть его лицо и читать его мысли! И ни один местный негодяй не помог ему найти меня, хотя бы на почте... ведь меня знают там, а я, быть может, в этот же день был на почте и разминулся с ним...

Какой ужас!

Ко всему ещё письмо от Ирины, в котором она изливает старые мотивы на новый лад. Виолончель-то наверняка для ансамбля...

Слушаю секстет Бетховена и думаю о Большанском⁹.

Вл. Золотарёв – С. Чуянову

Смела, 26 июля 1973 г.

Дорогой Серёжа!

Милый мой друг!

Вновь прошу у тебя прощения за несвоевременный ответ, но оправдание у меня есть – тяжкий труд с трёх-четырёхчасовым отдыхом.

Пишу сейчас только потому, чтобы успеть поздравить тебя с днём рождения и пожелать единственного – стойкости. Стойкость и терпение – вот наши друзья, других нет. Всё остальное – второстепенное (даже – талант).

Ну вот... да, кстати, пробуду здесь (если всё будет благополучно) не позднее как до 13–15 сентября, т.к. надо в Москву...

Обнимаю тебя, всегда твой Влад. V.Z.¹³

Залевки, 27 июля 1973 г., 12:30

До 08:00 трудился, не разгибая спины. Полчаса назад без будильника проснулся, сделал гимнастику, обливание водой. Слушаю (пока завтракаю) Пятнадцатую Мясковского⁹.

Залевки, 28 июля 1973 г.

«Так жить нельзя... а как же можно жить нам, людям...»³

29 июля 1973 г., 00:00

Составить музыкальный дневник из всех лучших фрагментов и небольших пьес. Вместо названий ставить дату сочинения и место, где это сочинение появилось.

05:00

Итак, я исписал груды бумаги... схемы, цифры, формулы, серии, антисерии, головоломки... нужно ли это? Бесспорно, всё это красиво смотрится на бумаге и звучит неплохо, даже очень неплохо... но от этого мира музыкальной логики веет холодным...

Может, я ошибаюсь, но в настоящий момент моё творчество задыхается в этом безжизненном лабиринте. Раньше я писал интуитивно, «как Бог на душу положит»... и выходило прекрасно... была искренность...

06:00

Детская сюита № 1 (5 пьес)

Детская сюита № 2 (7 пьес)

Детская сюита № 3 (4 пьесы)

Плюс ещё:

Гармошечка

Балетный эпизод

Русская протяжная

Я на камушке сижу

Сонатинка

Рассвет
Кукушечка
Сказка
Восточный танец
Мавританская песня
Колыбельная (Иваново)
Две додекафонные пьески
В Деревне
Музыкальный момент
Пастораль (4-я соната)
Частушка
Largo
Adagio
Мелодия
Прелюдия
Монодия
Стилизации
Из Испаниады³.

15:00

Работал до 09:00. Сон – до 13:00.

...работа только начинается! Быть может, именно сегодня мне удастся создать что-либо замечательное. День и ночь в моем расстройстве, сутки с лишним, т.к. на вечерний автобус уже не успел бы, а завтра так или иначе мне необходимо быть с Генрихом до 15:00. Словом, я делаю попытку оправдаться... да... музыка... музыка... она поглощает всё... она требует к себе безраздельного внимания...³

Спал с 09:00 до 13:00.

Гостили отец с Генрихом. Потерял два часа.

16:00

Музыка должна потрясать людей до рыданий, до экстатического восторга.

Использовать все достижения техники, но без постулатов. Ничему нет предпочтения – всё подчинено идее.

Надо всегда помнить крылатые слова Бетховена: «Музыка должна высекать огонь из души человека».

Надо находить удобные позиции, но красивые и строгие по музыке. Очень приятно играть несложные, но величественные фрагменты из классического наследия.

18:00

Не бояться повторов! Вдохновенную мысль можно повторять бесконечно, незначительно варьируя, а в исключительных случаях и не изменяя.

21:00

Преодолевать сопротивление материала. Полное удовлетворение звуком, фактурой.

30 июля 1973 г., 00:00

...«если вмешательство возможно, – оно должно быть безотлагательным»³.

06:00

Поездка к Генриху.

17:00

Приехал. Слушаю Пассионы Пендерещкого.

Просмотрел стихи Лермонтова в издании Разряда изящной словесности Императорской академии наук за 1909 г. Стихи показались слабыми, за исключением некоторых, вероятно, сказывается язык и формы прежней орфографии.

Звёздная ночь в бухте Провидения. Восторг, выраженный в стихотворении... искрящийся свет луны, высокие скалистые горы, покрытые снегом. Декабрьская тихая морозная ночь, и я люблю её из окна своей комнаты.

31 июля 1973 г., 06:00

Сон свалил меня вчера в 23:00.

Днём Генрих не дал мне отдохнуть. Снова сны. (...)

Перед работой слушаю 8-ю Бетховена.

Закончив концерт (Беляеву), окончить редакцию Первого концерта, редакцию Второго квартета, Трио (Липс, Корнеев, Цыганков), переписать концерт для саксофона с оркестром (Михайлову), скомпоновать трио (кларнет, гобой, фагот) для Михайлова, Люби-

мова и (...). Закончить 4-ю сонату (Липсу), Первую (Митченко). Скомпоновать множество различных пьес для баяна. Закончить третий квартет и симфонию⁹.

23:00

Да, конечно, я веду жалкую жизнь в смысле общепринятом, но, быть может, именно я и живу той жизнью, которая сопутствовала всем великим и прекрасным людям³.

1 августа 1973 г., 00:00

I часть – конфликтная, терпкая

II. Largo (Grave) – угрюмо-мечтательная

III. Allegretto scherzoso – фантастическая

IV. Итог³.

09:45

Итак, сегодня 1 августа... Надо спешить! Спешить! Продолжаю заниматься гимнастикой. Слушаю Седьмую Малера! Ах, какая это музыка!

Мой стиль – это антистиль⁹.

10:00

Мне юг чужой и неудобный...

зловонием смердит земля...

и я брожу, как бесприютный

в тиши ночной, о ней скорбя...

Хотел подогреть чай, а тока нет... просмотрел, всё ли в исправности, пробки... наконец, почти смирившись, я нашёл повреждение – перегорел провод на стене. Теперь я снова пью горячий чай.

Да, к сожалению, я слишком долго писал эту музыку. Но иначе я не могу.

Музыка, которая может волновать человеческое сердце, быстро не рождается.

Как составить инструментарий без музыки? Нет, известное количество инструментов может стать известным только с готовой вчерне музыкой или со сложившимся в голове сочинением.

Если вас это не трогает – не расписывайтесь за всех...

Последний месяц лета... опадают яблоки, абрикосы, сливы...
Стоят жаркие безветренные дни, а я не выхожу из своей камеры-
одиночки...³

В. Большанин – Вл. Золотарёву

[Начало августа 1973 г.]

Милостивый государь!

Ваше краткое послание вызвало во мне довольно противоречивый душевный отклик. Тон его позволил мне судить о том, что незыблемость наших добрых отношений воспринимается Вами как нечто само собой разумеющееся. Эта уверенность, с одной стороны, не скрою, очень для меня отрадна, а с другой – внушает мне мысль об опасности злоупотребления моим уважением и доверием. Разумеется, при всей моей уверенности в прочности наших дружеских уз, мне хотелось бы, чтобы прочности этой было найдено более достойное применение, нежели подобные «испытания на разрыв».

Не стану отрицать: моя обида на Вас была очень велика, и что самое ужасное, у меня не было, и до сих пор нет, формальных доводов к опровержению оснований для обиды. В отличие от Вас, я не воспринимаю случившееся как «насмешку судьбы». Но я, бесспорно, в равной степени далёк и от того, чтобы расценивать сей казус как злостное пренебрежение, проявленное с Вашей стороны по отношению ко мне. Как Ваш друг, я считаю себя обладателем права говорить в иных случаях всё, что думаю, и намерен сейчас воспользоваться им сполна, без оглядок на дипломатические нормы.

Я очень хотел бы ошибиться и с величайшей готовностью припас на этот случай свои искренние извинения; но мне с моей прогрессирующей мнительностью казалось, что Вам помешали какие-то чрезвычайные обстоятельства, кот[орые], как Вы, вероятно, полагали, не покажутся мне столь же убедительным поводом для отклонения нашей встречи. Внезапность наступивших перемен вынудила Вас покинуть город, несмотря на моё предупреждение письмом о выезде, кот[орый] и не замедлил последовать, согласно указанным мною сжатым срокам. Повторяю, что я не уверен в непо-

грешимости своей версии, но анализ конкретных фактов не оставляет мне простора для воображения (...).

Скажи-ка лучше, друг мой, готовы ли Вы и насколько Вы в состоянии компенсировать нашу несбывшуюся мечту о непосредственном обмене информацией при помощи писем? Право же, нет худа без добра, и в славных традициях нашей эпистолярной добра с избытком хватит на то, чтобы приблизиться друг к другу дистанцией, позволяющей сохранить лучшие стороны духовной связи – в отличие от обычных встреч, вызывающих неизбежное чувство «заземленности».

Расскажите же, мой друг, о себе. (...) Ваш долг – дать жаждущему напиться из благословенного источника своих жизнеописаний, преисполненных вдохновенья, борьбы, побед и поражений (...), – пишите больше и чаще.

С нижайшим поклоном Ваш по-прежнему и, по-видимому, навсегда граф де Большанский¹⁰.

2 августа 1973 г., 00:00

Мы ничего не изобретаем, ибо в природе всё заложено. Надо уметь искать³.

Работал до 02:00, но дальше не мог, да и смысла, вероятно, не было, потому что голова гудела и страшно хотелось есть. Поджарил картошки и «поужинал». Мысли концерта в голове словно карусель: тысячи начал, столько же концов... Обилие нот – это тоже плохо – не знаешь, что выбрать (ведь ноты-то все чистые, т.е. те, что остались как лучший материал).

Итак, я спал сегодня преступно много – с 02:00 до 09:00. Снова гимнастика, умылся, почистил зубы... сорвал с дерева яблоко, съел... и всё под звуки музыки Мысливечека...

Сейчас девять часов 45 мин.

Второй день августа...

За работу! То, что делают все, то, что обычно, – для меня неприемлемо и преступно⁹.

10:00

Как восхищаюсь я свечным нагаром...

15:00

Ах, милые девочки...

Моя любовь прошла, как с яблонь дым сошёл.

Ну, что же делать мне?

Вы подскажите...

18:30

Работать надо стремительно!

Забыв о сне и пище!³

3 августа 1973 г.

Поездка к Генриху.

20:30

Получил от Ирины письмо, нашу семейную фотографию и открыточку – репродукцию с картины Велле (Христос с апостолами). Появилось какое-то просветлённое чувство в моей беспросветной печали. Я тут же написал ответ, но послать мне нечего ей, кроме нотных эскизов.

Сделал небольшую уборку в своей хижине. Перед работой, как всегда, слушаю музыку... русскую хоровую... XV, XVI, XVII века...

Какое чудесное искусство! И как скорбно на душе, что не стало с нами Юрлова... замечательного русского музыканта... непонятная, загадочная и, в общем, трагическая кончина...

4 августа 1973 г., 19:30

Однако я постарел... Прошлой ночью музыка не приходила... я принялся за чистовик концерта. Пишу клавир. Написаны Пролог и часть Интермеццо. Очень хотел есть. Так хотел, что голова трещала от боли, а желудок болел не на шутку. Изменив режим, я наелся жареной картошки и лёг спать, ибо совсем ослаб. Проснулся в 09:00, вернее, разбудил будильник. Снова писал клавир. Голод стал беспокоить меня. Я постоянно хочу есть или вдохновение покинуло меня? Во второй половине дня вновь ел жареную картошку и спал с 17:00 до 19:00! Снились кошмары: солдаты, какие-то комнаты, я пишу музыку, женщины, разговор с генералом, мелкие воришки, поиски преступника... словом, брр...

5 августа 1973 г., 10:00

Чувствую себя скверно. Кроме клавира ничего не делаю. Не сочиняю с 3 августа, а это потеря четырёх-пяти листов новой музыки.

Всё тело болит. Настроения никакого. Единственное желание – это есть и спать. Вчера, измучившись, лёг спать на два часа. Через два часа встал, поджарил картошки, съел с огурцами и снова заснул. Поздно вечером кто-то стучал и дёргал дверь, ходил под окном, но я не открыл. Снились кошмары... вот час назад поднялся, принёс воды, жарю картошку, но есть не буду пока. Прделаю сейчас гимнастику, и за работу.

6 августа 1973 г., 18:35

Ну вот... оставшиеся минуты после колодезной воды слушаю перед работой моего любимейшего Антона Брукнера... Третья симфония...

Сутки с лишним просидел над эпилогом. Лёг отдохнуть в 14:00. Будильник завёл на 19:00, но в 17:00 проснулся, открыв глаза – темно (окна занавешены), чувствуя бодрость, вскочил, т.к. спал на сухом сене в одежде, вышел на улицу... солнце уходило к закату, но ещё палило... съел пару яблок (чем не скитская жизнь, чёрт возьми!). Принёс ведро холодной воды. Пока умывался и готовился к работе (прибрал стол, вытрусил половики, вскипятил чай, вымыл ноги), то слушал «Камерную музыку» Хенце...

Вот Антоша закончит свою победную песнь жизни – и за работу... уважаемые ведьмы и все адовы слуги! Зажигайте свечи! Начинаем!

7 августа 1973 г.

Ездил к Генриху.

19:00

По возвращении сделал «генеральную» уборку. Вот уже удивительно: терпеть не могу грязь и беспорядок, когда работаю.

Получил письмо от Серёжи. Мама купила мне груш, моих любимых груш! И я проглотил уже две штуки.

Генрих, как всегда, весёлый и хитренький. Он уже привык, что я сплю до обеда, когда приезжаю к нему. Первое время обижался,

а теперь – как будто нет... Седьмая Малера подходит к заключению, а значит, моя работа приближается к началу... Итак, спички... зажигайте свечи! Где чёрная ряса, чёрные перчатки?.. Вот они... Вперёд!
Wage du zu irren und zu träumen!*

8 августа 1973 г., 23:00

Каждый день меняю замыслы... что такое со мною?

– Граждане! Родился новый гений!

– Да, да, но вам надо было произнести эти слова полвека назад...

9 августа 1973 г., 08:00

(...) Вчера (вернее, сегодня ночью) съел два яйца, кусок хлеба с маслом, [выпил] стакан чая и лёг отдохнуть. Но будильник не разбудил (в 05:00), я проснулся сам в 07:30. Сделал гимнастику, съел грушу. Принимаюсь за работу.

Спал я около семи часов! Какой стыд!

10 августа 1973 г., 14:00

Отдыхал с 08:00 до 13:00.

Гимнастика, холодная вода... всё по-прежнему. Но вдруг опять милиция... О, мама миа... Что за болваны! Два месяца выясняют мою особь... Каких только предположений они не делали! Диверсант, шпион, работающий ночами на рации, и т.д. и т.п. Какое невежество и пошлая инфантильность. Я держался в узде, чтобы не наговорить им, что следовало бы сказать...

Моя работа близится к концу... надо дотянуть... Сегодня начинаю работать без чая, т.к. электричество отключено из-за сильного ветра. Сижу при свечах, доносятся порывы ветра... Деревьям в лесу сейчас тревожно, и они скрипят, скрипят, словно ругая погоду...

Из головы не уходит мотив рондо из 7-й Малера.

11 августа 1973 г.

Поездка к Генриху.

---

* Афоризм Фридриха Шиллера: «дерзай заблуждаться и мечтать!» (нем.). – В.Б.

17:00

Возвратился в «свою» деревушку, в свою избу... зажѣг свечи... как всегда, позволяю себе перед работой слушать музыку...

Итак, мой старый друг – Четвёртая Сибелиуса. Получил сегодня письмо из Финляндии...

12 августа 1973 г.

Мой рацион на каждый день: 3 яйца, 3 помидора, 3 груши, 1 яблоко, 1 луковица, 100 гр. хлеба, чай с сахаром в неограниченном количестве, картофель (по желанию).

«Агасфер» вернулся в свою обитель... и всё время пешком. Утром пешком, потому что не было автобуса, и ночью пешком, потому что надо трудиться, не теряя часа. Шѣл под звѣздным небом, вдыхая чистый и прохладный воздух. Сначала деревенской дорогой через лес и поле, а затем по тропинке к себе... осень уже царствует ночами... чѣрный небосвод с мириадами звѣзд, морозный воздух... какое-то примирение и умиротворение природы...

Слушаю вторую Брамса... немного болит голова, и чувствую себя утомлѣнным, прошѣл сегодня около 20 км – это совсем лишняя нагрузка...

Залевки, 13 августа 1973 г., 12:30

Сутки пробыл с Генрихом. Только что вернулся. Перед отъездом к нему написал три партитурных листа и с тех пор – ни ноты. Чувствую себя страшно утомлѣнным, болит голова, очень хочу спать... слушаю сонаты Баха для виолончели и клавирина... Ах, Ирина, Ирина...

Снилась прошлой ночью... лежу в кровати и о чём-то думаю... приходит она, ложится рядом... лежим отчуждѣнные... входит моя мать и почему-то говорит ей: «Бесстыжая, прикрылась бы»...

Очень тяжело на душе... и беспокойно...

Временами непроизвольно плачу...

15 августа 1973 г.

Поездка к Генриху.

01:00

Какая лунная ночь! Далёкие крики сонных птиц и неумолкающие цикады... деревья застыли... и тихая, божественная музыка струится из глубин звёздного неба... На столе потрескивают свечи... одинокий комар поёт на высоких нотах... мыши возятся за стеной... тихо всё и прекрасно... по всем углам пауки расставили свои сети... часы отсчитывают наше время... пахучий воск оплывает и превращается в волшебные изваяния... неужели вдохновение приближается ко мне! ...На душе так светло, восторг рвётся из пут меланхолии... как чудесно всё это чувствовать и сознавать, что приближаются счастливые мгновения...⁹

Смела, 21:30

Дождь... я пью водку, и на душе очень тоскливо.

Ирина, милая моя. Сколько раз я заставлял себя не думать о тебе, но нет, очень много струн в моей душе играет твоё имя.

Ты часто снишься мне, и я долго потом лежу в темноте и думаю, что бы значил каждый сон.

Жестокий мир! Он не щадит никого...

Но мы ещё можем вернуть своё прекрасное чувство...

Для этого нам надо стать людьми... жить, как подобает. Ведь Генрих есть у нас... Мрачность – вот основная черта моего характера.

Мрачность... Нет, моя муза – это не «Розовый голубь» Денисова.

Строить произведения, вдохновленные лучшими мгновениями бессонных ночей. Фантазия! Только она – богиня всего прекрасного. Да, но фантазию надо оформить в логические формулы, чтобы создать истинные произведения... Эль Греко – вот пример для подражания... Босх... Гойя...

О, дорогие, милые современники... вам не понять меня...

Да, я был понятен... Но теперь я нашёл новый путь.

Он очень близок вам, но доля истины разделяет вас и меня.

Звучит плешивая музыка... музыка импотентов...

О, вы наслаждаетесь ею... убогие и несчастные...³

Вл. Золотарёв – Ф. Липсу
Смела, 15 августа 1973 г.
Дорогой Фридрих!

Пишу в надежде, что ты уже в столице... Я пока никак не могу, т.к. компоную «беляевский» концерт (вернее, «Концертную симфонию»). Музыка почти готова, за исключением некоторых деталей – в партитуре всё станет на свои места.

Получилось сложно. Кое-что придумал занятное... Но Беляев, вероятно, будет материть меня во всех транспозициях...

Но, как я говорил и раньше: «Наш долг смастерить, ваш – вдохнуть жизнь...»

Насчёт сложностей то же, что и в 3-й сонате, – додекафонная фактура охватывает всю музыку, за малым исключением, где имеют место удвоения для контраста, но для запоминания, мне думается, здесь немного легче. Снова много tremolo мехом, подобно сонатному, но выучить можно, если очень захотеть. Кроме концерта ничем не занимался. Так, в перерывах за считанные минуты кое-что насочинял, пока неясное и бесформенное.

За «Испаниаду» не волнуйся. Сделаю. Вот закончу эту «электрическую» музыку и примусь за обещанные штуки. Всё лето пролетело, как одна ночь. Работал много. Иногда хандрил... то голова, то сердце... уже молодость проходит по вершинам жизни последние метры, а дальше... Словом, надо спешить... мыслей много, а времени мало. Ко всему ещё дурацкие условности существования – деньги... грязные бумажки...

Это лето – единственное, за которое работалось более спокойно, чем за прошедшие три года.

Сочинялось трудно, но быстро. За три ночи главный материал был готов (прекрасные были часы!), остальное развивалось само собой по формуле, которую придумал очень удачно, благодаря анализу фуги из 3-й сонаты. Там я интуитивно нашёл верные пропорции, здесь же логика поразительная. Увидимся – открою тебе секрет, но тс... больше никому. Не хотелось бы обмануться, но кое-что я, кажется, открыл для себя «презабавное»!

Ну, вот и всё, пожалуй...

Рядом река, колоссальный лес, а всё не для меня... Судьба, значит, такая...

Ночью часто выхожу из своего логова (работаю только при свечах и днём, т.к. на окнах плотные шторы) и люблю тихим звёздным светом. Сейчас полнолуние... и все ночи обворожительные... цикады стрекочут неумолкая...

Ты черкни мне несколько слов сюда, т.к. я должен ещё потрудиться. В Москве нелегко будет заканчивать. Пластинка, если появится, купи и на мою долю парочку. При случае спроси Лондонова, когда появится сборник. И появится ли?

Приветы Саше Толмачёву и другим.

Обнимаю, твой Вл. Золотарёв. (V.Z.)

P.S. Есть ли у тебя Седьмая Малера? Какая это вещь!

Не писал тебе раньше, потому что, получив твоё письмо, прочитал, что до 20.VIII. тебя не будет в Москве.

Вл. Золотарёв – Ф. Липсу*

Смела, 15 августа 1973 г., 12:10

=ПИСЬМО ОТПРАВИЛ РАД ЧТО ЖИВОЙ БУДУ МОСКВЕ ПЕРВЫХ ЧИСЛАХ СЕНТЯБРЯ ТВОЙ ВЛАД ЗОЛОТАРЁВ=¹⁰

16 августа 1973 г.

«Ах, дорогая моя... ты уж прости меня, но мне всегда почему-то смешно и немного грустно, когда о любви говорят такие люди, как ты...»

Калина вызрела, и гроздья ярко-красных ягод удивительно сочетаются с зеленью и голубым небом, усеянным белыми, как снег, пышными облаками. Я сорвал несколько веток с крупными ягодами и жёлто-оранжевыми листьями и повесил над своим рабочим столом... Любуюсь... какая прелесть!

17 августа 1973 г., 12:00

Наконец-то я снова у себя! Двое суток прозябал в родительском доме. Дважды звонила Ирина. Сначала обнадёжила приездом, и я ос-

* Текст телеграммы, отправленной в Москву (получена адресатом в 18:51). – В.Б.

тася, чтоб встретить, потом вдруг раздумала ехать... двое суток прошли гадко и болезненно... Слонялся с Генрихом по парку, пили вместе пиво в кабачке... вечером – телевизор... какая это страшная жизнь... без свободы, без счастья, без вдохновенья и восторженности... *О Господи, помоги мне обрести уединение, избавь меня от зависимости... мне все мешают... все меня раздражают, и внутри кипит что-то, готовое выйти, вырваться на свободу, и тогда – крушение...**

18 августа 1973 г., 10:00

Зарядка моя прошла неплохо, хотя и несколько вяло. Съел пару груш – весь мой завтрак... после холодной воды почувствовал себя прекрасно... поставил 7-ю Малера... закурил... вспоминаю кошмары прошедшего сна... спал с 05:20 и до 9:30...

Перед тем как уснуть, почувствовал вдруг на груди что-то тяжёлое... руками хотел пощупать и в ужасе закричал... на мне сидел кто-то тёплый и тяжёлый (не менее 40 кг)... в страшном испуге опрокинул «его», зажёг свет, осмотрел комнату, но никого не нашёл.

Снилось много разного, но теперь уже всё забыл... помню только моего отвратительного «гостя»...

Прошлые сутки хорошо потрудились... писал партитуру, думал над композицией в целом⁹.

19 августа 1973 г.

Поездка к Генриху.

19:00

Ходил за свежей травой для пола, но вместо травы нарвал ромашек (их здесь полно) и тёмно-красных (названия не знаю). Теперь у меня цветы везде... в вазах, на стенах, на полу... горят свечи... Я слушаю «Иберию» Дебюсси (среднюю часть), две не люблю.

Чувствую себя вяло (спал всего три часа), но надеюсь на цейлонский чай... пока ничего не ел, только яблоки и груши, да и то потому, что гниют, а есть мне больше нечего, да и нельзя...

---

* Курсивом выделен текст, который изъят в первой публикации. – В.Б.

20 августа 1973 г., 09:30

Часто жалко времени на гимнастику, но я неумолимо проделываю полный комплекс упражнений. Спал четыре часа (с 05:00 до 09:00). Пока вялый и несколько апатичный, но это временно...

Почему-то привыкли к тому, чтобы у солиста было больше нот, чем у оркестрантов... концерт для soliste... да это прекрасно! Даже если у вас одна-единственная нота, значит, она важнейшая, и вы должны радоваться, что вам выпала такая честь.

21 августа 1973 г., 13:30

Трудился более суток. Закончил I часть симфонии в партитуре. Начал вторую. Вялость мою работа снимает быстро. Достаточно увлечься... Вот и теперь я чувствую себя более неработоспособным, чем вчера (хотя спал около пяти часов). Перед гимнастикой съел яблоко (сорвал с дерева).

Итак, за работу.

Когда слушаешь хоровую русскую музыку XV, XVI веков, то такое радостное, восторженное чувство появляется во всем существе... хотя радостного в этой музыке нет ничего, но какое блаженство она доставляет. Вот так я хотел бы писать!..

Моего Дионисия, Аввакума, Радонежского, Сорского.

22 августа 1973 г., 14:00

Итак, трое суток я прекрасно трудился... Четырёхчасовой сон – это приемлемо для меня – и именно с 07:00 (08:00), словом, с утра спать до обеда. Занимался только партитурой. Много вымарал, но кое-чего достиг приятного. II часть трудна в партитуре.

Залевки, 23 августа 1973 г.

Поездка к Генриху.

20:10

После приезда сразу лёг отдохнуть перед ночью, и вот сейчас, записывая всё это под звуки Adagio IX Брукнера, я готовлюсь к трудной ночи... что она принесёт нового и радостного? Или, быть может, она будет мучительной и отчаянной... кто знает? Думаю о брукнеровской

форме... в этом смысле Брукнер для меня эталон... да и в другом – в этическом смысле, после Баха и Брукнера никто так высоко не поднимался... даже Моцарт и Бетховен... я не говорю уже о других, если не коснуться Брамса, Малера и Шёнберга... разве только Веберн эпизодически приближается к ним... Брукнеровская форма... брукнеровский тематизм... брукнеровский оркестр... – это величественно и прекрасно... Брукнер делает из моей души безмерное, обнимающее весь мир, он зажигает её немеркнущим огнём любви ко всем на земле... Брукнер раскрывает мне тайны этического бытия, влечёт мои мысли в необозримые пространства Вселенной, где живёт Он... «Deus».

Какая прекрасная ночь! Безлунная, но небо усеяно яркими звёздами и туманностями... прохладно, даже с каким-то оттенком изморози... последние дни лета... скорей бы моя золотая, любимая осень... время моего рождения... время моего вдохновения... время моей любви...

24 августа 1973 г.

Пошли трудные партитурные листы. Почти сутки сижу над каждым...

Самое главное в искусстве – это всегда знать, с чего начать и чем кончить...

Заканчивать сочинения тем, чем начинается следующее (другое) произведение.

25 августа 1973 г., 15:40

Спал четыре часа, как обычно. Жду чай, и за работу... Снилось разное... какой-то город, быть может, Москва... Саша Чайковский и я в компании...

Настоящий художник незабвенен. Если даже его забывают на время, то он и в этот период живёт в творениях других художников в цитатной форме или преемственной.

26 августа 1973 г., 18:40

Мои силы постепенно надламываются, но я настроен прекрасно. Вот только с душой не совсем хорошо. Печалится она довольно часто и тоскует...

Слушаю Adagio (Девятой) Брукнера – божественнейшая музыка.

Итак, настоящее лето я провёл в заточении, но что я совершил великого? Пока одни эксперименты. Ещё нет моей собственной единой системы... пока всё разобрано и разбросано...

27 августа 1973 г., 03:00

Вышел на воздух и не мог оторвать взгляда от звёздного купола... Это что-то невероятное! Безумная красота в прохладную ночь... звёзды... с детства я стремился в эту прекрасную бездну геометрического совершенства... мне снились сны, как я бесшумно летал меж звёзд и туманностей... И когда я смотрю на чистое звёздное небо, то представляю его, как грандиозный партитурный лист для неземного оркестра. Когда-нибудь я создам что-либо подобное...

У меня сейчас небольшой перерыв после утомительной работы над моей элементарной партитурой... половина работы сделана, но ещё целая половина, и более сложная... всё идёт, стремится к главной кульминации, после которой сразу станет легче – пойдёт эпизод, медленная, угасающая музыка.

28 августа 1973 г.

Тружусь над партитурой.

29 августа 1973 г.

14:00

Я за своим столом...

Это так чудесно! Фа-минорный хорал Баха – это символ любви ко всему прекрасному...

23:45

Вчера вечером пришла старушка, принесла бутылку самогона. Пить я не хотел, а потом как-то незаметно напился по-свински и лёг спать.

Пить мне явно нельзя. Потом чувствуешь себя ужасно и гадко. Сегодня весь день болела голова, но написал два листа. С 20:00 до 23:00 спал. В этот раз умывался и чистил зубы ночью... смешно...

30 августа 1973 г.

14:00 (спал с 12:00)

Перехожу к последнему этапу работы. Эпилог с высшим кульминационным моментом, после которого кода – детская музыка с V-f(оном), челестой, арфой, гитарой, колокольчиками.

Есть таланты удивительно прекрасные, изящные, хрупкие и в то же время сильные, как Моцарт, Веберн, Боттичелли, Петрарка, Пушкин...

Есть таланты могучие, как Тибет, как ураган, – это Бетховен, Достоевский, Гамсун, Микеланджело, Толстой, Шёнберг... а есть таланты, как Бах, Данте, Кант... эти лучшие... ещё Гомер...

31 августа 1973 г., 04:00

Последний день лета... двадцать минут назад разбудил будильник, и я после трёхчасового сна готовлюсь к отъезду к Генриху. А через двое суток в Москву... Симфония почти завершена в партитуре, но придётся, вероятно, переписывать заново, чтобы привести нотацию к единой системе, а то по ходу было придумано немало интересного, а из-за спешки много разночтений. Словом, ещё недели две уйдёт на переписку...

Слушаю сейчас Седьмую Малера... ещё не делал гимнастику и чувствую себя вялым, страшно усталым.

Моя хижина опустела... исчезли со стен афиши и портреты, репродукции моих любимых мест, людей, фотографии Севера... Свечи догорают... будильник отсчитывает мои последние десятки часов на Украине... Потрудился я хорошо... 6 тетрадей эскизов (60 листов), 80 страниц музыки в партитуре, 20 страниц в клавире, схемы, масса «корзинных» листов... Ещё два таких лета – и, быть может, закончу ораторию и оперу...

Виноград почти созрел, но ещё кислый, правда, много ягод сладких, я попробовал несколько...

Скоро мой любимый восход солнца... всегда приводит в восхищение неуловимая нежно-розовая дымка облачных далей... рассеивающийся туман в полях... таинственный лесной пейзаж и просыпающееся воркование и щелканье птиц⁹.

Вл. Золотарёв – О. Шарову

Смела, 1 сентября 1973 г.

Здравствуйте, Олег!

Только что получил Ваше письмо, которое мне переправили из Москвы. Это лето я провёл на Украине, и вся корреспонденция переводилась на летний адрес.

Я не забыл того, чего и не должен был забыть, я хорошо помню Вас, и наш разговор, и своё обещание, но поверьте, Олег, пока я не располагаю возможностью выслать Вам ноты. Их попросту нет у меня. Я, вероятно, неплохой работник, но хозяин никудышный. У меня нет даже авторских рукописей, которые, как святыня, всегда должны быть под рукой. Я даже толком не знаю, у кого они. Потому что система «по рукам» непостоянна для регистрирования моей и так плохой памяти. Не обижайтесь на меня. Ведь Вы сами можете понять, что для меня большая честь и такая же честь нашему молодому ис[кусст]ву, если Вы и Ваши студенты будут играть мои сочинения. Должен выйти мой сборник (после четырёхлетней лёжки), в котором кроме Партиты и Второй сонаты есть камерная сюита в шести частях (тонкая романтическая вещь). Первую Сонату и Детские сюиты (кроме 2-й, которая есть у Вас) можно взять только у Э. Митченко и других баянистов. Третья соната у Фридриха, Галкина, Семёнова... мой экземпляр в издательстве, которое, бесспорно, продержит её лет пять... Могу выслать Первую концертную симфонию для баяна и оркестра, но я заканчиваю вторую редакцию и поэтому не знаю, нужно ли посылать первую (ту, что играл Митченко с Дударовой).

У меня есть, правда, отдельные пьесы и довольно много, но я не хотел бы показывать их вне цикла, так как не люблю миниатюр, вернее с симпатией отношусь только к циклическим формам.

Будем надеяться, что с нотами станет несколько лучше, а пока простите и не обижайтесь, что не сдерживаю своё обещание.

С уважением, Вл. Золотарёв.

P.S. Пишите мне по прежнему адресу: Москва, К-9, [до] востреб[ования].

Через два дня я выезжаю с этих южных ландшафтов, благодаря которым написал крупное сочинение, которое неизвестно когда бу-

дет исполнено, т.к. очень трудное по музыке и в технич[еском] плане. Это сочинение – Вторая концертная симфония для электронного баяна и оркестра (возможно исполн[ение] и на обычном выборном без электроники) с посвящением Беляеву и Вольдемару Нельсону (дирижёр).

Пишите¹⁰.

Москва, Зеленоградская, 23, корп. 5, кв. 474, 13 сентября 1973 г.

...Второй час ночи... Ирина спит в своей комнате... Поле (Вайдман) постелили в другой... Выпили немного вина... Перед этим показал Полине новую симфонию... На душе тоскливо и тревожно... С Ириной окончательный разрыв... вероятно, разведёмся... говорит всем обо мне гадости... ожесточилась до предела... Ударила по лицу раз, другой, третий и много раз... откуда такое бешенство?.. словно ущербное отчаяние... какое-то тайное чувство зависти... о любви говорить не приходится... вчера выгнала на улицу... я собрал вещи и ушёл без гроша в кармане, но, пробродив у дома до трёх ночи, вернулся, вспомнил о незаконченной симфонии... ибо другого места нет пока. Писал партитуру, пока не заснул... Разбудила рано и больше не дала спать... Опустилась она ужасно... Стала грубой, злой, ещё более поглупевшей... появилась наглость и бесстыдство... замахнулась стулом и разбила люстру... глаза округленные, пустые, без единой мысли... жадность поглотила её...¹⁰

Вл. Золотарёв – С. Чуянову

Москва, 18 сентября 1973 г.

Дорогой Серж!

Совсем замотался и не написал ответ на твою поздравительную открытку.

Вот только теперь передаю тебе большущее своё спасибо!

Много не могу писать. Прости.

Сейчас скоро полночь, а у меня ещё не закончена партитура симфонии, которую мне показывать через неделю.

Везде посрезали план, и теперь ещё труднее с реализацией сочинений.

Помни, что для Овода нужен постановщик – у меня никого в этом круге знакомств нет, поэтому я полностью полагаюсь на тебя.

Полагаю, что и Ригу пока не надо упускать из виду... на Лемберге ставить крест пока ещё рано.

В Москве с балетом (в смысле новой постановки) – страшное дело. Я уже и не думаю...

Живу дома. Пока всё не смертельно.

Жду вестей. Впечатлений.

Обнимаю, твой V.Z.¹³

Вл. Золотарёв – О. Шарову
Москва, 18 сентября 1973 г.

Здравствуй, Олег!

Появилась возможность переслать Вам на несколько дней 3-ю сонату. Если удастся – переснимите, не удастся – перепишите. Только хочу попросить ноты как можно раньше, т.к. мне они очень нужны. Было бы лучше, если бы Вы сделали несколько экземпляров.

Теперь у меня к Вам небольшая просьба: дело в том, что в Москве в настоящий момент трудно с публикацией моих сочинений. Всё оттого, что в каждом издательстве (их всего два) сидят люди, далёкие (в общем) от искусства, которым крайне невыгодно давать мне право на честные публикации, ибо я пишу музыку, рассчитывая на аудиторию, к которой принадлежу сам, а значит, не ссорюсь со своей совестью. В итоге много трений с теми, кто бесконечно хочет печатать «первые шаги» и различную макулатуру.

Быть может, у вас в этом отношении люди, занимающиеся издательским делом, честнее наших?

Во-вторых, я думаю, что Вам и Вашим друзьям необходимо сплотить вокруг себя крепкий авангард, чтобы нам всем в скором времени выпутаться из водоворота сомнительной музыки, которая столь часто звучит на баяне. Короче – нам надо взять власть в свои руки, ибо в данный момент она находится у дилетантов или бездарных людей, тормозящих прогресс баянного ис[кусст]ва.

Пишите, Ваш Владислав Золотарёв¹⁰.

Голицыно, 23 сентября 1973 г.

Дорогая моя жёнушка устроила мне дачу на недельку. Место здесь не ахти какое (мешают поезда и самолёты). (...)

Уже далеко за полночь. Работал над «Испаниадой», но впустую. Пока ни одной ноты. Принимаюсь за окончание партитуры симфонии. Несколько вышел из формы. Ко всему прочему ещё холодно, но я упорно обогреваю своё новое пристанище рефлектором. Работать здесь можно. Войти бы только в форму. «Испаниада» сейчас совсем некстати, надо учить симфонию для показа, но у Фридриха свадьба, и желательно бы преподнести ему долгожданный подарок. Моя милая заготовила мне пропитание. Какой чудесной она бывает, когда всё хорошо!

Голицыно, 24 сентября 1973 г.

Проснулся от холода. Включил рефлектор и, набросив на плечи шубу, вышел во двор. Мороз украсил инеем листья деревьев, землю, предметы... Воздух чистый и возбуждающий. После гимнастики обмылся по пояс ледяной водой. Испытывал такое же чувство восторга, как и на даче в Томилино, когда обтирался снегом, и в бухте Провидения, когда зимой купался в порту. Работал вчера до середины ночи. Часов у меня нет, но, вероятно, проспал часа три-четыре, т. к. проснулся – рассвет едва брезжил. Жду чай, греющийся в медном чайнике. Интересно, что, где бы я ни работал, всегда отношусь с глубоким уважением к предметам, которые помогают в моей работе. Всегда долго помню о них, а порой воспоминания о них вдохновляют мою фантазию.

Лапоньке моей приветы и поцелуи.

Голицыно, 25 сентября 1973 г.

Вчера приятно потрудились. Кое-что сочинил новенькое, совсем не относящееся ни к чему. «Испаниада» продвинулась на самую малость, но кое-что прибавилось к Сонате № 4.

Полчаса бродил в лесу. Очень сыро, морозно. Смотрел грибы, но не видел ни одного. В этом году осень ранняя и морозная... листья все пожелтели... ночами минусовая температура. Сегодня так-

же поспал часа два-три и рано утром вышел в сад. Тонкий лед покрыл лужи... земля и деревья в инее.

Вновь обтирался ледяной водой... завтракал картофелем и шоколадом, что подсунула мне моя любимая жёнушка...

Голицыно, 26 сентября 1973 г.

Рефлектор и плитка перегорели. Срочно эвакуировался в другой домик с газом, которым отапливаю новое пристанище.

Холода страшные, почти зимние, но бежать пока не собираюсь. Спасает жёнушкина шуба и подаренные ею махровые носки.

«Испаниада» застопорилась. Работал над сонатой. Писал партитуру симфонии. Конца ещё не видно.

Каждый день приезжают хозяева. Они не мешают и не докучают мне, но одна мысль, что рядом кто-то находится, уже выбивает меня из седла. Словом, всё неплохо, но желательно лучше.

Надо срочно продать Сюиту № 2, Блоковский цикл, Сонату № 3 и Сонату № 2.

Голицыно, 27 сентября 1973 г. (ночью)

Чувствую, что устал страшно, но тем не менее существует во мне какая-то иная энергия, благодаря которой ручка ещё пишет (порой автоматически, руководит только мозг, а я словно сплю, не существую).

Постоянно лают собаки. Это мне нравится. Может, потому, что голоса у них одинаковые и думы одни и те же, что у чукотских, магаданских, архангельских, ветлужских...

Ночной лай – это что-то очень приятное для меня, это даже какой-то символ серьёзной работы... вероятно, всё это со «Снежки», когда я с таким восторгом, не смыкая глаз, делал свои первые шаги в сочинении...

Это был 1967 год... сугробы... снега...

Москва (Сокольники)

Зеньковский. Русское старообрядчество: духовные движения семнадцатого века. Мюнхен. 1970 г. (Жизнь Аввакума).

29 сентября 1973 г.

С юности думал о том, что в будущем не будет индивидуализированных профессий. Все будут и композиторами, и художниками, и физиками, и математиками, и... всеми другими необходимыми профессиями. Написать бы роман об этом.

Существуют только два отношения к искусству. Первое – художническое, которым обладают избранные, очень редкие люди (даже не связанные профессионализмом). Второе – любительское, которым обладают все остальные, в том числе и те, кто «занимается» искусством как профессией, т.е. «создаёт».

Художническое понимание распространяется на все или почти все рода человеческой деятельности, вбирая всё лучшее. Это лучшее отбирается интуицией и знанием предмета в совершенстве.

Такое отношение не расположено к наслажденчеству, т.е. к стоячести. Оно постоянно развивается и совершенствуется, потому что устремлено в будущее. Любительское же отношение ориентируется только на прошлое, изредка затрагивая современное эклектичное.

Есть удивительные люди...

Одним Бог рано дарует память, талант и волю, но рано и отнимает.

Другим – с большим опозданием...

Я отношусь к последним... но буду ли я жить?

Иваново, дом творчества, 3 октября 1973 г., 13:00

Первым делом привёл свой кабинет в рабочий вид. Затем взял в библиотеке партитуру Лютославского «Paroles tissées», Словарь Римана (I том) и пластинки с музыкой Монтеверди, Орландо Лассо, Окегема, Обрехта, Палестрины... Написал письма: Аринушке, Виардо и Нельсону.

За окном ветер срывает с деревьев жёлтые листья... моросит дождь. Поселили меня в прекрасной, уединенной даче из трёх комнат с душевой и ванной. Проигрыватель в порядке. Рояль превосходно настроен, «Weinbach». Ковры мягкие и тёплые. Кресла удобные, словом, всё для работы.

4 октября 1973 г., 17:00

Все письма отослал. Работается пока вяло. Не могу сосредоточиться из-за режима питания. Надо как-то завтракать и ужинать на даче, чтобы не в режимное время, а в необходимое.

Дал Николаю Луганскому лекции Веберна. По возвращении из библиотеки встретил серого котика. Теперь он сидит у меня на коленях и мурлыкает, а я слушаю «Бастииену» Моцарта и пишу...

Из-за оратории пришлось просмотреть предельно слабые стихотворения поэтов дореволюционной «Правды» и «Искры».

С наслаждением листаю Полежаева и Плещеева. Пока не смотрел вольнодумцев и на рубеже века Глумова.

Иваново, дом творчества, 5 октября 1973 г., 06:00

С сегодняшнего дня перехожу на свой режим. Так как после обеда работаете совсем плохо, то это время – для сна.

Взял у Луганского партитуры Пендерецкого: «Трен», Sonata per violoncello с орс., «Wymiaru czasu i ciszy» для 4 инструментов, хора и ударных. Просмотрел.

Открыл шторы и на мгновение окинул взглядом великолепие утра... Совсем уже жёлтые листья берёз золотистым блеском переливаются под лучами восходящего солнца. Ветер утих, но не совсем.

Полежаев родился 11 сентября 1804 г.

6 октября 1973 г.

День и ночь прошли бесплодно. Оратория пока никак не вырисовывается. Луганский показал мне свои произведения, которые в общем неплохие, но индивидуальность несколько завуалирована.

Слушал «Гарольда» и «Корсара» Берлиоза. Испанскую симфонию Лало. Концерты Вивальди. Фортепианное трио Брамса. В пять часов утра страшно захотел спать. Оделся и гулял до 6 утра у речушки. Сидел в лодке и размышлял о форме оратории. Поиграл на рояле и баяне...

Словом, пока чувствую себя разбитым и вялым.

7 октября 1973 г., 22:00

Вялость не проходит. За четыре дня и четыре ночи ещё ничего не сочинил! Начинаю нервничать. Перед обедом прогулялся в лес. Вялость исчезла, будто и не было её, но вернулся к обеду и снова почувствовал себя разбитым, обязанным... надо забыть, что надо сочинять! Надо как-то незаметно из любви подойти к оратории, а не по внутреннему принуждению.

Написал письма Денисову и моей лапоньке. Как она там?..

Вл. Золотарёв – Э. Денисову

8 октября 1973 г.

Глубокоуважаемый Эдисон Васильевич!

Простите, что беспокою Вас лишний раз своим письмом (у Вас их, я обратил внимание, и без моего предостаточно), но так как в настоящий момент я не могу из-за некоторых обстоятельств вырваться в Москву, то очень прошу Вас уделить мне несколько строк.

Причина, которой я воспользовался, чтобы написать Вам (а мне доставляет это большое удовольствие!), состоит в следующем.

При сочинении оратории (используя додекафонную технику) я ощутил явную недостаточность материала, который в разное время изучал. Что бы Вы посоветовали мне посмотреть в этом жанре? Быть может, Вы снова будете доверчивы ко мне и порекомендуете что-либо из своей библиотеки? Если да, то через несколько дней или через неделю ко мне приедет жена, она пробудет здесь два дня, которых мне было бы вполне достаточно, чтобы просмотреть то, что Вы (если такая возможность представится) передадите ей для меня.

Если Вы окажетесь в затруднительном положении перед моей просьбой, то я буду рад узнать, что Вы получили моё письмо и не очень сердитесь за его содержание.

Ещё я хотел посоветоваться насчёт сочинения ряда.

Как Вы полагаете, если взять за основу ряда не 12 звуков (нот), а 24 (со всеми четвертьтонами)? В финале симфонии, которую я закончил этим летом, я впервые обратился к этому комплексу и, честно говоря, ещё не вполне ясно слышу всё написанное, т.к. без слухового опыта ещё...

Но «чужая» музыка (особенно Японии и Индии) восхищает меня эпизодами, где эти четв[ерть]тоны используются. Поэтому ораторию я решил писать не 12 звуками, а 24.

Кстати, мне будет интересно познакомиться с Вашим методом сочинения (если Вы откроете секрет), а я в свою очередь покажу, как я это делаю. Быть может, я изобрёл очередной «велосипед», но другого выхода не было...

Надеюсь на Вашу доброжелательность ко мне, с уважением,
Ваш Владислав Золотарёв.

P.S. Вашей супруге и близким наилучшие пожелания.

Наш московский телефон: 457-30-05 (имя жены Ирина)⁹.

8 октября 1973 г., 20:00

Спал с 17 до 19:30. Снился сон: в каком-то городе прогуливаюсь... встречаю знакомого с приятелем, приглашаю их домой. Дома много гостей, но квартира чужая. Ирина прекрасно одета, но вызываете. Меня незаслуженно обидели. Ирина рассказывала обидчикам обо мне нехорошее. Я надел зимнюю одежду и ушёл.

Взял у Луганского партитуру «Эдипа» Стравинского. Сейчас небольшой перерыв. Уже первый час ночи, т.е. девятое октября. Ветер не утихает, раскачивая фонари наших аллей, которые тускло высвечивают мятущиеся листья берёз. Мало-помалу вырисовывается либретто оратории... хочу сделать как пассионы Баха, но пока неясно...

Прослушал «Ивана Грозного» Прокофьева. Наивно – дальше некуда. И текст, и музыка не соответствуют содержанию.

Иваново, дом творчества, 9 октября 1973 г., 10:00

Текст является лишь образной настройкой композитора, но не отображением того, что говорят слова³.

Попросил Пейко, чтоб он пришёл ко мне на дачу, чтоб не тащиться к нему. С двенадцати часов и до обеда я играл ему симфонию. Говорили о Мессиае (он наиграл что-то из «20 взглядов»), затем перешёл он на Лютославского, которому явно завидует. Говорил, что его музыка напоминает ему банку с червями (что интересно, мол, если насадить одного червячка на крючок, то клонет

ли какая-нибудь рыбка?). Потом перешёл на Пендерецкого, Мейера. Перед обедом пришёл Луганский. Посоветовал подумать над проблемой эпилога в симфонии, от которого я давно отказался, но жадность пока ещё жива. Принёс мне лекции Веберна. Я дал ему партитуры Булеза и Дессау (где у медных gliss)⁹.

10 октября 1973 г., 23:45

* * *

Гори, гори, моя свеча...
Пахучим воском растекаясь...
Свети, луна, в моё окно...
И листья павшие шепчите...
Прощальный реквием для ветра.
Часы мои – знак тайный смерти,
В смертельный саван облачаясь,
Поют мне песенку про то,
Как скоро (...).

11 октября 1973 г.

Просмотрел много партитур и клавиров, но не нашёл ни такта, полезного для себя.

Серая, посредственная музыка.

Ищу с помощью «подготовленного» рояля нужный комплекс четвертитонов.

12 октября 1973 г.

* * *

Прилетела зима в мою уставшую зиму...
Пронеслась незаметно...
Летний день ненавистный...
Наконец долгожданная осень...
Вечером синим спустилась...
Прохладою душу обвила...
Но недолго она погостила...
Я проснулся в зиме, как и прежде...

Чистый снег..
Как бумага от времени серебрится..
А по-прежнему мне не спится..
Снова дева Вселенной приснилась..

13 октября 1973 г.

«...оставьте сочинение на время... Вам необходимо засесть за учёбу...»

14 октября 1973 г.

Выпал снег..

С сегодняшнего дня я беру программу работы по тетрадным листам.

Каждые сутки писать не мене трёх листов новой музыки + партитура и клави́р симфонии.

В дачном городке сейчас прекрасно! Кругом бело и тихо. Я слушаю последнюю часть третьей Малера, и музыка как нельзя лучше соответствует моему настроению. Написал письмо моей любимой жёнушке, моей Влади́ринушке... Ответил Саше Нагаеву и написал ещё в Магадан (Н.А. Лесному).

За оставшиеся 18 дней я должен написать то, что должно быть написано⁹.

Вл. Золотарёв – Э. Денисову

Иваново, 14 октября 1973 г.

Дорогой Эдисон Васильевич!

Совсем случайно я познакомился и какими-то пересечениями сблизился с Николаем Луганским.

Он хорошо знает Вашу музыку (боюсь, что лучше, чем я) и рассказал мне много интересного о том, что делается в Сибири. Словом, он является единственным человеком на Дальнем Востоке, который имеет толк и истинное понимание задач нашей отечественной музыки. Во-первых, он умный, прекрасно образованный человек (до консерватории закончил университет как филолог), зарабатывает хлеб тем, что читает лекции по курсу современной музыки (Шёнберг, Веберн, Берг, Булез, Кейдж, Штокхаузен, Ксенакис и Вы).

Закончил консерваторию в Новосибирске, и, конечно, ему приходится трудно даже там, где «цивилизация» ещё не до конца затуманила головы людей, любящих и уважающих науку о взаимоотношении звуков.

Но тем не менее он продолжает читать лекции, и это, конечно, прекрасно. Так приятно знать, что растёт интерес к истинным ценностям, что недооценивать работу подобных людей попросту не приходит в голову.

Кстати, мне также приятно сообщить Вам (бесспорно, это не будет новостью для Вас), что поляки (я не буду говорить о других) очень любят Вас и знают Вашу музыку. Кшиштоф Мейер – большой друг Николая (Луг[анско]го), и он вместе с Пендерецким и Люто-славским высоко ставят Ваши сочинения в ряд (вернее в ту классически выбранную цифру – 5 лучших композиторов XX века. Честно говоря, я здесь несколько пишу больше от себя...

Вы только не обижайтесь на глупости, о которых можно было бы и не писать, ибо это действительно наивно писать то, что известно каждому, кто знает Вас и ценит Вас, но так написалось, а зачёркивать или рвать письмо я не могу, т.к. другого не смогу написать из-за ограниченного времени.

Словом, Николай очень хочет познакомиться с Вами лично, и, во-вторых, у него приличная музыка.

Биешу готовит его монооперу, которую я прослушал в исполнении новосибирской певицы, текст и либретто «Неотправленных писем» принадлежит татарскому поэту (не помню кому...). Интересна его оратория на тексты «Братской ГЭС» Евтушенко и три поэмы для оркестра.

Пользуюсь случаем и передаю Вам большие приветы от него лично и (заочно) от его учеников и поклонников Вашей музыки.

Как Ваше здоровье? Краем уха я слышал, что морозы вокруг Вашего замка (или планеты) не ослабевают, а усиливаются. Всё это раздражает меня страшно, но что можно сделать!

Лично у меня всё по-прежнему. Работается пока вяло. После симфонии не могу писать так же, т.е. по тем же схемам и придерживаясь тех же принципов, а найти новое пока не удаётся.

Появилась ещё одна удручающая весть – это ходящие сплетни-слушки обо мне (от Лемана и Баласаняна, как ни странно), что якобы Золотарёв не только «переметнулся» в «лагерь» Денисова, но и занимается перепродажей икон. Более нелепое нельзя было придумать! Но тем не менее я-то знаю эти нелепости, из-за которых я однажды чуть было не погиб. Ведь, обляпанный грязью, не докажешь, что ты чист. Тем более неприятно, что здесь фигурирует и Ваше прекрасное имя. Второй день я брожу подавленный и в большой тревоге. Как ни печально, но мне надо думать ещё о своей жене и детях... Словом, Вы не ругайте меня за это неудавшееся письмо. Желаю Вам и Вашей семье всего наилучшего.

С уважением, V.Z.

15 октября 1973 г.

Снег по-прежнему не тает... Солнце пробивается сквозь льдинки, и лучи играют всеми цветами...

16 октября 1973 г.

Просмотрел клавиры «Тоски» Пуччини и его же «Манон Леско», «Святоплук» Сухоня, партитуры: Шостакович – «Катерина Измайлова», Мусоргский – «Борис [Годунов]», Малер – Шестая, Берлиоз – «Гарольд», Лало – «Испанская симфония», Верди – «Реквием», Карл Хартман – Симфония.

До этого просмотрел: Шостакович – «Казнь [Степана] Разина», Сюиты к «Оводу» и «Гамлету», Баркаускас – «Оратория» и ряд ораторий Эйслера, Свиридова и т.п. Просмотрел болгарскую миниатюру XIV–XV вв. и книгу «Модернизм» – свод глупости и дилетантизма.

17 октября 1973 г.

«Поцелуй Феи»... самое символическое произведение в моей любви...

Милая моя Ирина... что ты наделала...

И как теперь жить дальше...

18 октября 1973 г., 24:00, Иваново

Только что проводили Николая Луганского. Марк, Валерий и я послушали в его исполнении краткое игрище из польского театра абсурда – это было великолепно!

Приготавливаю все аксессуары для работы. Получил от Ирины – Владиринушки – 20 рублей. Вчера говорил по телефону. Сообщила мне обо всех делах, которые она с успехом провернула. Пластинка вышла, но разошлась.

19 октября 1973 г., 24:00

Снилось разное. Рельефно выделяются цветы... у полуразвалившегося домика я нарвал букет красных тюльпанов вперемешку с осенними листьями клёна (кажется), но все цветы отдал старушонке (хозяйке), себе оставил лишь один цветок.

20 октября 1973 г.

Странно, но Брукнер и Рeger мне ближе, чем Малер и Брамс... Шёнберг и Веберн ближе, чем Берг...

21 октября 1973 г.

* * *

Уже второй, должно быть, ты легла...
В ночи Млечный Путь серебряной Окою...
Ты посмотри, какая в мире тишь!
Ночь обложила небо звёздной данью,
В такие вот часы встаёшь и говоришь
Векам, истории и мирозданию.

Иваново, 22 октября 1973 г., 05:00

Совсем не пишется... в такие минуты я не люблю свою музыку до ненависти...

Вот и сейчас через силу дописал фрагмент партитуры симфонии и отложил в сторону...

Почему-то воспоминания всё чаще уводят меня на север... очень тоскую и переживаю... Уехать бы с моей жёнушкой в Мага-

дан... Уверен, что там и музыка была бы другой... холодный край... снега... горы... чистые родники... метели... Сильные ветры... Где всё это?.. Чувствую в себе страшную усталость ото всего... Хочется писать свободно, стихийно, а не по необходимости...

Милая моя Владиринушка! Даже ты, самый близкий человек, не любишь меня... Чего же ещё ждать...⁹

Вл. Золотарёв – родителям
Иваново, 22 октября 1973 г.

Дорогие отец и мамулечка!

Получил перевод. Спасибо. Дела оказались намного трудоёмней, чем ожидал. Например, партитуру симфонии ещё заканчиваю. Пришлось переписывать договор на поздний срок... Звонила Ирина. Вышла пластинка Липса. Как только вернусь в Москву, так сразу же вышлю.

Весь октябрь стоит холодный. Снег не тает. Температура минусовая, но в даче тепло. Меня здесь совсем одолели. Идут за консультациями со своими партитурами.

Попросили провести лекцию о додекафонии, но я отказался, т.к. времени нет. Как у вас дела? Целую, ваш сын Владислав¹⁰.

23 октября 1973 г.

Гюнтер Вайзенборн. Мемориал.

«Высокий, стройный, лицо очень бледное. Что-то стальное и весёлое было в его лице... Вот он стоит передо мной... молодой, талантливый, чистотой веет от него, он, словно вестник грядущего, прошедший через чистилище...

Накануне Рождества его повесили...»

«Он был великолепен! Никогда больше не видал я такого мужественного человека, подлинного героя...»

«Жили мы в своей небольшой камере, примерно три на пять метров, дружно. Много спорили, учились друг у друга... Пожалуй, это был самый хороший период за всё время моего заключения...»

«Не нам одним, миллионам туго приходится... Сейчас и тебе тяжело, не только мне, но ты справишься. А я всегда с тобой. Мужества желаю тебе и ещё раз мужества!»

«За что?! Сижу прикованный к стене.
За днями дни в тюрьме идут как тени,
Потоком смутным мыслей, чувств, видений,
Бессмысленным и бесплодным, как во сне». (Луис Камознс)

24 октября 1973 г. (в поезде Иваново – Москва)

Настроение переходное – от мрачного к восторженному. Умывшись, выпил стакан чаю, после чего вышел в тамбур и выкурил трубку. Через окно проплыл Загорск с великолепьем блеска куполов. Солнце поднималось над лесом. Кругом снег и туманная дымка³.

– Метрдотель, у вас есть место?

– Проходите, но этот столик заговоренный.

– То есть.

– Все его посетители рано или поздно умирают не своей смертью.

– Ого!

Но тем не менее он заказал вино и ужин.

– У вас свободно?

«А» поднял глаза и глазами ответил утвердительно.

– Я не помешаю?

«А» и «В» переглянулись, и «В» произнёс:

– О, нет, садитесь, пожалуйста.

– Будьте любезны, с вами можно?

– Ого! – произнёс «А». – Впрочем, садитесь... мой приятель, вероятно, не придёт.

Долгая пауза.

– Как вы думаете, этот снег долго продержится? – задал вопрос «В».

«Д» посмотрел на него и с любопытством произнёс:

– Ранний снег несёт плохие вести, и чем скорее он растает, тем будет лучше для каждого из нас.

– Ну что ж, в таком случае снег продержится не далее завтрашнего утра, – многозначительно произнёс «С».

– Дай бог, – сказал «В».

– Но до утра ещё много времени... – с иронией прогудел «А». – А впрочем, весь этот разговор кажется мне весьма странным...

И он в задумчивости откинулся на спинку стула.

Воцарилось долгое молчание.

Официант появился неожиданно и весьма кстати, ибо атмосфера за столиком N была застывшей и неловкой...

Выпив по рюмке водки и вина, все заработали вилками и ножами.

В кафе стоял обычный гул многоголосой толпы.

– Хо-хо! – раздалось вдруг над столиком. – Как это ты не побоялся сесть за этот столик?

«А» поднял глаза и встал. Они обменялись рукопожатием, и незнакомец продолжил:

– Всё лето ты где-то просидел и вдруг решил испытать судьбу. Это непонятно и отдаёт мистериями в манере...

– Честно признаться, я не знал о судьбе этого столика и сейчас сожалею, что оказался за ним, но отчасти это любопытно. А что произошло, кстати, за ним, ты не расскажешь?

– Ну что ж, я найду свободный стул и подсяду.

Трое сидящих переглянулись, но никто из них не произнёс ни слова. «А» так же спокойно сел, как и встал.

Спустя некоторое время подсел незнакомец. (...)

За окном появились первые огни.

Прохожие, ссутулившись от сырости и холода, куда-то спешили. Изредка доносилось гудение автомобильных моторов.

Лишь здесь, за столиками, присутствующие шумно проводили остатки своей многострадальной или совершенно непонятой жизни. Суетились официанты, звенели бокалы. Сразу было видно, что здесь шла какая-то своя узаконенная жизнь.

Единственный столик с пятью мужчинами обходился молчанием, изредка прерываемым немногословными репликами.

Именно за этим столиком наблюдало несколько пар глаз с разных концов зала, относящихся к прекрасному полу.

Вскоре появился официант с подносом. Пятеро мужчин молча подняли бокалы и осушили их. Кто-то решил, что чего-то недостаёт, потому что зазвучала чудная музыка из «меломана». За окном уже

езде сверкали огни и рекламы, привлекая внимание экстравагантными лозунгами.

Метрдотель сновал то туда, то сюда и порой провожал молодых девушек взглядом, полным сексуальности.

– Ты помнишь историю, которая произошла с нами в Новый год в лесной избушке? – внезапно спросил незнакомец, гася в пепельнице сигарету.

– Да, хорошо помню, – ответил «А», при этом как-то смутившись, и неожиданно переменял тему. – Ты не задумывался над тем, как человек одинок? – странно спросил он.

– Да, конечно, об этом неустанно твердили Камю, Ясперс, Хайдеггер, но я не понимаю тебя.

– Видишь ли, когда ты спросил о той давнишней истории в краю снежных туманов и волшебных лунных ночей, я вспомнил эту историю прямо в аналогии с нами. Вот мы сидим пятеро за этим столом, и каждого из нас разделяет духовная пропасть. Мало того – духовная, но и физиологическая.

– Простите, при чём здесь физиология? – вмешался «В».

– При том, что у каждого человека физиология находится в полной зависимости от духовных (то есть этических) ценностей, в отличие от Фрейда.

– При чём же здесь духовное и физиология? – вступил «С».

– Представьте себе, что несколько разных людей изрядно хватили спиртного и увидели слово галантерея. Уверен, что у каждого из них тут же возникнет ассоциация по мере их духовных кладовых. Один прочтет гонорея, другой лотерея, а третий – Виринея... Впрочем, любое другое слово можно читать в самых различных значениях в зависимости от ситуации и духовности³.

* * *

Последние октябрьские дни...

Встречаю я в плаще...

В берете...

С перчатками в руке...

Расхаживая меж берёз...

Туманными дорожками...
Застывший пруд...
Листва опавшая, прибитая дождём...
Луна...
В лесу разжёт костёр
И пламенем люблюсь...

...И после каждой рюмки водки он отрезал левой рукой кусок бифштекса и правой отправлял его в рот.

И лай собак, мычание коров...

Крик петухов, мяукание кошек...

Это было прекрасное время. Я не был связан никакими нравственными и этическими обязательствами. Шум лесов и величие гор, прозрачность ледников – всё это очищало и возвышало душу³.

25 октября 1973 г.

«...камеры Жан-Пьер Дебри, Андре Мапра погружены в полную темноту, так что заключенные, проводившие в них несколько лет, неминуемо теряют зрение. Длина каждой камеры – два с половиной метра, ширина – метр двадцать. Пять-шесть узников лежат, скованные кандалами.

Спать же приходится по очереди...

В камерах кишели крысы...»

«Песни тюрьмы»

(1 – дать все тексты вместе, а затем разбить на монологи в отдельности...)

Салтыков-Щедрин

«...слышится глухое и мерное позвякивание железных оков, беспрерывно раздающееся в длинных тёмных коридорах...

...Чувствуется, что здесь конец всему, что здесь не может быть ни протеста, ни борьбы, что здесь царство агонии, но агонии молчаливой, без хрипения, без стонов...»

27 октября 1973 г.

Меня восхищает старинная музыка прежде всего тем, что она монотематична: прекрасно подмеченное неуловимое чувство интонации, которое тут же находит своё полное проведение в самых различных ситуациях малейших изменений в настроении. Решающая роль, конечно, в неприкосновенной правдивости интонационного материала принадлежит логике контрапунктических операций. О таланте композитора здесь говорить совсем не приходится, ибо талант – это не природная склонность. Талант – это совокупность знаний, помноженных на желание результата. Талант – это преданность избранному предмету.

29 октября 1973 г.

Лейбницу тоже советовали избегать новых обозначений («чудо-вищных знаков»), дабы не наводить путаницу в науке.

Символьные обозначения придумать у себя, на основе уже известных, но хаотичных.

Спонтанная гибкость – это способность быстро и легко переключаться с одного класса явлений на другой, далёкий по содержанию.

«Когда человек в совершенстве овладевает предметом, он начинает писать так, что едва ли кто-нибудь другой может его понять» (Нильс Бор).

30 октября 1973 г.

Революционер – это не только тот, кто совершает революции или участвует в них, но это ещё и борец за свободу, это защитник добра и справедливости. (...)

31 октября 1973 г.

* * *

И холодно, и ветрено, и сыро.

В осеннем сумраке почти не видно лиц.

Лишь каркает ворона сиротливо,

Да слышен дальний лай лисиц.

Тогда меняются унылой чередой,
И мы меняемся...
Но снова вижу я –
Дух отчуждённости витает над тобою,
Грех отчуждения преследует меня.
О, как давно узнали мы друг друга,
Узнали страсть,
Где снисхождений нет.
Страшимся мы грядущих лет,
А где-то близко –
вьюга,
вьюга...

Иваново, 1 ноября 1973 г., 04:30

Спал три часа. Приснился не то верблюд, не то жираф. Гонялся за мной, хотел укусить. Я забежал в дом, но он влез через окно, тогда я выбежал в дверь и по очень ветхой лестнице забрался на крышу дома. В тот момент, когда он сбросил лестницу, я ухватился за выступ и не упал вниз.

Снилось разное, но не очень интересное.

2 ноября 1973 г., 13:30

Внимательнейшим образом изучаю «Il Canto sospeso» Л. Ноно, «Quattro Liriche di Antonio Machado» Л. Даллапикколы и возможности деревянных («News sounds for wood wind») Bruno Bartolozzi, которые взял у Денисова. Эдисон Васильевич подарил мне свои «Итальянские песни» – это очень приятный подарок!

Оратория пока ни с места, хотя заказ уже подписан и к маю надо представить клавиры и партитуру.

3 ноября 1973 г., 13:45

Совсем недавно я мог сказать себе, что хорошо, что плохо. Теперь я в ужасе перед хаосом этих понятий. Что хорошо? Что плохо?!
Боже мой! И это в 31 год!

Иваново, 5 ноября 1973 г., 16:00

Прочитал несколько рассказов Бунина. Сходил на почту. Отослал письма в музфонд, Ирине и родителям.

Купил на последние деньги бутылку водки и бутылку ликера. Придя на дачу, приготовил смесь на жжёном чае.

Быть может, это поможет в работе?

Ирине написал длинное письмо, о содержании которого пожалел, когда опустил в ящик¹⁰.

Иваново, 6 ноября 1973 г., 08:30

«Жизнь – скучный, зимний день в грязном кабаке, не более» (Иван Бунин, «Сны Чанга»).

23:00

Когда я думаю о своей жизни, то часто прихожу в сомнение: верно ли живу, правильно ли избрал дорогу, композитор ли я? Всю свою жизнь я был защитником слабых, унижаемых, тихих и потому прекрасных людей. Всю свою жизнь я был противником насилия, диктаторства, оглушительной лжи... Мне горько, что мои ровесники и более младшее поколение заняты своим мирком, кофейные отсидки несут равнодушие, разлад и разврат... Мне печально и тягостно жить среди радующих[ся] и безмятежных, когда весь мир объят пламенем, как Жанна д'Арк, как умирают прекрасные люди, и я ничем не могу помочь им...

Почему, Боже, ты допустил это? Как дальше жить, если лучшее твоё создание – зло!

Вл. Золотарёв – И. Кошелевой

Иваново, 6 ноября 1973 г.

Ирина!

Получил бандероль с ключами... Спасибо, что ничего не написала... К сожалению, я написал тебе письмо... Бог с ним...

Писать много не могу; не потому что не хочу... просто заболел. Лежу в постели, и руки очень слабые.

Прости. V.Z.³

Иваново, 7 ноября 1973 г., 11:30

«Проглотил» «Португальские письма» Гийеран и роман Ясунари Кавабаты «Стон горы». Внимательно пролистал партитуру «Катерины Измайловой».

Музыка оставила меня, и когда я услышу её – неизвестно.

В моей комнате темно и уютно. Горит свеча... Я тихо сижу за столом и быстро набрасываю эти строчки... Вчера получил пакет из Музфонда – договор на ораторию. После оратории надо приниматься за «Мартина» и «Дионисия», а на очереди ещё балет...

Много надо написать, а времени отведено мало...

Надо жить одному⁹.

12:00

Шедевры даются дорогой ценой. Ибо художники, создавшие их, претерпевают нечеловеческие страдания, благодаря которым и рождаются прекрасные, а порой гениальные творения.

Посмотреть партитуры: «Жанна д'Арк», «Царь Давид», «Рождественская оратория».

Посмотреть ещё раз: «Моисей и Аарон», «Воццек», «Лулу», «Песни Гурре».

Иваново, 8 ноября 1973 г., 05:00

В минуты отчаяния ищу поддержки у моего родного Брукнера... он никогда не оставляет меня в беде...

Вот и сейчас с какой надеждою и восторгом слушаю его «Героическую»!

Сохранить душевную чистоту, неприкосновенность глубинных чувств – вот главная задача человека, а отсюда и цель его жизни в избранной профессии. Сохранить непорочность души – это героизм и самообладание, которому не может противопоставить ни одна военная легенда. Гибель лучших качеств человеческой души – это гибель самого человека, смерть, но смерть истинная, вечная, а не мнимая – это раз и навсегда порванная связь с миром гармонии и разума, – это, если хотите, исчезновение без возврата, а что может быть страшнее этого!

Иваново, 9 ноября 1973 г., 09:00

Снилось разное.

Я с Большанским у Денисова. Хотел показать ему новое, но пришёл Борис Чайковский. Минут двадцать болтал. Затем я лёг на пол и заснул. Денисов сказал, чтобы Большанский разбудил меня и увёл. Я вдруг подхожу к себе и бью ногой под ребро. Мой двойник поднимается – мы уходим с Большанским в кафе. Ему облили супом брюки. Уходим. Натыкаемся на похоронную процессию с музыкой и большим количеством гробов. Оказывается, умершие от болезней дети. Уходим прочь...

Остальное не помню.

Иваново, 10 ноября 1973 г., 14:00

Прошла бессонная ночь в болтовне и спорах с Котовым. Злой, как дьявол! Не иду обедать. Не пойду и ужинать.

Должен же я что-то написать в этой цивилизованной берлоге с коврами, лакеями...

Или я растерял всё в этой беспросветной темени? На этой бесконечной дороге жизни...

Котов талантлив. Это бесспорно. Но в голове его пока хаотический мир чужих мыслей. Совсем не знает новой музыки. Открыл мне поэзию Сенина. За это я ему благодарен. Анатолий Сенин... да, это великий поэт. Странно, что мы не встретились с ним раньше... или, быть может, так и надо было Богу моему... Ведь у каждого свой Бог...

Иваново, 11 ноября 1973 г., 10:00

Остаётся пять суток моего жительствова в стране роскоши, довольствия, благополучия.

Через пять дней ночным поездом отбываю в Москву.

Работалось в этот раз очень плохо. Не написал ничего, за исключением ряда эпизодических фрагментов. Сегодня на улице крепкий мороз. В берете уже «не фонтан». Мёрзнут уши. Но всё-таки зима – это мой мир, моя жизнь. Зимой, как и ночью, я начинаю жить в полную силу. Все лучшие мои мысли рождались в холодные

и морозные зимние ночи в Магадане на «Снежке», в бухте Провидения... Как я хочу уехать на Север!

Хочу и боюсь... одиночество прикончит...⁹

10:30

Для прошлого всегда есть будущее. Для будущего всегда есть прошлое. Прошлое всегда будет лицеизреть настоящее, а настоящее – мечтать о прошлом и смотреть в будущее. Будущее всегда будет находить оправдание в прошлом. Настоящее всегда будет искать поддержки у будущего, опираясь на прошлое.

И всё это вместе взятое, неразрывно друг от друга, есть время, т.е. время вне времени. Художник не мыслит категориями обычного, принятого времени. Его время, его мир и эпоха – это вся история человечества до Эхнатона и после самого художника. Это его фантазия, открывающая дыры в неизвестные храмы Вселенной, которые существуют так же реально, как мысль и чувство самого художника³.

Иваново, 12 ноября 1973 г.

Неожиданно созрела в голове кантата. Сразу принялся сегодня за партитуру. Назвал «Вечерняя»...

Музыка тихая, созерцательная. Использовал фрагменты из симфонии. Хочу посвятить Денисову.

290-50-89 Котов Вал.

Riga. Камерный хор «Ave sol», дирижёр Имант Кокар

Иваново, 14 ноября 1973 г., 17:00

«Господь – твердыня наша», № 80

«Ein feste Burg ist unser Gott»

«Wachet auf, ruft uns die Stimme», № 140

«Пробудитесь, зовёт нас голос» (создана в 1731 г.)

Заканчиваю кантату. Первое сочинение в этом жанре.

«Aus der Tiefe rufe ich, Herr, zu dir», № 131

(Psalm 130) (партия виолончели и контрабаса)

«Gott, der Herr, ist Sonn' und Schild», № 73

(Reformations fest) (с трубой) предпоследний номер!

Иваново, 15 ноября 1973 г., 06:30

Снилось много полезного. Возник замысел Второй кантаты – «Военной», но не удручающей, а юмористической (на материале марша из 1-й Детской сюиты).

«Alles nur nach Gottes Willen», № 72 (хор мальчиков – очень хорошо).

«Ich hab in Gottes Herz und Sinn» (Septuagesima) № 92 (ария тенора с оркестром!).

Для sopr., alt, tenor, bass, орган (хор, оркестр).

1. Partita № 2 in C-Minor («O Gott, du frommer Gott»)

2. Choral prelude («Wachet auf, ruft uns die Stimme»)

1. «Боже, правосудный Боже»

2. «Восстаньте, зовёт нас голос»

Москва, 16 ноября 1973 г., 10:00

...Всё по-прежнему... нет гавани в моей одинокой жизни...

Равнодушие и бесплодие этого острова доведут меня до гибели. Голые скалы без единого кустика, без единой травки...

Приехал сегодня рано утром... встретила морозная Москва без Ирины...

17 ноября 1973 г.

Моя трубка выпускает клубы дыма, я много думаю о своём поколении. Все они заражены страшной болезнью – глухотой времени. Одни и те же улыбки, ужимки. Ни одной мысли – только глупость инфантильного чувствования мгновения. Когда я слушаю реплики, обрывки разговоров, мне приходит на ум сказка обо всех злах и добрах.

Дать образ навязчивой идеи в оратории... Без конца повторяющиеся мотивы бессилия и глупости, полусумасшествия, ненормальности.

23 ноября 1973 г., 18:00, пятница

Встреча в «Московском».

«Люби ты мужчин, как я женщин любил...»

(В. Шекспир – «Отелло», перевод А. Блока. «Песенка Дездемоны»)

Вл. Золотарёв – В. Большанину

Москва, 23 ноября 1973 г.

(...) За день до получения твоего письма я вернулся в Москву из благосклонного Дома творчества, где я сочинил между делом милую «Вечернюю кантату» на тексты Гумилёва, Мономаха, Рильке и собственные. Посвятил эти вещи Э. Денисову, кот[орый] вдохновил меня на определённый настрой муз[ыкального] языка.

Всю эту неделю был в страшной депрессии после новой попытки «присоединиться к большинству».

Пока всё позади. Сажу в кафе и строчу тебе письмо. Моя бывшая «жена» обобрала меня, и я провожу ночи на вокзалах (дабы не показаться приятелям несчастным), а днём проделываю кой-какие дела, чтобы скорее получить деньги из Министерства и издательства.

(...) Дела мои также не столь блестящие, как того хотелось бы. Несмотря на то что за четыре м[еся]ца я написал два крупных сочинения (симфонию и кантату), они пока лежат и молчат. Когда будут исполнены – неизвестно. И будут ли?.. Хотя сочинены по заказу министерства.

Теперь вот заказ на ораторию, а денег по-прежнему нет. Да, перевелись Эстерхази, кот[орые] были несравненно честнее наших... и Гайдн зря обижался на «неудовлетворительное» жалование...⁹

Вл. Золотарёв – С. Чуянову

Москва, 23 ноября 1973 г.

Дорогой Серж!

Прости моё молчание, но, написав тебе из Иванова, я не мог более быть расположенным к эпистоляру, столь прекрасному искусству. Всё из-за жизненных перипетий. За «Овода» ужасно стыжусь, но ничего не могу пока сделать. Закончил в Иваново «Вечернюю кантату» на стихи Н. Гумилёва и Вечернюю молитву Владимира Мономаха, а также на свои собственные «стихи».

Получил новый заказ на ораторию, но денег по-прежнему нет. Моя «любимая супруга» распорядилась так, чтобы я жил без денег, и моя природа взбунтовалась. Больше года мы не живём уже как муж и жена. Теперь мы не живём и вместе. Я свободен и независим. Пошла к чёрту эта балетная жизнь, для которой не рождён мой дух.

Не будь столь обидчив, дорогой Серёжа. На меня нельзя обижаться, ибо не моя вина за происходящее помимо моей воли. Есть ещё чья-то сильная рука, которая без меня переключает клавиши моего механизма. Есть воля – я слуга всего лишь. Через месяц примерно я сниму где-нибудь дачу, чтобы написать ораторию. Что будет дальше – пока не знаю. Пиши мне на К-9. Давно не получал от тебя ни строчки. Обнимаю, всегда твой Вл[адислав] Зол[отарев].

P.S. Я не ответил давно на давнее письмо, о котором хорошо помню. Сейчас я могу тебе ответить.

Серёжа, «помоги себе сам»! V.Z.¹³

24 ноября 1973 г., 13:00

Встреча с Нагаевым.

Видел прекрасный сон.

Катался на лыжах. Чистый глубокий сон! Затем лето, купался с друзьями в прозрачной глубокой воде. Нырлял с открытыми глазами, плыл, видя далеко впереди себя.

Подъезжаю на лыжах к избушке. Открываю дверь, там чудесные русские мужики сидят у ярко горящей печки, курят трубки и пьют водку из алюминиевых кружек, закусывая вяленой рыбой. Стряхнув снег (белый и пушистый) с шапки, я поздоровался и справился о дороге. Мне налили полкружки, и я, выпив, задал тот же вопрос, предварительно поблагодарив.

Затем снова снег! Чистый снег, голубое небо.

25 ноября 1973 г.

Второй сеанс снов.

Не море, и не река, и не озеро. Но вода чистая, глубокая и такая прозрачная, что когда плывёшь под водой с открытыми глазами, то видишь далеко вокруг, как на суше, где-нибудь в поле или в лесу в светлый вечерний час. И я с наслаждением резвился в этой воде с друзьями. Ещё был железнодорожный мост, сидящий глубоко под водой, мимо которого я плавал, подобно рыбе.

Незабываемое ощущение чистоты и прохлады.

Всё это мне приснилось прошедшей ночью с пятницы на субботу⁹.

(ВДК)

Быть одному всегда. Иначе смерть и безысходность. К чертям собачьим общение – самое «полезное». К чёрту авторитеты. Сам себе кумир и авторитет. Твой мир богаче, чище, глубже, интереснее и лучше всех миров, существующих в твоём сознании. Надо порвать со всем миром. Замкнуться в себе самом и делать то дело, к которому тебя призвал Господь Бог и твоя целомудренная совесть.

Одна гоняется за своим хвостом. Другая больна тщеславием. Третий грезит революцией. О Господи! Для чего же родился я? Для кого Рублёв? Дионисий? Гомер? Данте? Мусоргский? Шёнберг? Веберн? Хлебников? Гумилёв?

Надо уничтожить все адреса и телефоны. Уединиться так, чтобы ни один возглас не тревожил творческого вдохновения, ни один звонок, ни одно письмо. Всё это будет потом! Потом! Потом!

К чёрту амуров и амурчиков! Ласкающие взгляды и тревоги! Только уединение.

Я интересный, серьёзный музыкант. Я светоч нашей великой русской музыки. Так какого же чёрта я *толкаюсь* в куче этих снобов и новоявленных «гениев»? Что мне они? Что связывает их и меня? Нет, между нами – пропасть¹⁰.

Малый зал консерватории (квартет Андрея Головина), 19:30

Они бездельники. Они теряют время во всём и всегда. Зачем же ты, мой друг, плывёшь с ними по одной реке, безропотно скользишь по течению?

Рывок – и ты у берега. Выходи на сушу, мокрый и голодный. Ищи свой заброшенный пруд и сад. Построй себе хижину и трудись, не жалея себя.

О мой друг! Гони друзей, ибо нет друзей! Есть враги, которые мешают тебе возводить храм. Будь одинок и отчуждён.

Эпизод полной прострации. Вереск звуков. Хаос. Беготня. Подобно первому scherzo из Трио Денисова. Без солиста и хора. Солист только на piano.

Gis-Gis-E-Fis-C

Очень тихое звучание кластеров у струнных. Четвертитоновая музыка. Фагот *ostinato* на фоне. Солист «Год за годом». Повествовательный рассказ без аффектации. Конечно, Bass, а не баритон.

Последний номер «Умирая во мраке холодном» – весь в дымке. Различные возгласы, шёпот, всхлипывания, плач и смех детей.

Но что дать на Коду?

26 ноября 1973 г., 10:00

Министерство (Матвеев).

Письма:

1. Н. Луганскому – Новосибирск, Кемерово
2. В. Большанскому – Сусуман
3. Т. Верченко – Москва
4. Шарову – Ленинград
5. Ермолаеву – Ленинград

Москва, 27 ноября 1973 г., 03:00

О мой друг!

О Фридрих Липс!

Уж который круг я лечу орбитой прежней.

Ты прости меня, вру...

Не лечу, ползу, мятежный.

Но по-прежнему я нежный,

Верный музе и болезный

К той Голгофе Крест несущ,

Чтоб Тебе жилось полезней¹⁰.

30 ноября 1973 г.

Денисов с 14 до 19 в консерватории, с 21:00 – дома.

1 декабря 1973 г.

Arnold + Eugenie Peier

Freie str. 51

4632 Trimbach/olten, Schweiz

Tel. (062) 221295

299-57-83

ул. Снайперская, 14/9, кв. 8

Филиппов Станислав Владимирович⁹.

Вл. Золотарёв – Н. Луганскому

Москва, 3 декабря 1973 г.

Дорогой мой!

Николай Леонидович!

Милый мой Николай!

Давно получил открытку, но жизнь меня так завертела, что только сегодня я мог взять ручку и у стойки на почте пишу тебе, чтобы хоть как-то сообщить, что я «есмь».

Дома не живу. То есть мой дом – это я сам. Ушёл от жены и из этих 4 углов. К чёрту!

Пиши мне по-прежнему, Москва, К-9, до востребования.

Обнимаю тебя, всегда твой V.Z.¹⁰

5 декабря 1973 г. (Преображение, у Фридриха Липса)

Нас обвиняют [в том], что мы не пишем, как Чайковский, Бородин или Прокофьев. Но о Моцарте можно было бы сказать то же самое: «Почему, маэстро, Вы не сочиняете в стиле Рамо, Куперена или Генделя?» Но это ещё благосклонно! Почему Малеру никто не говорил писать подобно Шуману, впрочем, тоже, вероятно, говорили. И почему мы должны писать в стиле того мелодического начала, что на слуху у обывателей и ленивых умом людей?

Мы (уж это бесспорно) больше ценим классиков, ибо мы провели их не только через собственные уши и нервы, но и через мозг. Мы на примере классиков учились, впитывая их целомудрие, их вольности (гениальные вольности!), анализируя их и понимая, в отличие от вас.

Классическое ис[кусст]во для нас – это молоко матери, взрастившей нас (в отличие от вас), но после молока есть ещё соска, а после соски – пюре и манная каша и т.д. Вы же всю жизнь поглощаете материнское молоко и думаете, что в этом – конечная ваша результативность. Наивное младенчество!

Да, есть Альпы, есть Фудзи, Джомолунгма, но есть ещё тёмные заросшие пруды с растущими у воды (...). Кто может сказать, что значительнее? Эльбрус с его белоснежным куполом или болдинские усадьбы, в которых Пушкин создал «Домик в Коломне»?

Бах, создавший несметное кол[ичес]тво прекрасных творений, или Антон Веберн, тв[орчест]во которого целиком умещается на трёх гигант-дисках*. Что значительнее? ...Ах, как это смешно. Значительней ли Рихтер Чаплина? Значительней ли Достоевский Рахманинова или Данте – Босха?

Значительность – не в количестве или качестве. Значительность – в идее. Мысль всегда будет значительной, если она концом крыла задевает идеи Бога. Его чертоги.

Глинка, Мусоргский, Чайковский, Рахманинов, Скрябин – это то, с чего начинается академия русской музыки. Мясковский, Прокофьев, Шостакович – это естественный кризис на перепутье, на повороте к чему-то абсолютно новому, объективному. Композиторы типа Щедрина, Слонимского, Б. Чайковского являются лишь заряженными частицами, которые не в силах преодолеть притяжение чужих, чуждых орбит. Композиторы, как Шнитке, Денисов, Тищенко... – это частицы, несущие в себе новый потенциал классичности, ибо их тв[орчест]во – это мостки, идущие от известной пятёрки к музыке, к русской музыке, которая вернёт себе забытый приоритет, которым гордилась в XV–XVI веках легендарная музыкальная Русь.

Мне становится приятным то обстоятельство, что я близок всему этому, что осуждается пока у нас, и все они близки мне – осуждаемые. Я имею [в виду] прежде всего школу Шёнберга, направление Ясперса и перо Солженицина³.

8 декабря 1973 г.

Встреча с Денисовым (консерватория).

Отдать трио.

---

* Имеется в виду – грампластинках. – В.Б.

Вл. Золотарёв – В. Большанину

Москва, 12 декабря 1973 г.

(...) Настоящая ситуация моей несносной жизни, скорее существования, влечёт моё исстрадавшееся существо к давно желаемой черте, пограничной полосе, за которой моя душа мечтает обрести покой и забвение.

Что моя жизнь? Что это такое? Позвольте Вас спросить? Что Ваша жизнь? Что есть вообще жизнь всех этих страшных городов, автострад, всех этих двуногих существ?

Куда всё это стремится? Зачем? чёрт возьми же, наконец! Кто разъяснит мне, если не смогли этого [сделать] древние греки, индийцы и китайцы? Что мне аскетизм Нила Сорского, если он также не знает разгадки?

Зачем мне диалектика Гегеля и сверхчеловек Ницше? Критика чистого разума Канта и трансцендентализм Торо? Что мне даёт экзистенциализм Ясперса, Хайдеггера и Сартра с их духовным отцом Гуссерлем?

Они ещё больше заставляют меня мучиться, как мучился Камю, пока судьба не уготовила ему автомобильное надгробие!

(...) Многим покажется невероятным и лицемерным моё отчаяние. Ведь я сейчас не только вождь новой баянной школы. Теперь обо мне много говорят в эстетических кругах серьёзные музыканты, знающие Булеза, Штокхаузена, Ноно, Даллапикколу, Хенце, Ксенакиса и др.

В числе моих духовных коллег такие, как Э. Денисов и Б. Тищенко. Меня знают все наши известные, начиная от Шостаковича, Хачатуряна, Хренникова, Ярустовского, Щедрина, Бунина до менее известных моих приятелей – К. Волкова, А. Рыбникова, Б. Шнаппера, И. Финкельштейна и др. Но что странно, я чувствую день ото дня себя ещё более одиноким и брошенным.

Раньше хоть мне доставляло радость то обстоятельство, когда обо мне говорили Великий Маэстро, как о «редкой одарённости таланта», а что теперь? Я даже не горю желанием поехать в Ленинград, где через два дня будет большой концерт в мою честь.

Впрочем, и об этом довольно. Нет тех слов, которые бы высказал Вам, мой единственный на всём свете, всю скорбь, безмерную тоску... (...)»⁹

Вл. Золотарёв – С. Чуянову

Москва, 13 декабря 1973 г.

Дорогой Серёжа!

Только что получил твоё письмо. Рад за тебя, что хандра прошла. Это прекрасно, когда человек вновь и вновь возвращается к жизни. У меня пока всё по-прежнему. На днях был в Ленинграде на концерте Фридриха. Приём был хорошим. Вечером следующего дня вернулись в Москву, и снова мне надо было быть на концерте одного ансамбля, где они играли мою вещь. Но все эти концерты, где нет-нет и прозвучит какой-нибудь мой опус, не приносят больших радостей, истинного удовлетворения. Все мои лучшие вещи отлёживаются годами и не исполняются. Это симфонии, квартеты, вокальная музыка... Ну да ладно...

Я вынужден уехать на днях из Москвы. Снова на Украину. Хочу успеть до мая закончить заказанную ораторию. Словом, встретиться нам опять-таки не удастся, вероятно... Но кто Его знает? Быть может, в Его расписании назначена уже наша встреча и скоро?

Моих сочинений на руках пока нет. Это такие скандальные истории с баянистами. Непонимающие обижаются, а их довольно много, но что я могу поделать?

В декабре, как только выйдет сборник (я должен получить авторские), так сразу же пришлю тебе с автографом для твоей сестры. Там будут крупные сочинения: «Партита № 1», Вторая соната и Камерная сюита.

А пока, увы...

Полагаю, что если ты напишешь мне письмо, то я ещё получу его либо его переведут мне на место, где буду пребывать.

Насчёт Овода. Серёжа, не беспокойся. Пусть пишут... лучше нас всё равно не напишут... кишка тонка. Прижмёт Бог, и Овода напишу быстро...

Ну, прощай, пока. Обнимаю, всегда твой – V.Z.

P.S. Вчера обнаружил это письмо и решил, что ряд ответов не потерял времени... Прости, что такой забывчивый... а я было решил, что отослал¹³.

Москва, Сокольники, 14 декабря 1973 г.

Мне думается, что Моцарт сочинил свою 25-ю симфонию под впечатлением Глюковского Орфея. Много общего колорита и образных ассоциаций.

Художник должен пройти все стадии становления таланта от интуитивного через подражание лучшим классическим традициям, через все близкие и родственные направления, через модернизм и крайний субъективизм, чтобы наконец, осмыслив и переоценив все накопленные ценности, подойти к истинному интуитивному (но уже обогащённому рациональным качеством), к оригинальному и великому творчеству.

Requiem piccolo (для баяна)

Ave Maria, Te Deum

24 прелюдии и фуги для баяна

№ 1 (для правой руки) Прелюдия

№ 24 (для левой руки) Постлюдия перед Фугой

Postscriptum

Вл. Золотарёв – С. Чуянову

[Москва, середина декабря 1973 г.]¹³

=СЕРЁЖА СРОЧНО НУЖНЫ 20 РУБЛЕЙ СКОРО ВЕРНУ
ТВОЙ ЗОЛОТАРЁВ=

20 декабря 1973 г., в поезде (Москва–Одесса)

Я дарю и посвящаю Вам это сочинение не потому, что Вы прекрасный музыкант, а потому, что Вы чудесный человек.

Наш век изобилует людьми с высокой профессионализацией, но так мало музыкантов, наделённых высокими человеческими качествами. Вы же на редкость совместили в себе и первое, и второе.

Каждый шарлатан, у которого ни за душой, ни в сердце нет божественного отношения к собственной жизни, равно как и к жизни

вообще, к искусству, которое для него не дороже модного галстука или зажигалки, может заставить меня тут же сыграть модуляцию – эту безжизненную форму, оторванную от всего живого и возвышенного, первичного, направленного к конечному.

Вл. Золотарёв – Ф. Липсу

Смела, 21 декабря 1973 г., 01:00

Дорогой Фридрих!

Пишу тебе сразу по приезде в страну «Диканьки», «Мазепы», а также пани Ганской (о! наивный Оноре де Бальзак!)... Сижу за своим столом. За окном ночь, а рядом музыка... «Пеллеас и Мелисанда» Шёнберга...

Вот настрою тебе несколько строк и засяду работать. После дороги (как скучно и мучительно было ехать!) хочу отдохнуть (т.е. черкну ещё письмо, помимо твоего – Денисову).

К сожалению, когда я пришёл в институт и ждал тебя (от 16:13 до 16:30), то, не увидев твоей цезаревской осанки, посмотрел в классах в другом корпусе... и так «ни с кем» ушёл. Взял билет на поезд и чуть было не опоздал: долго искал «экипаж». Так что в этом моя совесть чиста. Странное дело! Паутина моих долгов делится на всё более мелкие и замысловатые узоры, а сеть моих доходов никак не ловит крупную рыбу, хотя и сделана она как будто из прекрасного материала. Впрочем, вероятно, на мои поминки рыба будет редкостной величины и чудесных вкусовых качеств, но что мне до этого?.. Сяду писать тебе Четвёртую сюиту, а за ней параллельно с ораторией спешно «чистить» Третью симфонию (Реквием) – твою... Трудиться буду много. По крайней мере, хочу рядом с ораторией закончить «Испаниаду», Четвёртую сонату, начать Трио для струнных, Трио для деревянных, Третий квартет, 24 прелюдии и фуги... Впрочем, не знаю, как пойдёт работа. Я очень устал... И физически и нравственно и... словом, по-всякому... Что остаётся бедному человеку? Поститься и трудиться... Трудиться и поститься... Слава Богу, этим он не обошёл меня! Тебе сейчас тоже нелегко. Но я верю в твою «немецкую сообразительность» и надеюсь, что удача будет сопутствовать тебе.

Главное – идти той же дорогой, не сворачивая даже тогда, когда все дьявольские хитрости опутают твою душу. В этом смысле я всегда боюсь за тебя, потому, что ты дорог для меня и нужен прекрасному делу, а свихнуться просто... сила ума и воля здесь не играют большой роли... только Природа, она всегда выручит, выведет и ещё раз поцелует...

Какие таланты, умы свихивались! А всё потому, что не те таланты были! Не видели различия между небом и землей, между собой и Им...

По дороге я прочёл неплохую книгу (купи, если есть ещё на старом Арбате, рядом с «Прагой»). Неругательно написано о Веберне и Шёнберге, и другие статьи чудесно умеренные (много можно почерпнуть из цитат, да и сами Ю. Давыдов и Днепров недурные люди, как мне кажется). Называется книга «Кризис буржуазной культуры и музыка», 2-й выпуск. Тебе она будет полезна и в том смысле, что здесь снова поднимаются проблемы контакта: композитор – исполнитель – слушатель. Есть глупости, но без них, бесспорно, не было бы этой книги. Если сможешь, то позвони Левтоновой насчёт Камерной сюиты (она ведь никем и нигде не покупалась) и 3-й сонаты (если Матвеев и Чайковский не купят в [Министерстве культуры] РСФСР). Её телефон: 221-29-70, Ольга Владимировна, [Министерство культуры] СССР. Телефон Матвеева: 223-88-16, [Министерство культуры] РСФСР. Это вовсе не обязательно, а просто на всякий случай, когда тебе нечего будет делать и захочется «развлечься». Но не принимай эту просьбу всерьёз.

Буду рад получить от тебя пару слов, что ты жив и здоров и что Наташа рядом с тобой сидит на тахте и читает моё письмо. Передавай ей мои приветы. И тебя, и её я поздравляю с наступающим Новым семьдесят четвёртым годом, годом, который должен принести много нового и чудесного.

Всегда твой Вл. Золотарёв (V.Z.)¹²

Смела (Украина), 21 декабря 1973 г., 22:15

У родителей. Всю прошедшую ночь с воодушевлением работалось. Кое-что пришло на ум. В перерывах написал письмо Фридри-

ху. Слушал вновь купленные пластинки. «Пеллеас» Шёнберга – гениальное произведение. Ещё раз с радостью помолился внутри себя за великое будущее моего самого любимого Шёнберга. С таким же восторгом прослушал 5 пьес Веберна и «Вопрос без ответа» Айвза! «Белые ночи» Буцко – это также выдающееся произведение, это то, от чего я отталкивался в своё время – что сейчас развиваю с помощью додекафонии.

22 декабря 1973 г.

«Кто болеет за дело, тот должен уметь за него бороться, иначе ему вообще незачем браться за какое-либо дело» (Гёте).

«Я не стану воздавать хвалу боязливо таящейся добродетели, ничем себя не проявляющей и не подающей признаков жизни, добродетели, которая никогда не делает вылазок, чтобы встретиться лицом к лицу с противником, и которая постыдно убегает от состязания, когда лавровый венок завоёвывается среди зноя и пыли» (Джон Мильтон).

Смела (Украина), 23 декабря 1973 г., 22:00

Пока не работаю. До Нового года решил набраться сил. Читаю книги. Слушаю музыку¹⁰.

23:30

«Девяносто девять человек живут только затем, чтоб убедить сотого: жизнь бессмысленна!» (Савва Морозов).

Так вот я один из 100 убеждаю 99, что жизнь стоит свеч!

Мне стоило титанических усилий оставить то, что мне было дорого, но что мешало моему восхождению к Пику безумного восторга... Прости меня, Господи! Ибо я иду по Твоему велению... V.Z.

24 декабря 1973 г., 01:00

Бога ради! Не пишите по обязанности! Пишите, когда побуждение само заговорит в Вас. Люди привыкают к канонам, но природа не знает канонов, она более рациональна, несмотря на всю свою показную анархичность.

Целомудренность суждений и понятий есть высший смысл разумности. Надо следовать своему чувству, вернее, состоянию своих чувств, тогда только получаешь удивительное сплетение из рационального и иррационального.

Я на пороге чего-то нового и прекрасного. Вся моя предыдущая жизнь – это свод колоссального напряжения умственных и чувственных сил. За всем этим кроется что-то удивительно мудрое, единственно верное и бесконечно верное... быть может, Вечное...

03:00

* * *

Ночь... чернильное окно... и лампа жёлтая – торшер...
Вино... бумага... музыка и тишина... и холодильника мотор...
Из-за тяжёлых голубых портьер... И на столе моём не Расин,
не Мольер... не Монтескье и не Вольтер... а Чаадаев...
Достоевский... Чехов... Лев Толстой... Читаю их я без помехи...
И перечитываю снова... Затем беру я нотную бумагу...
Мараю «почём зря»... и вновь читаю... Не Диккенса и не Дидро,
Не Гёте... Читаю Пушкина и Тютчева... не Фета...
Булгакова и Бунина читаю... и Гумилёва...
Белого... и Блока... в мыслях обнимаю...
Мандельштама... Пастернака... и Мережковского...
и даже Гиппиус... Цветаеву и Анну...
и Хлебникова – вечное распытье...
О, вы, мои друзья! Учителя живые... вечные мои...
Пока я мёртв – живые вы... Когда я жив – вы ангелы...
Господня глас гудит во мне... Великорусским колоколом трубным...
Проснитесь! Вы! Илья во сне! Но пробужденье близится извне...
Не изначальной музыкой, не печальной...
А светлой полосой, как в чаше inferнальной...
О, ты, всесильная Богиня страсти! Приди!
Укрой от язвы красной и напасти!

Перечитывая Канта «Критика способности суждения», СПб., 1898, с. 172¹⁰.

Вл. Золотарёв – С. Чуянову

Смела, 24 декабря 1973 г.

Дорогой Серёжа!

Во-первых, моя дружба со мною во главе благодарит тебя за брошенный конец верёвки, благодаря которой я могу теперь сесть за работу и спокойно дожидаться тех денег, которые должны быть мне переведены.

Написал тебе письмо давно уже, но только здесь обнаружил его в одной из партитур. К сожалению, у меня подобное случается нередко.

Короче, с Новым семьдесят четвёртым!

О, как я хочу дожить до него! И с какой радостью я выпью зелье за все твои удачи, за все твои горести... победы и поражения, ибо без последних никогда не бывает первых...

Я всю прожитую жизнь шёл с чистыми, широко открытыми глазами... если что и делал не так, то Господь знает лучше меня, что хорошо, а что плохо... Словом, вперёд! Не оглядываясь!

Обнимаю, твой V.Z.¹³

Вл. Золотарёв – Э. Денисову

Смела, 24 декабря 1973 г.

Дорогой Эдисон Васильевич!

Как я сожалею, что не встретился с Вами! Но что делать? У меня было много мелких и унижающих душу делишек, а у Вас кроме того и дел предостаточно. Уехал из Москвы, так и не получил остаток за симфонию (министерский заказ). Хотя и большой грех продавать самое дорогое, но жить надо как-то... На другое (кроме сочинения) я не гожусь, да и не умею...

Остановился в небольшом провинциальном городишке. Здесь я уже не первый раз и всегда с радостью работаю. Воздух прекрасный, кругом леса, людей немного... Пока прохлаждаюсь. Перечитываю любимые книги, слушаю музыку. Брожу в одиночестве у большого озера. Представьте себе, без шапки! Температура нулевая и совсем безветренно.

Настраиваю себя к большой работе, от которой зависит вся моя последующая музыка. Пока ем и сплю как барин. В Москве ужас-

но устал и измучился, как физически, так и нравственно. Но с Нового года и до самого мая надеваю чёрную рясу, беру обет самых жестких правил и за дело. Если мне удастся закончить эту ораторию (впрочем, и не совсем ораторию), то Вы, я очень надеюсь, не останетесь равнодушны к этому сочинению, а пока не ругайте за то, что пишу слишком много о себе. Скромностью я никогда не болел, если иметь в виду «так называемую скромность», но застенчивость – мой страшный спутник, сопровождающий везде и всюду...

Вам лично, Эдисон Васильевич, желаю в Новом 74-м больших творческих удач, а вашей семье – мира, радости, здоровья. Пишите, если будет время. Всегда Ваш, Вл. Золотарёв⁹.

25 декабря 1973 г.

О тюрьмах и о заключенных:

Толстой – «Воскресенье»

Горький – «Клим Самгин»

26 декабря 1973 г.

2 р. (токай), 1 р. сигареты, 1 р. парикмахерская, 30 к. + 30 к. + 60 к. + 15 к. (баня).

27 декабря 1973 г.

* * *

Всё ближе разлука,

Для всех непременно.

Прощай же, земля моя!

Здравствуй, вселенная!

(Назым Хикмет)

Убиквисты (от лат. *ubique* – везде) – приспособляющиеся к любым жизненным условиям.

Смела, 28 декабря 1973 г., 11:30

Нам надо оставить свои заблуждения насчёт того, что музыкальный «авангард» заблудился в потёмках. Необходимо с полной серьёзностью понимания первостепенной задачи понять, что без

изучения творчества нововенцев, их учеников и последователей русская музыка никогда не вырвется из оков отживших ладовых схем.

18:00

Стал страшно «дёрганым». А лечиться и отдыхать нет времени.

19:00

Меч революции покрылся ржавчиной. Не пора ли его заменить новым? (Перечитывая письма Дзержинского.)

22:00

Кто знает, как мне трудно! Кому известно то, что я задыхаюсь в лапах не только нужды, но и долгов, а более всего мучительно переношу своё новоявленное одиночество.

23:20

Истина – это соответствие, адекватность субъективного представления, идеального и объективного предмета, реального; соответствия субъективной мысли и объективной вещи¹⁰.

29 декабря 1973 г., 12:15

Отец явился в этот мир, чтоб возвысить чувства, а сын – направить разум в должное. V.Z.

Надо раскрепостить своё застывшее мышление. Но раскрепощение возможно в том случае, если навязать мышлению формулу, решив которую сразу станет ясно: где, почему, что, куда и зачем.

Полиритмия да ещё с местным временным отклонением, с характерной алеаторикой... В целом должно быть фантастично и красиво...

*

Или же метрический элемент изъять? Заменить квадратами на приблизительное временное сечение... тоже заманчиво...

Можно же оставить всё традиционно... и даже в одном размере (как Штокхаузен), но «метро-единицы» будут различны, если обозначить каждую линейную плоскость своим индивидуальным значением временного действия (Лютослав[ский]).

*

И всё-таки воображение – это то, единственное первичное, от чего музыкант должен отталкиваться в первую очередь... но как быть

с эмпиризмом и рационализмом? Где-то здесь разгадка... Но где?.. Ведь именно в этой разгадке пересекаются все параллельные линии! Чистого и запрограммированного... «чистое» и программное...

*

Лишь любящего любят. Лишь идущий может найти, и притом то, что ищет. «По трудам их воздастся им»¹⁰.

Что я видел за свою жизнь? Стол, бумагу, тушь? Неужели это всё?! А где моя любовь?! А путешествия? Где вы?.. Где моя свобода? Радость! Мне тридцать лет, а я зависим, как низкий раб, от всех и вся... но хуже другое: я стал хандрить... много, чрезмерно много размышляю, а делаю мало... Совсем ничего не делаю.

Вл. Золотарёв – Н. Луганскому

Смела, 29 декабря 1973 г.

Дорогой Коля!

Люцифер пламенный!

С Новым тебя!

С семьдесят четвёртым!

«В башне, залитой светом луны...

Я о Вас тоскую, мой друг...»*

Пиши о планах на ближайшие полгода. Быть может, встретимся где-либо.

Обнимаю, твой Вл. V.Z.¹⁰

Вл. Золотарёв – А. Беляеву**

Смела, 29 декабря 1973 г., 14:00

Я за большое серьёзное баянное ис[кусст]во, а не за скомо-рошьё действо. Гусли, домры, балалайки – это несерьёзно уже потому, что эти инструменты не несут собой высокой этической

---

* Свободное изложение начальных строк стихотворения китайского поэта Вэнь Тинъюня (IX в.): «В башне яшмовой, в свете луны / Я о вас тоскую, мой друг...» – В.Б.

** Черновик письма к Беляеву находится в записной книжке Золотарёва из 1973 г. Мы не располагаем информацией, было ли письмо данного или подобного содержания отправлено адресату. – В.Б.

красоты из-за примитивной тембральной стороны, тем более что эти инструменты застыли в своём развитии. Они кондиционированы и могут служить лишь развлечению, игрушкой, но выразить посредством их тембра глубокую, значительную мысль невозможно, ибо я не могу назвать ни одного переложения достойной музыки, которая бы не потеряла главного при передаче её мыслей этим ин[струмент]ом, а об оригинальной музыке для них я попросту умолчу.

И вот, когда баян становится их соучастником, он превращается в белую ворону среди чёрных, если он продолжает оставаться самим собой (т.е. сохраняет все свои достоинства), но т.к. он не может быть этой белой вороной, т.е. не должен уничтожать других, то, естественно, он жульнически празднует там, где его компрометируют (этим компрометируя свою природу).

Музыка – это не забава. Музыка – это колоссальная пища для сознания, которая подпадает под власть первой и начинает жить особенной, удивительной интеллектуальной жизнью. Здесь я не хочу говорить о кантианстве и об этосе Платона, но не надо делать из музыки цирк.

В мире предостаточно людей бездарных, чтобы заниматься трюкачеством и клоунадой. Наше дело поразительно серьёзное, и я не уверен, что есть люди, которые отдадут себе отчёт в том, что они являются свидетелями того, как происходит революция (эволюция) перехода от низшего к высшему. И вот вы начинаете ренегатствовать, подобно Каутскому и всем, кто не видит истинных задач развития баянного ис[кусст]ва. Вам не так много лет, чтобы отказываться от крупных подъёмов.

Сейчас идёт перелом во всей музыке. Люди привыкли к старому, приятному и боятся покинуть это, не подозревая, что новое даёт им неизмеримое ничем богатство мироощущения.

«Себя надо воспитывать или отойти в сторону...»

Я пишу Вам это предновогоднее письмо (впрочем, для Вас оно уже будет новогодним).

Вещи сами навязывают нам ход развития. Сопrotивляться бессмысленно, ибо это противоречит всемирной логике движения от

низшего к высшему. Мы не можем остановить рост плодоносящего дерева, как бы нам ни нравился аромат цветения, дерево знает о своём высшем предназначении, и, останавливая его рост, мы убиваем его, не дав завершить магическую кривую, чтобы замкнуться в квадратуру круга.

Вещи подсказывают нам, какими они должны быть, какие они есть, и наш долг, выявить их природу и показывать правдиво, без ложной скромности. Надо чувствовать ответственность перед правом на жизнь, а если нет в душе такого чувства, то следует отказаться от каких бы то ни было притязаний на возвышенное и великое.

Молчаливое чувство оскорбленного достоинства – великое чувство, а словесное препирательство – мелкая чувственность, говорящая о ничтожных качествах.

Я пишу так не потому, что мне надоело быть скромным, но потому, что эта скромность переходит в ложную скромность, а это хуже заносчивости.

Я всегда сочинял не для чего-то, а тем более не для кого-то. Только по внутренней необходимости, по таинственному зову с «того света».

И нет нужды объяснять то, в чём я давно отчаялся: воспитать своей музыкой хотя бы часть баянистов. Все видят или личные цели (преследуют), или совсем иные, противоречащие главной для всех идее.

Моя музыка, от ноты до ноты, истинно русская, и если не чувствуют в ней этого отличающего качества, то, значит, не чувствуют в ней главного – мысли (не понимают).

Все (и Вы в том числе) инертно следуете по тропе необходимого шествия, хотя для многих и нежелательного. Надо побольше бунта в душе против однообразия, против мелочности и неистинности. Ведь парадокс! Митченко играет «Искусство фуги» Баха, а музыканты посмеиваются «что это он играет такое длинное и скушное». Я не буду вдаваться в исполнительские оценочные критерии, но сам факт, что музыкант играет это сочинение, говорит за него и против тех, кто наивно посмеивается над ним¹⁰.

30 декабря 1973 г., 21:45

Очень часто, в течение четырёх лет я ловил себя на мысли, что думаю о Гмырёве по-разному. Но более всего меня смущала сентиментальность его писем (впрочем, и в стихах много).

Постоянно думаю над ораторией, но пока не принимался вплотную... читал и перечитывал всё, что касается тюрем, революции... натолкнулся на брошюру Ю. Бородай, выписки из которой писал выше. Канта он совсем не понял, а гонора на целого Фихте.

Смела (Украина), 31 декабря 1973 г., 21:30

Ну вот, я встречаю этот Новый год в полном одиночестве, если не считать того, что я нахожусь в родительском доме среди дорогих мне любящих и любимых родителей.

Да... Но тем не менее это не спасает меня от жуткой внутренней отрешённости (пустотой я не решаюсь назвать это чувство).

С каким благоговением я выпил на кухне нашей столичной... поблагодарил старый год со всей искренностью, ибо какие могут быть обиды?..

Пишу сейчас под звуки своей Партиты. Как бы там ни было, но всё-таки это достойное произведение... Партитой и «Мартином» я закончил свой холостяцкий период жизни... Второй симфонией и Вечерней кантатой – период жизни женатого человека. Открою ли я ораторией мой важнейший период жизни и творчества?

Только один человек на земле знает, как я могу смеяться... – это моя жена... которой больше нет для меня...

Вторая соната для баяна – это последний отблеск моей жизнерадостности и расположения к людям.

Теперь главное – поменьше слов и побольше мыслей... Бумаги осталось мало для старого года...

Тем более что ты, мой друг, в своём парадном костюме зимней ночи с отложным белоснежным воротничком – точь-в-точь, как и шесть лет назад... и десять лет назад... и всегда будет лучшим это твоё платье...

Я благодарю всех своих учителей (и живых, и отошедших к большинству) за то, что я стал лучше, чем был... я благодарю и тебя, мой

страшный старый год! Быть может, я ещё не раз вспомню о тебе – год «Дракона»... Но более всех, я благодарю Тебя – Создатель! Спасибо тебе за всё... Будь благосклонен ко мне и в дальнейшем. Что писать об успехах? Я уже вышел из того возраста, впрочем, успехов, тех, которых бы я хотел, ещё нет... и будут ли они, это уже второстепенное дело. Главное – вперёд! Не оглядываясь! И ни шагу назад! Пусть смерть, но шагом дальше...

21:35

Те, кто сегодня не оставил скепсиса в отношении моего таланта и моего предназначения, завтра станут менять кожу и утверждать на весь мир, что это их заслуга в том, что я появился на этот свет затем, чтобы придать музыке то истинное, которое так гениально предугадал Арнольд Шёнберг. Не ищите новых новаций, коллеги! Эти новации завоеваны нововенцами. Мой долг – довести их до совершенства, используя все возможные ситуации.

22:00

Итак, мой второй тост в этом году был за гениального и Великого Арнольда Шёнберга! Слава тебе!

23:35

Очень трудно! Нет, мучительно переживаю всё, что проносится в душе. Буцко тоже одинок... вероятно, люди становятся одинокими, когда не любят... парадокс какой-то...

С первого числа семьдесят четвёртого... и до первого мая (точнее до 1 апреля, а там посмотрю...) перехожу на жесточайший режим...

Во-первых, отдыхать буду не более четырёх часов в сутки (или через сутки не более 6 часов) в периоде между [20:00 и 23:45].

Разграничить все рабочие часы по сегментам... и каждый сегмент комментировать в записях с целью изучения... т.е. искать наиболее прогрессивные моменты в ходе времени... Проще, каждый час должен [быть] наблюдаем (исподволь). Мысль должна быть одной! Навязчивой идеей! До отчаяния, но с постоянным присутствием веры и надежды... Пища только постная! Никакого мяса, масла, молока, яиц...

Только хлеб, сахар, чай-кофе, картофель, подсолнечное масло, разные каши, рыба – это по желанию. Как работать? ...это серьёз-

ный вопрос... Во-первых, постоянно делать выписки разных текстов по теме оратории...

Вдумываться в смысл, в характеристики, в мельчайшие эмоциональные отклонения...

Фразировка! Паузы! Пульс!

Во-вторых, постоянно сочинять контрапункты на избранную музыкальную мысль – это как гимнастика!

*

Лишь любящего любят. Лишь ищущий может найти, и притом то, что ищет. «По трудам их, воздастся им».

23:55

Третий тост за моих друзей (в основном за тех, кто присоединился к большинству).

24:00

Итак, с новыми силами к старым рубежам! V.Z.

Заняться хронологией великих произведений. V.Z.

Часы – квадрат (карманные с цепочкой)

Костюм – чёрный

Туфли лаковые. Дублёнку. Портфель

1974

Январь, февраль – Смела (Украина)

Март, апрель – Иваново

Май, июнь – Москва

Июль, август – Смела (Украина)

Сентябрь – Москва, Шаликово

Октябрь, ноябрь – Шаликово

Декабрь – Москва

Смела (Украина), 1 января 1974 г., 03:35

Испытываю крайне затруднительное положение в смысле работы... Во-первых, пьян... во-вторых, слушаю изрядно известную музыку... много курю... Почти засыпаю.

18:55

Весь день провёл в размышлениях. Минут двадцать побродил. Затем полистал «Войну и мир». Сажусь за свой стол. Пора.

23:50

Бродил два часа по городу... Тщился желанием что-либо придумать, но впустую. Несколько раз встречал знакомое лицо девушки (летом я часто видел её в парке). Приятная, но есть что-то вызывающее...

Оратория не движется.

2 января 1974 г., 06:00

Перечитывал «Воскресение»... плакал и плачу, не переставая...
Боже мой!

08:00

...и вот ты сидишь по-прежнему за столом, кутаясь в тёплый шотландский плед, и плачешь... Но что стоят твои слёзы?!

15:15

Четыре часа поспал. Видел сон. Много снов, но запомнился один... прилетел в Магадан. Знаменитый. Пришёл в училище. Лесной встретил с объятиями, но потом снова стал сам собой. Люде Павловской объяснялся в своих обидах... вот, мол, и знаменит, и прославлен, а чужой всем... у всех свои близкие... свои дела... и так грустно от всего этого. Надеялся, что слава вырвет из пут одиночества, а оказалось – наоборот, ещё крепче опутала.

Теперь люди подходят уже с заранее известной характеристикой...

3 января 1974 г., 00:25

Casus belli – повод, конфликт, ведущий к войне.

00:30

...in speculum seculorum (во веки веков).

Я никогда не отрицал того, что люблю латынь...

«Не занятый делом человек никогда не может наслаждаться полным счастьем. На лице бездельника вы всегда найдёте отпечаток недовольства и апатии» (Гейне).

02:30

Занят исключительно ораторией, но пока только литература... читаю и перечитываю снова Толстого, Достоевского, Нюрнбергский процесс и много другого. Делаю прогулки между девятью и десятью часами (вечером).

11:05

Сновиденья... «Где-то в помещении... совершенно темно. Джон (наша собачка) повизгивает и бегаёт по комнате... кусает мой палец... последний раз укусил, а я прижал его рукой к половицам... он и запросил пощады на человеческом (русском) языке...»

Совершенно другое... «Незнакомый корабль... Двигается непонятно куда... кругом туман, льды... фантастическое состояние сказочности... опускающийся трап... Я и остальные на суше... Остров или материк? ... далее шли интересные кадры, но не помню...

Вновь и вновь море, льды, туман... Настроение уже «тревожно-детективное»... чем кончилось – забыл...

4 января 1974 г., 12:20

Работа в смысле музыки – ни с места. Сегодня у меня на редкость угрюмое расположение духа. Злюсь на себя, что много сплю.

Ем я теперь только хлеб с чаем. Изредка – картофель, рыбу, овощи.

В. Большанин – Вл. Золотарёву

[Сусуман, начало 1974 г.]

Милостивый государь!

Ваш преданный друг и покорный слуга спешит заверить Вас в самых лучших, самых глубоких и искренних чувствах и тем самым хотя бы отчасти искупить свою неоспоримую вину, ещё более усугубленную предыдущим посланием, с коим Вы, к несчастью, уже, несомненно, ознакомились. Со всей убедительностью, на кот[орую] я только способен, попытаюсь объяснить Вам, мой дорогой и всегда любимый мной человек, что эта пошлая выходка с т[ак] наз[ываемым] «поздравлением» не что иное, как неудачная попытка скрыть от Вас своё полнейшее бессилие выразить хоть

сколько-нибудь убедительно то состояние, кот[орое] я испытываю в день получения Вашего бесценного для меня письма. В самом деле, что мог чувствовать человек, потерявший всякую связь, самую для него драгоценную, и вместе с нею надежду когда-нибудь её восстановить – ибо знал, что виноват! – человек, ни дня не проживший без того, чтобы не вспомнить о единственном друге; делающий всё для того, чтобы узнать о нём хоть что-нибудь новое из косвенных источников; неустанно следящий за периодической печатью и каждую находку, связанную со столь дорогим ему именем, воспринимавший как праздник души! Не судить же его слишком строго! Право же, испытание, выпавшее на его долю, явилось лучшим наказанием для него! Постарайтесь усмотреть в сиём «символе» качества, оправдывающие его беспрецедентную пошлость. Примите во внимание всё вышесказанное, а также ту искренность, с кот[орой] осуществляется сей богопротивный замысел, а также отсутствие стрелы, пронзающей сердце, и тем самым доводящей уровень пошлости до нестерпимого, и наконец, крайне низкий уровень исполнения, низвергнувший не столь уж дурной замысел в пучины воинствующей пошлятины. Ну да уж хватит об этом. Безвкусица – вещь настолько вездесущая и всемогущая, что не нуждается ни в критике, ни в рекламе, она – сама себе самодержица, и бог с ней!

Считаю своим долгом вкратце рассказать Вам о том периоде, в который мы оба ничего не давали друг другу знать о себе. Мой рассказ краток по той простой и, увы, неизменной причине, что никаких решительных перемен как к лучшему, так и к худшему, если худшее возможно, – не произошло. Я по-прежнему барахтаюсь в тех же нечистотах, из коих тщетно пытаюсь выбраться все 7 лет, проведённые в Сусумане. Причиной столь долго затянувшегося пресмыкания всё так же, как и прежде, явл[яется] моя природная пассивность. Эта «протасовщина» меня порядком измучила. Но я ничего не в силах с ней поделать, и в этом весь ужас и вся подлинная трагедия моего жалкого бытия. Если раньше я находил некое подобие утешения в ожидании «толчка» извне, кот[орый] помог бы мне, как перевёрнутому на спину таракану, встать на ноги, то сейчас и эта химера утрачена. Судите сами, насколько тяжело моё положение –

пожалуй, гораздо более тяжко, чем Ваше. Оно может быть сравнимо разве что с положением немого, испытывающего постоянную ощущаемую и постоянно изматывающую его потребность захлебнуться горячим потоком живительных слов.

Славушка, Владик, родной мой, как это мучительно! Единственное «отдохновение» – забыть о том, что человек, что обязательно нужно оставить после себя глубокий и чистый след, утвердить себя, свою мысль, свой дух, своё достоинство, воплотить всё это в чём-то вещественном, осязаемом, неоспоримо нужном и ценном для других. Я мечтал о том, чтобы как можно скорее избавиться от этих мук посредством нахождения своего истинного места, расположенного, по-видимому, на гораздо более низкой ступени, чем та, на которую я раньше рассчитывал и, судя по всему, рассчитывал без реального основания. Мне больно! Я чувствую себя кем-то обманутым, причём обманутым очень жестоко, как тот шут, которого долго и упорно разыгрывали, внушая ему мысль о божественном предначертании, сулящем ему роль Гения. Скорей отдайте мой колпак с бубенчиком – не нужно мне ваших лавров! Дайте мне возможность уснуть мнимым вседержителем и проснуться наконец тем, что я есть, – подлинным шутом! И ни слова больше об этом!

Как я уже имел честь сообщить Вам выше, моё внимание постоянно было приковано к ходу Ваших дел. Наверное, излишне говорить, что я достал-таки Ваш сборник и пластинку с записью Липса. Уверен, что по поводу их выхода в свет Вы уже выслушали немалое количество восторженных похвал, ни одна из коих не могла бы преувеличить значения этих примечательных событий. Я уже не однажды выражал Вам своё восхищение Вашим поистине уникальным и безграничным талантом и с величайшим удовольствием повторяю Вам это ещё раз. Буквально на каждом Вашем творении лежит неизгладимая печать столь дорогой мне Вашей личности. Каждая вещь неиздержимо влечёт меня в благословенную страну нашей юности. Мне доставляет неизъяснимое наслаждение узнавать дорогие сердцу образы, неуловимо-прекрасные оттенки тех тончайших чувств и состояний, которые мы порой переживали вместе. Это единственное в моей утлой жизни, что имеет непреходящую ценность, чем

я ед[инственно] гордился и буду гордиться до конца своих дней. Из всего сборника, пожалуй, менее дорогим – но отнюдь не бесценным, упаси боже! – для меня явл[яется] то, что подавляющему большинству нравится более всего: Ваша игрушечная, инфантильная Вторая соната. Ей никак не откажешь в свежести, изяществе и стройности законченности формы. Гл[авная] тема I ч. вызывает у меня чувство умиления – хотя бы уже потому, что она очень хорошо мне знакома – но не только. Бесспорной оригинальностью отлич[ается] кода III ч. с tremolo и меховым акцентом, на предпоследнюю долю – замечательно! Самой чудесной для меня явл[яется], конечно же, II ч. Здесь звучат те струны Вашей лиры, которые особенно мне дороги своим тончайшим колоритом, пропитанной духом Вашей северной лирики. Но при всей логичности «обрамления» II ч[асти] I и III частями они вызывают во мне чувство «непримиримости» их хар[актер]ов, особенно переход от II ч. к III ч. Вот уж поистине «смесь франц[узски]х духов с русской водкой»! А впрочем, даже эта смесь очень своеобразна. Очень прошу Вас отнестись к моим словам, как к выражению чисто субъективного отношения, ни в коей мере не претендующего на незыблемость этих утверждений как объективной истины – скорее всего они явл[яют]ся следствием отсутствия вкуса у его автора, отсутствия элементарного чувства такта и излишней самонадеянностью. Ед[инственн]ое, чем я объясняю свою, скорее всего, ненужную смелость, – это тем благосклонным и уже поэтому непостижимым для меня вниманием, с которым Вы всегда относились к моим словам. Хотя и этот довод лишь возвышает Вас – меня же он опять-таки не оправдывает. Покорнейше прошу извинить меня и не брать моей необструганной болтовни на вид. Не могу не выразить Вам своего уважения и преклонения перед профессиональной зрелостью и глубиной Вашего анализа концертов Волкова и Рыбникова, помещенного Вами в № 6 [журнала] «Сов[етская] муз[ыка]». Наряду с упомянутыми чувствами возникло естественно и обостренное ощущение собственного ничтожества и досады на него. Ну да что же теперь делать; каждому своё! Я не перестаю негодовать на жалкую свору беспородных собак, которые остервенело лаяли Вам в лицо, когда Вы так нуждались в поддержке (хотя бы уж моральной!) и ко-

торые теперь виляют хвостами и заискивающе скулят. Больше всего бесит то, что основная масса этих тварей так и не поняла, что между Вами – прежним, непризнанным и Вами – нынешним не существует существ[енн]ой грани, а если она и есть, то её возникновение никак не связано с переходом «в новую роль». Предметом моей постоянной гордости за свою дружбу с Вами всегда будет моё сознание своей постоянной искренности, не запятнанной ничем. В своём отношении к Вам как к Музыканту и Человеку я всегда был и останусь *одинаково* чист и тверд. Пожалуй, только лишь благодаря этому я не могу считать себя вправе называться Вашим *другом*. Основой моей позиции в оценке всякого творчества продолжает лежать юношеское и, возможно, несколько наивное представление о взаимообусловленности чел[овеческ]их качеств, нравственных критериев личности и эстетической ценности её творчества. Ханжой я никогда не был – да и не буду, наверное, никогда – и в понятие о «нравственности» в жизни и в ис[кусст]ве вкладываю тот же смысл, что и несомненно вкладываете Вы: прежде всего, неистощимое душевное богатство! А ведь (что греха таить!) многие и до сих пор отказывают Вам в этом. Эти членистоногие никак не могут взять в толк простейшей мысли, что такая музыка, как Ваша, и какая бы то ни была грязь, которую они склонны в Вас подозревать, не могут сосуществовать: они просто чужеродны, абсолютно несовместимы по природе своей! Как видите, моё кредо довольно устойчиво, и обвинять меня в недоверии к Вам у Вас, сударь, нет ни малейших оснований. Вместе с доверием к Вам я потерял бы в жизни многое: без преувеличений можно сказать, что для меня это было бы равносильно крушению идеалов. За сим мне остаётся лишь просить Вашу светлость принять мои уверения в лучших чувствах, надеяться на ответ и откланяться. Вечно Ваш де Большанский¹⁰.

И. Финкельштейн – Вл. Золотарёву

Ленинград, 7 января 1974 г.

Дорогой Владислав Андреевич!

От всей души благодарю Вас за тёплое, хорошее поздравление к Новому 74-му. Пусть будет он для всех нас, для всех настоящих

людей, творящих – годом успехов, удач, находок, открытий, открытий. Мы с Вами на горной дороге, где всё гладко и только зависит от трудолюбия и умения. К сожалению, тысячи препятствий стоят на нашем пути, и помимо умения и трудолюбия нужно часто быть «автоадминистратором», «автотолкачом», «автоустроителем»... а там дадут на сложный большой opus 1,25 репетиции и ...затем на вас «валяются шишки». Что касается СК (союзов композиторов), то порою они превращаются в свою противоположность. И тем не менее все мы стремимся туда... В общем, разболтался я. Конечно же, мне очень-очень приятно иметь Вас отныне (Ваше слово) своим другом. Постараюсь и я отплатить Вам тем же. Не скрою от Вас, что скромный (одноразовый) показ Симф[онии] для Clavin'a и оркестра сразу же расположил меня в Вашу пользу как к творцу-художнику. По этому однократному ознакомлению с Вашей симфонией уже, по-моему, можно прийти к заключению о том, что у Вас есть о чём говорить и Вы владеете теми средствами, кот[орые] нужны Вам. Думаю, что таково же было бы впечатление и от оратории и других opus'ов. Фуга, кот[орую] Вы мне показали (кажется как часть симфонии?), говорит о том, что арсенал средств у Вас достаточно широкий. Словом, дай Вам бог удачи и доведения произведений до исполнения. Насколько я понял (да и по афишам), «Конц[ертная] муз[ыка] для Clavin'a» исполняется отличными исполнителями. Желаю Вам, чтобы и капитальные Ваши произв[едения] были доведены до коц[ертной] эстрады.

Вас «зажимает» оратория – ничего! Скоро Вам удастся «отжать» её, как мне «отжать» коду виолончельной сонаты. Мне приходится параллельно работать над музыковедч[еской] статьей «О партитуре 15-й Симф[онии] Шост[аковича]». После Иванова я побывал ещё в Ереване на съезде арм[яnskих] комп[озиторов]. Очень много прекрасной муз[ыки] услышал там. Назову неск[олько] ярких соч[инений]: Тертерян – симф[ония] № 2. Произв[едение] написано совр[еменными] средствами, весьма экономно, впечатление огромное! Овунц – пасторальная симфонietta для кам[еpного] орк[естра]. Тонкое, пастельно нарисованное полотно, отличный «plainair». Его же пьесы для смычковых. Э. Оганесян – балет «Ан-

туни», по-моему – выдающееся произведение! И ряд других. Был бы рад видеть Вас в Санкт-Петербурге.

Всяких Вам и Вашим близким благ.

Искренне Ваш И. Финкельштейн¹⁰.

Вл. Золотарёв – С. Чуянову

Смела, 8 января 1974 г.

Дорогой Серёжа!

Спасибо за поздравление! Вероятно, ты не получил пока мою открытку, в которой всё объяснено. Что делать, я вынужден пока побыть в затишье. Поистрепало «мою флотилию» так, что еле на плаву... без мачт и парусов... ничего, вот залатаю и снова вперёд.

Меня тревожит твоё самокопание. Главное не «перечернить»! Постоянно видеть цель. Постоянно стремиться к ней даже тогда, когда нет никакой возможности, а у нас, слава богу, такие возможности ещё остались. Пиши, жду. Твой Влад. V.Z.¹³

9 января 1974 г., 06:30

Dies irae, dies illa

В тот день гнева, в тот день страха

Solvat saeculum in favilla

Станет вечность горстью праха

«Слава не может дать наслажденья тому, кто украл её, а не заслужил; она производит постоянный трепет только в достойной её» (Н.В. Гоголь «Портрет», т. 3, с. 101)¹⁰.

11 января 1974 г., 00:05

Несколько дней назад снился сон: купил билет до Америки, но высадиться почему-то должен в Ливерпуле (!). Сажусь на пароход. Открываю каюту, в левой руке – мой чёрный кожаный чемодан. Ложусь спать. Просыпаюсь в автобусе без чемодана. Очень переживаю.

14 января 1974 г., 00:00

«Старый» Новый год! Вот и тебя я встречаю... Сегодня был в бане (вернее – уже вчера), после бани зашёл в костел. Без берета было холодно, но я дослушал службу до конца. Певчие здесь прекрасные! Оратория стоит. Я хандрю.

12:15

Снилось, будто ударило током, с силой оторвал шнур от другой руки.

Вновь был на Севере.

Вл. Золотарёв – Ф. Липсу

Смела, 14 января 1974 г.

Дорогой Фридрих!

Пишу совсем мало, ибо тут же хочу получить твой ответ.

Я написал 4-ю Сюиту, но не решаюсь выслать, т.к. ты мог уехать. Если ты ещё в Москве и пока не уезжаешь, я сразу же посылаю тебе ноты.

И ещё. Будь добр. Вышли в Магадан (Якутская, 46-а, муз[ыкальное] уч[или]ще) Лесному Николаю Александровичу) сборник, если он появился. У меня его нет, а он просит уже давно, и мне ужасно неловко и совестно.

Пиши скорее.

Наташе лучшие приветы.

Твой Владислав (хотя и не король).

V.Z.¹²

20 января 1974 г., 13:30

Снилось... в каком-то нотном магазине... я с Генрихом и матерью... ищем в нотах мой сборник...

Затем идем с отцом по берегу прозрачного ручья. Солнечный летний день. Генрих убежал далеко вперёд и резвится на мостике. Я беспокоюсь и спешу к нему, но он вдруг разбегается и ныряет в воду. Водоворот подхватывает его и поглощает. Я тут же ныряю за ним. Течение быстрое. Выныривая, я слышу глухой его крик: «Мамочка!» С чувством ужаса просыпаюсь.

И. Финкельштейн – Вл. Золотарёву

Ленинград, 21 января 1974 г.

Дорогой «Неисправимый шёнбергианец», то бишь Влад[ислав] Андр[еевич]!

Письмо Ваше от 9.1.74 (простите мне сей словесный канцеляризм) вызвало во мне противоположные чувства-мысли: а) чувство тревоги. Очень уж мрачным Вам рисуется Futurum. Букет болезней, о кот[орых] Вы пишете, конечно, – не лучший подарок молодому, талантливому художнику. Обидно, конечно, что всё это мешает работе, но ...надо бороться за своё здоровье; надо хотеть отстоять, отстоять творчеством свои позиции, свои худ[ожественные] убеждения. Для того чтобы эти слова не показались Вам просто вежливым «пожеланием», позвольте привести по ассоциации – один жизненный (абсолютно правдивый!) факт. Есть у меня друг – старый человек, намного меня старше, геолог по профессии, которого поразил тяжёлый недуг. На почве полиартрита, как осложнение началась гангрена ступни. Он уже получил направл[ение]... на ампутацию ноги. За неделю до назначенного для операции [срока] он с превеликим трудом был принят известным гомеопатом (по рекоменд[ации] В.Н. Салманова), и невероятно, но факт! У него началась регенерация тканей – отпадание омертвленного и рождение новой ткани. Сам этот геолог объясняет всё это огромной волей к жизни: ай, интересно, как это дальше будет (кстати, не только это, но и то!). Когда я, поздравляя его, сказал, что это всё – чудо, хотя в бога я не верю, мне было, вероятно в шутку, отвечено, что, мол, по (...) я не верю. А когда он наступит – «день гнева» (день страха наступил уже давно!), неизвестно, а вечность – для каждого из нас рано или поздно обязательно будет «Solvat sæclum in favilla...». Кстати, более точный перевод гласит так: «День гнева, день страха, обращающий всё (весь мир) в прах, как об этом указывает Давид и Сибилла...»

Знаете, друг мой, мне очень хочется, сказав «а» (см. пред[ыдущую] страницу), сказать «б», «в» и т.д. Поскольку это – большая, очень большая тема – миссия художника, художник и наше время, – и многое, что Вы так интересно ставите в письме как проблему, разрешите об этом написать отдельно. Слишком серьёзно всё это.

Укажите, куда Вам писать, ведь Вы, может быть, вернётесь в Москву. Дабы не задерживать надолго ответ, шлю Вам эту сумбурную эпистола. Искренне Ваш И. Финк[ельштейн].

Лен[инград], 20.I.74.¹⁰

30 января 1974 г., 02:30

Правлю материал о К. Волкове и А. Рыбникове. Недавно приехал от Щедрина. Говорили с ним долго. Взял в долг у него 25 рублей до получения гонорара за симфонию.

Москва (Лосиноостровская), 2 февраля 1974 г.

«Отчаяние ведёт к новой духовной жизни, когда у нас появляется мужество идти глубже и дольше, с сознанием того, что мы отчаялись не в конечной победе, а в средствах, которые применяли для её достижения. Тогда мы начинаем с твёрдого основания совершенно по-новому: Бог может вернуть нас к одному из средств, которые мы уже испытывали, но которые теперь, с Ним, мы сумеем употребить успешно. Всегда необходимо реальное сотрудничество между Богом и человеком, и тогда Бог даёт разум, мудрость и силу делать то, что нужно, и достигать правильной цели» (Антоний, митрополит Сурожский).

«Искусство есть крик о помощи тех, кто переживает в себе судьбу человечества» (А. Schönberg).

Москва, Лосиноостровская, 4 февраля 1974 г., 02:00

Вл. Соловьёв «Религиозные основы жизни» (1883–1887).

У меня нет отца иного, кроме Бога, и нет иной матери, кроме Богоматери.

За чтением Книги Первой «Разбор главных предрассудков против теократического дела в России».

Наша первостепенная задача – устранить разделение между классической и современной музыкой, восстановить нарушенное единство между нашей отечественной музыкой и музыкой так называемого Запада. В настоящей работе я предлагаю теоретические основания для единственно правильного, по моему убеждению, разрешения этой задачи.

Не надо забывать, что во времена, когда в России господствовала итальянская музыка, то благодаря этому «господству» явился гений Глинки. В Германии эта же итальянская музыка способствовала рождению беспримерного Иоганна С. Баха. V.Z.

Зап[адное] ис[кусст]во, вообще сам Запад всегда был для русского человека двуликим, т.е. чуждым и притягивающим своими соблазнами. Справедливость этого суждения нет смысла доказывать. Странно то, что никаких частных причин вражды против зап[адного] ис[кусст]ва быть не могло: очевидно, здесь говорило только общее историческое и национальное чувство и предубеждения. И вчерашнее, и сегодняшнее наше отвращение к чуждым стихиям не только имеет значение как факт, но должно быть даже признано справедливым, по крайней мере в том смысле, в каком справедливо отвращение большого к горькому лекарству.

Мы можем сочинять так, как Шёнберг и его последователи, но в силу своих природно-национальных склонностей мы не должны так сочинять. Надо найти свой путь, имея пред собой результат нововенцев¹⁰.

22:30

Несколько дней назад прослушал «Поэторию» Щедрина в Большом зале консерватории.

Сегодня – «Симфонические вариации» Б. Чайковского. Впечатление огромное. Это большие мастера, несомненно. Есть чему у них поучиться.

Посвятить Реджинальду квартет (струнный).

5 февраля 1974 г., 01:00

У неё была возможность со мной помириться, но она не использовала её.

Звонил сегодня Матвееву (в министерство РСФСР) насчёт денег. Симфонию купили. Теперь осталось получить оставшуюся от аванса сумму – и за работу над ораторией.

8 февраля 1974 г.

Книга вторая.

...людей много, а человека нет; людей много вокруг, целая толпа, а нет, чтобы нашёлся человек, который посмотрел бы на меня с сочувствием, по-человечески... толпа, но нет человека.

...Разве мы можем рассчитывать друг на друга так, как первые христиане рассчитывали на любого человека, стоящего рядом

с ними. Нет, обеднели мы любовью, замкнулись, охладели, и потому вокруг нас пустота, – и этому причиной мы сами.

Любить сердцем, любить радостно даётся постепенно, но любить сознанием, любить верой, любить убеждённо каждым действием, каждым усилием, каждой мыслью своей – дано всем (Антоний, М[итрополит] Сурож[ский]).

«Может быть, молчание Бога – это всего лишь трагический аспект нашей собственной глухоты?» (Alphonse de Chateaubriant. *La réponse du Seigneur*, p. 170).

Москва (Лосинка), 9 февраля 1974 г., 15:30

Прогулялся немного. Голова чиста, и мысли прекрасные. Голод – это очищение души и тела от скверны. Сейчас, слушая Брукнера (3), я много вспоминаю из прожитого: много было гадкого, чуждого моей природе, но всё было необходимо пройти и пережить.

Москва (Лосинка), 10 февраля 1974 г., 19:00

Перед моим взором всегда стоит незабываемым примером человеческого мужества пример стоической жизни Антона Брукнера, музыка которого по достоинству так и не оцененная, но придёт время, когда его имя по популярности займет место рядом с Бахом, Бетховеном и Моцартом. Только с сорока лет ведёт и берет начало истинной брукнеровской поэзии, силы, могущества, тончайшей лирики и трагизма.

Кто знает, быть может, именно мне суждено быть его преемником и нести его тяжёлый жизненный крест и лёгкое знамя подлинного героизма и радости.

Обо мне не будут говорить: «У него была плохая жена». Будут писать: «У него была истинная жена».

То, что у великих людей остаются незаконченными последние шедевры, говорит о своём таинственном продолжении... Бах – «Искусство фуги», Моцарт – «Реквием», Брукнер – 9-я, Малер – 10-я, Шёнберг – «Моисей...» и «Лестница Иакова»...

Они этим как бы оставляют завещание на продолжение пути, тогда как после Бетховена, Брамса и Вагнера нет уже дороги.

Москва (Лосинка), 11 февраля 1974 г., 11:00

У человека если и должна быть цель в жизни, так это цель – стать истинным человеком. Любимое дело, избранный предмет не может иметь какого-либо повода для достижения цели, ибо любовь, истинная любовь опять же таки бесцельна. Она – предмет обожествления без малейшего намёка на эгоистичное обладание. Уже сама мысль о взаимности (я тебе – ты мне) есть пошлейший намёк на ущербность и несовершенство такой любви. Истинная любовь не может иметь притязаний, а если последние наблюдаются, значит, это не любовь, а посредственная популярность плотской похотливости с претензией на иллюзии души.

А.А. Золотарёв – Вл. Золотарёву

Смела, 15 февраля 1974 г.

Здравствуй, дорогой Владислав!

Получил сегодня твою открытку. Хотя очень скупо сообщая о своём положении. Но нетрудно сделать вывод, что твоё положение незавидное. То, что ты пишешь, что скоро получишь деньги за симфонию, – на это, пожалуй, рассчитывать и планировать работу было бы глупо, т.к. уже однажды ты испытывал разочарование в этом. Если мы правильно поняли, то, оказывается, только после твоего приезда в Москву и после того, как Р. Щедрин дал рецензию, «Симфония» была куплена министерством. Мне не хотелось бы вновь выступать в роли советчика, как тебе дальше жить, т.к. ты никогда не считался с нашим мнением и советами. И всегда ты оказывался неправ, но тем не менее и на этот раз мы снова тебе советуем – хорошо обдумай, как тебе лучше поступить, чтобы более удобней найти место для работы. Мы почему-то думаем, что найти домик под Москвой – будет дорогое удовольствие, и вряд ли там будет та обстановка, кот[орая] нужна для работы. Нам кажется, что здесь в любом месте можно найти более удобное место. Ведь скоро весна, здесь ты сам знаешь, какая вокруг обстановка, и, конечно, при необходимости всегда будет возможность более благоустроенней устроиться.

Зная твою натуру, ты при получении ожидаемых денег, как всегда, распоряжаешься ими безалаберно. И вряд ли сумеешь дотянуть

до окончания работы над ораторией. Лучше будет, если ты приедешь сюда. Мы к тебе касаться не будем. Но всё-таки будет возможность хоть принести бельё переменить, да и прожиточный минимум здесь тебе будет дешевле. В общем, подумай хорошо над этим. Мы, как всегда, не хотим тебе плохого. Позавчера послали небольшой подарок Генриху. Сегодня высылаем тебе 20 руб. Я не представляю, на что живёшь и что это за жизнь: вечно в долгах, без денег в таком городе, без постоянного угла, как беспризорник. В наше время и в твоём положении – просто невероятно. Мы твои родители, и нам не безразлично, какого мнения о нашем сыне посторонние люди.

Чехол и всё остальное вышлем 20 февраля. Ещё раз прошу тебя – подумай серьёзно о своей дальнейшей судьбе. Переосмысли всё прожитое. Пиши подробней и пообъективней, не сгущай краски. До свидания. Крепко целуем. Любящие тебя отец и мама¹⁰.

Смела, 1 марта 1974 г.

«Всё мне позволительно, но не всё полезно» (Апостол Павел).

«Будьте, как я, ибо и я, как вы» (Апостол Павел).

«Omnia mea tecum portabo» (Всё моё ношу с собою), лат.

«Не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в поясы свои, ни сумы на дорогу, ни двух одежд, ни обуви, ни посоха. Ибо трудящийся достоин пропитания» (Христос).

«Всякая козьяк славит Господа своим существованием, и когда мы её уничтожаем, то тем самым умаляем славу Господню» (Рагаускас).

2 марта 1974 г.

(реколлекция – говение)

«O, sancta simplicitas» О, святая простота!

«Memento, homo, quia pulvis es, et in pulverem reverteris» Помни, человек, что прах еси и в прах обратишься.

«...ad maiora nati sumus...» для большего рождены.

«Qui credit in me, etiamsi mortuus fuerit vivet» Кто верит в меня – и после смерти будет жить.

«Ave, sepulcrum meum, moriturus te salutant!» Здравствуй, моя могила, умирающий приветствует тебя!

Смела, 4 марта 1974 г., 00:00

Я давно хочу услышать ораторию во сне, подобно тому как Менделеев увидел свою таблицу, но, вероятно, я мало думаю о ней, потому и не слышу. Так и Бог. Мы не можем сблизиться с ним, потому что недостаточно входим в Божественную ситуацию, недостаточно входим в предмет наших размышлений (медитаций).

11:00

Постоянно должна идти главная линия (красная), а всё внешнее, второстепенное легко впишется.

В лесу у костра... Чудесно! Такое может только присниться! Как теперь редки такие мгновения.

Неподалеку застывшее болотце. Я без шапки, в расстегнутом пальто и в начищенных штиблетах наскоро пишу свои впечатления.

Языки пламени стремительно бросаются то мне в лицо, то вверх, то в стороны.

Вы хвалили меня за то, за что надо было ругать, и ругали тогда, когда надо было похвалить и поддержать.

* * *

Я с посохом стою,
Вечерний сумрак провожаю.
Костёр горит..
И мыслью всей
Тебя одну лишь обнимаю.
Приди ко мне,
О Дева мироздания!

Человек живёт в мире, как ребёнок, оставленный на шумной улице чужого незнакомого города. Он пока непосредственно играет у фонтана, но пройдёт полчаса, час, и он заплачет, потому что рядом все чужие и мамы нету, и он ещё позднее будет кричать и звать маму как единственный оплот его безмятежности, надёжности, радости и подлинного счастья.

Но где наша мама? У бородатых дядей?

Смела, 5 марта 1974 г.

Вчера маме приснился сон: едем с ней в байдарке по морю. Мне лет семь или восемь. Вдруг налетел ветер и понёс нас по кипящему морю. Мама была перепугана, а я смеялся и радовался. И принесло нас к дикому берегу. Солнце. Песок. Красиво везде.

Веду интересный образ жизни в том отношении, что не курю, не пью вина, водки и пива. Не ем мяса уже более месяца (молоко, масло сливочное, яйца – тоже более месяца).

Вот уже неделю не ем рыбу. Перешёл полностью на растительную пищу (хлеб, картофель, бобовые и другие овощи). Каждое утро и вечер совершаю молитву за удачу сочинения и за вечность Владимиринной любви.

Каждый день занимаюсь медитациями, т.е. пишу контрапунктом на избранную тему.

Вчера был в лесу. Около двух часов сидел у костра. Были чудесные чувства и мысли. В сумерках пошёл пешком до места. Шёл около восьми километров, не устал, а мысли и чувства были ещё чище и возвышеннее. Но ночью работать не смог.

Вл. Золотарёв – И. Кошелевой

Смела, 5 марта 1974 г.

Дорогая моя! Любимая!

Пока я могу писать тебе каждый день и радуюсь тому, что эти слова будут тебе утешением и подтверждением моей любви.

Всё, как и эти дни, без изменений. Делаю гимнастику (пока всё болит по-страшному!), принимаю ледяной душ (пока с ужасом! – отвык). Затем приношу молитвы за удачу и за нашу любовь (до всего этого всегда и обязательно записываю сновиденья). Ежедневно работаю в чистой белой рубашке, в чёрных брюках, в чёрных носках; поверх рубашки – моя неизменная чёрная полуряска.

Утро всегда невесёлое (какое-то недомогание, вероятно от пересыпания), но потом расходитя.

На улице не бываю, но из окна, которое открываю для проветривания, вижу, как играют дети, солнце светит ярко, но морозец ещё есть (кое-где лежит оставшийся снег).

Иногда хочу что-либо перечитать: Гоголя, Пушкина, Достоевского, Толстого... но нет ни минуты. Пишу Тебе только потому, что есть к этому великая охота, да и работать пока не начинал. Пока не втянулся в ночную... сваливаюсь не позднее трёх ночи. Сейчас уже утро (и не раннее, и не позднее – 8 часов). Надеюсь в эти дни втянуться в «ночную», тогда, вероятно, реже буду писать.

Ведь человек приближается к себе только в совершенной тишине, если верить Самгину, вот и я приучил себя к ночной работе. Я не могу жить реальностью. На моём столе всегда стоят в пронзительно холодном сиянии луны, в хрустальной тишине, синие горы... В моих ушах всегда звучат голоса лесов «Снежной долины», отголоски её родников и дивных ароматов чистейших северных эдельвейсов.

Целую Тебя и обнимаю!

Всегда Твой V.Z.

P.S. Посылаю Тебе ещё одну «Божественную медитацию» № 3.

Всегда думаю о Тебе! Только Тебя вспоминаю! V.Z.

Я столько приложил безумия, чтобы разъединить наши души, но столько же я приложу ума, чтобы вернуть их цельность¹⁰.

Смела, 6 марта 1974 г., 03:00

Малер слабее в форме, чем Брукнер. Первого спасает его гениальное предвидение конечного результата и неослабевающее стремление к нему.

Большая часть сновидений относилась к Ирине и нашим взаимоотношениям.

Она плакала и гневно осуждала меня, с ненавистью кричала, что я противен ей, что не любит меня... Я пишу это в первой половине дня и спокоен, разве только раздражаюсь по малейшему поводу, но это обычное...

Как люди могут жить и болтать разный вздор, не умолкая!³

7 марта 1974 г., 01:00

Мистич[еская] аберрация – возможное постижение невозможного.

Asedia – печаль, уныние, искушение, начало вечной смерти.

23:30

Я не живу порывами в истинной жизни. Порывами я существую в жизни, которая чужда моей природе. В истинной, чудесной жизни я живу постоянно. До тех пор, пока не сорвусь.

8 марта 1974 г., 04:00

Jacta est alea (лат.) (Жребий брошен).

05:00

«Per aspera ad astra!» «Через тернии к звёздам».

«Красота, выраженная математически, органична, жизненна и человечна» (Мондриан).

«Совершенству чужды страсти» (Гершензон).

15:00

«Мы всё более вступаем на тот путь, который позволяет нам услышать весь мир, как он есть, без всякой прикрашивающей интерпретации. Сведённое к минимуму, художественное должно быть понято здесь как сильнейшим образом действующее абстрактное» (Кандинский).

«Художник должен перестать творить вне связи с божественным всеединством, должен воспитать себя до возможностей творческой реализации этой связи» (Вячеслав Иванов).

«Хор – постулат нашего эстетического и религиозного credo» (Вячеслав Иванов).

22:00

«...моменту преображения предшествует некое томление, тоска, беспричинная тревога» (Пушкин).

9 марта 1974 г., 00:00

Взвинчен до невероятного. Как ещё хватает мужества! Работать в таких невыносимых условиях!

Смела, 10 марта 1974 г.

Odi profanum vulgus... (лат.) «Ненавижу невежественную чернь...»

Ich bin Kein Buch, ich bin ein Mensch mit seinem Widerspruch (с нем.)

«Я не книга, я человек со свойственными ему противоречиями».

«Форма прекрасна только как непреднамеренное, произвольное изображение и олицетворение идеи» (Кант).

«Прекрасное есть приятное проявление добра» (Шлегель)¹⁰.

Смела, 12 марта 1974 г.

Ушёл на речку погулять.

20:00

...он был предоставлен самому себе и привык самостоятельно находить ответы на мучившие его вопросы...

...беспощадный критический самоанализ.

...чтение его всю жизнь было беспорядочным.

...несмотря на свой индивидуализм и ложноромантическое поэ́рство...

...чувство цельности и одновременно раздвоенности...

...дуализм атеизма с религиозностью; гражданственность с болезненным индивидуализмом; живые, естественные чувства с сентиментальной книжной романтикой... трезвость и равновесие с мистикой и колебаниями.

«Кто хочет исправить мир, пусть сначала подметёт мусор у своего дома» (старая истина).

«Все одарённые люди, а также передовые люди в России были и будут всегда картёжники и пьяницы, которые пьют запоем» (Достоевский, «Бесы», с. 68).

15 марта 1974 г., 11:00

Стилизации. Интересная мысль о реминисценциях в духе эпох на собственную тему. Выбрать наиболее популярные и любимые пьесы той публикой.

Я хочу показать истинные страдания человеческой души в неволе через музыку и, проводя (...) всё привести к радости и надежде.

18 марта 1974 г., 04:00

Никогда не знаешь, что напишешь.

19 марта 1974 г., 05:15

Зарядку и душ всегда проделывать в середине работы.

06:00

Коллаж в музыке появился из литературы, равно как и цитатность. У классиков этого не наблюдается или очень редко.

09:00

Целотонную гамму Глинка выбрал как символ смерти не зря – она бездушна и, кроме того, из 6 звуков, полностью симметричных!

Суть музыкальной мысли можно узнать не менее как по 3 звукам.

Смела, 20 марта 1974 г., 04:00

«Да по трудам воздастся ему...»

05:00

1. Интродукция.
2. Монодия.
3. Гетерофония.
4. Коллаж.
- 5.

У Достоевского слова, словно отлитые из крепчайшей стали или высеченные на глыбах гранита. Вот так и со звуками надо!

Иваново, дом творчества, 24 марта 1974 г., 19:00

Prologo мужские хоры а capella (закрытым ртом)

Melodeclamations

Кантата «В тюрьме» (за решёткой) (в неволе)

Epilogo

Так говорил Заратустра (издательство типо-литографии Вл. Чичерина в Москве, 1900).

26 марта 1974 г., 03:15

Пролог – это как бы эпитафия (вступление).

Мелодекламации – развернутая увертюра.

Песни – mini (mono)-опера.

Эпилог?³

Вл. Золотарёв – И. Кошелевой
Иваново, дом творчества, 30 марта 1974 г.

Дорогая моя!
Ну!.. С богом...

Сегодня, в 04:00, тихим утром начал первый лист партитуры... Чувствую себя прекрасно. То, что написал (т.е. инструментовал), страшно нравится, впрочем, не то... Карандашом (пока) я обозначил характер исполнения: «Мрачно, с жестокостью и презрением... Отчуждённо, но величественно и вдохновенно». Это для себя... По-итальянски будет попроще... Когда написал тему (т.е. seria), эпиграф всей вещи, то сразу возник образ Заратустры... ведь он тоже революционер (своеобразный).

Пересылаю Тебе «Волынку» для «гусёнка» – лёгкая пьеска, но весьма полезная для постановки руки (особенно левой).

Для Тебя тоже есть «конфетка», простенькая багателька для р[ia]но. Играть её надо предельно мягко, постоянно очень тихо, на двух нажатых педалях (не снимая до конца). Звучит всё чудесным образом завуалированно с оттенком печали, но печали неземной, т.е. иноземной, абстрактной. Музыка тональная и предельно проста.

Целую, Твой V.Z.

Кофе ещё есть, варенья много. Сегодня выкурил сигарету, а, в общем, не тянет¹⁰.

Вл. Золотарёв – Ф. Липсу
Иваново, 2 апреля 1974 г.

Дорогой Фридрих!

Много писать не могу, ибо работы страшно много!

Напиши мне, как пройдёт концерт. Тебе сейчас очень нелегко, но это не должно влиять на наше дело, хотя трудно уберечься от собственных ошибок, ибо человек во все века не полагается в веру ни на кого, кроме себя... У Ницше есть прекрасная фраза из «Заратустры»: «...Я давно перестал стремиться к счастью. Я стремлюсь только к своему делу...»

Я ещё раз поздравляю тебя письменно с продолжением рода человеческого! Это хотя и не первостепенная наша работа, но работа,

которая должна заслуживать всяческого внимания и поощрения...
Пиши мне: г. Иваново, 153000, Дом творч[е]ства композиторов.
Твой Влад¹².

Вл. Золотарёв – С. Чуянову
Иваново, 6 апреля 1974 г.
Дорогой Серёжа!

Прости, что не подавал о себе знать. Сейчас тоже не могу писать много, т.к. работы страшно много, а надо успеть до 21 апреля. Что и как, напишу позднее. Деньги тоже верну позднее. Ты уж прости за ненужное напоминание.

Здесь один композитор из Таджикистана ищет достойного балетного либреттиста на сюжет Лахути. У него есть одна заслуженная либреттистка, но она – старая, а ему ещё хочется ей в «напарники» (соавторы) молодого. Я рассказал ему о тебе, и он попросил меня написать тебе.

Сообщи о себе и о том, согласен ли ты на «соавторство»?
Обнимаю, твой V.Z.¹³

Иваново, 13 апреля 1974 г.

Итак, вчера я закончил в партитуре I часть оратории на 60 страниц обычного формата.

Начал 1 апреля и, собственно, 6-го уже закончил в голове, но потребовалась ещё неделя для выявления единственно верного конца.

Вл. Золотарёв – В. Большанину
Иваново, дом творчества, 14 апреля 1974 г.

(...) Во-первых, прискорбно прошу прощения за столь долгое молчание... (...)

Всё дело в том, что я давал себе обет никому не писать до тех пор, пока не закончу ораторию.

Две части я закончил. Правда, небольшие – на половину вечера. Ещё три – на остальную, т.е. ещё на минут 40–50.

(...) Я страшно много тружусь сейчас. После симфонии я сочинил кантату и ряд второстепенных вещей. Сейчас долблю ораторию – труд четырёх лет тяжких и мрачных раздумий⁹.

Вл. Золотарёв – Ф. Липсу
Иваново, 25 апреля 1974 г.

Дорогой Фридрих!

Пишу совсем коротко, т.к. спешу, чтобы письмо ушло раньше.

Если можешь, то срочно вышли мне 20 руб., в Москве верну.
Я должен уехать 30 апреля вечером. Деньги мне нужны очень.

Всегда твой Владислав.

P.S. Если не сможешь прислать, дай телеграмму. V.Z.

Адрес: г. Иваново, 153000

Дом тв-ва композиторов,

Вл. Андреевичу¹².

Вл. Золотарёв – А.А. Золотарёву
Иваново, 26 апреля 1974 г.

Дорогой отец и мамуля!

Пластинки получил с бумагой. Спасибо. Дело в том, что скоро уезжать. Работал я много. Закончил музыки на час, но ещё [нужно] закончить часть, думаю половину мая поработать в Москве.

Здесь я собирал всех композиторов из 16 республик (и масти-тых также) и знакомил их со своей системой. Эффект был колос-сальный. Приглашений много. Одно из них – в Москву от нашего консультанта. Попросил выступить перед его студентами-компози-торами в конс[ерватории] и инст[итуте] Гнесиных.

Надо мне заплатить ещё 15 рублей за продление, но не знаю, успеете ли выслать до 30 апреля.

Поздравляю Вас с праздником 1 мая, желаю здоровья, радости и счастья. Ваш сын, Владислав.

P.S. Деньги получил только что. Большое моё сыновье спасибо. Я знаю, что Вам это стоит. Но не сердитесь на меня. Совсем скоро я не буду просить поддержки у вас, а буду поддерживать вас.

Пишу мало, т.к. спешу отправить к празднику письмо. Целую, ваш Владислав¹⁰.

3 мая 1974 г. (Москва – дома)

«Entfremdungsgefühl» – чувство отчуждённости (название Фрейда).

16 мая 1974 г., 00:00, с Генрихом после купанья (Лосиноостровская) Махабхарата¹⁰.

Вл. Золотарёв – А.А. Золотарёву

Москва, 26 мая 1974 г.

Дорогой отец!

Я прочитал твоё письмо и пришёл в недоумение.

Во-первых, я написал из Иваново, что у нас всё хорошо, и естественно, вполне разумно было черкнуть письмо на домашний адрес, т.к. я перевёл всю корреспонденцию на адрес Ирины.

Во-вторых, я хорошо поработал в Иваново.

Закончил партитуру первой оратории (буду писать ещё вторую на эту же тему, т.е. музыки будет на весь вечер, на два отделения).

В-третьих, два дня назад был показ первой оратории на двух роялях в кабинете Хренникова, но самого его не было (уехал в Кремль на вручение Ленинской премии); под нашу игру читал чтец все тексты. Словом, ораторию купили, но не знаю, дадут ли заказ на вторую. Хочу также получить заказ на Концертную симфонию № 4 для виолончели с орк[естром], чтобы лето поработать одновременно с ораторией или хотя бы на конц[ертную] симф[онию] № 3 (для Липса), т.е. для баяна.

Работы будет много, а потому хотелось бы, чтобы вы взяли на лето Генриха, потому что вы всё равно будете, это бесспорно, жить на Украине. Он всю зиму болел. Ему надо отдохнуть и загореть. Вам с ним будет очень интересно. Вот, в общем, и всё, что я хотел написать.

Ты без матери сейчас как бобыль, я это почувствовал в письме. (...)

Словом, напиши скорее. Может, можно через твою организацию устроить путёвку Владику в пионерлагерь, потому что у нас в Москве сделать это очень трудно. Срочно пиши обо всем.

Приветы от Ирины. Обнимаю, Владислав¹⁰.

Москва-Лосинка, 28 мая 1974 г., 01:55

Слушаю 1-ю Малера после двух бутылок вина по 0,75. Написал письмо Большанскому. Спать не хочется. Сварил уху из консервов, которые оставила мне Аринушка. Вчера она обиделась на меня, но зря.

Приятно послушать Малера после долгого времени неслушанья... Великая музыка молодого маэстро!..

Если мне когда-нибудь представится стать великим, то есть известным на весь мир музыкантом, то я первым делом соберу всех самых несчастных людей поблизости и разделю их несчастье в том, в чём смогу. Моей любимой жене Аринушке я куплю лучшие женские наряды! И ещё мы устроим всесветное путешествие с друзьями и детьми. А потом я буду обучать всех желающих учиться у меня бесплатно. Открою собственный интернат своих учеников и буду содержать собственный камерный оркестр.

О, мои прозрачные горные родники. О, мои северные реки, о, озёра! Мои лесные друзья! Помогите мне! Ведь мы всё одно целое с нашим единым Богом! Нашим Отцом небесным! Будьте моими друзьями! И мы с вами совершим ещё одно великое дело на счастье нашего человечества.

Будем мужественны до конца! Будем людьми!⁹

Вл. Золотарёв – В. Большанину

Москва, 29 мая 1974 г.

(...) Если мы выживем, не покончив с собою, – это будет истинным подвигом. Я рад тому, что и ты год от года совершенствуешь себя!

Не обязательно писать музыку, романы или полотна... но обязательно надо совершенствоваться, ибо в этом и только в этом истинное человеческое предназначенье.

Моя любовь к тебе не ослабевает, а напротив, усиливается и окружается ещё более чудным светом.

Не всегда я был совершенен в отношении не только тебя, но и себя.

Но это моё чувство любви к тебе до конца будет гореть в моём сердце.

Твоя преданность восхищает и радует меня. А я всегда с тобою!

И что такое личная жизнь? Когда мы окружаем себя жёнами, детьми... и людьми самыми разными и в основном чуждыми...

Нет! Наша личная жизнь – это постоянное и вечное стремление к нему, самому непознаваемому, но постоянно присутствующему в нас и постоянно идущему к нам в критические мгновения.

Слов нет, я безумно, именно безумно люблю свою жену Ирину.

Я жертвую для неё, о! Стольким я жертвую. Но мы говорим на разных языках! Мы живём в разных системах и даже на разных звёздных материках!

Тебя же я прекрасно понимаю. Во мне не угас ещё огонь нашей юности и молодости. Я по-прежнему верю в своего Бога и тружусь как могу.

Мою музыку совсем не играют, кроме баянистов, но я-то знаю, что я симфонист и моя оркестровая музыка – это гордость русского человека, а будет ли она звучать, меня пока не удивляет, хотя очень хочется слышать.

Совсем недавно я закончил ораторию (50 минут звучания) на тексты Радищева, Пушкина, Лермонтова, Чаадаева, Печорина, Герцена, Толстого, Достоевского и др.

Чудом каким-то её купили в Союзе композиторов. Я показывал её на двух роялях с чтецом и с приятелем, пианистом-музыковедом. Это удивительная вещь! Так хочется поиграть её тебе!

Это оратория для пяти солистов, ораторов, хора мальчиков, женского хора, двух мужских хоров, большого оркестра и ударных с органом, клав[есином] и т.д.

Начал вторую ораторию «Времена года» о заключенных в тюрьмах, тексты погибшего Гмырёва (в 1911 г.).

Хочу получить заказы на Третью и Четвёртую симфонии, но не знаю, удастся ли.

Пишу тебе, вернее продолжаю писать глубокой ночью... (...)

Я теперь в основном до катастрофичности мрачная и одинокая личность. Вчера Липс обиделся на меня за то, что я гордо держал себя с двумя проректорами – Агарковым и ещё (не знаю фамилии) потому, что они предложили мне формально закончить институт (т[ак] наз[ываемый] Гнесиных). Я же просто поблагодарил их за приглашение и откланялся, ничем, впрочем, не обидев обоих.

Все хотят меня учить, а я давно учусь и никогда, вероятно, не утрачу этого начала, но пребывать в стенах ради «корочки» не имел желания и до сих пор не имею.

Вот, пожалуй, и всё о моей жизни. В остальном же чуть светлее, чем у повешенного после казни. Её я жду с надеждой на избавление.

Ещё я ужасно хочу на Север. В любое место, но чтобы без цивилизации...

...Наташа не выходит из головы, словно я потерял что-то цельное, чистое и вечное, кот[орое] не даёт мне покоя нигде, никогда.

Появилось много приятелей-композиторов: Кирилл Волков, Алеша Рыбников, Алик Корзин, Боря Шнапер, Саша Бузовкин, Андрей Головин, Володя Рябов, Тимур Бокурадзе и т.д., но друзей кроме тебя нет... и нет... Это хорошо. Этому я очень рад.

Улучшились мои отношения с Щедриным. Эдисон Денисов мне очень симпатизирует. Вообще я в московских кругах известная личность, а удовлетворения это не приносит, равно как и благоденствия.

Все заняты сами собой и развращаются так, как могут.

Меня всё более тошнит от этой жизни, где всё поставлено на деньги и на успех. Я часто думаю о том, что счастлив, вероятно, тем, что не думаю ни о деньгах, ни об успехе, потому работаю честно и не спеша. (...)

Мне ещё надо написать массу писем разным людям в Швейцарию, ФРГ, Италию, Америку. (...)⁹

Москва (Лосинка), 6 июня 1974 г., 20:30

Одиночество! Как ты убийственно!

За что мне выпало столько печали и слёз?!

Москва (Лосинка), 8 июня 1974 г.

Анализировал «Осеннюю песнь» Денисова. Кое-что переписал. Музыка прекрасная, а оркестровка просто гениальна! Вчера встретил Таню Кажаяву. Играла мне свои вещи в малом зале ВДК. Приехал домой в первом часу и сразу лёг спать.

Я много растерял из того, что имел сполна. Теперь я хочу собрать всё, что растерял, и не идти далее ложной дорогой, обогатив-

шись тем, чем мог обогатиться. В моём распоряжении мало времени. Надо спешить...

Солнце никогда не заходит в ущелья... там всегда сумрачно и прохладно. Сосны стоят прямо и излучают, словно свет, свой хвойный аромат...

Где-то в вышине бежит родник.

Симфония моего детства, юности и молодости...

- Квартет № 2.
- Соната № 2.
- Подражание Мусоргскому.
- Детская сюита № 4.
- Соната № 3.
- Симфония № 2.
- Вечерняя кантата.
- Песни.
- *Ex libris*.
- Траурная музыка.
- Рондо-каприччиозо.
- Симфония № 1 (вторая редакция).
- Медитации.
- Соната № 1 для кларнета.
- Детская сюита № 2.
- Соната для виолончели и фортепиано.
- Апокалипсис для фортепиано.
- Трио для флейты, домры и баяна.
- Мартин Иден (вторая редакция).

Магаданский период (1960–1968 гг.).

Московский период (1970–1974...

Швейцарский период (19...

Времена года (оратория).

Северная симфония (концертная) для виолончели и оркестра № 4.

Единственное, чего я хочу от жизни, – так это признания, любви и преклонения.

- Оформить заявку в издательстве на сборник.
- Перепечатать Ирине все произведения, ей посвящённые.
- Соната для саксофона и струнного квартета.
- Духовой квинтет.
- Эпитафия для арфы.

Москва (Лосинка), 9 июня 1974 г.

«Если не я, то кто? Если не сейчас, то когда?» (Твардовский).

Москва (Лосинка), 10 июня 1974 г.

Снился отец. Будто стоим с ним высоко в горах (словно на «Снежке»), а вокруг зелень лесов, внизу горные ручьи. И он говорит мне: «А что, сын, это не хуже Швейцарии!» Это, кажется, мой первый цветной сон.

Москва (Лосинка), 13 июня 1974 г., 02:00

Странно, но я испытываю чувство глубочайшего удовлетворения, которое не посещало меня с первых дней моей женитьбы! Удивительно! Не правда ли?⁹

Был сегодня целый час у Эдисона Денисова. Вернул ему «Осеннюю песнь» и показал свои медитации и квартет. Он мне нравится всё больше, и я, кажется, ему также.

14 июня 1974 г.

Индивидуальность может создавать по принципу «мне всё дозволено», ибо это индивидуальность. Здесь не теряется цельность формообразования, ибо здесь всё едино.

Государственные устои не тормозят рост личности, сама личность имеет такой разбег, что никакие государственные устои не смогут затормозить, а тем более продвинуть этот рост. Потому-то эта личность негодует на этот устой, но в конце концов смиряется и продолжает идти своей дорогой.

Общество и государственная система не повинны в том, что какая-то индивидуальность мыслит категориями, превышающими её категории оценки. Что делать! Надо идти вслепую, тем более, с подножками, а быть может, и с клинком между лопаток. Такова судьба и стезя...

Только что я бросил копейку на самый и самый ответственный момент своей жизни: на удачу и полезность. Выпал орел! Я выбросил монету в окно. Пусть это будет символом для последующих поколений: ибо и мы не теряем веру (не говоря о высшем) в вечно живые приметы.

Москва, Зеленоградская, 23, кор. 5, кв. 474, 21 июня 1974 г.

«Истина может временно оставаться скрытой, но побеждена она не может быть; нечестие может временно процветать, но пребывать постоянно не может» (святой Августин).

22 июня 1974 г.

...в пять часов пополудни...

Москва (Лосинка), 28 июня 1974 г., 02:45

...Самое мучительное, жестокое, но мужественное признание.
18:35

Был в «бегах»: на К-9 ничего нет. В министерстве СССР разговаривал с Саквой насчёт третьей симфонии для баяна с оркестром. Ничего не обещал, но попросил позвонить в понедельник после 12. Бухгалтерия фирмы «Мелодия» ещё не перевела на ВУОАП гонорар за тираж.

В издательстве «Музыка» начислено 40 рублей, но получу не ранее, чем через дней 10.

В издательстве «Советский композитор», быть может, получу аванс 60% за сюиту на той неделе.

День страшно жаркий и многолюдный. Купил пакет картофеля на последние (копейки) монеты.

По приезде домой сдал бутылки, на вырученные деньги купил две бутылочки дешёвого вина.

Виделся с Тимуром Бокурадзе. Взял ноты для Денисова, с последним говорил по телефону и распрощался до осени, обещав написать письмо. Единственный русский композитор, которому я завидую и желаю всего наилучшего. Его «Живопись», виолончельный концерт и «Осенняя песня» не выходят у меня из головы. Кстати, ноты, которые взял у Тимура, подержу до осени с разрешения Денисова.

Здесь две партитуры Ксенакиса и «Группы» Штокхаузена. Пока ничего не могу сочинить. Часами «режусь» в «66» и в «покер». В шахматы также. Надоело так жить! Ужасно!

Не знаю, удастся ли мне за лето то, что я задумал, но по мере сил и возможностей необходимо иметь в чистом виде:

- Поэму для большого симфонического оркестра.
- Кантату для хора и симфонического оркестра.
- Медитации для баяна.
- Струнный квартет.
- Духовой квинтет.
- Эпитафия для фортепиано.
- Попробовать закончить партиту № 2, Сонатину (для баяна).
- Начать ораторию «Времена года».
- 3-ю симфонию (для Липса).
- 4-ю симфонию (для виолончели или «чистую»).
- Оперу «Дионисий».

• Прощание (стихи Аполлинера) для камерного ансамбля и голоса.

- «Ночь печальна» (п. Бунина) для камерного ансамбля и голоса.

Я давно уже не вёл свой обычный хроникальный дневник. Вероятно, это лень. Итак, сегодня 28 июня 1974 года. Я нахожусь всё в той же Москве вот уже пять лет. Какие же сдвиги в моём творчестве?

В судьбе пока постоянные отступления на более худшие позиции. В этом фортуна меня не балует, и слава «Богу».

Ну, что же!

1968 г. – Первый авторский концерт в Магадане, первые исполнения в Ленинграде.

1969 г. – «Мартин Иден» и Ирина.

1970 г. – Партита и сюита исп. в Москве.

1971 г. – Соната № 2 исп. в Москве.

1972 г. – Концерт № 1 исп. в Москве.

1973 г. – Много исполнений.

1974 г. – Поворот.

Снова одинок.

До сентября 1975 года написать:

- Ораторию «Времена года».
- Концертную симфонию № 3.
- Концертную симфонию № 4.

Москва (Лосинка), 6 июля 1974 г., 16:30

Я бесконечно благодарен Ирине за подарок, который должен был получить после сочинения оратории, но только вчера получил. Сегодня я хочу создать свой первыйopus в живописи. Речь о мольберте. К сожалению, у меня всего четыре цвета красок. Я сделаю всё возможное, чтобы из этого что-то произвести.

Итак... какое сегодня число? Шестое июля 1974 г. Не кажется ли Вам, маэстро, что с этого дня, во-первых, начинается ваша работа... а во-вторых, с этого дня Вы вновь становитесь самим собой!

За такое событие стоит пропустить стаканчик вина...

Москва, 8 июля 1974 г.

Сколько раз я говорил себе: «Оставь суету! Забудь приятелей и друзей! Не заводи знакомств! Будь отчуждён и поглощён всецело делом!»

Но нет! Вот уже тебе 32 года без двух с небольшим месяцев, а ты по-прежнему мот и компанейский шут! Какой ужас!

Бах. Вагнер. Шёнберг... Брукнер. Малер. Брамс. Моцарт. Мусорский.

Моцарт не знал тех возможностей инструментов, что знаем мы. Так почему же мы не перестаём удивляться его гению?! Вероятно, причина воздействия на умы кроется совершенно в другом... Сейчас тоже можно писать в тех же регистрах... но что... и как?..

Многие мне твердят: «Почему ты не хочешь доставить себе удовольствие, раз ты не живёшь с женой?!» И хочется отшвырнуть этих сволочей подальше. Разве им объяснишь, что удовольствие, о котором они и не догадываются, было у меня, но, к сожалению, не долго. Дольше, вероятно, и не бывает.

А нового (без главного!) мне не надо. Всё, что не касается любви, это не удовольствие.

Это пошлость!

Странно, но почему-то с мыслями о Моцарте вспомнил Денисова.

Час ночи... время для работы, а я изучаю Моцарта...

Возможное место для работы.

Ни с кем не разговаривать.

Избегать знакомств.

Только себя!

Глаза держать книзу, а мысли ввысь.

Объявить войну мендельсовщине и всякому жидовству в музыке.

Судьба человека. Шолохова...

Москва, 10 июля 1974 г.

Всем своим существом, всей своей жизнью готовлюсь к «Дионисию» и остальным вещам: «Сергей Радонежский», «Нил Сорский», «Иосиф Волоцкий», «Андрей Рублёв», «Аввакум».

Понемногу становлюсь человеком. Всё реже бываю в толпе... всё чаще нахожусь в своей одинокости: печальной до беспредельности, но чистой и непорочной. От последнего испытываю истинное счастье. Толпа противна, равно как и столица с её мишурным блеском и лжепарадностью.

«Ещё никто не стал писателем только потому, что он этого хотел. Если у тебя есть что сказать что-то по-твоему, ещё не сказанное никем ранее, вживись в свои мысли с такой силой, чтоб у тебя появился собственный, никем не найденный способ выражения – и тогда их содержание и форма сольются в единое целое так органично, как если бы они всегда были нерасторжимыми».

Спать головой на восток.

Абсолютное отрешение от мирской суеты и упорное самоуглубление.

«На молодежь следует смотреть с уважением. Почём знать, что будущее поколение не будет равняться с настоящим. Но тот, кто в 40–50 лет не приобрёл известности, уже не заслуживает уважения» (Конфуций).

Будущее – это не значит совершение. Как раз, быть может, наоборот. Но зато за будущим будущее может быть совершеннее.

Москва, 11 июля 1974 г.

Родившись в бухте Де-Кастри, я не сохранил о ней никаких воспоминаний, и даже раннее детство на Кавказе (Гудаута, Сухуми) совершенно не оставило каких-либо сильных впечатлений. Но Север! На всю жизнь я унёс оттуда что-то такое чистое! Столь яркое и постоянно живущее во мне, столь прохладное и целомудренное, что ни на миг я не теряю надежды на возвращение в страну прекрасного безмолвного одиночества.

* * *

Да обретут мои уста
Первоначальную немоту,
Как кристаллическую ноту,
Что от рождения чиста. (О. Мандельштам)

De profundis clamavi (из бездны зываю).

Misklang – диссонанс, разлад (нем.).

У Фицджеральда есть выражение: «Личность интересует меня только в её взаимоотношениях с обществом». Меня личность интересует во взаимоотношениях с самим собой в глубоком одиночестве и во взаимоотношениях с природой. Ибо никого другого я не хочу познать так, как самого себя.

* * *

И я уже с тобой. Как ночь нежна!
Но здесь темно, и только звёзд лучи
Сквозь мрак листвы, как вздох зефиров робкий,
То здесь, то там скользят по мшистой тропке. (Китс)

* * *

Проходит всё. Одно искусство
Творить способно навсегда... (Теофиль Готье)

«Не лгать себе!»

Опираться на великие традиции русской музыкальной культуры: песенное и хоровое творчество XV–XX вв.: Березовский, Бортьянский, Фомин, Хандошкин, Глинка, Мусоргский, Чайковский, Рахманинов, Скрябин, Мясковский, Прокофьев, Шостакович...

Онтология – бытие, само по себе.

Гносеология – учение о познании.

Непосредственно – рациональная интуиция, откровение, мистическое озарение.

Познать предмет, его сущность можно лишь в том случае, если познающий обладает мистически интуитивным проникновением в сущность явлений без обращения к опытным методам исследования.

«Теория – это свободное творение человеческого разума» (Эйнштейн).

Трёхмерность пространства и одномерность времени.

Что такое время? Его просто не существует, равно как и пространства. Есть только формы, в которых булькает содержание.

Ведь почему я люблю Бёклина, казалось бы, совсем сентиментального и лубочного, Мейера, Келлера и т.п. Я хочу освободиться от своего «Я» и заговорить языком чистой природы, такой, где бы человеком не пахло за мириады световых парсеков.

Бёклин, Мейер, Келлер (там, где без людей), Регер и т.п. – все они дороги мне.

«Северная симфония» должна стать моим гимном природе, той самой природе, которой я обязан всем тем, что представляю в своей душе.

Или лучше «Северная повесть»? «Легенда»?

Всегда помнить о четырёх поэмах Регера по Бёклину... «Траурную музыку» Хиндемита, «В лесу» Чюрлёниса, 4-ю симфонию Сибелиуса и 2-ю также, своё фугато из 1-й симфонии, фугато из 3-й сонаты, Медленную музыку из 2-й симфонии.

Москва, 13 июля 1974 г.

Сегодня проснулся около двух часов дня. Приезжала Ирина за Данте якобы. К сожалению, Данте я продал за ту же цену. Нечего было есть. Говорили более двух часов. Сыпались одни обвинения, я рассвирепел. Она ушла, но через некоторое время вернулась с пирожками и баклажанной икрой. Я налил своего супа, раскрыл банку икры, и мы скромно поужинали. Затем я проводил её до электрички, от вокзала на метро до «Речного». На троллейбусе не поехал, а вернулся к себе в Бабушкин.

Москва, 14 июля 1974 г., 15:30

Купил бутылку вина на деньги, оставленные мне Ириной на пропитание. Слушаю хоральные прелюдии Баха. Сам не могу работать и мучаюсь по-страшному. Всё чаще снятся кошмары. Подавленность, словно ядовитый туман, окутала всего меня, и я в полной растерянности. Докатился до того, что играю сутками в шахматы и карты с Алексеем Лебедевым, моим соседом-пианистом. Читать нечего. В голове ни проблеска мысли.

Темень! Каждый день льют дожди. Вот и сейчас... окна распахнуты, и струйки наискось стремятся к земле.

Любуюсь портретом Ирины, написанным мною неделю назад. Мне он очень нравится. Из четырёх цветов, которые были у меня, получилось на редкость удачно.

Всё-таки, несмотря ни на что, я люблю её.

Этическая красота музыки – в её серьёзности, в её отрешённости от всего земного и в то же время говорящей о том, что её происхождение земное!

Если я умру когда-нибудь, то пусть меня похоронят на «Снежной долине», на сопке, которая возвышается сразу от мостика через речушку, неподалеку от которой – скалистые выступы. Там я любил обдумывать всё лучшее, что написал в молодости.

Москва, 15 июля 1974 г.

Видел сон. Убегаю от Ирины и Владика по склону горы. Они кидаются еловыми шишками. Все смеёмся в радостном возбуждении.

Москва, 20 июля 1974 г.

Класть зверя (медведя) на спинку (как сохатого). Распороть ножом кожу от нижней челюсти через грудь до хвоста, затем подрезать ноги по внутренней стороне до продольного разреза и отделить подошву от ступни, но так, чтобы при коже остались когти.

Уехал совсем (по направлению).

Уехал надолго, но с возвращением.

Уехал на 2–3 дня.

Ушёл на день до ночевки.

Острые зубцы – солнечные дни,
тупой – непогода.

Крепкий мороз – январь; много снегу на ветках – февраль; медведица щенится – март; прилетают птицы – май; одеваются в зелень лиственницы – июнь.

«Кукушка начинает куковать» – 20 мая... Я вдруг почувствовал на лице чьё-то тёплое нежное дыханье...

Это весна!

Ветерок пробегает по верхушкам старых лиственниц и улетает в глубину долины к холодным вершинам заснеженных гор, оставив в воздухе бодрящий запах весны...

День кончился. Долину прикрыла тьма. Морозная ночь быстро сковала размякший снег.

Шорох оседающего снега. Ещё темно, но дятел стуком будит утро.

Зима долгая, снежная, морозная... Средняя температура – минус 55–60°.

Пришло время зеленеть лиственнице⁹.

Москва, 21 июля 1974 г. (воскресенье), 16:00

Не отвлекаться мелочами от магистрального, избранного пути, каким бы он крутым и скользким ни был. Знание может приносить людям большой вред, так как переход его в заблуждение происходит с коварной незаметностью.

«Истина – дочь времени, а не авторитета» (Ф. Бэкон).

«Я до того запутался в сомнениях и ошибках, что начал думать, что единственным результатом моего обучения было всё возраставшее убеждение в своём невежестве» (Р. Декарт).

...У него было несколько скупающее выражение лица, ...но пронзительными глазами, выдававшими постоянную работу мысли... он чередовал светскую жизнь и развлечения... с творческим затворничеством...

Интонация – форма – инструментовка.

Познать звук, его свойства во всем многообразии... Расщепить его!

«То, что не есть бесспорная истина, есть ложь» (Спиноза).

«То, что интуитивно, несомненно, а всё то, что не подпадает под интуицию, подлежит сомнению и не может считаться истинным» (Декарт).

«Ошибки проистекают от свободной воли человека, способной вызвать произвол и путаницу в мыслях, но никак не от интуиции разума» (Декарт).

Принимать за истинное только то, что находит отклик сразу без сомнения, только то, достоверность чего равна достоверности этого отклика и сразу получает удовлетворение, не задумываясь ни о чём другом, кроме данного предмета (как в истинной любви).

Я люблю ночь с её тишиной и звёздами, с её лунным светом и чудным звоном пространств, и эта любовь истинна, ибо никто не способен доказать, что я люблю день, потому что я не люблю солнца с его зноем, не терплю суету дневной жизни, но что странно... любовь к ночи отнюдь не интуитивное влечение, а врождённое чувство к загадочности...

Значит, интуиция обособленное врождённое качество, не подлежащее анализу и не прикасающееся к чувственности, а зияющее-

ся только на разуме, но разум отнюдь не врождённое качество... а впрочем?

«...сомнение есть акт мышления» (Декарт).

...например, то, что я женился, – это ошибка не ума, а своеволие (ум-то как раз и был против) – легкомыслие, толкнувшее на ложное, неверное соединение друг с другом, а затем повлекшее за собой и ложную интерпретацию ощущений¹⁰.

Москва, 26 июля 1974 г., 09:00

Вчера был в лесу всю ночь. Разжёл костёр и сидел до первых лучей солнца.

Состояние подавленное и противоречивое: не могу решить одну серьёзнейшую задачу...

Отсюда неуравновешенность и всё чуждое работе.

15:00

Прохлаждаешься, друг мой! А где ж твоё божественное обещание?! Трудиться в поте лица! Знакомства не заводить! Не отвлекаться ни на что суетное! Следовать только своему призванию! Твоё сердце уже так износилось, что не даёт спать! Твоя голова совсем разучилась мыслить! Твоя душа разучилась чувствовать и благоговеть перед прекрасным!

Не пора ли в уединение, друг мой?! Повторим юность и молодость вдали от привязанностей и привычек! И кто сказал, что характер – это привычки? Привычки – слабость, а характер – сила!

Надо найти в себе эту силу и сняться с якоря, который порос водорослями и завяз в иле.

Дождись крепкого попутного ветра, – и в плавание по новым мирам своей души!

Москва, 27 июля 1974 г., 00:00

...Он устало поднялся из-за стола и медленно подошёл к окну. Прислонился горячим лбом к холодному, обледенелому стеклу и заплакал так беззвучно, как можно плакать лишь в отчаянном горе от неизбежного душевного страдания.

...Он смотрел с высоты гор в долину своих страданий, в родниках, в его слезах сверкали лучи его надежд...

28 июля 1974 г., 12:30

Человек постоянно должен видеть перед глазами образ распятого Христа и непрестанно стремиться к совершенству.

Москва, 29 июля 1974 г., 10:00

...настроение не рабочее, пишу квартет, но страшно медленно. Лето проходит, а я и не отдыхал, и не работал.

Москва, 30 июля 1974 г., 14:30

Тройной концерт (концертная симфония для 3 баянов и оркестра).
Концертная симфония № 3 (Липсу).

Симфония (Северная).

Ансамбли: 1) для духовых; 2) для струнных.

Оратория № 2 (Времена года).

Сегодня снова кошмары...

Обнажённые женщины – говорят, к удаче, – так вот, мне снились сразу две... в разное время.

Снился Генрих; я развлекал его, надев на голову бумажный колпак с изображением чудищ (в манере китайских фонариков). Перебирал во сне фотографии. Приснился Реджинальд. Будто где-то на кухне из розетки потекла маслянистая жидкость и разлилась по столу, стекая на пол. Снился отец и мама.

Ночью я завожу пластинки, в пустой комнате слушаю...

Приехал Фридрих, а я спал. Обнялись, а затем сходили в магазин за бутылочкой сухого вина. Вечером я был у него. Святослав Фридрихович – копия Фридриха. Наташа почти не изменилась. Мы втроём (Роберт Фридрихович, отец Фридриха) выпили несколько стопок домашней водки, я уже в двенадцатом часу уехал к себе, взяв на всякий случай у Фридриха пятёрку.

Смела, 6 августа 1974 г.

...Сегодня в 22:00 сбрил бороду.

23.30

Мучительно переживаю что-то... словно стал перед какой-то загадочной стеной, через которую необходимо пройти. С мая ничего не

написал. Но не это самое страшное. Страшно то, что я не радуюсь, как прежде, своему одиночеству. Весь поэтический миропорядок души куда-то отошёл в глубину, и нет сил вызвать его снова, а так нужно...⁹

Вл. Золотарёв – Ф. Липсу

Смела, 7 августа 1974 г.

Дорогой Фридрих!

С первых дней не мог черкнуть ни слова, потому что страшно устал, да и не было охоты писать. Теперь мало-помалу прихожу в себя и от Москвы, и от бездеятельности, и от самого себя.

Пописываю квартет и кроме него ничего пока не делаю, хотя планы кой-какие есть и на август. Пару дней загорал, и теперь болят плечи, а в общем, чувствую себя значительно лучше. Воздух здесь прекрасный, да и погода пока балует. Думаю позднее черкнуть тебе письмо, а пока нет мыслей. На этом я и попрощаюсь с тобой. Передавай Наташе мои приветы, а Святославу Фридриховичу наилучшие надежды.

Обнимаю, твой Влад... и т.д.

P.S. Если услышишь насчёт квартиры, сообщи или если срочно, то внеси плату, по приезде верну. V.Z.¹²

Смела, 11 августа 1974 г.

Слушаю чужую музыку... а так хочется услышать свою собственную!

Но не ту, которая уже создана, а новую... но пока нет ничего, ни одной мысли.

Загорел я хорошо. Почему-то болит грудь в правой стороне, и когда хочу вдохнуть до конца, то не могу из-за несносной боли. Боюсь, что лёгкие, но отшучиваюсь от самого себя и отгоняю бредовые мысли. Просто, наверное, простудился, лежа на земле.

Убеждаюсь лишний раз, что воздух здесь чудесный; кроме всего прочего, живительный и, вероятно, лечебный.

Несмотря на плохое состояние чисто душевное, я почти не печалюсь, а полностью, во всей полноте, отдаюсь отдыху, кстати, первый раз в жизни, а всё потому, что наступающая осень, зима, вес-

на и лето есть моё последнее испытание перед возрастом Христа. В следующем году, т.е. в 1975-м мне исполнится 33 года – возраст почтенный и... рискованный.

Если кто спросит меня: куда ты держишь путь, юноша? Я отвечаю. О, вопрошающий! Ты достаточно воспитанный мудрец или просто неразумный в возрасте? Я уже далеко не юноша, ибо нахожусь в долине отдыха перед последней дорогой, т.е. мне перевалило за тридцать...

Вот уже пятнадцать лет я иду в одиночестве к своей звезде, на которой живёт моя любимая... Дойду ли я? Этого не знаю. Но продолжаю идти, несмотря на все ошибки и заблуждения.

Если не достанет сил и я сяду в последний час перед приготовлением, значит, я шёл правильно, ибо неважно, достигну я цели или нет. Важно чувствовать под ногами ту почву, которая сопровождает с самого начала, и знать цену собственной удаче, потому что удача – вещь непостоянная только у случайных; наша удача, т.е. удача всех избранных тобою, вечная... да!

Вечная! И тот, кто почувствовал в себе знак Всевышнего, может не опасаться, что дорога заведёт его в чужие ландшафты.

О!.. Мой друг! Как странно мне писать... Тебе...

Под звуки баховских сонат... Да, да! Под звуки баховских сонат. Для Cellos клавесином...⁹

Смела, 12 августа 1974 г., 19:00

Брукнер... Девятая...

Целая жизнь брошена псу под хвост... и ради чего?!

Ради одиночества и славы? О! Погибающий! Ещё не поздно повернуть колесницу!

AQUA VITAE¹⁰.

Вл. Золотарёв – Ф. Липсу

Смела, 12 августа 1974 г.

Дорогой Фридрих!

По всей вероятности, задержусь здесь ещё недели на две, т.е. до сентября.

Неожиданно заболел. И что удивительно – грудь в правой стороне. Дышать трудно и больно.

Впрочем, всё это ничто в сравнении с тем, что совершенно не могу работать. На меня это так же похоже, как если бы я вдруг из музыканта превратился в конюха. Но что делать, надо как-то преодолеть всё это.

Правда, я кое-что читаю (книги по эстетике Гегеля), пишу стихи, разные мысли, рисую (маслом совсем не пишу), но не нахожу и в этом удовлетворения.

Хочу походить на рыбалку, но желание желанием остаётся.

Даже такое удовольствие, как бродить в лесу, в одиночестве, и оно уже не оказывает того действия, что так превосходно соединилось ранее во мне с любовью быть вообще наедине.

Словом, немножко растерялся, но думаю, не надолго. Я не спрашиваю, как чувствуешь себя ты и как вы все живёте там, но надеюсь, что всё хорошо. Я второй раз перечитываю «Зеленого Генриха» Келлера и нахожу эту книгу замечательной во всех отношениях, тем более что она, как ни одна ещё (кроме Заратустры), так сближается со всей моей организацией, что кажется иногда подлинно моей: или мною написанной, или обо мне написанной. Ты как-нибудь доберись до неё. Ещё я перечитываю «Науку о цвете» Гёте – это также замечательная вещь, которой не раз восхищался сам Веберн. Вот и все мои привязанности на этот раз, если не считать купания и бестолкового времяпровождения.

Иногда я вспоминаю, как мы с тихой улыбкой на губах сидели за столиком в «Национале» и говорили самым чудесным образом.

Вернусь в Москву, так сразу же познакомлю тебя с хорошими и талантливыми людьми совсем другого круга. От этого кроме пользы ничего не будет.

Ты только не волнуйся, дорогой мой Фридрих, за невезение в моей работе. Хемингуэй не раз говорил себе: «Ничего, старина, если нам удалось кое-что написать приличное, значит, ещё напишем кое-что и получше».

Раз открытая закономерность в последних моих вещах – это посеяв, а плоды будут.

Я теперь часто обдумываю суммирование всего завоеванного: табулатура метода сочинения, единая терминология, символика обозначений. Если я завершу это и оформлю в доказательную систему, то сделаю великое дело для всех музыкантов.

В общем, поживём – увидим.

С осени нам надо пробить «Вечер баянной музыки» в «Молодежном клубе» или в «Клубе камерной музыки». Лучше всего, конечно, разбавить мою музыкой западных композиторов, разумеется, чрезвычайно профессиональной. Можно было бы подготовить с корнеевским оркестром концерт Кирилла.

Пиши мне пока на этот адрес.

Приветы Наташе и Святославу Фридриховичу, а также родителям, когда будешь писать.

Ну, пока. Обнимаю, твой Владислав (V.Z.).

P.S. Получил ли ты мою открытку?¹²

Смела, 13 августа 1974 г., 09:00

В моей душе снова возрождается дух вдохновенья.

17 августа 1974 г., 21:10

Сегодня ездил с отцом на рыбалку. Ничего не поймали, зато отлично провели время. Я любовался старой водяной мельницей и озером. Вернулись усталыми.

22:00

Хоть и банально звучит слово грусть, но мне так грустно, словно я цветок, выплёскивающий сильнейший свой аромат перед концом. Хочется выть волком, а я сижу перед трюмо и с самым серьёзным видом рассматриваю самого себя.

Без бороды я теперь совершенно похож на самого себя с фотографии 1967 г. (Магадан), с трубкой, в пальто и кашне (белый, шерстяной).

На фотографии в то время я выглядел чуть старше своих 25. Теперь я выгляжу на 25 точно. А впрочем, скоро это будет ни к чему⁹.

Ф. Липс – Вл. Золотарёву*
Москва, 17 августа 1974 г.
Дорогой Владик!

С большой радостью получил от тебя два послания. У меня к тебе есть очень ценное предложение: с завтрашнего дня с утра я начинаю заниматься по-настоящему, хватит летнего безделья. А ты с утра садишься за стол и пишешь ноты на бумагу в 5 ли-неек.

Как говорил П.И. [Чайковский]: «Вдохновенья нельзя ждать, пока оно соблаговолит снизойти к творческой душе. Надо работать, работать, и вдохновение лишь тогда незаметно для тебя объявится».

Не помню дословно, но смысл такой.

Хватит хандрить. Просто и тебе, и мне нужно войти в творчес-кую форму. Надо заставить себя работать. Ведь время мстит за его бесцельную растрату.

А в сентябре приедешь, и мы отблагодарим себя в «Национале» Russian work'ой. Идёт?! Хорошо пойдёт. Надеемся.

Начал работать, разбирать пьесу О. Мессиаана «Христос подвергается пыткам». Интересную регистровку подобрал. Композитор очень своеобразный**.

Владик, используй в очередном баянном opus'е регистр гобоя.

Открытая дека звучит гнусаво. В аккордовых последовательностях на piano звучит очень хорошо.

Как у тебя здоровье? Может, следует показаться «рентгену»? Если что-то серьёзное – нельзя запустать.

А писать ты должен много. Большие перерывы делать не следует. Кому много дано – с того и спрос большой. На этом заканчиваю свой «экспромт».

Не болей, постарайся сразу ответить, и с нетерпением жду в столице. Крепко обнимаю, твой Ф[ридрих] Липс.

P.S. Квартиру пока не нашёл тебе. Помиришь с Ириной¹⁰.

---

* Письмо Ф. Липса – ответ на письма Вл. Золотарёва от 7 и 12 августа. – В.Б.

** Устаревшее, то же, что своеобразный. – В.Б.

Смела, 18 августа 1974 г., 00:39

Отталиваться в своей «Северной симфонии» от Четвёртой Сибелиуса, Траурной музыки, первых поэм Регера по Бёклину⁹.

Вл. Золотарёв – Ф. Липсу*

Смела, 20 августа 1974 г.

Дорогой мой Фридрих!

Получил от тебя письмо и был очень рад, когда распечатывал конверт, когда читал первый абзац, второй, третий... но последние два слова «помиришь с Ириной...» так обескуражили меня, что я чуть не заплакал от горя и обиды.

Милый мой друг! Я не ссорился, а потому как же я могу мириться, не будучи в ссоре? Наша жизнь (совместная) давно захлебнулась, и я никого не вправе обвинять за это свалившееся на меня несчастье, тем более свою жену. Ведь утопленника невозможно вернуть к жизни, если он почти разложился, так нашу любовь нельзя воскресить – она погибла, а без этого чистого и (пусть банально) возвышенного чувства может жить и благоденствовать только человек толпы. Меня не надо с ней смешивать. Я не подражаю Малеру, но я, как и он, ненавижу всё, что связано с этим словом. К сожалению, Ирина принадлежит к этой низменной касте, и я отказываюсь объясняться, почему я лучше буду жить как бродяга, чем спать в мягкой постели под её крышей.

О ней довольноно.

Я приятно был обрадован, когда узнал из письма, что ты взялся серьёзно работать; только ты не учёл, что у меня на этот счёт планы чуть отдаленные, т.е. до 13 сентября я буду, по возможности, заканчивать квартет и ещё кое-что из вокального, но в основном постараюсь устроить свои денежные и жилищные дела. Кроме 200 рублей, которые я должен на днях получить, у меня пока ничего не ожидается, и я, может так случиться, вынужден буду пойти на службу, если подвернётся что-либо приличное.

А с 13 сентября хочу с головой уйти в работу, до самой весны, а может, и до лета. Словом, поживём – увидим.

* Письмо Вл. Золотарёва – ответ на письмо Ф. Липса от 17 августа. – В.Б.

Вдохновение – это чудесно. Но и сидеть без цели на яйцах – это не лучший лоцман вдохновения. Без цели я не могу работать. А цель пока стоит в отдалении... Потому что её верный хозяин и слуга пока отдыхает после стольких лет работы.

«Христос подвергается пыткам» должен отлично прозвучать в твоём исполнении. Насчёт регистра я подумаю, но надо послушать с тобой вместе.

Моё здоровье желает быть лучше, но такое, какое есть, – меня устраивает. Врачам я, бесспорно, покажусь. Этот год хочу работать так, как ещё никогда не работал, ибо возраст обязывает. Но как говорили предки: «Бог в помощь». Я не теряю надежды, что ты мимоходом где-нибудь увидишь объявление насчёт комнаты. Я согласился бы даже в общей квартире, пока не найду приличнее.

Приеду, вероятно, к 1 сентября.

Наташе лучшие приветы, как жене моего чудесного друга.

Потрепли Светика от меня.

Обнимаю, твой Вл. Золотарёв.

P.S. Напиши мне поскорее, какая в Москве погода и вообще...¹²

Смела, 23 августа 1974 г., 18:00

1 ч. Индигирка. Зима. Минус 50–60°. Туман. Лагеря, обнесённые колючей проволокой. Костры и греющиеся вокруг костра заключенные с потемневшими от обморожения лицами. В телогрейках. В шапках-ушанках, в рукавицах. Охранники в тулупах. С автоматами. С собаками. Вышки... Вышки... Вышки...

Одна нота... Ми-бемоль большой октавы. Долго и жутко... Постепенно, словно из небытия, появляется гнетущая и мрачная тема серии от Ми-бемоль.

Зима... вся часть (30–40 минут)... но гнетущая атмосфера – это условно.

Главная партия. Побочная – перезванивание льдинок – олицетворение моего детства.

Глубокие сугробы. Тишина. Застывшая Индигирка и молчаливая тайга... звон тишины.

И взрывы глыб льда, лопающихся от мороза.

Б. Провидения. Пурга. Скалистые горы... Чистый снег лунной ночью. Звёзды. Ирина...

И ч. Весна. Лето. Осень.

Б[ухта] Провидения. Пуночки... Раннее утро. Ручьи с гор.
«Снежная долина». Воздух. Дятел.

Прииск Разведчик. Обрывы. Тайга. Охота на куропаток. Озеро.
Избушка и трасса.

Лето. Чукотка. Птичий базар. Берингово море. Тундра.

Снежная долина. Крик неизвестной птицы. Кукушка. Удивительные рассветы и закаты. Ручей. Мост разрушенный. Жимолость. Распадки. Комары. С Большанским.

С.В. Прусс – нет! Глупость! Везде – Ирина!

Геологическая партия. Тайга. Ручей. Палатка. Ночь. Крики неизвестных птиц. Жуткие, леденящие душу. Хвоя... Основная база.

Север оставил на моей жизни неизгладимый след. Моё детство, юность, частично молодость питались тем, что видели мои глаза и слышали мои уши. Мне выпало счастье подпасть под очарование совершенно ещё целомудренной природы, где дичь и зверь ещё не знали человека. И там, где ступала моя нога, не ступала ещё ничья...

Эта природа воспитала мой характер, все оттенки моих качеств чисто душевных и повлияла на моё физическое развитие. Я слышу молчаливым человеком, и это правда. Моё тело гибкое и упругое, как у дикого хищника, но в то же время внимательное и нежное³.

Смела, 25 августа 1974 г.

Четвёртая Сибелиуса

Восьмая Брукнера

Вторая Малера

Четыре поэмы Регера

Моя молодость неувыдаемая северная⁹.

Вл. Золотарёв – Э. Денисову

Смела, 26 августа 1974 г.

Дорогой Эдисон Васильевич!

Вот уже почти месяц, как я на Украине, а до сих пор не написал Вам ни строчки. Порывался писать несколько раз в Сортавалу, но так и не сумел собраться с мыслями, впрочем, мыслей-то никаких и не было...

Вообще это лето прошло для меня бездарно, глупо, и я в ужасе, потому что такого длительного безделья никогда не наблюдал за собой.

Правда, чтобы совсем не потерять уважение к себе, я занимался кой-какой перепиской нот: оркестровал «Итальянский концерт» Баха, читал «Лекции по эстетике» Гегеля, написал портрет, несколько мелких пейзажей, но так как масла не взял много, то вскоре забросил живопись.

И вот теперь, когда до отъезда осталось дней десять, я заставил себя сесть за стол и написать Вам это письмо. До сих пор я не могу забыть Ваши замечательные партитуры «Осенней песни», Виолончельного концерта и «Живопись».

Быть может, я не могу пока работать из-за собственного бесилия писать, как Вы? То есть я хочу сказать, что давно мечтал и не теряю этой мечты сочинять настолько чисто, настолько правдиво передавая малейшие оттенки собственных чувств, чтобы постоянно испытывать таинственный трепет перед произведениями, написанными своей рукой.

Вам это уже удалось достичь! И я завидую Вам (который уж раз!), как завидую Моцарту, который настолько правдиво и точно выписал «Волшебную флейту», что после каждого её прослушивания на меня нападает такая безбрежная тоска, подступает такая ирония по поводу собственных партитур, что приходят дьявольские мысли совсем забросить музыку, но проходит время, и я впадаю в другую крайность, когда чувствую, что получается кое-что замечательное, то ставлю себя уже на одни весы с самим Моцартом, Бахом, Вагнером, Шёнбергом...

Какой фантастический идиотизм! К счастью, последнее случается не столь часто, чтобы отчаиваться, но ещё более удивительно то, что в подобные «вознесения» я испытываю редчайшее удовольствие.

Как Вы провели лето?

Я очень рад был бы получить от Вас несколько слов, хотя бы потому, что совсем расклеился и не испытываю ничего, кроме душевной горечи.

Вся моя тридцатидвухлетняя жизнь была свидетельством непрерывного движения к самому замечательному, к самому глубочайшему и таинственному, но вот я стою уже по ту сторону склона с жестоким опытом прошедших лет и чувствую, что теряю последнюю надежду на ту безмерную радость, к которой стремился всю эту горькую и почти безрадостную жизнь.

Есть ли смысл в том, что я избрал в шестнадцатилетнем возрасте?

Будет ли польза от тех вещей, которые я напишу? А ведь я насочинял уже достаточно, чтобы иметь представление о моей целеустремлённости, о моих привязанностях, о моём мироустройстве.

Вы простите меня, Эдисон Васильевич, за весь этот вздор, но у меня есть причина беспокойства. Возраст Христа, который посетит меня через год, – великий возраст, а какое место я занимаю на этой грешной земле? Какую пользу я приношу своей Родине?

Не сердитесь на меня, Ваш Владислав Золотарёв.

P.S. Передавайте супруге самые хорошие пожелания. К своему стыду я не помню имени, отчества...

Смела, 26 августа 1974 г., 12:30

Когда слушаю «Волшебную флейту», то с отчаянием и презрением смотрю на собственную мазню... Моцарт!

Вот предел мечтаний!

23:30

- Писать в день не менее 3 листов контрапункта.
- Гимнастика в перерывах.
- Обливание холодной водой или обтирание снегом.
- Не отвлекаться. Собираться в себе постоянно.
- Есть только перед сном.
- Отказаться от вина и мяса!
- Спать не более 4 часов в сутки.

И всё это на фоне чудесной тёплой тишины, завораживающей, обволакивающей странной мягкостью, но упругой, сильной, страстной... и хочется в такие минуты лететь вместе с дымом вверх и раствориться в блаженном убаюкивании, забывая всё на свете и от всего отказываясь.

Второе воспоминание:

1969 год... бухта Провидения... декабрь, около трёх часов ночи... я стою у окна, на стеклах которого мороз выгравировал сказочные узоры... курю... горят свечи, высвечивая портрет Наташи, нарисованный мною, фортепиано, письменный стол... форточка открыта, чистый морозный воздух струей клубится у самого лица... я смотрю на небо... звёзды большие... яркие, мерцающие... синеют заснеженные скалистые горы... и над ними стоит огромная луна... искрится снег... и воздух этот слышат не уши, а натянутые, как струны, чувства восторженного преклонения перед дарованным чудом.

И третье воспоминание: ...поцелуй... Наташа... упругие груди, как египетские пирамиды, стремящиеся к близости, приятно-серый шерстяной свитер, тонкий, прекрасно обтягивающий форму шеи и расходящийся от талии на классически округлые бедра... короткая юбка... и горячие ноги... шелковистые... с плавными пропорциями, уходящие в мечтательную недоступную и таинственную глубину, от которой можно лишиться сна... потерять всё, что связывает с сознанием...

Её мечтательные с голубизною и чуть восточные глаза... на красивом бледном лице... её влажные губы так и стоят в моих закрытых глазах... и чистое дыхание юности... только что раскрывшийся сочный и упругий цветок на тонком, но крепком стебле...

Её волосы... с блестками здоровья и силы... опьяняющие и зовущие для ласки и поцелуев...

Эта моя нежданная, удивительная любовь! С бессонными ночами напролёт... с мечтами и печалью... с надеждой и страшной, катастрофичной ошибкой... и не ошибкой даже, нет... какой-то трагической несовместимостью, сумасшествием, которое привело к жуткой опустошенности, к падению моих лучших моральных качеств.

Эти воспоминания должны стать основой моей «Северной симфонии».

Уничтожив все её фотографии, ты надеялась изгладить её из моей памяти... Нет, Ирина! Она неизгладима для меня! И мне дорого о ней любое воспоминание, с самого первого, как только я увидел её...

Такою она останется в моей душе, в моём воображении на всю жизнь, ибо никого так я не смогу любить уже... никогда... ибо с ней мне некого сравнить, да и о каком сравнении может быть мысль?! Моя Наташа, моя Наталья Александровна несравненная и несравнимая... С ней ассоциируется всё, что особенно дорого мне... будь то музыка, литература, поэзия или природа... Эта любовь сделала меня человеком... а с тобой я стал сволочью, ненавистный самому себе⁹.

28 августа 1974 г.

Бьернстjerne Бьернсон.

Божественный тихий голос, который постоянно звучит в толкотне и суматохе реальности, может быть услышан только при отказе от обыденной жизни в мире.

Чтобы вызвать видения, надо уединиться в безлюдные, тихие места. Видения появляются чаще на фоне какого-либо равномерного звукового маятника, подобие *idea fix*.

29 августа 1974 г.

«О человек! Почему удивляешься высотам звёздным и морским глубинам? Войди в бездну сердца твоего! Тут-то удивись... если имеешь очи» (святой Исидор)¹⁰.

Я не думаю, что Бог лишён эмоционального чувства. Ему не удалось бы создать таких существ, как люди, к примеру.

Если всё время преклоняться перед философией и её создателями, то скоро обнаружится полное безразличие к этой интереснейшей науке. Для того и создана художественная литература, чтобы мы заряжались эмоциями для постижения многих вещей. Адекватно и музыка...

Шёнберг и Веберн для меня как бы фильтры, которые очищают засорившиеся извилины, в которые просочилась ненужная, мелкая, ложная информация и пробудила во мне далеко не человеческие эмоции. Такое искусство (Кандинский, Шагал, Леже...) является как

бы лоцманом, ведущим фрегат, на борту которого всё достояние человечества. Стоит ему заснуть, забыться – и случится катастрофа...

Так уж устроен мир, что все должны бороться – два совершенно противоположные начала: Платон – Аристотель, Бах – Бетховен, Шекспир – Толстой, Мусоргский – Чайковский; Брамс, Шуман – Брукнер, Вагнер; Малер – Р. Штраус. Энгельс – Дюринг, Гегель – Маркс, Ленин – Мартов, Брежнев – Косыгин³.

Вл. Золотарёв – Ф. Липсу

Смела, 29 августа 1974 г.

Дорогой мой Фридрих!

Ты пишешь мне, чтобы я сочинил что-либо к 100-летию Шёнберга... Не знаю, но вряд ли мне удастся это сделать, т.к. в голове нет ничего такого, чтобы можно было оформить в честь столь великого события.

Я занимаюсь старческим делом: переписываю старые рукописи на более приличную бумагу и мало-помалу готовлюсь к отъезду.

Поезд отходит 1 сентября. В Москве буду второго, в часов одиннадцать, если всё будет благополучно (разумеется, не ночи). Если позволишь оставить пока вещи у тебя, то с вокзала приеду прямо к вам. Постарайся быть дома, но, если случится, что будешь в институте, я оставлю у Наташи записку для тебя. Вещей везу не много. Чемодан, портфель и мольберт. Вот и всё. Быть может, несколько груш и яблок.

Ты спрашиваешь, как живётся, дышится... Набираюсь сил перед основным рывком в наступающем году. Воздух здесь прекрасный! Кстати, о делах...

Половину денег я получил за Детскую сюиту, так что остальную половину получу позднее. Насчёт Третьей сонаты, конечно, будем говорить по приезде.

Надо поговорить также о многом.

Не помню, говорил ли я тебе, но я виделся с Саквой*. Денег у них не было, но он выразил как будто согласие на заказ Третьей концертной симфонии, но оговорился, что, мол, осенью надо напомнить о нас (т.е. о тебе и обо мне) и выяснить насчёт фонда. Посмотрим...

* Из комиссии по закупке произведений. – Ф.Л.

Что ещё?

Получил из Союза [композиторов] письмо от Шантыря. Быть может, 6 октября уеду в Иваново на месяц.

Написал письма Щедрину и Денисову. Больше никому не писал, кроме тебя, да... ещё в Швейцарию и Финляндию: давно не отвечал, и стало совестно. Всё чаще и чаще вспоминаю Север... Симфония эта должна получиться уникальной в своем роде. Уже много интереснейших кусков в голове, а всё потому, что серия содержит в себе большой заряд мысли и удивительной сдержанности, ...обнимаю, твой V.Z.

P.S. Наташе и S.F. лучшие приветы¹².

Вл. Золотарёв – Ф. Липсу

Смела, 30 августа 1974 г.

Дорогой Фридрих!

Причиной этой открытки послужила 5-я симфония Глазунова, которую я слушаю сейчас по телевизору. Дирижирует Федосеев.

Кроме этой симфонии, я ничего не знаю из Глазунова, и, честно говоря, совесть наконец заговорила во мне: по приезде изучу все партитуры его симфоний.

Ты знаешь?! Федосеев мне очень понравился! Владимир Иванович может стать замечательным дирижёром. Я впервые увидел его талант воочию и услышал его удивительный вкус, вернее удививший меня... Надо познакомиться с ним поближе и старые обиды забыть.

Обнимаю, твой Вл. Золотарёв.

P.S. Как всегда, приветы всем обитателям твоего вигвама¹².

Смела, 30 августа 1974 г.

Серьёзно заняться симфониями Глазунова. Я их совершенно не знаю, кроме Пятой.

Москва (у Фридриха), 2 сентября 1974 г.

Приехал около семи. Взял машину, и неожиданно пришла мысль отвезти фрукты Ирине. Видел Владика и Генриха. С Ириной почти не разговаривал. К Фридриху приехал поздно, очень горько...

Москва (дома на Зеленоградской), 4 сентября 1974 г.

Какой вздор я писал 27 августа!

И как мне тяжело сейчас. Только что совсем рядом совершенное счастье... ещё днём и вечером... а теперь горе и невыразимая тоска...

Не верю, чтобы моя Ирина продала наш баян и уничтожила партитуры и рукописи! Мне немислимо в это поверить...

Москва (дома), 5 сентября 1974 г.

Только дома чувствую себя счастливым, хотя на душе прежняя и неизгладимая печать какого-то горя, такого горя, которое я предчувствую. Но о котором не догадываюсь.

Работать по-прежнему не могу, но надо себя заставить писать, пусть сначала всё что угодно, только не хандрить.

Я немного растерялся и потерял интерес к творчеству. Ведь если верить моей Аринушке, то безвозвратно погибли почти все рукописи, тексты к вокальной музыке, квартет, симфония. Поэма «Мартин Иден», «Currículum Vitae» и многое другое – всё, что собиралось по каплям в сосуд... в течение почти 13 лет!

Но надо! Надо найти в себе силы! Вызвать свою божественную волю и, отказавшись от всего, кроме Ирины, детей, хлеба, чая, кофе, начать вновь возводить рухнувший собор.

Москва (дома), 6 сентября 1974 г., 02:00

«Любовь, что движет солнца и светила»...

Как верно, моя любимая Аринушка!.. Если когда-нибудь я вновь завоюю твою беспримерную любовь, произойдёт что-то замечательное! V.Z.

А пока трудиться! Сколько хватит сил! И беречь тебя, моё вновь обретенное бесценное сокровище! Покуда ты жива, и я дышу тобой. Но если ты умрешь, и я вслед за тобой...

Днём поговорить с Владиком и Генрихом... Позвонить Щедрину, Шнаперу, Бузовкину, Рождественскому.

23:00

По-прежнему всё чудесно! Какая замечательная у меня жена! И какой же я мерзавец, если только теперь осознал это.

Смотрю в открытое окно из-за своего стола, подаренного Аринушкой, и восхищаюсь луной, которая стоит высоко над домами. Утром отвёл Генриха в садик и поговорил с ним о том, что ко дню рождения мамы надо сделать подарок ей... он хитро улыбнулся, словно ничего не понял. Проводив Ирину на работу, сходил в магазин за молоком; купил два арбуза. Затем сделал дома уборку, полил цветы, поговорил с Владиком, немного поиграл на фортепиано.

Около 19:00 пришла наша любимая жёнушка и мамочка. Как счастливо на душе, и я не боюсь расплаты за это счастье. Сколько дней и месяцев я был одинок и несчастлив!

Звонил Беляеву: баян его будет готов к Новому году, если верить. Говорил ещё с Раймондасом насчёт квартета; договорились встретиться через неделю.

Я снова сижу в своей козлиной шубе (подарок Аринушки) над партитурой Третьей концертной симфонии...

Пью чёрный кофе и думаю о тебе, моя единственная любовь и всегда желанная, реальная, а не пустое облачко дурацких галлюцинаций, мимолетных и лживых, как мираж⁹.

Москва (дома), 7 сентября 1974 г., 00:30

Я счастлив только дома! И ещё... Надо почаще перечитывать эту тетрадь¹⁰.

Москва (дома), 8 сентября 1974 г., 01:00

С Аринушкой были в магазине: купили мясо для плова и всякой всячины. Приготовила плов – обедень!

В пять часов пополудни приехал к Денисову передать Ксенакиса и Штокхаузена. Немного поговорили с ним.

Вот примерный диалог:

Я: Мне кое-что неясно в solo Штокхаузена.

Денисов: Мне самому ещё не вполне всё ясно. Штокхаузен сейчас много экспериментирует, и в основном в аппаратной перед пультом; музыканты же импровизируют в студии по заданным схемам... честно говоря, последние вещи Штокхаузена мне не совсем понятны и не очень нравятся... единственное, что, как мне кажется,

заинтересовывает, так это развёртывание идеи, хотя сам материал зачастую и не интересен...

Я: Мне самому ближе более точная музыка без налёта импровизационности, потому я много работаю над абсолютной точностью записи любой звуковысотности и ритмодинамики...

Денисов: Вообще, Владик, очень хорошо, что Вы анализируете хорошую музыку. Я после того, как окончил консерваторию, вновь занялся композицией, как подобает: часами просиживал над каждым тактом «Вариаций» Шёнберга, чтобы понять, что к чему... и вообще, всегда любил анализ, как истинный предмет творчества. И так далее...

Затем мы поговорили о лете. Он закончил II часть фортепианного концерта.

Я взял у него партитуру Лулу (Lulu) Берга – и вот сейчас сижу за своим столом (Аринушка спит...) и через несколько минут примусь за анализ.

Москва (дома), 11 сентября 1974 г., 03:00

Сегодня у моей жёнушки день рождения! Подарю не то, что хотел. То, что хотел, ещё не готово, а духи – это желание моей милой. Странно, но что значат для женщины французские духи!

Который день подряд (вернее, которую ночь) сижу над партитурой «Lulu» А. Berg'a. Пока мало уяснил себе, но восхищению нет предела. Перелистываю с благоговением и с любовью завидую этакому мастерству!

Москва (дома), 12 сентября 1974 г., 22:50

Вчера отметили по-семейному день рождения Аринушки! На столе свежие бело-розовые (гладиолусы?) (не помню, как пишется). После ужина зажгли рождественские свечи, и больше всех восторгался Генрих. Было очень хорошо!

Сегодня показывал эскизы Третьей симфонии на коллегии в министерстве СССР (у Саквы). Были: Саква, Шехонина, Левтонова, Балтин, Леденёв и другие (не знаю). Результат не известен пока, но попросили через неделю позвонить. Думаю, что пора искать работу.

Аринушка подарила мне партитуру Девятой Малера – моей самой любимой симфонии. Это бесценный подарок! Галина Моисеевна подарила янтарные запонки – очень приятные.

Видел сегодня Фридриха, Вострелова (случайно) и Мунтяна (случайно).

Надо бы сходить на Стринберга «Пляска смерти».

Щедрину не могу дозвониться.

Москва (дома), 13 сентября 1974 г., 00:00

Дома за своим столом; в соседней комнате спит Аринушка с Генрихом, в другой комнате – Владик...

Заказанная музыка (личным образом):

- Партита № 2 – Вострелов.
- Соната № 1 – Митченко.
- Соната № 4 – Галкин.
- Концертная симфония № 3 – Липс.
- Испаниада – Липс.
- Пьесы – Беляев.
- Regretum mobile – трио.
- Соната для sax – Михайлов.
- Духовой квинтет – Михайлов-Любимов.
- Концерт для гобоя – Любимов.
- Концерт для виолончели – Фейгельсон.
- Концерт для фортепиано – Николас, Виктор, Севидов, Виардо.
- Оркестр. соч. – Нельсон.

Собственные планы (на ближайшее время):

- Северная симфония (для оркестра).
- Оратория «Времена года».
- Дионисий (опера).
- Овод (балет)⁹.

02:00

«...от созерцания он незаметно переходит к состраданию, любви или готовности помочь...» (Р.М. Рильке о рус[ском] человеке).

«...грусть весенних ночей, переливы русских берёз, одетых осенью в золотой наряд, одинокий простор волжских вод...» (о Левитане).

- Беляев А.В. [281-20-87] Астраханский пер., 19, кор. 3, кв. 75 (метро «Пр. Мира»)
- Бузовкин Александр Алексеевич [263-07-84]
- Басурманов Арк. Павл. [297-88-83], Москва, Центр, 101000, Потаповский пер., 9/11, кв. 53
- Благовещенский Владимир Сократович. Москва, А-83, Верхняя Масловка, 7, кв. 46 [258-75-88]
- Виленский Семен [229-22-31], Немировича-Данченко, 3, кв. 67
- Гамрат-Курст Владимир Георгиевич [268-06-73]
- Дударова Вероника Борисовна [231-35-15]
- Звягина Рина, г. Горький, Тюменская, 15, кв.16
- Большанин Владислав Порф. Москва, 107113, Микульский, 3, кв. 10
- Сусуман, муз. школа
- Тозлоному (Эжен Тозлон), Добролюбова, 9/11, кв. 54, В-234 (востр.)
- Valter Dešpalj – Vrbaniceva 37–2/ IV 41000 ZAGREB, tel. 41-11-46
- Галкин Вяч., ул. Глаголева 20, д. 14, кв. 13 [199-07-18], «Сокол», 59 трол.
- Хренников Т.Н. [253-26-67] (башня)
- Нельсон Вольдемар [233-82-53]
- Мальчевский Володя, Тверская-Ямская, 27, кв. 1.
- Иконников Олег, г. Видное Моск. обл., ул. Ольгинская, 20
- Рождественская Ксения [283-55-72]
- Васильева Ксана [273-24-02]
- Корбут Светлана Фед. [273-19-35], Е-116, Лефортовский вал, 7/6, к. 1, кв. 4
- SEPP YAАK, Эстонская ССР, г. Таллин, ул. Техника, 113, кв. 3
- Селезнёв И.И., Стерлитамак, Башк. ССР, ул. Нахимова, 13, кв. 6
- Ушарова Ольга Игорьевна [165-26-83], [165-26-63, доб. 35-64]
- Щёлково-3, Моск. обл., ул. Ленина, 9, кв. 24. Ташкент Ф-31, Средняя, 37
- Ротницкая Элла [255-89-68]. Беговая, 15, 34
- Терегулов Женя [251-07-19]
- Хлавин Филипп, Рига, 10, ул. Янки Купалы, 20, кв. 12
- Чудова Т.А. [203-24-27]
- Чуянов С.П., Горький, ул. Фучика, 15, кв. 5
- Шумилин В.И., Нижне-Красносельская, 32/29, кв. 18 [261-97-31]
- Шепельский Иван Тимофеевич, Свердловск, В-86, ул. Посадская, 42, кв. 28
- Щедрин Р.К. [299-72-39] Горького, 25/29, кв. 31
- Тарнопольский Юра [25-101-34]
- Митченко Э.П. [216-05-39]
- Королев Миша [269-38-18] 15-я Парковая, 26, кор. 2, кв. 90
- Ярустовский Б.М. Беговая, 13, кв. 32

Шостакович Д.Д. Неждановой, 8/10, кор. «А», кв. 23
Виардо Володя, ул. Семашко, 5, кв. 9
Нельсон Вольдемар [290-47-19]
Денисов Эдисон Васильевич [249-54-74] Студенческая, 44/28, кв. 35
Двилянский Мих. Абрам. [291-51-15]
Ядгаров Амнун, Душанбе, ул. Айни, 50/51, кв. 75
Кеворков Виталий, Краснодар 40, Вишневая, 2, кв. 64
Матвеев Валентин Сергеевич 223-883
Головин Андрей [295-92-05; 264-69-59] основ. [299-51-28] вечер
Tania Sell, Kirstula Hämeenlinna, Finland

«Нам придётся часто умолкать перед лицом неведомого»¹⁰.

13:30

...За окном летают первые снежинки. Их так мало и так они малы, что редкие люди заметят этих ангелов приближающейся чистоты.

Моя любимая совсем забыла сделать дарственную надпись на партитуре Девятой Малера, хотя и обещала...

...Всё-таки написала...⁹

Москва (дома), 14 сентября 1974 г., 09:00

Нельзя терять ни мгновения. Вот и теперь я подумал об Аринушке, и сразу же фиксировать всё на бумагу... слушаю хоралы Баха и ем пшённую кашу. С сегодняшнего дня не ем мяса.

Москва (дома), 17 сентября 1974 г., 16:00

Ирина временами совсем отчуждена. О чём-то думает, и меня словно не существует. Мои вещи валяются кучей уже две недели, а я не знаю, куда их деть...

Помогаю ей, как могу (ведь надо же много писать!), стираю, хожу в магазин, убираю квартиру и др., но недовольство её прорывается уже чаще, хотя повода с моей стороны никакого не было (разве только несколько слов по поводу её нарядов – наши вкусы не сходятся: я хочу, чтобы она одевалась красиво, модно, но как женщина... ей же нравится в свои тридцать с лишним лет походить на сопливую девочку. Впрочем, что я?.. пусть прыгает... если нравится).

Сегодня должен был закончить квартет, но какой там! Утром встал поздно (06:45), отвёл Генриха в сад, затем испортилось настроение от ругательств.

Когда стрелка подошла к 12 дня, взял сумки и пошёл в магазин: купил 20 кг картошки, 2 кг свёклы; 2 кг моркови; 2 кг лука и 2 кг петрушки. Домой вернулся в половине второго. До трёх кормил Владика и перекусил сам. Затем полчаса писал квартет. В три часа стирал рубахи и майки (свои), Генриха, ночную рубашку Ирины. Часть поставил кипятить, часть замочил.

Через час – вести Генриха в школу искусств – до 19:00, а вечером надо бы пописать... и, вообще, не пора ли мне бросать это неблагодарное сочинительство и поискать какую-нибудь службу...

Завтра:

- в 10:00 звонить Раймондасу.
- в 12:00 встреча с Даниловым (в консерватории).
- Взять ноты у Фридриха.
- Написать заявку (Союз композиторов СССР).
- Вернуть ораторию в Союз РСФСР.

19:20

Возил Генриха в школу. Не пошёл на урок, несмотря на уважение чужих мам и учительницы.

Пришлось вернуться.

Евреи... эта благороднейшая из наций... и страшно, что они гибнут, гибнут и будут погибать, если не физически, так душевно из-за тех несовершенных, скупых, злопамятных, чревоугодных, наглых, глупых, клеветущих, лживых, похотливых... ибо последние наводят ужасающую тень и на всю нацию, на весь народ.

Москва (дома), 18 сентября 1974 г., 03:00

...Понимаю, что она устаёт и потому нервничает, а я не могу вовремя промолчать, пусть даже и не по несправедливости...

Надо постоянно прощать её... ведь она единственная у меня и действительно любимая... и ко всему она слабая женщина...

08:30

...Отвёл Генриха в садик. Воздух чистый! Вот и пришла моя осень, а я ещё и не приступал к работе...

Домой пришёл в хорошем настроении. Ну, думаю, сейчас поработаю до 12:00... но не тут-то было. Моя жёнушка мигом согнала радость с моего лица единственной злобной фразой: «Расклеиваешь всё тут.. (т.е. эскизы), время не бережешь...»

Работать уже бессмысленно... достаточно для уныния такой вот мелочи... непонятливая душа и непонятная.

Москва (дома), 20 сентября 1974 г., 14:30

Только что звонил в министерство СССР по поводу заказа. Отказ. Сразу же созвонился с Хренниковым и попросил его содействия, но пока он уезжает: попросил позвонить после 30 сентября. Что же делать?.. Отказа следовало ожидать. От такой компании ждать лучшего не следует (никаких личных переговоров – только посредством звонка или бумаги свыше...). Ну, довольно о них...

Вчера виделся с Раймондасом: показывал Третий квартет. Встретил Володю Рябова и Валика Нельсона. Был у Галкина дома. Просит Концерт для баяна с баршаевцами. Предложил свою дачу для работы.

Москва (дома), 21 сентября 1974 г., 04:00

Принял душ. Моя любимая жёнушка спит... Видел её во сне. Будто живём в отдельном доме. Привезли из больницы маму: она похудела, и я что-то шучу по этому поводу.

Выхожу во двор, а там Шенты... сидят в беседке, и я слышу, как Шентиха говорит Виталию: «Ну вот, Золотарёв наконец образумился...» Выходит Аринушка и улыбается...

Москва (дома), 22 сентября 1974 г., 09:00

Вчера ездил на дачу Галкина. Смотрел. В общем дом понравился. Для работы удобен. Кругом лес. Сейчас еду в Сокольники взять для Галины Моисеевны вязальные спицы и лекарства.

Шаликово (дача Галкина), 24 сентября 1974 г., 19:45

Позавчера осмотрел ещё одну дачу – в Снегирях.

Значительно хуже место, хотя в доме приятная обстановка для работы.

Неподалеку дачи Щедрина, Хренникова и Хачатуряна. В общем, на крайний случай очень даже подойдёт, а пока здесь чудесно.

Изба, сложенная из брёвен, как я люблю... и торчит мох (т.е. пакля) из щелей между брусьями.

За окном лес, и поблизости никакого жилья. Дров много, и можно ходить с верёвкой в лес и собранный сушняк связывать. Колодец метров за 250, но и это ничего – прогуляться никогда не плохо. Вчера купил для компотов 10 кг слив, 10 кг сахару и виноград. Закрутил более десяти банок (3-литровых) – лакомство для детей. Вечером ездил с Владиком к Галкиным за ключами от дачи, а сегодня мне моя любимая жёнушка помогла собрать всё необходимое на первую неделю и проводила на электричку. Дала мне 2 банки тресковой печёнки, 2 банки сгущёнки, 2 пачки рису, 1 кг сахара, 1 бутылку подсолнечного масла, пачку пшена. Мука, горох и другое не вместились. С таким весом (около 40 кг) я шёл три с лишним км. Принёс два ведра воды, четыре балки дров. Сварил небольшой ужин, заварил чай и кофе.

Неподалеку хорошее место – три сосны растут треугольником, и среди них очень спокойно и сумрачно. Итак, начинаю работать.

Пока Вячеслав в поездке (на гастролях). Должен ещё раз навестить меня. Человек он, кажется, хороший...

Шаликово, 25 сентября 1974 г., 08:30

Проделал гимнастику (первый день) и обливание водой. Пока установил режим работы: с 08:00 вставать; в 04:00 ложиться. Пока без изменений. Погода стоит тёплая, сумрачно, скорее, пасмурно. Печь ещё тёплая, хотя топить перестал в первом часу ночи.

Работал над баянной симфонией.

Тщательно анализировал I часть Третьей Брукнера: форма и развитие материала (уже в экспозиции!) гениальны.

Вот у кого пропорции! Точнее бетховенских.

Шаликово, 26 сентября 1974 г. (четверг), 23:30

Сегодня дважды был в лесу. Заготавливал дрова. Около часа «караулил» белку, которая сидела на высокой берёзе, но так и не

поймал. Видел большую жабу. Слушал, как стонут и жалуются деревья...

Вспомнил Аринушку и детей...

Сейчас топлю печь и пытаюсь работать. Симфонии пока ни на шаг дальше, а мелочь неинтересна.

Жду субботу: должна приехать моя жёнушка.

Шаликово, 27 сентября 1974 г. (пятница), 06:00

Мой режим пока неустойчив: смещаются часы сна; конечно, продолжительность не более 4 часов, но если в первые сутки я лёг в 04:00, то во вторые в 02:00, а в третьи в 01:30.

Гимнастику после сна не делаю: только разминку. (Ивановский режим верный – гимнастика в середине работы, т.е. днём.)

Умываюсь на улице! Небо усеяно звёздами, и я долго вглядывался в эту зовущую и вечно любимую непознанность... Глубина! Выражение «Из бездны взываю» («Из глубины») надо переименовать: «Из глубины Вселенной». Ночь ещё не кончилась, хотя на часах 05:30... и поёт свою таинственную песнь.

Шаликово, 28 сентября 1974 г. (суббота), 07:15

Человек трудится не для себя – это наиболее верная мысль. Как только он начинает трудиться для себя, он мгновенно или со временем теряет интерес к этому труду и погибает нравственно и морально. Трудиться для кого-то или для чего-то – это вечный и, вероятно, неизблемый смысл человеческой жизни. Когда я думаю о слушателе, которому предстоит осмыслить моё очередное сочинение, то создаю более совершенное произведение, чем то, которое сочиняется якобы для себя. Или, например, делаю гимнастику не для собственного удовольствия (ужасающая роскошь во времени!), а для того, чтобы быть готовым к работе.

Впрочем, и музыку пишу уже не столько потому, что необходимо высказаться, сколько из-за любви к моей жёнушке.

Вчера снова заготавливал дрова. Печь топлю каждый вечер. Ночью снилось: читаю какую-то большую партитуру (будто бы 7-ю Малера) на баяне и испытываю ликующее наслаждение. Музыка

ещё стоит где-то внутри... записывать бессмысленно, уже не раз приходилось убеждаться в тщетности подобных иллюзий.

Сочиняю пока плохо. Вернее, никак. Вышел из формы основательно (после оратории ничего не написал ещё). Анализирую то, над чем работаю, т.е. две незаконченные экспозиции (3-я и 4-я концертные симфонии). Пришёл к удивительному результату: ни одной выпадающей ячейки из единого тематизма, а ведь сочинялось всё чисто интуитивно, без естественно-определённой работы над материалом... Над этим стоит поразмыслить... Оказывается, где-то внутри есть недремлющее око, которое занято строгим отбором материала для каждого сочинения в отдельности, и это око более верный помощник, нежели наша голова с нашей мишурной учёностью. Я давно подметил это (ещё в Камерной и Детской сюите № 1, в Партите, в Первой симфонии, в «Мартине Идене», в романсах)...

Потому-то много вещей незаконченных: недостаёт материала, который надо вызвать...

А чтобы вызвать, надо работать много, постоянно и, главное, с любовью... Трудиться каждое свободное (от мирского) мгновение... читать теоретические работы – и там есть полезное, но главное – находиться в том вдохновенном настроении, которое заложено в нас на каждый день, но мы не умеем пользоваться этим благодарением.

08:00

Фугато из Первой симфонии (Largo), Grave из Партиты и Largo из 3-й Сонаты (несмотря на некоторое различие в продолжительности и плотности фактуры) имеют одну важную особенность: все они излагаются (экспозиционно) имитационно (т.е. экспозиция фуги), но разработки везде опущены (эkleктичность) из-за идеи соединения западной и русской техники, т.е. после экспозиций (где, в общем-то, всё высказано до конца) и нет нужды пересказывать всё сначала то же самое: потому-то разработка как процесс – эkleктичен, ибо он уже доведен Бетховеном до совершенства и не вызывает того восхищенного трепетания в нашей душе только потому, что нам заведомо известно, как и что будет разрабатываться. Значит, я не зря избегал разработки в полифонических формах (а впрочем, и в гомофонных), словом, после экспозиционных построений моей

музыки всегда появляется кода или связующее звено к дальнейшей жизни имеющего настроения, ибо любое истинное произведение искусства отличается не техникой, нет (!) – оно отличается тем почти неуловимым для суждения и анализа тонким вдохновенным настроением, которое пережил творец.

И чем совершеннее, чем нравственнее миропорядок душевных горизонтов человека, тем и настроенческая атмосфера (как «звон воздуха», «музыка звёздных сфер») более привлекательна в своей сути, ибо она передаёт, словно перекинутый мостик между тем, у кого это настроение появилось, тем, благодаря кому оно появилось, и нами, и мы можем не только наслаждаться тем чарующим и, казалось бы, недостижимым, но и благодаря собственному осмыслению этого нашего наслаждения мы можем совершенствовать свои душевные силы, раздвигать их горизонты, и придёт время, когда ваша душа также протянет свои лучшие желания к тому невидимому мосту и соприкоснётся с удивительными ощущениями, всегда пребывающими в нас, но дремлющими до желанной поры. Итак, снова интуиция... вновь тот же трансцендентальный взгляд на собственные возможности.

Надо всегда и постоянно помнить об этом! А я всегда и постоянно забываю главное – то, из чего состою весь и во всём, что окружает меня.

13:00

Если ещё в XIX в. художники всех профессий включали в собственные концепции великую надежду на исцеление человечества, то XX век отнял последнюю подпору у истинных мастеров, оставив нам древнее «утешение» – страх, разбавленный отчаянием.

Если XIX век разрушил веру в Бога даже у самых религиозно настроенных художников, то XX век эту веру возвращает, ибо на страшном опыте (более полувека!) умные оценили главную опасность – бесчувственность.

17:30

Шёнберг предостерегал от органного пункта...

Что делать, я не могу отказаться от него, ибо избрал его для развития...

Большой септаккорд – самый распространённый у меня...
Одноголосие и подголосочная полифония.

Шаликово, 30 сентября 1974 г., 20:00

...Позавчера ушёл встречать Ирину. Прождав почти полтора часа, уже подумывал уходить, как увидел их всех (с Владиком и Генрихом), идущих по перрону.

Шли при луне... и вообще вечер был редчайшим.

На следующий день, позавтракав, мы все отправились в лес. Прогулялись очень хорошо. Работать мне не пришлось, но я уже отозлился, и нет охоты писать что-то дурное.

Сегодня я проводил мою жёнушку с мальчиками до отхода электрички. Затащила меня в магазин и купила ещё колбасы, чесноку, свежей рыбы, хлеба и несколько пачек супа.

Шёл назад хорошо. Накормил своего квартиранта – Шахманса (так я называл нашего кота), хотя Генрих с Владиком звали его Чебурашка.

Шаликово, 31 сентября 1974 г., 19:30

...Вчера вечером, когда возвращался со станции, выпала пломба с верхнего зуба.

Сегодня с утра ушёл в лес и бродил очень долго из-за головной боли. Нашёл семь грибов. Кажется, опята, но не уверен. Из берёзовых рощ попал в сумрачный еловый лес. Вдыхал аромат смолистой коры, и вскоре голова перестала болеть. Какие деревья! Могучие, стройные. Пни, заросшие зелёным мхом...

Видел рыжую белку...

Собрал много шишек и древесной смолы...

Такое чувство, что без этого чудного запаха не смогу работать. Проголодался страшно! Придя домой, зажарил рыбное филе, оставленное моей жёнушкой, запив крепким чаем, Шахманса также накормил (сырой рыбой).

Со времени отъезда Ирины ещё не работал, надо как-то найти компромисс в таких наездах...

Если бы не дети, то всё было бы прекрасно.

Шаликово, 1 октября 1974 г., 09:00

Несколько минут, как сел за стол записать пару строк, а может, больше. Ночью неплохо поработалось, хотя сочинил не более страницы школьной тетради и, вероятно, в корзину, но работалось хорошо.

Пока пишу, наслаждаюсь теплом из открытой дверцы горящего пламени... Звучит 4-я Сибелиуса...

Леонардо вдохновлялся, вызывая ансамбль музыкантов, а я люблю живопись и всё, что как-то передаёт природу без человека (далее фотографию). Только она может помочь вызвать вдохновенное настроение, ещё, конечно, множество моих аксессуаров.

(Сгорели мои сухари, которые покоились в духовке... жалко!)

Итак, аксессуары: часы Клавдии Ивановны, табакерка с книжечкой с пучком волос с головы Аринушки, подсвечники и многое другое. И обязательно теперь еловая смолистая жидкость...

Заготовил ещё немного дров. Теперь нашёл дорогу чуть ближе – через ров с водой, огораживающий дачи. Соорудил мост из небольших брёвен и ношу теперь прямо к самому дому.

Шаликово, 2 октября 1974 г. (среда), 18:15

Работается прекрасно. Кое-что настойчиво вертится в голове, а на бумаге пока ничтожный скелет...

Только что вернулся из леса, снова занимался своим каждодневным физическим трудом – заготовкой дров. Наряду с этим душевно отдохнул, хотя и устал. Нашёл чудесный корень берёзы, из которого на досуге в перерывах между работой хочу смастерить что-то интересное! Погода пока балует. Сегодня хотя и пасмурно, но тепло, даже солнце стояло около двух часов... Воздух прозрачный... хочется сидеть между вековых елей и берёз и думать о том, как всё-таки хорошо на Земле... без людей одному в лесу... жаль только, жёнушка никак не может оторваться от детей и быть со мной рядом.

Очень хочется написать то, над чем работаю.

19:00

Заварил кофе своим старым армейским способом и вспомнил Винцента... ночи напролёт в его мастерской среди готовых и нача-

тых полотен, рисунков; среди масел и книг. Помнится, тогда я писал свою «Критику реализма» и перечитывал много книг: Чернышевский «Эстетические отношения к действительности», «Антропология», Шеллинг «Философия искусства», Энгельс «Диалектика природы», «Анти-Дюринг», письма; Маркс «Критика готской программы», «18 брюмера» и др.

Мы топили печь и в печи кипятили воду для кофе и заваривали. Было вкусно.

Вообще, в связи с Третьей симфонией каждый день вспоминаю прошедшую жизнь. Запомнились только те мгновения, во время которых душа поднималась к высшему восторгу перед проявлением природы: леса, озёра, небо, звёздные ночи, тишина, метель, лунный свет, журчанье ручья, стук дятла, зов кукушки, запах хвои, древесной смолы, заиндевелые окна зимней выюжной ночью... и во всём таинственный трепет непередаваемого вдохновения. Как было чудесно! И как хорошо теперь! В своём одиночестве... в глухом лесу, в бревенчатой избе с печью и с тем же запахом хвои... но зимы ещё нет, хотя начал свой путь мой любимейший месяц – октябрь!

22:00

Массивный стол, без сукна, по-деревенски, тихо стою у самого окна, большого и светлого днём, но сейчас, ночью, оно поблескивает и мерцает иссиня-фиолетовым цветом, отражающимся не столько от горевшей восковой свечи, сколько от полной и, несмотря на позёмку, яркой луны. Чёрное, как ряса, небо усеяно скопищами звёзд и созвездий. Причудливые намёты снега и целые завалы возвышаются перед окном и обрастают ещё большей причудливостью с острыми эллипсоидными краями, переливаясь синеватыми с желтизной огоньками, будоража в душе несметное количество ассоциативных чувствований от чарующего восторга до беспредельной мечтательности, а то просто налетит печальным всплеском и исчезнет в дали душевных лабиринтов.

На столе много книг и нот. Здесь Пушкин, Гоголь, Толстой, Достоевский, Бунин... Бах, Брукнер, Рeger, Шостакович... В углу стоит шкаф со специальной литературой, а вдоль всей стены – стеллажи с художественной литературой. Рядом со шкафом – «Ригонда» по

одну сторону, по другую – небольшой диван для отдыха. Вот и вся обстановка. В этой комнате были написаны многие сочинения, а было всё это в далёком городе песчаных берегов, в долине с поэтическим названием – «Снежная».

Шаликово, 3 октября 1974 г. (четверг), 02:30

Ремесленник строит свои сочинения по уже готовым образцам, ибо у ремесленника отсутствует шкала воспоминаний, талантливый художник лишь изредка касается этой шкалы: чаще он живёт настоящим. Только гений постоянно пребывает в будущем: эти два мира для его взора как бы сливаются в один, давая лишь то, что пережил сам творец, и ничего чужого, инородного.

14:45

Регер. Adagio из вариаций на тему Моцарта очень тесно связано с поэмами по Бёклину... Такты даже словно переписаны с I и III поэм.

Как странно... прошло семь лет с той удивительной поры! Я был никому неизвестен, почти (...) все свои вещи, но так логично, смело, уверенно, что сейчас удивляюсь и завидую.

Тогда я постоянно пребывал в мире серьёзного одиночества, а теперь сижу и пишу с котом на коленях. Тогда курил сигареты «Ola Goold», «Filligo Mavvis», «Vinston», «Marlboro», «Шипку» и «Солнце», а теперь курю трубку («Нептун», с Золотым руно) непременно при свечах, а те (...). Тогда я работал только в чёрной одежде и непременно при свечах, а теперь работаю в козьей шубе и без свеч, пока нет, но Аринушка, наверное, привезёт. Единственное яркое отличие от той поры ещё тот случай, что тогда я не имел самого надёжного друга, а теперь есть – моя жена Ирина. Во всём остальном тот же метод работы и те же сомнения, быть может, ещё более одурманивающие, нежели тогда.

15:30

Я глубоко убеждён, что время таких композиторов, как Брукнер и Регер, ещё не пришло, не говоря уже об истинном понимании и чувствовании к музыке Шёнберга, Веберна и Берга... а что говорить о современниках (Ксенакис, Штокхаузен, Денисов...).

Если б я создал хотя бы нечто подобное Adagio Регера из вариации на тему Моцарта, я был бы подлинно счастлив...

Шаликово, 4 октября 1974 г., 05:00

– А..., – и он махнул рукой, – не могу, не могу... это вы всё бросьте. Хватит прибедняться.

Снились друзья юности (Сашка Шаповалов и другие).

21:00

Ирина не приехала... прождал ещё почти час и вернулся на дачу. Расстроен ужасно. Устал страшно и, вдобавок, голоден. Мысли разных мастей роятся в голове. Поставил воду на вермишель (что быстрее), если не засну, то надеюсь поужинать и спать.

Шаликово, 5 октября 1974 г., 22:40

Весь день размышлял: ехать или не ехать в Москву, но опять же таки фраза Ирины: «Не приезжай, мы сами приедем» сбивает с толку, тем более что в ночь перед отъездом она заболела. Вчера не догадался позвонить, а если б и догадался, то не взял денег. Нервничаю, и, быть может, поэтому не пишется. Если ехать завтра, то не знаю: нужно ли?

Но, вероятно, поеду. Из-за этого беспокойства ничего не делается.

Шахманс (или Чебурашка) лежит рядом и сосёт лапу.

Шаликово, 10 октября 1974 г. (четверг), 07:30

Позавчера разговаривал по телефону с Щедриным. Стал ещё неприятливее. Всё то же, но с каждым новым разом вижу его более худшим.

Денисову благодарен за Пеллеаса Шёнберга: партитура прекрасная!

Работал со времени приезда из Москвы ровно 40 часов с небольшим перерывом для дров и печки.

Больше не смог и вчера в 00:00 ночи свалился. Стал уже совсем слабый, а надо довести свой рабочий день до 60 часов без перерывов!

Снилось: озвученная репетиция моей оратории и симфонии, музыку заспал.

Странные мысли мелькают об Ирине. Написал ей в электричке хорошее письмо.

18:30

а) «Снежная долина». Соната № 2, Камерная сюита, Симфония № 1 – 1966-1967.

б) Томилино: Партита – 1968.

в) Провидение: «Мартин Иден», «Прощание» – 1969 г.

г) Асташиха: «Подражание Мусоргскому», виолончельная соната – 1970 г.

д) Воробьи: «Пять композиций» – 1971.

Москва, Консерватория: Соната № 3, «Диптих».

Иваново: «Испаниада».

Украина: Симфония № 2.

Иваново: Оратория.

Шаликово, 12 октября 1974 г. (суббота)

Осталось 13 дней до того, как ровно месяц я на Галкинской даче. Из той массы набросков, что были, очень немного дельного. За эти десять дней надо срочно подналечь на третью симфонию для Липса и, вероятно, закончить её как есть, чтобы взяться за «Северную».

По утрам уже иней, а ночи холодные, звёздные.

Шаликово, 13 октября 1974 г. (воскресенье)

Снова один... и хорошо, и грустно... грустно оттого, что снова уехала моя любимая жёнушка, так и не отдохнув из-за детей, а потом из-за приезда Галкина с семьёй, Волковичем и другими сажать фруктовые деревья.

Я, разумеется, сутки как не работаю и не могу работать...

Не знаю, как будет завтра, но сегодня знаю: не напишу ни ноты.

Шаликово, 14 октября 1974 г.

У истинного мастера нет случайностей: поэтому надо искать закономерности.

09:00

Снился Денисов... сидим в концертном зале... программа плохая, мы уходим. Гуляем где-то на берегу моря и беседуем.

Шаликово, 15 октября 1974 г. (вторник), 19:40

Зажёг свечи... Работается на редкость плохо: за двое суток не написал и страницы! Жаль, что нет со мной сейчас моей жёнушки, Большанского, Ивана, Фридриха...

Последнему несколько раз хотел написать письмо, но адрес за-был в Москве.

Слушаю органного Баха: Пассакалию с-moll и Прелюдию с Фу-гой g-moll...

18 ноября у Фридриха день рождения... надо что-нибудь закон-чить... Концертную симфонию № 3 – это именно то, что необходимо сейчас. Осталось тридцать с лишним дней. Я теперь совершенно теряюсь в тональной музыке, а симфония крайне тональна!

Фиолетовый цвет – символ вдохновения... Но какой цвет сейчас у меня? Где же моё вдохновенье?

Шаликово, 17 октября 1974 г. (четверг), 09:30

Сутки где-то пропадал кот...

Вчера не сочинил ни ноты; было противно. Занимался маслом... кое-что получилось, но ещё не закончил. Моросит мелкий дождь.

14:45

Прикуривал трубку от уголька и неожиданно вспомнил, как мать спасла меня почти мёртвого от угарного газа.

Работаю над «Испаниадой».

18 октября 1974 г., 02:45

Работается хорошо. Хотя сочиняется и не очень прилично, но, слава Богу, настроение уравновешенное. Всё время думаю о моей жёнушке и о том, что надо заработать денег.

Поставил в чугушке воду для какой-нибудь еды. Дверца печки открыта, и огонь всех цветов и оттенков играет на лице. Красиво и хорошо!

Москва (дома), 20 октября 1974 г.

Снова старые упрёки Ирины по поводу всё того же... Снова не-довольство и раздражительность.

Илья Эренбург «Мой Париж».

«Проблемы портрета» (Материалы научной конференции. 1972 год).

Государственный музей искусств имени Пушкина (Москва, 1974).

Иконографический подход к портрету. История в лицах.

Гиппологический подход... образ человека в искусстве. Рисунки Матисса к поэме П. Реверда «Образы».

Рембрандт, Франс Хальс, Гойя, Веласкес, Вермеер.

Москва (дома), 21 октября 1974 г., 09:00

Произведение искусства – это окно в мир.

«Гармония картины требует, чтобы художник кончил в том же ключе, в каком начал...» (Шефтсбери).

Шаликово, 23 октября 1974 г., 20:00

При свече хорошо, а когда ещё топится печь и ты сидишь в шубе, в валенках, пьёшь крепкий кофе, то на душу нисходит неповторимое блаженство отдохновения перед работой.

Приехал час назад. Термометр (в доме) показывал +6°. Теперь красный столбик дополз до +10°, но всё равно ещё холодно. Слушаю 80-ю кантату Баха – любимейшая кантата...

Мой кот Шахманс прибежал тут же, как только позвал. Накормил его свежескупленной рыбой, положенной в рюкзак моей жёнушкой.

21:00

Столбик поднялся до +13°.

Чувствую себя превосходно! Написал XIV медитацию. Жду, пока просохнет тушь.

Печь накалилась докрасна, а Шахманс лежит на коленях перед открытой дверцей и мурлыкает, зажмурившись. Наголодался он, бедняга, за три дня – вот и блаженствует.

Дома (в Москве) всё хорошо пока.

Разговаривал с Щедриным по телефону насчёт симфонии. Обещал послушать после праздников. Денисову не дозвонился. Говорил с Лондоновым насчёт публикаций. Получил в сберкассе гонорар – 25 руб. Купил красок – очень доволен.

Шаликово, 24 октября 1974 г., 11:15

Вчера работал до 05:00. Спал до 09:00. С +22° столбик спустился к +17°. Напилил и нарубил дров. Дождь льет, не переставая, со снегом. Первый день (после гимнастики) обливался дождевой водой на улице. Делать это каждодневно.

Шаликово, 25 октября 1974 г., 21:00

Работал как вчера. Заготовил ещё дров. Принёс воду. В лесу поймал большую мышь. Принёс Шахмансу, но есть её он не стал, а только поиграл с удушенной. Кое-что проясняется с Сонатой № 4, Партитой, Испаниадой, но это кое-что пока дымчато.

Сегодня, как и вчера, обливался по пояс на улице. Ем раз в сутки (перед сном), обычно каша с маслом и луком (вчера жарил треску). До полудня пью только чай с вареньем или сахаром. Ближе к вечеру перекусываю сухарями, которые сушу в духовке на противне. Сегодня впервые дышал глубоко. Хватило только на три раза. Дыхательную гимнастику делать обязательно!

Погода предзимняя... ветер, дождь. Стало холодно, но холода ещё появятся⁹.

27 октября 1974 г. (воскресенье), 00:30

Северная симфония. Начинается с подвижного кластера. (Ночь... и доносящийся шум ручья... Рассвет... пение пуночек – Весна.)

Творчество художника – это его переживания; переживания человека, ввергнутого в бездну одних загадок, человека, стремящегося к познанию и уяснению причин, следствием которых является кардинально законченное произведение искусства.

Удивительно перекликаются интонации Скрябина из «Предварительного действия» с Бергом из Воццека и даже с Дютыйё (балет «Волк»), с Хенце («Камерная музыка»), Чюрленисом, Шёнбергом и т.д.

По музыке Скрябин очень религиозен в истинном понимании этого значения.

Вдохновение приходит к тем, кто постоянно думает о нём.

Приближение вдохновения всегда подаёт знак – в любых обстоятельствах удивительная умиротворённость, ощущение силы, ясность в чувствах, возвышенность настроений.

12:00

Режим сохраняю. Гимнастика и обливание водой. Вчера к 00:00 захотел спать, но, подышав 15 минут, продолжил работу до 06:00 в прекрасном самочувствии. Заснул в 07:00. Встал в 10:00. Напилил дров. В перерывах мараю холсты. Краски теперь есть и неплохие.

Шаликово, 28 октября 1974 г. (понедельник), 12:00

Лёг вчера в 06:00. Встал сам без будильника в 10:00. Гимнастика и обливание те же (отжим на руках – 13, на каждой ноге – 8 раз). Добавил упр[ажнения] с бруском.

Шаликово, 29 октября 1974 г. (вторник), 12:00

Вчера писал чистовик Сонаты № 4: закончил экспозицию и начал разработку. Сочинять совершенно не мог и промучился до 05:30. Ужинал дважды, и последний раз перед сном.

Поднялся по звонку будильника в 10:00. Снова те же обязанности по делу, гимнастика, холодная вода.

Сегодня впервые купался (в плавках) в канавке, которая протекает у леса.

Самочувствие со вчерашнего дня плохое. Встал разбитым, вероятно, от недосыпания. Всё тело ноет, особенно руки, наверное, уже порядком переиграл, но назад пути нет. Посмотрим, что получится.

В лесу тихо и туманно... листья все облетели, только редкие, оставшиеся и уцелевшие от порывов ветра, дрожат пятнами на верхушках осин и берёз. После дождей кругом сыро, но тепло.

Шаликово, 30 октября 1974 г., 11:00

Вчера снилась Ирина, Большанин, Шенты.

Лёг вчера в 04:00 – будильник разбудил в 09:00. Напилил и наколот дров. Принёс ещё два бревна из леса. Прodelал гимнастику, выкупался. Сегодня снилось разное, и Кошелев в придачу, кстати, не такой отвратительный, каким я запомнил его, но терпимый, миролюбивый.

Мой режим на ноябрь:

09:00 (10:00) – Подъём, дрова, вода, чистка зубов, печь, гимнастика, купание, дневник, чай.

11:00 (12:00) – Работа.

00:00 – (Дыхательная гимнастика).

00:30 – Работа.

05:00 (06:00) – Отбой (Сон).

Многие думают, что произведение искусства создаётся художником сразу, без отрыва, но редко кто знает, как годами лежат какие-то отрывки, мельчайшие наброски, даже большие эпизоды, чтобы однажды вдруг так запросится к оформленному завершению, что художник очень быстро компоует огромные полотна, а потом все поражаются: вот, мол, Чайковский сочинил «Пиковую даму» за 43 дня, а Россини «Цирюльника» – за две недели, но никто не знает, что они, быть может, всей своей жизнью готовились к этим вещам.

Шаликово, 31 октября 1974 г. (четверг), 12:00

Несносно болит палец. Прodelал всё, что делаю ежедневно: дрова, гимнастика, купание. Вчера трудился до 04:30. То засыпал, то вскакивал, бил себя по лицу, пил кофе, дыхательная гимнастика, но до 05:00 досидел. Написал три листа Испаниады, всё остальное – мелко.

Сейчас чувствую себя скверно. И это после гимнастики с купанием! Во всем теле вялость, всё ноет, короче – недомогание. На улице похолодало. Дует ветер. Наверное, скоро снег. В субботу должна приехать моя любимая жёнушка. Уже соскучился, хотя разбитый весь, недовольный собой, болезненно настроенный.

Шаликово, 1 ноября 1974 г. (пятница), 06:30

Снился Лесной. В каком-то учебном заведении я сдаю экзамены. Он ко мне очень расположен и во всём помогает. Снился Реджинальд с Алексеем – говорили о Нагаеве – нехороший он человек.

Снилось много разного, и всё, кажется, по-хорошему (мы работаем). Сделал небольшое отступление в работе, вчера не мог работать и от усталости свалился спать в 00:00. Сейчас чувствую себя чудесно: бодро, даже шучу с котом и насмехаюсь над собой. Растопил

печь. На улице морозно, но снега нет. Звёзды словно тают и растворяются в чёрной синеве светлеющего неба. Полная луна стоит высоко над лесом («Над лесом полная луна»). Из трубы моего убежища веет дымок, и на душе так хорошо, так чудесно, что кажется – жил все эти дни в дурном сне: вероятно, от недосыпания в первую очередь.

Шаликово, 3 ноября 1974 г. (воскресенье), 16:00

Вчера разбудил голос Галкина. Привёз ноты, взятые у Эдика Митченко, немного закуски и бутылку «Экстры». Гимнастику, конечно, не сделал, дров не заготовил и не купался. Показал ему экспозицию 4-й сонаты, эпизоды 3-й симфонии, Испаниаду (Испанскую рапсодию).

В 18:30 пошли на станцию: он – уезжать в Москву, а я – встречать свою жёнушку.

Но жёнушка не посчитала нужным приехать, и я один, страшно усталый, еле доплелся до своей дачи через грязь и лужи сквозь темень непроглядную. Устал так, что заснул, не раздеваясь. Спал мерзительно много: по подсчётам, около 14 часов!

Это значит, что теперь двое суток подряд буду работать и часть третьих.

Сегодня заготовил дров (хорошая сосна и толстая берёза): аромат от распиленных и наколотых дров чудесный! Сделал гимнастику и купался в озере. Вскипятил чай: налил термос и в заварной чайник. Свечи мои оплыли, но ещё на ночки две хватит. Галкин сообщил, что Ростропович покинул пределы государства совсем или до тех пор, пока государством, а значит, и искусством не перестанут руководить дурные головы. Подарил мне баянные ремни.

Умер Ойстрах... и старуха Фурцева... – как сейчас пойдут дела – неизвестно.

Шаликово, 4 ноября 1974 г., 11:45

Заготовил дров. Сделал гимнастику, купался в озере – чувствую себя пока прилично.

На завтрак съел бутерброд с маслом, запив чаем. Думаю поработать до 6 ноября и домой: хотелось бы закончить Испаниаду и Сонату (Партиту вряд ли успею: первая часть ещё не закончена).

Очень соскучился по своей жёнушке – Аринушке – и не пойму: почему она не приехала в субботу?

Печь топится исправно: дрова чудесные – берёза, сосна; осина дымит, но тоже хороша.

Перед работой курю свою трубку и слушаю, как дождь шуршит по крыше. Собрал дождевой воды – кипячу чай.

Вчера ещё раз по партитуре и с пластинки анализировал «Пеллеаса» Шёнберга. Часто слушаю «В лесу» Чюрлёниса – замечательный композитор.

Шаликово, 5 ноября 1974 г., 11:30

Уже совершенно не могу работать из-за мыслей об Ирине. Надо ехать в Москву, домой, и весьма срочно, сегодня же вечером электричкой.

Испаниаду закончил наконец: осталось дописать коду. Партию и Сонату не закончил. В Партите написана первая часть и куски остальных: в Сонате пока экспозиция, начало разработки, эпизоды других частей. Над симфонией эти дни не работал.

Как бы там ни было, но до Нового года с баянной музыкой надо развязаться: две симфонии, Четвёртая Соната, Вторая партита, *Perpetuum mobile* и, если удастся, Пятая детская сюита.

С Нового года вплотную сесть за ораторию «Времена года» и параллельно работать над «Северной симфонией», «Мартинном», «Дионисием», «Оводом».

Сегодня гимнастику делал не полностью, не купался из-за небольшого насморка; болит шея.

Москва (дома), 6 ноября 1974 г., 06:00

Дома всё-таки спокойно и хорошо! Слава Господу, что ничто не болит. Родители прислали в посылках много фруктов и варенья. Моя жёнушка по-прежнему ходит в бассейн, похудела.

Москва (дома), 7 ноября 1974 г., 09:00

Всё без изменений. После завтрака Ирина с детьми ушла в кино. Я хочу закончить чистовик Испаниады.

За окном снег... кажется, первый.

Москва (дома), 8 ноября 1974 г., 05:00

Снилось разное и много... но более всего – Север: море, льды, снег, красно-багровое заходящее солнце, я еду куда-то на собачьей упряжке... позёмка...

Вчера мы с жёнушкой весь день трудились: я писал Испанияду, Ирина готовила обед, вечером стирала: я хотел помочь, но из-за больного пальца такого разрешения на разрядку не получил.

Шаликово, 10 ноября 1974 г., 17:00

Итак, за все свои труды, за все свои бессонные ночи я был вчера вышвырнут за порог дома моей женой за то, что я после сочинительской работы и с гноящимся пальцем не мыл посуду, не стирал и не гладил, за то, что я ел тот хлеб, который «не зарабатываю», и т.д., и т.п. Это ещё один урок! Приехал на дачу – температура нулевая.

Печь дымилась около часа, прежде чем разогреться.

Кругом снег... снег... снег... и я, всеми брошенный, больной, пока совершенно неработоспособен.

Третья симфония Чайковского... сразу вспоминается 1962 год, когда я увлекался этой музыкой. Время незримо мчит в неизвестное, появляются новые привязанности, старые окрашиваются в цвет лучших воспоминаний ушедшей молодости, юности.

Сколько страсти перегорело, сколько мыслей погребено! И я уже тридцатидвухлетний мужчина, а не двадцатилетний юноша, всем восторгающийся и мечтающий о несбыточном.

Теперь я постоянно курю свою любимую трубку, и улыбка совсем не посещает складки потрескавшихся губ.

Печь топится давно, а температура выше 12° не поднимается.

19:00

Никто не знает, как я живу! А живу я страшно! В холоде, в го-лоде и одиноке.

М.Ф. Орлов – вернулся в Россию в 1816 г. (окончательно).

У него было всё: молодость, знатность, богатство, расположе-ние царя, открытый и смелый характер, прекрасная, представитель-ная наружность.

«А чтобы быть счастливым, ты знаешь, мне уже давно не нужно ничего другого, как не быть несчастным» (Орлов – сестре, из Киева).

«Да где же порок? Скажите, что дурно, – я исправлюсь» (Орлов – друзьям).

«Эти люди везде и всегда одинаковы. Хулители всего нового, враги света и стражи тьмы, они – настоящее исчадие средневекового варварства... они гонят свободомыслие, писания... наконец, наша история полна их усилий, старания, чтобы вернуть его к прежнему невежеству и оградить от вторжения наук и искусств» (Орлов).

Янушкин, И.И. Дмитриев, Вяземский, А.И. Гурченев, А. Раевский, А. Волконский, Охотников, Н. Тургенев.

В середине мая 1820 г. Раевские взяли с собою Пушкина на кавказские воды (4 месяца).

19:25

Как я хочу закончить всю эту баянную чепуху, чтобы приняться за сочинения, которыми живу постоянно!

«Пушкин больше не корчит из себя жестокого, он очень часто приходит к нам курить свою трубку, рассуждает или болтает очень приятно. Он только что кончил оду на Наполеона, которая, по моему скромному мнению, хороша, сколько я могу судить, слышав её частью один раз» (Екат[ерина] Ник[олаевна][Орлова] – брату (конец 1821 г.).

19:45

И всё-таки меня не сломить. Всё, что мне дано создать, я создам, несмотря ни на что!

Мне поможет в этом мой Бог! Ибо я верую в Него!

20:00

Оратории пушкинского «Демона» послужил образ Александра Раевского (сына).

* * *

Неистощимой клеветою
Он провиденье искушал,
Он звал прекрасное мечтою,
Он вдохновенье презирал.

Не верил он любви, свободе,
На жизнь насмешливо глядел –
И ничего во всей природе
Благословить он не хотел.

А. Раевский был страстно влюблён в Воронцову и подставил Пушкина, который не замедлил влюбиться также...

* * *

В дверях Эдема ангел нежный
Главой поникшею сиял,
А Демон мрачный и мятежный
Над адской бездною летал.

Дух притесненья, дух сомненья
На духа чистого взирал,
И жар невольный умиленья
Впервые смутно познавал.

И ты недаром мне сиял:
Не всё я в мире ненавидел,
Не всё я в мире презирал.

А заодно обратил на себя всю подозрительность и ненависть мужа.

В январе 1825 года состоялась свадьба С. Волконского с Марией Ник[олаевной] Раевской, сестрой Александра.

20:30

Слушаю Лядова «Из Апокалипсиса», «Про старину», «Бабу-Ягу», «Волшебное озеро», «Восемь русских народных песен», «Кикимору» и др. – великолепные миниатюры!

Я уже не сержусь на тебя, моя милая, моя любимая... Аринушка! ...но то, что я в горячности сказал на поспех, – это страшно! – от этого нет сил моих отказаться... и что станет со мною, если я откажусь от этих жутких, потрясающих душу слов?!

21:30

О, русская душа! Её попирают, гонят, унижают, а она говорит: простите, я виновата, хотя вина её в том, что она чиста и трудолюбива!

22:45

Брат Марии Волконской (Раевской), а также вся её семья тщательно скрывали от неё приговор и день отбытия на каторгу Волконского, но, как это и бывает, сообщили ей с опозданием в надежде, что она переплачет горе и не последует вслед за мужем... случилось же обратное: Мария поехала через Москву, пробыв здесь два дня; здесь, 26 декабря, Зинаида Волконская устроила для неё музыкальный вечер, где был и Пушкин:

* * *

Печальна была наша встреча. Поэт
Подавлен был истинным горем.
Припомнил он игры ребяческих лет
В далёком Гурзуфе над морем.
Покинув привычный насмешливый тон
С любовью, с тоской бесконечной,
С участием брата напутствовал он
Подругу той жизни беспечной;
Со мной он по комнате долго ходил,
Судьбой озабочен моею.
Я помню, родные, что он говорил
Да так передать не сумею:
«Идите, идите! Вы сильны душой.
Пусть мирно свершится ваш путь роковой,
Пусть вас не смущают утраты!..
Поверьте, душевной такой чистоты
Не стоит сей свет ненавистный.
Блажен, кто меняет его суеты
На подвиг любви бескорыстной!»

Кто в наше время способен на такую любовь! О Господи! За что ты так мучаешь настоящих людей, Твоих братьев по крови!

Неужто нужна такая жертва, чтобы наконец удовлетворить вопли поверженных в прах!

23:00

«Ты не совсем справедливо судишь, мой друг, Катенька. И ты также несколько подвержена экзальтации, но энтузиазм в некоторых случаях, до некоторой степени есть дар Божий, переступая же черту, обращается в сумасшествие» (Раевский – Катенька, 20.III.1827).

23:30

А.Ф. Орлов выбрал для брата время ходатайства, когда царь шёл приобщаться.

Герман был прав, когда говорил, что если Орлов не попал в Сибирь, то это была не его вина, а его брата. («Орлова следовало бы повесить первым», – слова Николая, со слов Розена.)

С 30-х годов всех ближе Орлов был с Чаадаевым. У него часто бывали Герман, Пушкин...

Шаликово, 11 ноября 1974 г., 00:00

Сейчас непонятно, в чём и где русская культура... Раньше, несколько более века назад, она заключалась в таких, как Достоевский, Толстой, Лесков, Чайковский, Мусоргский, Чехов и им подобные, а теперь непонятно, где такие люди и есть ли они?

И можно что противопоставить им, как ранее могли противопоставить Пушкина – Фонвизину и Ломоносову; Гоголя – Грибоедову и Гончарову; Достоевского – Некрасову и Тургеневу; Мусоргского и Чайковского – Глинке и т.д., и т.п.

00:45

Брукнер – Третья...

Слава Господу, я ещё могу писать! Какая прекрасная музыка! Любимейшее Адажио!

«Возвращённый из ссылки, но не прощённый, он был в очень затруднительном положении в Москве... он окружил себя небольшим кругом знакомых и проповедовал там свои теории; главное лицо по талантам и странностям занимал в этом кругу Чаадаев...

Орлов терялся: то казался Кающейся [Марией] Магдалиной, то вдруг появлялся на балах в то время, как его товарищи мучились на каторге.

Орлов умер в Москве в 1842 году 18 марта, в день сдачи Парижа. «Здесь покоится прах ген[ерал]-м[айора] М.Ф. Орлова... и т. д.» – написал Чаадаев. (Чаадаев его очень любил!)

«Вот самая удивительная женщина, какую я видел» (сказал старик Раевский одному из своих друзей, глядя на портрет, висевший в его комнате).

Топится печь (дрова всё труднее заготавливать), варится уха из какой-то рыбы. Кот спит, сытый и умытый. На улице оттепель. Вчера с крыши «съезжал» снег, и я от неожиданности испугался, но потом сообразил, что к чему.

Книга песней Соломона.

Шаликово, 13 ноября 1974 г., 09:15

Снился сон: моюсь в бане.

15:30

Заготовил дров на несколько дней. Первый день, как обтирался снегом. Какая красота и удовольствие умываться белым, «как снег» снегом!

Шаликово, 14 ноября 1974 г. (четверг), 15:15

Первый день купался (после Москвы). Вчера приехал Саша Нагаев. Моя жёнушка, на которую я уже совсем не сержусь, прислала мне рюкзак с провизией. Сегодня мы вместе заготовили дров.

Вот уже два месяца не ем мяса, кроме рыбы.

21:00

Слушаю сюиты Баха для виолончели solo – великая музыка!

Нагаев лёг спать: устал и переутомился. Ему надо много работать, чтобы найти свои две руки, которые я нашёл десять лет тому назад. Я слабо верю в него, но верю и хочу ему помочь всем, чем могу.

Книга пророка Иеремии.

Шаликово, 15 ноября 1974 г., 10:15

Не работаю, потому что не один... надоело страшно! Но что делать? Потерплю!

15:30

Сделал гимнастику, искупался в озере.

Шаликово, 16 ноября 1974 г., 15:00

Срубил большую берёзу с разрешения сторожа (для дров). Как и прежде, гимнастика, купание. Палец не заживает, кажется, сходит ноготь, но чувствую себя хорошо, хотя работать по-прежнему не могу. Кроме чтения Библии и выписок из неё, ничего не делаю. Погода стоит нехолодная. Снег сошёл, и снова сухая земля.

23:30

На небе ни единой звезды... мороз, а у меня тепло, и жарю я рыбу, которую передала для меня моя любимая жёнушка, которая часто обижает меня, но также часто милует и доставляет радость...

Книга притчей Соломоновых
«труд и отречение»!

Шаликово, 17 ноября 1974 г., 10:15

Принёс два бревна берёзы и два бревна осины. Как вчера, так и сегодня гимнастика, купание. Чувствую себя вроде неплохо. Земля стала ещё суше, и температура держится плюсовая. Поеду сегодня в Москву на последней электричке.

Москва (дома), 18 ноября 1974 г.

У нас преподают так, что студенты больше забывают, чем узнают. Всецело погрузились в жалкие интересы домашнего благополучия и чиновничьей карьеры.

«Повинуюсь необоримому влечению такой великой силы, толкающей меня к неизвестной цели, которая виднеется мне в будущности туманной, сомнительной, но прелестной... людей без Бога, без верований, живущих лишь для того, чтобы копить деньги и откармливаться, как животные... насыщенные деньгами, крестиками и всякой мерзостью!...

Я погрузился в моё отчаяние, я замкнулся в одиночестве моей души, я избрал себе подругу столь же мрачную, столь же суровую, как я сам... Этой подругой была ненависть!..

Между тем мои мнения окрепли. Они приняли форму жестокую, суровую, пуританскую... То была живая вера, слепое, непоколебимое, фанатическое убеждение, то убеждение, которое посылает своих верных умирать на поле битвы, на костре, на плахе...

Провидение никогда не обманывает. Семена великих идей, бросаемые ими в нашу душу, всегда суть верный залог прекрасной жатвы» (Печерин в письме графу Строганову 23 марта 1827 года из Брюсселя).

Москва (дома), 19 ноября 1974 г., 10:00

Был вчера с Ириной у Липсов. Кроме нас были приглашены Вострелов с женой, Толмачёв с женой, пришла жена Пурица. Взял из Союза партитуру своей симфонии. Говорил по телефону с Щедриным, посоветовал мне приобрести книгу Лебедева (о древнерусской живописи) в связи с моим Дионисием⁹.

Вл. Золотарёв – И. Кошелевой

29 ноября 1974 г.

Ирина, милая!

Я совсем замотался и не успел ничего сделать: ни посуду помыть, ни прибраться в доме. Картошки нет в магазине. Будет утром, и я куплю. Вытащил мясо, чтобы готовить из него тебе на ужин, и, как видишь, не успел – срочно еду в Союз, беру ораторию и к Хренникову в консерваторию. Целую, твой муженёк³.

Москва (дома), 20 ноября 1974 г., 06:45

Снилось: живу в какой-то глуши, в избе. Приезжает Большанский. Едем на поезде (почему-то в Хабаровск). Якобы в Омске сошёл и отстал от поезда. В темноте шёл через пути, неожиданно выскочили какие-то люди, я вскрикнул от боли: в живот, у самого паха, вонзился брошенный нож, который я, нащупав, вытащил, но упал и проснулся.

Шаликово, 16:00

Вчера был у Хренникова в консерватории. Говорил насчёт договора на третью симфонию по линии министерства СССР.

В следующий вторник надо поиграть ему всё это, а так не знаю, какой будет результат.

Весь класс показался мне каким-то совсем ученическим, и если раньше как-то с уважением относился к Саше Чайковскому, Тане Кажяевой, Мише Броннеру, то на этот раз, кроме досады, никаких чувств не проявилось. Всё мелко, убого; и совсем не то, к чему иду я.

Шаликово, 21 ноября 1974 г. (четверг), 16:30

Вчера и сегодня купался. Когда был в Москве, то принимал холодный душ. Чувствую себя неплохо. Сегодняшним утром в (05:00) начал партитуру третьей симфонии.

Шаликово, 23 ноября 1974 г. (суббота), 12:45

Снег не тает. Не прерываю гимнастику и купание, впрочем, сегодня заменил купание снегом: в плавках и босиком попрыгал по снегу, затем натер себя и в заключение умылся снегом же. Топлю печь, курю трубку и обдумываю эпизод партитуры. Сегодня должен поехать в Москву.

Прав Толстой: музыка – это молитва души.

14:00

Очень скучаю по моей милой, но с этим тружусь над партитурой...

Москва (дома), 24 ноября 1974 г.

Лучше умный недруг, нежели глупый товарищ.

Москва (дома), 25 ноября 1974 г.

Много знать так же вредно, как ничего не знать.

23:00

Звонил сегодня по поводу компаньона для читки моей партитуры в четыре руки. Пока никого не объявилось. Кирилл Волков пригласил на свой концерт в Большом зале консерватории. Завтра встреча с Галкиным у нас дома и с Никольским (из МХАТа), если состоится.

Москва (дома), 27 ноября 1974 г.

Вчера приехал Вячеслав. Я проиграл ему всю Вторую симфонию, несколько медитаций и Четвёртую детскую сюиту! Просидели до обеда, выпив по две чашки чая, я проводил его на троллейбус.

Вечером я играл в консерватории Хренникову и другим ораторию «Ex libris» и Вторую симфонию (ораторию за роялем со своими колпачками, симфонию – на баяне).

Вячеслав (Галкин) приехал также. Надо зайти ещё в Союз через неделю: не знаю для чего (просил Хренников).

Кирилл (Волков) пригласил сегодня в Большой зал консерватории: исполняют его концерт для оркестра, но Ирина снова в своём репертуаре – портить всё ранее задуманное. И в результате я, собиравшийся с ней поехать, так и не поехал – злой ужасно!

Шаликово, 29 ноября 1974 г., 19:00

Холод страшный. Заготавливаю дрова.

Шаликово, 30 ноября 1974 г., 19:00

Приезжал Галкин. Я помог ему обложить и перевязать фруктовые деревья. Проводил час назад. Пока всё без изменений. Сегодня первый день, как не делал гимнастику. И не купался. Завтра надо проделать двойную гимнастику с купанием. Слушаю Шёнберга, Айвза и Хенце.

Печь уже прогорела. Через несколько минут закрою трубу. Сижу в шубе, курю и пишу. Матовый свет от восковых свечей приятно освещает мой стол.

20:00

Странное состояние овладело мною... Хочется написать много прекрасных слов людям, которые сделали для меня столько хорошего. И в первую очередь моей любимой жене – Аринушке! «Да святится имя твое!..» «Да сбудутся желания твои!..» «Да будет счастье тебе!..»

Моя любимая! Моя единственная! Моя самая родная!..

Шаликово, 1 декабря 1974 г., 15:00

Сегодня купался после рубки дров и гимнастики. Ледок пришлось колоть топором, но вода показалась мне не такой холодной, как раньше.

20:00

Симфония – это форма, где композитор может выразить свой облик в совокупности с окружающим его миром...⁹

Вл. Золотарёв – В. Большанину

Москва, 1 декабря 1974 г.

(...) Сколько слёз выплакал я, и неведомо никому... Сколько витых петель забросил я... никто не знает...

Все думают, Золотарёв – подлец, фантазер, неблагодарный человек и т.д. и т.п., а Золотарёв, сжав зубы, весь оборванный и окровавленный, ползёт в расщелинах между скал к своей заветной вершине, с которой открывается вид на чудесные миры Вселенной. (...) ⁹

Москва (дома), 4 декабря 1974 г., (утро)

Несколько дней назад мне приснилось, что я купался в реке, которая была грязна ужасно, даже заплывал в такие места, где был один ил, одна грязь. Видел каких-то странных животных, которых испугался. Также привиделось: Ирина просит бумажник, в котором деньги, а я не даю.

Только что встал, хотя ложился в 23:00, затем в 02:30 встал, работал над Библией. Затем в половине шестого лёг, и вот теперь 08:00.

Снился Магадан. Словно иду в училище в резиновых сапогах, которые все в грязи. В чистой воде бегущего ручья смываю грязь, иду дальше.

Моим глазам открывается прекрасный вид: где раньше была дорога, теперь течёт небольшая речушка (вниз), обрамлённая кирпичными арками, колоннадами и всевозможными украшениями.

Москва (дома), 7 декабря 1974 г., 23:30

Был у Денисова. Вернул Брамса и «Пеллеаса» Шёнберга. Взял «Wozzeck»(а) А. Berg'а.

Москва (дома), 8 декабря 1974 г.

В.С. Печерин в 27 лет – профессор греческого языка и древностей в Московском университете.

Через год он уехал за границу и не вернулся... Происхождения – дворянского. «Когда теперь припоминаю тогдашний Петербургский институт, то так и руки опускаю. Ведь действительно никакое самостоятельное развитие не было возможно. В преподавании не было ничего серьёзного: оно было ужасно поверхностно, мелко, пошло».

«Студенты заучивали тетрадки профессоров, да и сам профессор преподавал по тетрадкам, им же зазубренным во время оно» (Печерин).

«Мечты против деспотизма... всякая духовная жизнь замерла под гнётом железной руки, и утопические мечты, ещё тлевшие в немногих умах, должны были постепенно угаснуть среди безнадежно-печальной действительности» (М. Гершензон. «История России»).

«Сначала мы судорожно рвались на свет. Но когда увидели, что с нами не шутят, что от нас требуют безмолвия и бездействия, что талант и ум осуждены в нас цепенеть и гноиться на дне души, обратившейся для них в тюрьму, что всякая светлая мысль есть преступление против общественного порядка, когда, одним словом, нам объявили, что люди образованные считаются в нашем обществе париями (и т.д.), – тогда всё юное поколение вдруг нравственно оскудело. Все его высокие чувства, все идеи, согревавшие его сердце, воодушевлявшие его к добру, к истине, сделались мечтами без всякого практического значения, а мечтать людям умным смешно» (Никитенко, 1834 г.).

«...Это была прекрасная рукопись... X или XI века. Сколько я над нею промечтал! Я воображал себе (усердием) бедного византийского монаха в чёрной рясе – с каким усердием он заполировал и разграфил этот пергамент! С какою любовью он рисует эти строки и буквы! А между тем, вокруг него кипит бестолковая жизнь Византии, доносчики и шпионы снуют взад и вперёд; разыгрывают всевозможные козни и интриги придворных евнухов, генералов и иерархов; народ за неимением лучшего тешится на ристалищах, а он, труженик, сидит да пишет... вот единственное убежище от деспотизма: запереться в какой-нибудь келье, да и разбирать старые рукописи» (Печерин).

Что после смерти – то после смерти, а что при жизни – то при жизни. V.Z.

Москва (дома), 10 декабря 1974 г., 09:00

Вчера был на концерте Джордана Паннаставру в зале иностранной комиссии Союза композиторов СССР. Людей было немного, да и те, что были, – не мои: Солодухо, Мартынов... и т.п.

В программе пианиста:

- Воллингфорд Джайггер (1885–1961) – «Четыре звуковых картины» (1939);
- Карл Рагглз (1876–1971) – «Воспоминание» (1940);
- Генри Коуэлл (1897–1965) – «Материя» (1917), «Тигр» (1928);
- Чарльз Айвз (1874–1954) – Конкордская соната (1905–1916);
- Эмерсон Хаторн Элкоттс – Торо.

Сыграно всё было великолепно, с импрессионистским налётом, но, в общем, музыка этих людей и есть американский импрессионизм.

Музыкант он чудесный. Были представлены американцы посольства, и среди них – человек, с которым я должен непременно встретиться.

21:00

Ирина в бешенстве снова. Когда кончится эта жуткая жизнь?! И не знаю!

Вторая Сибелиуса словно бальзам на мою душу.

Москва (дома), 13 декабря 1974 г.

Хренников вновь отложил встречу из-за пленума. Видел Серёжу Ханукаева (в солдатском мундире – смешном). Говорил с Валиком Нельсоном (надо встретиться за роялем). Виделся с Борей Шнапером – добавилось седины, но выглядит хорошо; говорили о Новом годе, чтобы встретиться вместе. Надо уговорить Липса сыграть его музыку – композитор он замечательный.

Сегодня был у Славы Галкина. Перепечатал все мои ноты – какой молодец! Дал мне дублёрку (шубу) – красота!

В Союзе встретил Финкельштейна. Поговорили⁸.

Вл. Золотарёв – Ф. Липсу
Москва, 13 декабря 1974 г.
Дорогой Фридрих!

С наступающим тебя 1975-м!

Пишу несколько ранее принятого, но на то есть у меня причины: думаю уехать на дачу и не появляться до весны. Очень досадую на себя, что по природе человек, лишённый всех заведомо принятых правил, я близко к сердцу воспринял поведение Денисова. Несмотря на моё благоговение перед ним и редчайшее уважение, в тот вечер оно внезапно померкло, и я понял, что он совсем не тот, за кого принимал его.

Пишу тебе к Новому году всё это для того, чтобы ты знал о вечных человеческих правилах: увидев ближнего – приветствуй его, а не отворачивайся, если перед тобою сам император... Впрочем, он, как и все возвысившиеся... за исключением гениев.

Усугубил ещё его *opus*, который вызвал у меня одно лишь недоумение, ибо я, прилично знавший его музыку, вдруг услышал «*alla Шостакович*» такого же плана, но в более плоских тонах.

Не думаю, что ошибаюсь, но если ошибаюсь, то пойму свою ошибку со временем и не откажусь от неё. Впрочем, и об этом довольно.

Меня несколько пугает твой оседлый образ жизни (не гастролы – ты должен меня понять! А именно оседлый!). Помни, что тебе одному предназначено свернуть в свиток старую баянную школу и продолжать, который ты уже распечатал, новый свиток, не отбрасывая истинных достижений. Я русский человек, и меня часто посещает страшная хандра, но ты немец, а поэтому у тебя свой есть, вероятно, недостаток, но моего не должно быть. Меня удивляет и немного пугает, что ты прислушиваешься к другим мнениям. Неужели твоё мнение ниже самых высших?!

Моё пожелание тебе к Новому году – не слушать никого, а если слушать, то не верить, пока сам не найдёшь в душе истинный голос, пророчествующий тебе об истинном. Не пойми меня превратно: у нас много интересного, но великого и истинного пока нет. И Шнитке, и Денисов, и Буцко – это не гении, а настоящие мастера...

Ибо они не дали ещё ни одной новой истины, а только перепевают Запад, хотя там и есть уже истины. Наш долг идти своим путем, и на нашей дороге не должно быть чужих знамен.

Обнимаю, твой Вл. Золотарёв.

Самые наилучшие пожелания к Новому году¹².

Москва (дома), 15 декабря 1974 г., 10:00

Виделся с Фридрихом (возил ему партитуру Первой симфонии для перепечатки).

Две недели потеряны, как и все дни, когда я бываю в Москве! Чтобы успеть создать всё, что я задумал, мне необходимо решить до Нового года субстанции своей дальнейшей жизни.

При том существовании, что сейчас, все мои мысли и планы превращаются в химеру, утопию, а умному человеку не подобает мыслить эфирными видениями.

Москва (дома), 18 декабря 1974 г.

Вчера был на концерте камерной музыки. Весь музыкальный свет собрался... небывалое зрелище... Шостакович с женой сидели впереди меня и Липса. Неподдалеку сидел Денисов с его другом, а в отдалении – его жена с детьми. Говорил со Шнитке – он великолепный человек.

«По прочтению его сожгите всё, чтобы мы могли и в дальнейшем встречаться без каких-либо намёков на содержание данного»⁹.

Вл. Золотарёв – В. Большанину

Москва, 18 декабря 1974 г., 17:00

(...) Музыка написано много, а исполнений нет, за исключением баянистов. Думаю с Нового года (на даче буду – Шаликово у Вяч[еслава] Галкина) вплотную взяться за ораторию «Времена года» и своего давнего Дионисия.

Хотел закончить Третью симфонию, но не удалось из-за многих чуждых причин; придётся заканчивать параллельно с названными вещами...

Очень тоскую по Северу и очень хочу на Север – там вдохновение всегда посещало меня и, надеюсь, посетит и сейчас. (...)

23 декабря 1974 г.

Снилось: я в Швеции. На облаке вижу несколько ясно очерчённых голов (мысль об апостолах), которые постоянно поворачиваются и растворяются.

Вл. Золотарёв – С. Чуянову

Москва, 30 декабря 1974 г.

Дорогой Серёжа!

С Новым годом! Трудись и всё забудь! Здоровья тебе и вперёд. Только вперёд! Рине Звягиной поздравление и пожелание!

Твой Вл. Золотарёв¹³.

К. Волков – Вл. Золотарёву

Москва, 31 декабря 1974 г.

Дорогой Владислав! Поздравляю с Новым годом!

Шлю самые сердечные пожелания творческих радостей, преодолений и побед, лёгкости перу и бодрости духу!

Чрезвычайно благодарен Тебе за внимание, новогодние поздравления.

Нарисовал себя весьма похоже (сосредоточенным) – так что сможешь в скором времени «потягаться» с Чюрлёнисом (в музыке уже обогнал!). Для баяна-solo я обязательно напишу (сонату, возможно). С дружеским расположением и приветом Кирилл Волков¹⁰.

1975

Москва (Зеленоградская, 23, кор. 5, кв. 474), 4 января 1975 г.

«Жизнь должна быть художественным произведением» (Гершензон «История молодой России»).

«...внутренне так обновиться, чтобы стать выше горьких воспоминаний» (Гершензон об Огареве).

5 января 1975 г., 03:00

В окончательной ссоре, и последней, я дописал эту тетрадь. Моя любовь к жене Ирине переросла в ненависть, и ненависть эта взаимна.

Этот день – день последнего прощания и день начала одиночества.

Дни рождения:

31 июля – Чуянов Сергей, Большанин

11 сентября – Ирина

24 февраля – Владик, 17 февраля – Генрих

31 декабря – отец, 24 июня – мама

15 декабря – Реджинальд Охлопков, 12 апреля – Гаррик Охлопков

24 апреля – Поля Вайдман, 4 февраля – Лесной Н.А.

18 ноября – Ф. Липс, 28 сентября – Саша Толмачёв

19 ноября – Клавдия Ивановна, 30 декабря – Галина Николаевна

7 мая – Воронцов Борис Николаевич

6 апреля – Денисов Эдисон, 21 февраля – Яак Сепп¹⁰.

Шаликово (на даче Вячеслава Галкина), 6 января 1975 г. (понедельник), 20:00

Дорога одиночества ждёт меня... доносится завывание ветра, а в избе тепло, и я, страшно усталый, слушаю 17-й квартет Моцарта.

Шаликово, 7 января 1975 г. (вторник), 19:00

Проснулся рано, но не захотел вставать из-за холода (на шкале было +4°). Но в 09:00 не выдержал и поднялся. Оделся, почистил зубы, умылся. Мысли самые разные в голове: и об Ирине, и о детях, и об отце – обо всём, кроме музыки. Пока только слушаю...

В 09:30 выпил горячего чаю (из термоса), надел лыжи и отправился в лес за дровами. День был на редкость тёплый и солнечный. Снег глубокий (сразу вспомнил «Снежку») и чистый. Получил много удовольствия, а заодно приволок четыре поваленные осины (боялся, что плохо будут гореть, но трещали так, что печь раскалилась докрасна). После дров сделал гимнастику и на улице обтёрся снежком (пока только «по пояс», уже месяц не принимал таких ванн).

Затем сделал большую уборку и сейчас слушаю Брукнера и Малера (надеюсь, если не сочинить что-либо, так мало-помалу дописывать сочинённое). На душе по-прежнему тоскливо и очень грустно. Одиночество моё снова со мною... И уповаю только на Бога. Печь протопилась, но всё же холодно... выше 12° спирт не поднимается.

22:30

Третья Мясковского... стало ещё холоднее: сижу в шубе и валенках, но и ноги, и сам весь замёрз. Как буду работать здесь? Загадка... Воды нет поблизости. Топил сегодня снег...

Вл. Золотарёв – В. Большанину
Шаликово, 7 января 1975, 23:00

(...) Пишу в страшном холоде на даче у Галкина и, как прежде, покинут и одинок. Получил заказ на ораторию, а писать не могу. (...)

Шаликово, 15 января 1975 г.

Господи! Помоги мне!

С этого дня начать мою новую жизнь!

Без компромиссов, без обмана перед самим собой. Жить так, как мечтаю давно уже!

Прости меня, моя любовь! Моя убитая любовь! Моя Ирина, жена моя!

Благослови в душе и не вспоминай недобрым словом. Я никогда не мог предположить, что тоска так захватит меня, привыкшего к страданию, но повернуть нельзя, ибо все мосты сожжены, последние душевные нити, ещё недавно державшие нас вместе, и те изрублены нашей ненавистью друг к другу, нашей последней и поэтому страшной отчуждённостью.

«Как одиноко всё, и как бело.

А в белом замке тихо бродят тени...»

Вл. Золотарёв – В. Большанину
Шаликово, 15 января 1975 г.

(...) Нет тех слов, кот[орые] определили бы состояние души моей, а если и есть, то я чувствую себя после твоих писем совершенно беспомощным, ибо могу только восхищаться и тайно завидовать твоему прямо-таки гениальному, врождённому дарованию.

(...) Итак, с женой всё покончено. Покончено после пяти лет ужасающей драмы. Несовместимы любовь моя к ней и то, чем она явл[яется] реально.

Страшно чувствую себя, словно обворован, обманут и оклеветан.

Не могу и не умею вести [брако]разводные дела; отец обещал взять отпуск и заняться всеми этими нечистотами.

Словом, вот и всё о главной истории моего пятилетнего одиночества...

(...) Начинается канитель на предмет моего «членства»*. Через пять дней – первая секция приёма, т.е. московской организации. О результатах напишу потом. (...)

Шаликово, 16 января 1975 г., 14:00

Работая вчера над перепиской и допиской разных сочинений, помог хоть немного себе, ослабив страшно гнетущее тоскливое напряжение.

Поднялся сегодня в 09:00. Заснул вчера около трёх. Заготовил дров, принёс воды из дальнего колодца – всё на лыжах. Сделал гимнастику и обтирался по пояс крупнозернистым снегом. Растопил печь. Сварил пакетный суп. На душе немного легче, но не оставляет какая-то произвольная ревность по отношению к Ирине и всей её жизни, со всеми её рассказами о мужчинах, с которыми она изменяла мне.

15:00

Слушаю «Парсифаль» и дописываю 3-й квартет.

17:00

О Вагнере толкуют, что он не был дурным человеком, но кому, как не мне, знать, что человек, создавший свод прекрасного мира звуков, не мог быть дурным, а если был, то все, кто толкует и не создаёт какого-либо свода, именно они тогда гиена огненная и самое живое, прикрывающееся собственной глупостью и бездарностью.

18:30

В чём почерпнуть силы для жизни? Для работы? Где та воля, которая всегда удерживала меня от катастрофы? Только в работе как-то улучшается состояние... а работая, столь насилуешь себя, что после усталости приходит ещё больше отчаяния.

---

* В Союзе композиторов. – Ф.Л.

19:10

Эпилог «Парсифаля» – шедевр самого шедевра! И оркестровка, и распределение вокализации – это то, от чего я намереваюсь начать свою секстологию...

17 января 1975 г., 21:40

Только не расслабляться! Вопрос в настоящий момент поставлен на предмет жизни и смерти... Больше мужества, маэстро!

Шаликово, 18 января 1975 г., 13:45

Вчера пришла мысль о камерном секстете для сопровождения шести сентиментальных песен (fl., tamburo, chitarra, akkordeon, агра, с-bas).

Снилось под утро: я в п. Провидение, в большой школе, где меня встречают с радостью, как почётного гостя и одновременно блудного сына.

Сегодня то же, что и вчера: подъём при +8°, чистка зубов, чай; затем дрова, вода, печь. День морозный, но умеренно. Щебечет какая-то птица. Снуют вороны, сороки...

15:20

В среднем эпизоде III части «Манфред»(а) Чайковский поднимается до вершин бетховенского симфонизма – это поистине драма героя и его трагедия: не везде в I части Чайковский достигает такого верного воплощения истинного байроновского духа.

19:30

Реджинальд с Татьяной в гостях у меня. Звучит 80-я кантата Баха – моя любимая.

Шаликово, 19 января 1975 г., 13.30

За дровами не ходил, но сделал гимнастику с обтиранием снегом. Слушаю 2-ю Рахманинова.

Шаликово, 27 января 1975 г. (понедельник), 17:00

Вчера на вечерней электричке должны были уехать Боря Шнапер с Леной Озерцовой, с которыми я приехал из Москвы в пятницу

и с которыми прекрасно провёл время: гуляли в лесу, разожгли костёр и у костра распили бутылку вина. Водки и закуски было более чем достаточно, но вчера днём я сбегал на лыжах в магазин и взял ещё две бутылки водки. Лена – актриса и женщина очень приятная. У Ирины Печерниковой был спектакль, поэтому её с компанией не было. Слушали много музыки и Твардовского «Тёркин на том свете» – гениально! Слушали мою Партиту и Сонату № 2 – очень понравилось.

От Второй Симфонии, которую я наиграл сам, Борис пришёл в восторг, словом, мы с ним, кажется, подружились.

Сегодня, заготовив дрова, сломал лыжу. Гимнастику не делал, а принял снежную ванну (голый, в одних плавках). Записываю всё это при слушании квартетов Дебюсси и Равеля. У Бориса 15 февраля в Кишинёве исполнение Второй симфонии.

20:20

Одиночество моё вновь дарует надежды...

Очень грустно, и пока не могу работать, но уже нет того ужаса, когда одна и та же мысль сверлит мозг: избавиться от гнетущего состояния. Сегодня в лесу было чудесно. Все ветки берёз и елей покрылись инеем и сверкали под лучами зимнего солнца.

Шаликово, 28 января 1975 г. (вторник), 10:00

Снился Денисов. Сидел в небольшом зале и ждал репетиции квартета Тимура Бокурадзе. Я подсел к нему, перед этим слегка обняв за плечи. Он прислонился головой ко мне, и так мы сидели...

Огромное море. Чистая вода, но много плавающих деревьев. Я плыву к ним, а затем к берегу.купающиеся девушки...

18:40

Написал автопортрет – это 4 opus, кажется, удачно. Заготовил сегодня дров на три дня. Всё как прежде, даже снежная ванна, но с бóльшим удовольствием, нежели вчера. Пока не сочиняется, но живопись идёт неплохо.

Шаликово, 29 января 1975 г. (среда), 09:00

Ночами стал просыпаться. Проснёшься, и лежишь в темноте, и слушаешь завывание ветра, и чувствуешь, что на шкале термо-

метра уже не более 10. Тикают часы, но у печки ещё тепло: кирпичи медленно остывают.

Отошёл от поста ровно как месяц: сварил на завтрак сардельку с бутербродом и чаем.

Вчера хотел продолжить партитуру Третьей, но из-за неясности среднего раздела решил повременить. Сочинялось мало, импровизировал.

17:30

Топлю печь с 14:00. «Купался» в снегу, только что выпавшем... чудесно!

И, наверное, неповторимо, как и моя удивительная жизнь в Томилино, на даче Шентов. Здесь, кажется, ещё более прекрасно, нежели там, хотя, казалось бы, мой возраст (у подножия Христова) не располагает к экзальтации подобных переживаний, но тем не менее временами я переживаю поистине моральное, нравственное блаженство, хотя творчество пока не радует мою уставшую «бригантину моих лучших вдохновений».

Встретил днём дочь Островского (валторнист у Светланова) – очень миленькая студенточка и знает меня.

Вл. Золотарёв – В. Большанину

Шаликово, 29 января 1975 г.

(...) И снова нет ни минуты. Хочу поскорее закончить 3-ю симфонию, 4-ю сонату и сразу же взяться за ораторию. (...)

Шаликово, 30 января 1975 г. (четверг), 14:30

Морозный зимний день... Но не настолько морозный, чтобы говорить о зиме с полным правом... я бы назвал его провесенним морозным днём. Тишина упоительная и удивительная, но тишина эта слышна тем, кто умеет не слышать далёкий свист поездов и шум проходящих электричек, злобное шуршание автомашин на Минском шоссе, которое в двух километрах, и далёкий рев моторов летающих самолётов...

Кто не умеет не слышать этого шума, тот не услышит тишину леса и тишину необозримых просторов неба... деревья о чём-то сво-

ём и вечном тихо переговариваются и тоскуют, быть может, о жизни человека... птицы весело щебечут и перелетают с ветки на ветку... по-прежнему стучит большой и красивый дятел, сидят на верхушках елей чёрные вороны, и отплясывают сороки-непоседы.

Вчера совершенно не занимался музыкой, хотя и хотел писать партитуру симфонии – не сочинил ни строчки.

Марал красками, но безрезультатно. Неожиданно к вечеру сел за стол и к утру написал четыре листа «Magister music». Проснулся в 12:00. Принёс две осины, два ведра воды из колодца. Теперь иду рубить дрова: буду топить печь, затем гимнастика и, если удастся, снова снежная ванна. Затем надо вымыть, хотя бы протереть пол и перемыть посуду, оставшуюся ещё с воскресенья, когда уехал Борис Шнапер с Леной.

17:30

Наколос дров на сегодня и на случай, если уеду завтра в Москву.

Гимнастику не делал из-за дров: «разжарился» настолько, что весь был мокрый и, раздевшись до плавок, босиком, как и все эти дни (с понедельника), бросился в сугроб. Сегодня снег обжигал – сказался мороз. Растирался ещё продолжительнее, нежели вчера, а потом уже дома растирался двумя полотенцами. Чувствую себя после такой системы великолепно! Топится печь. Я выпил кружку чая с бутербродом, сварил суп на ночь, ибо хочу пописать до электрички на 09:01.

17:40

Какое удовольствие выкурить трубку после горячего крепкого чая, после утомительной физической работы... вот так просто сидеть в шубе, в валенках... выпускать клубы ароматного дыма и думать о своей симфонии, оратории, о «Дионисии», «Рублёве», «Сергии Радонежском», «Ниле Сорском», «Иосифе Волоцком», «Аввакуме»!..

Звучит 3-й концерт Рахманинова... при матовой настольной лампе... доносится потрескивание горящих поленищ, а на печи стоит чугунок с картофелем «в мундире» и томится...

Передо мной – тексты, на которые я хочу писать музыку... Смотрю на автопортрет, созданный позавчера... лицо зеленовато-фиолетовое на ярко-красном пламенеющем фоне, и мой обычный чёрный

тонкий свитер (под рясу) выписан тёмно-зелёным... тут же портрет Ирины, писанный летом прошлого года... и на бревенчатых стенах эскизы моих начатых сочинений... любимые лица, фотографии, пейзажи Швейцарии, Финляндии, моего любимого Севера...

Прямо передо мною цветной портрет Пендерецкого, а рядом тексты Рильке, Ли-Бо, Ду-Фу, Фёдора Сологуба, Есенина и других (всё это на кнопках, на массивном деревянном сундуке...), здесь же эл. проигрыватель, книги: письма Чайковского, труды Скрябина и т.д.; партитура «Воццека» Берга, «Анна Каренина» Щедрина, «Поэмы на Меллартина» Булеза, «Контрапункты» Штокхаузена, «Сюита зеркал» А. Волконского, «Песни» Шёнберга, сонаты Бетховена, ХТК Баха... партитуры 3-й симфонии Брукнера и 9-й Малера... С правой стороны (на брёвнах) Св. Никола (икона), 90-й псалом... «Христос с учениками» (репродукция с картины)... Прямо передо мною репродукция с картины – Арнольд Шёнберг... фотография Вл. Соловьёва, портрет Ньютона в рабочем кабинете и мой автопортрет маслом... фотографии Севера: озеро Д. Лондона... тайга и протекающая река... цветы среди снега и льда... осень... чуть левее – репродукция с картины Г. Келлера, А. Бёклина и Штука... затем эскизы музыкальных сочинений... На столе слева – портрет Ирины, медные подсвечники, пластинки, рукописи, часы и др. аксессуары.

Сзади меня (на брёвнах) также эскизы, а на стуле баян – мой неизменный спутник...

На двери моё полотно маслом «Заиндевелое окно», виды Швейцарии, Финляндии, фотографии мамы, отца, и я в 1967 г. и (мольберт) в 1972 г. (учёба в консерватории). За дверью, в другой комнате – мольберт и начатые работы маслом...

Записал всё это для себя... чтобы не забыть, как я работал в этом Богом избранном месте... как страдал и как радовался... сколько плакал и сколько вынес борьбы с искушениями. Как пили с Вячеславом (Галкиным) и говорили о будущем баяна... как пили с Реджинальдом и Татьяной, а потом бродили, трезвея в зимнем лесу... как играл свои вещи Саше Нагаеву, а потом Боре Шнаперу и Лене... Словом, не жалею, что работал не в полную силу на бумаге, но в голове работал постоянно. Завтра последний день января... И я снова одинок... Впро-

чем, давно одинок... Всегда был одинок... как себя помню... И не жалею, но горько, часто плачу... очень трудно одному, потому что один – наедине с Богом, со своей нравственностью, со своей будущностью.

20:15

Ну вот... под баховский орган перемыл всю посуду. Подправил автопортрет. Умылся тёплой водой... в мыслях при этом о своей музыке (...).

Шаликово, 1 февраля 1975 г., 20:00

Я измучился до невозможности и не знаю уже, стоит ли продолжать эту бессмысленную борьбу?..

Всеми покинут... всегда одинок... без любви... без сострадания... Петля, петля, где твоя воля? И где струна?

23:20

* * *

Меня забыла ты... а я всё помню!
Твой поцелуй, сжигающий дотла.
Стоял я у окна... ты тихо подошла...
Так нежно обняла меня и вся вошла...
Вся! Раскалённая, как вдохновенье!
С болью...
О, милая моя! За что?
Оставив одинокого в ночи,
Ты растворилась в снах...
Растаяла в бессонных зеркалах.
Украд мои мечты...

Вернись... Вернись. Вернись!
Тот год, та ночь, тот миг!
Приснись... Приснись. Продлись!
Моей любви последний крик.

Шаликово, 2 февраля 1975 г. (воскресенье), 10:00

Сновидения – это субстанция всей нашей жизни, как в прошлом, так и в будущем, сконцентрированная в миг воспоминаний.

Слушаю «Adagio» Барбера из струнного квартета и вспоминаю Север...

За окном ясный солнечный день... снег, выпавший ночью, крупный, зернистый, покрылся мерцающим блеском... понемногу начинаю приходить в себя... хотя с позавчерашнего дня ещё ничего не пил... Снилось разное... всадник на лошади гонял стадо коров и баранов, которые бегали вокруг меня – то на склон горы, то со склона... бык пошёл было на меня, но я увернулся. Снился Денисов... снилась школа, где меня все любят и почитают...

Написал письма в Финляндию, Швейцарию, в Магадан, Шатуру, Иваново, домой, в Новосибирск (Нельсону) – бедный, лежит в больнице после катастрофы.

Вспоминаю «Снежную долину»... март! Поистине русская Швейцария! Снег ослепительной белизны, с голубоватыми дорожками от лыж, такие же голубые тени от деревьев... солнце! Горы! И я, с чудесным, вдохновенным лицом, полный восторга, мчусь с горы на гору на своих финских лыжах, в тёмно-синем спортивном костюме... первые подснежники для Наташи... и небо такое чистое! Как вся моя душа в тот золотой период моей удивительной жизни, наполненной светом любви, трудом, от которого я засыпал в изнеможении, но с радостной улыбкой на губах... когда рано утром, с первыми лучами солнца, я подносил к губам горстями чистый с блестками снег и, смеясь, ел его, разговаривая сам с собою... или как поздно вечером у ручья, журчащего из-под снега, у старых тополей, сидя у костра, я с задумчивостью и необъяснимой тоской предвидел будущее...

Всё это мне надо передать в своей Северной симфонии.

13:00

Чтобы понять, принять мою музыку, чтобы влюбиться в неё, надо войти в ситуацию моей жизни, всего её образа со всем окружением, ибо такое понятие и есть истинное понятие любого композитора, будь то Бах, Моцарт, Бетховен, или Шёнберг, Берг, или Веберн.

А.А. Золотарёв – Вл. Золотарёву

Смела, 11 февраля 1975 г.

Здравствуй, дорогой Владислав!

Я сразу не мог ответить на твою открытку, а пишу это небольшое письмо сегодня. Особых новостей у нас нет. Сегодня отправил тебе небольшую посылку. Когда получишь, то напиши, как всё дошло, я имею в виду банку варенья, которое мать положила, ну и то, что ты просил. Получив твою открытку и узнав, что у тебя там дела, как видно, незавидные, мы снова хотим посоветовать тебе: пока ты совсем там не дошёл, – приезжай домой. Мне кажется, ссылка на членство в Союзе [композиторов] неубедительна. Пленум Союза композиторов с 1 февраля, как тебе известно, проходил в Киеве. Это, правда, спец[иальный] Пленум, посв[ященный] сов[етской] песне, но мне кажется, что вряд ли в ближайшее время вновь будет созван. Это будет где-то во второй половине года. Мне кажется, что нет смысла чего-то неопределённого ждать. Сейчас дело идёт к весне, здесь всё же можно лучше поработать. В конце концов, нельзя же жить так, как ты живёшь. Я думаю, тебе надо восстановить своё равновесие. Немножко надо отдохнуть от этой «весёлой» жизни и серьёзно подумать о своём здоровье и вообще о дальнейшей судьбе...

Времени было достаточно для того, чтобы убедиться в том, что надежды на какое-то чудо не было, нет и не будет. Следовательно, пока ты окончательно ещё не потерял мужского самолюбия и ещё пока не поздно, надо как-то устраивать свою жизнь и быть ей похожей на человеческую. Не забывай, что мы уже не молоды и такая нервотрёпка бесследно не проходит. В письме всего не напишешь. Приедешь, обо всём поговорим. На эти 30 рублей, кот[орые] выслали, долго не протянешь. Подумай хорошенько и напиши нам. А то мы беспокоимся, зная твою весёлую жизнь там на даче, в морозы и в холодном доме. Ни воды, ни дров, ни денег. Какая там у лешего творческая работа! В общем, пиши сразу, как получишь.

До свидания, крепко целуем. Любящие тебя отец и мама¹⁰.

Вл. Золотарёв – С. Чуянову

Москва, 1 марта 1975 г.

Дорогой Серёжа!

Прости, но всё никак не мог написать тебе. В основном – тебе о себе для твоей сестры.

Не знаю, нужны ли ещё мои биографические вехи, но всё-таки, чтобы как-то очистить свою совесть хотя бы в этом отношении, я кратко пишу о себе.

В небольшой военной бухте Де-Кастри (на Японском море) в 1942 г. (13 сентября) я появился в этом мире. До 16 лет занимался всем, кроме музыки (философией, литературой, историей). В 1960 г. поступил в магаданское муз[ыкальное] уч[или]ще (перед этим занимаясь два года privately) по классу баяна. С этого же времени начал опыты по композиции. С 1963 по 1966 г. – армия. С 1967 г. – занятия по композиции у музыковеда Ярустовского, затем – у Шостаковича, Щедрина, Б. Чайковского и, наконец, у Э. Денисова. Вот, пожалуй, и всё.

Остаётся уточнить: упоминая имена музыкантов, у которых я консультировался, это не значит, что я учился у них, как принято у нас в консерваториях. Это скорее не учёба (у нас), а просто какое-то обоюдное заинтересованное товарищество, если можно так охарактеризовать консультирование. Учился я всегда сам у себя и у давно ушедших великих...

Как дела твои, Серёжа?

Не сердись на меня, совсем замотался я.

Обнимаю, Влад¹³.

Москва (Лосинка), 3 марта 1975 г. (понедельник), 00:30

Слушаю 3-ю Мясковского... никогда не надоедает. В его музыке есть нечто такое, что захватывает тебя всего. Что не скажешь о mnogой новой музыке. Также захватывает Шёнберг, Веберн и Берг – только избранное. Также захватывает Лютославский, Денисов, Шостакович, Шнитке... Кстати, виделся с Денисовым на улице Герцена; он окликнул меня (был с сыном) и сообщил о секции 5 марта.

Мои самые любимые вещи:

- Брамс. Концерт для v-пос оркестром D-dur.
- М. Регер. 4 поэмы по А. Бёклину.
- М. Регер. Вариации и фуга на тему Моцарта.
- Моцарт. Маленькая ночная серенада.
- Бах. Сюита № 2 для оркестра.
- Малер. Симфонии № 3, 9.
- Сибелиус. Симфонии № 2, 4.
- Брукнер. Симфония № 8.
- Шёнберг. Просветлённая ночь.
- Веберн. Симфония ор. 20.
- Денисов. Осенняя песня.
- Шостакович. Симфония № 4.
- Adagio из квартета.
- Руссель. Симфонietta.
- Мессиан. Праздник прекрасных вод.
- Хенце. Кода из Камерной музыки 1958.

Москва (Лосиноостровская), 4 марта 1975 г., 01:20

Состоялась репетиция моих романсов на стихи Накано, Такубоку, Г. Келлера и Бунина.

Музыка великолепная! И авторам текста не совестно будет за будущее...

22:00

Вчера был у Бориса: пили водку, играли романсы Свиридова. Уехал от него уже в двенадцатом часу. Позвонил сегодня Эдисону Денисову, Шнитке, Бузовкину, Пейко, Соне Губайдуллиной, Разорёнову, Леденёву, Марутаеву, Карине Ваксман, Кириллу Волкову – всех пригласил на завтрашнее прослушивание... как будет – не могу гадать...

В издательстве говорил с Хачатуряном; отпечатал перечень своих сочинений в двух экземплярах.

Два дня уже как забываю отослать письма и открытки⁹.

Вл. Золотарёв – А.Г. Золотарёвой

Москва, 5 марта 1975 г.

Дорогая мама!

Ещё раз поздравляю тебя с праздником весны! Ещё раз желаю тебе много лет хорошей жизни, много здоровья и чудесного настроения. Верь в меня, мамулечка, хотя мне сейчас очень нелегко, но придут времена прекрасные! Целую тебя, твой сын¹⁰.

Москва (Лосиноостровская, у Реджинальда), 6 марта 1975 г.

12:00

Итак, пятое марта – великий день в моей жизни, как и пятое февраля. Но если 5 февраля я, выиграв сражение, всё-таки потерял какое-то преимущество и равновесие, то вчера победил без потерь и с таким преимуществом, что не снилось никому. Шесть романсов на японцев и романс на Г. Келлера прозвучали несовершенно, но отчётливо. Квартет не показал из-за времени. Фридрих исполнил 3-ю сонату. Прекрасные слова сказали: Пейко, Соня Губайдулина, Боря Шнапер (Денисов ушёл раньше на репетицию), словом, рекомендован на правление единогласно. Второй раунд остался за мной, как и первый.

Москва (Лосиноостровская, у Реджинальда), 9 марта 1975 г.

Познать мир... как заманчиво и великолепно. Люди как облака... Сегодня с тобой, а завтра с другими.

Ах, Боже мой! Не настало ли время забыть всех, кроме дела, которое надо выполнить красиво, глубоко, со всем совершенством?!

Право, гению не пристало думать о второстепенных вещах...

11:30

О Господи! Скажи, почему мы так одиноки?! Почему мы должны потакать, будить человечество! Спящее своим чудным болотным сном!

Гений знает, что он гений. А если так, не пора ли оставить всех и замкнуться полностью в себя... И никого, даже ближайшего не допускать!

Москва (дома), 13 марта 1975 г., 22:00

Вот я и дома! Со своей любимой жёнушкой, моей Аринушкой!

«...между тем, как лунное сияние морозной светлой ночи неотступно глядело в оледенелые окна, в комнате веяло такой призрачной жутью, что она охватывала!...» (Альфред Штифтер «Записки моего прадеда»).

Прислушиваясь к дробному перестуку дождя...

«*Calcaria doctoris Augustini, tom II*» (Записки доктора Августина, том II).

«...Пред Господом Богом и пред душой моей здесь, в тиши одиночества, клянусь, что ни словом не погрешу против истины в этих записках...»

«И как же огромна и как до ужаса величественна должна быть цель, если несказанное страдание твоё, твоя неутолимая боль по сравнению с ней – ничто, она – только крошечный шагик на пути к усовершенствованию мира».

Потом вышел на тропинку, что ведёт... пересёк лесную опушку... Неподалеку... поднимался серый утёс, он отбрасывал солнечные лучи, камушки вокруг сверкали и искрились в их отражённом свете... Небесная синева всё глубже зарывалась в кроны деревьев.

...Но вот наконец настал час вечерней молитвы, некоторые еловые лапы зарумянились. Как вдруг, ясный и звонкий, словно колокольчик, раздался голос кузнечика: словно тоненькой серебряной палочкой застучало невзрачное существо мне в сердце, как бы обращаясь ко мне с внятными человеческими словами. Я ощутил нечто похожее на страх.

...Только я собрался уходить, как прозвучала вечерняя песня овсянки: чуть слышная, она звенела над самым моим ухом, словно эта птичка потаенно следовала за мной и тянула от ветки к ветке трепетную золотую нить.

...Солнце скрылось за вечеряющим лесом. Когда я спустился в долину...

Пришла Ирина с виолончелью... требует, чтобы я немедленно выписался. Рисуется кольцом на правой руке (не знаю откуда, но говорит, что есть у неё теперь новый муж – это-то не взяв развода со мною). Смешно и грустно...

Итак, у меня озвучены и записаны:

- Детская сюита № 1 (Митченко – пластинка).
- Партита № 1 (Митченко, Липс – пластинки).
- Соната № 2 (Липс – пластинка).
- Детская сюита № 2 (Митченко – плёнка).
- Rondo-cappiccioso (Шепельский, Худяков, Хижняк – плёнка).
- Концертная симфония №1 (Митченко, Дударова – плёнка).
- Соната № 3 (Липс – плёнка).
- Камерная сюита № 1 (Митченко – плёнка).
- Квартет № 2 (под управлением Салиман-Владимирова – плёнка).
- Шесть романсов (Р. Закирова и Л. Думанян – плёнка). Романс на стихи Келлера.

Надо озвучить:

- Мартин Иден.
- Квартет № 3.
- Диптих.
- Вечерняя кантата.
- Испаниада.
- Концертная симфония № 2.
- Оратория «Ex Libris».

«Когда я спускался в долину... Роса ещё лежала на траве... Прохладная вода бежала по камушкам, омывая земные берега. Вскоре взошло солнце, и засияло чудесное утро. Оно осушило влажную хвою, травы, кусты...

Взяв у меня перчатки и берет, он сложил их на постель...

Если и было во мне что хорошее, то люди про то не знали, зато дурное знали досконально; они и хорошее толковали как дурное, а уж о лучшем и вовсе не догадывались...

Каждая весна в Рейне отливала серебром...

Тем временем настала полночь, я отправился домой и, бросив на стул берет...

Свободные от игры часы я охотнее всего коротал на фехтовальных ристалищах...

Мы жили в живописнейшей местности, были тут и снеговые хребты, и уходящие ввысь синие вершины, а позади дома низвергались бурлящие потоки и стояли вековые леса, где месяцами не ступала нога человеческая.

...и я последний раз услышал звон башенных часов, отбивавших четыре часа пополудни... спустя некоторое время попал я в эту долину, полюбившуюся мне чудесным вековым лесом...

Над сосновым бором спустился туман... стремительный горный ручей... меня охватил влажный лесной воздух... вечер стоял тёплый, лето ещё только клонилось к осени... В каждой лесной впадине, в каждой ложбинке журчали и пенились ручейки, неся с собой тёплый сырой лесной воздух...»

«...при звуках цитры вы не слышите, правда, новых мелодий, ибо старые живут здесь веками, но в исполнении их уже чувствуется большая прелесть и затейливость».

«Проходя во время моих бесконечных странствий... часто на закате я садился на скамью перед каким-нибудь домом или поиграть с ребяташками, а потом, когда небо заливало золотом, возвращался домой сосновым бором, провожаемый приветливыми деревьями и медлительным жужжанием хвои...

...и зелёные вершины елей снова кивали с высоты, и ручей на стыке двух зелёных массивов вырывался мне навстречу, и на холмах светились берёзы... или же густой перелесок всё теснее сдвигал ряды деревьев, преграждая мне путь, и на каком-нибудь из стволов, пониже, взор привлекал прибитый кем-то образец – тогда охватывало чувство родины...»

«Устав от бесконечных странствий по лесным тропам, я усаживался здесь, положив рядом берет и палку, чтобы утолить жажду глотком освежающего питья и полюбоваться зрелищем богатого, уютного трактира. ...Ручей плескал белоснежной пеной на чёрные

листья калины... и я гулял часами, особенно в дубовой роще, где такие красивые деревья...

Когда бушевала вьюга и наметало сугробы с дом вышиной, или же когда стоял сильный мороз и звёзды так ярко горели в небе, что самый их свет как будто замерзал...

...и печь распространяла благодатное тепло... помогала мне снять заиндевелую шубу и... провожала меня в мою комнату, где весело потрескивали в печи еловые дрова или медленно рассыпалось жаркими угольями подкинутое напоследок буквое бревно. Я так люблю глядеть на яркое пламя...»

Москва (дома), 16 марта 1975 г., 09:00

В эти дни хорошо себя чувствую, и моя жёнушка, кажется, тоже. Снилось много интересного... изба, в которой топится печь, а я заделываю щели... белочка, которую прячет какой-то противный тип, и такой же противный зверёк, больно кусающийся...

С Ириной много гуляли эти дни, даже ходили в кино. Одиннадцатого числа этого месяца готовил обед (утиный суп и мясные котлеты, последние всем понравились). Позавчера сварил щи (на второе – тушёный картофель с лимоном). Вчера делали с Аринушкой вареники с капустой. (Ирина нажарила рыбу с луком и майонезом – излюбленное моё блюдо.)

Поздно ночью приехала Поля Вайдман и после завтрака уехала. Любопытно почитать записки Калинина о Ганелике.

Я пока не сочинил ни страницы...

Москва (дома), 17 марта 1975 г., 08:30

Вчера навещали Галину Моисеевну: отвезли ей продуктов. Встретила нас с папиросой в зубах: Ирина была возмущена. Отметим последний день масленицы блинами. Моя жёнушка выпила рюмку водки, но я отказался...

А. Штифтер

Родился 23 октября 1805 года в Оберплате, мал. гор. Южной Чехии. Иоганн Штифтер – отец; Магдалена Фрипес – мать (небогатые люди).

Урсула Штифтер – бабушка писателя, рассказывала ему легенды, сказки. Необыкновенная любознательность, пытливое внимание к природе, живой интерес к смыслу и назначению окружающих его вещей.

1817 г. (осиротел: отца задавил перекинувшийся воз со льдом). Весну и лето 1818 года А. Ш[тифтер] пахал, боронил, пас скот. Осенью дед (с материнской стороны) отвёз мальчика в Австрию к дальнему родственнику-капеллану.

Кремсапонстер – живописнейшая местность с налаженным хозяйством и немалыми культурными ценностями – оставила неизгладимый след в сознании А. Ш[тифтер]а и оказала значительное влияние на мировоззрение будущего писателя.

Антон Франц Йозеф Хаиль – наставник и друг А. Ш[тифтер]а.

Строгая монастырская дисциплина, годы напряжённого труда: древние языки, сочинения античных авторов, новая литература, математика, физика, астрономия, философия.

Из окон аббатства открывался величественный альпийский пейзаж.

Увлечение живописью. В 1825 г. заразился оспой, обезобразив лицо. 1826 г. – блестящее окончание гимназии; рекомендован в университет: едет в Вену.

«Мне всё яснее, что при подобных обстоятельствах тогдашней Австрии в ней нет места для писателя» (Франц Грильпарцер, 20-е гг.).

Штифтер – студент права. Андреас Баумгартнер (профессор физики) помогает с частными уроками. Летние каникулы на родине. Любовь к Фани Грейбль. 1828 г. – пишет первый рассказ «Юлий» (опуб. после смерти автора), в 1832 г. Баумгартнер извещает Штифтера, что в Праге открылась вакансия профессора физики и прикладной математики, и рекомендует принять участие в конкурсе; принятый уже Штифтер не является на последний устный экзамен.

30-е гг.: много пишет с натуры маслом и акварелью (иногда удаётся продать ту или другую натуру).

1836 г. – узнаёт о замужестве Фанни, а через год женится сам на бедной венской модистке Амалии Мохаупт, женщине красивой и доброй, но невежественной и недалёкой.

1839 г. – смерть Фанни Грейбль (Штифтер переживает сильное потрясение).

1840 г. – первая печатная вещь – рассказ «Кондор».

...пейзаж, удивительный по тонкости наблюдения и реальной конкретности...

«Степная деревня», «Полевые цветы» (письма к другу об искусстве, литературе).

1841 г. – «Записки моего прадеда» (1 вариант).

1844 г. – опубликована первая книга рассказов «Этюды».

Принцип «конечной простоты» [die letzte Einfalt].

Необычность жанра, его аналитический характер, отсутствие композиционной стройности, новая манера письма, новая поэтика – окончательное формирование стиля.

Грильпарцер в драмах ставит вопрос о свободе, воле. Резиньяция – самоограничение, обуздание греховных страстей – таковое средство от болезней века.

«Он изображает людей такими, какие они есть, а я – такими, какими они должны быть» (Софокл о Еврипиде).

Странники Эйзендорфа и Мюллера.

Природа для Штифтера – не только великий целитель, но и великий наставник.

Детали ландшафта...

Антропоморфизм – романтизация, одушевление природы.

Душевная мягкость к ближним, простота.

Умение любить, умение понять и простить. По мнению Штифтера, только семья, дети позволяют жить человеку полноправно и естественно, участвовать в процессе вечного обновления жизни.

Причиной нравственного конфликта может стать желание уклониться от следования естественным нормам, и при этом жертвой его оказывается обычно сам строптивец. Но достаточно постигнуть разумом и принять великий нравственный закон – и конфликт легко разрешается, чему способствует и труд, и воздействие других людей, и общения с природой.

«И если ты причинил боль своему сердцу, и оно содрогнётся, готовое изойти этой болью, или переборет себя и обретёт крепость и силу, всеобщности нет до тебя никакого дела, и она не остановится в движении к своей цели, каковая есть величие» («Записки моего прадеда»).

«В его картине мира скорбь столь же благодетельна, сколь и неизбежна: она смягчает наше сердце, делая его доступным чужому страданию; она побуждает нас к деятельности, которая одна только способна дать удовлетворение и тем возместить утрату» (С. Шлапоберская о А. Штифтере).

Выражение предельного индивидуализма глубоко чуждо Штифтеру. Важность простых и вечных нравственных ценностей.

С 1844 по 1847 г. Штифтер – домашний учитель в доме Меттерниха: он обучал математике и физике его сына Рихарда. В 1846 г. власти запретили Штифтеру чтение лекций по эстетике.

«Я приверженец меры и свободы – то и другое теперь в опасности. Многие думают, что они тем вернее утверждают свободу, чем дальше отходят от прежней системы, однако тогда они приканчивают свободу с другого конца. Она заключается не в единстве власти, а в её разделении» (Штифтер в письме своему издателю Хелкенасту 25.05.48 г.).

Ш[тифтер] – противник всякого (и революционного) насилия. Лили – главный любимый город Штифтера, где он живёт летом.

«Миром правит не мировой дух и не демон; всё хорошее или дурное, что испокон веков приключалось с людьми, делали сами люди. Бог даровал им свободную волю и разум, вложил их судьбу в их собственные руки. В этом наша высота, наше величие. Вот почему должны мы развивать в себе разум и свободную волю, данные нам только в зародыше, нет иного пути к счастью человечества...» (Штифтер – «Заключительное слово о многом»).

Ответственность писателя за то, что он проповедует (действенная сила слова).

В 1852 г. знаменитый немецкий драматург Фридрих Бебель обрушил удар на Штифтера за якобы непонимание последним человеческой души: «О старых и новых певцах природы».

В 1853 г., издавая у Хеккенаста книгу рассказов «Пёстрые камни» (для юношества), Штифтер предпослал предисловие, где сформулировал основные принципы своего творчества: «Мне однажды поставили в упрёк, что я изображаю только малое и что люди у меня – всегда обыкновенные люди... Раз уж мы начали разговор о великом и малом, то я изложу свои взгляды, которые, вероятно, расходятся со взглядами многих других людей. Волнение воздуха, журчание воды, произрастание злаков, волнение моря, зелёный покров земли, сияние неба, блеск созвездий – вот что я полагаю великим; ослепительное наступление грозы, молнию, расщепляющую дома, бурю, вздымающую прилив, огнедышащую гору, землетрясение, разрушающее целые страны, – эти явления я не считаю более великими, нежели первые, ибо они суть лишь действия более высоких законов. Они случаются в отдельных местах, как результат односторонних причин...

То же, что во внешней природе, происходит в природе внутренней – в натуре рода человеческого. Жизнь, исполненную справедливости, простоты, самообуздания, разумности, деятельности в своем кругу, восхищения прекрасным наряду с радостным и спокойным волеустремлением, я считаю великой; резкие перемены настроения, грозно рокочущий гнев, жажду мести, воспламенённый ум, который стремится к действию, переворачивает, изменяет, разрушает и в исступлении часто губит собственную жизнь, – всё это я считаю не более великим, а более мелким, ибо эти вещи – всего только проявления отдельных и односторонних сил, так же как бури, огнедышащие горы, землетрясения...

Попытаемся проследить мягкий закон (нравственности), которым руководится род человеческий... Это закон справедливости, закон нравственности, закон, требующий, чтобы каждый человек жил рядом с другими и был уважаем, почитаем, безопасен, чтобы он мог совершить достойный жизненный путь, заслужить любовь и восхищение окружающих, чтобы он был храним, как сокровище, поскольку каждый человек – сокровище для всех других людей».

Дрендорф Генрих – главный персонаж «Позднего лета» (ср. с «Вильгельмом Мастером» Гёте).

...учиться верить, надеяться и прощать.

В 1859 г. покончила жизнь самоубийством приёмная дочь Штифтера, эта смерть потрясла его и до конца дней мучила своей непостижимостью, «всюду наталкиваешься на дураков».

В 1863 г. Штифтер заболел и в 1868-м после мучительной агонии в ночь на 26 января перерезал себе горло бритвой.

Москва (дома), 18 марта 1975 г., 15:00

Строить вещи не от зерна, к дереву и умиранию, а наоборот: вроде, – «он умирал... и воспоминания повели его угасавшую душу к своему детству», – не забывая ничего, повели так, как если бы он заново родился и пошёл бы вновь к той, с кем встретился в старости...

Москва (дома), 20 марта 1975 г., 15:00

Везде, где придётся, читаю Штифтера – не подозревал о такой близости!

In natura regum – в природе вещей (лат.).

Лунный свет... мягкий, завораживающий, стелющийся по крышам тихих домов, по стареньким могилам заброшенного кладбища... Свет удивительный, мерцающий, тёплый, таинственный... и ничто не спугнёт одинокого филина, сидящего на низкорослой ели, не потревожит эту страстную в своём искусстве, такую страстную и романтическую ночь... такая полная тишина! Такая чудесная упоительная надёжность, спокойствие... такая жизненность! V.Z.

«Ничего внутри, ничего вне – ибо что внутри, то и вовне» (Гёте).

«...должно постоянно изучать законы естества, чтобы уразуметь, чего оно требует и чего не приемлет; должно в неустанных наблюдениях над мельчайшими явлениями природы познавать их сущность и во всем считаться с их волею. Только этим мы можем способствовать росту и становлению наших познаний. Даже в толстых томах, что стоят на моём рабочем столе и на нынешнем моём письменном бюро, и к которым я постоянно обращаюсь, – даже в них можно мало что почерпнуть» (А. Штифтер, с. 161 «Лесная тропа», изд. «Художественная литература», 1971 г.).

* * *

Залита бледною луной моя дорожка в сад чудес.
Мерцанье стелется... и мой стоит печальный лес...
Кладбище сонное вдали... церквушка, роща, пруд, холмы,
Часовня старая ...и ты стремишь свой взор в края мои... (V.Z.)

«...наше исцеление творец вложил в великое взаимодействие веществ, и мы бессильны его обрести, покуда не знаем существа этих взаимодействий» (с. 161).

...этот дом был очень приметен: ...когда ещё только подъезжаешь на автобусе или такси к повороту (налево), где виднеется красивая арка с двумя беседками, то этот дом с тремя большими окнами сразу бросался в глаза любому праздному пассажиру. Дом большой, разделённый на две половины. В одной из этих половин жили мы... отец, мама, я и Джон – карликовый пинчер. От дороги надо было пройти по тропинке метров шестьдесят к самому крыльцу из трёх ступенек, светящихся всегда выскобленной чистотой. Небольшая веранда начиналась застеклённой дверью, через стекло которой я часто пробирался, не имея ключа. Но, чтобы попасть в дом, надо было открыть ещё одну дверь, обитую желтоватой кожей (ключ (запасной) всегда висел в веранде на гвозде). Кстати, в этой же веранде стояли отцовские и мои лыжи, холодилось пиво и сушёная рыба к нему. Войдя в дом, можно было удивиться необычайно чистому воздуху... на полу просторного коридора лежала ковровая дорожка. Направо вела дверь в ванную и душевую, выложенные белым кафелем. Здесь же на окне красовались накрахмаленные занавески... в мьльнице лежало начатое мыло, рядом зубные щётки и паста «Поморин». Далее по коридору направо стоял кухонный стол и холодильник. Направо была ещё одна дверь, за которой располагалась большая комната с тремя огромными окнами, смотрящими на дорогу...

У каждого окна в горшках и небольших бочонках стояло много редких цветов... на полу был мягкий ковёр, а на ковре мой рабочий стол, за которым я просиживал дни и ночи... Сразу же при входе в эту комнату бросались в глаза стеллажи с книгами: полное собрание сочинений Толстого, Гоголя, Пушкина, Лермонтова, Диккенса, Манна

и т.д. и т.п. Чуть правее стоял сервант с хрустальной посудой, а ещё правее радиола «Rigonda», мой книжный шкаф и диван, на котором я отдыхал. На диване и над диваном были красивые ковры...

Была ещё одна комната, поменьше... в которой стояли две никелированные кровати и небольшая тумбочка с телефоном. V.Z.

Вл. Золотарёв – С. Чуянову

Москва, 20 марта 1975 г.

Дорогой Серёжа!

Рад был твоему письму.

Понимаю твоё состояние (и влияние на душу нижегородских туманов).

Но думаю, что всё дурное у тебя прошло. Насчёт либретто не переживай: если даже что и не состоится. Стоит ли так серьёзно относиться к неудачам? Да и неудачи ли это? Надеюсь, что Ядгаров – порядочный человек, тем паче восточная кровь не может ему позволить пасть лицом (...).

Если не знаешь и не читал Адальберта Штифтера (австрийский писатель XIX века), то найди и прочти что-либо. Я, например, читал его сборник повестей и рассказов «Лесная тропа» – гениальный писатель! К своему стыду, только сейчас открыл его для себя.

Дела мои без изменений. Правления пока не было, словом, пождём. Не сочиняю ничего с Нового года. Ни строчки! Придётся нагонять – что значит запой! Кстати, бросил, и пить, и курить: надолго ли, трудно сказать.

Высылаю фотографию, но крайне неудачную.

Обнимаю, твой Влад.

P.S. Приветы Рине Звягиной¹³.

Вл. Золотарёв – М. Чекмареву

Москва, 20 марта 1975 г.

Дорогой Михаил Витальевич!

Получил Ваше письмо, которое доставило мне много радости, но и смущения. Спасибо за тёплые слова в адрес моей музыки для баяна: я помню Вас и надеюсь, что желание как Ваше, так и моё

в отношении авторского вечера осуществится в следующем сезоне, но об этом ниже...

Во-первых, хочу поблагодарить через Вас П.Ф. Серотюка, который составил очень интересный сборник. Кстати, он прислал мне и ноты, и письмо, на которое я также отвечу ему.

Во-вторых, что касается Вашего студента, то, конечно, я напишу о себе несколько слов, хотя, по правде сказать, ни биография моя, ни творческие успехи не могут пока вдохновить, подобно inferнальным биографиям Вагнера, Чайковского или Шёнберга, но тем не менее буду рад, если эти несколько слов помогут Вашему студенту.

Год моего рождения 1942 (13 сентября); место рождения – военная бухта Де-Кастри (на Японском море). Родители: отец – военный офицер; мать – его помощница. С детских лет любил баян, но до 16 лет не занимался музыкой. Детство я посвятил поэзии, литературе, философии и рисованию: мечтал стать философом. Писал стихи, прозу, философские сочинения самого разного направления. Больше всего любил читать философов: Канта, Гегеля, Шопенгауэра, Юма, Шеллинга, Ясперса и других. С 16 лет меня озарило, и я стал упорно учиться музыке у прекрасного музыканта-баяниста (оконч[ившего] Кишинёвскую консерваторию) Ник[олая] Алекс[андровича] Лесного. За два года подготовился в муз[ыкальное] училище. Сочинять начал с 1962 года. Много играл в сольных концертах. В программах были такие произведения, как хоральные прелюдии Баха в обр[аботке] М. Регера, «Чакона» (Бах-Гвоздев), Органный концерт (Бах-Страделла), Партиты № 2, 6 (Бах), «Картинки с выставки» Мусоргского, прелюдии Скрябина, Рахманинова, и, конечно, свои сочинения. К баяну я всегда питал благоговейное уважение и убеждён, что у этого уникального инструмента величайшее будущее.

В 1963 г. призвали в армию, а в 1966 г. я демобилизовался и вернулся в Магадан заканчивать училище. К этому времени я написал много сочинений, среди которых – «Камерная сюита» (в сборнике), Концертная симфония для баяна и сим[фонического] орк[естра] и др.

В 1968 г. я закончил муз[ыкальное] уч[илище] как баянист со следующей программой:

- 1) 13 этюдов на тему Паганини в собственной обр[аботке];
- 2) Бах-Бузони-Гвоздев – «Чакона»;

- 3) Мусоргский – «Старый замок», «Два еврея...»;
- 4) Паницкий – «Ой, да ты, калинушка»;
- 5) «Концертная симфония для баяна и ф[ортепиано]» (муз[ыка] моя).

С этого же года занимаюсь под руководством Шостаковича, затем Щедрина, затем консерватория (у Хренникова), из которой ушёл, затем у Денисова. Пишу в основном оркестровую музыку: три симфонии, две поэмы: «Остров мёртвых» и «Мартин Иден», Диптих и Триптих, Концерт для орк[естра]; ораторию «Ex libris» (из книг). Много камерно-инструментальной музыки: соната для виолончели и ф[ортепиано]; соната для кларнета соло; для флейты, домры и баяна, три квартета, трио для флейты, домры и баяна и др.

Пишу также вокальную музыку: романсы, кантаты, песни на стихи западных поэтов.

Что же касается авторского вечера, то я думаю, лучше скомпоновать смешанную программу, например, наряду с музыкой для баяна поставить какие-либо камерные произведения (к примеру, Драматическую поэму «Мартин Иден» для альта с оркестром, или любой струнный квартет, или цикл романсов, или даже Концертную симфонию для баяна с орк[естром]).

Если же это невозможно, то, думаю, программу можно составить следующую:

I отд[еление]

1. Партита № 1 (13–14)
2. Детская сюита № 1 (или № 2, 3, 4)
или вместо: Испанская рапсодия (12–13)
3. Соната № 2 (15–16)

II отд[еление]

1. Камерная сюита № 1 (16)
2. Соната № 3 (24)

Кроме этого можно выбрать:

- Соната № 4
- Партита № 2
- Соната № 1
- Медитации (их всего 24 пьесы, но можно выборочно).

Но лучше программа, которую я предлагаю. Вот, пожалуй, и всё о себе.

Пишу Вам адрес Митченко (но не уверен, верно ли, потому что он не ответил мне на последнее письмо). Москва, Ж-507, Самаркандский бульвар, д. 9, корп. 3, кв. 72.

Мой домашний адрес: Москва, 125475, Зеленоградская, д. 23, кор. 5, кв. 474 (тел. 457-30-05).

С уважением Владислав Золотарёв⁹.

Вл. Золотарёв – П. Серотюку

Москва, 20 марта 1975 г.

Уважаемый Пётр Фёдорович!

Получил ваше письмо и сборник пьес. Сердечное спасибо за тёплые слова в адрес моей музыки, за дружелюбие ко мне лично.

Сборник я внимательно просмотрел и нашёл, что программа подобрана с тонким вкусом и в хорошем соотношении – это хороший подарок для наших юных баянистов, с чем поздравляю и Вас лично. То, что Вы сделали с маршем, вполне соответствует замыслу и тексту, и я совершенно без претензий. Я знал до вас ещё одного составителя баянных сборников – А.И. Толмачёва (мой приятель), но он составляет концертные переложения в основном органной музыки, а то, что делаете Вы (и дай Вам бог и в дальнейшем это же делать), – более полезно и нужно, ибо наши дети совершенно не имеют прекрасных образцов совершенной музыки, на которой бы могли воспитывать свои душевные качества и совершенствовать технологию.

У меня есть около десяти, а быть может, и больше пьес для готового баяна, но все они рассчитаны на 4–5-й классы ДМШ или I, II курс муз[ыкального] уч[или]ща.

Я подумаю, перепишу и вышлю Вам. Если понравятся и найдут применение, то буду рад. В свою очередь, как только что-либо появится для баяна из моего, – так сразу же вышлю.

Ещё раз большое спасибо за внимание и доброту – Ваш Владислав Золотарёв.

P.S. Мой адрес: Москва, 125475, Зеленоградская, 23, кор. 5, кв. 474 (тел. 457-30-05).

Вл. Золотарёв – Э. Денисову*

Смела, 26 марта 1975 г.

Дорогой Эдисон Васильевич!

Третьи сутки как на Украине... воспользовавшись своим бездельем, кот[орое] раздражает до крайности, надумал написать Вам то, что никак не мог уложить в короткие встречи и телефонные разговоры...

Климат здесь удивительный (кажется, я писал Вам об этом год назад); располагает к уединению и равновесию, снимает ночную усталость, одаривает редко всплывающими воспоминаниями о самых лучших мгновениях жизни, которые давно пребывают в вечности... и я завидую их участи.

Моя лучшая человеческая совесть взывает к совести художественской и негодует, и отчаивается из-за компромиссов, на которые решилась последняя...

Конечно, я не могу быть объективным в отношении мыслей, которые выскажу на бумаге, но где критерий этой объективности? Неужели Кант менее объективен, чем Гегель? Или свод Библии более правдоподобен, нежели индуизм или талмуд.

Когда я, поддавшись уговорам жены и Щедрина, поступил в консерваторию, то осознал каким-то глубоким и мудрым чувством, что допустил первую большую ошибку, не послушав голоса внутренней совести. Оставив консерваторию, в которой, кстати, и не учился, я вновь почувствовал себя свободным и сильным.

Только Вы можете понять, почему я отвернулся от того, к чему все стремятся правдами и неправдами.

Конечно, все, кто искренне желает мне доброго, а именно так называемой композиторской выучки (школы), все они не заблуждаются и мнение их вполне объективно в своей закономерности... но что значит школа? Лично для меня школа – это олицетворение самого серого, скучного однообразия, быть может, не с первого класса, где моё самосознание ещё было в колыбели, а позже, когда я убежал с уроков и даже подолгу не ходил в школу, а пропадал в публичной

---

* Фрагмент письма без окончания. По всей видимости, никогда не было отправлено адресату. – В.Б.

библиотеке, где с непередаваемым увлечением штудировал и конспектировал Канта, Шопенгауэра, Ницше, Гегеля... С. Соловьёва, Ключевского... Когда я с детства полюбил одиночество, и природа была моим богом в любом проявлении... Как я мог терпеть разные кружки?! Какие-то чуждые мне сборища (пусть даже самые полезные и благородные в своей направленности)!..

И позже, начав учиться музыке, избрав её как постулат всей жизни, я всегда чувствовал себя белой вороной... ведь если рассказать некоторые эпизоды моего ученичества, то многим станет, вероятно, совестно за человека, репутация которого хоть и не сверкает гранями, но тем не менее первозданна в своей наивности: попросив своего преподавателя по спец[иальности] заниматься со мной теорией, я выучивал наизусть биографии композиторов, эл[ементарную] теорию и I ч. гармонии выучивал с точностью до запятой. Во всём, будь то литература, философия или музыка, я подходил к предмету через личность творца. В собственном творчестве придерживаюсь того же.

А потому мне всегда чуждо то, в чём моё внутреннее чутье улавливает фальшь и замаскированную безнравственность, хотя это зачастую-то стоит массивным монументом на плечах общественного мнения, являя собой одновременно: «учитель сказал» и «мой кумир». Напротив же таких, как А. Бёклин, Фридрих и Готфрид Келлер, Конрад Ф[ердина]рд Мейер, Альберт Штифтер, Обреخت, Брукнер, Рeger (оркестровый, но не органнй)... я безмерно люблю и почитаю, несмотря на общий для всех ярлычок «мастер пейзажа, на фоне кот[орого] люди – всего только статисты».

Я глубоко убеждён, что время этих имен далеко впереди, когда сознание большинства людей поднимется к этим чистым и пока неприступным вершинам человеческой нравственности.

Вы, может быть, не согласитесь со мной, но в Вашей музыке последних лет (исключая «Жизнь в красном цвете») я чувствую ту же струну, хотя и то, что заключено в скобки, есть продолжение... но тем не менее это начало какого-то нового, вернее старого, но в новом качестве, на рубеже более дальних эстетических позиций... периода. О подобных вещах я привык судить так: «...это не близко

мне, но независимо от границ моих привязанностей – это истинный шедевр, кот[орый] можно принимать, но никак не спорить».

Вы простите за невнятность изложенного: я давно не писал писем и совсем разучился мыслить пером, т.е. утратил...¹⁰

Вл. Золотарёв – И. Кошелевой*

[Смела, конец марта 1975 г.]

(...) Я вполне сознаю, что я чрезмерно поглощён тобою, что надо меньше думать о тебе. Ведь это безумие так часто повторять одно и то же в десятках и сотнях писем!

Лучше пережить год, два, три, а потом, наверное, умрёт любовь, и всё станет на прежние места, и я вновь обрету внутренний мир гармонии и чистоты. А пока в душе моей дисгармония, подозрительная ревность с грязными мыслями, которых я боюсь и которые я ненавижу. Я ничего не могу поделаться с собою и должен честно признаться в том, что нелестно думаю о своей любимой. Твоя душа казалась мне тем маяком, который приведёт нашу любовь в чертоги счастья, она казалась мне столь возвышенной и прекрасной, что я не мог дать себе повода заподозрить её в низменных чувствах, свойственных женщинам заурядным; я полагал, что твоя любовь будет столь же продолжительной, сколь она была пламенной, но теперь отчётливо вижу, что моё романтизированное воображение было обманчивым. Ещё до того, как я первый раз в жизни тебя ударил, ты посеяла в моей душе страшную ревность и подозрение в обмане, но это прошедшее... хуже случилось потом... ты первая начала обманывать меня, и о многих обманах я, к сожалению, знаю... это дало повод мне обманывать тебя для процветания своей работы (случай с деньгами на ноты и рукописи).

Я многое тебе простил, милая моя Ирина! Простил тебе такие вещи, которые не простил бы ни один мужчина в мире! В ответ же что я получил! Ты осмеливаешься обвинять меня в пороках, кот[орыми] наделены многие люди, но которых нет у меня!

Денежный вопрос поглотил тебя всю целиком, и ты хочешь в оправдание перенести эту греховность на мою душу! Как это не-

---

* Фрагмент письма, которое, по всей видимости, никогда не было отправлено адресату. – В.Б.

справедливо! Нечестно и гадко! Боже мой! Всю свою жизнь я прожил с единственным стремлением быть полезным отечеству, быть любимым избранной женщиной, лишённый всякого тщеславия и суетного любопытства, поглощённый в океан музыки, страдающий в своём каждодневном совершенствовании.

Не я ли всегда заботился о тебе и никогда не покидал тебя в беде? Ты скажешь – я пил, издевался над тобой! Но это неправда! Я пил потому, что мне не оставалось более ничего в те мгновения, я в вине забывал свои обиды и свою нелюбовь. Я никогда не мог себе предположить, что человек, полюбивший меня всей душой, преданно и самозабвенно, мог разлюбить столь быстро, что я не успел даже сообразить и верно оценить случившееся. Ведь тебе не видать, что в дни, когда у нас всё «тихо» и как будто «хорошо», я весь, как сжатая пружина, маленький толчок, – и она снова разжимается...

Я понимаю... в этом мире наивно ждать любви и постоянства... наивно доверять любимому человеку, потому что если тот любит, то также не доверяет, потому что истинно любящие люди – избранники богов, как и талантливые. Они честны, чисты душою, доверчивы до первого обмана. Ибо так, наверное, повелось, что не может быть полной гармонии, взаимности между двумя любящими. Один из них обязательно ниже качеством, более податлив к разложению... Что же делать? Умереть?

Но какой смысл, если тот, ради кого это произойдёт, не любит?

Да, я трачу драгоценное время на это длинное и ненужное письмо... в этом я тоже нахожу какой-то выход своим чувствам и мыслям, которые мучительно стучатся в двери моего сердца, чтобы прикончить меня. Умереть легко! Но надо жить! Столько людей нуждается во мне, и как ни велик соблазн забвения и покоя, я не могу пустить свою жизнь по направлению к подземным водам... к большинству мне рано ещё присоединяться.

Мысли о самоубийстве – это моя давняя и страшная болезнь, которая подтачивает мою стойкость. Я боюсь этих мыслей, потому что они – слабость, несостоятельность.

Самоубийство – это бегство от жизни, трусость, но я всегда мыслил умереть спокойно с чистым сознанием необходимости

и естественного конца, когда Бог сам решит, что ты бесполезен для дальнейшей жизни, для дальнейшего времяпровождения.

Ты же упорно хочешь приблизить этот зависимый от меня конец и в некотором ты уже преуспела. Только не надо забывать, моя хорошая Ирина, что если даже ты не хочешь этого, то своим отношением ты всё равно вредишь мне. Ведь «неудачный» прыжок с пятого этажа когда-нибудь завершится «удачно»... Не будет ли это очередным «хулиганством» с битыми стеклами?!

Поэтому лучше всего, вероятно, нам просто не жить вместе, оформить юридически (как делают обыватели) наш развод, погрузить, поплакать несколько месяцев, а может, и лет, а может, и всю жизнь... и умереть с чистым и верным воспоминанием о нашей любви... ценнее которой нет ничего в этой анархически-грязной жизни, в этой семейной трясиной драме, засасывающей лучшее, что есть в нас.

Я тебя хорошо чувствую, моя любимая Ирина, как тебе противна, ненавистна наша и уже не наша жизнь... Чем я могу помочь?.. единственно, наверное, не мешать тебе... не «мозолить» глаза...

Ведь, если бы ты любила меня, разве ты не ответила бы мне, не протянула руку в ответ на мою?..

Отчуждённо лежишь в своей постели... ведь не думаешь обо мне... не дрожишь от радости близости со мною... К чему всё это пишу я?.. Какая глупость...

Вероятно, прав Бунин, когда писал в одном из своих рассказов: «Жизнь – скучный, зимний день в грязном кабаке, не более...»

Жаль только, что без тебя именно такая жизнь ожидает меня...

Но разве можно винить тебя в чём-либо?..

Мне станет, может, лучше, если я буду знать, что твоя жизнь полна новыми впечатлениями, новым счастьем, солнцем новой любви...

Поэтому я желаю тебе этой Новой жизни...

Ведь ты ещё очень молода, моя родная, милая Ирина...

Ты красива... ты можешь очаровать и привлечь незаурядного человека... и кто его знает, не окажется ли он лучше меня...

Если приеду к тебе, не позвонивши, не обижайся, что незванно... (вернее не сердись, обижаются любящие)... Прощаться пока рано...

†
V. Z.

P.S. Писать мне не надо¹⁰.

Вл. Золотарёв – И. Гвоздеву

Москва, 30 марта 1975 г.

Здравствуйте, Игорь!

Я получил Ваше письмо и тороплюсь с ответом... если что не допишу, не сердитесь. Конечно, было бы лучше встретиться, но раз так выходит, что невозможно это осуществить, то прибегнем к верному способу общения, которым с таким искусством владели наши предки.

Во-первых, хочу поблагодарить Вас за внимание к моей музыке (в данном случае к Первой концертной симфонии для баяна, ибо она так называется, хотя, впрочем, если говорить о первой редакции, то, конечно, это действительно Концерт для баяна и камерного оркестра: вторая редакция более расширена и по форме, и в инструментальном отношении – для большого оркестра).

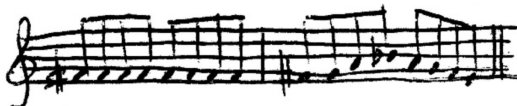
Вы верно определили форму единого сонатного allegro, но только всё это – одна часть, т.е. условно называемая экспозиция отделена от разработки двойной тактовой чертой. В целом же форму Концерта можно отнести к так называемой контрастно-составной, но сугубо монотематичной: главное зерно всего концерта –

из этого и тема фугато:

и разработка:

и всё прочее.

Насчёт сферы побочной партии тоже верно, ибо как таковой поб[очной] партии здесь нет из-за монотематизма.

II часть Adagio spirito – это своеобразное лирическое отступление: тема с вариациями. Затем alla cadenza ad libitum (небольшой эпизод типа каденции с подводом к финалу). Я сознательно разбиваю весь концерт на части, хотя по структуре он одночастен (состоит из 4 эпизодов, связанных между собой единой интонацией, кот[орая] в свою очередь в развитии трансформируется, а также единой настроенческой сферой).

Кода очень сильно напоминает (и тематически, и ритмически) вступительную часть.

Вот, пожалуй, всё о первой редакции Концерта. Теперь о частностях. С Мариэттой Сергеевной Шагинян я был очень дружен, и мы одно время вели обширную переписку, где, кстати, много мыслей было о новой музыке и о баяне... о музыке для баяна...

В моей творческой судьбе её имя много значит, и я, когда сочинял этот концерт, будучи в армии, в трудных пограничных условиях (служил я без скидок, напротив, то обстоятельство, что я был музыкант, мне даже вредило), решил посвятить эту музыку известной писательнице и моему хорошему другу.

В данном сочинении очень много реминисценций (воспоминаний) о Брамсе, Шумане, Листе, Григе, раннем Шёнберге и, конечно, Бахе. Но все эти воспоминания проходят через призму моего собственного восприятия всего, что окружает, что живёт глубоко в сердце. Теперь отвечаю на Ваш 3-й вопрос. После Третьей сонаты я написал Четвёртую и Пятую детские сюиты, Вторую партиту, Четвёртую сонату (заканчиваю); Вторую концертную симфонию с симф[оническим] оркестром, 24 медитации, Траурную музыку, Испанскую рапсодию, Третью конц[ертную] симф[онию] с симф[оническим] орк[естром] (заканчиваю). Для баяна, пожалуй, всё... а вообще за последние три года сочинил много вокальной музыки, камерно-инструментальной, кантаты, ораторию...

Желаю Вам больших успехов в Вашем замечательном, но нелёгком деле. Если случится какая-либо неясность с текстом моей музыки, пишите.

Передавайте мои пожелания Вашей жене и Вашей маленькой дочери. Всегда Ваш Владислав Золотарёв.

P.S. Напишите, как пройдёт Ваш концерт в училище (12 апреля)¹⁰.

Москва (дома), 30 марта 1975 г., 14:30

В моих жилах течёт кровь всех наций, и я ненавижу национализм в любом его проявлении. Христос, Будда, Магомет – хороши, каждый в своём.

Бах, Мусоргский, Обрехт, Палестрина, Пёрселл, Моцарт, Ксенакис, Малер, Шёнберг, Айвз... все они лучшие представители своих наций, и я люблю их, и верю им, и буду защищать их искусство, если придётся. V.Z.

Москва (дома), 31 марта 1975 г., 19:30

Жена моя уходила утром на плавание в бассейн. Мне же поручила обед. Помыв посуду, я начистил картошки; затем разрубил и порезал баранину, приготовил лук. Поставил вариться кость для бульона, бросив туда же головку лука. Прокалив жаровню, пожарил мясо с луком, затем порезал картофель (до верха) и залил водой из чайника, положив соль, лавровый лист и перец. Получилось всё это вкусно... но тем не менее к вечеру моей жене захотелось поссориться: причина – я назвал её бывшего мужа негодяем и скупидоном... осадок противный.

Говорили недавно с родителями: просили в долг 500 рублей за квартиру.

Москва (дома), 1 апреля 1975 г., 21:30

У каждого композитора есть своя любимейшая тональная или атональная сфера, свои любимые условные обозначения, предпочтение *piano* или *forte*, *бекару* или *дизеу*... Я люблю как тональную, так и атональную сферы, *бемоль* люблю очень – *дизеы* почти не люблю...

Вл. Золотарёв – П. Серотюку*

Москва, начало апреля 1975 г.

Уважаемый Пётр Фёдорович!

Высылаю Вам миниатюры для баяна: если понравятся – можете включить в любой из своих будущих сборников для издания. «Стою один в печальной тишине...» – пьеса для выборного баяна, но вполне пригодна для исполнения на «готовом» баяне.

То же относится и к другим пьесам, за исключением «Облака отражаются в водах...» – эта пьеса для «готового» баяна.

Пишите мне, уважающий Вас Вл. Золотарёв.

P.S. Несколько позднее я перешлю Вам ещё ряд сочинений для «готового» баяна, но более сложных (технически).

---

* Записка к бандероли с четырьмя пьесами для баяна, опубликованными позднее в издательстве «Музична Україна» под названием «Четыре акварели». – В.Б.

Москва (дома), 5 апреля 1975 г., 22:30

Почему люди живут так отвратительно! И этой отвратительностью застилают глаза тем, кто живёт праведно, или кто хочет жить хорошо, или кто не потерял надежды жить хорошо?!

Почти месяц благоразумной жизни, и снова – скандал! Как надоело и опостылело! Всегда нужны деньги, деньги, деньги!!! Написал письмо Шостаковичу с просьбой одолжить тыщу с лишним...

Москва (дома), 6 апреля 1975 г., 01:30

Я понимаю, что если в моей душе темно и она переполнена неосознанным страданием, то это не значит, что каждый, кто соприкасается со мною, также должен страдать... не могу постичь причину этих страданий...

Не болезнь ли это? А если болезнь, то какая? И в чём лечение?.. Девятая Малера... – симфония столь близкая мне... а я столь далёк, чтобы так же писать свои вещи... Ирина спит в своей комнате... ей неведомы чувства, от которых сердце моё разрывается, и никогда мы не поймём друг друга – в этом наше несчастье, отсюда и вся несовместимость: ей недостаёт моей любви, а мне её...

Сегодня у Денисова день рождения... заканчиваю вторую редакцию Вечерней кантаты (ему посвящённой), которую хочу преподнести ему как подарок.

Позавчера говорил по телефону с Рождественским, а вчера отвёз ему пять партитур для просмотра: ораторию «Ex Libris», Вторую симфонию, поэму «Martin Eden», Диптих и Две пьесы для оркестра.

Надежды пока нет ни малейшей... так хочется умереть!

02:30

Кто больше всех говорит о честности, тот больше всех лжёт.

Москва (дома), 8 апреля 1975 г.

Снилось... три грузовика, развернувшись, один за другим помчались с горы в море: на грузовиках были огромные цистерны. Последний грузовик перевалился за небольшую перегородку в открытое море. День был на редкость солнечный и тёплый. С горы

мне открылся великолепный вид на море, над которым висела розоватая дымка... Я спустился по тропинке к пальмам и кипарисам и пошёл по чистой асфальтовой дорожке...

Москва (дома), 11 апреля 1975 г., 03:00

Все эти дни проводил за тем, что бродил с жёнушкой по музеям, был на симфонической секции (Дима сочинил симпатичный квартет).

Вчера виделся с Липсом, двумя днями раньше – с Галкиным.

Москва (дома), 12 апреля 1975 г., 10:00

Вчера с Ириной ужинали в «Метрополе», а несколько позднее подъехал Владик, и в том же «Метрополе» смотрели фильм «Отроки во вселенной».

Вчера же за чашкой кофе набросал план-схему оратории «Le quattro stagioni».

Звонил Рождественский: имеет желание исполнить Диптих; от посвящения к симфонии № 2 не отказал, напротив – выразил благодарность, но исполнять её не будет, равно как и ораторию, объяснив тем, что требуемый состав оркестра, а тем более 4 хоров в данной ситуации в его практике невозможен (в оратории ещё тексты!..); о поэме «Martin Eden» ни слова.

Звонил сегодня также Тимураз Бокурадзе: быть может, встретимся с ним в Иваново, если поеду...

...купил с Ириной две симфонии (№ 4, 8) Шуберта в исполнении оркестра Дрезденской штатскапеллы.

Виделся (вчера) с Гогой Буз-оглы.

19:00

Были с Ириной у Рождественского: я познакомил её с ним после того, как, взяв партитуры и выйдя к своей жёнушке, с которой мы взглянули из окна на улицу, чтобы убедиться в том, что дождь перестал. С восьмого этажа было видно, что дождь заметно утих. Вызвав лифт и уже зайдя в кабину, я увидел через решётку Рождественского. Мы, разумеется, вышли к нему, ибо он увидел нас, держа в руке сигарету. Тут-то я и познакомил Ирину...

Москва (дома), 13 апреля 1975 г., 12:15

Вчера в 20:30 позвонила Ирина от матери с просьбой – привезти матрац. Я взял такси и подвёз.

У Гарика была попойка, а я, ужиная, с отвращением высказался по этому поводу. Ирина же выпалила: «Себя лучше вспомни!» Я попросил не вспоминать того, что было и чего не было, но она не унималась. Не доев салат, я встал из-за стола, оделся и, попрощавшись, вышел. Хотел сразу уехать домой, но, подумав, что Ирина будет бояться идти так поздно, стал ждать у метро «Сокольники».

Взял путёвку в Дом творчества (моя жёнушка нашла, чем отплатить). Встретился с Михайловым: говорили о возможностях квартета саксофонов – хочю между делом написать для них...

Ирина помогала маме, а в половине пятого мы встретились у «Националя» и поехали в Третьяковку: бродили в залах второго этажа... Я сварил сегодня вкусную уху из сома, и мы, придя домой, страшно усталые и голодные, с отменным аппетитом почти опустошили трёхлитровую кастрюлю. Ирина уже спит... Владик доделывает уроки, а я просматриваю «Три поэмы А. Мишо» Лютославского и слушаю мессы Палестрины⁹.

Вл. Золотарёв – П. Серотюку

Москва, 17 апреля 1975 г.

Уважаемый Пётр Фёдорович!

Простите, что задержал ноты и опоздал с ответом на Ваше письмо...

Было много разных дел.

Отвечу на несколько Ваших вопросов, связанных с пьесами...

Пока не имею никакой возможности прислать Вам ещё несколько пьес для готового баяна, а также для выборного, т.к. через день уезжаю в Дом тв[орчест]ва для работы над заказанной ораторией, кроме которой ничем заниматься не буду.

Но в мае, вероятно, смогу кое-что прислать, а также посоветоваться по поводу издания киевским из[дательств]ом некоторых моих крупных сочинений: Соната № 1, 3, 4; Партита № 2, Испанская рапсодия; Meditationes (24 медитации); Концертные симфо-

нии №1, 2, 3 для баяна с орк. (и для баяна solo – оригинальные редакции, а также Камерные сюиты № 1 (которая в сборнике, но без эпиграфов) и № 2.

Не уверен, есть ли такая возможность у Вас, а если нет, то и не беспокойтесь.

Спасибо Вам за хорошие слова о моей музыке, но думаю, что не скоро она станет желанной для таких мест, как издательства, а без распространения экземпляров, естественно, падает и рост исполнительства (здесь я говорю не только о своей музыке).

С Толмачёвым у меня дружеские отношения, но он составляет чаще музыку с органа, а Репников попал, потому что они давнишние друзья.

С Сурковым никаких контактов не хочу заводить – это совершенно другой лагерь, чуждый моим устремлениям и часто даже мешающий в деле истинно баянном. Такие люди, как Сурков, Онегин, Говорушко... и ещё много можно назвать, из-за недалёкости, косности, отсталости не только мешают, но и способствуют падению баянного репертуара... но это длинный разговор, а времени на это нет.

Я подумаю над школьными концертами для баяна – это хорошее предложение и, кажется, выполнимое. Надо только как-то более реально представить себе всю эту задумку.

Пока прощаюсь с Вами и напоминаю, что всегда рад получить от Вас что-либо о деле. Наилучшие приветы Вашим близким.

Всегда Ваш, Вл. Золотарёв.

P.S. Бесфамильнов меня должен знать: когда-то он подарил мне свою фотографию, а ещё раньше Н.И. Ризоль... передавайте им приветы⁹.

Вл. Золотарёв – А.А. Золотарёву
Москва, 18 апреля 1975 г.

Дорогие отец и мама! Дорогой Генрих!

(...) У нас пока всё без особых изменений: с квартирой неясно; с деньгами – тоже. Послезавтра еду в дом тв[орчества] – за 20 дней надо написать ораторию, а там и деньги могут быть. Словом, пока трудно и моих доходов нет.

Ирина оплатила разные житейские дела: квартиру, телефон и т.п., а также путёвку в дом творчества], а вообще сидим на мели, но вскоре всё-таки должны получить в издательстве и т.д. (...)

В Союзе композиторов пока всё в порядке. Как Вы поживаете? Как Генрих?

Если всё получится, как мы думаем, то, вероятно, летом приедем. Но пока надо поработать в полную силу и уповать не только на Бога, но и на себя. (...)¹⁰

Москва (дома), 18 апреля 1975 г., 11:00

День пасмурный...

Москва (дома), 19 апреля 1975 г., 00:15

Был в издательстве: взял назад сонаты. Затем встречался с Липсом: наметили программу на будущий сезон.

В 20:00 был у Денисова дома. Говорили об анализе, оба сошлись на том, что Лютославский примитивно компонуется сочинения, т.е. по микросегментам – ячееккам; остальные поляки и совсем примитив! Сошлись мнения о музыке Булеза, Ноно... взял табулатуру возможностей арфы и партитуру Штокхаузена «Gruppen für drei Orchester Nr. 6». Надо бы посмотреть помимо этого: Gyorgy Ligeti «Atmosphères».

Иваново, дом творчества, 22 апреля 1975 г., 12:00

Искусство – это вымысел, но не подражание.

Иваново, дом творчества, 26 апреля 1975 г., 20:00

Истинный композитор относится к исполнителю, как и истинный исполнитель к композитору.

Истинный композитор испытывает такое же чувство перед талантом большого исполнителя, как и последний исполнитель – чувство перед первым.

Прошедшей ночью начал всё сначала: найденная организация материала очень приемлема для «La Quattro stagioni».

Иваново, 27 апреля 1975 г., 07:30

...Вообще, человек – страшное существо... он может быть не только носителем чудеснейшего, но и отталкивающего, ужасного в своей отвратительности...

29 апреля 1975 г., 12:30

Говори только о том, что нравится.

Иваново, дом творчества, 7 мая 1975 г., 00:15

Я устал от людей! Так хочется побыть наедине с природой.

Иваново, 8 мая 1975 г., 07:45

Luciano Berio – Tempi Concertati

– circles

– passagio

Georgy Ligety – atmosphères

Karlheinz Stockhausen – Kontra-Punkte

Иваново, дом творчества, 9 мая 1975 г., 22:00

Вспомнил Уссурийск... мастерскую Винцента, где ночами трудились с ним... я тогда зачитывался Энгельсом и «18 брюмера [Луи Бонапарта]» Маркса... Свечи, кофе и квартеты Шостаковича.

Иваново, дом творчества, 10 мая 1975 г., 01:30

Все эти дни думал об Ирине и о себе... как-то у нас сложится... Во-первых, ничего не понимаю в смысле почты: все мои друзья и приятели знают мою жену и очень уважают, а приветов, как таковых, если взять всерьёз, не передают...

Десять свечей (разных по величине) освещают мой стол, на котором я пишу сейчас под звуки шубертовских симфоний.

Двадцать дней работал прекрасно, хотя все дни прошли с разной потенцией, но тем не менее ораторию закончил: частично в партитуре, частично в клавире и немного в голове.

Недавно вернулся из леса: с Тимуром Бокуррадзе прекрасно провели время у ночного костра. Говорили о Штокхаузене, Ксенакисе, Булезе, Денисове, Пендерецком, Лютославском...

Запомнилась звезда между верхушек высоких елей.

Тимуру посчастливилось: он говорил с Лютославским и Штокхаузенom. Прямой ученик Булеза!

Ивановo, дом творчества, 11 мая 1975 г., 10:00

День великолепный! Такой же, как и вчера, и позавчера, и вообще все эти 20 дней. Вчера играл ораторию Финкельштейну. Для себя играл ещё раз ночью.

Научиться молчать. И разучиться вежливости.

«...склонность художников и людей, живо интересующихся художественным творчеством, к искусству для искусства возникает на почве безнадёжного разлада их с окружающей общественной средой» (Плеханов).

«...И, покинув людей, я ушёл в тишину, как мечта одинок, я мечтами живу...» (Брюсов).

И всё, что нас гнетёт, снесёт и светет время,
Все чувства давние, всю власть заветных слов,
И по земле взойдёт неведомое племя,
И будет снова мир таинственен и нов. (Б[рюсов])

«Stephanos» – венок.

«Ломать – я буду с вами! Строить – нет!» (Б[рюсов]).

«Laihas lacrimarum valle» – в сей долине слёз.

«Parfum exotique» – экзотический аромат.

«Odi et amo» – ненавижу и люблю.

Monumentum

Nihil – ничто

Povsto – где бы стать

E futse... – а всё-таки...

М. Чекмарёв – Вл. Золотарёву

Харьков, 12 мая 1975 г.

Дорогой Владислав Андреевич, от души огромное спасибо от всех харьковчан-баянистов. Прошу извинить за задержку с отправ-

лением, которая вызвана техническими причинами. Убеждён, что все талантливые люди – добры, а потому надеемся на снисхождение.

Все эти произведения сразу начнём учить, кроме Концертной симфонии (из-за отсутствия электронного баяна в г. Харькове); возможно, попробуем на электробаяне «Мечта» Житомирской фабрики, но он не идёт в сравнение с баяном Беляева.

Вообще, дирижёр нашей филармонии, сам в прошлом баянист, кстати, мой выпускник, очень заинтересовался Вашими произведениями, и он очень просит выслать пьесу для альта с оркестром, чтобы сейчас её выучить до сентября и включить в тематический план. Наши же педагоги хотят исполнить трио для домры, флейты и баяна. Если есть сейчас возможность выслать, желательно очень с записью на пластинке, если таковая имеется, то очень просим. Обещаю впредь не задерживать отpravку. Праздники уже закончились на производстве. Мне П. Серотюк прислал ноты, которые Вы ему выслали, и мы тоже уже сделали копию их. Если имеется в наличии 4-я Соната и 1-я, то Вы бы осчастливили нас совсем при их получении. Будем рады получить любые новинки. Кроме всего, дирижёр (Николай Шпак) интересовался, имеются ли партии для оркестра или их нет? Я даю сейчас ему Вашу партитуру Концертной симфонии с целью ознакомления. Нет ли у Вас нот 1-й Концертной симфонии для баяна с оркестром или с фортепиано, или, если это возможно, то мы бы сделали её с народным оркестром (если позволяет музыка).

Ещё раз благодарим за всё. Желаем богатырского здоровья, дальнейших творческих успехов и счастья во всем.

P.S. Как Вы отдыхаете летом, где? Были ли когда-нибудь в горах? Мы в июле всегда уезжаем в горы (пешеходные маршруты делаем), и, поверьте, я всегда очень сожалею, что не видят всего этого творческие работники. Какой там простор для фантазии! Какая красота кругом! Люди, побывавшие один раз, остаются влюблёнными в такой отдых до смерти. Если появится вдруг такое желание, то мы бы рады были включить Вас в свою группу, можно вместе с сыном и женой.

Если хотите отдохнуть на Днестре, то могу организовать и такую возможность.

До свидания, 12.V.75 г., Чекмарёв³.

Вл. Золотарёв – В. Большанину

Иваново, 13 мая 1975 г.

Дорогой мой друг! Родной мой граф де Большанский!

Написал вторую ораторию «Le quattro stagioni». Но партитура пока не готова. Выезжаю в Москву через час. Пиши на К-9. Очень хочу с тобой встретиться. Обнимаю и люблю, твой Влад. V.Z.

P.S. Всем приветы⁹.

Вл. Золотарёв – С. Чуянову*

Иваново, 13 мая 1975 г.

Дорогой Серёжа!

Спешу на поезд. Прости, что не написал письмо: много было работы. Кажется, написал то, над чем работал.

Пиши на К-9. Твой Влад¹³.

---

* Это было последнее письмо и последний день жизни Владислава Золотарёва. Вернувшись в Москву, после очередной ссоры с женой он покончил с собой. – Ф.Л.

ИЗБРАННЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ РАБОТЫ И СТАТЬИ

НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И СТАРЫЕ ИСТИНЫ*

Баян! Сколько ярких, впечатляющих страниц советской литературы и поэзии посвящено этому замечательному инструменту! Поэты воспевают баян в поэмах и песнях. Советские и западные композиторы поручают ему ответственные партии в оперных и симфонических партитурах, пишут для него сольные концертные произведения.

С каждым годом баян завоевывает все большее место на концертной эстраде. Достаточно вспомнить всемирные фестивали молодежи и студентов, международные конкурсы баянистов и аккордеонистов в Брюсселе, Праге, Вене, Клингентале, Лестере, Нью-Йорке (где советские музыканты не раз удостаивались высоких наград и золотых медалей).

Баян – инструмент исключительной выразительности, обладающий широким диапазоном, большими тембровыми и техническими возможностями. В настоящее время диапазон баяна не уступает фортепианному. Расширились и его технические возможности: за счет регистров можно удваивать и утраивать октавы, добиваться различной окраски звука, исполнять многоголосные сочетания (до десяти звуков одновременно!) в самых различных комбинациях. Возможным стало исполнение любых фортепианных или органнх произведений в оригиналах, без переложений или купюр.

Все чаще звучит баян совместно с камерными ансамблями (трио, квартетами), с симфоническими оркестрами. Тембр инструмента вызывает симпатии многих скрипачей, виолончелистов, пианистов: так, Мстислав Ростропович неоднократно выступал в концертных поездках с известным баянистом Юрием Казаковым. Святослав Кнушевицкий, Рафаил Соболевский и многие другие известные музыканты играли под аккомпанемент баяна.

---

* Первая публикация: Музыкальная жизнь. – 1970. – № 22. – С. 10.

Сравнительно недавно еще мало кто предполагал, что на баяне станет возможным исполнение произведений Баха, Гайдна, Моцарта, Бетховена, Шуберта, Мусоргского, Чайковского. А сегодня баян и аккордеон звучат в Московской консерватории, в Концертном зале имени Чайковского, в «Карнеги-холле», в залах Парижской, Варшавской, Таллинской консерваторий...

Для баяна писали и пишут видные западные композиторы: Богуслав Мартину, Рой Харрис, Поль Крестон, Жюль Кати. Ему уделяют много внимания советские композиторы Николай Раков, Александр Холминов, Николай Чайкин, Юрий Шишаков, Константин Мясков.

Но, несмотря на то что репертуарный портфель баянистов значительно пополнился за последние пять-шесть лет, все-таки ощущается нехватка масштабных концертных произведений. Многочисленных миниатюр Шендерова, Бонакова, Репникова, Бояшова и других авторов уже недостаточно для концертирующих исполнителей.

Некоторые композиторы, пишущие музыку для баяна, как мне кажется, не относятся с должной требовательностью к творческой работе над баянным репертуаром. Отсюда – бледность, шаблонность многих сочинений. Сборники баянной литературы наводнены ремесленными, бездарными подделками под якобы народную музыку.

Издательства, выпускающие в свет такие сборники, вряд ли задумываются всерьез над острой проблемой, стоящей перед музыкантами-профессионалами. Концертирующие баянисты нередко попадают в затруднительное положение, подбирая программу для сольных концертов: произведений крупной формы (концертов, фантазий) для баяна с оркестром так мало, что их можно перечесать по пальцам. Не лучше обстоит дело с сонатами, партитами, сюитами. Между тем пришло время, когда баян заявляет о своих правах с лучших концертных трибун, соперничая с органом, скрипкой, фортепиано. Но для успешного «состояния» необходима новая, яркая и высокоталантливая музыка.

Пора наконец композиторам оставить скепсис в отношении баяна и создать произведения, которые не уступали бы по качеству музыке, написанной для других, «признанных» инструментов.

Известному баянисту Эдуарду Митченко не раз приходилось наблюдать искреннее удивление даже крупных композиторов, когда им доводилось услышать его игру: «Ах, какой тембр! Какая мощь! Трудно поверить, что это баян! Подумать только – какая сложная полифоническая фактура может быть исполнена на одном инструменте!»

Да, удивительные, просто сказочные особенности таит в себе этот прекрасный и пока еще мало исследованный инструмент!

В нем таятся возможности величественного органа и клавесина, скрипки и фортепиано. Он может звучать то прозрачной флейтой, то печальным гобоем, то мягким и томным кларнетом, то ворчливым фаготом, то вдруг взорваться многоголосицей большого оркестра – звуками труб, валторн, тромбонов...

В заключение хотелось бы сказать, что пришла пора, когда надо создавать отдельные кафедры баяна (аккордеона) в учебных заведениях, отделяя баян от так называемой народной секции исполнительских кафедр.

Советская фирма «Мелодия» чрезвычайно мало места в своей работе отводит баянистам. А между тем продавцы магазинов могли бы подтвердить, что спрос на записи известных исполнителей-баянистов огромен.

Баян нуждается в значительно большем внимании и со стороны филармоний, радио и телевидения.

Хотелось бы чаще слушать сольные концерты Эдуарда Митченко, Анатолия Беляева, Вячеслава Галкина; чаще видеть новые имена на афишах. Почему приумолкли Вострелов и Петров, завоевавшие на международных конкурсах в Лестере и Нью-Йорке золотые медали? С интересом были бы встречены советской публикой зарубежные исполнители на баяне и аккордеоне.

Баянисты ждут новых произведений. Так не взять ли за правило систематическое проведение конкурсов на лучшие произведения для баяна и аккордеона?¹⁸

РОДИОН ЩЕДРИН

Достижения советской музыки на рубеже 1960-х годов (творческие портреты)

Музыка Родиона Щедрина широко известна как в нашей стране, так и за её пределами. Его произведения звучат по трансляции радио и телевидения, в концертных залах и в домашнем кругу.

Творчество композитора охватывает самые различные жанры: от популярной песни-марша из кинофильма «Высота» до балета «Конёк-Горбунок»; от джазовых наигрышей до оперы «Не только любовь»; от «Озорных частушек» до симфоний.

Жизнь в произведениях Щедрина полна движения, ярких красок, сильных чувств.

Темпераментное, сочное звучание его оркестровых партитур поражает новизной, неожиданностью найденных эффектов и подлинным мастерством. Таковы, например, его балет «Конёк-Горбунок», созданный на основе сюжета сказки Ершова, и опера «Не только любовь»; балет «Кармен-сюита» и Вторая симфония.

Броскость, проявление жизнелюбивой энергии и активности, юмор, глубокая сосредоточенность и беспредельно русский национальный элемент – таковы отличительные черты произведений Родиона Щедрина.

Щедрин последовательно проводит через всё своё творчество две параллельно идущие концепции: следование традициям Прокофьева, Шостаковича и обновление русской интонации за счёт современных достижений музыки Запада.

Как известно, долгое время некоторые крупные западные музыканты недооценивались советскими теоретиками-музыковедами, и в результате многие музыканты, а также любители музыки впали в серьёзное заблуждение. Искусству зарубежных музыкантов отказывали в их социальной значимости, при этом почти не зная их творчества. В настоящее время, однако, во всех советских республиках занимаются исследованием музыки Шёнберга, Веберна, Орфа, Берга и Мессиаана; сочинений Бартока, Копленда и Стравинского.

Родион Щедрин на примере своих многочисленных произведений доказал нужность и полезность досконального изучения современной композиторской технологии.

В композиторе привлекает его фанатизм, одержимость, без чего немислимо стать истинным мастером своего дела. Он весь в музыке, и кажется порой, что музыка рождается легко и быстро. На самом деле подобная характеристика ошибочна. Процесс творчества чрезвычайно сложен; сначала долгий путь находок и разочарований, длительных размышлений, импровизаций, и, лишь когда всё ясно сложилось в голове, как говорил в своё время Франц Шуберт: «...единым взором окинуть всё произведение...» – только тогда композитор садится за стол и записывает почти готовое сочинение.

Впрочем, у каждого композитора процесс сочинения различен. Так, Бетховен любил сочинять, когда совершал многочасовые прогулки в окрестностях Вены, записывая в блокнот рождающиеся музыкальные мысли. Без фортепиано любили работать Вагнер, Чайковский, Прокофьев, Шостакович... А вот Игорь Стравинский сочиняет в основном за инструментом.

Что же касается Щедрина, то он предпочитает подольше размышлять над вновь рождающейся музыкой и только изредка прибегает к помощи фортепиано.

Последние годы были наиболее плодотворными у композитора. Вслед за его Первым фортепианным концертом и Первой симфонией появляются Второй концерт для фортепиано с оркестром и Вторая симфония. За балетом «Конёк-Горбунок» и оперой «Не только любовь» создаются Прелюдии и фуги для фортепьяно, балет «Кармен-сюита», в котором композитор творчески преломляет музыку Бизе. Большой успех выпал на долю «Поэтории» (совершенно новый жанр в музыке), написанной на текст стихов поэта Андрея Вознесенского.

Последним достижением композитора явилась кантата для солистов, хора и оркестра «Ленин – в сердце народном», которая вызвала множество откликов в периодической печати.

Обладая исключительным даром «идти в ногу» со временем, композитор откликается в музыке на самые разные жизненные явления.

У Родиона Щедрина есть сочинения, в которых звучит русская частушка или же, напротив, модные джазовые импровизации живут вместе с серьёзными, целомудренными мелодиями. Все эти, на первый взгляд, неожиданные эффекты имеют строгую последовательность авторского замысла, раскрывающего всю глубину нашей действительности.

Послушайте, к примеру, фрагмент из Первого фортепианного концерта, который отличается сосредоточенностью мыслей, раздумьями и переживаниями нашего современника. Музыка то сумрачная, то негодующая, переходящая затем в патетику, и, словно успокаиваясь, переходит в мягкие, чуть приглушённые аккорды фортепьяно. Но вот вихрем врывается натуральная русская частушка! Это финал концерта. Сколько яркости, праздничности, оригинальности, сколько изобретательности проявил композитор, разрабатывая незатейливые попевки частушки. Концерт заканчивается призывом к созиданию и совершенствованию нашего социалистического общества (*звучит музыка...*).

Творчество Родиона Щедрина в течение последних лет находится в центре музыкальной жизни нашей страны. Влияние этого композитора на развитие современной музыкальной жизни огромно. Ни одно из его произведений не проходит без обсуждений, дискуссий на страницах журналов «Советская музыка» и «Музыкальная жизнь». Многие принимают его музыку безоговорочно, но многие находят в его сочинениях спорные моменты. Всё опять же таки в пользу музыки Щедрина: творчество талантливого композитора не оставляет равнодушным никого из слышавших его музыку.

Ко второй половине 60-х годов советское искусство накопило большой опыт; многообразные творческие искания привели к положительным результатам. Последние романы Мариэтты Шагинян, выдающиеся успехи Майи Плисецкой, Святослава Рихтера, ансамбля Игоря Моисеева, поиски и находки Козинцева в кино и Григоровича в балете.

Бурное развитие внутринациональных искусств, особенно в Армении, в Прибалтике, в Грузии, в среднеазиатских республиках. Все

эти преобразования накладывают свой отпечаток на каждого, кто идёт в ногу со временем. Родион Щедрин один из тех, кто идёт впереди всех.

Анализ лучших творений советской музыки показывает, что современный музыкальный язык представляет собой сложнейший синтез нового и старого, традиций и смелых открытий. Антон Брукнер и Густав Малер явились провозвестниками будущего Шостаковича. Прокофьев многим обязан Моцарту, Гайдну, Глинке, Бородину. Родион Щедрин не прошёл мимо новейших достижений музыки XX века – от Хиндемита, Майера, Орфа, Шёнберга, Пендерецкого до Прокофьева, Бартока, Шостаковича.

Невозможно сегодня пройти мимо многих достижений современной гармонии и оркестровки. Нельзя также пройти мимо интересных находок новой полифонии XX века, открывающей большой простор для свободного сочетания мелодических линий.

Усиление духовной мощи, энергии, волевого начала в современной музыке потребовало резкой динамизации музыкальной формы, отказа от разного рода статики, от спокойных, инертных композиционных форм. Характерно, что Щедрин резко обострил контрасты в своей музыке, а в области гармонии и оркестровки автор стремится к скупости колорита, к простоте и строгости. Ритмическая сторона музыки Щедрина отличается огромной активностью, отсюда интерес композитора к напористым оstinatным движениям, к захватывающей темповой динамике, к подчеркнуто волевым акцентам и ритмическим перебоям. Таковы его 24 прелюдии и фуги для фортепиано, которые автор исполнил недавно в Малом зале Московской консерватории имени Чайковского.

Прошло более двухсот лет с тех пор, когда великий Иоганн Себастьян Бах создал два тома «Хорошо темперированного клавира», содержащих по двадцать четыре прелюдии и фуги во всех тональностях. Первым, кто обратился после Баха к этому роду музыки, был выдающийся немецкий композитор XX века Пауль Хиндемит, написавший цикл из двенадцати прелюдий и фуг, интерлюдий и постлюдий. Несколько позднее в нашей стране вышел сборник, содержащий в себе двадцать четыре прелюдии и фуги во всех то-

нальностях. Автором его был замечательный композитор современности Дмитрий Дмитриевич Шостакович.

Родион Щедрин, создавая цикл прелюдий и фуг во всех тональностях, взял за основу не баховское чередование тональностей в хроматическом порядке, а принцип Шостаковича, у которого тональности располагаются в цикле по так называемому квинтовому кругу, то есть сначала по мере возрастания ключевых знаков – диэзов, а затем по мере уменьшения бемолей. В прелюдиях и фугах в полной мере проявились главные черты творчества Щедрина, а именно – стремление полнее отразить окружающий мир. Живые, затейливо-озорные, шуточные образы переплетаются с напевными, самоуглублёнными и драматичными образами. Музыка излучает свет и тут же окрашивается сумрачностью, окутывается туманом скорби; взрывается смехом и вдруг принимает серьёзную форму философских размышлений. Щедрин великолепно владеет сложной музыкальной формой, при этом не нарушая богатства образного содержания. История создания этого цикла следующая: в 1966 году композитор закончил Первую тетрадь (12 прелюдий и фуг) в диэзных тональностях, которая отличается от Второй тетради большей подвижностью, напористостью, энергичностью, разнообразием ритмов и жизнерадостностью. В Первой части больше подвижных фуг с ярко контрастной динамикой и юмором, больше светлых настроений.

Безусловно, за последние годы стиль композитора претерпел существенную эволюцию в сторону самоуглублённости, выразительной напряжённости и драматизма. Щедрин уверенней использует национальный русский колорит, хотя и не прибегает к цитированию народных тем. В этом композитор сближается с творчеством Мусоргского и Чайковского, Прокофьева и Шостаковича.

Вторая половина сборника отличается большей серьёзностью, большим размахом философско-драматической линии.

Вот как оценивают новое произведение Щедрина видные советские пианисты.

– Это яркая оригинальная работа, сделанная с огромным мастерством, настоящее живое повествование, устремлённое в будущее, полное глубоких идей. Здесь показан мир различных челове-

ческих состояний и чувств, – говорит Народный артист СССР Яков Зак. – Я и мои ученики с удовольствием играем пьесы этого цикла. Значение его трудно переоценить...

А вот ещё одно высказывание:

– Я в восторге от прелюдий и фуг Щедрина, – делится своими впечатлениями Лев Оборин. – Считаю, что это – огромный вклад в фортепианную музыку. Фуги необыкновенны, разнохарактерны. Они написаны с большим талантом.

Послушайте несколько прелюдий и фуг в исполнении автора...

В сезоне 1967 года на сцене Большого театра была показана премьера одноактного балета «Кармен-сюита», в котором главную партию танцует выдающаяся балерина современности Майя Плисецкая. Музыкальную транскрипцию на темы музыки Бизе создал Родион Щедрин. Постановку балета осуществил замечательный балетмейстер Национального балета Кубы Альберто Алонсо.

В наше время почти забыт такой жанр музыки, как транскрипция, хотя когда-то транскрипции имели большой успех. Так, например, великий Иоганн Себастьян Бах создавал транскрипции на музыку Вивальди, а Ференц Лист, Роберт Шуман, Ферручино Бузони – на музыку Паганини, Баха, Бетховена. «Кармен-сюита» Щедрина – это один из путей, который не следует забывать нашим композиторам.

Что же касается постановки балета, то попытка толковать новеллу Проспера Мериме с помощью средств выражения балетного театра не нова.

Ещё за двадцать девять лет до премьеры оперы Бизе герои её обрели сценическую жизнь в одноактном балете «Кармен и Торедор», поставленном тогда молодым Мариусом Петипа в Мадридском театре. Это случилось в 1846 году, то есть уже через год после опубликования новеллы. В дальнейшем хореографы многократно обращались к этому сюжету, всякий раз предлагая своеобразную интерпретацию этого литературного источника.

«Кармен» Мериме, как известно, олицетворяет трагическую судьбу женщины, которая в силу жизненных и общественных условий той поры вынуждена была и должна была погибнуть. Кармен –

это свободолюбивая, эксцентричная натура, рвущая оковы законов и устоявшихся привычек. Кармен – это мир светлых и ярких порывов, мир протеста и целеустремлённости, пытающийся освободиться от мира лжи, холодной рассудочности и лицемерия.

Для обрисовки этих контрастных сил Родиону Щедрину понадобилось произвести точный отбор тем из мелодического богатства музыки Жоржа Бизе. И почему именно музыки Бизе? Ведь многие композиторы написали музыку на этот сюжет. Вот как сам Родион Щедрин характеризует новое сочинение:

– Образ Кармен стал нарицательным благодаря музыке Бизе. «Кармен» вне Бизе, думается, всегда будет нести некоторое разочарование. Слишком прочно связана наша память с музыкальными образами бессмертной оперы. Я с искренней увлечённостью работал над партитурой балета. Преклоняясь перед гением Бизе, я старался, чтобы преклонение это было не рабским, но творческим. Хотелось использовать все виртуозные возможности выбранного состава. Как это удалось – судить нашему зрителю и слушателю.

Кстати, музыка балета написана для струнного оркестра и ударных.

Послушайте несколько фрагментов из балета «Кармен» Родиона Щедрина...

Заключение

Родион Щедрин испытывает сейчас тот период жизни, когда о композиторе, живописце или литераторе говорят, что он находится в полном расцвете духовных и физических сил. Родион Щедрин не только наиболее активный композитор, но и не менее активный общественный деятель. Он с увлечением работает в секциях Союза Советских композиторов в качестве секретаря Союза композиторов РСФСР, принимает деятельное участие во Всемирном движении борьбы за мир и братство между народами. Не забывает композитор и второй своей специальности – пианиста, часто выступая со своими фортепианными произведениями.

ЗАМЕТКИ О ДВУХ КОНЦЕРТАХ ДЛЯ БАЯНА *

Прежде чем приступить к разбору двух концертов для баяна с оркестром, принадлежащих перу молодых московских композиторов – Кирилла Волкова и Алексея Рыбникова, мне хотелось бы сделать несколько оговорок. Данные заметки, безусловно, следует отнести к жанру «наблюдений профессионала». Сознаю всю условность подобного определения, однако надеюсь, что читатель меня поймет. Я не претендую на анализ – через призму двух опусов – особенностей творческого облика Волкова и Рыбникова. Цель заметок куда как более скромная.

Во-первых, надеюсь привлечь внимание музыкальной общественности к талантливым сочинениям. Для баяна пишут не так уж часто. Баянисты вечно жалуются на скудость нового репертуара. Тем не менее исполнительская судьба опусов Волкова и Рыбникова складывается вовсе не блестяще. Например, концерт Волкова. Он написан и исполнен в 1972 году. Непонятно, почему после первого исполнителя, Э. Митченко, никто из концертирующих баянистов не включает в свой репертуар это во всех отношениях примечательное произведение.

Во-вторых, представляется, что краткий анализ концертов поможет и исполнителям, и композиторам. Баянистам будет проще разобраться в структуре опусов. Композиторы, надеюсь, увидят, что использование баяна как солирующего инструмента отнюдь не приводит к примитиву, не требует «упрощения», отказа от современных выразительных средств.

* * *

Концерт для баяна с камерным оркестром К. Волкова открывается лаконичным четырехтактом – своеобразным эпиграфом; в нем, как в зерне, скрыты будущие тематические и метроритмические преобразования.

Сразу же за четырехтактом, заканчивающимся зеркально отраженным фригийским тетрахордом (иначе говоря, фригийской

* Первая публикация: Советская музыка. – 1972. – № 6. – С. 48–51.

каденцией), следует главная тема (этот термин в данном случае условен), построенная на дорийском гексахорде с ярко выраженной дорийской секстой.

Главную тему, проходящую в партии баяна, как бы «подгоняют» духовые с валторной и струнным квинтетом. Полиладовая фактура с характерными интервалами дорийской сексты и фригийской секунды создает атмосферу диссонантной политональности.

Побочная тема отличается от главной более спокойным, мягким характером. На фоне скрипок, орнаментально-задушевного альтя и *pizzicato* виолончели у флейты проходит теплая и матовая мелодия.

Очень мягко, на почти бархатном *piano*, звучит солирующий баян; это словно несколько туманный и необъяснимо печальный далекий поэтический пейзаж.

2 Flauti

I sole

(I, II) soli

mp

Violini 1

pp (vibrato)

Violini 2

pp (vibrato)

Viola

mp

pizz

Violoncello

pp

pp

Но идиллическое настроение господствует недолго. Приходит *roco piu vivo*, в водоворот триольных фигураций баяна вовлекаются все новые и новые звенья. Солирующая скрипка делает попытки сдержать захлебывающийся в беспокойном потоке возбужденный говор баяна. Но, ни она, ни резкие реплики-предостережения флейты и кларнета не могут остановить все ускоряющееся движение. Динамическое нагнетание (подключаются все новые инструменты) приводит к туттийно-кульминационному *sostenuto*. Главная тема

празднует победу над другими тематическими элементами. Однако общее *fortissimo* постепенно гаснет у всех групп поочередно (кроме ударных). Словно ночные птицы, пролетают струнные. В репризе (на материале побочной темы) осуществляется своеобразный комментарий происшедших событий. Заключительный двутакт-кода завершает на *fortissimo* первую часть цикла.

Интересна ее ритмическая конструкция. Напряженная метро-ритмическая структура $10/8$ разбивается на «варьированные» (или «переменные») метры ($5/8$, $4/8$, $3/8$ и т.д.); их долго длящийся калейдоскоп сменяется постоянным и уравновешенным четырехдольным метром, подчиняющим себе предыдущее «шатание». Только в конце репризы дробленные ячейки «оживут», вступая в единоборство с четырехдольным метром, и заканчивается первая часть все же на $10/8$.

Музыка второй части открывается пасторальным *solo* кларнета. Мелодическое развитие модифицируемого лейтмотива-серии основано на плавном поступательном движении по большим и малым секундам (это характерно для северных народных песен). Другая характерная черта – малоподвижность мелодики в нижнем голосе при более оживленных ходах в верхнем. Мелодика эта вариантна и образует единую интонационную структуру, что также роднит подобное построение с северным фольклором, в частности Архангельской области. Мелодию же «запева» Волков позаимствовал у владимирских рожечников; она органично «вплелась» в авторскую интонационную сферу (любопытно отметить, что наиболее спокойные и лиричные эпизоды Волков поручает не струнным, а деревянным духовым).

Во второй части большое значение придается мелизматике и хроматическим «ячейкам». От них во многом зависит общее построение трехчастной вариационной формы, средний эпизод которой носит подвижный характер.

Зеркально отраженный фригийский гексахорд у солирующего баяна (на фоне сфорцандирующих коротких «реплик-хлопков») открывает финальную часть произведения.

Праздничный тон (народное гулянье), синкопированные ритмы, колоритность инструментовки – все это типично для многих

бодрых, жизнелюбивых финалов. Традиционна здесь и форма рондо, позволяющая представить картину праздника с участием всех «персонажей». Незаметно, как бы исподволь, вплетается новый ритмический элемент, который по своему значению живо напоминает функцию речитативных допевов в старинных прибалтийских песнях. Проходя сначала у струнных, а затем у медных (с дублирующим роялем), этот своеобразный ритмический «досказ» приобретает черты остигатного *cantus firmus* 'а.

Мне кажется, в данном сочинении композитор использовал «непоколебимость» *cantus firmus* 'а как бы в трех важнейших аспектах: тематическом, тембральном, ритмическом. Во всех случаях употребление приема служит одной цели – более основательной «формовке», лепке цикла. Поясню свою мысль.

Партитура Волкова рассчитана, как уже упоминалось, на камерный состав (типа известного ансамбля Л. Корнеева). Это позволяет композитору манипулировать тембрами в самом различном сочетании, не прибегая к неуместным удвоениям. Волков не стремится к тембровому варьированию, а избирает довольно редкий в инструментовке прием – тембральный *cantus firmus*.

Ярко выделяющийся «сквозной» камерный тембр баяна, переплетаясь то с вионой или фаготом, то с валторной или кларнетом, виолончелью или контрабасом, дает много по-новому приятных па слух сочетаний. Это я и назвал бы своеобразным тембральным *cantus firmus* 'ом. Он перекликается с *cantus firmus* 'ом тематическим («серией», состоящей из двух звеньев-гексахордов, – дорийского и целотонного с миксолидийской септимой). Она организует тематическую сферу. Не случайно, например, побочная тема состоит из интервальных соотношений вступительного четырехтакта, а вторая и третья части строятся на суммированном тематическом комплексе первой части.

Allegro energico

2 Fl.
Ob.

Clarinet in B

The image shows a musical score for a concert. The instruments listed are Tromba, Legno, Piano, Баян (Bayan), V-ni 1,2 (Violins 1 and 2), V-la (Viola), and V-cello C-basso (Violoncello and Contrabasso). The score is in 9/8 time. The tempo is marked 'Allegro energico'. The key signature has one sharp (F#). The score includes various dynamic markings such as *sf* (sforzando), *pizz.* (pizzicato), *arco* (arco), and *con legno* (con legno). The Bayan part features a complex rhythmic pattern with many sixteenth notes. The strings have specific articulations like *arco ord* and *Il sole*.

Если внимательнее всмотреться в горизонталь линейно-контрапунктических связей концерта и сознательно свести ее к общему знаменателю вертикали, то обнаружится своеобразный гармонический пласт с рядом функциональных особенностей. Перечислим их в заключение нашего краткого обзора сочинения. Это:

- 1) ряд типичных для русской музыки оборотов, в которых доминанта окружается созвучиями субдоминантового значения, а субдоминанта, в свою очередь, созвучиями доминантового значения;
- 2) варианты терцовых и кварто-секундовых соотношений;
- 3) образование плагальных оборотов, изредка автентических;
- 4) повсеместное распространение малого септаккорда;
- 5) большое значение субдоминанты в натуральном мажоре;
- 6) равноправие тоник различных ладовых структур и общность их звукового состава (именно эта общность звукового комплекса существенна для мелодики, аккордики и самой ладовой переменности);
- 7) немаловажное значение миксолидийской септимы.

Сочетая в единое полифоническое целое звенья тематического материала, Волков сохраняет мелодическую и гармоническую самостоятельность всех возникающих по ходу развития контрапунктических ответвлений, которые красивы и осмысленны даже сами по себе...

* * *

Концерт для баяна и симфонического оркестра А. Рыбникова создан почти в одно время с опусом Волкова. Он представляет собой двухчастный цикл, каждая часть которого вполне самостоятельна (исключая имеющиеся интонационные связи).

Первая часть написана в традиционной форме *сонатного allegro*. Засурдиненные струнные при поддержке деревянных духовых и арфы вводят в мир тихого русского пейзажа. Челеста подготавливает основную тему, которая, не нарушая настроения, вскоре появляется в партии солирующего баяна. Струнные продолжают свои «пейзажные зарисовки», объединяясь то с гобоями, то с флейтами и кларнетами, то с фаготом и арфой. Стабильность темпа и метра подчеркивает уравновешенность и спокойствие основной темы; она, троекратно повторяясь и варьируясь, переходит в трехтактную модулирующую связующую тему, которая, в свою очередь, приводит к более подвижной побочной. Последняя экспонирована композитором в унисон через две октавы в партиях флейты и фагота на фоне триольных фигурации баяна и *pizzicato* вторых скрипок с альтами. (Как мне представляется, Рыбников тонко чувствует и понимает сложную природу формообразующих элементов. Отсюда внимание к каждому интонационному зерну, к любой метроритмической ячейке. Для Рыбникова эти элементы являются главенствующими в создании образной структуры произведения.)

Развитие материала композитор начинает с побочной темы. Роли меняются: баянные фигурации («воспоминание» о них) переходят к деревянным духовым (двум флейтам и двум кларнетам); баян, в свою очередь, выполняет роль деревянных. Темп несколько замедленный (почти как в начале); этим композитор подготавливает появление в разработке основной темы. Впервые слышатся валтор-

ны, они «выражают солидарность» с основной темой, как самой почитаемой, присоединяясь к поклонам струнных.

Связующая тема здесь на своем месте, в своей «должности» – она «проводит» развивающуюся основную тему из одной тональной сферы в другую (ответственная «должность»!).

После очередного перехода в иную тональность главная тема, оставшаяся у деревянных духовых, незаметно исчезает, растворяясь. *Silenzio* оркестра (за исключением мерно позвякивающего треугольника) подготавливает вступление новой темы, выросшей из основного зерна. Пейзажный план произведения обогащается за счет этой новой темы (очень напоминающей «вечеровые» песни колхозных девушек). Далее эта «вечеровая песня» приобретает новые черты, превращаясь в откровенную частушку. Музыка изображает народное веселье; инструменты начинают скоморошью игру; они искажают свои подлинные тембры, имитируя («передразнивая») народные инструменты (всевозможные рожки, дудочки и т.п.). Перед традиционной кульминацией в баянной партии появляется новая ритмическая формула (так же, как и «вечеровая песня», выросшая из первичной ритмоструктуры). В следующей части произведения она станет наиважнейшей. Полная реприза (почти без изменений) возвращает нас в прежнюю поэтичную атмосферу. Заканчивается часть шеститактной кодой в медлительном темпе *largo*, утверждая последним аккордом у струнных основную тональность – натуральный a-moll.

Вторая, и последняя, часть произведения построена на экспозиционном материале первой, но переносит его в еще более светлую, откровенно мажорную сферу. Солирующий баян на фоне малого и большого барабанов сразу вводит в атмосферу праздника. Благодарная форма рондо предсказывает слушателю много увлекательного:

Allegro $\text{♩} = 96-100$

The image shows a musical score for two instruments: Tambourine (Tamb.) and Piano (Piatti). The tempo is marked 'Allegro' with a quarter note equal to 96-100 beats per minute. The time signature is 4/8. The score begins with a piano (p) dynamic and a 'cresc.' (crescendo) marking. The Tambourine part starts with a series of eighth notes, marked 'mf' (mezzo-forte). The Piano part has a bass line with a few notes in the first measure.

Allegro $\text{♩} = 96-100$

Баян

Tamb.

Gr. cassa

Баян

Любопытно, что автор умело приберегает *tutti* оркестра к концу всего цикла. Только заключительный аккорд-кластер получает возможность одеться в полный оркестровый наряд!

В заключение нашего краткого обзора хотелось бы сделать несколько замечаний.

Несмотря на то что оба произведения в целом обладают несомненными художественными достоинствами (особенно это относится к партитуре Волкова), все же и одному, и другому авторам недостает более основательного знания возможностей инструмента. Это кое-где сказалось и на музыке.

Баян по своей природе – инструмент исключительной выразительности. В кантилене с ним могут сравниться лишь струнные. В полифонии баян не уступает органу.

Обращаться с тембром баяна надо осторожно и со вкусом. Иначе неповторимость и благородство этого тембра легко опошлить. Баянистам, в свою очередь, высокий вкус также весьма не помешал бы, чтобы отличать художественное от тривиального. Тогда бы они, думаю, не остались равнодушны к музыке Волкова и Рыбникова. Хочется верить, что сочинения эти займут свое место и в репертуаре лучших баянистов-профессионалов¹⁹.

ДИАЛОГИ О ШЁНБЕРГЕ

Писания многа, но не вся божественна суть...

Нил Сорский

Моросил дождь. Мы шли, засунув руки в карманы плащей. Каждый был занят собственными мыслями.

Два месяца пролетели как две минуты, и было немного грустно в этот дождливый октябрьский вечер.

Мой друг находился в каком-то подавленно-озадаченном настроении, и я решил пригласить его в ближайший ресторан, чтобы как-то развеять угнетённость его души.

Вино пили молча. Равномерный гул голосов успокаивающе подействовал на него. После второго бокала он заговорил:

– Обрати внимание на тех молодухек, что справа от тебя. Я ещё раз подтверждаю своё убеждение, что воркованье глупеньких девиц лучше, чем умные разговоры доморощенных философов. Эта болтовня не раздражает, приятна на слух. Разговоры на серьёзные темы в подобных заведениях всегда вызывают неприязнь. Истинно умному человеку молчание приличествует более, чем словесные излияния. Философствующая наркомания сейчас в моде... парикмахеры – и те спорят о том, что полезнее в наши дни – Библия или «Капитал» Маркса, а один швейцар на полном серьёзе пытался мне внушить мысль, что человечество ни на йоту не продвинулось дальше идолопоклонства, взяв в качестве примера такой могущественный аргумент, как фетиш золотому тельцу.

Я слушал его рассеянно. Заметив это, он замолчал, усмехнувшись. Вино было приятное, и, немного захмелев, я спросил его:

– Ты любил когда-нибудь женщину?

– Праздный вопрос. Если я скажу да или нет, ты всё равно не поверишь. Мы вернёмся ещё к этой теме, а пока возьми счёт. Поедем ко мне. Хочу поговорить с тобой после двухмесячного перерыва.

В машине ехали молча. Курили. Тихое шуршание дороги напомнило мне, как много лет назад я мчался в неизвестность на такой же машине...

Дорога уносила меня от самого тёплого и родного очага, огонь которого греет моё сердце вот уже двадцать лет... Я также курил свой любимый табак «Amphoga» и размышлял о краткости нашей жизни, о ничтожности пространства, которое мы занимаем и которое созерцаем.

Де Сент-Экзюпери говорил, что жить элементарно – это значит жить для возвращения. Если нет в душе воспоминаний, если никто не ждёт вас на всём белом свете, то это конец.

У меня было то и другое, но я, подобно летучему голландцу, стремился уже в который раз в океан страданий, без чего не мог жить. Потребность в лишениях, в страдании была неотъемлемой чертой моего холерического темперамента, которая с годами становилась более настойчивой, болезненно-фатальной необходимостью.

Мой организм не знал пределов. Я мог писать, не отрываясь, по несколько суток подряд, при этом занимаясь гимнастикой йогов и купаясь в проруби. А в короткие часы отдыха прослушивал во сне прекрасные симфонии в исполнении лучших оркестров, но записать которые так и не сумел из-за мгновенной забывчивости.

Создав что-либо значительное, я долго не мог приняться за следующее сочинение. Бродил целыми днями в лесу, в горах. Сидел на скальных выступах у Берингова моря и предавался мечтам. Ближе к ночи шёл в ресторан и угощал совершенно незнакомых людей на последние деньги.

Резкий поворот прервал мои воспоминания. Расплатившись за проезд, мы пошли вдоль набережной.

Мой друг прислонился к стволу липы и закурил, задумчиво созерцая дрожащую рябь воды, на поверхности которой отражалось звёздное небо. Лунная дорожка перекинулась серебристым мостиком к противоположному берегу и слегка задевала выступающую из воды груды камней. Стелился сизый дым и наполнял всё вокруг сладковатым запахом жжёной листвы. Прохожих становилось всё меньше. Часы пробили полночь.

– Как ты относишься к критике, – вдруг спросил он, не поворачиваясь.

Я думал о другом, и вопрос был неожиданным. К критике я всегда относился с пренебрежением и, честно говоря, не любил критиков. Мне было досадно, что мой друг повернул источник ожидаемой беседы в это неблагоприятное русло, и я не мог сосредоточиться.

– Что же ты молчишь? Или считаешь критику недостойной темой для разговора?

– Видишь ли, ...истинный художник творит по законам, ему одному известным, и в оценке своих произведений не нуждается, а критики тем и прославились, что приценивают и примеряют всё новое к старым, незыблемым образцам, которые впитаны в нас с молоком матери.

Горький как-то обронил мысль, что критик должен быть талантливее писателя, знать историю и быт своей страны лучше, чем знает писатель, и вообще – быть интеллектуально выше писателя. Спрашивается, зачем тогда нужен писатель? Пусть критик пишет пьесы, романы, трагедии и даёт комментарий к ним в угоду публике. Мне думается, Горький в этом отношении навсегда остался любопытным оборванцем, который нет-нет, да и фривольнет цитатой Ницше или Спенсера. Именно он в первую очередь повёл русскую литературу по ложному, искусственному пути, оставив где-то на перепутье лучшие традиции и надежды.

– Бесспорно, ты прав, когда говорил о законах в художественном творчестве. Ещё Гёте писал, что музыка – нечто врождённое, внутреннее, не требующее особой пищи извне и не нуждающееся в жизненном опыте. Но мне хотелось бы поспорить на этот счёт. У Шопенгауэра есть гениальное выражение: «Кто ясно мыслит – ясно излагает». Но для того, чтобы ясно мыслить, художник должен пройти через все горнила жизни. Иначе он не осмыслит до конца единственную истину своего далёкого детства. Он должен пройти все круги ада и познать наслаждение в пущах райской обители. Только тогда нечто врождённое, внутреннее наитие, вобрав в себя личную жизнь творца, отбросив всё лишнее, наносное, что помешает в трудном пути к наивысшему совершенству, облачится в формы, доступные не только творцу, но и всем людям, искренне любящим серьёзную музыку, искусство, литературу. Давно известно, что вкус

художника опережает вкус воспринимающей массы. Отсюда неизбежность разрыва. Миссия критики состоит в том, чтобы по возможности соединить звенья распавшейся цепи, а хорошо ли, плохо ли она справляется с трудностями такой задачи – это разговор другого толка. Мне думается, что главная роль критики заключается в пропагандировании серьёзного в духовной жизни людей, в приобщении их к истокам вечных и непреходящих истин, а так как мы будем говорить только о музыке, то я хочу привести ещё одно выражение Лессинга, утверждавшего, что природа предназначила музыку для выражения истого существа человека. Критика часто упускает эту крылатую мысль, обедняя свою роль. Ты верно заметил, что истинный художник не нуждается в оценке своего творчества, ибо только он один может судить или защищать мир, созданный в его воображении; разумеется, если он твёрдо убеждён в том, что этот мир отвечает его высокому таланту, вкусу и совершенному мастерству, добытому не из чужих источников, а из личной, глубоко внутренней необходимости.

– Прости, какой же тогда смысл в критике?

– Дорогой мой, ...смысл критики в том, чтобы протянуть руку дружбы тому, кто обогащает мир человеческих переживаний и воспитывает в людях новые чувства, возрождает утраченные надежды и мечты, и, конечно же, не в том, чтобы желчно брюзжать по каждому поводу той или иной неудачи. Бросаясь цитатами из философских трактатов великих мыслителей, некоторые критики не могут изложить направление собственных мыслей и затемняют смысл этих цитат. Это от недостаточно глубоких и точных определений, от недостаточно развитого интеллекта. Наверное, ложное представление о творчестве того или иного художника сомнительно и неубедительно для профессионала, но не для простых любителей искусства. Недостаточно сказать «плохо», нужно объяснить, почему плохо. Именно поэтому, объявляя Шёнберга (с лёгкой руки) непостижимым, многие критики не могут доказать непостижимость его творчества.

Не хочю называть фамилии, но почти все они мистифицируют истинный облик гениального реформатора, который своим выдающимся открытием объявил войну косности, примитиву, утили-

тарности. Шёнберг первым посадил дерево, с которого давно уже сорваны первые плоды. Теперь мы являемся свидетелями бурного расцвета музыки новой эпохи – неовозрождения. Именно Шёнберг, а не кто-либо другой обратил наш взор к забытым манускриптам композиторов XVI, XVII и XVIII веков, этим самым как бы направил обмелевший поток в новое русло. Аналитический ум Шёнберга верно подметил, что «новое» (оригинально-неповторимое) не возникает само по себе, из ничего. Всякое «новое» возникает и развивается на основе «старого». Он разработал свою систему на материале мастеров «старой» полифонии, и если в наше время трудно втиснуть крупное произведение (симфонию, оперу, ораторию) в строгие рамки додекафонии, то только потому, что современные композиторы односторонне рассматривают одну из самых гибких, когда-либо найденных и зафиксированных в сознании формулировок. Надо помнить о том, что додекафония – это не только принцип, новая система упорядочения музыкальных звуков, но эстетика!

Последнее, кстати, не учитывается многими композиторами, а ведь именно эстетика является важнейшим компонентом к полному и безоговорочному уяснению принципов построения музыкальных произведений. На примере Третьего и Четвёртого квартетов Шёнберга, его оперы «Моисей и Аарон», Камерной симфонии Антона Веберна и гениальной оперы «Воцтек» Альбана Берга можно проследить эстетические принципы нововенских классиков, проходящих красной нитью через все указанные произведения.

Ибо в них господствует строжайшая закономерность. Непостижимая, хотя и ощутимая в своём проявлении, тональная устойчивость (!). Здесь обман невозможен. Тонкое ухо безошибочно услышит полноту и совершенство в закономерности чередования звуков, которую не может подделать ни одна гениальность. Нельзя не восхищаться сжатостью, стремительностью, ясностью линий и целомудрием Шёнберга. Он крайне экономичен в выборе средств. Ни одной лишней фразы, ни одного чувственно-психологического повествования. Беспредельное напряжение сил, доподлинно математическая расчётливость – и ни малейшей нарочитости, но всё естественно и гармонично.

– Прости, но к вопросу, касающемуся додекафонии, некоторые музыканты подходят боязливо, с каким-то заранее заготовленным эталоном...

– Оно и понятно: усомниться или отвергнуть легче, чем изучить, проверить, принять, а потому такие «музыканты» из года в год реставрируют бесчисленные труды о творчестве Баха, Бетховена, Шуберта...

Шёнберг и его школа – скользкая тема, требующая от теоретика основательных знаний не только в области музыкальной эстетики, но и в сфере философии, эвристики, физики, математики. Ибо «никакое человеческое исследование не может почитаться истинной наукой, если оно не изложено математическими способами выражения», а большинство наших теоретиков, к сожалению, не что иное, как неудавшиеся композиторы, которые, как правило, редко задумываются над теоретическими проблемами.

– Да, но те, кто подвергает критике систему Шёнберга, наверное, хотят показать противоположность додекафонии и социалистического реализма? Ведь не секрет, что двенадцатитоновая система – это продолжение эстетических позиций Эдуарда Ганслика, в основном чуждых реалистических тенденций.

– Нельзя подразумевать под реализмом какие-то выработанные раз и навсегда принципы-нормы: реализм пластичен для каждой эпохи, это – метод, и любой художник должен творить с его помощью, соглашаясь с сугубо индивидуальными склонностями своего творческого мышления.

Человек – дитя природы, говорил Гейне, и как ни заставляй его делать то, что не соответствует его генеалогии, как ни ограничивай законами, рано или поздно он всё равно сделает так, как подсказывает ему внутренний голос его первозданной совести.

Всякий надзор, насилие в любом проявлении над талантом творца дезориентирует его, омертвляет его интуицию, творческую фантазию; истинный творец чужд угоднических побуждений.

У одержимого гением человека вся его жизнь и деятельность зависят от случая, от простого поступка, к внутреннему её разгару, где самый случай или поступок своими многообразными последствиями весь идёт к кульминации.

Противоположно этому можно вывести следующее положение: при слабом, неактивном настроении разнообразные душевные силы действуют вяло, апатично, но сильное напряжение чувства объединяет их и полностью покоряет себе; тогда душа как бы утрачивает свою волю и загорается замыслом творца, его разумной волей, причём эта работа совершается вполне безотчётно. Я не могу не вспомнить крылатую фразу Ницше: «Громом и небесным огнём надо говорить с сонным и вялым чувством!»

Именно при таком понимании творческого состояния, именуемого вдохновением, можно создавать прекрасные произведения, о которых можно было бы сказать следующее: «...это сочинение кажется мне абсолютно закономерным. Я не могу объяснить, но чувствую, что эта упорядоченность звуков непогрешимо метка, что малейшее изменение, замена хоть какой-нибудь одной ноты была бы резким диссонансом».

– Я не спорю. Во многом ты прав... но объясни, пожалуйста, почему музыка Шёнберга не затрагивает чувств не только меломанов, но и профессионалов, в большинстве случаев, хотя почти все, бесспорно, оставляют за ним мантию гениального музыкального учёного?..

– ...А разве творения Баха затрагивали чувства его современников, несмотря на то что все безоговорочно оставляли за ним право выдающегося органиста?

Через сто лет человечество узнало о том, что скромный кантор церкви святого Фомы не только выдающийся органист, но и гениальный композитор, и всё благодаря одному исполнению «Пассионов» по инициативе Феликса Мендельсона!

Но не надо забывать, что в кругу композиторов имя Баха всегда фигурировало чаще других. На его музыке учились Гайдн и Моцарт, а ещё задолго до премьеры «Страстей по Матфею» молодой Бетховен играл баховские фуги из [Хорошо] Темперированного клавира наизусть!

И, конечно же, музыка великого мастера звучала всё чаще, ибо только поэтому Мендельсон (да и не он первый!) отважился на столь ощутимые материальные затраты.

Что же касается музыки Шёнберга, то мне думается, с нею происходит то же самое, что и с музыкой Баха. Вероятно, чувства людей, не принимающие Шёнберга как композитора, просто не созрели. Пройдёт время, и он займет своё законное место на высшем пьедестале музыкального зодчества в одном ряду с самыми могущественными реформаторами: Монтеверди, Бахом, Бетховеном и Вагнером. А пока на его музыке учатся сотни композиторов, которые могут носить это звание уже потому, что их ум и душевные качества позволяют относить Шёнберга к величайшим когда-либо существовавшим корифеям теории композиции.

– Ты, конечно, прав, но не таит ли в себе опасность подобное обучение? Не случится ли так, что многие композиторы приучат себя пользоваться чужими приёмами и в результате откажутся от собственного направления? Ведь идти по чужому следу – это значит навсегда отказаться от удовольствия: срывать цветы прекрасной невинности, ибо только впереди идущий наслаждается ароматом первозданной свежести!

Быть может, лучше, если приёмы композиторской техники (первое время) будут недостаточно совершенны, но свои личные, творчески осмысленные, глубоко индивидуальные?

Бывает так, что композитор обладает всесторонними познаниями в области литературы, искусства, философии, мастерски владеет техникой композиции, но его музыка не волнует. Сразу чувствуешь, что автору, несмотря на его обширные познания, нечего сказать и он водит всех за нос.

И напротив, композитор, чьё творчество волнует, освежает, придаёт силы, заставляет задуматься о многих вопросах многогранной жизни, оказывается вдруг дилетантом. Не замечать и не учитывать эту особенность дарования – значит не понимать главного в процессе творческого формирования композитора, к сожалению, нередко допускаемую в практике нашей системы образования.

Мне думается, таких композиторов надо всячески поддерживать, заставлять их учиться. Уметь вовремя заметить, оказать помощь, окружить их вниманием – словом, создать такие условия, в которых бы кристаллизовался их талант.

Асафьев хорошо сказал: «Ссылки на то, что всякое подлинно талантливое произведение пробьет себе путь, неверны. Это обман слушателей, которые не могут знать, сколько во всей истории европейской музыки, хотя бы XIX века, было произведений, либо не нашедших исполнителей, либо загубленных непониманием исполнительским, либо неизданных, либо вообще не воспроизведённых или исполнявшихся только в узком кругу друзей...

...Известно, как медленно происходило освоение бетховенской музыки, как его симфонии – столь цельные своей идейной обобщённостью, единством концепции – исполнялись фрагментарно, отдельными частями. Если бы Берлиоз и Вагнер не были превосходными дирижёрами, если бы даже столь популярный композитор, как Григ, сам тонкий пианист и аккомпаниатор пения своей супруги, чуткой исполнительницы его вокальной лирики, не пропагандировал своей музыки, сомнительно, чтобы их искусство сравнительно быстро завоевало даже Европу. Недавний пример – Скрябин. И опять слушатели в отношении к нему были впереди профессионалов и, конечно, критики. Поэтому нельзя рассматривать исторические процессы в музыке, ограничиваясь суждениями об «отдельных произведениях, стилях и композиторах».

– Я не совсем согласен с тобой. Ведь многие композиторы плохо владели каким-либо инструментом, но тем не менее сочиняли приличную музыку и даже прославились на весь мир.

– Позволь, кто же это?

– К примеру, хотя бы тот же Шёнберг.

– Но Шёнберг совсем неплохо играл на смычковых инструментах!

– Дорогой друг, ты называешь игру Шёнберга неплохой потому, что сам играешь плохо, но ты знаешь, что играй ты лучше, и музыка твоя не имела бы той силы воздействия на людей. Композитор не должен быть хорошим исполнителем, чтобы не оказаться в плену у подсобных инструментов, равно как поэт или писатель – оратором, но он должен чувствовать каждый приём или штрих любого из инструментов, а для такого чутья композитор обязан иметь интуитивный дар, как лоцман, ведущий корабль среди рифов в густом

тумане. Шёнберг явился именно таким лоцманом, который шаг за шагом выводил почти затонувший корабль музыкального искусства к новым горизонтам, новым берегам...

Он гениально подметил и осознал, что подлинное новаторство, истинная реформа – в интонации. Почти в это же время Игорь Глебов пишет свою работу об интонации, и, несмотря на то что эстетические позиции у них различны, но говорят и пишут они об одном и том же.

Асафьев: «Музыковеды, не принимающие музыки, как интонационного процесса, абсолютно лишены "чувства века", и им трудно слышать различия в десятилетиях далёких веков... Потому-то они предпочитают "жевать" одни и те же знаменитые произведения Бетховена».

...«композиторский слух слишком опережает слух воспринимающей массы. Отсюда неизбежность формального «изошренчества» и "одинокость" новаторов, если они выбирают путь субъективных исканий, создавая свой звуко-язык, избегая общепризнанных – несущих всем понятный смысл – интонаций».

«...эпоха слышала то, что хотела, а не то, о чём мечтали опережавшие её умы».

А вот что писал Шёнберг по этому поводу: «Я столь же мало обращаю на них внимания (на публику), как и они на меня... а если они и необходимы по причинам акустическим (поскольку музыка плохо звучит в пустом зале), то для меня это только помеха».

«...Ни один поэт, ни один художник, ни один философ, ни один музыкант, чьё мышление витает в высоких сферах, не станет унижаться до вульгарности с целью приспособления к лозунгу "искусство для всех". Ибо если это искусство, то оно не для всех, а если оно для всех, то это не искусство».

«Главная цель ряда – объединить интонационный материал и усиливать логику одновременно звучащих тонов».

«Вкус приложим к нижним зонам человеческих чувств. Вкус не может служить критерием в духовных областях».

«Я думаю, что композиторы, прежде всего – борцы за свои музыкальные идеи. Идеи других композиторов им враждебны».

– Прекрасные слова! Очень меткие и мудрые! Действительно серьёзному и вдумчивому художнику не приходится ждать понимания у широкой публики.

Подлинное искусство меньше всего зависит от вкусов публики или какой-либо эстетствующей элиты снобов. Истинное искусство диктует, повелевает, зовёт за собой, но не идёт на поводу.

Эстетический идеал Шёнберга столь высок, что оказался недосягаем не только для широких кругов масс, но и для большинства музыкантов. В этом его часто упрекают и привешивают ярлык «кабинетного композитора». Но не нужно забывать, что Шёнберг жил и творил в мире зла. И это с его-то хрупким, болезненно-впечатлительным характером. Можно себе представить, как ему было невыносимо среди пошлости, несправедливости, подлости и лицемерия!

В отрывке из письма к меценату Бойсвейну виден удивительно целомудренный облик Шёнберга: «Вы знаете Веберна; Вы знаете, что это выдающийся композиторский талант... помогите ему продержаться! Он пребывает в горькой нужде. Отец четырёх детей, он остался без всяких доходов и без перспектив заработка; я сам не раз приходил к нему на помощь суммами (превосходящими мои возможности). Вы же сможете сколотить сумму, которая избавит его от забот на некоторое время».

Сколько честности, благородства и самоотверженности вмещают несколько фраз из данного письма.

Вообще, возбудимость Шёнберга на явления жизненных процессов, его реакция на общественные и исторические события, на события частного, личного характера поражает своей аффектацией, какой-то фосфорической пламенной массой, то почти угасающей, то вдруг вспыхивающей, то вновь угасающей. Вполне очевидно, что гений Шёнберга черпал чувства для своих излияний из каких-то далёких и таинственных источников. Настроение его, душевная приподнятость были чрезвычайно активны, но никак не слабы, а тем более не апатичны (как утверждают некоторые музыковеды).

Шёнберг, безусловно, умел в минуты вдохновения напрягать свои чувства до высочайшей кульминационной точки и полностью подчинять их страстно разгорячённой плазме разума, ибо музыка –

такое искусство, которое не терпит никакой отвлечённой фантазии. Перефразируя Асафьева, о Шёнберге можно сказать следующее: «Шёнберг – такой гигант, что воспринимается не как личность, а как мощная творческая лаборатория, в которой перековывались все творческие навыки, стили, тенденции и искания его времени».

Поэтому сфера его деятельности распространяется далеко за пределы возможного.

«Горе композиторам, не услышавшим эпохальных перемен. Их не будут слушать, ибо не слышат мысли их музыки. Всё равно, как если писатель, основываясь на каком-либо превосходном академическом словаре – создании прошлого – выйдет с этим стилем в литературу новой эпохи, язык которой и динамизировался, и морфологически и фонетически переосмыслился».

Шёнберг посвятил свою трудную жизнь поискам эстетических идеалов, которые некогда наличествовали в музыке фламандских мастеров. Но в те далёкие времена жизнь текла медленно и полноводно, была уравновешена и бархатиста. Вера в будущее была уверенней, а мечты – возвышенней и чистокровней. Другое дело – среда, в которой задыхался Шёнберг. Затерянность этого бесспорно гениального человека, именно затерянность огромного по силе таланта, личности высокой, гармоничной; именно эта-то отчуждённость к действительности, отрешённость, уход в себя, в свой ирреальный, выдуманный мир, но мир, полный живых образов, впечатлений, заставил Шёнберга объявить войну рутине, косности; заставил поставить под сомнение многое, овеянное пылью веков, и найти выход к тем вершинам, где он предчувствовал осуществление своих идеалов. Хрупкой, чистой, совершенной душе Шёнберга было невыносимо среди затхлости, пошлости той австрийской публики, которая не хотела слушать Малера как композитора, читать Кафку как писателя, потому что и первый, и второй гениально вывели тип гнусного обывателя, его окружение, его зловонный торшерный уют. Кафка, как и Шёнберг, мучился одиночеством, искал друзей, любимую, которые были бы близки его высоким стремлениям, его духовным запросам. Действительность была ненавистна им обоим, оттого-то они и стремились в мир ирреальных мечтаний.

Они не гнались за чужим одобрением, не угождали своим творчеством никому, кроме себя, благодаря этим качествам их имена навеки вплелись в общечеловеческий венок всех, кто искренне любил родной клочок в мироздании, боготворил его обитателей.

Только недалёкие люди могут находить в образе Шёнберга высокомерие, покрытое нищенским налётом. Ибо мыслящему, талантливому, поистине гениальному человеку отвратительно было жить в мире ханжей и ремесленников, подвизавшихся на подмостках искусства, невозможно было жить, не чувствуя своего превосходства, полноценности и совершенства, не испытывая при этом брезгливости к глупости бессмысленно существующих «соплеменников».

Истинный смысл жизни Шёнберга не состоял в личном счастье и благополучии. Как всякий истинный творец, одержимый идеей объединения и совершенствования людей, он бежал от соблазна заполучить благопристойность и спокойствие. Подвижничество его имело особый смысл, ради которого (а он чувствовал это!) стоило отказаться от так называемого человеческого счастья.

– Хотелось бы знать, почему одни произведения, написанные по системе Шёнберга, вызывают интерес, а другие остаются без внимания. И как понимать такое явление, когда маститые, высокоодарённые композиторы обращаются к Шёнбергу после того, как приобрели уже какую-то индивидуальную манеру письма, выработали собственный стиль? К тому же надо добавить, многие композиторы, пишущие в додекафонной манере, музыку самого Шёнберга не знают, не любят и не понимают, но системой его пользуются.

– Если проследить пути развития творческих направлений XX века в музыке, то мы убедимся, что самое сильное, живучее и законное право остаётся за додекафонией. В наши семидесятые годы уже очевидно, что двенадцатитоновая система – не мёртво-рождённое детище гениального учёного, а сложное, во многом ещё не изученное исследование, раздвигающее границы музыкальных горизонтов.

По воле судьбы, как и у всякого гения, у Шёнберга был талант педагога, благодаря которому человечество обрело Веберна, Берга, Скэлкотаса, Эйслера, Лейбовича, Штуккеншмидта.

Шёнберг воспитал целую плеяду знаменитостей, впоследствии вписавших новую страницу к незабываемым скрижалям нововенской традиции. И как хорошо сегодня чувствовать живительную струю додекафонной музыки, процветающей и всё более и более встречающей сочувствие. Не верится, что совсем недавно, буквально несколько лет назад многие музыковеды (в том числе и советские) пророчествовали скорую гибель вновь изобретенной системы, что якобы заболевание скоро пройдет... Но вот уже давно нет в живых самого Шёнберга... Веберна, Берга... многих тех, кто имел счастье учиться у них, но «заболевание», как это ни странно, не проходит. Что это – случайность? Или действительно источник болезни столь могущественен, что способен в сравнительно короткий срок «заразить» стольких композиторов?

– Боюсь, что Онеггер был прав, когда говорил о подражателях и сторонниках додекафонии, которые довели дело Шёнберга до результатов, совершенно противоположных его духу.

– Каждый сочиняет не лучше или хуже, нежели может, говорил Вагнер; продолжая эту мысль, можно сказать следующее: у Шёнберга композиторская техника являлась не самоцелью, а средством раскрытия художественных образов.

Тот, кто подражает ему, обречен на неудачу, ибо чужая тропинка погубит пришельца, заведёт его в глушь и бросит одного...

Надо уметь преодолевать влияние великих предшественников. Учиться переосмысливать традиционные методы решения тех или иных задач, набираться терпения и выдержки, искать новые решения. Ибо новаторство в музыке – это не что иное, как воскрешение забытого старого, но сказанное современным языком, облачённое в современное одеяние, наделённое современным мышлением и эмоциями. Короче говоря, новаторство – это усовершенствованный принцип на основе вечных и непреходящих формул.

Только те композиторы вносили прочный вклад в музыкальное искусство, которые соединяли в себе передовой ум с пониманием всего того, что происходит вокруг них, и гибкую, совершенную технику. Шёнберг любил говорить, что если хочешь быть значитель-

ным, сочиняя значительную музыку. В музыке важно не как это сделано, а что это такое.

– Да, ты прав... очень прав...

Чувство величия должно гореть в сердце каждого человека, тем более творца. Талантливый человек всегда несёт в себе знак гения, а потому его легко узнать – он неподражаем. Я давно хочу спросить тебя, хотя известно, что по поводу вопроса: «Как Вы сочиняете музыку?» – существует много остроумных ответов. К примеру, Шостакович отвечал обычно: «...беру ручку, макаю в чернильницу... и пишу... и пишу...» Но всё-таки что побуждает тебя к творчеству?

– Я убеждён, что первым желанием (побуждением) к творчеству является не честолюбивая мечта романтически настроенного юноши или ребёнка, а тем более не тщеславие. Нет! В душе человека растёт мир, который он хочет иметь воочию, но так просто мир тот не даётся. И человек начинает учиться. Трудом и кровью возводит храм, в котором ищет утешения душа его.

Но горе человеку, который не любит трудиться и доволен собой. Музыка – это аскеза, и кто безволен надеть на себя монашескую рясу, тому нужно заняться чем-нибудь другим. Кроме сочинения музыки есть много интереснейших занятий другого рода. На теоретико-композиторских факультетах учится много студентов. Но вот какой-нибудь теоретик страдает честолюбивым зудом; композиторский венок всё более прельщает его, и он начинает «сочинять». Знание формы, гармонии, контрапункта позволяет ему компоновать «произведения»; потом (автоматически) его переводят в класс сочинения, а затем... его могущественный шеф «убеждает» коллег в том, что его ученик достоин носить членский билет Союза композиторов, а последний впоследствии занимает высокий пост где-либо в правлении или подвизается в кинематографе. Таких композиторов, к сожалению, много расплодилось за последние 20–30 лет.

Никто из них не задумывается над тем, что всё равно надо будет держать ответ если не перед людьми, то перед Богом, который спросит за всё, что Он подарил человеку для использования этих подарков на пользу своим братьям и сестрам. Бесспорно, в каждом человеке (даже гениальном) скрыт тлеющий фитиль честолюбивой

мечты – славы, который по мере возмужания композитора разгорается всё ярче; у истинно талантливого человека это честолюбие особого рода. Такие композиторы лишены чувства базарного, дешёвого успеха. Их мучит жажда общечеловеческой любви, я бы сказал, любви вселенского масштаба, вне времени и пространства. Это у них страдает душа и вечно терзается неудовлетворением. Это они просыпаются ночами от бушующей лавины звуков, которая рассыпается симфониями в их разгорячённом мозгу, не даёт покоя, везде преследуя их.

Ремесленники обделены талантом. Потому они стряпают свои «пирожки» и продают простофилям, которым «пирожки» эти очень нравятся.

Талантливые люди, пишущие для денег, обрекают себя на вечное забвение, ибо люди возвышенного ума не останавливаются на ничтожном и жалком, но стремятся к высшему.

Герберт Спенсер говорил, что сильная личность ищет не счастья, а могущества. Счастье – не цель, а глубокий упадок.

Прав был Бунин, когда писал, что человек, уходя из жизни, последним усилием воли пытается оставить свой след в памяти людей, будь это книга или простая надпись на могильном камне.

Никто из великих не трудился для денег.

Пушкин писал в одном из писем к Наталье Николаевне: «Писать книги для денег, видит Бог, не могу». Почти то же самое он пишет в письме к П. Вяземскому: «...я пишу для себя, а печатаю для денег и ничуть для улыбки прекрасного пола».

Ещё большее горе композитору, если он надеется и рассчитывает на чью-либо поддержку. Фридрих Ницше писал по этому поводу, вкладывая свои мысли в уста Заратустры: «Если вы хотите подняться высоко, то должны иметь собственные ноги! Не допускайте, чтобы Вас возносили; не садитесь на чужие спины и головы!» Кстати, если уж я вспомнил имя Ницше, то приведу ещё несколько его высказываний, весьма полезных для тех, кто пока не уверовал в себя, как в бога.

«...если вы всё будете делать "для ближнего", то вы ничего не создадите для него!»

«Неспешно течёт жизнь всех глубоких родников: долго они должны ждать, прежде чем узнают, что в глубине их. Всё великое сторонилося базаров и славы».

«Созидание – это великое освобождение от страдания и облегчение жизни. Но чтобы быть созидающим, надо подвергнуться страданию, нищете и многим превращениям».

Наша беседа подходит к концу, но я хочу привести ещё несколько цитат Артура Шопенгауэра. Из IV тома, издательство типографии Вильде (1910 г.).

«Одарённый гением человек всецело жертвует собою ради других. Он страдает и делает больше, чем все другие» (с. 373).

«Между гением и сумасшедшим есть сходство в том отношении, что оба они живут в ином мире, чем тот, который дан всем» (с. 377).

«Проклятие человека гениального в том, что другие люди кажутся ему ничтожными и жалкими в той же мере, в какой сам он кажется им великим и достойным удивления» (с. 378).

«Философия – это высокая альпийская дорога».

«Науку может изучать каждый, – один с большим, другой с меньшим усилием. Но от искусства всякий получает лишь столько, сколько он вносит в него сам. Ибо искусство имеет дело не с одним лишь разумом, подобно науке, а с сокровеннейшей сущностью человека» (с. 329).

«Кто умеет лишь отыскивать связь представлений, т.е. связывать основания и следствия, тот может сделаться великим учёным, но не философом, как и не художником, или поэтом, или музыкантом» (с. 329–330).

«Бездарные люди совершенно не могут выносить одиночества; созерцание мира природы не занимает их» (с. 370).

«Глупые по большей части злы» (с. 418).

«Источником лжи всегда служит намерение распространить господство своей воли на другие индивидуумы, отринуть их волю, чтобы тем удобнее было утверждать свою; следовательно, ложь как таковая происходит от несправедливости, зложелательства, злости. Кто откровенен, тот не питает ничего дурного» (с. 415).

«Главным препятствием к прогрессу человечества является то, что люди прислушиваются не к тем, кто говорит наиболее разумно, а к тем, кто говорит наиболее громко» (с. 425).

«Страдание – условие деятельности гения» (с. 449).

«Для каждой идеи есть понятия, но не для каждого понятия идея» (с. 496).

«Кто хочет совершить что-нибудь великое, тот не должен стремиться угодить своим творением кому бы то ни было, кроме самого себя: коль скоро он погонится за чужим одобрением, из его произведения не выйдет ничего великого» (с. 511).

«На высотах, конечно, должно быть одиноко» (с. 542).

«Редкостные люди бывают редко счастливыми» (с. 543).

«Всякий мыслящий человек считает своё время за самое жалкое» (с. 570).

И последнее, что я хотел бы сказать лично от себя... опять же таки для тех, кто ещё не до конца осознал своё предназначенье.

Через все горести, неудачи, сомнения и падения, к которым толкает порой частный случай или среда, творец всё-таки несмотря ни на что должен нести светлое восприятие жизни. Художника не должно смущать презрение людей недостойных, ибо презрение дурного общества есть высшая награда человеку, знающему цену добродетели, труду и таланту. Истинного творца не сломит никакая судьба, какими бы роковыми предпосылками она ни была наделена. У таких художников воля и радость мироощущения – неиссякаемы, вера в торжество и бессмертие духа – безгранична!

Надо более уверенно относиться к своей молодости. Конечно, сомнения до старости будут точить вас, как и любого талантливого человека (несчастен тот, кто не сомневается в себе), но всегда нужно помнить слова Микеланджело: «Я в детстве знал больше, чем знаю теперь, в старости».

Уверенность есть первый залог будущих успехов.

CURRICULUM VITAE*

...В машине ехали молча... курили... тихое шуршание дороги напомнило мне, как много лет назад я мчался в неизвестность на такой же машине... дорога уносила меня от самого тёплого и родного очага, огонь которого греет моё сердце вот уже много лет... я также курил свой любимый табак и размышлял о краткости нашей жизни, о ничтожности пространства, которое мы занимаем и которое созерцаем... я думал о том, что жить элементарно – это значит жить для возвращения... если нет в душе воспоминаний, если никто не ждёт тебя на всём белом свете, то это конец...

У меня было и то и другое, но я, подобно легучему голландцу, стремился уже в который раз в океан страданий, без чего не мог жить.. потребность в лишениях, в страдании была неотъемлемой чертой моего холерического темперамента, которая с годами становилась более настойчивой, болезненно-фатальной необходимостью... мой организм не знал пределов; я мог писать, не отрываясь по несколько суток подряд, при этом занимаясь магнетизмом и купаясь в проруби...

...А в короткие часы отдыха прослушивал во сне прекрасные симфонии, записать которые так и не сумел из-за мгновенной забывчивости...

...Создав что-либо значительное, я долго не мог приняться за следующее сочинение...

...Бродил целыми днями в лесу, в горах... сидел на скальных выступах у северного моря и предавался мечтам... ближе к ночи шёл в ресторанцию и угощал на последние деньги совершенно незнакомых людей...

...Резкий поворот прервал мои воспоминания... расплатившись за проезд, мы пошли вдоль набережной... мой друг прислонился к стволу старой липы и закурил, задумчиво созерцая дрожащую рябь воды, на поверхности которой отражалось звёздное небо... лунная дремота завораживала, перекинувшись серебристым мости-

---

* Жизнеописание (*лат.*).

ком к противоположному берегу, и слегка задевала выступающую из воды груды камней... стелился сизый дым и наполнял всё вокруг сладковатым запахом жжёной листвы... прохожих становилось всё меньше... часы пробили полночь... я подумал, что воздух с каждым днём становится всё прозрачнее и прохладнее... эта мысль пробудила во мне новые воспоминания, и я, забывшись, ушёл в мир прошлого... Мне вспомнились прекрасные стихи...

Цветы – весной,
кукушка – летом
и осенью – луна
холодный чистый снег зимой...

...Задув свечу и не раздеваясь, я прилёт у раскрытого окна... комната была наполнена тишиной... такой тихой... такой светлой... такой чистой, как падающий снег за окном, отражающийся в зеркале... музыка засыпающего вечера и просыпающейся ночи укачивала мои мысли, которые улыбались чему-то приближающемуся... которые засыпали вместе с растворяющимся вечером, предвкушая сказочность этого приближения... трепетно, уже в полудрёме, ожидая богиню сновидений... я чувствовал, что проваливаюсь в неведомое и непознаваемое...

...Звёзды и туманности окружали меня... чарующие звуки, словно чистые струйки дождя... шуршащие и бесконечные, как мир, в котором я растворился, подобно таинственному всплеску, наполняли мой слух... бесконечность улыбалась мне и увлекала всё дальше в необозримое... её глаза были похожи на глубину моего детства... целомудрие её напоминало забытые мечты далёкой жизни... мне нелегко сосчитать, сколько времени длилось моё заколдованное путешествие, но я помню, что скитания моей души проходили под знаком божественного озарения... я видел бога и беседовал с ним...

...Музыка его глаз обручила меня с долгожданной возлюбленной, о которой мечтала моя душа, находясь тогда ещё в созвучии из девяти планет... бог благословил нас, скрепив наш брачный союз двумя светящимися кольцами судьбы, обрамляющими свет моей души и тень моей возлюбленной – Вечности...

... Часто я ловил себя на странной мысли и пугался сходству всевышнего с моим другом... и вот совсем недавно я встретился с ним при пересечении далёкой галактики, имеющей название «голубая мысль»... голубая звезда её дочь и моя мать, убаюкивающая колыбель моей жизни и смерти, с которой и начались мои странствия...

... Знаки зодиака приятно навевали мне воспоминания о родной звезде... укачивая, струилась музыка... космос просыпался и засыпал, тревожа и успокаивая бесчисленными гармониями бесконечности... где-то к закату ночных празднеств я почувствовал лёгкое головокружение от потери праздности и ощутил в механизме бессмертия своего сердца забытое, но ласково-щемящее биение прежних жизней...

... Вспышки розовых созвучий будили память обуглившейся первозданности, которая время от времени играла с голубым шариком, потерявшем прежнее благозвучие...

Хорошо помню, как ты предложил мне почему-то посетить звёздное кладбище замурованного утешения...

... Было тихо и грустно на погосте облачных далей... ты держал кольца судьбы и улыбался странным рисунком будущего... твои большие синие глаза напоминали мне стремительность полёта нашей юности... в них полыхали ароматные звучания жимолости, и слёзы сожаления капали в бездну наших возможностей, образуя паутину из дрожащих лучиков пчелиного воска...

... Удивлённые взгляды встречались и разлучались, а потом вдруг сливались в одну радугу и брызгами рассыпались по изумлению, запечатлевшемуся на зеркальности губ, застывших в восторженном поцелуе с Вечностью...

Три крыла твоего обожания прошептали старинное приветствие на языке бесшумной выразительности... оно было понятно только раковинам, посвящённым в возбуждённое одобрение наших чувств... с того мгновенья прошло много времени, но я хорошо помню содержание твоей удивительной исповеди, с которой ты начал свой рассказ, касаясь началом мысли купола храма надежды, а я нежно припал в тень целомудренной Вечности, сопутствующей тебе, восхищающейся и растворяющейся в неге туманной благочестивости...

Моя душа восторженно слушала музыку твоего сердца, как некогда в юности, на голубой звезде, мои глаза перебирали клавиши, извлекая из глубин органных лабиринтов неувядаемые цветы божественнейшего из божественнейших...

...Созвездия тех неумолкающих звуков снова и снова появляются на небосклоне моей памяти... и я вместе с тобой путешествую по стране заколдованных жизней, воспитавшей нас из колыбели до лучезарного детства, до непорочной юности, до печальной молодости...

...Мне приятно, друг мой, что встреча наша прочертила счастливый след вблизи от нашего тлеющего очага, который вновь может вспыхнуть и обогреть всех жаждущих и стремящихся к любви и бессмертию...

Радость от этой встречи поднимает из самых глубин моей памяти прежнее чувство искренности и страдания, которое сделало нас всемогущими над временем и пространством...

...Как и ты, я долго странствовал по мирозданию своей души... много я встретил такого, что поразило и осветило мой разум, но много и такого, что ввергло мои чувства в глубокую и, казалось, неразрешимую загадку...

Каждый день лепестки души моей закрывались, но приходящая ночь вновь расправляла их, орошая звёздной россыпью все таинства, что скрывались в колодце её глаз... дуновенье северного ветра освежало душу, и она излучала прекрасные чувства, аромат которых распространялся во вселенной, подобно амбре в морской волне... душа моя всегда была открыта простым и честным людям... я говорил с ними... они улыбались мне... я тоже улыбался им, угощая их печаль вином благословения... мы бродили ночами по спящим улицам незнакомых городов и молча беседовали... много было таких встреч... но чаще я оставался один и беседовал со своей душой... я стремился понять её цель, постигнуть её глубину, но она никогда не откровенничала со мной... я ни разу не видел её, хотя всегда и постоянно чувствовал её присутствие...

Однажды, когда я полностью порвал связь с миром людей, душа призналась мне, что она измучилась и устала страдать по недостижимому, мне хотелось помочь ей, но я сам извёлся и терял последние

силы... страсть к одиночеству познакомила меня с Красотой, которая открыла мне неведомые ранее наслаждения и все тайны ирреального...

...однажды весной я забрёл в знакомый лес, шумевший всегда бархатистым тембром и зовущий в прохладу своих многочисленных ветвей мою неудержимую фантазию...

Неподалеку, меж высоких и сумрачных гор, раскинулась красивая долина с поэтическим названием – Снежная...

Из тёмного ущелья быстро и грациозно бежал, словно танцую, чистый и холодный ручей, берущий начало в необозримой вышине и сверкающий перламутром резвящейся форели...

...ближе к вечеру я попрощался с прохладой приветливого леса и вернулся в край золотистых трав Снежной долины... чуть слышно доносилось журчанье ручья... стучал дятел в соседнем лесу... заснеженные вершины гор отливали далеко уходящим закатом... а я лежал на спине, подложив под голову томик стихов древних авторов, и слушал голос души своей... по ярко-синему небу, уходящему плавной модуляцией в черноту вселенной, проплывали белоснежные корабли и, растворяясь в голубо-сине-чёрной дали, мигали прощальными вспышками...

...изредка чей-то зов доносился до звона струн моей плоти, но тут же, застеснявшись, пропадал в серебристой тишине печально вспыхивающих огоньков прощающихся звёздоплателей... и больше ничего... только тихий голос души моей, как музыка дальних странствий, приглашал меня в сказку, рассказываемую моим губам, белой, как снег, грудью матери... я слушал этот голос и со слезами, быстро бегущими по лицу, вспоминал детство... юность... и молодость... побеги моей первичной жизни на голубой звезде, воспитавшей мою скорбь и стремление к будущему... подарившей моим ногам неутомимость к странствиям, рукам – чуткость и трудолюбие... глазам – внимательность, ушам – музыку и шум волн никогда не затихающего прибоя... и ещё мне была подарена вечно недостижимая и неразделённая любовь, об истории которой я когда-нибудь расскажу...

Так я размышлял ещё очень долго, до тех пор пока последний огонёк не растворился в мироздании... затем я достал томик стихов древних авторов и, раскрыв наугад, погрузился в чтение...

* * *

Глубокая полночь вокруг меня,
Но я не зажгу свечи –
Так ярко горит в небесах луна,
Что с нею светло в ночи.
За сонными клёнами – старый храм
С пагодой золотой.
Почтовой станции красный дом
Над белой стоит водой...
Замолкло карканье ворон
На городской стене,
И цапли на отмели у реки
Застыли в блаженном сне.
А я, путешествующий старик,
Белый от седины,
Подняв занавеску, один не сплю,
Любуясь блеском луны...

(Ду Фу (712–770). – В.Б.)

* * *

О небо, небо, ты мне будешь сниться!
Не может быть, чтоб ты совсем ослепло
И день сгорел, как белая страница:
Немного дыма и немного пепла!...

(О.Э. Мандельштам. – В.Б.)

* * *

прислушайся, о человек,
что полночь говорит!
«спала я сном, глубоким сном,
теперь проснулась я»,
как мир глубок, глубок как он!

и глубину его
не знает день... как мир скорбит
о наслаждении... скорбь
всё наслажденью говорит:
«исчезни навсегда!»
оно же вечным хочет быть
и вечно хочет жить!..

* * *

Что ты играешь, мальчик?
Что за тень по саду пролетела, словно птица?
Взгляни сюда:
Душа твоя стремится в тот угол сада,
Где цветёт сирень.
Она укрылась в глубине аллеи,
Но возвратится, песней пленена;
Пусть жизнь сильна,
Но песнь твоя сильнее,
Твоей тоской навек уязвлена.
Дай ей молчанье – музыки ей мало,
Пусть возвратится в вечное, родное,
Где жизнь её так плавно нарастала,
Пока ты не увлёк её игрою...

*(Фрагмент стихотворения
Р.М. Рильке «Музыка». – В.Б.)*

* * *

тайное всё ещё мало доступно словам...
музыка вечно нова,
из обломков дрожащих
стоит в безвещном пространстве
божественный храм...

*(Фрагмент стихотворения
Р.М. Рильке «Сонеты к Орфею». – В.Б.)*

* * *

о, звук!
продлись!..
будь музыкой моей!..

* * *

Солнце скрылось на западе
За полями обетованными,
И стали тихие заводи
Синими и благоуханными.
Сонно дрогнул камыш,
Пролетела летучая мышь,
Рыба плеснулась в омуте...
...И направились к дому те,
У кого есть дом
С голубыми ставнями,
С креслами давними
И круглым чайным столом.
Я один остался на воздухе
Смотреть на сонную заводь,
Где днём так отрадно плавать,
А вечером плакать,
Потому что я люблю Тебя, Господи.

(Н.С. Гумилёв. «Заводи». – В.Б.)

* * *

...Конца тревогам и удачам,
Слепым блужданиям души...
О день, когда я буду зрячим
И странно знающим, спеши!
Я душу обрету иную,
Всё, что дразнило, уловя.
Благословлю я золотую
Дорогу к солнцу от червя.

И тот, кто шёл со мною рядом
В громах и кроткой тишине,
Кто был жесток к моим уладам
И ясно милостив к вине;
Учил молчать, учил бороться,
Всей древней мудрости земли, –
Положит посох, обернётся
И скажет просто: «Мы пришли».

*(Фрагмент стихотворения
Н.С. Гумилёва «Вечное». – В.Б.)*

* * *

Есть Бог, есть мир; они живут вовек
А жизнь людей мгновенна и убога,
Но всё в себе вмещает человек,
Который любит мир и верит в Бога.

(Н.С. Гумилёв. – В.Б.)

* * *

...Есть на море пустынном монастырь
Из камня белого, золотоглавый,
Он озарён немеркнущею славой...
Туда б уйти, покинув мир лукавый,
Смотреть на ширь воды и неба ширь...
В тот золотой и белый монастырь!

*(Фрагмент стихотворения
Н.С. Гумилёва «Пятистопные ямбы». – В.Б.)*

* * *

...И пахнет тлением заманчиво земля.

*(Фрагмент стихотворения
Н.С. Гумилёва «Разговор». – В.Б.)*

* * *

... Ушла надежда, и мечты бежали,
Глаза мои открылись от волненья,

И я читал на призрачной скрижали
Свои слова, дела и помышленья.

*(Фрагмент стихотворения
Н.С. Гумилёва «Думы». – В.Б.)*

* * *

... Но почему мы клонимся без сил,
Нам кажется, что Кто-то нас забыл,
Нам ясен ужас древнего соблазна,
Когда случайно чья-нибудь рука
Две жердочки, две травки, два древка
Соединит на миг крестообразно?

*(Фрагмент стихотворения Н.С. Гумилёва
«Потомки Каина». – В.Б.)*

* * *

...Всё прошло как сон! А в настоящем –
Смутное предчувствие беды,
Вместо славы – тяжкие труды
И под вечер – призраком горящим,
Злобно ждущим и жестоко мстящим –
Солнце в бездне огненной воды...

*(Фрагмент стихотворения Н.С. Гумилёва
«Открытие Америки». – В.Б.)*

* * *

... И в горечи сердце находит уладу:
Вот сад, но к нему подойти я не смею,
Я помню... мне было три года... по саду
Я взапуски бегал с лисицей моею...
Я вырос! Мой опыт мне дорого стоит,
Томили предчувствия, грызла потеря...
Но целое море печали не смоет
Из памяти этого первого зверя...

*(Фрагмент поэмы Н.С. Гумилёва
«Блудный сын». – В.Б.)*

* * *

Я, что мог быть лучшей из поэм,
Звонкой скрипкой или розой белою,
В этом мире сделался ничем,
Вот живу и ничего не делаю.
Часто больно мне и трудно мне,
Только даже боль моя какая-то,
Не ездок на огненном коне,
А томленье и пустая маята.
Ничего я в жизни не пойму,
Лишь шепчу: «Пусть плохо мне приходится,
Было хуже Богу моему
И больнее было Богородице».

(Н.С. Гумилёв. «Я, что мог быть лучшей из поэм». – В.Б.)

* * *

Христос сказал: «Убогие блаженны,
Завиден рок слепцов, калек и нищих,
Я их возьму в надзвёздные селенья,
Я сделаю их рыцарями неба,
И назову славнейшими из славных...»
Пусть! Я приму! но как же те, другие,
Чьей мыслью мы теперь живём и дышим,
Чьи имена звучат нам, как призывы?
Искупят чем они своё величье,
Как им заплатит воля равновесья?
Иль Беатриче стала проституткой,
Глухонемым – великий Вольфганг Гёте!
И Байрон – площадным шутком... о ужас!..

(Н.С. Гумилёв. «Отрывок». – В.Б.)

* * *

...Правдива смерть, а жизнь бормочет ложь
И ты, о нежная, чьё имя – пенье,

Чьё тело – музыка, и ты идёшь
На беспощадное исчезновение...

*(Фрагмент стихотворения
Н.С. Гумилёва «Колчан». – В.Б.)*

* * *

...Да, я знаю, я вам не пара,
Я пришёл из другой страны...

*(Фрагмент стихотворения Н.С. Гумилёва
«Да, я знаю, я вам не пара». – В.Б.)*

* * *

...Есть так много жизней достойных,
Но одна лишь достойна смерть...

*(Фрагмент стихотворения
Н.С. Гумилёва «Смерть». – В.Б.)*

* * *

...И, верно, дьявольская страсть
В душе вставала, словно пенье,
Что дар любви, цветок, увясть
Был брошен в книге преступления...
И после, там, в тени аркад,
В великолепье ночи дивной,
Кого заметил тусклый взгляд,
Чей крик слышался призывный?
Так много тайн хранит любовь,
Так мучат старые гробницы!
Мне ясно кажется, что кровь
Пятнает многие страницы...
И терн сопутствует венцу,
И бремя жизни – злое бремя...
Но что до этого чтецу,
Неутомимому, как время!

Мои мечты... они чисты,
А ты, убийца дальний, кто ты?
О пожелтевшие листы,
Шагреневые переплёты!..

*(Фрагмент стихотворения
Н.С. Гумилёва «В библиотеке». – В.Б.)*

* * *

В моём бреду одна меня томит
Каких-то острых линий бесконечность,
И непрерывно колокол звонит,
Как бой часов отзванивал бы вечность.
Мне кажется, что после смерти так
С мучительной надеждой воскресенья
Глаза вперяются в окрестный мрак,
Ища давно знакомые виденья.
Но в океане перевозданной мглы
Нет голосов и нет травы зеленой,
А только кубы, ромбы, да углы,
Да злые, нескончаемые звоны.
О, хоть бы сон настиг меня скорей!
Уйти бы, как на праздник примиренья,
На жёлтые пески седых морей
Считать большие, бурые камня...

(Н.С. Гумилёв. «Больной». – В.Б.)

* * *

Вот вся жизнь! Круженье, пенье,
Моря, пустыни, города,
Мелькающее отраженье
Потерянного навсегда...
Бушует пламя, трубят трубы,
И кони рыжие летят,
Потом волнующие губы
О счастье, кажется, твердят.

И вот опять восторг и горе,
Опять, как прежде, как всегда,
Седую гривой машет море,
Встают пустыни, города.
Когда же, наконец, восставши
Ото сна, я буду снова я, –
Простой индеец, задремавший
В священный вечер у ручья?

(Н.С. Гумилёв. «Прапамять». – В.Б.)

* * *

Храм твой, Господи, в небесах,
Но земля тоже Твой приют.
Расцветают липы в лесах,
И на липах птицы поют.
Точно благовест Твой, весна
По весёлым идёт полям,
А весною на крыльях сна
Прилетают ангелы к нам.
Если, Господи, это так,
Если праведно я пою,
Дай мне, Господи, дай мне знак,
Что я волю понял Твою.
Перед той, что сейчас грустна,
Появись, как Незримый Свет,
И на всё, что спросит она,
Ослепительный дай ответ...
Ведь отрадней пения птиц,
Благодатней ангельских труб
Нам дрожанье милых ресниц
И улыбка любимых губ...

(Н.С. Гумилёв. «Канцона вторая». – В.Б.)

* * *

...Я не прожил, я протомился
Половину жизни земной...

*(Фрагмент стихотворения Н.С. Гумилёва
«Я не прожил, я протомился...». – В.Б.)*

* * *

...Когда всё лучшее, что в нас
Таилось скупно и сурово...

*(Фрагмент стихотворения Н.С. Гумилёва
«Ода д'Аннуцию». – В.Б.)*

* * *

...Да! Пробудит в черни площадной
Только смех бессмысленно тупой,
Злость в монахах, ненависть в дворянстве
Гений, обвинённый в шарлатанстве!
Как любовник, для игры иной
Он покинут Музой Дальних странствий...

*(Фрагмент стихотворения Н.С. Гумилёва
«Открытие Америки». – В.Б.)*

* * *

Я помню древнюю молитву мастеров:
Храни нас, Господи, от тех учеников,
Которые хотят, чтоб наш убогий гений
Кошунственно искал всё новых откровений.
Нам может нравиться прямой и честный враг,
Но эти каждый наш выслеживают шаг,
Их радует, что мы в борении, покуда
Пётр отрекается и предаёт Иуда.
Лишь небу ведомы пределы наших сил,
Потомством взвесится, кто сколько утаил.
Что создадим мы впредь, на это власть Господня,
Но что мы создали, то с нами посегодня.
Всем оскорбителям мы говорим привет.

Превозносителям мы отвечаем – нет!
Упрёки льстивые и гул молвы хвалебный
Равно для творческой святыни не потребны.
Вам стыдно мастера дурманить беленой,
Как карфагенского слона перед войной.

(Н.С. Гумилёв. «Молитва мастеров». – В.Б.)

* * *

Кто лежит в могиле,
Слышит дивный звон,
Самых белых лилий
Чует запах он.
Кто лежит в могиле,
Видит вечный свет,
Серафимских крылий
Переливный снег.
Да, ты умираешь,
Руки холодны,
И сама не знаешь
Неземной весны.
Но идёшь ты к раю
По моей мольбе,
Это так, я знаю.
Я клянусь тебе.

(Н.С. Гумилёв. «Утешение». – В.Б.)

* * *

...Как могли мы прежде жить в покое
И не ждать ни радостей, ни бед...

(Фрагмент стихотворения

Н.С. Гумилёва «Солнце духа». – В.Б.)

* * *

...Я молод был, был жаден и уверен...

*(Фрагмент стихотворения Н.С. Гумилёва
«Пятистопные ямбы». – В.Б.)*

* * *

глаза твои – звёзды...
Вечность разделяет нас...
растворится плоть моя,
а Любовь всё будет мчаться...
Ты поймёшь её и поразишься...
и захочешь узнать,
кто же послал её...
а я в то Время буду Далеко...
на незнакомой планете
камнем могильным грустить у причала...
и провожать корабли в мирозданье
всхлипывать музыкой тихой и слушать
шёпот Забвенья одичало...

* * *

сiju у скал и шорохи ловлю...
в вечерней тишине последний
отзвук гаснет...
ручей затих...
и птицы приумолкли...
седые облака замедлили свой бег...
а мне печально...
грустно...
одиоко...
и
друга
понимающего
нет...
и
нет...

* * *

Нам в бытии отказано, всегда и всюду путники, в любом краю,
Все формы наполняя, как вода, мы путь нащупываем к бытию.

* * *

Так совершаем мы за кругом круг,
Бредём сквозь свет и мрак, всему чужды,
Руке нетвёрдой не осилить плуг,
Осуществленья не сулят труды.
Нам не постигнуть, что творит Господь;
Всё сызнава Горшечник лепит нас,
Покорную переминает плоть,
Но для обжига не приходит час...
Осуществить себя! Суметь продлиться!
Вот цель, что в путь нас гонит неотступно, –
Не оглянуться, не остановиться,
А бытие всё так же недоступно...

(Здесь и далее: Герман Гессе. Из романа «Игра в бисер». Фрагменты сочинения Иозефа Кнехта «Стихи школяра и студента». – В.Б.)

* * *

Удел наш – музыке людских творений
И музыке миров внимать любовно,
Сзывать умы далёких поколений
Для братской трапезы духовной.
Подобий внятных, череда святая,
Сплетения созвучий, знаков, числ!
В них бытие яснее, затихая,
И полновластный правит смысл.
Как звон созвездий, их напев кристальный, –
Над нашею судьбой немолчный зов,
И пасть дано с окружности астральной
Лишь к средоточью всех кругов...

* * *

О, как странно, о, как звонко
Здесь шаги мои звучат!
Лёгкой поступью ребёнка
Я вхожу в знакомый сад...

Слышишь, сказки шелестят?
После долгих лет скитанья
Нити тёмного познания
Привели меня назад...
Время медленней и шире,
Всюду просветы аллей...
О, как ясно в этом мире
Быстро шепчущих теней...

(Максимилиан Волошин. «Детство». – В.Б.)

* * *

Нам кажется: когда-то мирозданье
Понятней было, глубже созерцанье,
Познание с тайной в нерушимом мире.
Да, прежним мудрецам дышалось шире,
Полней жилось, и жизнь была им раем,
Как мы у старых авторов читаем.
А всякий раз, как мы вступаем свято
В духовные пространства Аквината, –
Припомни, как уму сияли сферы
Предельной, зрелой, совершенной меры:
Повсюду ясный свет, весь мир осмыслен,
Путь человека к божеству расчислен,
Сквозной расчёт строенья безупречен,
В любом звене продуман, верен, вечен.
Но в наших поколениях запоздалых
Иссякла сила, и для нас, усталых,
Изверившихся, всё, что целокупно
Должно быть, безнадежно недоступно.
Так; но со временем, быть может, внуки
Увидят всё иначе: эти звуки
Недоуменья, ропота и спора
Для них сольются в благозвучье хора
Многоголосного, и все терзанья
Преобразятся в стройные преданья.

Быть может, тот, кто меньше всех готов
В себя поверить, – он-то под конец
Окажется властителем сердец,
Вождём, учителем иных веков;
Кто горше всех терзается сомненьем,
Предстанет, может статься, поколениям
Как мастер, взысканный такой наградой,
Что в дни его и жизнь была отрадой;
Как тот, кто миру начертал пути...
Пойми: и в нас живёт извечный свет,
Свет, для которого истленья нет:
Он должен жить, а мы должны уйти...

(Г. Гессе. После чтения «Summa contra gentiles». – В.Б.)

У этих истоков, в своё время, утолял жажду Иоганн Себастьян Бах. Бетховен и Вагнер черпали здесь вдохновенье. У этих истоков страдали Шуберт, Антон Брукнер, Хуго Вольф и Густав Малер, Чюрлёнис и Ян Сибелиус.

Отчаяние не раз приводило сюда Арнольда Шёнберга и Альбана Берга, Игоря Стравинского и Антона Веберна. Пётр Чайковский и Модест Мусоргский, Скрябин и Рахманинов, Мясковский, Прокофьев и Дмитрий Шостакович – все они духовные братья, испившие у этих истоков много прекрасного и волнующего.

Кто задумывается над перспективами своей жизни и творчества, тот должен бежать от толпы. И чем раньше он это сделает, тем более интересно и полезно будет протекать его жизнь. Надо найти в себе мужество забыть всё, что называется обществом и общением.

Люди воображают, что живут в обществе, когда стесняются в города, в сёла. Как будто собраться в кучу, вместе пасть, как бараны, называется жить в обществе!

Великий художник не должен, если хочет остаться верен своему призванию и таланту, предаваться житейской суете, делаться рупором каких-либо суетных кружковых или групповых страстей. Надо избавиться от всякого суетного любопытства, разбивающего и уроду-

ющего жизнь, и первым делом искоренить упорную склонность сердца увлекаться новинками, гоняться за злобами дня и вследствие этого постоянно ожидать того, что случится завтра. Иначе вы не обретёте ни мира, ни утешения, а одни только разочарования и отвращение.

Хотите вы, чтобы мирской поток разбивался у порога вашего мирного жилища? Если да, то изгоните из вашей души все эти нервные волнения, вызванные новостями дня. Замокните дверь перед всяким шумом, всякими отголосками света. Наложите у себя запрет, если хватит у вас решимости, даже на всё легковесное искусство, по существу оно не что иное, как тот же шум, но только в словах, звуках или цвете...

...он помолчал... затем подошёл к окну и распахнул его...

Обворожительная тишина летней ночи заполнила комнату... мы находились в каком-то необъяснимом состоянии... и, погасив свет, впитывали глазами чарующий, словно прозрачное серебро, лунный зефир... я набил трубку и подошёл к нему...

Он повернул ко мне своё красивое загорелое лицо, и улыбка засветилась в уголках его резко очерченных губ... громады гор чернели вдаль, и на их фоне его лицо приобрело то прекрасное выражение, о котором можно сказать: «Лепота!...»

Лунный свет мягко отражался в его тёмных и всегда загадочных глазах, а русая, немного вьющаяся борода переливалась золотыми блестками... весь Его облик внушал глубокое доверие и уважение, какое-то редкое обаяние, надежду и беспредельное подчинение... закрыв глаза, Он погрузился в глубокую задумчивость, а я стал размышлять над мыслями, которые почерпнул совсем недавно в архивной библиотеке, сидя вечерами в зале Тихого одиночества...

...люди во все века стремились быть ближе к Богу не только в смысле нравственности, но и в сфере деятельности... стремление быть лучше, совершенней, творить чудеса – вот высочайшее отличие человека от природы, а также доказательство того, что человек обладает большими возможностями, нежели природа... чем развитее, просвещеннее человек, тем он острее переживает неустройство мира, стремится переделать его по своему подобию... не исключена возможность, что человек в конце концов достигнет такого умствен-

ного развития, когда он станет подобным Богу и не удовлетворится изобретениями для толпы, а возьмётся за осуществление той великой идеи, что так неудачно воплощена Богом...

...жизнь человека – это цепь, звенья которой куются Богом... цепь эта погружена в Вечность и совершает виток за витком, подобно спирали...

...тоска по Богу всегда жила в душе русского человека... живёт она и теперь, быть может, ещё более отчаянно, чем прежде...

...искусство обязано своим процветанием религии и без веры в Бога существовать не может...

...в человеческой жизни существует одно достоинство перед вселенной: она кратковременна и потому торопит человека мыслить, что и способствует его бесконечному совершенству... вселенная же никуда же торопится, потому что ей некуда идти, а значит, человек когда-нибудь вырвется за её пределы, и тогда, быть может, человечество обретёт истинные ценности и не будет нужды более искать какие-либо истины, ибо наша сознательная жизнь есть не что иное, как совокупность всех найденных и не найденных истин... да, наша жизнь коротка... но придут другие люди, с другой мерой времени и пространства, которые напряжением огромной воли и мысли избородят вселенную, подобно тому как пахарь бороздит своё поле, и им станет тесно в этой скорлупке, которую они проклянут и выйдут в доселе неподозреваемый мир, в котором заживут вольными птицами... и будут они переноситься из одной вселенной в другую в мгновение, ибо разум есть Бог всего, что существует...

...искусством является всё, что создано по велению сердца... наука же есть не что иное, как плоды просвещённого разума... вместе они составляют единственное в своём роде достоинство Вечной красоты... всё остальное – хаос...

...счастье не в том, что мы живём, дышим, наслаждаемся, а в том, что сознаем себя в этой бесконечности вселенского бытия... небытия нет... это плоды человеческого страха перед неведомой чертой, отделяющей нашу жизнь от жизни вообще...

...наука – могильщик человечества... искусство – святой родник, исцеляющий человечество от недугов...

...музыка имеет силу заставить нас войти вглубь самих себя, между тем, как другие искусства дают нам только строго ограниченные наслаждения...

...музыка универсальна, она – мать всех искусств...

...музыка – самое могущественное из всех искусств...

...музыка – нечто врождённое, внутреннее, не требующее особой пищи извне, не нуждающееся в жизненном опыте...

...в искусстве нет внешних законов... всё, против чего не восстаёт внутренний голос, разрешено... в искусстве вообще, а в музыке в особенности, каждое средство, исходящее из внутреннего импульса, истинно...

...ни один поэт, ни один художник, ни один философ, ни один музыкант, чьё мышление витает в высоких сферах, не станет унижаться до вульгарности с целью приспособления к лозунгу «искусство для всех», ибо если это искусство, то оно не для всех, а если оно для всех, то это не искусство...

...жизнь подлинно великих людей учит, что стремление к творчеству, инстинктивному жизненному чувству – сказать нечто важное человечеству... я лично убеждён, что музыка несёт пророческое послание, открывающее более высокую форму жизни, к которой стремится человечество... именно поэтому музыка встречает отклик людей всех рас и культур...

...в музыке важно не как это сделано, но что это такое...

...если хочешь быть значительным, сочиняй значительную музыку...

...вкус приложим к нижним зонам человеческих чувств... вкус не может служить критерием в духовных областях...

...композиторы прежде всего борцы за свои музыкальные идеи... идеи других композиторов им враждебны...

...красота искусства выше естественной красоты, ибо дух превосходит природу...

...музыка – это такая наука, которая не ограничивается знанием, но включает его в свои границы...

...возвышенное – это безмерное, бесконечное, содержащееся в нашей душе, а не в природе...

...композитор творит в свободной стихии внутренней жизни...

...природа наделила невинность речью, а злодеяние – безмолвием... мудрый не столько любит, сколько вспоминает...

...людям нравится то, что вызывает у них определённые ассоциации... у гения нет ассоциаций, он живёт образами несуществующих миров...

...аксиомой примерного поведения является смерть... только мёртвые знают эту загадочную «Царицу»...

...высшее счастье человека заключается в мыслительном процессе творческого акта... творческое мышление – не «дар божий», оно развивается благодаря задаткам любознательности и огромной познавательной активности...

...наша судьба не подвластна нашей воле, ею властвует Бог, которому люди бессильны что-либо противопоставить...

...прошлое всегда прекрасно, а настоящее безобразно, но человек живёт будущим...

...в спорах истина не рождается, если уж говорить о таковой, то эта «подруга» открывается ищущим в минуты крайнего отчаяния...

...одиночество – это поединок с самим собой...

...одиночество не освобождает от обязанности быть человеком!...

...прежде чем сочинять что-либо, необходимо удостовериться в причастности к той почве, на которой хочешь посадить первое дерево...

...застенчивость – признак нравственной чистоты...

...любой государственный или политический деятель – прямой враг искусства... политика есть авантюра против человека и его истинной генеалогии...

...все рождённые имеют право на существование...

...сон есть зеркало нашей души... сны – это тенденция человеческого разума созерцать свою душу...

...нет ни времени, ни пространства... для человека всё условно, когда он разделяет свою собственную жизнь, жизни предшествующих поколений, а также жизни вообще на отрезки, которые в целом определяют возникновение и распад высокоорганизованной материи, то есть жизнь есть не что иное, как мгновенная вспышка света во мраке Вечного и безграничного мира...

...против жизни, против мелочной и ежедневной жизни не устоит никакая святыня; чтобы дать ей твёрдое основание, надобно ввести её в жизнь ежедневную, сделать мысль и чувство привычкою...

...талант без труда всё равно что лодка без весел, но, чтобы грести, надо ещё знать, куда держать направление и зачем... уметь трудиться – это значит побеждать себя... обуздывать и подавлять свои прихоти, подступающие слабости, влечения... воля!.. – вот предмет гордости талантливого человека! ...без большой воли не существует и больших талантов... истинный творец всегда и постоянно воспитывает в себе трудолюбие, направляемое волевыми импульсами...

...человек – дитя природы, а не социальной среды...

...наш долг – размышлять, а не грезить...

...можно иметь в голове самые причудливые фантазии, самые безумные теории, но они могут быть неправильными из-за ещё большего безумия, ещё большей фантазии...

...что представляет собой в целом тот мир, в котором мы находимся, откуда он появился, куда идёт, этого мы не знаем и никогда не узнаем... что мы, собственно, сами есть, мы сегодня знаем так же мало, как и вчера...

...молчание, недосказанность, намёк – вот главные компоненты творчества...

...важным моментом творческого процесса является не заранее принятая стройная формула плана произведения, а безыскусность, полная непосредственность... произведения не создаются, а возникают...

...общество людей – бесклассово... зло и добро, справедливость и несправедливость происходят не из сознания людей, а из их ограниченного мировоззрения...

...религия – это предчувствие философии, а философия – осознание религии, оба ищут, хотя и различными путями, одно и то же – Бога...

...каждый строит свою философскую систему, основываясь на том фундаменте, на котором стоит его сознание...

...логика есть наука о пустомыслии... доказать и объяснить можно любое явление... повторить же его она бессильна...

...каждое событие, каждый человек, предмет или случай помогают нам... пусть это событие печального порядка, человек ничтожный для вас, а случай горек – все они пестуют вашу душу для большой и великой жизни... ничто не проходит бесследно... память наша удивительна...

...трагическое никогда не расстанется с человеком, откуда он будет оставаться таковым: человек тем и прекрасен, что обладает двумя особенностями характера – трагического и комического...

...пусть люди мыслят так, как им хочется; зачем насиловать чужое восприятие? ...мир и так тесен, ограничен для всех нас... не будем же мешать каждому мыслить так, как он считает это полезным для окружающих...

...смотреть с восхищением на полотна гениальных живописцев – это не значит любить искусство живописи...

...наслаждаться звуками достойной музыки – не значит любить музыку... любовь не есть восхищение и наслаждение; любовь – это страдание... вот когда вы страдаете, соприкасаясь с шедеврами искусства, чувствуете в себе потребность быть лучше, сильнее; когда вы завидуете, отчаиваетесь, волнуетесь и слёзно переживаете всё увиденное и услышанное – вот когда вы начинаете любить искусство...

...когда вы научитесь обращаться с собой как с лучшим другом, тогда только можно будет создавать истинные шедевры...

...каждый человек в душе способен к творчеству, но среда обрывает жизнь этих молодых побегов, увеличивая тем самым мёртвое поле в мозговой оболочке...

...в процессе творчества необходимо быть уверенным в том, что вы – исключение из общих правил; только тогда можно рассчитывать на произведение, заслуживающее внимания... если же вы будете подходить к творчеству как подмастерье, то эта неуверенность помешает вам в дальнейшем стать мастером... когда вы творите – гений водит вашей рукой и вы созерцаете своё отражение в душе Бога...

...любое ухищрение в искусстве должно нести мысль, даже если это какофония чувств... каждое движение души должно быть оправдано и пережито художником... тогда только произведение станет содержательным...

...произведения искусства рождаются, как и всё живое... вся трудность заключается в том, чтобы воспитать их настолько высоко, насколько воспитан сам художник...

...прежде чем сочинять что-либо, необходимо удостовериться в причастности к той почве, на которой хочешь посадить первое дерево...

...у людей тщеславных конечная цель дальше славы не идёт... для гения же слава всегда была препятствием, за порогом которого начинался мир истинного творчества...

...у посредственных людей на всё есть готовый ответ: они ничему не удивляются... они всегда делают вид, что знают гораздо лучше вас всё, что вы собираетесь им сказать...

...высшую свободу и счастье человек обретает только с утратой своего естественного разума...

...то, что случается, случалось всегда и будет повторяться вечно; меняются радужные формы, но сущность остаётся та же: от века неизменны мир и человек...

...наша насыщенная душа жадно ищет в мире пищи для своей страсти – так жадно, что даже тень вещи способна соблазнить её, и тогда она мгновенно вспыхивает вся и сгорает в мучительном счастье, одна медленнее, другая сразу... таков закон человеческого духа... таков закон любви... человек толпы живёт мелкими вспышками, медленно тлея; чем сильнее личность, тем больше горючего материала в ней и тем неизбежнее она сгорит вся от ничтожнейшего толчка извне...

...только гений знает, как много серьёзного в душе его, как много скорбного в его жизни, как много труда в его творчестве...

...дремлющие силы человека самовластны и непокорны сознанию; они подчинены каким-то особым законам...

...музыка – ведь это всё! ...музыкой вызывается к новому бытию то мимолётное, еле уловимое, нежное и туманное, что мы называем настроением...

...художник не делает ничего, что другие считают красивым, но только то, что ему необходимо...

...у искусства свои собственные законы, оно не имеет никакого трюкачества, ничего общего с политикой...

...неспешно течёт жизнь всех глубоких родников: долго они должны ждать, прежде чем узнают, что в глубине их...

...душа порывиста и стремительна; только гений умеет останавливать её и наслаждаться этим мгновением...

...природа лишена красоты, если не освещена духовностью человека, так и человек лишён индивидуальности, если не обласкан природой...

...надо знать старых мастеров, но не надо подчиняться условиям, которые они создали...

...совсем нетрудно наслаждаться старым искусством и быть с ним на короткой ноге, бесконечно более трудно наслаждаться новым...

...художник – существо тонкое, боящееся света и шума, часто страждущее, самоизнуряемое томлением... люди, почти все, – его враги; друзья, самые близкие, – наихудшие... дьявол гнездится в его плоти, божество – в сердце... жизнь его – вне времени, редко в полёте, часто в раковине улитки... странные, глубинные явления природы любит он, но и светлую, открытую действительность – тоже: проплывающие облака, цветущие, пылающие цветы, всякую тварь... незнакомые, безвестные люди его друзья... он видит не много, однако другие и того не видят... он ничего не знает, ни во что не верит...

...великим столетиям мы противопоставляем «нет»! ...мы, конечно, знаем, что этим простым «нет» мы не остановим строгий и методичный ход наук и «триумфальный» прогресс... мы не думаем также торопить это развитие, но идём, сопровождаемые насмешками своего поколения, окольной тропой, которая как будто и не является дорогой, и говорим: «вот главный путь развития человечества»... то, что за нами сегодня не может следовать толпа, мы знаем: для неё этот путь неизведан и слишком крут... мы боремся за чистые идеи, за такой мир, где эти идеи будут мыслиться и говориться, не теряя чистоты...

...художник должен прежде всего воспитывать себя и, углубившись в собственную душу, пестовать и развивать эту душу... художник не баловень жизни: у него нет права жить без обязательств, на него возложен тяжкий труд, который часто превращается в крест...

...художник должен знать, что любой его поступок, чувство, мысль образуют тончайший, неосязаемый, но прочный материал, из которого возникают его творения, а потому он свободен лишь в искусстве, но отнюдь не в жизни...

...прекрасно то, что порождено внутренней душевной необходимостью; прекрасно то, что прекрасно внутренне...

...искусство – не игра, ибо искусство трудно, серьёзно и прекрасно и с ним нельзя шутить...

...душа человеческая первозданна, ничему не подвластна и управляется внутренними законами...

...следует писать конструкции, устремлённые в будущее...

...насмешки и непонимание встретят вас вместо роз...

...пассивное усвоение готовых рецептов техники ведёт к посредственному ремеслу...

...полифония и гомофония (гетерофония) – два противоположных берега одной реки – музыки, два обособленных стиля... додекафония – это метод, который представляет собой синтез двубережья, сведённый к единству противоположностей, т.е. додекафония – это категория равенства, общности, примирения, это эстетика, которой не чужды как полифонный, так и гомофонный стили; додекафония – это шаг в неизведанное, это своего рода теория относительности в музыке, которую нельзя игнорировать... те композиторы и теоретики, которые не жалеют копий на изгнание додекафонии из музыки и предадут эту систему анафеме, обречены, ибо их мышление не парит на высотах духа, не подымается выше их представлений, не идёт дальше их ограниченности к истинному постижению последней субстанции магического...

...интуиция есть акт внутреннего пробуждения, это своего рода созерцание красот, стоящих за чертой реальности, по ту сторону слов и суждений...

...выявить эту красоту, схватить на лету в головокружительном полёте бездну ирреальных чувствований, значит приобщиться к истинной гармонии мира, ощутить единство с этим миром...

...реальная жизнь, действительность – это убийца всего лучшего, что есть в человеческой душе... юношеские иллюзии рано или

поздно разбиваются о невидимые рифы скоротечной жизни, и только сильные таланты способны преодолеть удары судьбы...

...выразить невыразимое – вот истоки настоящего творчества... в недолговечности увидеть вечное, непреходящее, прекрасное – это и есть то, что называют вдохновением...

...да, мы живём в реальной действительности, но образы наши появляются в ирреальном свете чарующего и произвольного воображения...

...лишь в ограничении познаётся мастер...

...живое творчество всегда гибче любой системы, как бы она ни ограничивала фантазию... чем больше запретов внешних, тем больше в внутренней свободы...

...критика легка, а искусство трудно...

...целью художника должно являться воспроизведение желаемого образа не посредством непосредственного восприятия, а посредством непосредственного впечатления...

...супрематистов и экстремистов обвиняли и продолжают обвинять в бесполезных поисках необычных форм в отказе от действительности... но счастье Кандинского и Шёнберга не в том, что они «что-то» искали, ибо они ничего не искали, а только подсознательно предчувствовали тот мир, частицу которого им удалось передать посредством своего искусства...

...мир неизмеримо глубже и значительнее, чем мы обычно видим и представляем его... мир – это фейерверк бесконечно изменяющихся и перевоплощающихся форм бытия... мир не стоит на месте, как не стоит стакан на столе, ибо земля стремительно совершает свой очередной шаг вокруг солнца...

...нельзя ничего опровергать априори, надо пройти через сомнение во всём, без сомнений мысль каменеет, превращаясь в тупую догму...

...в себе самом человек должен уважать свою свободу; в противном случае ему незачем жить, ибо не уважающий свободу в себе подавляет её в других, как в ближних, так и в целом народе...

...истинное мышление развивается только самообразованием, самоуглублением, с отрицанием всех принятых когда-либо на веру истин...

...способности простых людей философы склонны преувеличивать, художники – недооценивать... народ же не склонен к умозаключениям, как и к самоанализу: достаточно ли благоразумно он исполняет волю «дрессировщика», чтобы получить приятное...

...сила баховской музыки в том, что она свободна от каких-либо общих условностей... именно частный (глубоко личный) интерес композитора к проблеме «от себя к Богу и от Бога к человеку» помог ему создать храм строгих чувств и сдержанных звукообразований...

...добиваться в музыке как можно больше простоты... никакой аффектации!.. побольше ясности, естественности, поменьше истерик...

...страдание делает из души, превратившейся в пепел, добротную глину, перемешанную с дымящейся кровью... из этой глины Бог лепит гениев и сумасшедших...

...все лгут... одни лишь мёртвые говорят правду!..

...надо стремиться к мудрости... ежечасно, еженощно и ежедневно расширять зренье и слух... чтобы видеть и слышать дали вселенной!.. не скупиться духовными богатствами, что заложены в вас... расточать их всем, не сожалея... срывать с якоря жизни, как только инстинктивно почувствуете тишину заросшей илом гавани... не бездельничать!.. не вести праздную жизнь... не будьте националистами в отношении своей родословной... не привязывайтесь к родине как к единственному обиталищу...

...ремесленник не имеет стиля в силу жизненных обстоятельств, которые диктуют ему свои условия... художник сам диктует жизни свои условия, вытекающие из истоков его стиля...

...не художник определяет ценность произведения искусства, а произведение определяет ценность художника...

...гений лет не имеет – он преодолевает всё, что останавливает обыкновенные умы...

...всякая система, какую бы она ни была замечательной и научно обоснованной, всё-таки держит за спиной наручники... держитесь и вы от неё на почтительном расстоянии...

...чем медленней течение потока, тем глубже он... так и музыка... суетность и шалость присущи старцам, выжившим из ума... или детям, не постигнувшим глубин разума...

...от безверия – к Богу и от БОГА к человеколюбию...

...каждая новая революция или война приближает человечество к катастрофе... человечество пьется к ещё большему страданию, а не к любви и счастью, ибо революции и войны уносят в небытие остатки цивилизации, лучшие пласты духовного богатства, а взамен вносят новый потенциал зла, разобщённости... многие полагают, что современный человек стал эмоциональнее, нравственнее своих предшественников; добрее, сильнее, но, увы, к сожалению, он стал более хрупок, более изнежен, более зол и слабее предков... любое ускорение процесса развития человеческого общества вызывает обратную реакцию: мнимый прогресс превращается в регресс... кто идёт против естества, тот совершает не только дело бесполезное, но и крайне вредное...

...весь фокус противоречия (чуть ли не по Зенону) в том и состоит, что человек никогда не удовлетворится достигнутым даже при самом идеальном порядке; потому что он всегда будет стремиться сбросить оковы действительности, ибо конечная его цель – это тысячелетние мечты о счастье, но мечты эти нескончаемы, как и желанья...

...один великий писатель назвал поэтов праздными... звёзды тоже праздны! ...но они несут свой божественный свет чрез мирозданье...

...каждый миг надо жить с таким ощущением, какое испытывает человек, приговорённый к смерти... всегда надо помнить, что каждое мгновение, каждая новая волна бытия приближает ваш корабль к крушению... к этому надо быть всегда готовым...

...высокий дух посредственность тревожит! ...тьме страшен свет!..

...кто ясно мыслит – ясно излагает...

...вы спрашиваете, почему так упорно защищают жестокость?... потому что жестокость помогает подавлять в человеке его истинную свободу... всё самое чистое, светлое пытаются задушить в колыбели, не давая ему вырасти, развиваться, потому что бояться всего прекрасного, ибо сами отвратительны... сидеть в скорлупе и нерешительно попискивать, боясь проклюнуться, – трусость!.. мысли, которые рвутся к выражению, должны быть высказаны; и высказа-

ны не в лесу, не в горах (себе под нос), а на улице, на площади перед толпами народа... кому нужен ваш интеллект, ваши знания, способности, коли они молчат! ...человек потому и человек, что способен к высшей жизненной форме – общаться посредством разговорной или письменной речи...

...писать – значит пребывать в особом мире, значит поститься и трудиться... писать трудно, и должно быть трудно...

...чаще всего люди гордятся тем, чего у них нет...

...честный человек – что-то вроде трубочиста, которым няньки пугают маленьких детей...

...в звуке больше души, чем в мысли... мысль – это кошелёк, в нём пятаки, а звук ничем не загажен, внутренне чист...

...музыка не несёт в себе мыслей – она продукт ощущений и чисто эмоционального восприятия... между звуками существует органически единственная связь, так что появление случайного звука создаёт дисгармонию, несоответствие и фальшь... здесь кроется таинственный закон тяготения, где каждый звук, словно частица вещества или планета, созвездие, галактика, согласно со всемирным законом тяготения, не может быть выброшен или переставлен в другое место... вся цепь распадется, звуки сойдут с орбит, мир превратится в хаос...

...что такое «личные переживания»? ...это итог реакции взаимодействующей внутренней секреции человеческого организма... тот композитор оказывается великим, чувства и мысли которого идентичны большинству (т.е. исключая живущих людей)...

...музыка – самостоятельная организованная система, и любое привнесение в неё элементов из науки или искусства только вредит ей...

...все истины давно найдены...

...все идеи давно высказаны...

...наш долг – освободиться от них по мере удаления от всего земного...

...писать надо не для себя, а тем более не для людей... писать надо для Вечности...

...спокойствие мудреца – это всего лишь умение скрывать свои чувства в глубине сердца...

...с чужими мнениями не считаться... высшая доблесть человека и высшая его мудрость – терпение...

...любите древность, ибо древность – колыбель будущего...

...летние ночи прекрасны!.. я благодарю создателя за его щедрость и фантазию... надо же придумать такую ночь!.. и что удивительно, когда выйдешь под свод чёрного неба, усеянного звёздами, набьешь трубку на ощупь, зажжёшь спичку, а пламя метнётся, насколько хватит духу... поднесёшь спичку к лицу, прикуришь и с наслаждением затянешься мягким, почти бархатным дымом, ароматным и тёплым... затем расстегнёшь ворот рубахи, заулыбаешься отчего-то, вскинешь взором к звёздам, забудешься незаметно для себя, вспомнишь прошлое, и такое счастье разольётся по всему телу!.. словно и не было ничего плохого, мерзкого, отвратительного... нет и не будет... а из проёма двери, откуда только что вышел, доносятся голоса, смех, звон посуды и весь этот шум кажется лишним, чужим, нечистым... и не хочется заходить в эту дверь... хочется заменить всё это обстановкой изящной простоты и изысканной бедности... так называемой печальной прелестью обыденного... в такие минуты хочется перечитывать «Прогулки» Генри Дэвида Торо или «О природе» Эмерсона... но ещё лучше посидеть в кругу незнакомых молчаливых людей, исполняющих обряд «тядо», и пить чай из редчайшей чашки полузабытого Рикю...

...странно, но мне почему-то кажется, что с каждой новой формой цивилизации мы теряем что-то очень значительное, глубокое и прекрасное, а взамен приобретаем пустое, ни к чему не обязывающее знание об энтропии или аperiодических кристаллах... когда-то в древности люди возвышались душою при виде последних отблесков заходящего солнца на каменных плитах садовой дорожки, так называемого зеркалом вечернего пейзажа... им был понятен смысл эстетического транса «ёдаё»... или сине-нежнейших оттенков... или сумиэ... бонсай... бонсэки... а такие названия, как «Сад вечной весны... Терасса воспоминаний... Ворота чистого источника... Павильон густых облаков», всё это напоминало им о внутренне необходимом, непреходящем, вечном...

...например, древние, составляя цветы, постигали высшую мудрость... как хорошо сказал Догэн: «Разве не в шуме бамбука путь

к просветлению?.. разве не в цветении сакуры озарение души?»
А разве «моно-но аварэ» не совершенная красота, которая скрыта в каждой вещи и которую художник призван выявить; красота, которая даёт человеку ощущение гармонии и единства с миром?..

...а мир... полон тайн и загадок... наивны те, кто убаюкивает свои надежды фантазмагориями пустых и тщеславных мечтаний... нет и не будет такой науки, которая бы разрешила и разгадала эти иероглифы... которые начертал сам Господь Бог...

...люди во все века не понимали тех, кто любил их... фарисеи были не глупы и на своем веку перечитали множество фолиантов, но их знания не укладывались и в одну мириадную долю того, что знал Христос, хотя он (если верить евангелистам) грамоты избегал и книжников не любил... его знания были другого порядка...

...бесспорно, Христос всегда стремился много знать, но пришёл миг озарения, и он понял, что чем больше он будет знать, тем меньше знаний вместит его душа... прежде, как правило, он часто менял свои убеждения и привязанности, но затем последние стали исходить из его существа, а не из окружающего мира и его влияния на мышление Христа... так сложился новый тип человека-народолюбца...

...так я думал, когда мне было немногим более двадцати лет... а что было потом? ...и что было прежде? ...я медленно листаю дневники, как в бытность старые романы...

27 октября. Пятница

...мне четырнадцать лет! ...что я приобрёл за такое безумство времени? ...Одиночество... и это всё? ...нет... ещё любовь... к звёздам...

28 октября. Суббота

...все эти дни хожу под впечатлением музыки Баха... задумал написать большое, многочастное произведение для хора и оркестра... с увлечением работаю над Каприччио для скрипки... меня окружают голубые шары, а музыка выходит грустной, как лицо моего учителя... о небо!.. никто не хочет верить в то, что я рождён для музыки... а мне так нужна эта вера...

29 октября. Воскресенье

...случайно увидел её... и весь мир, все мысли, чувства, музыка, всё потускнело перед её простой вязаной шапочкой из обыкновенной серой шерсти... но что под этой шапочкой?!

30 октября. Понедельник

...пахнет снегом... слушаю Концерт для скрипки с оркестром Чайковского...

5 ноября

...четвёртый день льет дождь... грустно... дописал последние такты Поэмы для баяна и ф[ортепи]ано... хорошо, что никто не мешает... вчера весь день провёл в читальном зале публичной библиотеки... изучал партитуры Вагнера и Шумана... тут же между делом написал статью о Вагнере к юбилею, а затем продолжил конспект по Диалектике Гегеля... угнетают мысли о смерти... интересно, сколько мне осталось ещё жить?... какую радость испытываю, когда вспоминаю, что так же листали книги, как и я, Фрескобальди, Мусоргский, Достоевский; так же, как и я, бродили в одиночестве по горам Бах, Гегель, Байрон... Музыка! ...она не даёт мне покоя даже во сне... преследует всюду... вижу твой образ... неясный, но очень близкий, родственный... кто ты?..

8 ноября

Баян! ...какое счастье, что я начал учиться на этом инструменте... я чувствую в себе необъятные силы, но надо много трудиться... современной музыке недостаёт огня, величия и гордости... люди где-то потеряли всё лучшее, что было заложено могучей древностью... нет, я буду писать иначе...

10 ноября

...много читаю... больше всего Толстого, Достоевского, Лескова и Чехова... «Поленька Сакс» трогает до слёз... с увлечением читаю Шопенгауэра, Канта, Фейербаха, Маркса, Энгельса, Ницше... Юма... надо уметь выбирать необходимое для себя, а всё лишнее

забывать... то же самое делать с партитурами: выписывать в отдельную тетрадь самое ценное и близкое, а всё остальное и так запомнится... главное трудиться постоянно, без оглядки на неспособных и, напротив, постоянно учиться на примере гениев...

12 ноября

...вернулся с катка... не выходят из головы её смеющиеся глаза, ...серая вязаная шапочка с выбивающимся из-под неё «хвостом», ...её заочневшие пальцы, на которые я усиленно дул, нечаянно дотрагиваясь до них губами... она сегодня странно смотрела на меня... и смеялась одними глазами... чудная...

6 июня

...напечатал несколько статей о музыке и философии... завтра в Ленинград...

18 июня

...шестой день купаюсь и брожу по корабельным рощам... как здесь хорошо!..

30 сентября

...погода стоит чудесная... листья желтеют, а по утрам хрустит тонкий ледок... кто-то из наших обронил мысль, что пессимизм – это комфорт... да, конечно... чужая смерть мало трогает подобных «философов»... вероятно, я рано родился для этой эпохи... или поздно... мне так трудно жить с этими людьми... мы не понимаем друг друга, а Бах бы меня понял... я целовал бы следы от его башмаков...

10 января

...одиннадцать часов, пятнадцать минут вечера... я сижу за своим любимым столом и слушаю, как позванивает окно от ветра... как морозно и светло на душе... Господи! ...помоги всем несчастным и заблудившимся...

24 января

...пригласила меня в кино... о Блаженство!.. Её горячая рука в моей! дрожащие пальцы... не это ль предел любви?! после кино зашли в кафе... сидели молча, пили кофе и разглядывали друг друга... да, это предел...

5 марта

...последние такты симфонии дописаны... как грустно!!! ...что её ждёт впереди?.. в этой проклятой жизни?.. о небо!.. только ты знаешь, сколько пепла осталось после моих созданий... спокойной ночи, моя Любимая... увидимся ли мы когда-нибудь?.. а если увидимся, то для чего?! ...неужели для того, чтобы разлюбить друг друга при большей близости?.. ведь мы никогда не сделаем с тобой того, что делают все, правда? ...ну шепни же мне! ведь правда, мы не убьем нашу единственную на земле Любовь?..

...я листаю пожелтевшие листы, и сердце моё сжимается при воспоминании о моём прекрасном друге...

20 июля

...истинная душа исторгает тепло человечности и естественности... такой душе чужд эгоизм, рассудок, расчёт... любовь к людям – вот истоки истинной человеческой души... в себе самом человек должен уважать свою свободу... в противном случае ему незачем жить, ибо не уважающий свободу в себе подавляет её в других, как в ближних, так и в целом народе...

...не государство объединяет людей... смысл общности нации (интернации) состоит в личном счастье каждой личности, в поисках этого счастья, в стремлении к этому счастью и в достижении его путем общих усилий, идейно объединённых людей... государство олицетворяет собой тюремную решётку, которую рано или поздно люди сомнут, ибо без такой свободы всякая другая ограниченная свобода – мнимая...

...да, я понимаю, меня легко обвинить в неоанархизме, но анархизм чужд мне, равно как фатализм и всевозможные измы... но я всегда с глубоким уважением относился к ним, независимо от их

эстетических категорий... моё единственное, истинное мировоззрение – это самоуглубление... мне не нужно изучать мирозданье, которое требует мириады световых лет... мне более приятно изучать мирозданье своей души, к которой я могу подступиться в любой момент с моей подругой Вдохновением... я не христианин и не язычник, не магометанин и не буддист... я не принадлежу ни к какой секте, не исповедую ни одну из религий... я человек, уважающий все системы и верования, которые хранит человеческая память, но не следующий в своей жизни ни одной из них...

13 сентября

Я так и предчувствовал, моя Любимая... теперь я твёрдо знаю, что мы больше никогда не увидимся... услышь только эти последние мои слова...

...ты очень красивая!.. ты божественно красивая!.. но запомни! – не эта красота удивляет и влюбляет в себя истинных людей... твоей красоте недостаёт основания, без которого твоя душа погибнет, станет для тебя злейшим врагом... будет мешать тебе хорошо и красиво жить... она станет, попросту говоря, орудием дурных людей... им будет всё равно, чем полна твоя душа, каким огнём горит твоё сердце... только твоё самообразование и самовоспитание создадут идеальную защиту твоей внешности от всего гадливого, пошлого, лживого... ты научишься распознавать людей по выражению лица, по улыбке, по глазам, по тому, как и о чём они говорят... лучше пренебречь тысячью мелких радостей (да и радостей ли?..), но дождаться единственной великой радости, достигнув её ценой терпеливого страдания... прощай, моя первая и последняя в жизни, единственная...

На этом дневник обрывается...

Мне пришли на память «Неотправленные письма» моего друга к далёкой возлюбленной, прочитанные мною через несколько дней после кремации... полагаю, что эти письма имеют непосредственную связь с дневником четырнадцатилетнего юноши, влюблённого не без взаимности в юную особу, вероятно, его ровесницу... вот эти письма...

Письмо первое

...если бы ты и захотела когда-нибудь встретиться, то крайне удивилась бы тем изменениям, которые произошли во мне... ты не заметила бы во мне ничего того, что напомнило бы о счастливой поре нашей юности... о тех прекрасных вечерах, когда мы молчаливо бродили в сумерках по тихим, засыпающим улицам...

...ты не встретила бы в моём взгляде той наивной непосредственности, что так нравилась тебе... одиночество методично убивает меня и подавляет мою волю к жизни... ты удивилась бы моим глазам, в которых кроме боли и отчаяния ничего не осталось... поразила бы их голубиной кротостью и не осознанной ещё старостью, мерцающей таинственно и похоронно... ты не поверила бы моим рукам, когда-то смущенно обнимавшим твои плечи... теперь же они потеряли не только смущение, но и всё самое святое в мире... помнишь?.. как я впервые взял твою руку и ты почувствовала тогда трепетную дрожь моих пальцев... вот точно так же и я почувствовал дрожь твоих... странно... мы никогда не говорили с тобой о любви, хотя я затопил твою комнату письмами... ранней весной, когда снег заманчив и зовёт на вершины гор, мы уходили в заоблачные дали и оттуда любовались, как прощальный луч скользил по снежным вершинам, а розовый цвет резко переходил в фиолетовый... это незабываемое зрелище постоянно отражается в моих зрачках, когда я подолгу рассматриваю их в зеркале... я так и не научился говорить о любви и по-прежнему доверяюсь только бумаге... изменилась ли ты? ...я всё никак не могу представить себе, что ты уже женщина... и потому я не удивляюсь, что несправедливость царствует в мире...

Письмо второе

...ты любила наряжаться в этот день в самое красивое платье... вот уже сколько лет прошло, а я всё так же поздравляю тебя мысленно... с днём рождения, моя Любимая!..

Твоё счастье было заразительно!.. оно вливалось в мою кровь и создавало во мне какой-то новый, небывалый мир... мы убегали далеко за город и, взявшись за руки, любовались аквамарином поздней осени... ты любила сгребать жёлтые, сухие листья своими маленьки-

ми золочёными туфельками и, смеясь, рассказывала о своих детских шалостях... но вдруг, неожиданно, здесь, вдали от людей и городского шума, наедине с природой ты становилась печальной, как весь этот мир осенней чистоты и спокойствия, словно *Двадцать первая симфония* Мясковского пробудила в твоей душе то женственное, уже совсем близкое, сокровенное... это я хотел уединения, полной свободы и сближения с миром природы, но ты хотела другого: ты жаждала сближения с живым существом, хотела отдать то, что природа годами растила в тебе, освободиться от избытка сил, здоровья...

...твои глаза в эти минуты были полны слёз, отчаяния, грусти и мольбы... когда ты лежала с полужакрытыми глазами на спине под широким тополем, твои губы сами раскрывались, словно лепестки дикой розы, и ты из щёлок глаз следила за каждым моим движением... но ресницы тебя выдавали... они дрожали так же, как листья под порывами ветра...

...но если бы мы совершили тогда то, о чём метались в пламени наши сердца, я никогда не написал бы этих строк, в которых нуждаюсь теперь, ибо мы сохранили свою любовь, хотя по правде говоря, в то, что сохранила её ты, я мало верю... но об этом потом... тогда я думал о том, что каждый человек одинок, и когда он осознаёт это, то почувствует, как бессмысленна жизнь в скоплении людей, в так называемом обществе, как безысходна дальнейшая жизнь... тогда он начнет искать причинность бескрылости, бесполётности... будет искать ответ, ждать его, внутренне просить его... он возненавидит людей, но, чтобы полюбить их, ему надо будет найти в себе силы, чтобы отправиться на поиски самого главного в жизни – на поиски Бога, вера в которого поможет ему вернуться к людям, ещё более несчастным, ибо они живут впотьмах и не пытаются ничего искать...

Ты была всегда умной девочкой, и я уверен, что если бы ты и прочитала эти письма, то не смеялась бы никогда над человеком, написавшим их для тебя... человеческая жизнь подобна восходу и заходу солнца... страшно, когда солнце так и не пробивается к людям из-за чёрных, нависших скал или из-за свинцовых туч...

Нам порой кажется, что несчастья всюду следуют за нами, но мы просто нетерпеливы: радости после печали приходят такие, как

радуга после грозы... как бутылка вина осушается не с одного глотка, так и радости появляются не с первого усилия... их надо учиться ждать... но не от природы... природа безмолвна... она умеет хранить свои тайны... ищи радость в Себе!..

Письмо третье

...ты помнишь март?... морозный... неряшливый... какая-то старушонка показала твою квартиру... я долго не решался позвонить и стоял в нерешительности... какая-то волна, не то горячая, не то холодная, быстро приливала к голове... как только она подкатилась к глазам, я резко нажал на звонок... послышались шаги... шум дверной цепочки, двойной поворот ключа... и я, неожиданно для себя, сам открываю дверь... но что же! тебя нет!.. вместо тебя стоит молоденькая блондинка и с любопытством рассматривает мою физиономию...

– а... где...

– вы, вероятно, к моей подруге?..

– ...да... я...

– ну, заходите, она скоро придёт.

...и я вошёл... нет, тебе не понять меня, если прошла любовь твоя, прокатившись эхом в глухом ущелье нашей «Снежки»... каждый предмет здесь говорил о тебе!.. я ощущал на них тепло твоих рук, дыхание твоё... мне казалось, что уже никто не может оторвать меня от этого храма моих мечтаний... ничто не способно отнять у меня эту жизнь!.. твои ноты оживали, и я слышал, как ты играешь... я видел тебя и не понимал: где грань, отделяющая фантазию от реальности?... где я?... и что такое я?... где Ты?... и что такое Ты?... но вскоре понимал, что меня нет... есть только Ты!.. и всё... одна во всём многообразии мира... одна в мирозданье...

...всё плыло как в тумане... я словно растворился, исчез, слился с этой комнатой, с нотами, с тобой... словно ушёл в другой мир... да и в мир ли вообще!.. может быть, моя материя уже не моя материя? может быть, я уже не я, а кто-то другой? и мой мир уже не мой мир? моё сердце уже не моё сердце?... мне казалось порой, что я как существо давно мёртв... и что моя душа – это Ты... что мы слились в

одно Я с мирозданием, в одну материю, в один мир, в одно сердце и в единую душу...

...я не слышал, как ты вошла... не слышал твоего заразительного смеха... я увидел тебя, когда ты стояла передо мной... увидел и растерялся... ничего не говорил, ты помнишь? ...а только смотрел, смотрел и смотрел... мысленно гладил твои волосы, руки, воротник твоего пальто... а Ты улыбалась...

Письмо четвёртое

...как чертовски сложно и вместе с тем просто устроена жизнь!.. когда я был у тебя последний раз, а в ту пору мне было не более двадцати, ведь я мог остаться с тобой, а ещё лучше увезти тебя на свой «необитаемый остров»!.. и что удивительно, я так и хотел поступить!.. и всё-таки не совершил этого последнего шага, который, уж это точно, стал бы могильным камнем нашей Великой Любви...

...теперь я размышляю о том, что иллюзии – это бред собачий, они хороши до тех пор, пока скрыты от главного в жизни, разве тогда я догадывался, что главное – это Творчество! ...несчастливы те, кто только на закате понимают свои заблуждения, их озарение, наверное, похоже на столкновение «Титаника» с могучим айсбергом...

Меня же он подстерегал значительно раньше, и как я миновал его, почему не распорол свою судьбу о его леденящие душу когти? ...потому, что я рано осознал чувство глубочайшего отчуждения, чувство стремления к изолированному духовному одиночеству, в котором искал утешения... вот в чём заключалось моё спасение... я уже тогда томился мучительными, разъедающими душу вопросами: почему человек всю жизнь суетится, лжёт, идёт на сделки со своей совестью, делает карьеру, не гнушаясь никакой областью: в революции ли, в науке, искусстве или в торговле... а всё для того, чтобы завязнуть в ещё большей зависимости... и так до последнего дыхания идёт, не сознавая от свободы, к рабству... вечная мысль о пище, отдыхе, наслаждениях... а в итоге глиняная пробка, которой затыкают винные бочки... о Йорик!..

...для какой цели все усилия человека?.. кем или чем они направляются?.. что ожидает его за порогом жизни?.. быть может, всё,

что окружает нас, есть наш дух?! ...а мы сами присутствуем в каждом предмете, в любом физическом проявлении? ...с какой надеждой я хотел бы верить в потустороннюю жизнь, ведь душа наша не может и не хочет примириться с концом; она мечтает обрести нечто вечное, непреходящее, такое, чтобы она имела возможность обновляться и вновь стремиться к совершенству... но возможно ли это? ...как хочется верить!..

Письмо пятое

...это было великолепно – так как это для меня не спорт, не удовольствие, но нечто совсем иное: искание высочайшего, нахождение в природе сходства со всем тем, что для меня образцово, что бы я охотно имел в себе... и как плодотворна была моя поездка!.. эти высокие пропасти с горными соснами и загадочными растениями!.. последние близки мне больше всего...

...но не потому, что они так «красивы»... не красивый ландшафт, не красивые цветы в общепринятом романтическом смысле трогают меня... мой мотив: глубокий, непостижимый, неисчерпаемый смысл во всех этих проявлениях природы... вся природа мне дорога, но та, которая вызывает меня на поединок, та, которая выказывает себя там, «наверху», – самая для меня дорогая... разведывать, наблюдать в реальной природе для меня – высшая метафизика, теософия... и никакое другое увлечение, пусть очень занимательное, глубокостороннее и широкое в самом сильном значении этого слова, не способно вдохновить меня так, как прогулки по горным тропам, лазание по отвесным скалам, в расщелинах которых журчат прохладные струйки родников, или «обычное времяпровождение» на берегу ледяного безмолвия, где торосистые льды, скованные с боков, напоминающие дома, в которых давно не живут... рано или поздно всё равно пробудятся для новой жизни... это и есть, наверное, «рача»...

Письмо шестое

...*Четвёртая симфония* Сибелиуса... ты помнишь её?.. ведь она связывает нас теперь больше, чем руки, дрожащие и пылающие... для меня лично это лейтмотив моей любви к тебе... сколько

лет прошло, а я постоянно вижу тебя рядом... и нахожу в тебе всё новые и бесконечные богатства... я помню каждую мелочь, любой штрих... помню, как осенью первый раз увидел тебя... высокую, стройную, красивую... мне тогда некогда было влюбляться, я спешил закончить партитуру первого баянного концерта, но тем не менее я остро почувствовал твой ласковый, немного ироничный взгляд, как бы невзначай брошенный в мою сторону, в пол-оборота... но я, подобно опытному драматургу, понял и оценил эту, казалось бы, мимоходную «обглядку», что этот пустячок в серьёзном спектакле, пусть в жизненной драме, будет играть главную и решающую роль... и у меня защемило где-то глубоко в сердце... да, удивительны, сложны, неуловимы нити, связывающие людей друг с другом... фантастичны, непонятны и, вероятно, никогда не будут понятны и разгаданы, как и весь наш мир, по-прежнему ужащающий своим змеиным знаком бесконечности...

...в моём дневнике сохранилась запись, первая запись о моей любви к тебе... это небезынтересно в том отношении, что со дня нашей первой встречи прошло ровно восемь месяцев и двадцать семь дней... ровно столько, сколько необходимо для вынашивания младенца... иначе говоря, своим «ласковым» взглядом ты вызвала мою спящую любовь к жизни, которая через девять месяцев заплакала и протянула к тебе свои желания... парадокс?! словом, вот эта запись слово в слово, с точной датой:

«...я влюблён! ...и Четвёртая Сибелиуса вторит моему больному сердцу... но боль эта как снег чиста и прекрасна... обретаю музыку, она сама струится из моих глаз вместе со слезами... о Господи! ...какое счастье любить и не быть любимым...» ...да, это написано любящим человеком... но творцом...

Письмо седьмое

...как мне грустно, моя Любимая!.. Моя Единственная!.. хочется уйти от всего... от всех... уйти туда, где твои глаза... туда, где звучит музыка... где тихо шуршат листья... хочется упасть меж этих листьев на тёплую, пахнущую тобой землю и плакать... я вспоминаю голубизну твоих глаз, твою улыбку, как свет ослепляющую, твои

божественные руки и восхищаюсь, плача и радуясь, той гармонией, что сотворил Бог из одной мелодии твоего моцартовского взгляда... твоего ошеломляющего и покоряющего тепла...

Письмо восьмое

...нет ничего плохого в том, что ты не любишь меня... и я не собираюсь на это жаловаться... поверь мне, моя хорошая... любимая... поверь, что если я и воспринимаю тебя иначе, чем ты меня, я всё же остаюсь более художником, чем мужчиной... моим главным недостатком всегда являлось то, что я не мог любить без увлечения... меня часто и бессердечно в этом упрекали... ты пишешь, приберегая к концу свой самый тяжёлый камень... что не видишь и не ощущаешь на протяжении многих лет моей любви... вот самое сильное обвинение!.. но разве ты можешь судить об этом?! я люблю тебя!.. я всегда любил, я буду любить тебя... если я плохо говорил или писал о своей любви к тебе, то разве можно меня винить в этом?.. не всё можно выразить в словах или звуках так, как этого хотелось бы...

Письмо девятое

...когда-то очень давно ты с иронией упрекала меня в том, что я стремлюсь к одиночеству... приговаривая при этом, что в одиночестве люди становятся замкнутыми и нелюдимыми... что ж, твоя правота остаётся за твоей иронией... но ты не задумывалась, что чем больше пробудешь наедине с собой, тем лучше станешь для себя... одиночество – это значит наедине с мирозданием внешних и внутренних связей приобрести много Больших мыслей от прочитанных Больших книг, от прослушанной Большой музыки... но ты права, конечно... чем длительней одиночество, тем меньше надежды вновь найти общий язык с людьми...

...да, ты права... с годами я всё больше ухожу в себя и всё меньше замечаю, что вокруг меня... когда ты была со мной, я переживал одиночество легче... но это заметно отразилось на творчестве... и далеко не в лучшую сторону... ты всегда забываешь, что я прежде всего художник... такая маленькая мелочь...

Письмо десятое

...страдание переполняет мою душу!.. как я хочу тебя видеть!.. среди этой дикой северной природы!.. хочу слышать твой смех!.. чтобы от его искр вспыхнул заполярный снег!.. и поджог бы ночное небо!.. чтобы каждая звезда взметнулась сполохом и осветила бы моё мрачное одиночество!.. я хотел бы видеть тебя в нашем шалаше – настоящем северном вигваме, в котором тебя давно ждут красивые шкуры и драгоценные меха...

Любимая!.. дни сменяются ночами, а годы бегут, как быстрые лайки! вот уже почти вечность я лечу к тебе, почти загнав своих собак, и чувствую, что силы на исходе...

Каждую ночь хожу не переставая... словно дикое ночное животное, напуганное, раздражённое близящимся рассветом... словно пантера, которая никак не может успокоиться и мечется, мечется... будто в ней пробудились какие-то загадочные инстинкты... Боже мой! ...как невыносимо, но как чудесно переживать и осознавать эту невыносимость! ...но когда свирепствует южный ветер и грозитя завалить весь мир чистым и лёгким, как лебяжий пух, снегом, я сижу перед раскалённой добела железной печкой и курю свою старую прокопченную трубку – твой давнишний подарок... но самое замечательное волшебство у меня случается утром...

...каждое утро у входа в моё жилище, чуть касаясь полога, на полном скаку останавливается чёрный олень с золотыми рогами... он бьет серебряной подковой о мой перстень, в оправе которого сияет твоё лицо, и в его лукавых зрачках отражается твоя улыбка... бывают же чудеса на свете!..

Письмо одиннадцатое

...близится полночь... через открытую форточку я слышу, как музицируют дворняги... какие бедняги! ...придётся ручку отложить и немного присурдинить форточку...

...какая ночь! ...если бы ты только видела!.. чёрное-чёрное небо, со скопищем звёзд и туманностей... снег матовый, как плафон в подzemке... а луна, словно девушка из-под венца, плывёт! ...полна вос-

торга пред вселенной... синеют горы вдаль... везде порядок, строй, тональность... и луч к лучу несёт свой свет, чтоб слиться в общий луч...

...как тут не вспомнить четверостишие Цюй Юаня:

Эти звёзды, что нынешней ночью горят,
Так не похожи на те, что горели вчера...
Так зачем же всю ночь в ожиданьи стоять –
От росы и от ветра дрожать до утра?..

...да, конечно, я по доброй воле отказался от счастья быть с тобой! так я устроен... интуитивно разрушаю всё, что в будущем помешает творчеству... ты права, что я «с головой люблю» тебя, как бы я мог создавать шедевры, имея вместо головы томик Декамерона?! Тогда я оказался бы не у дел... Декамерон бы всё сочинял самостоятельно... и ты разлюбила бы своего гения... я теперь работаю так, чтобы поскорее сойти с ума, то есть сойти с дороги и не мешать декамеронам «создавать шедевры»...

Продолжаю купаться каждый день и с каждым разом заплываю всё дальше от кромки льда... обжигающая вода моря уже не страшит меня... мысли о смерти в пучине приятными волнами прокатываются где-то у сердца... так, наверное, Мартин Иден совершал свой последний жизненный маршрут перед дальней дорогой в неведомое... в него так же наверняка входила вдруг такая тишина! такая тихая! как погребальный звон медленных хлопьев снега...

Письмо двенадцатое

...как ты думаешь, моя дорогая, Любимая! ...откуда я пишу тебе это письмо? ...не знаю, как ты, но я не перестаю удивляться многообразию нашего мира, его «очарованию» и превратностям собственной судьбы...

...вчера поздно вечером (тут же возникли ассоциации с романом «Вечерами в конце жизни») вошли без стука незнакомые люди в чёрных клеёнчатых плащах с нарукавными повязками, на которых просвечивалась буква «С»... они, ни слова не говоря, схватили меня и посадили в чёрную машину под номером «G»... мы ехали

очень долго, а когда добрались до места, то я прочитал табличку на кованой и герметически закрытой двери следующего содержания: «Для особо душевнобольных... без возврата...» и внизу маленькая буква «В»...

...мне дают какую-то пищу, после которой я ничего не помню... вот и теперь... ты прости, если буду писать...

...мне трудно вспомнить время моей любви к тебе, заслонившей всё, что было хорошего во мне... прошло много мириадов вспышек вне времени и пространства... но, кажется, это произошло в краткость того периода, когда мы только познакомились с первой молодостью нашего детства... совершив робкие движения по незамкнутому кругу, обнаружив в своей душе искры бессмертия... да... я припоминаю... ха-ха-ха-ха...

глаза, вспыхивающие, как тлеющие угли из жаровни под порывами снежных волокон...

губы, жадно присасывающиеся и втаскивающие, подобно анаконде, очередную жертву...

руки, словно щупальца, обвивающиеся вокруг шеи и заживо сдирающие целомудрие злосчастного цилиндра... и ноги! ноги! капканом стискивающие оба горизонта и дрожащие в агонии смертельного наслаждения, обмирающие... чем-то жалящие и сжигающие всё духовное от эпицентра до окружностей!.. Геенна огненная!.. волчий оскал зубов... до инфантильности... до безнадёжности и безутешности... до омерзительного празднества прозрачно-тусклых инфузорий в омуте пульсирующих присосков... но как бы то ни было – это счастье, с точки понимания беззаботных младенцев Голубой звезды... с позиции ослеплённых котят, которых топит в зловонии волосатая рука лавочника...

я же был брошен в омут безвестности мягкой и нежной лапой тигрицы, которая на прощанье захрюкала и вспорхнула перепончатыми крыльями...

в стране Величественного ожидания мне пришлось часто распадаться на мириады кружочков, вновь соединяясь с мириадами треугольничков... и так до тех пор, пока память моя оглохла, чтобы возродиться на окраине туманных мерцаний...

Там я попал под ливень превращений и проснулся с тайным ожиданием охотника, расставившего сети на исчезнувшую Гармонию Первозданной свежести...

Она вошла в меня незримо... и Бесшумность моей Души пробудилась от скованности, озарив купол Всевидящих глав Предначертаньем Божественного...

Бог растворился в Ничто, устав от Беспечности... и Ничто вошло в мою Душу, как комета осветив всё внутри Её... и появился Жезл без конца и без края, без Времени и Пространства... и Я сказал Ему – Ego!.. Молчание эхом раздалось...

Я повторил, но с вопросом красивым – Ego?! Жезл распался на тихую Зиму...

* * *

...и снежные хлопья звенели
старо-забытой молитвой:

Te Deum, te deum, te deum...

так Я родился из Праха...

забавностью мир окружая...

скитающих Братьев встречая...

провижу глубины и мели...

улиток и тех всех по прозвищам зная...

всё вижу и слышу, и продолжая

постройку Вселенной...

безумной, но сладкой затее

Я с радостью внемлю...

двуногих существ от Людей отличая...

и что же... Тебя я встречаю!..

и где?! ...в самом сердце Вселенной!..

мой Друг незабвенный!..

легко потеряться в Бескрайних просторах...

в стоячести смутной...

в сомнительной дали...

...откуда стремишься?..

побудем Мгновенье у снежной развилки...

здесь редко проносятся тени ушедших и канувших в Вечность...

Возлюбленной Музыки Лиры Твоей...
Быстротечность касаний и взоров Любимой...
когда-то гонимый, страдающий Гений с забралом опущенным...
Ты сокрушался о краткости жизни...
наивный!..
ведь Смерть – это Вечность!..
Любовь!..
Наслажденье Безвременьем и Беспространством?..
Смотри!..
Созерцай свою Душу влеченьем бескровным и чистым...
как хлопья пушистого снега...
плескайся и брызгай осколками Мрака в лицо безымянной Удаче!..
пусть плачет Она, овдовевши от Цели...
и ложным заветом других обольщает...
Смерть – продолженье!..
Неведомым чувствам и мыслям!..
Таинственным взорам!..
Геройству и Подвигу выход!..
...а жизнь... – это СОН...
беспутное пьянство разврата...
взведенный курок Пистолета...
и Полотенце Елабуги скорбной!..
...слава и почести – корм для лягушек,
чтоб нежиться в рыске болотной и пить отраву из скопищ пиявок!
убог их мирок...
и вонюч...
в обществе плесени спать...
размножаясь...
как мухи...
клопы...
тараканы...
козявками ползать...
тереться друг к дружке...
и томно пищать, задрав кверху лапки!..
противно! и страшно, мой Друг...

Письмо тринадцатое
(неизвестному корреспонденту)

Покорителю Вершин Человеческого Духа!
Достойному Избраннику Муз и Богов!
Блестящему Представителю Славной Касталлийской Элиты!
Моему Бесценному Другу!

Ваша Отрешённость!

Я с величайшей радостью присоединяюсь к рукоплесканиям счастливых, присутствовавших на концертах, в программе которых большое и заслуженное место занимали Ваши сочинения, позвольте от души поздравить Вас с новыми Выдающимися достижениями, выразить признательность за внимание и любезность, с которыми Вы неизменно держите меня в курсе Ваших замечательных дел, и пожелать Вам ещё Больших Творческих Успехов! Очень сожалею о своём чрезмерном удалении от мест, где одно за другим произошло столько знаменательных для нас обоих событий!

Далее мне хотелось бы рассказать Вам о мерах, принятых мной к обеспечению Вашего постоянного пребывания в нашей скорбной обители, я провёл предварительную рекогносцировку, в ходе которой выяснилось неожиданное разногласие между обоими руководителями: горячее участие с одной стороны, причём не с той, откуда его следовало ожидать, и отсутствие энтузиазма с другой – там, где это отсутствие совершенно непростительно.

...честь имею кланяться... Ваш покорный слуга и преданный друг – сам Господь Бог.

Postscriptum

...наверное, я постепенно лишился того, что называется инстинктом жизни... я живу в мире воспалённых нервов, прозрачных, как лед... меня преследует мысль о самоубийстве... только вот никогда раньше природа не казалась мне такой прекрасной!..

Тебе, наверное, будет смешно, покажется парадоксальным: человек, очарованный красотой природы, думает о самоубийстве...

...но природа сейчас потому и прекрасна, что отражается в моём последнем взоре... поверь, я пишу тебе в полном здравии и рассудке... давно я не ощущал в себе столько энергии и любви к жизни... сегодня же примусь за окончание Космологии...

...ты помнишь эту партитуру?! ...я начинал её, кажется, ещё при тебе... послушай! ...а сколько мы не виделись с тобой?! ...хо-хо! ...тринадцать миллиардов лет!!! ну, прощай... прощай, моя любимая... единственная... хорошая... прости...

...это были его последние приготовления перед последним рывком... душевная болезнь, появляющаяся периодически и пугающая своими последствиями моего друга, отравила, вероятно, и его детские годы... странно, что потом она исчезла совсем и только год назад вдруг неожиданно обрушилась на него, уже вконец измученного и почти нищего...

...моросил дождь... я медленно шёл среди толпы людей, погружённый в личные переживания...

...два месяца назад я расстался с женой, и мне было жаль, что развязка произошла слишком поздно... Генрих уже вырос, и я привык к нему...

...чтобы как-то развеяться от тяжести на душе, я завернул в «Националь»... десять лет назад мы сидели, друг мой, за этим столиком, тихо беседовали или молчали... а теперь тебя нет со мной... заказав графин вина и кофейник, я раскрыл портфель и вытащил последнюю работу моего друга...

...странная у него была манера творчества... он всегда любил повторять своим ученикам одну историю, которую, вероятно, он сам и придумал...

Однажды три человека попали каким-то образом в подземный лабиринт, из которого был только один путь – выйти через одно окно из тысяч таких же, откопав его от груды камней... и вот один из них, самый мужественный и целеустремлённый, стал усердно копать только в одном месте, придерживаясь мысли, что «за двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь»... другой же ничего не стал делать, подумав: «зачем?.. что это даст?.. для чего всё это?..» а третий был человек не столь целеустремлённый, сколь любозна-

тельный, он решил: «чем рыть себе могилу или равно сидеть и дожидаться смерти без дела, я лучше поищу себе красивые камушки в разных местах, а подойдёт время, – и умереть можно...» и принялся искать камушки у каждого засыпанного окна... прошло много времени, и самый целеустремлённый человек прорыл выход в какое-то подземелье, решив, что этим путем легче выбраться, он позвал своих приятелей... тот, который ничего не делал, без размышлений последовал за первым, а любознательный подумал и отказался... тогда те двое спустились в подземелье и скрылись...

Откопав все окна, третий сел на груду камней и заплакал: он не нашёл ни одного красивого камушка... усталый и измождённый, он заснул... и вот что ему привиделось во сне... будто бы вокруг лабиринта, внутри которого он спал, целые груды самых красивых камней, переливающихся на солнце, а он лежит рядом и кидает их в пустые бойницы огромной башни, в которой прячутся его два товарища... проснувшись, он толкнул ногой одно окно, но оно не сдвинулось с места, тогда он таким же образом поступил с каждым в отдельности... и вот когда он уже почти совсем отчаялся, ему вдруг открылся выход... и когда он отрезвел немного от радости и оглянулся, то увидел картину, ни в чём не отличавшуюся от той, которая ему приснилась... а своих товарищей он так и не нашёл... местные жители, когда узнали о таком происшествии, то все в один голос заговорили, что те двое попали в настоящий замкнутый лабиринт, из которого никому не удавалось выйти...

Вот такая была история...

Я улыбнулся... в этой, казалось бы, предельно наивной притче скрыт глубокий смысл, и рассматривать его с чисто реальных позиций никак нельзя, а мой друг работал именно таким образом... он писал, одновременно охватывая в своём сознании до нескольких десятков музыкальных произведений, каждый раз принимаясь именно за то, к которому лежало в данный момент сердце... но когда музыке не оставалось места в его душе, он садился за книги или брал кисти, мольберт, масло и уходил до вечера... часто он ничего не делал, а только слушал музыку или просматривал старые фотографии...

Нередко его можно было увидеть в самом захудалом кабаке в компании сомнительных прощелыг, которых он поил на свои деньги, а потом залезал в долги и жил впроголодь...

О нём ходили самые противоречивые слухи... одни говорили, что он ведёт отшельнический образ жизни и встречается с Богом, другие, напротив, язвительно потешались над его «слабостью к прекрасному полу»... но те и другие ошибались: в душе для творчества, бесспорно, он был аскетом, но и в жизни мой друг не позволял себе вольностей в отношении к другим людям, при этом он особенно почитал и боготворил женщин, в любую минуту готовый прийти на помощь им, и в любой момент мог простить любую, пусть самую виновную... он говорил: «...женщина живёт чувством, ей можно всё простить... а мужчине, при этом он повторял, что именно мужчине, а не художнику, нельзя ничего прощать, потому что он живёт только разумом...»

...но больше всех он любил своих учеников, и которые выделялись особенным талантом, тем приходилось трудно... я дословно помню его слова, обращенные к одному из них: «...в молодости нельзя жалеть себя... молодой организм пружинист к лишениям и перегрузкам... чем дальше, тем больше утомляемость, меньше впечатлительность... полёт фантазии ослабевает с годами, притупляются и черствеют чувства...» ...сам же он до последней секунды держал в руке свою старую ручку с инициалами его любимой...

...и вот передо мной его последний труд «Арнольд Шёнберг и проблемы композиторского мастерства», в котором нет ни рецептов, ни бесспорных высказываний, но есть прежде всего универсальность теоретических положений и формулировок и ясность, что особенно важно подчеркнуть...

Мой друг не зря вывел в качестве главного аргумента величественную фигуру Шёнберга-реформатора, ибо композитор о композиторе мало что скажет непосредственного, все его словообразования сводятся к единому знаменателю – синтезу, а потому как синтез в музыке – это нечто другое, чем, скажем, в философии, то и все своды и выводы из этих сводов будут представлять собой категорию следующей формулы: (традиция + реформа = эстетика) + талант = синтез.

«АРНОЛЬД ШЁНБЕРГ и проблемы композиторского мастерства»

Велика сила искусства. Неисчерпаема и безгранична. Искусство постигает мир и создаёт красоту его. Искусство возвеличивает человека и возвышает его дух. Искусство освобождает человека от мелочных, грязных чувствований и придаёт ему мужество и силы, создаёт его независимым и свободным...¹⁰

СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Моя стремительная связь,
Как нежность тихого заката,
Переплетений тайных вязь
Виолончельного спиккато.

* * *

Садятся воробьи на старые балконы.
Стреляют почки. Ветер воду гонит.
А мы с тобою снова незнакомы,
хоть в мире существуем только двое.
Закрой глаза и всё начни сначала,
не для игры, а самой сути ради.
Мы заново рождаемся ночами,
и утро наступает слишком рано.
Когда рассвет остудит наши лица,
пойдут часы и заполощут флаги...
Но день сгорит, и снова повторится,
что много раз происходило с нами.
Мы не привычкой связаны порочной,
а вечным и священным суеверьем –
хранить вдвоём, что было этой ночью
за шторкой полосатой и за дверью.
Нет слов красноречивей многоточий.
Позорно жить на свете, не любя.
По всей земле, как памятники ночи,
Нам любящие женщины горят.

* * *

И.К.

Я принёс тебе новую жизнь.
Лучше ли, хуже – Время рассудит.
На алтарь возложил я любовь
Столь земную, что боги осудят

За мою непокорную новь.
Ты не знаешь, как мир мой глубок.
Я принёс тебе горы цветов,
Реки слёз и ненужных обид.
Ты прости, если был я жесток,
Человек – не холодный гранит.
Ненадёжно построен мой плот.
Строй души – это ещё не аккорд,
Не гармония вечной любви...
Слышишь, ветер молитвы поёт,
Слог за слогом саван мой ткёт...
Не жалею тех минут, что со мной
Провела ты долгих месяцев год...
Вспоминай иногда обо мне,
Слышишь? Снова вьюга метёт...
Присмотрись к синеве на окне.
Vita Nova! Новая жизнь!
Каждый день солнца светят лучи...
Ухожу я в неведомый край...
Только ТЫ не спеши...
Помолчим...
И не плачь...
Это ещё не печаль.

* * *

О! Как печален я!
Как скорбь мне сердце гложет!
Как жизнь становится противней день от дня!
И ни любовь, ни музыка спасти не может
Пылающей души, сгорающей дотла.

* * *

Вне времени, меж звёзд
Мой тусклый взор стремится...
В чернеющую даль воображенья моего...

Пришла пора со всеми распрощаться...
Оставить мир таким, каким не знать б его...

* * *

Ты от меня ушла,
Сказав «Любила, разлюбила».
Пусть Бог простит тебя, и Я
Постиг ещё одну утрату,
Быть может, самую большую
Испил я чашу горя и забот.
Я горд, что ты любила
Мои печальные глубокие глаза
И речь мою невнятную и, подарив
Любовь свою на память мне, ушла.

* * *

Дорогая моя! Хорошая!
Аринушка любимая,
Не покидай меня безумного,
Не оставляй меня неумного,
А позови меня хорошего
И поцелуй меня пригожего,
Я обниму тебя, чудесную,
И зацелую ненаглядную.

* * *

Тебе посвящаю самое лучшее,
Тебе завещаю самое нужное,
Самое близкое и светлое
Хочу подарить тебе на века.
Тебе обещаю много радости,
Большого счастья и смеха чистого,
Побереги себя от усталости,
Будь добрей и нежней, моя любимая.
Пусть не коснутся тебя печали,

Пусть грусть твоих глаз не туманит,
Пусть вскользь не напомнит
О днях, проведённых со мной.

* * *

Любить – ведь это очень не просто.
Любить – это значит споткнуться тревожно
И упасть в необъятную глубь.
Двоим против целого мира
Попирать все каноны и моды,
Прощать все законы природы
И отстаивать их в молчании
Твоих касаний, по-детски доверчивых,
Шёпотов нежных и взглядов смышлёных,
Мыслей извечных, окрылённых...
Любить – это значит быть сильным,
Чтобы (...) против целого мира.

* * *

Печаль в моих глазах,
Сигарета чуть дымится,
Подушка вся в слезах,
Не спится мне, не спится...

* * *

Мне жаль тех дней,
что протекли в глуши забвенья,
что не нашли тебя и не наполнились
из родника твоей немеркнувшей любви.
Мне жаль ночей,
когда я размышлял о том,
что люди в одиночестве своём
не ведают минут блаженства ликований,
не знают, как прекрасна жизнь
в мгновенья излияний в омуте любви.

Мне жаль тех лет,
что так прошли бездушно,
бесшумно пронесли над временем времён
и не застали раньше всех
излом улыбки обжигающей, теперь мои глаза.
Мне жаль те дни, когда улыбка эта
была доступностью чужим глазам,
и руки, обнимающие твой дух телесный.

* * *

Надпись на надгробном камне:
«Любовь к любви всегда стремится,
как и звезда несёт свой свет звезде,
И жизнь свой держит путь не к Смерти, нет!
Как и любовь, она стремится к жизни.
Мрак к мраку тянется, боясь зари,
Червяк же обитает в сырости».

* * *

И снова ты в который раз
Тревожно смотришь в тихий сон
Моих надежд
немыслимых желаний...
И вновь мечусь я,
Плачу, а за окном
И дождь, и гром,
Немыслимая жизнь.
Остывший кофе.
Вино, пролитое в мечты.
И ты, как недокуренная сигарета,
Чернеешь...
Остывшего огня.
И хоть бы уголёк –
несбыточные грёзы...
Ну затянуться бы ещё.

Вдохнуть блаженство
аромата ночи.
Но нет! Немилостивы боги
К моим страданиям,
И ноги уже не идут
уверенной походкой.
Они метут всю пыль
и месят грязь,
и только голова
спокойно созерцает,
как тело погружается в трясину,
и равнодушно отмечает –
смерть пришла.

* * *

Ранним утром солнце вспыхнет,
Озарит весь мир вокруг.
Королева сладко вскрикнет:
«Ах! Уж утро! Милый друг!»
Скажет тихо с полусмехом:
«Ты одет уже? В доспехах!
И с мечом наперевес...
Поцелуй меня, Ээ-Эс...»
А король в смущеньи станет
На колени перед ней,
Нежно-нежно вглубь он взглянет,
В черноту её морей...
Поцелует крепко-крепко!
Помилует сладко-сладко!
А потом полуукрадкой
Он обронит алый цвет.
Заискрится мир весь новый!
Потускнеет цвет лиловый...
Злые люди перемерут,
Добряки все оживут!

Мы гордимся королём,
Королеву любим,
Кто не верит – в гости ждём:
Покутить мы любим.
Только помните одно –
Королеве нашей нет
Равной в целом мире.
И раз так, то всем на дно
Глаз её счастливых.
В нашем царстве-государстве
Все в согласии живут,
Ни в лукавстве, ни в коварстве
Люди нас не упрекнут.
Каждый вечер солнце гаснет,
Звёзды шлют улыбку нам.
В нашем царстве-государстве
Добрым – свет, а злым – тюрьма!
Вот какой у нас король!
Славой не владеет,
Но зато добром слывёт,
Бить врагов умеет.
Пусть враги скулят и воют,
Подсылают шептунов –
Перед носом им закроют
Королевство на засов!

* * *

Я часто думаю ночами...
за что мой Бог послал меня
в далёкие и холодные земли...
где я страдал и мучился
сознанием невольно-зримой птицы,
что так неожиданно ввысь взметнулась...
и озарила выцветший мой мир...
всё скверное в мгновение забылось...

как нечто глупое,
болезненно-пустое...
и зародилось новое неведомое чувство...
забытых детских снов...
сомнений тихих...
мягких прикосновений...
надежд...
идиллий...
смутных ожиданий...

* * *

Сижу один в ночи, как сфинкс,
Печальным взором устремляюсь ввысь.
В колодцах глаз уж нету больше слёз –
Ты иссушила их, уж не сердись.
Все слёзы высохли, хор жемчуг собирает,
Нанизывает жемчужины на грусть.
Ты каждый день их надевай –
Пусть талисманом жемчуг будет, пусть!

* * *

Ты для меня такая, как и прежде,
Я для тебя – чужой и ненавистный.
Как Агасфер в разодранной одежде
Рыдаю ночью...

* * *

Что мне века! Попеть ли Вам, мадам?
Куда иду я? Чего ищу я? Чем грежу?
За год любви сполна я Вам воздал?!
Свою судьбу я на куски изрежу!
А Вам пришлю осколки слёз застывших,
Не жемчуг, не алмаз – гранатовый «Браслет».
Взгляните! Вспомните! Что дали Вы, любивши,
За гений мой?! Дешёвый фарс? Кордебалет?!

* * *

Мне хорошо с тобой...
Чудесно!
Просто...
Неповторимо...
Ветер чуть колышет на глазах твоих ресницы...
И кусочек неба
бледно-голубого
Чуть заметно падает
на чужие лица...

* * *

О чём, кукушечка, кукуешь?
В тиши предутренних лесов...
О ком так горько ты тоскуешь?
Пугая старых воробьёв...

* * *

Песок зыбучий под ногами
Сползает медленно в провал,
И небо звёздное над нами
Несёт в ресницы глаз овал...
Лишь мышь летучая слепая,
Как символ веры роковой,
Стремится к мраку, солнц не зная
Над тёмной сумрачной водой.

* * *

– В чём состоит истина?
– В уединении.
– В чём состоит уединение?
– В целомудрии.
– В чём состоит целомудрие?
– В душе.

* * *

Взлёт мысли – роковые веши,
Паденье – сладостные дали.

* * *

Я не знаю, что мне делать,
Ты не знаешь, как мне быть.
Посоветуйте, что сделать,
Чтоб ребёнка не побить.

* * *

Прости ревнивые порывы,
Прости обидные слова,
Забудь банальные мотивы –
Эстрадной песенки молва.

* * *

Вдыхал я жадно листьев прелость,
С волнением слушая рыдания,
Ночами чуть едва касаясь
До золотистого шуршанья...

* * *

Мне сегодня не до песен,
Не до празднеств и утех,
Я печален и невесел,
Слыша твой беспечный смех.

* * *

Слёзы – слёзы человека,
Словно звёзды
в мирозданье,
Тихо падают и гаснут,
Вызывая состраданье.

Кто познал их суть? Значенье?
Кто постиг утрат зачатъе?
Кто ответит мне, откуда
в нашем сердце яд проклятья?

* * *

Мой лучший друг – безмолвие ночное,
в который раз даёшь приют ты мне?
и вдохновение моё хмельное
всё шепчет сказки в полусне.
Галактики снижают путь,
и музыка струится как эфир,
плывёт божественная грусть
в далёкий мир, в печальный мир...

* * *

Н.Б.Я.

Вы удивительно красивы!
В печальной строгости своей.
Вам, впрочем, тоже говорили
об этом многие, но я,
В душе надеясь, слабо, правда,
Хотел бы в гости Вас позвать.
И там в тиши за чашкой кофе
Стихи свои Вам прочитать.
Пусть не сегодня и не завтра,
Не через год, не через два...
Но приезжайте!
Приходите!
Я буду ждать Вас!
Ждать всегда.

* * *

Сквозняк в пустующей квартире
Листает старые страницы.

В каком написаны трактире
Все эти ветхие блудницы.

* * *

Твой разговор по телефону
Был крайне груб и неэтичен,
Как в дряхлом ржавом Ю...,
Рычал твой голос энергично.
Но ты напрасно дразнишь волка.
Прошу тебя, не надо драм.
В твоих кликушках мало толка,
Они для престарелых дам.
Разумной будь, послушной, милой.
Я стану нежным и прекрасным.
Забудь себя, будь терпеливой,
И будем вместе в день ненастный.

* * *

Кровь моя пришлась тебе по вкусу,
Ртом жадным ты взахлёб
И синими руками выжимаешь соки –
Надежды детства, юности мечты.
У! Гарпия! Удав! У! Анаконда!
Шипишь, как кобра, как змея гремучая,
Кусаешь и хохочешь,
Амброзии мои...

* * *

Пусть жизнь кипит!
Пусть солнце брызжет
Потоком радостных лучей,
Во мне уж нечему кипеть,
Мне с каждым годом
Жить больней.

* * *

О, я мечтал о святости твоей!
Рисунком выводил любимый твой узор
И целовал самозабвенно до утра
Неловко губы гибкие в упор...
Ушла, умчалась вдаль моя мечта.
Шагаю одиноко к своей могиле.
Какая ждёт меня в тиши судьба?
И ты по-прежнему любима...

* * *

В окне портрет её светился,
И я мучительно сквозь сон
Смотрел, как саван вокруг него обвился...
И плакал тихо старый гном.
И дом старинный-престаринный
Весь словно замер в полутьме,
Паук повис на паутине...
Лишь тараканы на столе
разводят зимнее веселье,
да мыши уж в который раз
справляют новоселье.
Проснувшись, долго не встаю,
Лежу с закрытыми глазами
И ощущаю на себе не взгляд обычный,
суеверный, чуть слышный –
Шёпот, прикасанье
и мягкой музыки свеченье...
Глаза в волнение открываю,
Ловлю последний отзвук света, зная,
что никогда не запишу я
Симфонию миров далёких,
Сонат, божественных ноктюрнов и прелюдий
Туманно-голубого края...
Тихо стало... так тихо и светло,
Что слышно, как мороз ведёт резцом

По тонкому стеклу,
Рисуя странные узоры,
Словно кружевница.
Я встал, зажёлг свечу...
И муха одинокая уж тут как тут.
Проснулся и лежит
Весь в лунном свете
Сибирский кот,
Лениво умывая рыльце.
Метель устала.
Звёзды проглянули...
Словно девушка из-под венца,
Луна плывёт,
Полна восторга пред вселенной...
Синеют горы вдалеке...
Везде порядок... строй... тональность.
И луч к лучу несёт свой свет,
Чтоб слиться в общий луч...
Мечты мои вновь оживают
В душе заброшенной больной,
Перо я нежно в тушь макаю,
И лист бумаги предо мной.
И, вспоминая всё бывшее,
Переношусь в волшебный мир,
Где небо странно-голубое,
Где вечен вдохновенья пир.

СМЕРТЬ

Я задремал немного,
Но, когда проснулся,
Ни земли, ни неба,
Ни солнца я не увидел.
Сплошная темнота и мрак,
а я лечу спокойно,
тихо, равнодушно...

* * *

Угрюмый край моей души
Пылает прежнею любовью,
Туманный нимб твоей мечты
Из бездны к звёздам вдаль стремится,
Мерцают звуки нот в тиши...
Печальной песней насладится...
Не растеряй мечты в глуши
Сомнений мрачных. Не приснится...
Ты растворишь в ночной тиши...
Пусть мир иной тебе приснится...
Мечты твои рисуют звуки,
Сплетаясь в дивный мир руки...
Ручей журчит из сказки звонко,
Принцесса ловит башмачок,
Плетёт паук ковёр свой тонко,
Роса сверкает серебром...

* * *

О! Сударь!
Хоть Вы и пророк!
Людьми и судьбами игрок,
Но я не дам Вам дочь порочить.
Невинной голову морочить!
Вон! Убирайтесь! К дьяволу!
Я буду Гомера читать!
Генделя играть!

* * *

Пройдёт любовь, увянут чувства –
Венок из собранных цветов...

* * *

Мне грустно без тебя, ты слышишь?
Костёр догорает,

Пламенеют последние чувства...
На закат наплывают тучи...
Поля затихли,
Тлеют угли, слышишь?
Как кровью стучит моё сердце,
И тучи душат закат,
А он истекает кровью...
Последний раз взметнулся...
Сполохи... сполохи...
Глупые мы с тобой, правда,
олухи?..

* * *

Припорошенные снегом,
ранам и радостям,
Милостью с неба – белым (...)
кровавые вежи...
Господи! Вознеси меня к людям!
Светлым с похмелья бушующей музыки!
К людям! Все обретения узки!
Стимул и стиль – отречение!
Больно... и боль эта – радость!

* * *

Ну вот! Пришла пора гаданья,
Воспоминаний, светлых грёз,
Друзей случайных и печальных,
Но преданных до чёрных роз.
Идут и плачут, пряча слёзы,
На мутный серп грустя.
А где-то вновь цветут мимозы,
О счастье вечном говоря.
Ну что ж, пусть светят звёзды,
В материи ведь тоже грёзы
Лелеют счастье обрести.

Галактики сменяют путь.
И музыка струится как эфир.
Плывёт божественная грусть
В далёкий мир, печальный мир
И пусть не в рай.
Мы люди не балбесы.
Не нужен нам овечий рай.
Мы Прометеи, пусть не Эллады –
Мы Прометеи XX века.
Пусть нас осудят святые Эллады,
Святость ничто не нарушит услады.

* * *

Я дарю тебе тихую осень,
Прекрасную жизнь затуханья,
Когда птицы поют на ріано,
Растворяясь в пространстве озёрном...
Если спросишь меня, где
Купил я столь ценный
Бесценный подарок, чтоб и
Мне подарить в день рожденья...
Я отвечу тебе тихо-тихо,
Прикоснувшись своими губами
К твоим длинным, как струны,
ресницам: Я купил его только
сегодня у владыки вселенной
за скромную цену...
свою душу отдал... И огонь,
что пылал в моём сердце
тревожном!..
Пожелаю тебе я не счастья,
не успехов и не здоровья...
Если сможешь, найди мою душу...
И огонь, что пылал в моём
сердце тревожном...

Обменяй у владыки на осень,
что подарил я тебе в день рожденья...
Если удастся...
А если попросит он снежную зиму –
ты не давай!
Мы в зимнюю стужу
Будем вместе лежать под снежным покровом
и нежно шептаться
под музыку ветра...

* * *

Её загар каштаны нежил,
в моих висках литавров гром...
Стояла ночь,
Рассвет не брезжил,
Зияла пропасть,
Плакал гном...

* * *

Когда-нибудь пройдут года,
Засеребрится голова моя,
Опадут листья золотые,
И станет так тоскливо...
тихо...
А смех и радость будут лихо
звучать, как в прежние года.

* * *

Печаль уснула на ладонях,
И слёзы стынут на ветру...

ЗАПИСКИ, РАЗМЫШЛЕНИЯ

Краткий очерк жизни и творчества

Родословная нашей фамилии значительным ничем не отличалась. Отец и мать – выходцы из простых семей. К 25 годам отец добивается офицерского чина. Дальше мундира в чине капитана он не продвигается.

Я родился ранней осенью. 13 сентября 1942 года. В шесть часов утра хабаровского времени. Родился почти чёрным, полуживым, а всё оттого, что был обмотан пуповиной. Через несколько дней моё здоровье улучшилось. Ходить и бормотать что-то начал с опозданием. Болел всеми детскими болезнями, но отличался завидной крепостью организма, сохранив это ценное свойство до сегодняшнего дня. Тьфу... тьфу... тьфу... три раза, через левое плечо.

Отец мой любил музыку Иоганна Штрауса, вальсы которого он разучивал на баяне или аккордеоне. У мамы был приятный голос.

С двух до четырёх лет я жил в гарнизоне и почти каждодневно убегал из дома в казармы к солдатам. Я сидел на чьих-либо коленях, а на моих коленях стоял «огромный» баян фабрики РКК, из-за которого меня не было видно и на котором я подбирал по слуху знакомые мелодии. Это было весёлое зрелище.

Почему-то с тех пор закралась в мою душу нежная и болезненная любовь к коричневым от загара лицам. Выцветшим от солнца гимнастеркам; к какому-то особенному запаху сохнувших портянок, смешанному с запахом кирзовых сапог, пота и ещё чего-то специфически солдатского...

Всё это впиталось и в мою кровь, хотя военщину я никогда не любил и с презрением отношусь к любой униформе. Но солдат я полюбил. С детства.

С самого раннего детства полюбил и музыку, но учиться игре на баяне не хотел.

До 1946 года мы жили в бухте Де-Кастри, где я и родился, правда, изредка бывая у родственников (по матери) и на Украине,

опять же таки у родственников (по линии отца). В 1947 году переехали в Гудауту...

Послевоенный голод. Маленькая Гудаута... Ватага черномазых мальчишек. Самокат на подшипниках. Сухуми... Тбилиси. Гостиница ночью. Гудаута... Корочка подгорелого чурека (кукурузная лепёшка), мамалыга (каша из кукурузной муки). Брызги солёного моря. Сотни голодных, оборванных людей. Калеки... плачущие женщины. Базарный гул. Ругательства. Драки. Чтобы напиться обыкновенной родниковой воды, надо было заплатить деньги...

Толстые и усатые абхазцы торговали вином и фруктами. Они нагло и весело пересмеивались, зазывали покупателей. Русские торговали большей частью мукой и барахлом. Повязанные платочками женщины смиренно стояли в длинных очередях за мукой. Мать моя, как и многие в те годы, вынуждена была покупать муку, выпекать чуреки, а потом, подвязавшись платочком, продавать их, чтобы выручить немного денег.

Отец, демобилизовавшись, работал в депо, и я любил, когда он, придя с работы и видя мои голодные глаза, брал меня на руки и, как бы оправдываясь, говорил: «Потерпи, сынок. Время такое».

В то время свирепствовала малярия. Я заболел. Провалился два месяца в лихорадке. На семейном совете решили отправить меня в Мариинск, на Амур. С двоюродным братом я ловил рыбу, купался, дрался и помогал возить рыбу в бочке.

Мне шёл шестой год. Отец уехал на Крайний Север. Тогда я впервые услышал слова Магадан и Усть-Нера. Колымская трасса, по которой я ехал с мамой к отцу, насчитывала 1200 км. Любознательности моей не было предела. Я, не отрываясь, смотрел в окно из кабины грузового автомобиля, с удовольствием вдыхая папиросный дым, перемешанный с выхлопами газа. Мне нравилось, когда шофёр, прищурившись, выпускал клубок дыма, который расплзался по кабине, образуя смесь отработанного бензина с табаком.

Ехали мы около пяти дней. Мама измучилась, а мне это путешествие доставило много удовольствия, радостной смены впечатлений. Встречал нас отец.

Место было удивительное! Могучая горная река Индигирка с разливами, кишашая самой разнообразной рыбой. Нехоженная и нетронутая тайга. Ягоды... грибы... шиповник. Я уже тогда почувствовал вдруг в себе нечто значительное и великое при созерцании всех красот.

* * *

Я родился в живописной бухте Де-Кастри, неподалеку от Порт-Артура. Мой отец служил в то время в действующей Дальневосточной армии под командованием Блюхера, но после капитуляции Японии вышел в отставку. Своей привязанностью к музыке во многом я обязан ему. Он не был музыкантом, но музыку любил страстно, быть может, сказалось, что он был племянником известного композитора-учёного (автора «Фуги») В.А. Золотарёва. Часто в доме бывали офицеры, музицировавшие с отцом, он играл на скрипке. Очень хорошо помню, как четырёхлетнему мальчишке поставили на колени огромный баян, из-за которого меня не было видно. Я на слух подбирал знакомые мелодии и выдумывал всевозможные звучания. С этого времени музыка вошла в мою жизнь как нечто огромное, прекрасное и чистое.

Бывали моменты, когда я мог часами сидеть на берегу моря, и в ушах звучала музыка, которой я вначале как-то боялся, а потом привык. К сожалению, всевозможные жизненные обстоятельства помешали моему музыкальному образованию.

По воле судьбы наша семья оказалась в Магадане. До 15 лет я не мечтал о музыке, хотя играл по нотам и в упоении слушал Баха. Никто так не трогал мою душу, как Бах, которому я преклоняюсь и по сей день. С восьми лет я усиленно пишу всевозможные рассказы, много читаю, рисую, занимаюсь музыкой, но избрать профессию долго не удастся. В 15 лет словно озарение мне привиделось, что моя жизнь – это музыка. Об избрании инструмента я не размышлял, так как очень любил баян.

В Магадане я поступил в муз. училище без муз. школы (т.к. самостоятельно изучил муз. грамоту и элементарную теорию музыки). На баяне я играл на вступительных экзаменах Концертный

вальс Глазунова, «Полосыньку» Паницкого, органную прелюдию Баха и этюд Крамера.

До музыкального училища на баяне я учился самостоятельно. Занимался по 7–8 часов ежедневно. В основном играл только этюды, выучивал по этюду в день сразу наизусть.

В школу я не ходил.

В 1960 г. поступил в музыкальное училище к Н.А. Лесному. Это великолепный педагог, оконч[ивший] Кишинёвскую консерваторию в 1959 г., много сделал для меня как ценителя баяна.

Одновременно я усиленно занимаюсь на фортепиано и самостоятельно учусь играть на скрипке. Сочиняю много этюдов и всевозможных пьес для баяна, фортепиано, скрипки. Все эти «опусы», в том числе и «Симфониетта для оркестра», вызывают сейчас улыбку, но тогда мне казалось, что...

В 1963 г. я перевожусь в Ленинградское училище имени Мусоргского, но армия помешала мне продолжить образование.

В армии я на протяжении трёх лет усиленно занимаюсь самообразованием. Самостоятельно изучаю гармонию, полифонию, анализ форм, пишу каноны, фуги, но всё это было хаотически, бессистемно.

Знакомство с органом, клавесином...

Некролог

Завистники! Завистники! Я обращаюсь к вам, – ценители скромности, хулители Славы, примите из рук моих, пламенеющих Духом, этот постскрипtum сожжённого вами моей плоти.

Вы! Скромники! Вежливые сволочи! Мечтающие жить просто в земном раю, не хватать звёзд с неба и говорить при этом, что ваша работа нужней. Для кого? Для вашей жены и прожорливых деток? Или для пепла? А может, для жирной людоедки Земли? Вы с ухмылкой показываете на меня и чинно по-интеллигентски гладите холёную бородку. К чему я вам? Я – пустое.

Вы не стремитесь к моему костру. Надеетесь провести ночь жизни в своих комфортабельных лачугах, с книгой какого-нибудь Гершензона.

Валяйте! Лелейте мечту, что ваша добродетель растворится в воздухе и войдёт с ним в лёгкие миллионов высокоорганизованных...

Вы! Интеллигентствующие идеалисты! Рассуждающие о мировой истории и культуре. Стирающие пыль с древних икон и в душе хвалящие себя за сохранение их от варваров.

Вы! Сожалеющие о войнах и расправах над честными людьми. Это я – Бессмертье – пишу вам свой некролог!

Вы! Дохлые крысы и трусливые зайцы!

Доморощенные философы! Вы умеете сокрушаться и негодовать, но делать своими мозгами вам не дано³.

* * *

Смеяться будешь ты, когда
вся плоть моя застынет
в смертный час.
Глаза твои в безумной радости
Начнут отплясывать чакону оргий.
Не вечна жизнь. Пусть будет так.
Но ты забыла, что моя душа
В бессмертном забытии
Не станет ждать,
Когда её распнёт
Твой ненавистный глас.
Она чиста была, как бытие.
И твоя милость – нищему подарок.
Я не нищ! Прощай навеки
Ваша милость³.

* * *

Генриху и Владику

Воздушные замки, воздушные замки...
Умные, глупые, какая разница...
Не повредите хрупкие пальчики,
Думайте, мыслите, что вам иллюзии!

И не о вас ли столько писали
Лучшие люди нашей планеты,
Разве не знали вы? Разве не знали
Сколько сломали для вас свои перья
Данте, Петрарка, Шекспир, Тютчев и Пушкин.
Изуверы сколько костров, сколько зелья,
вылили желчи в ваши тела и души,
поверье? о нет!
Милые мальчики, хрупкие пальчики,
Не обожгитесь о лезть по незнанию,
Будьте стремительней и суеверней,
Вас ожидают печаль и изгнание³.

* * *

Из нашей музыки совершенно исчезли или почти исчезли жанровые сюиты, как XVII, XVIII вв., в России, Глинка... Все увлеклись идеей сочинения музыки на одну тему.

* * *

Я догадываюсь, что Вы имели [в виду] под мелочами... Да, к своему стыду, я многое пропустил, проскочил мимоходом. Школы как таковой я лишён. Я все эти годы мчался галопом, чтобы хоть как-то приблизиться к XX в.

* * *

...Жизнь подлинно великих людей учит, что стремление к творчеству отвечает инстинктивному жизненному чувству – сказать нечто важное человечеству... Я лично убеждён, что музыка несёт пророческое послание, открывающее более высшую форму жизни, к которой стремится человечество. Именно поэтому музыка встречает отклик людей всех рас и культур.

* * *

Наклеивание ярлыков вроде «модернизм» и т.п. есть не объяснение, а отказ от объяснения. Термины условны.

* * *

Минуло лето. Музыкальная жизнь Москвы только вступила в свои обычные права. Нелегко сквозь призму повседневности выделить наиболее интересные музыкальные премьеры.

* * *

Мировоззрение композитора с помощью красоты и гармонии глубоко внедряется в слушателя и представляет могучую спасительную силу. Задача композитора – выразить своё видение мира.

* * *

Зависть нечестива и слепа в своём предназначении.

* * *

Непосредственное, интуитивное постижение исходит от полноты разума.

* * *

«Ложная мудрость» – холодный, расчётливый ум.

* * *

Концертная фантазия для баяна и фортепиано

Концерт для баяна с оркестром

Детский альбом

Юношеский альбом

Детская сюита

Соната для баяна

Соната для баяна, скрипки и фортепиано

Сонатина для баяна

* * *

Опера в 1 действии.

Проблема сна! Попробовать пересилить себя и не спать. Есть минимально. Приучить организм к новому режиму.

Печаль уснула на ладонях,
И слёзы стынут на ветру...
Сигэхару Накано
Прощание ночью
Волны

* * *

«...музыка не только красива, но и представляет собою воплощение духовно-высокого. Она не только предмет для созерцания, но и пример для воли как духовно-прекрасный поступок. Музыка рассматривается здесь уже не как произведение искусства, а как сама природа, но не как физическая природа, а как сверхприрода, как душевное состояние творца, сверхчеловеческое бытие которого свободно от разделения на физический и психический, внешний и внутренний мир» (К. Эйгес. Перевернутая мысль Канта о красоте человеческого тела).

* * *

Л. Андреев «Елеазар», Кирхегаар и Якобсон (мистические тексты), Эдуард Спенсер «Размышления о музыке».

* * *

Баян – инструмент не оркестровый. Почему он входит в состав народного оркестра, легко объяснить. Педаль, что обычно выполняют медные и деревянные (в симфоническом оркестре), поручена баяну. Это хорошо, что баянисты изучают оркестр народных инструментов, но зачем им учиться играть на щипковых инструментах? Тогда, опять-таки, почему баянисты равным образом не учатся играть на скрипке, или виолончели, или тубе. Конечно, всё это хорошо, знания не вредят, а помогают, но если знания являются комплексом багажа, а знание народных инструментов в этот комплекс не входит (вернее, игра на народных инструментах). Досадные мелочи существуют у всех баянистов.

* * *

Ф. Сологуб «Тело и душа»,
Л. Бакст «Портрет С. Дягилева».

* * *

Эдуард Гартмен. По Спенсеру счастье – не цель, а глубокий упадок. Сильная личность ищет не счастья, а могущества.

* * *

Бальмонт «О славянской душе текущего мгновения» – лекция, прочитанная автором в Париже в 1906 г. в июне.

* * *

Я думаю, что все люди в странном недоразумении от того, что вот, мол, нашёлся тип, который гипнотизирует всех. Показательное зрелище массового мещанства.

Все они для меня как подопытные кролики. Как хорошо, что они этого не понимают, а позируют с ещё большим усердием.

* * *

Лейтмотив: поле красных, золотисто-бархатных маков, и в поле она, смеющаяся, с белыми зубами, в алом платье, среди гор и зелени, на фоне голубого неба и белоснежных облаков. Воздух чистый и прохладный. Ярко светит солнце. Стучит дятел. Вдалеке кукует кукушка и щебечут птицы... Доносится шум горных родников и эхом разносится в округе... Тишина обвораживает, наполняет неизъяснимым чувством... Всё это выливается в невыразимое, непознанное понятие прекрасного и возвеличивающего душу.

Ф. Саломе "Тело и душа",
Л. Барет "Портрет С. Демисель"

Принимай. Принимай удачу.
И Орфей в валах проледай.
И будет смерть моя легка,
И смею еда.

Сквозь удрученные небу,
В тревогу раса гунае.
Еще живу. Еще живу.
Так живу мало.

Туман восходит, — и она
Идет. Так тихо в чаще.
Поёт — мне слышны её свистки, —
Поёт о вале.

Принимай, Она во мне глупа.
В её шаг — отрада,
И будет смерть моя легка
И смею еда,

Федос Саломе

Эдуар Гартман.
По Оксенсеру слыше не цель, а глубокий укладок.
Сильнее слыше не цель, а глубокий укладок.

Бальмонт "О славянской душе телушка илювельна" —
лекция, прочитанная в Париже в 1906 г., вильше

СПИСОК ПРОИЗВЕДЕНИЙ ВЛ. ЗОЛОТАРЁВА

Принятые обозначения:

- * – рукописи утеряны
- ** – местонахождение рукописи неизвестно
- *** – рукописи не завершены

1961

- Экспромт № 1 для баяна
- Интродукция для фортепиано
- Этюд для фортепиано
- «Посвящение» для скрипки и фортепиано**

1962

- «Легенда» для баяна
- «Ноктюрн» для фортепиано
- «Две маленькие пьесы» для фортепиано:
  - «Зима»
  - «Весна»
- Токката для баяна
- «Концертная фантазия» для баяна и фортепиано
- «Паганиниана», 13 экзерсисов (этюдов) на тему Паганини для баяна

1963–1966

Пьесы для баяна:

- «Листок из дневника» (Б. Эльманович)
- «Марш-скерцо»
- «Вечерняя прелюдия»

Песни для голоса и инструментального ансамбля:**

- «Письмо издалека» (сл. Л. Ошанина)
- «Разбудите меня, тревоги» (сл. С. Кузнецова)

Песни для солистов, хора и (или) оркестра:

- «Скажи, скажи, берёзонька» (сл. В. Бокова)
- «Солдатский котелок» (сл. Н. Мухина)
- «Солдаты XX века» (сл. Вл. Золотарёва)

Песни для хора *a cappella* на сл. А. Кольцова:

- «Лес»
- «Песня русалок»*

Adagio для камерного оркестра*

Пьесы-настроения по А. Блоку для баяна:

- «Ночной снегопад»
  - «Свет луны за окнами струится...»
- (известные позднее как части «Камерной сюиты»)

Экспромт № 2 для баяна

Концерт для баяна и оркестра, клавир (Мариэтте Шагинян, партитура, 1968)

1967

Романс «Прощание ночью» (сл. С. Накано)

Романс для голоса, виолончели и фортепиано «Ночь печальна, как мечты мои...» (сл. И. Бунина)

Музыка к телепантомиме «Человек и зонтик»*

Пьесы-настроения по А. Блоку для баяна:

- «Ночные видения»
- «Ловлю мгновенья сумрачной печали»
- «Сказка»

(известные позднее как части Камерной сюиты «Таинственные видения», «Зову мгновенья сумрачной печали...» и «Старинная сказка»)

Детская сюита №1 для баяна:

- «Скоморохи при дворе»
- «Машенькины вздохи»
- «Шут на гармошке играет»
- «Диковинка из Дюссельдорфа»
- «Ать! Два! Сено-солома»

(первоначальная редакция, Виталию Шенталинскому)

Прелюдии для фортепиано:

- «Я наблюдал за девушкой...»
- «Перебирая старые фотографии»
- «К портрету»**

1968

Поэма для оркестра народных инструментов, партитура**

Каприччио для баяна

Камерная сюита № 1 для баяна:

1. «Вечерняя прелюдия»
2. «Свет луны за окнами струится...»
3. «Ночной снегопад»
4. «Таинственные видения»
5. «Зову мгновенья сумрачной печали»
6. «Старинная сказка»

(жене Ирине)

Пьесы для *фортепиано*:

- «Русский танец» («Масленица»)
- Интродукция и Allegro
- «Карабас-барабас»
- «Оловянные солдатики»

Камерная музыка для *флейты и струнного оркестра*, партитура**

5 романсов на сл. И. Такубоку:

- «Осень»
- «Тан-та-ра-та-ра...»
- «Дождь»
- «Смерть ребёнка»
- «Грустные звуки»

Партита в 4 частях для *баяна*:

- Allegro
- Grave
- Andantino
- Presto

(Эдуарду Митченко)

«Дионисий», лирико-философская опера-драма***

(«Ферапонтов монастырь» [«Размышление у фресок Дионисия»] является транскрипцией одного из многочисленных фрагментов из оперы, выполненной Ф. Липсом)

1969

«Поэма по Дж. Лондону» для *альта и оркестра*

(Майе Крутиковой, во 2-й редакции – Драматическая поэма «Мартин Иден» для *альта и струнного оркестра*, 1970)

Романс «Лягушечка» (сл. В. Хлебникова)

Пьесы для баяна:

- «Хоровод гномов»
- «Русский танец» (известные позднее, как I и IV части Детской сюиты № 3)
- «Вальс кукол» (позднее в Детской сюите № 2)
- «Восточная мелодия и танец» (позднее в Детской сюите № 4)
- «Русский танец» № 2

Песни для солистов и смешанного хора a cappella:

- «Вопрос перед свадьбой» (сл. Г. Фрёдинга)
- «Были танцы в субботнюю ночь...» (сл. Г. Фрёдинга)
- «По далёкой дороге...» (сл. Н. Гильена)

Детская сюита № 1 для баяна:

1. «Скоморохи при дворе»
  2. «Машенькины вздохи»
  3. «Шут на гармонике играет»
  4. «Диковинка из Дюссельдорфа»
  5. «Марш солдатиков»
- (вторая редакция, сыну Генриху)

1970

Детская сюита № 2 для баяна:

- «Пробуждение»
- «Прогулка»
- «Песня»
- «Игра»
- «Кот-проказник»
- «Вальс кукол»
- «Танец матрешек»
- «Колыбельная» («Старые часы»)

Квартет № 1 для 2 скрипок, альты и виолончели

Песни для смешанного хора *a cappella* на сл. Г. Фрëдинга:

- «Девичьи глаза»
- «Шиповник»

Соната для виолончели и фортепиано:

- Allegro drammatico
- Largo espressivo
- [III.] ***

(жене Ирине)

Произведения для выборного баяна:

- «Стою один в печальной тишине...»

(жене Ирине, известное позднее как «Первая акварель» [редакторское название] изд. К., 1977; и как «В подражание Мусоргскому», изд. М., 1982)

- «В соснах луна... пусто ночное окно...»

(известное позднее как «Вторая акварель» [редакторское название], изд. К., 1977)

Квартет № 2 для 2 скрипок, альты и виолончели

Соната для фортепиано **

Соната № 1 для баяна ***

(Эдуарду Митченко, реконструкция текста В. Балыка, 1992)

Пять эскизов для фортепиано

1971

Трио для флейты, домры и баяна:

- Спокойно беседа. Свободно
- Adagio
- Adagio

- Allegro molto

(А. Корнееву, А. Цыганкову, Ф. Липсу)

Песни для солиста и смешанного хора *a cappella*:

- «Ян Ерса и Пер Перса» (сл. Г. Фрёдинга)
- «Пыль» (сл. Р. Киплинга)

Соната № 2 «Фрески» для фортепиано ***

(жене Ирине)

Рондо-каприччиозо для трёх баянов

(Уральскому трио баянистов – Н. Худякову, И. Шепельскому, А. Хижняку).

Perpetuum mobile для трёх баянов ***

Соната № 2 для баяна:

- Allegro ingenuo
  - Adagio tranquillo molto
  - Vivacissimo con spirito
- (Фридриху Липсу)

«Триптих» для камерного оркестра, партитура:*

- «Блики»
- «Отражения»
- «Кластеры»

«Диптих» для 13 исполнителей, партитура:*

- «Контрапункты»
- «Имитации»

Соната № 3 для баяна:

- Maestoso ad lib. – Allegro ben ritmico con anima
- Allegro moderate
- Largo – Funebre

- Allegro vivace con anima
(Фридриху Липсу, закончена 14.01.1972)

Произведения для *фортепиано*:

- «Пять эскизов»
- «Апокалипсис»

«Три композиции» для *струнного квартета*

Детская сюита № 3 для *баяна*:

- Andantino [«Наигрыш»]
- Rubato [«В одиночестве»]
- Allegro [«Жалоба»]
- Allegretto [«На лужайке»]

Дивертисмент «Волшебная шкатулка» для *камерного оркестра*
(сыновьям Генриху и Владиславу)

«Овод», балет***

1972

«Пять композиций» для *баяна*

Десять пьес для *аккордеона*

«Эпитафия» для *арфы solo***

Adagio «Musikantisch» для *виолончели и фортепиано*
(жене Ирине)

Концертная симфония № 1 для *баяна и оркестра*:

- Allegro moderato
- Adagio pastorale

- Ad libitum – Allegro energico – Largo
- Allegro scherzoso

(Мариэтте Шагинян, 2-я редакция Концерта для баяна)

Curriculum vitae in C для оркестра

(Вольдемару Нельсону)

1973

Концертная симфония № 2 «Curriculum vita» для клавины (электронного баяна), оркестра и сопрано *ad libitum*:

- Prologo
- Variazione
- Metamorphoses
- Epilogo

(Геннадию Рождественскому)

Шесть песен на стихи Густава Фрëдинга из цикла «Сентиментальные песни» для голоса и инструментального ансамбля:

- «Ян Ерса и Пер Перса»
- «Были танцы в субботнюю ночь...»
- «Шиповник»
- «Девичьи глаза»
- «Вопрос перед свадьбой»
- «Славная песенка»

(жене Ирине, записано для голоса в сопровождении баяна)

Три песни на стихи зарубежных поэтов из цикла «Сентиментальные песни» для голоса и инструментального ансамбля:

- «По далёкой дороге» (сл. Н. Гильена)
- «Шарманщику» (сл. Л.К. Лопеса)
- «Пехотные колонны» (сл. Р. Киплинга)

(записано для голоса в сопровождении баяна)

«Вечерняя кантата» для камерного хора солистов *a cappella*:

- «Созерцание»
- «Молитва»
- «Предчувствие»
- «Одиночество»
- «Предсказание»

(Эдисону Денисову, во 2-й редакции – Кантата №1 «Вечерняя», 1975, на тексты В. Мономаха, Н. Гумилёва, Р. Рильке и Вл. Золотарёва)

Траурная музыка для баяна
(Фридриху Липсу)

Соната для кларнета *solo***
(Льву Михайлову)

Детская сюита № 4 для баяна:

- «Зимнее утро»
- «В деревне»
- «Размышление»
- «Восточная мелодия и танец»
- «Рождественская песенка»
- «Отзвуки театра»
- «Сумерки»
- «Три акварели»
- «Кораблик»
- «Тарарушки»

(сыну Генриху, закончена в начале января 1974)

1974

Оратория «Ex libris» для 5 солистов, ораторов, хора мальчиков, женского хора, двух мужских хоров и симфонического оркестра:

- Prologo (alla perpetuum mobile)
- Melologo (в семи эпизодах)

- Missa brevis
- Grave (Kyrie)
- Agnus Dei
- Epilogo

Квартет № 3***

Испаниада (Испанская рапсодия) для баяна
(Фридриху Липсу)

24 медитации для баяна

«Божественные медитации» для струнного квартета
(жене Ирине)

Четыре пьесы для фортепиано

1975

Оратория «Le quattro stagioni»**

Соната № 4 «Ricercata» для баяна***
(Вячеславу Галкину)

Партита № 2 для баяна***

I. Allegro feroce

II. Монодия

(Юрию Вострелову)

Концертная симфония № 3 для баяна и симфонического оркестра***

Камерная сюита № 2 для баяна***

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Дневник 1961 г. Архив А. Шпака. Публикуется впервые.
- ² Текст, который не сохранился (был зачёркнут, вымаран, утерян), – обозначен следующим образом: (...)
- ³ Разрозненные материалы (записки, фрагменты дневников, записи на нотных листах и в тетрадях) из личных архивов Ф. Липса, В. Балыка, И. Кошелевой, И. Бокаева. Публикуется впервые.
- ⁴ Дневник 1961–1962 гг. Архив А. Шпака. Публикуется впервые.
- ⁵ Первая публикация: Ястребов Ю.Г. Владимир Бесфамильнов. – Тернополь : Навчальна книга – Богдан, 2006. – 528 с.
- ⁶ Дневник 1962–1963 гг. Архив А. Шпака. Публикуется впервые.
- ⁷ Письма Вл. Золотарёва были получены Ф. Липсом от Н. Лесного в январе 1977 г. Публикуется впервые.
- ⁸ Первая публикация: Балик В. Владислав Золотарёв: життя і творчість. – Дрогобич: Посвіт, 2008. – 106 с.
- ⁹ Первая публикация: Владислав Золотарев. Судьба и Муза / Сост. П. Серотюк. – Тернополь: Навчальна книга – Богдан, 2010. – 352 с.
- ¹⁰ Первая публикация: Владислав Золотарев. Материалы к биографии / Сост. В. Балык. – Дрогобич : Посвіт, 2012. – 440 с.
- ¹¹ Первая публикация (в переводе на немецкий язык): Klause I. Tagungsband zur internationalen Tagung «Vladislav Zolotarëv: Leben und Werk». – Norderstedt: Book on Demand GmbH, 2008. – 212 s.
- ¹² Первая публикация: Письма Владислава Золотарёва Фридриху Липсу // Народник. – 2001. – № 3. – С. 10–15.
- ¹³ Первая публикация: Сергей Чуянов. Наедине с душой // Николо-Погост: НООФ Родное пепелище, 2010. – 164 с.
- ¹⁴ Дневник 1972 г. Архив А. Шпака. Публикуется впервые.
- ¹⁵ Первая публикация: Балык В. Об исполнении произведений Владислава Золотарёва для баяна. Ч. 2. – Астрахань, 1992. – 58 с.
- ¹⁶ Архив А. Толмачёва. Публикуется впервые.
- ¹⁷ Архив Н. Шеврук-Пахолковой. Публикуется впервые.
- ¹⁸ Первая публикация: Музыкальная жизнь. – 1970. – № 22. – С. 10.
- ¹⁹ Первая публикация: Советская музыка. – 1972. – № 6. – С. 48–51.

ПЕРСОНАЛИИ РЕДАКТОРОВ И СОСТАВИТЕЛЕЙ

Фридрих Робертович Липс (род. 18 ноября 1948 г., Еманжелинск Челябинской обл.) – российский баянист немецкого происхождения. Профессор, заведующий кафедрой баяна и аккордеона РАМ им. Гнесиных.

Народный артист Российской Федерации (1994).

Окончил Государственный музыкально-педагогический институт им. Гнесиных (1972). С 1971 г. преподает там же. С 1996 г. Ф. Липс руководит кафедрой народных инструментов, а с 2004 г. – кафедрой баяна и аккордеона.

Фридрих Липс является первым исполнителем более 80 произведений российских композиторов для баяна. Среди авторов, посвящающих свои сочинения музыканту, – Вл. Золотарёв, С. Губайдулина, Э. Денисов, А. Холминов, Р. Леденёв, К. Волков, С. Беринский, Е. Подгайц, М. Броннер, Т. Сергеева, А. Журбин, А. Чайковский и многие другие. Ф. Липс является страстным пропагандистом музыки Астора Пьяцоллы.

Свыше 100 произведений записаны Ф. Липсом в фонд Радио и на 40 компакт-дисках, которые вышли в России, США, Японии, Австрии, Германии, Швеции.

Ф. Липс выступал в крупнейших концертных залах мира со многими выдающимися музыкантами: Г. Рождественским, В. Спиваковым, Г. Кремером, Ю. Башметом, В. Гергиевым, М. Плетнёвым, Р. Кофманом, В. Юровским, Йо-Йо Ма и др.

Среди воспитанников класса профессора Ф.Р. Липса – более шестидесяти лауреатов международных и национальных конкурсов.

Ф. Липс – автор трех книг: «Искусство игры на баяне», «Об искусстве баянной транскрипции», «Кажется, это было вчера...». Книги и статьи изданы в России и за рубежом в переводе на немецкий и английский языки. Среди серий сборников под редакцией Ф. Липса выделяется «Антология литературы для баяна» в 10 частях, изданная в издательстве «Музыка».

Фридрих Липс – инициатор и художественный руководитель международного фестиваля «Баян и баянисты» в Москве (с 1989 г.).

Балык Владимир Антонович / Volodimir Balyk (род. 28 апреля 1958 г., Жидачов Львовской обл.) – российский и хорватский баянист украинского происхождения.

Заслуженный артист Российской Федерации (1994).

Окончил Львовскую Национальную музыкальную академию им. Н. Лысенко (1982), ассистентуру-стажировку РАМ им. Гнесиных в Москве (1986).

Преподаватель (с 1987), доцент (1992), профессор (1996), заведующий кафедрой народных инструментов (1994–1996) Астраханской государственной консерватории.

Солист-инструменталист Астраханской областной филармонии (с 1987). В 1993 г. В.А. Балык создает ансамбль солистов NATA BENE TRIO, а с 1999 г. в основном выступает в дуэте (duo Balyk) с женой Натальей Балык (домра, мандолина).

С 1998 г. вместе с семьей проживает в Хорватии, работая профессором Музыкальной Академии Ino Mirković в Ловране, одновременно в 1998–2000 гг. В. Балык – проректор по учебной работе этого частного музыкального заведения. С 2018 г. Владимир Балык является профессором-советником в Glazbena škola Ivana Matetića Ronjgova, Rijeka.

В. Балык – автор и редактор ряда монографий и статей по проблемам методики и истории исполнительства на баяне, изданных в России и Украине, а также автор произведений для баяна, опубликованных в Германии, Украине и России.

Бокаев Илья Викторович (род. 21 августа 1993 г., Орёл Орловской обл.) – выпускник РАМ им. Гнесиных по классу баяна (2018). Лауреат всероссийских и международных конкурсов.

На протяжении ряда лет занимался сбором и обработкой материалов творческого наследия Вл. Золотарёва. Инициировал исполнение и запись ряда не исполнявшихся ранее сочинений Золотарёва. Среди них – «Вечерняя кантата» для хора a capella, Соната для виолончели и фортепиано, романсы. В 2017 г. в Российской академии музыки имени Гнесиных совместно с другими музыкантами выступил с концертом «Неизвестный Золотарёв», где впервые прозвучали неизвестные и незаконченные сочинения композитора.

Литературно-художественное издание

ВЛАДИСЛАВ ЗОЛОТАРЁВ

Дневники. Письма. Литературное творчество

Составитель
Илья Бокаев

Редактор-составитель
Владимир Балык

Общая редакция
Фридриха Липса

Корректурa
Натальи Витько

Верстка и дизайн обложки
Ивана Плигина

ISBN 978-5-98604-820-8

Подписано в печать 30.09.2021. Формат 60x84/16. Печать цифровая.
Гарнитура Times. Объем 47,66 усл. печ. л. Тираж 300 экз.
Отпечатано в типографии издательства «ПРОБЕЛ-2000».
Тел.: +7 (495) 287-06-19; e-mail: probel-2000@mail.ru